

КОНСТАНТИН ДУШЕНКО

ИСТОРИЯ

ЗНАМЕНИТЫХ

ЦИТАТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОЛИБРИ

Константин Васильевич Душенко

История знаменитых цитат

К. Душенко История знаменитых цитат:

Аннотация

Популярные цитаты – одна из важных частей культуры; нередко это формулы нашего мышления. Знать, откуда они появились и что они означали в разное время, – дело вовсе не лишнее.

Позволю себе предположить, что даже осведомленный читатель узнает немало нового о том, что он считал хорошо известным.

А кроме того, выяснение этого – занятие необычайно увлекательное...

К. Душенко

Содержание

Предисловие	14
Абсолютная власть развращает абсолютно	16
Ангелы на кончике иглы	20
Аппетит приходит во время еды	26
Бальзаковский возраст	30
Бесплатных завтраков не бывает	39
Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель	45
Бог – в деталях	48
Бог меня простит, это его ремесло!	51
Бог умер	54
Боги уходят	58
Бойся равнодушных	63
Больше света!	68
Браки совершаются на небесах	71
Братья по разуму	75
Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести	79
Будь готов! – Всегда готов!	82
Будьте бдительны!	85
Буря в стакане воды	89
Бывали хуже времена, но не было подлей	95
Бывшее сделать небывшим,	98

В борьбе обретишь ты право свое	102
В окопах нет атеистов	105
В этой гипотезе я не нуждался	109
Велик русский бог	116
Велика Россия, а отступать некуда	123
Великий немой	126
Великое молчащее большинство	129
Взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее	133
Вино, женщины и песни	136
Власть лежит на улице	139
Волшебное слово	144
Воруют!	149
Враг моего врага	154
Враг рода человеческого	157
Время – деньги	162
Все выше, выше и выше	165
Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает	168
Все мы вышли из гоголевской шинели	171
Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем	176
Все позволено	180
Все ушли на фронт	185
Все хорошо, прекрасная маркиза!	189
Вселенная и человеческая глупость	194
Всех не перевешаешь!	197

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!	202
Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота	205
Германия превыше всего	209
Гимнастика ума	213
Главное – не победа, а участие	217
Гомо советикус, он же совок	222
Государство – это я	226
Грабь награбленное!	229
Гранит науки	233
Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!	238
Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время	244
Даже у параноика есть враги	248
Дай мне мужество изменить то, что я могу изменить...	251
Двунадесять языков, четырнадцать держав	255
Дети, кухня, церковь	260
Для торжества зла достаточно лишь...	264
Добрым словом и револьвером	268
Договор со смертью	271
Доказывай, что ты не верблюд	275
Древнейшая в мире профессия	283
Дубинка Петра Великого	291
Дураки и дороги	296
Европа может подождать!	301

Если бы Бога не было...	305
Если невозможно – будет сделано	310
Еще не вечер	315
Жвачка для глаз	320
Железная леди и железные девы	323
Железный занавес	326
Женщина не имеет души	335
Живые позавидуют мертвым	339
Жизнь и любовь по Маркесу	343
Жизнь как смертельная болезнь	347
За Родину, за Сталина!	350
Загадочная русская душа	355
Задушить революцию костлявой рукой голода	360
Закон Мёрфи, а также Закон бутерброда	365
Закрой глаза и думай об Англии	369
Заседание продолжается!	373
И ты, Брут?	377
И целого мира мало	380
И это пройдет	385
Идите ко мне, бандерлоги!	391
Империя и Свобода	396
Инженеры человеческих душ	400
Иногда сигара – всего лишь сигара	405
Ирония истории	408
Искусство требует жертв	411
История повторяется дважды...	414

Историю пишут победители	417
Каждая тварь печальна после соития	420
Каждый коммунист должен быть чекистом	425
Каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает	430
Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл	438
Каждый человек имеет свою цену	441
Казнить нельзя помиловать	446
Как для взрослых, только еще лучше	452
Как раб на галерах, или Почетное рабство	455
Карлики на плечах гигантов	460
Квасной патриотизм	465
Клиент всегда прав	471
Когда я слышу слово «культура»...	475
Кого Бог хочет погубить...	478
Конец света близок: каждый хочет написать книгу	481
Конфликт хорошего с лучшим	487
Король царствует, но не управляет	493
Кости померанского гренадера	498
Который час? – Вечность	501
Кровь, пот и слезы	506
Ложь, наглая ложь и статистика	509
Лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту	513
Маленькая победоносная война	516

Маразм крепчал	520
Между устами и чашей	524
Миллионы леммингов не могут ошибаться	527
Мир тесен,	530
Мне ненавистны ваши убеждения, но...	534
Мне нечего предъявить, кроме моего гения	538
Мозг – не половой орган	542
Момент истины	545
Мопассан и Эйфелева башня	548
Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью	552
Мы хотели как лучше...	557
Мы чужие на этом празднике жизни	560
Мыслю, следовательно, существую	565
На Шипке все спокойно	568
Нам нечего бояться, кроме самого страха	574
Нам нужны советские Гоголи и Щедрины	577
Начальник всегда прав	581
Наш сукин сын	586
Наступить на любимую мозоль	589
Научи его ловить рыбу...	594
Не важно, как проголосовали, – важно, как подсчитали	597
Не верь никому старше тридцати	601
Не ошибается тот, кто ничего не делает	606
Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя...	610

Не стреляйте в пианиста!	614
Не читал, но осуждаю	619
Незаменимых людей нет	624
Нельзя все время обманывать всех	628
Нет героя для своего камердинера	631
Нет ничего легче, чем бросить курить...	638
Ни одно доброе дело не остается безнаказанным	641
Ни шагу назад!	644
Никогда не говори «никогда»	648
Новость – если человек кусает собаку	653
Нож в спину революции	657
О мертвых или хорошо, или ничего	661
Обезьяна за пишущей машинкой	665
Окно в Европу	669
Опиум для народа	674
Остались от козлика рожки да ножки	687
От великого до смешного	695
Шаг от высокого до смешного очень мал	700
Открыть и закрыть Америку	704
Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?	709
Отправить на свалку истории	714
Оттепель	718
Офисный планктон	723
Пантеон истории	728
Париж стоит обедни	731
Перепрыгнуть пропасть в два прыжка	734

«План Даллеса» как зеркало «советского заговора»	738
Платон мне друг, но истина дороже	742
Политика, опрокинутая в прошлое	746
Политическая проститутка Троцкий	751
Помни о смерти	756
Порок наказан, добродетель торжествует	761
Порядочный человек делает подлости без удовольствия	768
Поскребите русского, и вы найдете татарина	771
После нас хоть потоп	777
Последнее прибежище негодяя	781
Потемкинские деревни	788
Поэзия должна быть глуповата	792
Права она или нет, это наша страна	797
Пришел, увидел, победил	803
Продажная девка империализма	808
Пусть боги хранят меня от друзей...	813
Пусть едят пирожные!	818
Пусть ненавидят, лишь бы боялись!	823
Пятая колонна	827
Пятнадцать минут славы	831
Развесистая клюква и стакан самовара	835
Рано в кровать, рано вставать...	840
Революция пожирает своих детей	843
Республика не нуждается в ученых	847

Роскошь человеческого общения	852
Русские идут!	856
Русского мало убить, его надо еще повалить	862
С востока свет!	867
Свет в конце тоннеля	870
Сжечь – не значит опровергнуть	875
Скелет в шкафу	878
Слухи о моей смерти сильно преувеличены	884
Смерть и налоги	887
Смерть миллиона – всего лишь статистика	891
Сначала они пришли за коммунистами...	895
Сорок веков смотрят на нас с высоты этих пирамид	900
Спешите делать добро!	904
Спи, моя радость, усни!	907
Сталин, соха и бомба	911
Стереть в лагерную пыль	915
Страна рабов, страна господ	919
Так жить нельзя	928
Там, где сжигают книги...	934
Теория стакана воды	940
Труп врага хорошо пахнет	945
У России только два союзника – армия и флот	950
Убить мандарина, убить старушку	954
Удовольствие быстрое, поза нелепая, а расход окаянный	959

Унести родину на подошвах своих сапог	962
Усидеть на штыках	965
Учиться, учиться и учиться	970
Факты – упрямая вещь	976
Характер нордический. Беспощаден к врагам рейха	979
Хорошее не ново, а новое нехорошо	983
Хуже, чем преступление	986
Человек есть то, что он читает	990
Человек рожден для счастья, как птица для полета	995
Человек человеку волк	1000
Черная кошка в темной комнате	1004
Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку	1008
Чтоб ты жил в интересные времена!	1012
Шампанское марки «Ich sterbe»	1017
Штурмовать небо	1021
Это есть наш последний...	1026
Я готов целовать песок...	1032
Я могу прожить без необходимого, но без лишнего не могу	1037
Я научила женщин говорить...	1040
Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли	1044

Константин Душенко

История знаменитых цитат

© Душенко К. В., 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

*Быть может, всемирная история – это история
нескольких метафор.*

Хорхе Луис Борхес. «Сфера Паскаля»

Предисловие

В этой книге читатель найдет 233 рассказа об известных цитатах и крылатых словах. Это прежде всего цитаты, происхождение которых неочевидно, а также цитаты с долгой и интересной историей. На разных этапах этой истории значение цитаты нередко менялось. То же относится к бытованию одной и той же цитаты в различных национальных культурах. Согласно старинному изречению, «если двое говорят одно и то же, то это не одно и то же».

Представленные здесь цитаты и крылатые слова относятся к самым разным областям – истории, литературе, политике, религии, философии, популярной культуре и т. д.

Популярные цитаты – одна из важных частей культуры; нередко это формулы нашего мышления. Знать, откуда они появились и что они означали в разное время, – дело вовсе не лишнее. Позволю себе предположить, что даже осведомленный читатель узнает немало нового о том, что он считал хорошо известным. А кроме того, выяснение этого – занятие необычайно увлекательное; недаром же в английском языке существует понятие «phrase detective» – «расследователь происхождения цитат».

Замысел этой книги родился в 2006 году, когда я начал вести рубрику «История знаменитых цитат» в журнале «Читаем вместе». Около сотни помещенных здесь статей были на-

писаны для этой рубрики, хотя для книжного издания многие из них переработаны.

В установлении происхождения ряда англоязычных цитат немалым подспорьем был для меня сайт quoteinvestigator.com.

Кроме того, хочу выразить свою благодарность участникам сетевого форума ЛИНГВО «Охота за цитатами», общение с которыми позволило мне многое уяснить для себя.

Константин Душенко

Январь 2018

Абсолютная власть развращает абсолютно

«Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» – «Power corrupts; absolute power corrupts absolutely».

Так обычно цитируется это изречение, хотя у его автора, лорда Актона, оно выглядело несколько иначе: «Power tends to corrupt...» – «Власть имеет свойство (*букв.* тенденцию) развращать...».

Джон Актон (1834–1902) – британский политик-либерал и видный историк. Еще он известен тем, что, будучи католиком, выступал против учения о папской непогрешимости. Его знаменитая цитата содержалась в письме от 3 апреля 1887 года, опубликованном в 1904 году.

Адресат письма, Манделл Крейтон, англиканский священник и профессор Кембриджского университета, опубликовал ряд трудов о елизаветинской Англии и истории папства. Позднее он был рукоположен в епископы, и лишь преждевременная смерть помешала ему стать архиепископом Кентерберийским.

В письме к коллеге-историку Актон ставит проблему моральной оценки исторических деятелей:

Я не могу принять ваш взгляд, что пап и королей следует оценивать иначе, чем прочих людей (...).

Власть имеет свойство развращать, а абсолютная власть развращает абсолютно. Великие люди почти всегда дурные люди, даже если они используют только свое влияние, а не власть; и уж тем более, если учесть, что причастность к власти обычно или даже всегда развращает (the tendency or the certainty of corruption by authority). Поэтому нет горшей ереси, чем утверждение, будто высокое положение освящает тех, кто его занимает. (...) Самые великие имена повинны в самых больших преступлениях.

Если бы Актон упомянул здесь Наполеона, можно было бы решить, что он только что прочел IV том «Войны и мира», перевод которого вышел в Англии годом ранее. Именно здесь содержится хрестоматийное рассуждение Толстого о величии:

...Когда действие уже явно противно тому, что все человечество называет добром и даже справедливостью, является у историков спасительное понятие о величии. Величие как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого — нет дурного.

А 26 июня 1899 года Толстой записывает в своем дневнике: «...Власть имеющие развратились, потому что имеют власть...»

Первая часть высказывания Актона, в сущности, представляла собой цитату из речи знаменитого политика Уильяма Питта-старшего. Выступая в Палате лордов 9 января 1770

года, он заявил:

– Власть имеет свойство развращать умы тех, кто ею обладает.

Эта мысль, разумеется, не нова. Уже Плутарх писал:

[Сулла] по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным.

(«Сулла», 30; перевод В. Смирина)

Изречение Актона породило множество вариаций; вот некоторые из них:

Если власть развращает, то поэзия очищает. (Джон Кеннеди, речь 26 октября 1963 г. в Амхерсте, штат Массачусетс.)

Всякая власть великолепна, а абсолютная власть абсолютно великолепна. (Приписывается английскому критику Кеннету Тайнану.)

Если абсолютная власть развращает абсолютно, то как же быть с Господом Богом? (Ок. 1991 г.; автор неизвестен.)

Абсолютная секретность развращает абсолютно. (Генеральный инспектор ЦРУ Фред Хиц, интервью в «Нью-Йорк таймс» от 30 июля 1995 г.)

Любовь развращает; безграничная любовь

развращает безгранично. (Автор неизвестен.)

Далее читатель может попробовать сам.

Ангелы на кончике иглы

«Схоласты дискутировали о том, сколько ангелов уместится на кончике иглы» (или: «...могут танцевать на кончике иглы»). Порою так пишут даже в ученых трудах.

Что же было на самом деле?

В 1823 году вышло в свет очередное, расширенное издание «Литературных курьезов» Исаака Дизраэли, отца знаменитого политика Бенджамина Дизраэли. Одна из глав книги называлась «Quodlibets, или Схоластические дискуссии». Здесь сообщалось, что в пародийном романе «Записки Мартинуса Скриблеруса» (1741) высмеивались темы дискуссий средневековых схоластов: «Могут ли ангелы перемещаться из одной крайней точки в другую, не проходя через середину между ними?», «Верно ли, что ангелы лучше познают вещи утром?», а также: «Сколько ангелов могут танцевать на кончике чрезвычайно тонкой иглы, не толкая друг друга?»

«Записки...» были впервые опубликованы в собрании сочинений Александра Поупа, хотя почти всю книгу написал шотландский врач и писатель Джон Арбетнот (1667–1735). Здесь действительно имелся список схоластических вопросов, взятых из «Суммы теологии» Фомы Аквинского – главного богословского трактата Средневековья. Но вопроса об ангелах на кончике иглы у Скриблеруса не было – тут Дизраэли-старший ошибся.

«Ангелов на кончике иглы» не было и в «Сумме теологии». Фома ставил вопрос иначе: «Могут ли несколько ангелов находиться в одном и том же месте одновременно?» – Нет: «В одном месте может находиться только один ангел».

В «Сумме теологии» решаются и все остальные вопросы об ангелах и демонах (т. е. падших ангелах):

Велика ли численность ангелов? – «Невероятно велика».

Знают ли ангелы наши тайные мысли? – Нет, это ведомо только Богу.

Разговаривают ли ангелы друг с другом? – Да, но не словами, а как бы телепатически, «внутренней речью через посредство понятий ума».

Известно ли прочим ангелам, о чем говорят двое ангелов между собой? – Нет.

Испытывают ли ангелы похотливые пожелания? – Нет.

Скорбит ли ангел-хранитель о бедствиях своего подопечного? – Нет, ибо на все воля Божия.

Был ли высший из падших ангелов (т. е. Сатана) наивысшим из всех? – Вполне вероятно, ведь наивысший ангел имел причины особенно сильно завидовать Богу.

Знакома ли демонам печаль? – Нет. А как же «Печальный демон, дух изгнания»? Ну, это уже романтизм XIX века, совершенно чуждый средневековому образу мыслей.

Особенно любопытен ответ на вопрос о том, могут ли ангелы перемещаться из одной точки в другую, не проходя через среднюю точку между ними. Пространственное движе-

ние ангелов, замечает Фома, может быть как непрерывным, так и дискретным:

«Если движение ангела дискретно, то он может переходить из одной точки в другую, не переходя через середину между ними».

Эта мысль нашла понимание у физиков XX века как предвосхищение парадоксов теории элементарных частиц.

Но как же все-таки с ангелами на кончике иглы? Неужели Дизраэли-старший их выдумал?

Не совсем. Фома Аквинский жил в XIII веке. А в XIV веке в Германии появился мистико-богословский диалог «Сестра Катрей» («Сестра Катерина»). Долгое время он ошибочно приписывался величайшему немецкому мистiku Мейстеру Экхарту.

Сестра Катрей, уже обретшая опыт мистического воссоединения с Богом, беседует со своим духовником:

«...Дочь моя, ученые утверждают, что на небесах тысяча ангелов могут стоять на кончике иглы. Теперь разъясни мне, что это значит». (...) «Ученые правы. (...) Душа, вошедшая в Бога, не имеет ни времени, ни пространства, ни чего-либо еще, что можно выразить словами. Но можно сказать и так, что пространство, занятое любой душой, гораздо обширнее, чем небо и земля и все сотворенное Богом. Я скажу больше: Бог мог бы сотворить небо и землю еще обширнее, и все же они, вместе со множеством уже сотворенных им существ, были бы меньше, чем кончик иглы, если

сравнить их с душой, воссоединившейся с Богом».

На этот фрагмент указал английский ученый Дж. Макдоналд Росс в 1985 году. С того времени обычно считается, что именно эта мистическая метафора, вместе с рассуждениями Фомы, и послужила источником легенды о дискуссиях ученых-схоластов.

Сама легенда родилась в Англии XVII века под пером протестантских проповедников и публицистов. Однако, считает австралийский ученый Питер Гаррисон («Notes and Queries», 2016, № 1), едва ли ее источником был трактат «Сестра Катрей», не слишком известный и далекий от всякой схоластики. Более вероятно, что в XVII веке «ангелы на кончике иглы» родились самостоятельно – из игры слов английского языка. Обличая католическое богословие, протестанты воспользовались каламбурным сближением выражения «needles point» («кончик иглы» в архаическом написании, вместо современного needles) и «needleless point» – «бесполезный вопрос» (*букв.* «пункт», «точка»).

В 1619 году в Лондоне вышло «Комментированное изложение Первого послания к Фессалоникийцам» англиканского священника Уильяма Слейтера (W. Sclater). Здесь высмеивались темы схоластических дискуссий:

...могут ли многие [ангелы] находиться в одном месте одновременно, и сколько [ангелов] может сидеть на кончике иглы (needles point), и шесть сотен столь же бесполезных вопросов (needleless points).

Еще дальше в игре слов идет Эдуард Уиллан в проповеди «О христианском милосердии», прочитанной 18 марта 1649 года и включенной в сборник «Шесть проповедей» (1651):

...Изучая что-либо, мы должны руководствоваться не любопытством, чтобы лишь спорить, но христианским милосердием, чтобы вносить успокоение.

Когда был задан вопрос, сколько ангелов могут одновременно стоять на кончике иглы, ответом было: на этом вопросе останавливаться бесполезно. Не будем останавливаться на таких бесполезных вопросах...

(В оригинале сплошная игра слов: «...How many Angels might *stand upon a needles point* at once? (...) It was but a *needlesse point to stand upon*. Let not us *stand upon such needlesse points*...»)

В полемическом трактате Уильяма Чиллингуорта «Религия протестантов, верный путь к спасению» (1638) утверждалось, будто католические богословы спорили о том, «может ли миллион ангелов поместиться на кончике иглы».

Танцующие ангелы появились чуть позже – в трудах философов-неоплатоников Кембриджской школы. Неоплатоники, в отличие от Фомы Аквинского (а также от их современника Декарта), полагали, что духовная субстанция имеет пространственную протяженность. Они не считали вопрос об ангелах на кончике иглы бессмысленным: они утверждали лишь, что он неверно поставлен. Поэтому, полагает Гаррисон, они отказались от игры слов, имевшей целью высмеять католическую схоластику.

Кембриджский профессор Генри Мор всерьез интересовался демонологией и ангелологией. В трактате «Бессмертие души» (1659) он критиковал ученые школы, которые отрицают пространственную протяженность духовных существ и «спорят о том, сколько их в полной экипировке может одновременно танцевать на кончике иглы».

Ральф Кедворт оспаривал точку зрения, что «тысячи этих бестелесных веществ, или духов, могли бы танцевать одновременно на кончике иглы» («Истинная интеллектуальная система вселенной», ч. 1, 1678).

Джозеф Гланвиль из Оксфорда, примыкавший к неоплатоникам, писал: «Тот, кто сказал, что тысяча [ангелов] могут танцевать на кончике иглы, выразился неудачно» («Тщетность догматического мышления», 1661).

В XIX веке фраза об ангелах на кончике иглы стала ходячим речением, а в достоверность диспутов на эту тему уверовал каждый мыслящий человек.

Аппетит приходит во время еды

В I издании «Крылатых слов» Н. С. и М. Г. Ашукиных (1955) об этом изречении сказано лишь, что оно взято из романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», ч. I, гл. 5 (1532). Важное уточнение появилось в издании 1996 года – в разделе «Дополнения», созданном на основе картотеки Ашукиных:

«...Выражение принадлежит французскому епископу Жерому де Анже (?—1538), известному своими полемическими выступлениями против протестантов и употребившему его в своем сочинении “О причинах” (1515)».

Эта версия была принята в позднейших русских справочниках. И совершенно напрасно.

В самом романе читаем: «“Аппетит приходит во время еды”, сказал Анже Манский; жажда проходит во время питья» (перевод Н. Любимова).

Философ-схоласт Жером де Анже, епископ города Ман, был видным профессором Парижского университета, где, среди прочего, исполнял роль цензора. В старых комментариях к Рабле трактат «О причинах» указан как источник знаменитого выражения. Однако в критическом издании «Гаргантюа и Пантагрюэля» 1970 года отмечается, что ссылка Рабле на Анже Манского носит иронический характер.

Так оно и есть. Трактат «О причинах», как и все тогдашние ученые сочинения, написан на латыни. В разделе I, 1,

5 автор рассуждает о стремлении материи к форме, следуя Аристотелю – главному авторитету поздней схоластики. Язык изложения до крайности темен и избыточен тавтологическими оборотами, такими как «*appetit actu appetendi*», *букв.*: «стремится действием стремления».

Рабле не упустил случая спародировать эту формулу, обыграв сходство латинского «*appetitus*» (стремление, влечение) и французского «*appetit*» (аппетит). Так появилось изречение «*L'appetit vient en mangeant*» – «Аппетит приходит во время еды».

Феноменальная эрудиция Рабле известна; и все же удивительно, что он читал даже подобного рода трактаты. Кстати сказать, оборот «*appetit actu appetendi*» де Анже позаимствовал из более ранних схоластических трудов. Он встречается уже в «Вопросах для диспутов» профессора Сорбонны Годфруа де Фонтена («*Quodlibeta*» (1289), VI, 2).

Хотя изречение пародирует ученый язык, его содержание вполне серьезно. Та же мысль в другом оформлении встречается у Овидия:

...В нем пища любая
К новой лишь пище влечет.

(«*Метаморфозы*», VIII; перевод С. Шервинского)

В книге Флёри де Беллингена «Этимология, или Объяснение французских пословиц» (1656) изречение Рабле приписано переводчику и педагогу Жаку Амьё (1513–1593). В

1557 году он стал воспитателем принцев – будущих королей Карла IX и Генриха III. Согласно де Беллингену, когда Генрих III вступил на трон, он выполнил просьбу Амьё, дав ему в управление выгодное аббатство. Когда же освободилась еще более выгодная должность епископа Осера, Амьё попросил ее для себя. Король напомнил, что прежде Амьё довольствовался аббатством. Тот ответил:

– Ваше Величество, аппетит приходит во время еды.

Эта легенда получила широкую известность, хотя истины в ней ни на грош. Амьё стал епископом в 1570 году при Карле IX (а не Генрихе III), почти 40 лет спустя после выхода в свет романа Рабле.

В 1842 году Леру де Линси опубликовал «Книгу французских пословиц». Здесь изречение «Аппетит приходит во время еды» приведено как пословица XV века. Своих источников де Линси не указал; можно вполне уверенно утверждать, что здесь он ошибся. Тем не менее эта версия нередко встречается в комментариях к Рабле.

В справочнике Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904) изречение Рабле дано с переводом: «Аппетит является во время еды», а в качестве его русского эквивалента приведено выражение: «Чем больше есть, то больше хочется».

Подобные выражения появились в русской печати со второй половины XIX века:

«... Чем больше лечишься [на водах], тем больше хочется

лечиться» («Петербургские заметки» в журн. «Отечественные записки», 1854, июль);

«Что больше куришь, то больше хочется» (Н. Лейкин, «Веселые рассказы», 1874);

«Чем больше жрет, тем больше утроба просит... (...) чем больше пьет, тем больше хочется» (Н. Златовратский, «Устои», 1884).

По-видимому, все эти обороты восходят к роману Чарльза Диккенса «Холодный дом» (1853), гл. 20, где приведен «парадокс»: «Чем больше пьешь, тем больше хочется пить». Перевод этой главы появился в «Отечественных записках» в марте 1854 года и в «Современнике» в мае того же года.

В «Книге французских пословиц» де Линси приведено также «обратное» изречение: «En mangeant l'on perd l'appetit» – «Аппетит проходит (*букв.* теряется) во время еды». Оно, конечно, возникло из фразы самого же Рабле «Жажда проходит во время питья».

У нас эту мудрость изобрели вторично Ильф и Петров. Глава 4 «Одноэтажной Америки» (1936) называется «Аппетит уходит во время еды»; в ней рассказывается о нью-йоркском кафетерии с системой самообслуживания, что для советского человека было в новинку.

Наконец, свою версию предложил Станислав Ежи Лец: «Аппетит приходит во время еды, но не уходит во время голода» («Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996).

Бальзаковский возраст

По Рунету блуждает викторинный вопрос с подвохом: «Что такое бальзаковский возраст?» Ответ неожиданный: «Тридцать лет», – поскольку, дескать, выражение связано с романом Бальзака «Тридцатилетняя женщина».

Действительно, в справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) этот роман указан как источник выражения. Однако здесь же отмечено, что речь идет о «возрасте 30–40 лет». Я бы добавил: «и более позднем». Может быть, поначалу «бальзаковский возраст» был меньше? Попробуем разобраться.

Роман «Тридцатилетняя женщина» (1842) составлен из новелл, которые публиковались с 1830 года. Третья новелла, опубликованная в 1832 году, называлась «В тридцать лет»; в следующем году она вышла в России отдельным изданием под заглавием «Женщина в тридцать лет».

Но уже в 1836 году писатель и критик Жюль Жанен заявил об открытии Бальзаком – нет, не тридцатилетней женщины, а «женщины от тридцати до сорока лет, и даже старше!».

Женщина тридцати-сорока лет слыла в прошлом неподвластной страстям, а следовательно, не существовала ни для романа, ни для драмы; сегодня же, благодаря этим триумфальным открытиям, сорокалетняя женщина царит в романе и драме

полноправно и единолично. (...) Сорокалетняя женщина вытеснила из литературы шестнадцатилетнюю барышню.

(Рецензия на водевиль Ж. Ансело и П. Фуше «Соперница» в газ. «Journal des debats» от 28 ноября 1836 г.; вторая цитата – в переводе Веры Мильчиной)

С самого начала женщина, «открытая» Бальзаком, виделась в России, как и во Франции, преимущественно сорокалетней. В повести Владимира Соллогуба «История двух калош» (1839) читаем: «В сорок лет, что ни говори Бальзак, женщина в неприятном положении».

В повести Сергея Победоносцева «Милочка» (1845) упоминалась «отцветшая бальзаковская сорокалетняя красавица». (Выражение «сорокалетняя красавица» стоит запомнить – мы его встретим ниже.)

Тогда же рецензент «Отечественных записок» повторил слова Жюль Жанена, назвав Бальзака «литературным Христофором Колумбом», который «открыл сорокалетнюю женщину»:

Дайте Бальзаку сорокалетнюю женщину, бледную, желтую, хилую, болезненную, пусть даже она будет с горбом или хромает, – ничего! она вмиг явится очаровательным созданием: романист-парадоксист оденет ее с изящным вкусом (...); вы ослеплены, очарованы, пред вами не женщина зрелого возраста, желтая и безобразная, – перед вами ангел,

волшебница, сама Венера.

(«Новый роман Бальзака», «Отечественные записки», 1845, № 1)

В таком случае при чем здесь «Тридцатилетняя женщина»?

Прежде всего напомним, что определение «тридцатилетняя» тогдашний читатель понимал как галантное обозначение женщины в возрасте за тридцать, а пожалуй, и далеко за тридцать. Критик парижского «Артистического журнала» язвительно замечал:

Ни для кого не тайна, что женщина переходит от двадцати девяти лет до шестидесяти без промежутков и что тридцатилетняя женщина существует только в фантастическом воображении г-на де Бальзака.

(«*Journal des artistes*», 1838, № 1, рецензия на водевиль Ж. Б. Розье «В тридцать лет, или Рассудительная женщина»)

На исходе XIX века о том же говорил Оскар Уайльд: «Ей все еще тридцать пять с тех самых пор, как ей исполнилось сорок» («Как важно быть серьезным», 1895).

Паспортов тогда не было, и дамы легко сбавляли себе возраст. 32-летняя Эвелина Ганская на первой встрече с Бальзаком выдавала себя за 27-летнюю, т. е. 30-летней она стала лишь в 35. В маркизе д'Эглемон, героине новеллы «В тридцать лет» (1832), осведомленные парижане находили сходство с графиней де Берни, возлюбленной молодого Бальзака, а ей в начале их романа было даже не сорок, а сорок пять, и

она уже успела стать бабушкой.

Едва ли не центральное место занимает в этой новелле сравнение девушки со зрелой женщиной, причем безусловно в пользу последней:

Тридцатилетняя женщина идет на все, а девушка из девичьего страха вынуждена перед всем отступить.

В эту пору она уже обладает необходимым тактом, умеет затронуть чувствительные струны мужского сердца и прислушаться к их звучанию.

Женщины знают тогда цену любви и дорожат ею, боясь утратить ее; в ту пору душу их еще красит уходящая молодость, и любовь их делается все сильнее от страха перед будущим.

(Перевод А. Худадовой)

Гораздо менее известно, что в том же 1832 году Бальзак воспел и сорокалетнюю женщину – в новелле «Поручение» из цикла «Сцены из частной жизни». Герои новеллы переживают «то время, когда кажутся всего обаятельней женщины известного возраста, иными словами, женщины между тридцатью пятью и сорока годами»; «встречается немало сорокалетних женщин более молодых, чем иные двадцатилетние»; «мы признались друг другу: он – в том, что госпоже такой-то тридцать восемь лет, а я, со своей стороны, в том, что страстно люблю сорокалетнюю» (перевод М. Столярова).

Неудивительно, что с 1830-х годов Бальзак – любимый

автор не только французских, но и русских дам. В повести Михаила Загоскина «Три жениха» (1835) упоминаются только что доставленные из Парижа в некий губернский город «две французские книги в синей красивой обертке: это были “Сцены из приватной жизни”, сочинение г. Бальзака» (заметим: те самые «Сцены...», в которые включена новелла «Поручение»). Прибывшая из Москвы дама восторженно восклицает: «Но Бальзак!.. Ах, Бальзак!! В Москве нет ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизусть».

В 1838 году вышла в свет повесть «Сорокалетняя женщина» Шарля де Бернара, друга и ученика Бальзака. В том же году эта повесть – под измененным заглавием «Сорокалетняя красавица» – появилась в «Библиотеке для чтения», самом популярном тогдашнем русском журнале. Повесть де Бернара еще более утвердила представление о «бальзаковской женщине» как сорокалетней.

А в следующем, 1839 году, вышел роман Бальзака «Батриса». Одной из главных героинь романа была сорокалетняя мадемуазель де Туш, «списанная» с Жорж Санд. Бальзак превозносит ее до небес:

Юности свойственно лакомиться зрелыми плодами, а ими богата щедрая осень женщин (...).

...Их преданность безгранична; они слушают вас, они любят вас, наконец, они хватаются за любовь, как приговоренный к смерти цепляется за какой-нибудь пустяк, связывающий его с жизнью; (...) словом,

абсолютную любовь можно узнать только через них.
(Перевод Н. Жаркова)

Само выражение «бальзаковский возраст» чисто русское: оно неизвестно в других языках, включая французский.

Появилось оно не сразу, а лишь в последние десятилетия XIX века, например, в юмореске Чехова «От нечего делать» (1886): «Ах ты, бесстыдница! Впрочем, что ж? Бальзаковский возраст! Ничего не поделаешь с этим возрастом!»; «Бальзаковская барыня и психопатка». Героине юморески 33 года, и ее причисление к «бальзаковским барыням» – отчасти следствие сильнейшего раздражения ее мужа, заставшего жену целующейся с молодым человеком.

Примерно к тому же времени относится эпизод из воспоминаний Марии Павловны Чеховой. Левитан неожиданно объяснился ей в любви; она рассказала об этом брату. Тот ответил: «Ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты». Это выражение было тогда новым. «Мне стыдно было сознаться, – вспоминает Мария Павловна, – что я не знаю, что такое “женщина бальзаковского возраста”, и в сущности я и не поняла смысла фразы Антона Павловича».

Такой женщиной была, как известно, художница Софья Кувшинникова – прототип чеховской «Попрыгуньи». Их роман с Левитаном начался, когда ей было сорок, а Левитану – двадцать восемь.

В романе Лескова «Некуда» (1864) говорилось о «страстных женщинах бальзаковской поры» («пора» здесь сино-

ним «возраста»), а в очерке Некрасова «Петербургские углы» (1845) – о женщине «бальзаковской молодости».

У Салтыкова-Шедрина, так же как у Некрасова и Лескова, «бальзаковская женщина» дается в сугубо ироническом контексте:

«– Сорок годков изволили получить! Самая, значит, пора! Я делаю чуть заметный знак нетерпения.

– По Бальзаку, это именно настоящая пора любви. Удивительно, говорят, как у этих сорокалетних баб оно знойно выходит...»

«Я, твоя бедная мать, эта сорокалетняя женщина, *cette femme de Balzac*, comme dit le Butor! [бальзаковская женщина, как говорит Бутор]». («Благонамеренные речи», гл. «Еще переписка», 1874.)

Никакого сколько-нибудь известного Бютора не существовало, как не существовало во Франции выражения «*femme de Balzac*».

Прообраз оборота «бальзаковский возраст» мы находим уже в 1837 году в журнале «Библиотека для чтения» (т. 21, обзор «Французский театр в Париже»). Рецензируя одноактную комедию «Дамы-благотворительницы» Феликса Арвера, обозреватель журнала недоумевал, зачем понадобилось автору сделать своих героинь «женщинами в зрелых и даже перезрелых летах; женщинами, которые перешли уже *бальзаковскую грань женской молодости* – роковую грань, за которую уже не цветут никакие розы, и только витают морщи-

ны» (курсив мой. – К.Д.).

Сорокалетняя влюбленная женщина встречалась в литературе и раньше. В XVIII веке Генри Филдинг писал о ней почти теми же словами, что и Бальзак:

...Благоразумная страсть, которую женщина в этом возрасте чувствует к мужчине, во всех отношениях разнится от пустой детской любви девочки к мальчику, которая часто обращена только на внешность и на вещи ничтожные и преходящие...

(«Том Джонс» (1749), кн. I. гл. 11; перевод А. Франковского)

Разница только в том, что у Филдинга это чистый сарказм, а вовсе не панегирик.

Леон Гозлан в мемуарном очерке «У Бальзака» (1853) заметил, что Бальзаку удалось «неопределенно продолжить в них [женщинах] возраст возможности любить и особенно быть любимыми» (цитирую по переводу в «Библиотеке для чтения», 1854, № 2).

Об этой бессмертной заслуге французского романиста говорит и русская дама в повести Владимира Зотова «Между Петербургом и Москвою» (1853):

Со смертью Бальзака кончились в литературе все апотеозы сорокалетних красавиц. [Опять-таки отметим этот оборот, повторяющий заглавие русского перевода повести Бернара. – К.Д.] Только его гений мог сделать интересною женщину этих лет. Неблагодарные женщины, мы и не подумали воздвигнуть ему памятник

в награду за один из самых смелых подвигов, о которых
когда-нибудь упоминалось в истории!

А ведь, если подумать, действительно подвиг.

Бесплатных завтраков не бывает

Все повторяют эту фразу, но мало кто знает, что за нею стоит. Прежде всего: что такое «бесплатный завтрак», или, точнее, «бесплатный обед», «бесплатная закуска» (free lunch)?

«Бесплатная закуска» была хорошо знакома современникам Марка Твена и Джека Лондона. В тогдашней Америке существовало огромное множество баров (на Западе их называли салунами); иногда в городке с населением в 3 тысячи человек насчитывалось десятка три баров. Для привлечения клиентуры многие бары стали предлагать «бесплатный обед» тому, кто заплатит за кружку пива или рюмку спиртного:

**СДЕЛАЙ ГЛОТОК ЗА 15 ЦЕНТОВ
И СЪЕШЬ ОБЕД, КОТОРЫЙ В
РЕСТОРАНЕ СТОИТ 1 ДОЛЛАР**

И – самое удивительное – это было почти правдой. «Бесплатная закуска» обычно стоила существенно больше самого напитка; очень часто она была вполне полноценным обедом. Расчет был на то, что большинство посетителей выпьет не одну, а гораздо больше кружек или же рюмок.

Однако люд победнее пользовался этой системой, чтобы подкормиться за счет заведения. В 1870-е годы в Нью-Орлеане тысячи мужчин жили только за счет «бесплатной закуски». Редьярд Киплинг, посетив в 1891 году Сан-Франциско, с удивлением сообщал, что в здешних салунах, заплатив за один напиток, можно было наесться досыта. В трудную зиму 1894 года чикагские бары накормили больше голодных людей, чем все религиозные, благотворительные и муниципальные организации, вместе взятые; в них ежедневно питалось 60 тыс. человек.

Увы, всему хорошему рано или поздно приходит конец. В 1920 году в США воцарился сухой закон. Законодатели хотели как лучше, а получили хорошо организованную преступность. Нелегально пьющее население переключилось с пива на спиртное покрепче. И «бесплатные завтраки» кончились.

А в 1930-е годы появилась фраза «Бесплатных завтраков не бывает». Самый ранний случай ее цитирования обнаружил Фред Шапиро, американский исследователь истории цитат. 27 июня 1938 года в техасской газете «El Paso Herald-Post» была опубликована, без имени автора, сказочная притча «Экономика в восьми словах».

Здесь рассказывалось, что в богатом и процветающем королевстве вдруг наступила бедность и народ голодал среди изобилия. Король созвал самых мудрых советников и велел им изложить экономическую науку «коротко и ясно». Год

спустя ему принесли 87 томов по 600 страниц каждый. Разгневанный король велел казнить авторов многотомника и повторил свое требование. Экономисты стали писать все короче и короче, но все же недостаточно коротко. Наконец, последний оставшийся в живых эксперт сказал:

– Ваше Величество, я в восьми словах изложу вам всю мудрость, которую я за многие годы извлек из всех трудов всех экономистов, которые когда-либо занимались этой наукой в вашей державе. Вот эти слова: «There ain't no such thing as free lunch».

По-русски слов вдвое меньше: «Бесплатных завтраков не бывает», так что заглавие притчи следовало бы перевести как «Экономика в четырех словах».

Притча имела в виду положение в США в годы Великой депрессии и была направлена против экономической политики Франклина Рузвельта, при котором роль государства в экономике резко возросла. В одной из перепечаток притчи был указан ее автор – Уолтер Морроу (1894–1949), издатель «El Paso Herald-Post» и ряда других газет.

В 1942 году в январском номере журнала «The Atlantic Monthly» появилась статья вице-президента США Генри Уоллеса «Главные основания мира». Здесь излагался грандиозный план послевоенного переустройства. Свободная мировая торговля, стабилизация цен на сырье и содействие индустриализации отсталых стран должны были, по мысли Уоллеса, обеспечить минимальные стандарты питания, одеж-

ды и жилья для всего человечества. «Если мы можем позволить себе тратить огромные суммы, чтобы выиграть войну, мы можем потратить сколько бы ни потребовалось, чтобы выиграть мир».

Эти идеи далеко не всем пришлись по душе. Уоллес и без того имел репутацию «левого» и чуть ли не социалиста. Известный вашингтонский обозреватель Пол Маллон немедленно раскритиковал этот план в статье, опубликованной в ряде газет: «Господин Уоллес забывает о том, что “бесплатных” завтраков не было никогда. (...) За бесплатный завтрак всегда кто-то платит».

В октябре 1943 года о том же говорилось в передовице калифорнийской газеты «The Long Beach Independent»: «Говорят, что бесплатных завтраков не бывает. Но вы слушаете “Беседы у камелька” [Ф. Рузвельта], и голос из Вашингтона вам растолкует, как получить что-то из ничего».

Это выражение получило значение лозунга в книге экономического публициста Бартон Крейна «Искушенный инвестор» (1959). В 1975 году известный экономист-неолиберал Милтон Фридман опубликовал книгу «Бесплатных завтраков не бывает», после чего этот лозунг стали связывать с его именем.

Девятью годами раньше, в 1966 году, вышел в свет роман Роберта Хайнлайна «Луна – суровая хозяйка». В СССР он переведен не был; перевод Александра Щербакова («Луна жестко стелет») удалось издать только в 1993 году. Отсюда

русский читатель узнал загадочное слово «элдээнбэ» – сокращение от «Ленчей даром не бывает».

Впрочем, «элдээнбэ» у нас не прижилось. Чаще встречается «дарзанебы» из более позднего перевода Нины Штуцер и Владимира Ковалевского:

– ДАРЗАНЕБЫ. Это значит – «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает, – я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив, – иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. (...) Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь.

Книгу Хайнлайна именуют «пособием для революционеров». Так оно вроде бы и есть, ведь в романе со всеми деталями описано восстание лунных поселенцев против земной тирании. Но одно дело сюжет, другое – идея. Если это и революция, то вовсе не та, о которой говорили большевики. С их точки зрения, это чистейшая контрреволюция.

Большевики (и социалисты старого закала) хотели упразднить частную собственность и рыночные отношения. А на суровой Луне Хайнлайна все решает именно рынок, да еще здравый смысл. Рынок здесь главное орудие демократии; в сущности, единственное ее орудие. Государство упраздняется, вместе с полицией, армией, законами и прочими централизованными институтами. И никакого социального обеспечения: каждый сам заботится о себе.

Эта утопия либерального анархизма близка сердцу многих американцев, мечтающих обойтись вообще без прави-

тельствва. За пределами США она мало кому понятна.

Битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель

У нас это изречение обычно приписывалось Бисмарку. Это нередкий случай, когда высказывание не слишком известного лица приписывается знаменитости.

Не слишком известным лицом был Оскар Пешель (1826–1875), географ и антрополог, с 1871 года – профессор Лейпцигского университета, а по чину – тайный советник. С 1854 года он редактировал научно-общественный еженедельник «Das Ausland» («Заграница»).

В то время главным вопросом германской политики был вопрос о том, удастся ли Пруссии объединить германские государства вокруг себя, оттеснив Австрию на второй план. 17 июня 1866 года началась австро-прусская война, а 7 июля австрийцы были разгромлены наголову в битве при Садове (или Садовой) в Чехии.

Десять дней спустя, 17 июля, в еженедельнике «Das Ausland» появилась статья Пешеля «Уроки новейшей военной истории». Пешель писал:

...Народное образование может решить исход войны. (...) Если пруссаки разбили австрийцев, то это победа прусского школьного учителя над австрийским.

Математика – точильный камень ума, и в этом

смысле вполне можно сказать, что на первом этапе чешской кампании прусский школьный учитель победил австрийского.

Век спустя советский журналист-международник Мэлор Стуруа приписал это изречение уже не Бисмарку, а Марксу. «Маркс любил повторять, что битву при Садовой выиграл прусский школьный учитель» («Время: по Гринвичу и по существу», 1969).

Между тем нелюбовь основоположников марксизма к Пруссии хорошо известна. Маркс о прусском школьном учителе не говорил ничего; за него высказался Энгельс:

...Капитализм вряд ли оказывает больше уважения равному праву большинства на счастье, чем оказывало рабство или крепостничество. И разве лучше обстоит дело с духовными средствами, обеспечивающими счастье, со средствами получения образования? Разве сам «школьный учитель, победивший при Садове», – не мифическая личность?

(«Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», 1888)

Энгельс спорил против очевидности: германская система школьного образования на тот момент была одной из лучших (если не лучшей) в мире.

В 1856 году вышла в свет книга французского писателя и политика Шарля Монталамбера «О политическом будущем Англии». Согласно Монталамберу, герцог Веллингтон,

осматривая крикетные площадки Итонского колледжа, сказал:

– Битва при Ватерлоо была выиграна здесь.

В 1889 году эта фраза была переведена с французского на английский в дополненном виде:

– Битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона.

Так она цитируется и поныне.

Полвека спустя Джордж Оруэлл заметил:

Битва при Ватерлоо, возможно, и *была* выиграна на спортивных площадках Итона, но начальные сражения последующих войн были там же проиграны. Одной из определяющих черт английской жизни в последние три четверти века был упадок способностей правящего класса.

(Эссе «Англия, твоя Англия» (1941); перевод В. Гольшиева)

Бог – в деталях

«Бог – в деталях», но также: «Дьявол в деталях». Оба выражения кажутся очень старыми. Когда же они появились и кто тут был раньше – Бог или дьявол?

Раньше был Бог, хотя «раньше» не значит «очень давно». Выражение «Бог – в деталях» создано в XX веке. В печати оно появилось не позднее 1937 года, со ссылкой на немецкого историка и теоретика искусства Аби Варбурга.

Аби Варбург (по рождению Абрахам Мориц) (1866–1929) большую часть своей жизни посвятил изучению итальянского Возрождения. Почти через 30 лет после смерти Варбурга его ближайшая сотрудница Гертруда Бинг процитировала слова, которые однажды он написал о себе на своем любимом итальянском языке: «Ebreo di sangue, Amburghese di cuore, d'anima Fiorentino» – «По крови еврей, сердцем – гамбуржец, душой – флорентиец».

С 1925 года Варбург вел в Гамбургском университете семинар по итальянскому искусству. Здесь господствовал междисциплинарный подход, предполагавший изучение современных художнику обрядов, символов, языка, философии и даже естественных наук. По сообщению Эрнста Гомбриха, ученика Варбурга, девизом семинара было изречение:

Der liebe Gott steckt im Detail.

(Бог таится в деталях.)

Более известен французский вариант: «Le bon Dieu est dans les détails» – «Бог – в деталях». Немецкий искусствовед Эрвин Панофски безосновательно приписал эти слова Гюставу Флоберу (в книге «Смысл и толкование изобразительного искусства», 1955).

В 1922 году, за три года до первого семинара Варбурга, было опубликовано стихотворение Бориса Пастернака «Давай ронять слова...», написанное в 1917 году. Заканчивалось оно строками:

Ты спросишь, кто велит?
– Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, – подробна.

Разумеется, пастернаковский «бог деталей» не то же самое, что «Бог в деталях» Варбурга.

Отдаленным прообразом девиза Варбурга можно, пожалуй, считать высказывание Плиния Старшего: «Природа вещей ни в чем не выражается так полно, как в самом малом

(...nusquam magis quam in minimis, tota est)» («Естественная история», XI, 2, 4).

Так обстоит дело с «Богом в деталях»; а что можно сказать насчет дьявола? Выражение «Дьявол (таится) в деталях» (нем. «Der Teufel steckt im Detail») получило широкое распространение с 1960-х годов.

Изречение «Бог – в деталях» чаще всего встречается в работах по истории и теории искусства, когда хотят подчеркнуть важность изучения всей совокупности фактов. Значение формулы «Дьявол в деталях» иное: нечто, на первый взгляд хорошее, может оказаться не столь уж хорошим при более тщательном рассмотрении.

Область применения второй сентенции шире, поэтому именно она стала основной.

Бог меня простит, это его ремесло!

В 1845 году Генриха Гейне разбил паралич верхней части тела. В мае 1848 года Гейне, живший в Париже, вышел на свою последнюю прогулку и с трудом добрался до Лувра. Оставшиеся восемь лет жизни он провел в «матрасной могиле».

15 февраля 1856 года он спросил своего врача, доктора Груби: «Скажите мне чистую правду: дело идет к концу, не так ли?» Тот промолчал. «Благодарю вас», – сказал Гейне.

17 февраля, между четырьмя и пятью часами дня, он трижды прошептал:

– Писать...

Сиделка, Катрин Бурлуа, не поняла его, но ответила «Да». Тогда он сказал громче:

– Бумагу... карандаш...

Это и были его последние слова, по свидетельству Катрин.

Однако в легенду вошли совсем другие слова. Согласно воспоминаниям Альфреда Мейснера, опубликованным почти сразу же после смерти Гейне, в ночь перед смертью поэта в комнату к нему ворвался некий знакомый, чтобы увидеть его в последний раз. Войдя, он сразу же задал умирающему вопрос, каковы его отношения с Богом. Гейне, улыбаясь, ответил:

– Будьте спокойны! Dieu me pardonnera, c'est son métier!

(Бог меня простит, это его ремесло! *франц.*)

Этот рассказ и поныне принимается на веру, а между тем он почти наверняка вымышлен. К умирающему поэту ночью запросто врывается неведомо кто (ведь имени Мейснер не назвал), с ходу берет на себя роль исповедника и остается не замеченным никем – даже сиделкой, оставившей подробный рассказ о кончине поэта.

Правдоподобнее выглядит версия, которую братья Гонкур записали в своем «Дневнике» 23 февраля 1863 года со слов филолога Фредерика Бодри, друга Гейне. Жена Гейне, ревностная католичка, молилась Богу за его душу. Гейне утешил ее:

– Не сомневайся, моя дорогая, Он меня простит; это Его ремесло!

Впоследствии христианские моралисты стали приписывать эти слова Вольтеру.

Неизвестно, читал ли Чаплин биографию Гейне, но в его черной комедии «Мсье Верду» (1947) есть очень похожий диалог. Мсье Верду, обаятельный многоженец и серийный убийца, кончает жизнь на гильотине. Перед казнью священник произносит:

– Да смилуется Господь над вашей душой.

– А почему бы и нет? – отвечает Верду. – В конце концов, она принадлежит ему.

В автобиографии Чаплин вспоминал:

«Я послал сценарий на цензуру в управление Бриана. Вско-

ре я получил извещение о том, что на картину в целом наложен запрет. Управление Брина – это отделение Легиона благопристойности, цензурная инстанция, которую на свою голову организовала “Моушн пикчэр ассосиэйшн”».

Режиссер явился в Управление Брина, где один из сотрудников стал разбирать сценарий строка за строкой.

«– А эта строка, – неумолимо продолжал он: – „Пусть господь смилуется над вашей душой“, а Верду подхватывает: „А почему бы и нет? В конце концов, она принадлежит ему!“

– Что же вас тут беспокоит? – спросил я.

– Реплика „А почему бы и нет?“ – кратко повторил он. – Так не разговаривают со священником!»

Сценарий Чаплину все же удалось отстоять. А после его смерти реплику его персонажа стали цитировать как последние слова самого Чаплина.

Бог умер

Первым умершим богом в европейской культуре был древнегреческий бог Пан – покровитель стад и пастухов, а позднее – олицетворение всей дикой природы.

У нас легенда о его смерти известна по тургеневскому стихотворению в прозе «Нимфы» (1882). Стихотворение начинается с того, что греческий корабль плывет по Эгейскому морю.

...И вдруг, в высоте, над головою кормчего, кто-то явственно произнес:

– Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громким голосом: «Умер Великий Пан!»

Кормчий удивился... испугался. Но когда корабль побегал мимо острова, он послушался, он воззвал:

– Умер Великий Пан!

И тотчас же, в ответ на его клик, по всему протяжению берега (а остров был необитаем) раздались громкие рыдания, стоны, протяжные, жалостные возгласы:

– Умер! Умер Великий Пан!

В таком виде этот возглас и вошел в русскую культуру. Это предание известно из трактата Плутарха «Об упадке оракулов», гл. 17. У Плутарха в первом случае – не прямая речь, а косвенная («возвести, что великий Пан умер»), во

втором – повторение тех же слов в прямой речи («Великий Пан умер»), а третий возглас Тургенев добавил от себя.

Согласно Плутарху, об этом удивительном случае сообщили императору Тиберию, и созванные им мудрецы объяснили, что Пан, рожденный от смертной женщины, не обладал бессмертием богов. Тиберий правил в 14–37 гг. н. э.; раннехристианские апологеты полагали, что смерть Пана случилась в момент появления на свет Иисуса Христа и знаменовала конец язычества.

В 1882 году Фридрих Ницше возвестил уже о смерти христианского Бога. В главе 125 его книги «Веселая наука» рассказывалось о человеке, который в полдень зажег фонарь и выбежал на рынок с криком: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» А потом стал спрашивать, обращаясь к толпе:

– ...Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоет с нас эту кровь? (...) Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?

Чем же еще являются эти церкви, если не могилами

и надгробиями Бога?

(Перевод К. Свасьяна)

«Смерть Бога» здесь метафора обезбоженного мира и конца христианства, которое, по Ницше, нужно преодолеть, чтобы идти дальше, к «переоценке ценностей».

Метафора Ницше породила огромную литературу, рассматривать которую здесь не место. Но стоит упомянуть, что формула «Бог умер» встречалась уже на рубеже XIII–XIV веков, причем в довольно близком контексте.

Речь идет о сборнике поучительных рассказов на латыни «Римские деяния» (рубеж XIII–XIV вв.) – одной из самых читаемых книг Средневековья. В главе 144 «Деяний», озаглавленной «О нынешнем состоянии мира», говорилось:

Бог умер, потому что все царство [земное]
наполнилось грешниками.

...Сегодня мы считаем Его как бы мертвым и не думаем о Страшном суде, об аде, о вечном проклятии или о Царстве Божием.

Эти слова написаны будто вчера.

Около 1967 года в США появилась настенная надпись – кратчайший диалог между Ницше и Богом:

БОГ УМЕР

– *Ницше*

НИЦШЕ УМЕР

– Бог

А позднее еще одна:

Бог жив и здоров и трудится над менее
честолюбивыми проектами.

Боги уходят

В 66 году н. э. иудеи восстали против Рима. Поводом к восстанию стало разграбление Иерусалимского храма, когда тот отказался платить налог, установленный прокуратором Иудеи. В марте 70 года римляне во главе с будущим императором Титом Флавием подошли к Иерусалиму и после пятидесятидневной осады взяли священный город штурмом.

Согласно Тациту, осаде сопутствовали удивительные знамения:

На небесах бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, огонь низвергался из туч и кольцом охватывал храм. Внезапно двери храма распахнулись, нечеловеческой силы голос возгласил: «Боги уходят (*лат. Excedere deos*)», – и слышались удаляющиеся шаги.

(«История», V, 13; перевод Г. Кнабе)

Согласно же еврейскому историку Иосифу Флавию, в праздник Пятидесятницы, «когда жрецы ночью вошли во Внутренний Храм, чтобы совершить обычную службу, до них, как они рассказывают, сначала донеслись движение и топот, а затем слитные голоса: “Давайте уйдем отсюда в другое место”» («Иудейская война», VI, 5, 3; перевод с древнегреческого М. Финкельберг).

Иосиф Флавий писал раньше Тацита и был очевидцем

осады Иерусалима; но все же есть основания полагать, что Тацит изложил легенду точнее. Эта легенда могла возникнуть лишь в римском лагере: у римлян издавна существовало поверье, что боги-покровители города покидают его, после того как он завоеван врагами или незадолго до этого. В «Энеиде» Вергилия (песнь II) во время штурма Трои Эней убеждает своих соратников, что исход сражения предрешен:

Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.

(Перевод С. Ошерова)

Для иудея, а стало быть, монотеиста Иосифа Флавия слова «Боги уходят» были неприемлемы, и он, вероятно, подкорректировал рассказ, услышанный им от римлян.

«Все боги убегают» из Трои в финале баллады Шиллера «Кассандра» (1802):

Alle Götter fliehn davon.

В XIX веке фраза «Боги уходят» чаще всего цитировалась по-французски: «Les dieux s'en vont». Это цитата из романа-эпопеи Рене де Шатобриана «Мученики, или Торжество христианской веры» (1809).

Один из героев эпопеи, христианин Эвдор, под влиянием страсти к языческой жрице становится отступником, но затем возвращается ко Христу и гибнет ужасной смертью на арене римского цирка. Его гибель сопровождают знамения,

возвещающие победу христианства над греко-римской религией:

...Все статуи идолов низверглись, и, как некогда в Иерусалиме, послышался голос: «Боги уходят».

В 1832 году Виктор Гюго писал:

Общественное здание прошлого держалось на трех опорах: священник, король, палач. Давно уже прозвучал голос: «Боги уходят!» Недавно другой голос провозгласил: «Короли уходят!» Пора, чтобы третий голос произнес: «Палач уходит!»

(Предисловие ко II изданию повести «Последний день приговоренного к смерти»)

Обычно цитируется только этот фрагмент, хотя у Гюго далее следует: «Тем, кто сожалеет о богах, можно ответить: Бог остается».

Вскоре появилось другое значение этой формулы: «Великие люди уходят». «Les dieux s'en vont. Гёте умер», – говорит Гейне в «Романтической школе» (1833).

В «Письмах к прекрасным женщинам Парижа и провинции», написанных в 1840 году группой авторов, включая Бальзака, читаем:

Бог Анфантен уходит в Алжир с археологической миссией, бог Шатель уходит в [департамент] Ланды с сельскохозяйственной миссией. Боги уходят, как говорили римляне эпохи упадка. Новые боги уходят, зато вы, мадемуазель, являетесь к нам со всей грацией

древних божеств.

(Письмо IV)

«Новыми богами» здесь иронически названы сен-симонист Проспер Анфантен и религиозный реформатор Франсуа Шатель, глава основанной им Французской католической церкви.

«Боги уходят, Д'Аннунцио остается» – так в 1908 году озаглавил свой сборник статей на французском языке отец футуризма, итальянец Томмазо Маринетти. Под «ушедшими богами» имелись в виду Джузеппе Верди, умерший в 1901 году, и поэт Джозуэ Кардуччи, нобелевский лауреат, умерший в 1907 году.

В комическом ключе обыграна фраза «Боги уходят» в оперетте Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864, либретто Анри Мельяка и Людовика Галеви). На площади перед храмом Юпитера беседуют верховный жрец Калхас и жрец Филоком:

КАЛХАС. Жалкие жертвы, право... две горлицы, амфора с молоком, три небольших сыра, горсточка фруктов и груда цветов. Все эти гирлянды для нас чистый убыток. Да, прошло время множества коров и овец... это были настоящие жертвы. Боги уходят! Боги уходят!

ФИЛОКОМ. Не все, господин мой! Взгляните-ка на Венеру...

КАЛХАС. Ну да, она еще борется, не отрицаю, она еще борется... В «Вестнике Цитеры» я видел

точную цифру пожертвований за последний месяц...
впечатляет!

Бойся равнодушных

В 1925 году Бруно Ясенский, польский поэт и прозаик радикально левого толка, уехал вместе с женой в Париж. Четыре года спустя его выслали за коммунистическую пропаганду, а конкретно – за революционно-утопический роман «Я жгу Париж». Ясенский стал гражданином СССР, редактором журнала «Интернациональная литература» и членом правления Союза писателей. В тридцать седьмом он был арестован и год спустя расстрелян.

Кроме польского, Ясенский писал на французском и, уже в СССР, на русском. Из-за ареста его последний роман «Заговор равнодушных» остался неоконченным. Однако жена сохранила рукопись, и в 1956 году «Заговор...» был напечатан в «Новом мире».

Роману предпослан эпиграф:

Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство.

Роберт Эберхардт. «Царь Питекантроп Последний»

Роберт Эберхардт – имя одного из главных персонажей

романа, немецкого интеллектуала-антифашиста, по специальности антрополога; «Царь Питекантроп Последний» – название его неопубликованной книги. Эпиграф к роману сразу же стал у нас ходячей цитатой.

С ним перекликается изречение, обычно приписываемое Джону Кеннеди:

Самые жаркие места в аду отведены тем, кто в моменты великих нравственных кризисов сохраняет нейтралитет.

Кеннеди действительно цитировал эти слова в двух своих речах – в феврале 1956 года и 16 сентября 1959 года, оба раза со ссылкой на Данте.

Ранняя версия этого изречения появилась в книге Теодора Рузвельта «Америка и Мировая война» (1915): «Данте отвел особое бесславное место в аду для тех низких душою ангелов, которые не решились стать ни на сторону добра, ни на сторону зла».

А свою окончательную форму эта сентенция (с подписью: «Данте») получила в сборнике мыслей и афоризмов «Что есть истина», опубликованном во Флориде в 1944 году. Автором сборника был Генри Пауэлл Спринг (1891–1950).

Теодор Рузвельт был гораздо ближе к тексту Данте, чем Спринг и Кеннеди. В начале третьей песни поэмы «Божественная комедия. Ад» описывается преддверие ада:

Там вздохи, плач и иступленный крик

Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

Вергилий объясняет автору поэмы:

...То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.

И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.

Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина.

(Перевод М. Лозинского)

В свою очередь, Данте развивал мысль, выраженную в стихах Откровения апостола Иоанна, т. е. Апокалипсиса:

Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!
Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

Нейтральных в борьбе между Богом и дьяволом Данте помещает у входа в преисподнюю, а вовсе не в «самых жарких

местах». Зато начиная с XVII века о «самых жарких местах в аду» говорили протестантские проповедники как в Англии, так и в США. Эти места отводились либо нераскаявшимся грешникам, либо безбожникам, либо (уже в XIX веке) лицемерам.

В России, да и в других странах, изречение о «самых жарких местах в аду» вошло в обиход как цитата из речи Кеннеди. Но по крайней мере однажды оно встретилось у нас гораздо раньше.

В конце 1929 года в Коммунистической академии провели многодневное обсуждение ошибок литературоведа В. Ф. Переверзева. Как обычно, дискуссия свелась к наклеиванию на обсуждаемого политических ярлыков. Руководил этим мероприятием С. Е. Шукин, бывший чекист и военный работник, окончивший Институт красной профессуры. В своем заключительном слове он обрушился на коллег, обличавших Переверзева недостаточно рьяно:

– Я хочу прежде всего остановиться на той категории возмущавших, или, вернее, на той категории участвовавших в данной дискуссии, которой, по словам Данте, уготованы в аду самые горячие места, заметьте, не тепленькие, а именно самые горячие места. Это – категория людей, которых Данте именует ни холодными, ни горячими, а тепленькими.

(Согласно стенограмме, опубликованной в 1930 г. под загл. «Против механистического литературоведения».)

Как видим, в конце этого пассажа красный профессор

вместо Данте процитировал апостола Иоанна.

Больше света!

В 1987 году в СССР вышел документально-публицистический фильм «...Больше света!». Здесь советские люди впервые увидели множество строжайше запрещенных ранее кинокадров, включая Льва Троцкого на Красной площади и разрушение храма Христа Спасителя.

Поколение, заставшее перестройку, помнит, что лозунг «Больше света!» был у нас лозунгом гласности. На историческом январском пленуме ЦК 1987 года Горбачев заявил:

– Нам, как никогда, нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали все, чтобы у нас не было темных углов, где бы опять завелась плесень (...). Поэтому – побольше света!

Этот лозунг подавался как ленинский, со ссылкой на письмо вождя в редакцию «Искры» в ноябре 1903 года: «*Побольше света*, пусть партия знает всё».

В своих мемуарах «Жизнь и реформа» Горбачев жаловался, что этот лозунг «не подходил номенклатуре, всем, кто причастен к власти. Наоборот, “поменьше света” – вот их принцип и тайное желание». Попутно он признается, что, будучи в Веймаре, он узнал, что «Больше света!» – отнюдь не изобретение Ленина, а предсмертные слова Иоганна Вольфганга Гёте.

Однако с последними словами великого немца полной яс-

ности нет.

16 марта 1832 года 82-летний Гёте простудился. Жить ему оставалось шесть дней. Кончина поэта «по рассказам его друзей» описана в книжке К. Мюллера, законченной полтора месяца спустя после смерти поэта.

В ночь на 22 марта Гёте сказал своему переписчику: «Это не продлится больше, чем несколько дней». Тот не понял, что имелось в виду – скорая смерть или скорое выздоровление. Утром Гёте перенесли в кресле из спальни в рабочий кабинет. Одни его замечания были вполне осмысленны, другие указывали на помутнение разума. Заметив на полу листок бумаги, он спросил, почему здесь валяется переписка Шиллера. Затем обратился к своему слуге Фридриху:

– Отворите же и вторую ставню, чтобы впустить больше света!

Чуть позже, в статье Карла Фогеля, врача Гёте, эта фраза была сокращена до восклицания:

– Больше света!

Этот возглас и был сочтен заветом, который Гёте оставил потомкам. Очень часто он приводится в еще более экспрессивной форме:

– Света! Больше света!

Позднее обнаружили свидетельства современников, утверждавших, что последние сознательные слова Гёте были обращены к его невестке Отилии, которая заботливо ухаживала за ним:

– Подойди-ка, дочурка, и дай мне свою милую лапку.

Наконец, в 1965 году был опубликован рассказ слуги Гёте Фридриха Крауса – того самого, кто должен был «впустить больше света». Из этого рассказа следовало, что Краус такой просьбы не слышал: «Действительно, он под конец назвал мое имя, но не для того, чтобы я открыл ставню, а потому, что ему понадобился ночной горшок, и он сумел взять его сам и держал поближе к себе, пока не скончался».

Этот рассказ вполне согласуется с отчетами медиков. Стоит добавить, что свет из окна резал умирающему глаза, так что он прикрывал их рукой, а потом – зеленым козырьком, надетым на лоб.

Одно время всерьез обсуждалась гипотеза, что Гёте вместо «Mehr Licht!» («Больше света!») пробормотал на родном для него франкфуртском диалекте «Mer lisch...», то есть «Лежать... [неудобно]», но не закончил фразу. Умирающий Гёте, однако, не лежал, а сидел в кресле, не говоря уж о том, что «Больше света!» – не первоначальная, а подправленная версия.

Иногда еще утверждается (едва ли вполне серьезно), что будто бы с дикцией у старого Гёте было неважно и на самом деле он пробормотал в забытии: «Mehr nicht» – «Больше нет...»

Как бы то ни было, но призыв «Больше света!» вошел во все европейские языки, и всюду под «светом» понимается свет разума, знаний, культуры.

Браки совершаются на небесах

В «Войне и мире», в минуту решительного объяснения князя Андрея с отцом Наташи, Наташу тревожит только одно:

– Мама, это не стыдно, что он вдовец?

– Полно, Наташа. Молись Богу. *Les mariages se font dans les cieux.* (Браки совершаются на небесах.)

Так оно в конце концов и выходит. Только оказывается, что на небесах совершился не этот брак, а другой.

Кто же первым сказал «*Les mariages se font dans les cieux*»?

Одной из первых – королева Маргарита Наваррская (1492–1549), в новелле «О двух любовниках» из сборника «Гептамерон». И тут же добавила: «...но это не относится к бракам по принуждению», – тогда они были делом обычным.

В 1572 году принцесса Маргарита Валуа сочеталась браком с Генрихом де Бурбоном, будущим королем Генрихом IV. Жених и невеста были совершенно равнодушны друг к другу, а их свадьба закончилась Варфоломеевской ночью. Лет десять спустя королева Марго написала своему любовнику маркизу де Шанвалону: «Пусть мне не говорят, что браки совершаются на небесах – небеса не способны на столь ужасную несправедливость». («Мемуары и письма Маргариты де Валуа», 1842.)

В Англии и Франции изречение «Браки совершаются на

небесах» уже в XVI веке было дополнено словами: «...а исполняются на земле». (Вариант нашего современника Геннадия Малкина: «...а исполняются по месту жительства».) Формула «Браки совершаются на небесах, а исполняются на земле» даже вошла в сборник юридических норм, изданный во Франции в 1608 году.

Вероятно, в XVI веке появилась итальянская рифмованная пословица «Nozze, e magistrato dal ciel è destinato» – «Жена и судья предназначены свыше» (*букв.* «Бракосочетание и судья предназначены небесами»).

У Даля можно найти пословицу «Смерть да жена – Богом суждена» («Пословицы русского народа», 1861).

Еще раньше ту же рифмованную пословицу привел, по-польски и по-словацки, чех Франтишек Челаковский, поборник идеи «славянской взаимности»: «Śmierć i żona od Boga przeznaczona»; «Smrť a žena od Boha souzena» («Мудрость славянского народа в пословицах», 1852).

Мудрость о браке и небесах гораздо старше и Маргариты Валуа, и Маргариты Наваррской. Мы находим ее в Мидраше – еврейском толковании Библии. Первый трактат Мидраша «Берешит рабба» (толкование книги Бытия) был составлен, вероятно, в V веке н. э. В нем говорится: «Не бывает бракосочетания человека, кроме как по воле Небес» («Берешит рабба», 68:3; перевод А. Лихтенштейна). Сказано это о встрече Ревекки с Исааком, предназначенным ей в мужья.

Здесь же приводилась занимательная история о раввине

Иосе бен Халафта, жившем в середине II в. н. э. Некая римская матрона спросила его:

– Что Господь делает после того, как сотворил мир?

– Сочетает пары, – ответил рабби.

– И это его занятие? Да это и я бы могла.

– Тебе это кажется легким, а вот для Бога это не легче, чем раздвинуть воды Красного моря.

Матрона ушла домой, поставила в ряд тысячу слуг и тысячу служанок и сказала:

– Такой-то женится на такой-то, а такая-то выйдет замуж за такого-то.

Наутро все они явились избитые и израненные – не сошлись, так сказать, характерами («Берешит рабба», 68:4).

Согласно трактату «Берешит рабба», «в трех разных местах Святого Писания сказано, что небеса предназначают женщину мужчине». В Притчах: «Дом и имущество – наследство от родителей, а разумная жена – от Господа». В Бытии, о браке Исаака с Ревеккой: «От Господа пришло это дело». В Книге Судей, о браке Самсона с «женщиной из Фимнафы»: «это от Господа».

Австрийская писательница Мария Эбнер фон Эшенбах заметила: «Браки совершаются на небесах, но там не заботятся, чтобы они были удачны» («Афоризмы», 1880).

И точно: Исаак жил с Ревеккой долго и счастливо, а семейную жизнь Самсона иначе как катастрофой не назовешь. Мог ли Всевышний так ошибиться?

Тут-то и выясняется, что небеса, устраивая браки, имеют в виду свои собственные цели, которые с нашими совпадают отнюдь не всегда. Исаак должен был стать родоначальником еврейского народа, а Самсон – покарать филистимлян. Поэтому небеса и дали ему жену-филистимлянку, сумевшую за неделю поссорить со своими сородичами героя-богатыря.

Братья по разуму

«Братья по разуму» – не интернациональный оборот. Это почетное звание представители внеземных цивилизаций получили только в нашей стране.

С 1945 года Иван Ефремов, по специальности палеонтолог, стал публиковать научно-приключенческие рассказы. В 1947 году в журнале «Знание – сила» появилась его первая повесть «Звездные корабли» (так здесь названы звезды, странствующие по Вселенной).

В повести со всей серьезностью ставилась «проблема контакта» с внеземными цивилизациями. Профессор-палеонтолог Шатров убежден, что в Солнечной системе у человека нет «собратьев по мысли», однако они существуют в других планетных системах, причем разумное существо неизбежно окажется гуманоидом.

Герберт Уэллс, создавший классические романы о «проблеме контакта» («Война миров», «Первые люди на Луне»), держался иного мнения. В статье «Марсианский разум» (1896) он писал: «...Легко предположить, что марсиане будут существенно отличаться от землян и своим внешним обликом, и функционально, и по внешнему поведению; причем отличие может простирается за границы всего, что только подсказывает наше воображение» (перевод Вл. Гакова). А в опубликованной год спустя «Войне миров» холод-

ный разум марсиан оказывается вовсе не братским.

В повести Ефремова гипотеза Шатрова подтверждается: обнаруженный череп «звездного пришельца» в своих главных чертах близок к человеческому. Но куда же поместить пришельца в классификации разумных существ? Шатров рассуждает:

— ...Нельзя называть его человеком, если соблюдать научную терминологию. Это человек по мысли, по технике, обществу, но ведь он выработался на иной анатомической основе.

И тут выясняется, что на танталовом диске, обнаруженном рядом с черепом, запечатлен портрет космического пришельца:

Из глубины совершенно прозрачного слоя, увеличенное неведомым оптическим ухищрением до своих естественных размеров, на них взглянуло странное, но несомненно человеческое лицо. (...)

Великое братство по духу и мысли с людьми Земли безотчетно сказывалось в облике гостя нашей планеты. (...)

...Обитатели различных «звездных кораблей» поймут друг друга, когда будет побеждено разделяющее миры пространство, когда состоится наконец встреча мысли, разбросанной на далеких планетных островках во Вселенной.

Итак, в 1947 году появляются формулы «собратья по мысли», «человек по мысли», «великое братство по духу и мыс-

ли», а также предсказание встречи Разумов, разбросанных по Вселенной.

Шесть лет спустя пришло время «оттепели» и новых коммунистических утопий, непременно связанных с темой освоения космоса; первой из них стало «Магелланово Облако» С. Лема (1955). С января 1957 года все в том же журнале «Знание – сила» начал печататься роман Ефремова «Туманность Андромеды», действие которого отнесено в далекое будущее. Оказывается, что высшие космические цивилизации с незапамятных времен объединились в «Великое Кольцо». Это содружество шлет землянам послание:

Привет вам, братья, вступившие в нашу семью! Разделенные пространством и временем, мы соединились разумом в кольцо великой силы.

В журнальном варианте романа упоминалось также о «планете с братьями не только по духу, но и по телу». «Братьев по разуму» тут еще не было. Но в отдельном издании «Туманности Андромеды», вышедшем из печати в декабре 1958 года, автор заменил последнее слово: «...с *братьями* не только по духу, но и *по разуму*» (курсив мой. – К.Д.).

«Братья по разуму» сразу же вошли в литературу. В № 1 журнала «Техника – молодежи» за 1958 год (еще до отдельного издания «Туманности Андромеды») был опубликован небольшой рассказ братьев Стругацких «Извне», написанный, можно сказать, на полях ефремовских «Звездных кораблей». В 1959 году Стругацкие переработали рассказ в по-

весть. Здесь уже говорилось: «...их машины столкнулись с братьями по Разуму».

«Братья по разуму» не случайно появились именно в СССР. В 60-е наука была у нас не просто наукой, но нравственной ценностью. Вера в безграничный научно-технический прогресс сочеталась с верой в неизбежный нравственный прогресс. А так как цивилизации, вышедшие на контакт, достигли высокого технологического уровня, они и в нравственном плане должны быть на высоте.

Они не «чужие» любому другому Разуму, способному на контакт, но его «собратья по духу и мысли», говоря словами Ивана Ефремова.

Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести

Повесть Стругацких «Гадкие лебеди», написанная в 1967 году, не прошла цензуру. Пять лет спустя она была издана в ФРГ, а в СССР – только при Горбачеве. Есть в ней такой диалог:

– ...Один умный человек сказал, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести.

– Другой умный человек сказал, – заметил Виктор, – что будущего нет вообще, есть только настоящее.

– Я не люблю классической философии, – сказал Павор. – (...) Будущее – это тщательно обезвреженное настоящее.

На три реплики приходится три сентенции. Третья принадлежит авторам повести, вторая определенного автора не имеет, а первая взята из книги Денниса Габора.

Деннис (Денеш) Габор (1900–1979) родился в Венгрии в еврейской семье. С 1921 года он учился и работал в Германии, а после прихода к власти нацистов эмигрировал в Англию. Здесь он изобрел голографию, за что в 1971 году получил Нобелевскую премию. В книге «Изобретение будущего» (1963) Габор писал:

Мы по-прежнему остаемся хозяевами своей судьбы.

Рациональное мышление, даже на пару с какими угодно компьютерами, не может предсказать будущее. Все, что мы можем сделать, – это наметить пространство возможностей, в которых будущее обнаруживает себя в настоящем и которое окажется иным уже завтра, когда одна из этих возможностей осуществится. Технологические и социальные изобретения все время раздвигают пространство возможностей; ныне оно несравненно шире, чем до промышленной революции, – будь то к худу или к добру.

Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести. Именно способность изобретать сделала человеческое общество тем, что оно есть теперь.

Писатель и журналист Найджел Колдер в рецензии на книгу Габора процитировал его изречение в другой форме: «Лучший способ предсказать будущее – изобрести его» («New Scientist», 28 марта 1963 г.).

В «Гадких лебедях» приведено, хотя и не буквально, еще одно высказывание из книги Габора: «Достаточно убрать из истории сотни три человек, и мы всё еще жили бы в каменном веке».

В той же повести Стругацких содержится нередко цитируемая реплика:

– Будущее создается тобой, но не для тебя.

А в философском романе Анатоля Франса «На белом камне» (1903) сказано: «Будущее укрыто даже от тех, кто его делает».

Если Габор предлагал изобрести будущее, то Рэй Брэдбери думал скорее о том, как его предотвратить.

В 1978 году в Нью-Йорке вышел перевод повести Михаила Емцева и Еремея Парнова «Душа Мира». В предисловии к этому изданию фантаст Теодор Старджон вспоминал:

«Когда речь зашла о романе “1984”, Брэдбери заметил, что мир, описанный Джорджем Оруэллом, едва ли станет реальностью – в немалой степени как раз потому, что Оруэлл его описал. “Назначение научной фантастики, – сказал Брэдбери, – не только предсказывать будущее, но и предотвращать его”».

Эссе Брэдбери «После 1984-го: Люди-машины» (1982) начиналось словами: «Меня просят предсказывать будущее, в то время как я хочу предотвратить его».

Обычно это высказывание цитируют иначе: «Я не пытаюсь описать будущее. Я пытаюсь его предотвратить».

Мало кто знает, что у Брэдбери после слов: «...я хочу предотвратить его» – следовало продолжение: «Или, еще лучше, строить его».

Будь готов! – Всегда готов!

23 августа 1923 года вышестоящие товарищи утвердили «Законы и обычаи юных пионеров», включая девиз и отзыв: «Будь готов! – Всегда готов!»

Полная форма девиза менялась вместе с линией партии:

- К борьбе за рабочее дело будь готов!
- К борьбе за дело Ленина – Сталина будь готов!
- К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

В книжке-малышке под названием «Будь готов!» (1924) Крупская так объясняла детям происхождение лозунга:

«Будь готов!» – это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело. (...) «Мы должны всегда, – писал Ленин в 1902 г. в своей книжке “Что делать?”, – вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему...»

Надежда Константиновна лукавила. В 1922 году она написала брошюру «РКСМ и бойскаутизм» и отлично знала, что пионерский девиз, вместе с отзывом, заимствован у русских скаутов («юных разведчиков»).

Отсюда же создатели пионерского движения заимствовали почти все атрибуты и организационные принципы, видоизменив и приспособив их к своим целям. Например, зеленый скаутский галстук стал красным, а три лепестка лилии

скаутского значка – тремя языками пламени костра.

Девиз «Будь готов!», как и скаутское движение, носит интернациональный характер. Он был выбран британским офицером Робертом Баден-Пауэллом. В «Скаутинге для мальчиков» (1908) – библии скаутского движения – Баден-Пауэлл писал:

Девиз скаута: БУДЬ ГОТОВ (BE PREPARED). Он означает, что ты и телом и духом готов в любую минуту выполнить свой ДОЛГ.

Долг скаута – помогать другим, в чем бы эта помощь ни выражалась, например: «Будь готов к несчастным случаям», т. е. к оказанию помощи пострадавшим. В I издании «Скаутинга для мальчиков» говорилось также: «БУДЬ ГОТОВ умереть за свою страну, если потребуется». Однако затем эти слова были исключены.

В 1912 году Баден-Пауэлл в соавторстве со своей младшей сестрой Агнесс написал пособие для девочек-скаутов: «Как девочки могут помочь укрепить Империю». Здесь мы читаем:

Девиз девочек-скаутов – «Будь готова». Что это значит? Это значит, что (...) ты должна быть готова в любую минуту встретить трудности и даже опасности лицом к лицу и знать, что и как делать в этом случае.

Девиз, выбранный Баден-Пауэллом, восходит к английскому переводу Евангелия от Матфея, 24:44, где сказано «be ye (...) ready» – «вы будьте готовы». В синодальном перево-

де: «Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий».

Не позднее XVII века в Англии появился латинский девиз «Semper paratus» – «Всегда готов». Он восходит к тому же месту Евангелия от Матфея в латинском переводе: «vos estote parati» – «вы будьте готовы».

Второй скаутский девиз:

Каждый день делай доброе дело.
(Do a good turn daily.)

Это «сводная цитата» из «Скаутинга для мальчиков»: «... каждый день делать кому-нибудь доброе дело»; «...делай свое каждодневное доброе дело» и т. д. Русская форма этого девиза – «Ни дня без доброго дела!» – вероятно, появилась под влиянием выражения «Ни дня без строчки».

Источником второго скаутского девиза можно считать рассказ Светония об императоре Тите Флавии, правившем с 79 по 81 год н. э.: однажды за обедом, вспомнив, что за целый день он не сделал ни одного доброго дела, Тит воскликнул:
– Друзья мои, я потерял день!

Будьте бдительны!

В наше время «Будьте бдительны!» чаще всего звучит как призыв остерегаться воров и мошенников. Не так было в советское время. Тогда каждый школьник знал, что это слова Юлиуса Фучика, чешского журналиста-коммуниста.

Фучик был, разумеется, большим другом СССР. Свою книгу о Стране Советов, вышедшую в 1932 году, он озаглавил: «В стране, где наше завтра – вчерашний день». В апреле 1942 года Фучик, руководивший подпольными изданиями чехословацкой компартии, был арестован гестапо и заключен в пражскую тюрьму Панкрац. Последняя запись его тюремного дневника, сделанная 9 июня 1943 года, заканчивалась словами:

Люди, я любил вас, будьте бдительны!

Три месяца спустя автор дневника был казнен в берлинской тюрьме Плётцензее, однако дневник уцелел. В 1945 году он был опубликован под заглавием «Репортаж с петлей на шее» и переведен на 70 языков.

Советским людям довоенного поколения призыв к бдительности был знаком и раньше. В 1937 году, в разгар борьбы с «врагами народа», в Москве вышла книжка под названием «Будем бдительны! Указатель литературы по вопросам вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных

разведывательных органов». Да и после войны фучиковский призыв использовался у нас не столько как антифашистский лозунг, сколько как страшилка против идеологического противника.

Тут мы продолжали традицию якобинцев. «Бдительность, – говорил Робеспьер, – это страж прав народа», добродетель, «необходимая для спасения свободы» (речь 18 декабря 1791 г. в Обществе друзей конституции). Синонимом «бдительности» было у него «недоверие» – «спасительное недоверие, которое является вернейшим стражем свободы» (речь в Учредительном собрании 1 сентября 1789 г.).

Неудивительно, что в 1924 году один из соратников Ленина заметил:

Недоверие к людям, т. е. критическое отношение к ним, действительно было характерно для Ленина, руководившего в жизни принципом Робеспьера: «Основная добродетель гражданина есть недоверие».
(А. Мартынов в предисловии к книге Л. Мартова «Записки социал-демократа»)

Отсюда уже недалеко и до сталинской фразы, приведенной в книге Анри Барбюса «Сталин» (1935):

– Здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы.

Кумиром самого Робеспьера был Демосфен, которому Плутарх приписывал изречение: «Лучшее ограждение от тиранов – недоверие граждан». Это краткая версия фрагмента

из «Второй речи против Филиппа Македонского», произнесенной Демосфеном в 344 году до н. э.:

Но есть одна вещь, общая у всех разумных людей, которую природа имеет сама по себе как оборонительное оружие; она хороша и спасительна для всех, а особенно для демократических государств против тиранов. Что же это такое? Это – недоверие.

(Перевод С. Радцига)

Однако формула «Будьте бдительны» не принадлежит Демосфену. Она восходит к новозаветному выражению «Бодрствуйте!» (на латыни: «Estote vigilate»), например: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1-е послание Петра, 5:8).

Не следует думать, что бдительность – понятие исключительно якобинское или большевистское. На эмблеме Верховного штаба Объединенных вооруженных сил Европы (т. е. НАТО) помещен латинский девиз:

VIGILIA PRETIUM LIBERTATIS

(Бдительность – цена свободы)

Этот девиз был принят в 1952 году, при первом Верховном главнокомандующем ОВС Европы Дуайте Эйзенхауэре.

Он представляет собой латинскую версию английского изречения «Eternal vigilance is the price of liberty» – «Цена свободы – неустанная бдительность». Изречение это появилось не позднее 1833 года; оно приписывалось Томасу Пейну, То-

масу Джефферсону и другим лидерам американской революции. Президент США Эндрю Джексон в своем прощальном обращении к нации от 4 марта 1837 года сказал:

– Вечная бдительность народа – вот цена свободы.

Всё это – варианты высказывания ирландского судьи и оратора Джона Филпота Кёррана. Выступая в Дублине 10 июля 1790 года, он заявил:

– Условие, при котором Бог даровал человеку свободу, – это неустанная бдительность.

В 1937 году вечный борец за свободу Джордж Оруэлл заметил:

Порою мне кажется, что цена свободы – не столько вечная бдительность, сколько вечная грязь.

(«Дорога к пирсу Уигана», гл. 4)

Важно заметить, что в англо-американской традиции (как и у Демосфена) бдительность есть недоверие к власти, а во все не к собственным гражданам, как это было у нас при Сталине, да и не только при нем. Именно об этом говорил британский писатель Норман Дуглас:

Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом.

(«В одиночестве» (1922), книга путевых очерков)

Буря в стакане воды

В справочнике Ашукиных «Крылатые слова» это выражение толкуется как «большое волнение по ничтожному поводу», а его автором назван Шарль Монтескье. Эту версию Ашукины взяли из немецкого справочника Георга Бюхмана «Крылатые слова». Правда, Ашукины, вслед за справочником Бюхмана, сообщают также, что император Павел I, будучи еще наследником трона, назвал «бурей в стакане воды» волнения в Женеве.

Монтескье умер в 1755 году, когда Павел был годовалым младенцем, стало быть, приоритет принадлежит французскому мыслителю, не так ли?

Нет, не так. Единственный довод в пользу авторства Монтескье – цитата из романа Бальзака «Турский священник» (1832):

...Буря в стакане воды, как некогда выразился Монтескье по поводу республики Сан-Марино, где лица, стоявшие у кормила правления, сменялись чуть ли не каждый день, так легко было там завладеть тиранической властью.

(Перевод И. Грушецкой)

Но это ошибка великого романиста. Монтескье этого не писал, да и не мог написать – в Сан-Марино тиранической власти никогда не было.

Французское выражение «буря в стакане воды» («une tempête dans un verre d'eau») возникло уже после смерти Монтескье. Первоначально оно было оборотом политического языка и означало «большие волнения в маленьком государстве»; отсюда у Бальзака и появилось Сан-Марино. В XIX веке это выражение нередко приписывалась Вольтеру, иногда – прусскому королю Фридриху Великому и еще несколькими лицам.

Английская версия этого выражения – «a tempest in a teapot» («буря в заварочном чайнике») – в начале XIX века приписывалась барону Эдуарду Сэрлоу, который в 1778–1792 гг. занимал пост лорда-канцлера. Так он будто бы отозвался о волнениях на острове Мэн. Мэн – маленький остров в Ирландском море с одним из старейших парламентов в мире. Это не часть Великобритании, а лишь владение британской короны.

Но в самых авторитетных французских и английских справочниках XIX – начала XX века автором «бури в стакане воды» именуется все-таки наш соотечественник Павел I. Справочник «Geflügelte Worte» («Крылатые слова»), на который ссылались Ашукины, до сих пор выходит под именем Георга Бюхмана, умершего в 1884 году. Но указание на авторство Монтескье появилось уже в посмертных изданиях справочника, сам же Бюхман держался версии об авторстве Павла I.

У нас того же мнения был князь Петр Андреевич Вязем-

ский:

При Павле, тогда еще великом князе, толковали много о Женевских возмущениях: да перестаньте, – сказал он, – говорить о буре в стакане воды.

(«Записная книжка 1813–1848 гг.»)

«Женевские возмущения» – это т. н. «Женевская революция» 1781–1782 гг. К тому времени демократическое устройство Женевской республики превратилось в аристократическое. Полноправными гражданами были лишь потомки старинных женевских родов. В феврале 1781 года «неграждане» заняли город и провозгласили равенство прав всех жителей республики. «Старые» граждане призвали на помощь Версаль. Три армии – французская, сардинская и бернская – осадили Женеву, и 2 июля 1782 года городская аристократия вернулась к власти.

Как раз в это время великий князь Павел Петрович совершал путешествие по Европе. Встречи наследника русского престола с европейскими монархами носили неофициальный характер, поэтому цесаревич с женой, великой княгиней Марией Федоровной, путешествовали под именами графа и графини Северных.

20 мая 1782 года «граф Северный» был представлен Людовику XVI и Марии Антуанетте. 8 июня для великокняжеской четы был устроен в Версале торжественный прощальный прием с оперным спектаклем, балетом и обедом на 300 персон.

По свидетельству современников, «граф Северный» проявлял живой интерес к наукам и искусствам, превосходно говорил по-французски и владел искусством светской беседы. Когда Людовик XVI в разговоре с ним упомянул о волнениях в Женеве, Павел ответил:

– Ваше Величество, для Вас это буря в стакане воды.

Реплика Павла появилась в журнале «Литературная корреспонденция» Мельхиора Гримма (одного из «братьев Гримм») за июнь 1782 года, т. е. вскоре после приема в Версале. Этот журнал, переписывавшийся от руки, рассылался европейским государям и был для них важным источником сведений о французских делах, так что слова «о буре в стакане воды» сразу же стали известны при европейских дворах, включая русский.

В печати упоминание о «буре в стакане воды» появилось год спустя, в «Политических анналах» С. Н. Ленге, знаменитого в то время французского публициста. В девятом томе «Анналов» (1783) Ленге опубликовал «Обращение к подписчикам». Здесь, среди прочих европейских событий, говорилось о революции в Женевской республике:

...Буря, поднятая в стакане воды, как ее весьма остроумно назвал наследник одной из величайших европейских монархий [т. е. цесаревич Павел Петрович].

В самом ли деле это выражение принадлежало Павлу или было приписано ему парижскими остроумцами? Вопрос

остаётся открытым. Подлинность диалога Людовика XVI с «графом Северным», приведенного в «Корреспонденции» Гримма, вызывает сомнения. Едва ли французский король стал бы на торжественном приеме обсуждать с русским цесаревичем волнения в Женеве. К тому же никто из других современников, приписывающих эту фразу Павлу, не упоминает Людовика XVI. Однако эти слова могли быть сказаны Павлом в беседе с кем-то из других лиц, с которыми он встречался в Париже.

В XIX веке был обнаружен античный предшественник «бури в стакане воды» – латинская поговорка «поднимать волну в черпаке (ковшике)» («...fluctus in simpulo»), приведенная в трактате Цицерона «О законах».

Однако оборот «fluctus in simpulo» не относился к числу общеизвестных и встречался исключительно в текстах, написанных на латыни. Выражение «буря в стакане воды» при своем появлении воспринималось как новое и остроумное, в том числе людьми образованными (что предполагало тогда хорошее знание латыни и знакомство с основными трактатами Цицерона). Отсюда следует, что они не считали «бурю в стакане воды» переводом латинского оборота.

Единственный известный мне аналог этого выражения в новых языках до 1782 года – английский оборот «a storm in a cream bowl» – «буря в чашке со сливками». Он встречается в письме Джеймса Батлера, герцога Ормондского, к герцогу Арлингтонскому от 28 декабря 1678 года: «Наша перепалка

[с лордом Оррери], кажется, подходит к концу, и по сравнению с нынешними большими событиями это всего лишь буря в чашке со сливками». Больше это выражение не встречается вплоть до начала XX века, когда письмо герцога Ормондского появилось в печати («Calendar of the manuscripts of the Marquess of Ormonde, K. P.», 1906, т. 4).

На протяжении полувека выражение «Буря в стакане воды» воспринималось как остроумная историческая фраза. И лишь потом оно утратило авторство, а его значение свелось к значению латинского «*fluctus in simpulo*» – «большое волнение по ничтожному поводу».

Как видим, Павел имеет куда больше оснований притязать на авторство «Бури в стакане воды», чем Вольтер, Монтескье или Фридрих Великий. Пусть вспомнят об этом биографы несчастного императора.

Бывали хуже времена, но не было подлей

В 1929 году журнал «30 дней» опубликовал главу, не включенную в текст романа «Двенадцать стульев». Глава называлась «Прошлое регистратора ЗАГСа». Здесь рассказывалось, как в 1913 году уездный предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов явился в кафешантан «Сальве», ведя под руки двух совершенно голых дам.

Событие это, взволновавшее передовые круги старгородского общества, окончилось так же, как оканчивались все подобные события: двадцать пять рублей штрафа и статейка в местной либеральной газете «Общественная мысль» под неосторожным заглавием «Похождения предводителя». (...)

Статья, в которой упоминались инициалы Ипполита Матвеевича, заканчивалась неизбежным: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

И точно: это одна из самых заезженных фраз дореволюционной публицистики.

Знаменитое некрасовское двустишие появилось во вступлении к I части его поэмы «Современники» (1875):

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:

«Бывали хуже времена,
Но не было подлей!»

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг – читатель мой?..

Как видим, двуступишие здесь закавычено.

Дело в том, что Некрасов переложил в стихи фрагмент из рассказа Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской «Счастливые люди». Рассказ появился годом раньше в журнале «Современник» под псевдонимом «В. Крестовский». Один из персонажей, воспитанный на идеалах «эпохи великих реформ» 1860-х годов, замечает:

– Черт знает, что из нас делается. Огорчаемся с зависти, утешаемся ненавистью, мельчаем – хоть в микроскоп нас разглядывай! Чувствуем, что падаем, и сами над собой смеемся... А? правда? были времена хуже – подлее не бывало!

Хвоцинская услышала эту жалобу от критика Степана Семеновича Дудышкина в апреле 1866 года, вскоре после покушения Дмитрия Каракозова на Александра II и начавшегося в связи с этим «завинчивания гаек». Беседуя с мужем Хвоцинской, Дудышкин сказал:

– ...Видал [времена] и тяжелее настоящего, но подлее не было.

Эти слова приведены в письме Хвоцинской к Ольге Но-

виковой от 29/16 мая 1869 года.

Некрасовская сентенция не раз подвергалась критике. В книге «Основы народничества» (т. 2, 1893) Иосиф Иванович Каблиц писал: «...Обычным идеализированием прошлого являются отзывы современников об этом прошлом. Известно, что выражение: “Бывали хуже времена, но не было подлей” – было излюбленным именно людьми шестидесятых годов».

В 1889 году 18-летний Бунин ненадолго поселился у брата в Харькове. Согласно биографии писателя, написанной его женой, местная радикальная молодежь интересовала его, но по культуре была ему чужда. «Задевал его и язык их, (...) бледный, безобразный, испещренный иностранными словами и (...) повторением одних и тех же фраз, например: “чем ночь темней, тем ярче звезды” или “бывали хуже времена, но не было подлей”, “третьего не дано”... и так далее».

В советское время некрасовское двустиишие могло цитироваться лишь в сугубо историческом контексте. Зато теперь оно популярно не менее, чем во времена молодости Ипполита Матвеевича.

Бывшее сделать небывшим, или Парадоксы всемогущества

«А может ли Бог бывшее сделать небывшим?» – таков один из парадоксов о всемогуществе Божиим.

Греки и римляне знали совершенно точно: не может. Это положение мы находим уже у Феогида в VI в. до н. э.: «Невозможно бывшее сделать небывшим» («Элегии», 583).

Аристотель цитировал изречение афинского драматурга-трагика Агафона (V в. до н. э.):

Ведь только одного и богу не дано:
Не бывшим сделать то, что было сделано.

(Перевод Н. В. Брагинской)

Детальный перечень невозможного для богов представил Плиний Старший, римский ученый-энциклопедист I века н. э. («Естественная история», II, 27). В XVI веке этот перечень цитировал Мишель Монтень:

Для человека немалое утешение видеть, что бог не все может: так, он не может покончить с собой, когда ему захочется, что является наибольшим благом в нашем положении; не может сделать смертных бессмертными; не может воскресить мертвого; не может сделать жившего нежившим, а того, кому воздавались

почести, не получавшим их, – так как он не имеет никакой иной власти над прошлым, кроме забвения.

(«Опыты», I, 22)

И, конечно, даже боги не могут нарушить законы логики и математики: «Бог не может сделать, чтобы дважды десять не было двадцатью», – замечает Плиний. В 1625 году голландец Гуго Гроций изложил ту же мысль в современной форме: «Даже Бог не может сделать, чтобы дважды два не было четыре» («О праве войны и мира», I, 1, 10).

Для христианских мыслителей это было не столь очевидно. Итальянский кардинал XI века Петр Дамиани в трактате «О божественном всемогуществе» заявил: «Бог (...) может сделать бывшее небывшим».

Автор трактата возражал одному из отцов западной Церкви Иерониму Стридонскому, который считал, что «хотя и все может Бог, не может восстановить деву после падения ее» («Письма», 22, 5; перевод И. Купреевой).

Петр Дамиани, напротив, писал:

Признаю и, не боясь никаких возражений насмешливых спорщиков, утверждаю без колебаний: может всемогущий Бог всякой многобрачной вернуть девственность, восстановить в самом ее теле знак невинности, с которым вышла она из чрева матери

(Перевод И. Купреевой)

Этого мало: Бог может сделать так, чтобы Рим, основанный в древние времена, не был основан, – потому что Бог не

связан ни законами природы, ни законами логики.

У позднейших церковных авторитетов этот тезис признания не нашел. Фома Аквинский учил:

...То, что несет в себе противоречие, не подпадает под всемогущество Бога. Но то, что произошедшее не произошло, подразумевает противоречие.

(«Сумма теологии» (1265–1274), I, 25, 4; перевод С. Еремеевой)

Того же мнения держался великий математик и богослов Готфрид Лейбниц:

Бог, будучи высочайше премудрым, не может отступить от сохранения известных законов и не может не действовать согласно правилам, как физическим, так и моральным, которые избрала его премудрость.

(«Опыты теодицеи» (1710), I, 28; перевод К. Истомина)

И все же некоторые позднейшие мыслители, в том числе Кьеркегор и Лев Шестов, вернулись к тезису Петра Дамиани: законы нашей логики Богу не писаны, иначе вера как таковая теряет смысл. Тут уместно процитировать Тургенева:

О чем бы ни молился человек – он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два – не было четыре!»

(Стихотворение в прозе «Молитва», 1881)

Существует множество формулировок парадокса о всемогуществе Божиим. Из них едва ли не самый известный – парадокс о камне: «Может ли Бог создать камень, который он

сам не в силах поднять?» Этот парадокс появился лишь в XIX веке, хотя уже в XIV веке итальянец Григорий из Римини доказывал, что Бог может создать бесконечно большое по величине тело.

В «Воспоминаниях» Лидии Ивановой приводится ответ ее отца, поэта-символиста Вячеслава Иванова, на этот хитрый вопрос:

– Бог не только может, Он уже создал такой камень. Это есть человек с его свободной волей.

В наше время «бывшее сделать небывшим» чаще всего означает исправление истории задним числом. Поэтому закончу афоризмом из «Дневника» английского писателя Сэмюэла Батлера (1835–1902):

Бог не может изменить прошлое, но историки могут. И должно быть, как раз потому, что иногда они оказывают эту услугу, Бог терпит их существование.

В борьбе обрешь ты право свое

В главе 9 «Двенадцати стульев» читаем:

– Этот ребус трудненько будет разгадать, – говорил Синицкий, похаживая вокруг столовника. – Придется вам посидеть над ним!

– Придется, придется, – ответил Корейко с усмешкой, – только вот гусь меня смущает. К чему бы такой гусь? А-а-а! Есть! Готово! «В борьбе обрешь ты право свое»? (...) А для чего вы этот ребус приготовили? Для печати?

– Для печати.

– И совершенно напрасно, – сказал Корейко (...). – «В борьбе обрешь ты право свое» – это эсеровский лозунг. Для печати не годится.

– Ах ты боже мой! – застонал старик. – Царица небесная!

До большевистского переворота социалисты-революционеры (эсеры) были самой многочисленной и самой влиятельной революционной партией, а с весны по октябрь 1917-го – фактически правящей. Девиз «В борьбе обрешь ты право свое» печатался в их газетах, листовках, помещался на знаменах и прочей символике. Его знал чуть ли не каждый, кто в сознательном возрасте встретил Февральскую революцию. По известности он соперничал с лозунгом большевиков

и меньшевиков «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И то, что Сеницкий его не знал, говорит о его абсолютном политическом невежестве.

Эсеровский девиз впервые появился в январе 1902 года в газете «Революционная Россия» – центральном органе партии. Однако взят он был не из сочинения какого-нибудь социалиста-революционера. Это эпиграф к книге выдающегося немецкого правоведа Рудольфа фон Иеринга «Борьба за право»:

Im Kampfe sollst du dein Recht finden.

Трактат Иеринга, опубликованный в 1872 году, два года спустя вышел в России в переводе П. П. Волкова.

Главные идеи трактата актуальны и в наше время: «Право есть непрерывная работа, притом не одной только государственной власти, но всего народа»; «Защита права есть обязанность перед обществом»; «Кто защищает *свое* право, тот (...) защищает право *вообще*».

Понятно, что Иеринг не мог одобрить борьбу за право насильственными методами. Эсеры, напротив, не собирались «бороться за право» с помощью легальных юридических механизмов. Как раз в 1902 году была создана их Боевая организация, развернувшая масштабный террор против представителей власти.

До московского восстания левых эсеров в июле 1918-го эсеровский лозунг использовался в Советской России наравне с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

С лета 1918 года под лозунгом «В борьбе обрешь ты право свое!» эсеры боролись против большевиков в Гражданской войне. Во время Антоновского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. к этому лозунгу был добавлен другой: «Долой власть насильников-коммунистов!»

В октябре 1917-го режиссер Е. Петров-Краевский по заказу частной фирмы снимал в Петрограде фильм-хронику «В борьбе обрешь ты право свое». Фильм не был закончен из-за Октябрьского переворота. А в 2007 году под тем же названием в Москве был показан документальный фильм Якова Назарова. Здесь уже речь шла о борьбе «отказника» Иосифа Бегуна за право выезда в Израиль.

В окопах нет атеистов

«Не бывает атеистов в окопах под огнем», – пел основатель рок-группы «Гражданская оборона» Егор Летов (песня «Про дурачка», 1990). Тогда это изречение было у нас новинкой.

Автором фразы «В окопах нет атеистов» обычно считается Уильям Каммингз, капеллан армии США. Согласно книге Карлоса Ромуло «Я видел падение Филиппин» (1943), Каммингз привел ее в своей проповеди, прочитанной в начале 1942 года в осажденной японцами крепости Батаан на Филиппинах.

Однако на сайте «Quoteinvestigator» («Расследователь цитат») указаны более ранние источники. В ноябре 1914 года, через полгода после начала Первой мировой войны, провинциальная английская газета «The Western Times» поместила отчет о поминальной службе в честь павшего на фронте солдата. Проповедник цитировал письмо неизвестного армейского капеллана:

У нас в окопах нет атеистов. Люди не стыдятся признаться в том, что, хотя прежде они никогда не молились, теперь они молятся всем своим сердцем.

Это изречение, вероятно, появилось на фронте. В годы Первой мировой оно не раз повторялось в англоязыч-

ной печати. В феврале 1918 года американский журнал «St. Andrew's Cross» привел слова молодого офицера, сражавшегося во Фландрии: «Уже в полумиле от линии траншей нет ни одного атеиста».

Вторично эта фраза родилась в уже упомянутой крепости Батаан, причем первоначально имя Каммингза не упоминалось. В апреле 1942 года изречение цитировалось со ссылкой на некоего сержанта из гарнизона крепости. А в июле журнал «Ридер дайджест» опубликовал более подробный рассказ офицера Уоррена Клира:

Я помню, как прыгнул в окоп во время особенно жестокого авианалета. Находившийся там сержант присел, чтобы освободить мне место. Тут весь мой ужас вырвался на свободу, и я не удивился, обнаружив, что молюсь вслух. И сержант, как я слышал, молился тоже. Когда налет кончился, я сказал:

– Сержант, я заметил, что вы молились.

– Да, сэр, – отвечал он, ничуть не смутившись, – но в окопах нет атеистов.

К тому времени фраза слегка изменилась: в годы Первой мировой окопы именовались trenches, что означает еще и траншеи. Во Вторую мировую войну в армии США обычным был индивидуальный окоп – foxhole (буквально: лисья нора); он-то и заменил первоначальное trenches в изречении об окопах и атеистах: «There are no atheists in foxholes».

Можно предположить, что ближайшим источником этого

изречения была фраза «В аду нет атеистов», известная в Англии с середины XVII века.

«Quoteinvestigator» в своих изысканиях обращается к XVI веку. Монтень приписывал Платону слова:

...Мало таких убежденных атеистов, которые под влиянием опасности не могли бы быть доведены до признания божественного Провидения.

(«Опыты», I, 12; перевод А. Бобовича)

Здесь очень вольно изложены два фрагмента из трактатов Платона «Законы» и «Государство»:

Никто из тех, кто в юности держался мнения, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей.

Когда кому-нибудь близка мысль о смерти, на человека находит страх и охватывает его раздумье о том, что раньше и на ум ему не приходило. Сказания, передаваемые об Аиде (...), переворачивают его душу: что, если это правда?

Для самого Монтеня (как, впрочем, и для Платона) религиозность, продиктованная страхом, неприемлема:

Что это за вера, которую вселяют и устанавливают в нас трусость и малодушие? Нечего сказать, хороша вера, которая верит в то, во что верит, только потому, что у нее нет мужества не верить! Может ли такая порочная страсть, как непостоянство или страх,

породить в нашей душе нечто незыблемое?

В 1998 году в США была основана «Военная ассоциация атеистов и свободомыслящих», выбравшая своим девизом «Атеисты в окопах». Ее активисты утверждают, что в ряде случаев военный опыт ведет к сомнению в существовании Бога, допускающего столь чудовищное смертоубийство.

Год спустя в Алабаме появился памятник с надписью:

В память об атеистах в окопах и множестве свободомыслящих, служивших нашей стране с честью и отличием.

Установлен национальным фондом «Свобода от религии» в надежде, что в будущем человечество научится избегать каких бы то ни было войн.

В 1994 году вышел роман американского писателя-фантаста Джеймса Морроу «С Иеговой на буксире». Одна из героинь романа замечает:

– «В окопах нет атеистов» – не довод против атеизма, а довод против окопов.

А в начале 2010-х годов в США появилась надпись на майках:

В тренировочных лагерях террористов
нет атеистов.

В этой гипотезе я не нуждался

В 1963 году Варлам Шаламов передал Александру Солженицыну подборку «Колымских рассказов», которые надеялся напечатать в «Новом мире». В своем дневнике он записал отзыв коллеги-писателя:

— ...Я просмотрел бегло несколько ваших рассказов. Нет нигде, чтобы герой был верующим. (...) Я даже удивлен, как это Вы... И не верить в Бога.

— У меня нет потребности в такой гипотезе, как у Вольтера.

— Ну, после Вольтера была Вторая мировая война.

— Тем более.

Вольтер был деистом, т. е. верил в Бога, хотя это не был Бог какой-либо из существующих религий. А знаменитую фразу произнес Пьер Симон Лаплас (1749–1827), французский математик, физик и астроном.

Эти слова были адресованы Наполеону, с которым Лаплас связывали очень близкие отношения. В 1784 году 15-летний Наполеон Бонапарт был принят в парижскую Военную школу. Здесь он слушал лекции Лапласа, а затем с блеском сдал ему выпускной экзамен по математике как экзаменатору Королевского корпуса артиллеристов.

В декабре 1797 года Французский институт (так тогда именовалась Академия наук) по предложению Лапласа при-

нял Наполеона, героя Итальянской кампании, в свои ряды в качестве члена Секции механики физико-математического отделения.

12 ноября 1799 года, на третий день после переворота 18 брюмера, Наполеон явился на заседание Французского института, прочел 45-минутный доклад и объявил Лапласу о его назначении министром внутренних дел. К министерской должности великий ученый оказался совершенно непригоден и шесть недель спустя был отставлен. Но расположение к нему Первого консула, а затем императора ничуть не уменьшилось. Через несколько лет Лаплас возглавил Сенат, а 1808 году получил титул графа Империи.

Существует несколько версий беседы Наполеона с Лапласом. Одна из них приведена в заметке Виктора Гюго, датированной 1847 годом и опубликованной 40 лет спустя в сборнике «Увиденное» (1887). Согласно Гюго, физик и астроном Франсуа Араго любил рассказывать следующий анекдот: когда Лаплас опубликовал последние тома своей «Небесной механики», император Наполеон вызвал ученого к себе и гневно обратился к нему:

– Как, вы даете законы всего творения и в своей книге ни разу не упомянули о существовании Бога!

– Ваше Величество, в этой гипотезе я не нуждался.

«Небесная механика», главный труд Лапласа, состоял из пяти томов. Два первых вышли в 1799 году, два следующих – в 1802 и 1805 годах, а последний лишь в 1825 году. Наполеон

стал императором в 1804 году; следовательно, приведенный Гюго разговор должен был состояться в 1805 году, после выхода IV тома «Небесной механики». Однако все указывает на то, что разговор произошел раньше, когда Наполеон был еще Первым консулом.

В 1864 году шотландский математик Огастес де Морган в журнале «The Athenaeum» поместил следующую версию «анекдота, хорошо известного в Париже, но еще ни разу не напечатанного»:

Наполеон спросил:

– Господин Лаплас, я слышал, что вы написали большую книгу о системе мироздания и ни разу не упомянули о ее Творце.

Лаплас ответил:

– В этой гипотезе я не нуждался.

Наполеона это весьма позабавило, и он рассказал об этом ответе Лагранжу, знаменитому математику и астроному. Тот воскликнул:

– Ах, это прекрасная гипотеза; она очень многое объясняет.

Наконец, Б. А. Воронцов-Вельяминов в биографии Лапласа излагает еще одну версию этого эпизода, в которой Лаплас дарит Наполеону, Первому консулу, свою книгу «Изложение системы мира» – первый, популярный набросок «Небесной механики».

Однако «Изложение системы мира» вышло в 1797 году,

а Первым консулом Наполеон стал лишь в декабре 1799-го; стало быть, речь могла идти только о «Небесной механике». Ее первые два тома Лаплас послал Наполеону в октябре 1799 года, а III том – в ноябре 1802 года, с посвящением: «...Герою, умиротворителю Европы, которому Франция обязана своим процветанием, своим величием и самой блестящей эпохой своей славы; просвещенному покровителю наук» и т. д.

Вот тогда-то, вероятно, и состоялся исторический разговор. В изложении самого Наполеона он выглядел так:

...Я поздравил его [Лапласа] с выходом в свет его сочинения и спросил, почему слово «Бог», непрерывно выходящее из-под пера Лагранжа, у него не встречается вовсе. «Это потому, – ответил он, – что я в этой гипотезе не нуждался».

(По записи личного врача Наполеона Франческо Антоммарчи 18 ноября 1819 г.)

В версии Наполеона, как и в версии де Моргана, есть одна серьезная неувязка. Жозеф Луи Лагранж не ссыался на Бога в своих научных трудах.

Однако все становится на свои места, если допустить, что императору изменила память и в действительности речь шла о Ньюtone. Именно так полагал Эрве Фай, автор книги «О происхождении мира» (1884), который слышал о беседе Наполеона с Лапласом от Франсуа Араго.

Как известно, Ньютон обращался к Богу, чтобы объяс-

нить происхождение и стабильность системы мира. В конце своего трактата «Оптика» он писал: «Слепая судьба никогда не могла бы заставить планеты двигаться по одному и тому же направлению по концентрическим орбитам». Еще определеннее сказано в позднейших изданиях «Начал»: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественного и премудрого существа».

В 1715 году Готфрид Лейбниц писал Сэмюэлу Кларку, разделявшему воззрения Ньютона:

«Г-н Ньютон и его сторонники (...) придерживаются довольно странного мнения о действии Бога. По их мнению, Бог от времени до времени должен заводить свои часы, иначе они перестали бы действовать. У него не было достаточно предусмотрительности, чтобы придать им непрерывное движение. Эта машина Бога, по их мнению, так несовершенна, что от времени до времени посредством чрезвычайного вмешательства он должен чистить ее и даже исправлять, как часовщик свою работу».

Кларк на это ответил, если часы будут идти вечно без вмешательства часовщика, то и люди прекрасно смогут обойтись без часовщика-Бога. Этот ответ помогает понять, почему Наполеон, считавший веру в Бога необходимой для общественного порядка, не мог принять картину мироздания, из которой Бог фактически устранялся.

В 1895 году в печати появилось еще одно свидетельство —

дневниковая запись английского астронома Уильяма Гершеля. 8 августа 1802 года он вместе с Лапласом был приглашен в Мальмезон, загородный дворец четы Бонапартов. Наполеон задал своему английскому гостю несколько вопросов об астрономии и строении небес и остался весьма доволен его ответами. Затем он обратился к Лапласу. Заговорив о величии звездного неба, Первый консул восхищенно воскликнул: «И кто же создал все это!» Лаплас отвечал, что возникновение и поддержание гармонии столь чудесной системы объясняются цепью естественных причин. Это объяснение Наполеону не слишком понравилось.

Знаменитая фраза у Гершеля не упомянута, и на этом основании некоторые историки науки поспешили объявить ее легендарной. Однако едва ли Гершель и Наполеон говорили об одной и той же беседе. Согласно Наполеону, он поздравил Лапласа с выходом его нового сочинения, т. е. III тома «Небесной механики», опубликованного лишь в ноябре 1802 года – через 4 месяца после беседы в Мальмезонском дворце. Известно также, что он беседовал с Лапласом не раз и не два.

В изгнании Наполеон рассказывал: «Я часто спрашивал его, что он [Лаплас] думает о Боге, и он признался мне, что он атеист» (запись Гаспара Гурго от 16 апреля 1818 г.). Впрочем, годом раньше Наполеон говорил об этом осторожнее: «В Институте ни Лаплас, ни Монж, ни Бертолле не верили в Бога. Конечно, они в этом не признавались!» (запись Гурго

от 13 марта 1817 г.).

Вопрос о религиозных воззрениях Лапласа до конца не решен. Известно, что он не верил в догматы христианства и одобрял якобинскую кампанию «дехристианизации». Часть историков науки считает его деистом. Но устранение Бога от участия в создании системы мира склоняет к выводу, что автор «Небесной механики» был либо атеистом, либо агностиком.

С темой «Наполеон и Академия наук» связана еще одна вошедшая в историю фраза. В 1800–1802 гг. юрист Франсуа Жан Андриё был президентом Трибуната – законосовещательного органа, созданного Наполеоном. Трибунат нередко критиковал законопроекты правительства. В 1801 году, в ответ на недовольные замечания Наполеона по адресу Трибуната, Андриё заметил:

– Гражданин Консул, вы член Секции механики [Французского института] и знаете, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление.

Эти слова привел Ш. Розан в предисловии к «Избранным сочинениям» Андриё (1878).

Велик русский бог

Как установил выдающийся филолог и семиотик Б. А. Успенский, «русским богом» первоначально называли Николая Чудотворца (Николу-угодника), причем выражение это обычно вкладывалось в уста иноверцев. В «Чуде святого Николы о половчине» половец говорит:

«...Велик есть бог русский и дивна чюдеса творит».

(Это сказание возникло в XI–XII вв., а известно по списку XV–XVI вв.)

Однако и на самой Руси почитание Николы «приближалось к почитанию Богородицы и даже самого Христа» (Б. А. Успенский, «Филологические разыскания в области славянских древностей», 1982). Вплоть до конца XVIII века встречались священники, исповедующие Николу как Бога.

Со временем выражение «Велик русский бог» утратило связь с Николой-угодником. В качестве пословицы оно включено в сборник пословиц И. М. Снегирева (1831–1834) и словарь Даля.

Патриотическая трагедия Владислава Озерова «Димитрий Донской» (1807), необычайно популярная в свое время, заканчивалась словами Димитрия:

...Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:

«Языки ведайте: велик Российский Бог!»

Однако выражение, естественное в устах язычника, сомнительно в рамках христианской культуры. В 1814 году статс-секретарь А. С. Шишков вынужден был разъяснять:

«Многие возражают против сей пословицы, видя в ней нечто языческое, говоря, Бог един у всех народов, как же можно сказать *Русский Бог*? Но сии возражения несправедливы. Здесь Русский Бог не означает особливового у русских божества, но одного и того же Бога, милостью своей к русским великого» (примечание в книге Э. М. Арндта «Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарта помыслах»).

Двадцатью годами раньше молодой Николай Карамзин, русский патриот и «друг человечества», уточнял: «Русский Бог и Бог вселенная!» (поэма «Илья Муромец», 1794).

О «Русском Боге» нередко вспоминали во время нашего владычества Наполеона. Кутузов в донесении из Ельны 20 октября 1812 года цитировал трагедию Озерова: «Велик Российский Бог». Восемь дней спустя он же писал Д. П. Трощинскому: «...Я уповаю во всяком роде успеха, ибо Русский Бог велик».

Хорошо известны строки из зашифрованной Пушкиным IX главы «Евгения Онегина»:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,

Барклай, зима иль Русский Бог?

(В рукописи – «Р[усский] Б[ог]»; именно так обычно писали в XIX веке. В советских изданиях оба слова печатались со строчных букв, а в послесоветских появился «русский Бог».)

13 октября 1818 года друг Пушкина, князь Петр Вяземский, писал А. И. Тургеневу:

«Русский Бог – не пустое слово, но точно имеет полный смысл. Об этом-то Боге можно сказать поистине: “Si Dieux n’existait pas il faudrait l’inventer” [“Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать”, *франц.*]. Только об этом не надобно вслух говорить: у нас уж и так на Бога слишком надеются».

Десять лет спустя, 18 апреля 1828 года, Вяземский послал А. И. Тургеневу стихотворение «Русский Бог». Оно широко разошлось в тогдашнем самиздате, т. е. в списках, но вплоть до 1921 года на родине поэта не публиковалось. Почему – ясно из приводимых ниже строф:

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов,
Вот он, вот он Русский Бог.

Бог грудей и жоп отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,

Вот он, вот он Русский Бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он Русский Бог.

С. А. Рейсер, автор содержательной статьи «Русский бог» (1961), цитируя эти стихи, вторую строфу опустил – вероятно, «чтобы гусей не раздражить».

А в «Старой записной книжке» Вяземский замечает:

«Судьбы России поистине неисповедимы. Можно полагать, что у нас и выдуман Русский Бог, потому что многое у нас творится совершенно вне законов, коими управляется все прочее мироздание».

Подобные мысли Вяземский доверял лишь ближайшим друзьям и бумаге. Публично же он всегда отдавал кесарю кесарево. В сентябре 1830 года князь сочинил куплеты для празднества в имении московского генерал-губернатора. Патриотизм этих куплетов сближается с той его разновидностью, которую сам же Вяземский тремя годами ранее окрестил «квасным патриотизмом»:

Здравствуй, град перводержавный!
Здравствуй, матушка-Москва,
Нашей Руси православной
Золотая голова!

Над тобой сходились тучи.
Смерть держала нас в плену,
Но Бог Русский, Бог могучий
За тебя, как в старину.

На тебя то нехристь грубый,
То чума, то вдруг француз,
То холера скалит зубы:
Видно, лакомый ты кус!
Что ж, заели? Нет, гриб съели!

И далее в том же духе, милком сердцу генерал-губернатора. Вяземский хорошо знал цену этим куплетам и печатать их не собирался. Они были опубликованы лишь после его смерти под заглавием «Дружеская беседа».

Стихи с упованиями на «Русского Бога» хлынули потоком после начала Крымской войны. Однако ход войны не оправдал оптимистических ожиданий. Федор Тютчев, поэт и дипломат, заметил:

«Надо сознаться, что должность Русского Бога не синекура».

У И. С. Аксакова в биографии Тютчева эта острота приведена по-французски; в «Воспоминаниях» князя В. П. Мещерского – на макаронической смеси французского с русским: «...les fonctions du Русский Бог ne sont pas une sinécure». (Как известно, Тютчев был прототипом дипломата

Билибина в «Войне и мире». Билибинские остроты выдержаны в том же духе и произносятся на той же макаронической смеси.)

Однако раньше сам же Тютчев в сборнике под бодрым заглавием «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..» (1854) поместил стихотворение «Рассвет», написанное еще в 1849 году, где с нетерпением спрашивал:

Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Согласно С. А. Рейсеру, во множестве патриотических стихотворений по поводу русско-японской и Первой мировой войны выражение «Русский Бог» уже не встречается; оно, полагал Рейсер, изжило себя окончательно.

Но этот вывод, пожалуй, был слишком поспешным.

В 2012 году Центральная детская библиотека издала методичку «Перелистай историю России». Здесь предлагался сценарий школьно-патриотического действа:

«Дети в национальных костюмах и костюмах ополченцев выходят на сцену и читают приветственные стихи Москве. Среди чтецов могут быть и мальчики в воинских костюмах, и девочки в русских сарафанах. Чтец 1:

Здравствуй, град перводержавный!
Здравствуй, матушка-Москва...»

И далее по тексту куплетов Вяземского, вплоть до:

Но Бог русский, Бог могучий
За тебя, как в старину.

Надо думать, адресатом этого празднества предполагался если не московский генерал-губернатор, то по крайней мере глава районной управы.

Велика Россия, а отступать некуда

По версии, вошедшей в советские учебники, слова: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» – произнес политрук Василий Клочков 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково на Волоколамском направлении. В этот день 28 бойцов дивизии генерала Панфилова погибли, подбив 18 танков противника и остановив продвижение немцев.

О том, что в действительности дело было не совсем так, известно давно, но, как говорил Аристотель, «даже известное известно немногим». Атаку немцев 16 ноября отражали не 28 человек (численность пехотного взвода), а 1075-й стрелковый полк. На поле боя из одной только 4-й роты погибло не менее ста человек. Немцев остановить не удалось, за что командир и комиссар полка были временно отстранены от должностей. О подбитых танках в донесениях не сообщалось.

Легенда о 28 панфиловцах и фразе Клочкова была создана журналистами «Красной звезды». Но не сразу, а в три этапа. 27 ноября увидела свет заметка военкора Василия Коротеева «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву». Здесь впервые появились 18 подбитых танков и «политрук Диев», ныне известный нам как Василий Клочков. Согласно Коротееву, Диев сказал: «Нам приказано не отступать». «Не отступим!» – ответили бойцы.

На другой день в «Красной звезде» появился передовица «Завещание 28 павших героев», написанная, по-видимому, главным редактором газеты Давидом Ортенбергом вместе с ее литературным секретарем Александром Кривицким. Здесь политрук Диев (Клочков) восклицает: «Ни шагу назад!», т. е. повторяет только что появившийся лозунг обороны Москвы.

И лишь два месяца спустя, 22 января 1942 года, газета напечатала статью Кривицкого «О 28 павших героях», где Диев (Клочков) произносит свою знаменитую фразу: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!»

После войны обнаружилось, что несколько участников боя у Дубосеково попали в плен, а один даже был осужден за то, что служил полицаем. Кривицкому пришлось давать показания в военной прокуратуре. И на вопрос следователей он прямо ответил: «Слова политрука Клочкова (...) выдумал я сам». Согласно секретному докладу главного военного прокурора (1948 г.), «подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, освещенный в печати, является вымыслом корреспондента Коротеева, редактора “Красной звезды” Ортенберга и в особенности литературного секретаря газеты», т. е. Кривицкого.

Секретным этот доклад оставался вплоть до 1997 года. Но уже в 1966 году сомнения в достоверности рассказа Кривицкого высказал в нашумевшей статье «Легенды и факты» публицист «Нового мира» В. Кардин (сам сражавшийся под Москвой в 41-м).

Статья привлекла внимание генсека. На заседании Политбюро 10 ноября 1966 года Брежнев назвал «прямо клеветническими» высказывания «некоторых наших писателей» о том, «что не было Клочкова и не было его призыва».

Разумеется, в учебниках все осталось по-старому.

Но откуда же Кривицкий взял фразу Клочкова? Тут у него могло быть два источника. Первый – хрестоматийные строки «Ребята! не Москва ль за нами? / Умрем же под Москвой...». Второй, более близкий по форме, – историческая фраза вице-адмирала В. А. Корнилова, героя Крымской войны. 15 сентября 1854 года, при осмотре войск в Севастополе, он сказал: «Нам и некуда отступать: позади нас море» (по сообщению его адъютанта А. П. Жандра).

В свою очередь, прообраз фразы Корнилова мы находим в историческом трактате Тацита «Агрикола»: «За нами нет больше земли, и даже море не укроет нас от врага, ибо на нем римский флот (...). Итак – только бой и оружие!» Так, по Тациту, говорил вождь британцев Калгак перед сражением с римлянами летом 83 года.

И все эти фразы, независимо от степени их легендарности, из истории уже не вычеркнешь.

Великий немой

«Великим немым» ныне именуют кинематограф «дозвуковой» эпохи. Резонно предположить, что это наименование появилось, когда эпоха немого кино ушла в прошлое. Однако в 1991 году киновед Юрий Цивьян указал, что наименование «великий немой» возникло в России в 1910-е годы, а предшествовало ему выражение Леонида Андреева «Великий Кинемо».

Но чему противопоставлялся «великий немой», коль скоро «говорящего» кино еще не было?

Начнем с начала – «С письма о театре» Л. Андреева, опубликованного в конце 1912 года в альманахе «Маски». Последний раздел «Письма» повествовал о будущем кинематографе – «будущем Кинемо»:

Это будет зеркало во всю пятисаженную стену, но зеркало, в котором будете отражаться не вы. (...)

Чудесный Кинемо! (...) Не имеющий языка, одинаково понятный дикарям Петербурга и дикарям Калькутты, – он воистину становится гением интернационального общения, сближает концы земли и края душ, включает в единый ток вздрагивающее человечество.

Великий Кинемо!.. – все он одолеет, все победит, все даст. Только одного он не даст – слова, и тут конец

его власти, предел его могуществу. Бедный, великий Кино-Шекспир! – ему суждено начать собой новый великий род Танталов!

Очень скоро «Великий Кино» стало настоящим крылатым словом, и не только в кинематографической печати. А 24 марта 1914 года в газете «Новое время» появилось объяснение:

«Сегодня в Литейном театре под председательством бар. Н. Дризена диспут: “ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ” (кинематограф и театр)».

Судя по всему, эту дату и следует считать датой рождения термина «великий немой».

Кинокритик М. Браиловский так прокомментировал это событие: «На смену андреевскому “великий кино” петербуржцы (...) придумали новое выражение – *великий немой*». «Великий», поясняет Браиловский, – это «любезный реверанс перед сторонниками кино», а «немой» – «тонкая уступка болезненному самолюбию изнервничавшихся театралов» (статья «Великий немой» в журн. «Сине-фоно», 1914, № 13).

В тогдашних диспутах «немой театр» (кинематограф) противопоставляли «говорящему театру», т. е. театру драматическому. Критик В. Ермилов иронизировал над актерской оппозицией кинематографу:

– Театр и Кино – враги.

– Актер! Не продавай себя врагу – Немому за

чечевичную похлебку! (...)

Актер должен служить театру, – только театру, не «Великому Немому», как величают Кинемо, а «Великому Говорящему», великому искусству!

(«Неравный брак», журн. «Сине-фоно», 1914, № 3)

Некоторое время «Великий Немой» (с прописных букв) и «Великий Кинемо» сосуществовали в печати на равных, но в конце концов «Немой» победил.

В мемуарном очерке Анны Ахматовой о Модильяни читаем:

«“Великий немой” (как тогда назвали кино) еще красноречиво безмолвствовал».

Но это либо аберрация памяти, либо Ахматова пожертвовала исторической точностью ради риторического украшения речи. В ее очерке говорится о Париже 1911 года, когда выражения «великий немой» еще не было. К тому же во Франции (да и в других странах, кроме России) кинематограф никогда не называли «великим немым».

Великое молчащее большинство

Во время избирательной кампании 1968 года Ричард Никсон пообещал вывести войска из Вьетнама. Когда он занял президентское кресло, война шла уже пятый год. Число убитых американцев дошло до 31 тысячи, а численность воюющего американского корпуса превысила полмиллиона.

15 октября 1969 года 200 тысяч демонстрантов со всех концов страны собрались в Вашингтоне, протестуя против войны.

Вечером 3 ноября Никсон выступил с программной речью по телевидению. Он изложил план «вьетнамизации» войны и переговоров с позиции силы. Не обошел он и тему антивоенных протестов:

– В течение почти 200 лет политика нашей страны определялась, в соответствии с нашей Конституцией, лидерами в Конгрессе и Белом доме, избранными всем народом. Если громкоголосое меньшинство, сколь бы жгучим ни был вопрос, возобладает над разумом и волей меньшинства, наша страна не имеет будущего как свободное государство.

И далее:

– Поэтому сегодня вечером я обращаюсь к вам, великое молчащее большинство моих соотечественников-американцев, – я прошу вашей поддержки.

Благодаря Никсону формула «великое молчащее боль-

шинство» («The Great Silent Majority») вошла в интернациональный политический язык.

15 ноября в Вашингтоне собралось уже 600 тысяч противников войны, и все же Никсон был прав: «молчащее большинство» его поддержало. Рейтинг популярности президента подскочил с 50 до 81 процента, а на следующих выборах Никсон победил в 49 штатах из 50.

Противопоставление «громкоголосого меньшинства» (vocal minority) «молчащему большинству» встречалось и раньше. Его можно найти в книге Джона Кеннеди «Профили мужества» (1955), которую Кеннеди подарил Никсону со своим автографом.

И даже «великое молчащее большинство» не было изобретением Никсона. В 1919 году в еженедельнике «Collier's» появилась статья Брюса Бартона в поддержку президентской кампании Калвина Кулиджа. Бартон писал:

«Иногда кажется, что у великого *молчащего большинства* нет своего представителя. Но Кулидж принадлежит к этой массе людей, он живет с ней, он трудится, как она, и он понимает ее».

Во Франции «молчащее большинство» (majorité silencieuse) встречалось в политической публицистике уже с конца XVIII века. В XIX веке этим выражением нередко пользовались силы, стоящие у власти. В феврале 1819 года маркиз Франсуа Бартеlemi, член Палаты пэров, предложил проект ограничения избирательного права. Проект вызвал

бурю негодования в обществе, однако другой ультраароялист, граф Амбруаз Поликарп де Ларошфуко-Дудовиль, заявил:

Петиции, даже подписанные сотней тысяч граждан, показывают лишь, что недовольные составляют меньшинство по сравнению с молчащим большинством тридцати миллионов французов.

(согласно закордонной газете «Le véridique de Gand» от 16 марта 1819 г.).

Ларошфуко-Дудовиль вовсе и не желал, чтобы «молчащее большинство» заговорило: граф был ярым противником свободы печати. Пять лет спустя, при Карле X, он стал министром королевского двора, т. е. премьер-министром.

Однако в странах английского языка выражения «великое большинство» и «молчащее большинство» имели еще и другое значение: так называли умерших. В трагедии Эдуарда Юнга «Месть» (1721) читаем:

Жизнь есть пустыня, жизнь есть одиночество;
Смерть присоединяет нас к преобладающему
(великому) большинству.
(...Death joins us to the great majority)

О различных погребальных обычаях рассказывалось в статье «Молчащее большинство» американского журнала «Harper's New Monthly Magazine» за сентябрь 1874 года. В начале XX века член Верховного суда США Джон Маршалл Харлан заявил, что «великие военачальники по обе стороны нашей Гражданской войны давно уже отошли к молчащему

большинству, оставив память о своем поразительном мужестве» (речь 9 декабря 1902 г.).

Противники войны во Вьетнаме ответили Никсону плакатом с изображением Арлингтонского военного кладбища, усеянного крестами, и подписью:

Молчащее большинство

Выражение «присоединиться к великому большинству» в значении «умереть» восходит к роману Петрония «Сатирикон»: «Наконец он отошел к большинству» (*лат. ...abiit ad plures*). Позднее «*Abiit ad plures*» использовалось как надгробная надпись.

У нас латынь не в особенной чести, и острота Петрония, усовершенствованная Юнгом, еще в 1960-е годы воспринималась как новая. Поэт Давид Самойлов вспоминал о своей последней встрече с Михаилом Светловым: «“Старик, – сказал он, – ты знаешь, что такое смерть? Это присоединение к большинству”. Он острил до последнего».

Светлов умер в сентябре 1964 года, а 9 декабря 1966 года историк Натан Эйдельман записал в своем дневнике: «Чудесная острота Светлова в “Литгазету”: “Смерть – это присоединение к большинству”».

Взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее

Театральный режиссер Николай Васильевич Петров писал: «Когда Родена спросили, как это ваяют из мрамора, то он ответил: “А это очень просто. Вы берете глыбу мрамора и отсекаете все лишнее”. Что может быть проще, глубже и содержательнее такого ответа?» («Режиссер читает пьесу: материалы к теории режиссуры», 1934).

Едва ли не чаще это изречение приписывается Микеланджело: «Мы изготавливаем их [микроэлектронные матрицы] способом Микеланджело. Так мы его называем в память о его девизе: “В каждой глыбе мрамора содержится прекрасная скульптура, надо только убрать все лишнее”» (Владимир Савченко, повесть «Пятое измерение», 1988).

Но эта мысль гораздо старше и Родена, и Микеланджело. Уже Цицерон писал:

В каждом куске мрамора (...) заключаются (...) головы, достойные резца (...) Праксителя. Ведь все они делаются путем скалывания. (...) То, что изваялось, (...) находилось внутри.

(«О дивинации», II, 21, 48; перевод М. Рижского)

Затем мы встречаем эту мысль у Леонардо да Винчи:

Скульптор (...) должен уничтожать лишний мрамор

(...), торчащий за пределами фигуры, которая заключена внутри него.

Скульптор (...) снимает лишнее.

*(«Спор живописца с поэтом, музыкантом и скульптором»;
перевод А. Губера)*

Леонардо мало известен как скульптор; вероятно, поэто-
му высказывание об «отсекании лишнего» приписывается не
ему, а Микеланджело, который, однако, теоретических тру-
дов не писал.

В XVIII веке о том же говорил Дени Дидро:

Скульптор бросает взор на глыбу мрамора – и
его воображение, более быстрое, чем его резец,
освобождает ее от всех лишних частей и прозревает в
ней фигуру.

*(«Философские исследования о происхождении и природе
прекрасного», 1751; перевод Г. Фридлендера)*

Приведем еще высказывание Льва Толстого:

...Плохой скульптор, вместо того чтобы соскоблить
лишнее, налепливает все больше и больше.

*(«Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас
или нам у крестьянских ребят?», 1862)*

С конца XIX века высказывание о «глыбе мрамора» по-
лучило хождение в форме анекдота. Один из вариантов это-
го анекдота приведен в газете «Boston Herald American» за
1974 год:

Микеланджело поздравляли с открытием его бессмертного изваяния Давида.

– Но, ради Бога, как тебе удалось создать такой шедевр из грубой глыбы мрамора? – спросил один из его почитателей.

– Это было легко, – ответил Микеланджело. – Я просто убрал все, что не было похоже на Давида.

Вино, женщины и песни

– Все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: «Wein, Weiber und Gesang», – замечает обманутый муж-убийца Позднышев в «Крейцеровой сонате».

Герой повести Толстого чуть изменил название вальса Иоганна Штрауса: «Wein, Weib und Gesang» – «Вино, женщины и песни».

Взято оно из популярного немецкого двустушия «Кто не любит вина, женщин и песен, так дураком и помрет», или, если переводить стихами:

Без женщин, песен и вина
Нам жизнь и даром не нужна.

С подписью «Мартин Лютер» эти строки появились в стихотворении «Девиз одного поэта» (1775). Многие и поныне думают, что так писал Лютер, хотя автором «Девиза» был, вероятно, Иоганн Генрих Восс, современник Гёте и Шиллера.

Однако триединство «вино – женщины – музыка» гораздо старше. В знаменитом памфлете «Письма темных людей» (1515) читаем: «И Соломон говорит: музыка, женщина и вино радуют сердце человека».

Соломон, хотя и любил женщин, этого не говорил. Нечто

похожее сказано в одной из самых поздних ветхозаветных книг – «Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова»: «Вино и музыка веселят сердце», а «приятность и красота вожделенны для очей». Судя по всему, имелась в виду именно женская красота, поскольку в другой главе «Книги премудростей...» сказано: «Не смотри на красоту человека и не сиди среди женщин: ибо как из одежд выходит моль, так от женщины – лукавство женское».

А вот что говорили эллины:

Если бы кто-то спешил снизойти в подземное царство, —
Путь ускоряют туда бани, любовь и вино.

(Эпиграмма неизвестного автора; перевод Ю. Шульца)

Ответом на это двустиишие можно считать древнеримскую надгробную надпись:

Бани, вино и любовь разрушают вконец наше тело.
Но и жизнь создают бани, вино и любовь.

(Перевод Ф. Петровского)

У мусульман с давних времен в почете триада иного рода: «Пророк сказал: “Три предмета любимы мною: аромат, женщины и молитва”» (Мухаммед Газали, «Воскрешение наук о вере» (ок. 1100 г.), перевод Е. Наумкина).

Нетрудно заметить, что все эти триединства принадлежат мужчинам. За женщин высказалась Новелла Матвеева в со-

нете «Мы только женщины...» (1966):

«Вино и женщины» – так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».
Мы отличаем вас от груши, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди – не ветчины. (...)

«Вино и женщины»? – Последуем отсель.
О женщина, возьми поваренную книжку,
Скажи: «Люблю тебя, как ягодный кисель,
Как рыбью голову! Как заячью лодыжку!

По сердцу ли тебе привязанность моя?
Ах, да! Ты не еда! Ты – человек! А я?»

Власть лежит на улице

«Революционеры не делают революций! Революционеры – это те, кто знает, когда власть лежит на улице и можно поднять ее», – писала Ханна Арендт, немецко-американский философ и политолог, в книге «Кризис республики» (1972).

В такой форме это выражение получило распространение в России с 1917 года. Нередко оно приписывается Ленину. Однако Ленин, хотя и подобрал бесхозную власть, выражением этим не пользовался. Зато к нему неоднократно прибегали эсеры. 26 мая 1917 года на III съезде эсеров Илья Коварский говорил:

– ...Политическая власть валяется буквально на улице и рабочий класс приходит и берет ее в свои руки (...).

А лидер эсеров Виктор Чернов вспоминал: «Очень часто даже от министров [Временного правительства] приходилось слышать: “если власть не валяется на улице, то она будет валяться, что всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать и ею овладеть”» (статья «Предпоследние ошибки», 1918).

Это выражение восходит к французскому политическому языку.

В декабре 1804 года Бонапарт возложил на себя императорскую корону. Наследственные монархи объявили его узурпатором, однако сам он считал иначе:

– Я нашел корону Франции на земле и поднял ее.

Так передает слова нового императора мадам де Сталь в «Размышлениях о Французской революции» (опубл. посмертно в 1818 г.).

Г-жа Клэр де Ремюза в своих «Мемуарах» (опубл. в 1880 г.) дополняет эту фразу:

– ...и поднял ее острием своей шпаги.

В беседе с Арманом де Коленкуром в 1812 году Наполеон говорил:

– Я поднял корону Франции, которая валялась брошенной в луже (dans le guisseau).

(Этот фрагмент «Мемуаров» Коленкура был опубликован в 1928 г.)

В изгнании, на о-ве Св. Елены, Наполеон повторял: «Я не узурпировал корону: я поднял ее из сточной канавы (le riveau)» (запись Э. Лас Казеса 14–18 сентября 1815 г.).

В середине XIX века во французской печати появился оборот «подобрать власть на улице» (ramasser le pouvoir dans la rue); в частности, так писали по поводу Февральской революции 1848 года в Париже.

Еще раньше, 12 января 1848 года, началась революция в Неаполитанском королевстве; власть перешла в руки Временного правительства. 14 января во французской Палате пэров выступил граф Шарль де Монталамбер – писатель, член Французской академии и ревностный католик. Он заявил:

– Необходимо, чтобы сторонники прогресса в Италии наконец целиком и полностью размежевались со сторонниками беспорядка; ради чести Италии необходимо, чтобы правительство перестало находиться на улице (*d'être dans la rue*), а иначе знаете ли вы, куда оно движется в атмосфере, царящей на улицах? Оно совершенно естественно переходит в казармы, и не обязательно в национальные, но гораздо чаще – в иностранные казармы.

Родион Раскольников, русский студент 1860-х годов, восклицал:

– Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! («Преступление и наказание», 1866).

Раскольников, как известно, равнялся на Наполеона:

– Я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил.

В 1888 году наполеоновской метафорой воспользовался Фридрих Энгельс в своем знаменитом прогнозе хода будущей мировой войны. В предисловии к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов» он предсказывал «крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны». Энгельс, можно сказать, перекидывал мостик от 1800-х годов к 1917-му и 1918-му.

Но и метафора Наполеона принадлежит ему лишь отчасти. В поисках ее истоков мы (как это часто бывает) прихо-

дим к античности.

Полководец Александра Македонского Селевк, который в 321 году до н. э. стал царем Сирии, согласно Плутарху, говорил, что, если бы люди знали, сколь хлопотно дело правления, «никто бы не стал поднимать диадему [т. е. царский венец], валяющуюся на земле» («Стоит ли старцу заниматься государственными делами», 11).

В XIX веке власть не раз и не два лежала на улицах Парижа – в июле 1830-го, в феврале и июне 1848-го, осенью 1870-го. Последний раз это случилось – так, во всяком случае, казалось участникам событий, – в 1968 году, когда парижская «Фигаро» от 15 мая вышла под шапкой «ВЛАСТЬ ЛЕЖИТ НА УЛИЦЕ».

В 1991 году власть валялась на улицах Москвы. Девять лет спустя Юрий Шевчук написал песню «Мама, это рок-н-ролл», в которой не без ностальгии вспоминал:

Были времена и получше,
Были и почестней,
Догорали дожди да веселые путчи,
Умирили ночи без дней (...),
Когда власть валялась на улице
На глазах у трезвых бичей.

В 2004 и 2014 годах власть лежала на улицах Киева, в 2011-м – на улицах Каира. Но, как заметил Станислав Ежи Лец, «если власть лежит на улице, стоит поинтересоваться, в

каком она состоянии» («Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996).

Волшебное слово

Рассказ Валентины Осеевой «Волшебное слово», опубликованный в 1944 году, сразу попал в школьные хрестоматии. Начинался он так:

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

– Подвиньтесь, – сказал ему Павлик и присел на край.

Старичок, как бы не замечая столь невежливого обращения, завязывает с Павликом разговор. И оказывается, что тот уже готов от обиды убежать из дому: о чем бы и кого бы он ни просил, он получает отказ.

Старик разгладил длинную бороду:

– Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

– Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни – тихим голосом, глядя прямо в глаза...

И шепчет это слово Павлику на ухо.

Легко догадаться, что слово это «пожалуйста» и что эффективность его стопроцентна. «Волшебник! Волшебник!» – повторяет про себя Павлик, вспоминая старика. А вот и финал:

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Именно зачин и финал превращают назидательную историю почти что в волшебную сказку.

Будь маленькие читатели Осеевой знакомы с Евангелием от Иоанна, они бы заметили в зачине и финале рассказа отголосок вовсе не детской притчи о блуднице (где Иисус произносит тоже в некотором роде волшебное слово):

...Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось в нее камень.

И опять наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить, один за другим...

Сходство будет еще больше, если вспомнить, что в пересказах притчи Иисус «чертит на песке», а не «пишет на земле».

Во французской детской литературе волшебное слово «пожалуйста» (*un mot magique* «*s'il vous plaît*») существовало уже в 1870-е годы. В 1893 году вышла в свет книжечка «Маленькое волшебное слово», где волшебное слово – «Прости-те» («*Je le regrette*»). За 10 лет книжечка разошлась тиражом

в 300 тыс. экз.

В англоязычных странах волшебное слово «пожалуйста» (magic word «Please») появилось не позднее начала XX века. Другими волшебными словами были «Спасибо» и «Извините».

В 1911 году в Бостоне вышла книжка Жозефины Скрибнер-Гейтс «Томми-сладкоежка и Голубая Девочка». Здесь рассказывалось о приключениях куклы, которая сбежала от своего владельца в леса и узнала волшебное слово «пожалуйста» от птиц, кроликов и бурундуков. Книжка имела немалый успех.

Свое слово сказали и американские шутники:

- Передай-ка мне соль.
- А волшебное слово?
- Немедленно!

В советской педагогике до середины 1930-х годов волшебные слова, как и волшебные сказки, подлежали искоренению. К тому времени советские дети, и то очень немногие, знали лишь одно «настоящее» волшебное слово: «Сезам, откройся».

Второе сказочное волшебное слово появилось в 1938 году, в пьесе Евгения Шварца «Снежная королева». Это заклинание Сказочника «Крибле-крабле-бумс», которого нет у Ганса Христиана Андерсена.

Все детское население страны услышало это слово в середине 1950-х годов, когда на радио зазвучали радиоспек-

такли по сказкам Андерсена в инсценировке Сергея Богомазова. Начинались они со вступления Сказочника, который неизменно произносил: «Крибле-крабле-бумс». Сказочником был незабываемый Николай Литвинов, главный волшебник советского радиотеатра.

Не менее знаменитое волшебное слово «Трах-тиби-дох-тиби-дох» появилось в радиоспектакле «Старик Хоттабыч» (1958), где Хоттабычем был все тот же Николай Литвинов, а автором инсценировки – Сергей Богомазов. Этого заклинания нет ни в повести Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (1938; 2-я редакция: 1956), ни в ее киноэкранизации (1956, сценарий Лагина). Богомазов, вероятно, придумал его сам.

В 1981 году вошло в обиход еще одно волшебное слово – заклинание «мутабор» из мультфильма «Халиф-аист», позволявшее герою превращаться из человека в животное и обратно. Мультфильм был экранизацией сказки немецкого писателя Вильгельма Гауфа «История о Халифе-аисте» (1826).

Во времена Гауфа немецкие школьники учили латынь и, если они были примерными школьниками, понимали значение слова «Mutabor»: «Я буду превращен». Знали они и то, что в латыни ударение на последнем слоге практически не встречается и слово это произносится как «мута́бор».

Наш читатель едва ли мог опознать латынь в написанном кириллицей слове «мутабор». Поэтому Иннокентий Смоктуновский, который озвучил мультфильм, произносил

закливание с ударением на последнем слоге: «мутабо́р», по аналогии с хорошо знакомыми нам словами «матадор», «лабрадор» и т. д. Так оно произносится и поныне.

Воруют!

«Воруют!» – один из немногих примеров, когда крылатое выражение состоит из одного слова. По краткости оно уступает только завету Козьмы Пруtkова «Бди!».

Одна из популярных версий его появления изложена (заведомо несерьезно) в повести Довлатова «Чемодан» (1991):

«Двести лет назад историк Карамзин побывал во Франции. Русские эмигранты спросили его:

– Что, в двух словах, происходит на родине?

Карамзину и двух слов не понадобилось.

– Воруют, – ответил Карамзин...»

Свою версию предложил Владимир Жириновский в книжке «Спасаем Россию» (1997): «Когда Александр I попросил Карамзина в двух словах пересказать содержание его многотомного труда по истории России, ученый ответил: “Могу и одним словом” – “Каким?” – “Воруют”, – сказал Карамзин просто».

В «Усталых сонетах» (2007) Василия Бетаки появляется имя другого императора:

На просьбу Николая описать

Одним недлинным словом всю Россию,

«Воруют» – так ответил Карамзин.

Профессор МГИМО Владимир Мединский, ставший затем министром культуры, ни одной из версий не верил: «Фраза есть. Целая идеология, построенная на ней, есть. Автора – нет» («Скелеты из шкафа русской истории», 2010).

Со строго формальной точки зрения профессор был прав. Восклицание «Воруют!» ввел в оборот не историк, а сатирик. В «Голубой книге» Михаила Зощенко (1935) читаем:

«В свое время знаменитый писатель Карамзин так сказал: “Если б захотеть одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать: воруют”».

Разумеется, Зощенко нам не указ. Другое дело – князь Петр Андреевич Вяземский, поэт, друг Пушкина и автор замечательно интересных «Старых записных книжек», опубликованных в VIII томе его «Полного собрания сочинений» (1883). Согласно Вяземскому, «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*».

Вяземский знал великого историографа лично и вполне мог слышать эти слова. Главное же – почти то же самое пишет сам Карамзин в записке «О древней и новой России» (1811), предназначавшейся одному-единственному читателю – Александру I:

«Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит!»; «Указывают пальцем на грабителей – и дают им чины, лен-ты»; «В два или три года наживают по несколько сот тысяч

(...)! Иногда видим, что государь, вопреки своей кротости, бывает расположен и к строгим мерам: он выгнал из службы двух или трех сенаторов и несколько других чиновников, оглашенных мздоимцами; но сии малочисленные примеры ответственны ли бесчисленности нынешних мздоимцев?»

Выходит, по существу дела профессор Мединский все же неправ. Впрочем, воюя с мифом об исконной вороватости русского народа, он не отрицает неистребимости воровства (или, выражаясь политкорректно, коррупции) на верхах. Мало того: согласно Мединскому, коррупция в России достигает максимума как раз тогда, «когда сильнее всего укрепляется очередная “вертикаль власти” и главными людьми в стране делаются чиновники» («О русском воровстве, особом пути и долготерпении», 2008).

Сентенцию Карамзина могли бы повторить многие российские самодержцы.

По сообщению английского дипломата Джайлса Флетчера («О государстве Русском», 1591), Иван Грозный велел английскому золотых дел мастеру хорошенько смотреть за весом золотых слитков для изготовления посуды, поскольку-де «русские мои все воры». Англичанин заметил на это:

- Ваше Величество (...) забыли, что вы сами русский.
- Я не русский, предки мои германцы, – возразил царь.

Екатерина II в письме к г-же Бьельке от 12 апреля 1775 года философически замечает: «Меня обворовывают точно так же, как и других; но это хороший знак и показывает, что

есть что воровать».

Куда менее благодушно писал о том же любимый внук Екатерины, цесаревич Александр Павлович: «Непостижимо, что происходит: все грабят, почти не встречаешь честного человека, это ужасно» (в письме своему воспитателю Фредерику Лагарпу от 21 февраля 1796 г.). Однако в правление самого Александра – если верить Карамзину – грабить меньше не стали.

Наконец, Николай I, создатель безукоризненной вертикали власти, говорил своему сыну, будущему императору Александру II:

– Я полагаю, что во всем государстве только мы с тобой не ворует (по записи в дневнике К. А. Варнгагена фон Энзе 5 ноября 1850 г.).

В советское время карамзинская фраза находилась в тени, и только полуюродивый Деточкин в кинокомедии Рязанова мог воскликнуть на всю страну:

– Ведь воруют! Много воруют!

Зато с 1990-х годов «Воруют!» стало по-настоящему крылатым словом и остается таковым по сей день.

Как обычно, наиболее яркими фразами на эту тему отметился Виктор Черномырдин:

– Всегда воровали и всегда будем воровать (согласно «Известиям» от 16 октября 1999 г.).

Он же с оптимизмом, достойным Екатерины Великой, заявлял:

– У нас [в России] воруют намного больше, причем нигде не убавляется, такая страна (на встрече с журналистам в Английском клубе 8 апреля 2005 г.).

А министр экономического развития Герман Греф дал такой прогноз:

– Если воровать перестанут, то мы будем жить, наверное, уже не в России, а в другой стране (на встрече с журналистами 3 марта 2005 г.).

Враг моего врага

В романе новосибирской писательницы Аглаиды Лой «Город и Художник» (1984) упоминается «старый горский кодекс»:

Враг моего друга – мой враг,
друг моего врага – мой враг,
враг моего врага – мой друг,
друг моего друга – мой друг.

Слова о «старом горском кодексе» здесь всего лишь украшение речи; эта ссылка ничуть не более достоверна, чем ссылка на «закон тайги» или «закон прерий».

Нейрохирург Иван Кудрин в своих заметках о блокадном Ленинграде («Прорыв блокады», 2008) вспоминает, что ленинградцы часто говорили об открытии «второго фронта». «На союзников, впрочем, мало надеялись. (...) Вспоминали индейскую мудрость: “У меня три друга: первый – мой друг, второй – друг моего друга и третий – враг моего врага”. Все считали, что третья степень дружбы только и объединяет нас с нашими союзниками».

Слово «индейская» у Кудрина, по-видимому, описка. В несколько ином виде эта мудрость содержится в индийских «Законах Ману», VII, 158:

«Следует считать врагом соседа и сторонника врага, дру-

гом – соседа врага, нейтральным – всякого, кроме этих двух».

Заметим, что «Законы Ману», вопреки названию, – не свод реальных законов, а сборник поучений, составленный в первые века нашей эры.

О том же говорил Фридрих Ницше: «“Наш ближний это не наш сосед, а сосед нашего соседа” – так думает каждый народ» («По ту сторону добра и зла», 1886).

Но едва ли сентенция о «враге моего врага» заимствована европейцами из «Законов Ману». В Европе с ними познакомились лишь в 1794 году, когда они были переведены на английский. Между тем уже в XVII веке существовало латинское изречение «*Amicus meus, inimicus inimici mei*», то есть: «Враг моего врага – мой друг».

Этой формулы мы не найдем в сочинениях древних римлян; она, по-видимому, принадлежит итальянским юристам Нового времени. Неаполитанец Франческо Мерлино Пиньятелли писал в латинском трактате «Спорные вопросы общего права» (1634): «Друг моего врага – мой враг (...). Враг моего врага будет моим другом».

Союз непримиримых, казалось бы, врагов против еще более опасного врага был обычным делом в истории. 23 августа 1939 года в Москве был подписан т. н. пакт Молотова – Риббентропа между СССР и нацистской Германией. Пять дней спустя на совещании с депутатами рейхстага и гауляйтерами Гитлер заявил:

– Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола.

А 21 июня 1941 года, накануне вторжения немецких войск в СССР, Уинстон Черчилль сказал своему личному секретарю Джону Колвиллу:

– Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в Палате общин.

Правило «Друг моего друга – мой друг» приводит на ум другой принцип, известный каждому со школьной скамьи: «Вассал моего вассала – не мой вассал». Он появился в латинском трактате французского правоведа Жана де Блано «О феодах и повинностях» (1256): «...Спрашивается: будет ли человек (вассал) моего человека моим человеком? И следует ответить, что нет».

С этим принципом перекликается положение римского права, сформулированное знаменитым юристом Ульпианом: «Компаньон моего компаньона – не мой компаньон» («Дигесты Юстиниана», 50.17.47.1).

Враг рода человеческого

В Евангелии от Матфея, гл. 25, Иисус рассказывает притчу:

...Когда же люди спали, пришел враг его [домовладыки] и посеял между пшеницею плевелы и ушел;

когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы.

Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы?

Он же сказал им: враг человека сделал это.

И далее: «...Враг, посеявший их [плевелы], есть диавол». Своим более полным титулом – «Враг рода человеческого» – дьявол назван не в Новом Завете, а в латинском церковном гимне «O geh aeternae, Domine» («Господи, царь вечный»). Авторство гимна приписывается Амвросию Медиоланскому (340–397), епископу Милана и одному из Отцов Церкви. Об Адаме здесь сказано, что его «соблазнил дьявол, враг человеческого рода (*hostis humani generis*)».

Эта латинская формула заимствована у Плиния Старшего («Естественная история», VII, 8, 6). Согласно Плинию, «врагом рода человеческого» (*hostis generis humani*) назвала Нерона его мать Юлия Агриппина, впоследствии убитая по

приказанию сына.

Применить это определение к дьяволу было тем легче, что сам Нерон нередко отождествлялся с Антихристом. В Апокалипсисе, 13:18, говорилось:

Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть.

Традиционно «число зверя» расшифровывалось как «Кесарь (Император) Нерон».

В конце XVIII века «враг рода человеческого» попал из церковного языка в политический. 7 августа 1793 года французское Национальное собрание от имени французского народа провозгласило «врагом рода человеческого» (*l'ennemi du genre humain*) британского премьер-министра Уильяма Питта-младшего. В это время Англия вела войну с революционной Францией в составе второй монархической коалиции.

В антиякобинской публицистике «врагами рода человеческого» именовали Марата и Робеспьера, а с начала наполеоновских войн это звание перешло к Наполеону.

После битвы при Ватерлоо Джон Хобхаус, британский либеральный политик и друг Байрона, издал книгу в защиту свергнутого императора: «Письма, написанные англичанином во время последнего царствования Наполеона» (Лондон, 1815). Здесь говорилось:

«...Исчерпав наиболее мерзкие прозвища, мы наконец решили дать ему наименование ВРАГА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕ-

СКОГО – титул, принадлежащий лишь демону...»

В России Наполеон был объявлен демоном и даже Антихристом почти что официально. 6 декабря 1806 года, в начале очередной военной кампании против Наполеона, было обнародовано объявление Святейшего Синода для чтения в храмах. Здесь, среди прочего, утверждалось, что узурпатор французской короны «помышляет соединить иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устроить их на ниспровержение Церкви Христовой и (о, дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона».

В июне 1807 года был заключен Тильзитский мир, и Наполеон из Антихриста превратился в союзника и друга русского государя. Подписанию мира предшествовала встреча двух императоров на плоту посреди реки Неман. В «Старой записной книжке» князя Петра Вяземского приведен исторический анекдот:

«Когда узнали в России о свидании императоров, зашла о том речь у двух мужичков. “Как же это, – говорит один, – наш батюшка православный царь мог решиться сойтись с этим окаяннным, с этим нехристом? Ведь это страшный грех!” “Да как же ты, братец, – отвечает другой, – не разумеешь и не смекаешь дела? Наш батюшка именно с тем и велел приготовить плот, чтобы сперва окрестить Бонапартия в реке, а потом уж допустить его пред свои светлые царские очи”».

В июне 1812 года Великая Армия перешла Неман, и На-

полеон снова превратился в Антихриста. Дерптский профессор Вильгельм Гецель прислал Барклаю-де-Толли свои исчисления, из коих с очевидностью следовало, что в имени «L'empereur Napoleon» содержится число 666, то есть «число зверя».

20 сентября, когда французы были уже в Москве, московский генерал-губернатор Федор Ростопчин обнародовал послание к подмосковным крестьянам, где Наполеон именовался «врагом рода человеческого, наказанием Божиим за грехи наши, дьявольским наваждением».

Иронически это наименование обыгрывает дипломат Билибин во II томе «Войны и мира», рассказывая о событиях октября 1806 года (цитирую авторский перевод с французского):

«Враг рода человеческого, вам известный, атакует пруссаков. Пруссак – наши верные союзники, которые нас обманули только три раза в три года. Мы заступаемся за них. Но оказывается, что враг рода человеческого не обращает никакого внимания на наши прелестные [т. е. прельстительные] речи, и с своей неучливой и дикой манерой бросается на пруссаков, не давая им времени кончить их начатый парад, вдребезги разбивает их и поселяется в потсдамском дворце».

Один из анахронизмов «Войны и мира» связан с другим прозвищем Наполеона – «корсиканское чудовище». Летом 1805 года Жюли Карагина в письме к княжне Марии Болконской называет Наполеона «le monstre corsicain». Однако

впервые «корсиканским чудовищем», пожирающим по 200 тысяч человек зараз, Наполеон был назван в анонимной эпиграмме, опубликованной в 1810 году в эмигрантском французском журнале «L'Ambigu» (Лондон). Широкую известность это прозвище получило и того позже, в 1814 году, – как подпись к антинаполеоновской карикатуре, напечатанной в Англии. Вдобавок здесь использовалось выражение «l'ogre corse», а не «le monstre corsicain».

Время – деньги

21 июля 1748 года в издававшейся Бенджамином Франклином «Пенсильванской газете» (Филадельфия) появилось извещение о выходе из печати новой книги: «Американский наставник, или Лучший спутник молодого человека». Это была переработка книги англичанина Джорджа Фишера «Наставник» – универсального пособия по грамматике, письмоводству, арифметике, бухгалтерскому учету, географии и всему остальному, что должен знать юноша, вступающий в деловую жизнь.

Три последние страницы книги занимали «Советы молодому купцу, написанные старым купцом». Этим «старым купцом» был Франклин. Здесь говорилось:

Помни, что ВРЕМЯ – деньги. Если ты можешь заработать десять шиллингов в день (...) и (...) сидишь полдня без дела (...), ты теряешь пять шиллингов. (...)

Помни, что деньги обладают способностью размножаться. Деньги могут производить деньги, и эти новые деньги могут тоже рождать деньги и т. д. Пять шиллингов превращаются в шесть, которые затем превращаются в семь шиллингов и три пенса и т. д., до тех пор, пока не превратятся в сто фунтов.

В последующие столетия «Советы молодому купцу» перепечатывались едва ли не тысячи раз, поэтому формула «Вре-

мя – деньги» неразрывно связана с именем Франклина. Однако появилась она раньше.

Номер лондонской газеты «Свободомыслящий» («The Free-Thinker») от 18 мая 1719 года целиком состоял из неподписанного эссе о суточном времени. В древности, говорилось здесь, сутки делились лишь на часы, потом появилось деление на минуты, а теперь даже и на секунды:

И тот, кто расточает свои часы, является, по сути, расточителем денег. Я (...) слышал об одной почтенной женщине, которая как нельзя лучше понимала всю ценность времени. Ее муж был обувщик и превосходный ремесленник, но никогда не задумывался о том, как быстро летят минуты. Напрасно жена внушала ему, что время – это деньги (Time is Money); он был чересчур умен для того, чтобы прислушаться к ней, и каждый вечер проклинал бой приходских часов. В конце концов это привело его к разорению.

О важности времени говорили уже древние греки. У Диогена Лаэртского приведено изречение Феофраста, ученика Аристотеля: «Самая дорогая трата – это время». Плутарх в биографии Марка Антония замечает: «В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние – время» (перевод С. Маркиша).

Но отсюда как раз и видно, что древние греки и Франклин говорили о разном. Плутарх отнюдь не имел в виду, что

Антоний тратит время на удовольствия, когда мог бы потратить его на увеличение своего капитала. Франклин же говорит именно об эквивалентности времени и денег: потерянное время – это потерянный капитал. «Франклин, – замечает польская исследовательница Мария Оссовская, – призывает не к скопидомству рантье, но к ускоренному обороту капитала – призыв, столь важный для юного капитализма» («Буржуазная мораль», 1956).

Существует немало переделок формулы «Время – деньги»; вот некоторые из них:

Время – потеря денег. (Оскар Уайльд, «Фразы и поучения на пользу юношеству», 1894.)

Время и деньги большей частью взаимозаменяемы. (Уинстон Черчилль, выступление в парламентском комитете 19 июля 1926 г. при обсуждении проблемы внешних долгов.)

Время – наше сокровище; это деньги, за которые мы должны купить вечность. (Испанский богослов Хосе-Мария де Балагер (1902–1975), сборник афоризмов «Борозда».)

Все выше, выше и выше

Это было в 1920 году. Красная Армия вступила в Киев, и Политуправление армии поручило двум активистам эвакопункта сочинить авиамарш. Их повезли на аэродром, где стояли два странных сооружения из дерева, полотна и металла. Именно эту военную авиацию поручалось воспеть 25-летнему музыканту Юлию Хайту и 26-летнему поэту-песеннику Павлу Герману. Так, по словам Хайта, появилась песня «Все выше, выше и выше».

Рассказ Хайта появился в печати уже после смерти композитора, в книге Евгения Долматовского «50 твоих песен» (1967). Долматовский принял его на веру, а зря. Приглядимся внимательнее к тексту «Авиамарша».

Нам разум дал стальные руки-крылья.

Но в Гражданскую войну, как и в Первую мировую, вся авиация была деревянная. Лишь в 1922 году появился особый сплав на основе алюминия, а с ним и металлические крылья.

И в каждом пропеллере дышит
спокойствие наших границ.

Летом 1920-го на Западе Советской России не было не только спокойствия, но и самих границ, а большевики жили ожиданием революции в Европе, которая навсегда покончит с границами.

Наш острый взгляд пронзает каждый атом.

«...Атом был как бы предсказан Германом», – замечает Долматовский, хотя об атомах говорилось в учебниках физики задолго до «Авиамарша», а Герберт Уэллс в романе «Освобожденный мир» (1914) писал об атомных бомбах.

И верьте нам: на всякий ультиматум
воздушный флот сумеет дать ответ.

Тут (как будет видно из дальнейшего) речь идет об ответе на «ультиматум лорда Керзона», т. е. на британские ноты советскому правительству от 8 и 29 мая 1923 года. Именно тогда появился лозунг «Наш ответ Керзону».

1-е издание «Авиамарша» появилось в Киеве между 8 марта и 15 мая 1923 года. Это установил авторитетный исследователь истории песен Валентин Антонов в серии статей, опубликованных в сетевом журнале «Солнечный ветер» за 2009 год. Учитывая же упоминание о вражеском ультиматуме, Антонов датирует 1-е издание периодом между 8 и 15 мая. Мелодия и первые две строфы песни, вероятно, были готовы еще до 8 мая, а 3-я строфа – с упоминанием ультима-

тума – дописана или изменена Павлом Германом в последний момент.

Версия о том, что музыка «Авиамарша» заимствована, высказывалась не раз. Надежного подтверждения она не получила. Однако в 1930 году ленинградский журнал «Рабочий и театр» с неодобрением писал о «всевозможных Хайтах, переделывающих старые напевы шансонеток на “революционные” песни и романсы» (№ 21, статья «Выкорчевывать пошлятину!»).

Замечание весьма любопытное. Переделка эстрадных напевов в революционные началась еще до 1917-го; так, по наблюдению историка русской эстрады Е. Уваровой, мелодия песни «Мы кузнецы, и дух наш молод» (1906) восходит к модной в те годы песенке «Я – шансонетка».

Вскоре после создания «Авиамарша» текст Германа был переведен на немецкий, став «Песней красного воздушно-го флота» («Lied der roten Luftflotte»). В свою очередь, эта песня около 1926 года была переделана в марш нацистских штурмовиков «Herbei zum Kampf, Ihr Knechte der Maschinen...» – «Идите на борьбу, рабы машин...» В обоих маршах повторялась строка:

Und höher und höher und höher.

(Все выше, выше и выше.)

Гораздо подробнее о «немецкой» главе истории «Авиамарша» рассказано в серии статей Валентина Антонова «Два марша» в журнале «Солнечный ветер» за 2006–2008 гг.

Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает

30 июня 2008 года лидер Справедливой России Сергей Миронов выступил на Конгрессе Социнтерна в Афинах. Темой дискуссии было глобальное потепление и как с ним бороться.

– Сегодня это – одна из наиболее актуальных глобальных проблем, – заявил Миронов. – Но ограничиваться только ее обсуждением уже недостаточно. Как метко заметил Марк Твен: «Все говорят о погоде, но никто ничего не делает для нее». Мы обязаны вплотную заняться этой серьезной проблемой и перейти от слов к делу.

По-английски это изречение выглядит так:

Everybody talks about the weather, but nobody does anything about it.

(Все говорят о погоде, но никто ничего с ней не делает.)

На русский оно переводилось по-разному, в том числе: «Все ругают погоду, но никто с ней не борется».

Со ссылкой на Марка Твена эта сентенция цитировалась уже при его жизни, в 1905 году. В книге «Вспоминая вчерашние дни» (1923) эту версию подтвердил журналист и дипломат Роберт Ундервуд Джонсон, лично знавший Твена.

Однако в первых упоминаниях об этой фразе ее автором именовался Чарлз Дадли Уорнер (1829–1900), сосед и друг Твена, написавший вместе с ним роман «Позолоченный век».

18 ноября 1884 года на заседании Торговой палаты штата Нью-Йорк сенатор Джозеф Росуэлл Холи процитировал слова своего «старого друга и партнера Дадли Уорнера» о погоде в Новой Англии: «Это предмет, о котором много чего говорится, но очень мало что делается (...a matter about which a great deal is said, but very little done)». Холи был издателем газеты «Hartford Courant», которую редактировал Уорнер.

В том же виде фраза приведена в мартовском номере журнала «The Book Buyer» за 1889 год в статье, посвященной творчеству Уорнера.

27 августа 1897 года в «Hartford Courant» появилась редакционная статья под заглавием «Эта погода». Здесь цитировались слова «одного известного американского писателя»: «Все говорят о погоде, но, кажется, никто ничего с ней не делает». Напрашивалось предположение, что речь идет о Марке Твене, иначе пришлось бы допустить, что редактор газеты Уорнер говорит о себе в третьем лице как об «известном американском писателе».

Наконец, в журнале «Harper's Magazine» за январь 1901 года пастор Джозеф Твичел, близкий друг Твена и Уорнера, в качестве примера юмористического стиля Уорнера привел его слова по поводу жалоб на плохую погоду: «Если речь о

погоде, то я всегда замечал, что нет ничего, о чем так много бы говорилось и так мало бы делалось».

В настоящее время авторство Уорнера считается установленным. Однако, как мы видели выше, фраза о погоде существует в двух вариантах: раннем и окончательном. Ранний практически наверняка принадлежит Уорнеру. Но нельзя исключить, что окончательный вариант, процитированный самим Уорнером, появился при участии Твена, с которым редактор «Hartford Courant» постоянно общался.

Из биографии Твена, написанной А. Пейном, мы знаем, как бы он управлял погодой, если бы мог:

«Дождь одинаково посылается на праведных и неправедных; этого не случилось бы, если бы небесной канцелярией управлял я. Нет, праведных я бы кропил лишь слегка, зато попадись мне на улице субъект очевидно неправедный, я бы его утопил».

Немецкий сатирик Хайнц Калов (1924–2015) скрестил изречение Уорнера с изречением Маркса:

Метеорологи лишь различным образом объясняли погоду, но дело заключается в том, чтобы ее изменить.

Именно к этому и призывал Миронов собратьев по Социалистическому интернационалу.

Все мы вышли из гоголевской шинели

Эта фраза появилась в серии статей французского критика Эжена Вогюэ «Современные русские писатели», опубликованных в парижском «Двухмесячном обозрении» («Revue des Deux Mondes») в 1885 году, а затем вошедших в книгу Вогюэ «Русский роман» (1886). В 1877–1882 гг. де Вогюэ жил в Петербурге в качестве секретаря французского посольства и был близко знаком со многими русскими литераторами.

Уже в начале первой из журнальных статей («Ф. М. Достоевский») Вогюэ замечает – пока еще от себя: «...между 1840 и 1850 годами все трое [т. е. Тургенев, Толстой и Достоевский] вышли из Гоголя, творца реализма». В той же статье появилась формула:

Все мы вышли из “Шинели” Гоголя» [Nous sommes tous sortis du Manteau de Gogol], – справедливо говорят русские писатели.

Наконец, в статье о Гоголе, опубликованной в ноябрьском номере «Двухмесячного обозрения», сказано:

Чем больше я читаю русских, тем лучше я вижу истинность слов, которые мне говорил один из них, *тесно связанный с литературной историей*

последних сорока лет: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» (курсив мой. – К.Д.).

В первом русском переводе книги Вогюэ (1887) эта фраза передана путем косвенной речи: «Русские писатели справедливо говорят, что все они “вышли из “Шинели” Гоголя”». Но уже в 1891 году в биографии Достоевского, написанной Е. А. Соловьевым для серии Павленкова, появляется канонический текст: «Все мы вышли из гоголевской Шинели», – причем здесь фраза безоговорочно приписана Достоевскому.

С. Рейсер считал, что это «суммарная формула», созданная самим Вогюэ в результате бесед с разными русскими писателями («Вопросы литературы», 1968, № 2). С. Бочаров и Ю. Манн склонялись к мнению об авторстве Достоевского, между прочим, указывая на то, что Достоевский вступил в литературу ровно за 40 лет до публикации книги Вогюэ «Русский роман» («Вопросы литературы», 1988, № 6).

Однако в достоверных высказываниях Достоевского нет ничего похожего на эту мысль. А в своей Пушкинской речи (1880) он, по сути, выводит современную ему русскую литературу из Пушкина.

Русский эмигрантский критик Владимир Вейдле предполагал, что фразу о шинели произнес Дмитрий Григорович, «один из русских осведомителей Вогюэ» («Наследие России», 1968). Григорович вступил в литературу одновременно с Достоевским, за 40 лет до публикации статей де Вогюэ, и тоже под сильнейшим влиянием Гоголя.

Кто бы ни был «русским осведомителем Вогиюэ», слово «мы» в этой фразе могло относиться только к представителям «натуральной школы» 1840-х годов, к которой Толстой – один из главных героев «Русского романа» – не принадлежал.

Писавшие об авторстве изречения не задумывались о его форме. Между тем до перевода книги Вогиюэ оборот «Мы вышли из...» не встречался по-русски в значении: «Мы вышли из школы (или: принадлежим к школе, направлению) такого-то».

Зато именно этот оборот мы находим в классическом произведении французской литературы, причем в форме, весьма близкой к формуле Вогиюэ. В романе Флобера «Госпожа Бовари» (1856) читаем:

Он [Ларивьер] принадлежал к великой хирургической школе, вышедшей из фартука Биша (sortie du tablier de Bichat).

Имелся в виду хирургический фартук знаменитого анатома и хирурга Мари Франсуа Биша (1771–1802). Вслед за Флобером это определение неизменно цитируется во Франции, когда речь идет о французской хирургической школе, а нередко и о французской медицине вообще.

Переводчикам «Госпожи Бовари» оборот «sortie du tablier de Bichat» представлялся настолько необычным, что «фартук» они просто выбрасывали. В первом (анонимном) русском переводе (1858): «Ларивьер принадлежал к великой хи-

хирургической школе Биша». В переводе А. Чеботаревской под редакцией Вяч. Иванова (1911): «Ларивьер был одним из светил славной хирургической школы Биша». В «каноническом» советском переводе Н. М. Любимова (1956): «Ларивьер принадлежал к хирургической школе великого Биша». Точно так же поступали с «фартуком Биша» английские и немецкие переводчики.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что формула «выйти из (некоего предмета одежды)» в значении «принадлежать к школе такого-то» была создана Флобером и два десятилетия спустя использована де Вогюэ применительно к Гоголю. Вполне возможно, что кто-то из русских писателей говорил ему нечто подобное, однако словесное оформление этой мысли родилось на французском языке.

В 1970-е годы в эмиграционной публицистике появился оборот «выйти из сталинской шинели». С конца 1980-х он стал осваиваться российской печатью. Вот два характерных примера:

«Как говорится, все мы вышли из сталинской шинели. Более того, многие из нас продолжают смотреть на жизнь из-под ленинской кепки» (В. Немировский, «Красные, зеленые, белые...», в журн. «Человек», 1992, № 3).

«...В 80-е годы, по Костинову и прочим подмастерьям перестройки, (...) общество выходило из сталинской шинели и элегантно запахивалось в горбачевский костюм» (Валерия Новодворская, «Мыслящий тростник Вячеслав Костинов»,

в журн. «Столица», 1995, № 6).

Впрочем, «шинель», «пальто» и т. д. в этой формуле давно уже не обязательны – выйти можно из чего угодно, хотя бы из квадрата:

«Все мы вышли из квадрата Малевича» (интервью художника Георгия Хабарова в газ. «Совершенно секретно», 7 октября 2003).

Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем

Подпольный миллионер Корейко, подвергнутый психической атаке со стороны О. Бендера, постепенно приходит в себя:

Он начал уже привыкать к мысли, что все случившееся нисколько его не касается, когда пришла толстая заказная бандероль. В ней содержалась книга под названием «Капиталистические акулы» с подзаголовком: «Биография американских миллионеров».

(...) Первая фраза была очеркнута синим карандашом и гласила:

«Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем».

(Ильф и Петров, «Золотой теленок» (1931), гл. 10)

В самом ли деле существовала такая книга? Да, только называлась немного иначе: «История американских миллиардеров». Ее первый том вышел в 1924 году в Москве, второй – в 1927-м в Ленинграде. Эта книга, написанная американским социалистом Густавом Майерсом, вышла в Бостоне в 1908 году под названием «История крупнейших американ-

ских состояний»; на русский ее перевели с немецкого издания. (Кстати сказать, даже в 1920-е годы состояния самых богатых американцев не достигали миллиарда долларов.)

Исследование Майерса, в сущности, целиком посвящено доказательству тезиса, сформулированного еще в 406 году Иеронимом Стридонским, одним из Отцов Церкви: «Всякий богач либо мошенник, либо наследник мошенника» («Письма», 120).

Однако на первой странице «Истории американских миллиардеров» не было фразы, которую Бендер обвел синим карандашом – ни в первом томе, ни во втором. Лишь в заключении (т. 2) говорилось, что главное содержание книги «неизбежно свелось к изображению тех обманов и грабежей, с помощью которых приобреталась собственность и накапливались крупные состояния».

Зато – странное дело! – весьма похожая фраза имелась в авторском предисловии к изданию 1908 года, с которым авторы «Золотого тельца» едва ли были знакомы: «...некоторые из наших обладателей крупных состояний приобрели свое имущество бесчестными средствами (by dishonest methods)».

Еще ближе к фразе из «Золотого тельца» другое высказывание Майерса, опубликованное в том же 1908 году:

Когда в ушах Рокфеллера звучат крики и насмешки по поводу «грязных денег», он может утешать себя тем (...), что:

Каждое крупное состояние есть, в большей или меньшей степени, результат *насилия и мошенничества*. («*Наши крупные американские состояния*», в журн. «*Marsh's Magazine*» (Бостон), ноябрь 1908)

Эту статью Ильф и Петров тем более знать не могли. Зато им наверняка был хорошо известен роман Бальзака «Отец Горио» (1834), где беглый каторжник Вотрен поучает молодого Эжена Растиньяка:

– ...Тайна крупных состояний, возникших неизвестно как, сокрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано. (Перевод Е. Корша.)

Генрих Гейне в 1843 году писал: «Насчет основателей нынешних наших финансовых династий мы можем (...) сказать, что первый банкир был счастливый мошенник» («Добавление к “Лютеции”»; перевод А. Федорова).

В 1925 году о фразе Вотрена вспомнил британский политик-лейборист Джеймс Йоксалл: «Кто-то сказал – кажется, это был Бальзак, – что всякое крупное состояние выросло из преступления, что, позволим себе надеяться, неверно» (сборник эссе «*Live and Learn*» – «Век живи – век учись»).

В 1956 году вышла монография американского социолога Райта Миллса «Элиты власти». Сентенция: «За всяким большим состоянием кроется преступление», – приведена здесь как слова Бальзака.

Именно эти слова стали эпиграфом к знаменитому ро-

ману Марио Пьюзо «Крестный отец» (1969), с подписью:
«О. Бальзак».

Все позволено

Если попросить назвать самую известную цитату из Достоевского, то первой, вероятно, будет «Красота спасет мир» (хотя мало кто может ясно сказать, что это, собственно, означает), а второй – «Если Бога нет, то все позволено».

Правда, у Достоевского этого изречения нет. Это «сводная» цитата, возникшая из двух фрагментов романа «Братья Карамазовы» (1879–1880). Первый – мысль Ивана Карамазова в пересказе одного из персонажей романа, Ракитина:

– Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено.

Второй – слова Дмитрия Карамазова:

– Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без Бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?

И далее:

– У Ивана Бога нет. (...) Я ему говорю: стало быть, все позволено, коли так?

А Смердяков говорит Ивану:

– ...Все потому, что «все позволено». Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе.

Как видим, вопрос о бессмертии души и будущей жизни

и для Ивана, и для Дмитрия Карамазова едва ли не главный, а Бог выступает в качестве гаранта этого бессмертия.

Мысль: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели» — проведена через весь огромный роман, а потому обычно связывается с именем Достоевского. Однако сама по себе она Достоевскому не принадлежит и, можно сказать, стара почти так же, как христианство.

Почти то же самое — и почти теми же словами — говорил уже латинский богослов III–IV вв. Лактанций в трактате «Божественные установления»:

Как скоро люди уверятся, что Бог мало о них печется и что по смерти они обратятся в ничто, то они предаются совершенно необузданности своих страстей, (...) думая, что им все позволено.

Трактат Лактанция вышел в России в 1848 году под заглавием «Божественные наставления» в переводе Е. Карнеева; выше цитировался этот перевод. Был ли этот перевод известен Достоевскому, трудно сказать. Но изданные в 1670 году «Мысли» Блеза Паскаля, конечно, были ему известны, а там утверждалось: «Человеческая нравственность целиком зависит от решения вопроса, бессмертна душа или нет».

Для Достоевского (а не только для его героев) формула «Все позволено» связана не просто с неверием в Бога, но прежде всего с неверием в бессмертие души и загробное воздаяние; тут он солидарен с Лактанцием и Паскалем. Однако современник Паскаля, великий еретик Бенедикт Спино-

за, решительно отрицал эту связь:

Мы с полным правом можем считать большой нелепостью то, что говорят многие богословы, которых считают великими, а именно: если бы из любви к Богу не вытекала вечная жизнь, то каждый стал бы искать своего собственного счастья – как будто можно найти нечто лучше Бога.

Эти слова взяты из «Краткого трактата о Боге, человеке и его счастье», написанного в 1660 году и опубликованного полностью лишь два века спустя.

В сущности, того же мнения держались римские стоики (как, впрочем, и эпикурейцы) и множество позднейших моралистов. Загробное воздаяние не было для них аргументом в вопросах морали. Все они могли бы подписаться под словами Сенеки: «Первое и наибольшее наказание за грех – в самом грехе»; «Что я хочу извлечь из добродетели? Ее саму. (...) Она сама себе награда» («Письма к Луцилию», 97, 14, перевод С. Ошерова; «О блаженной жизни», 9, 4, перевод Т. Бородай).

Молодой Оскар Уайльд писал в своих «Оксфордских тетрадях»: «Ничто так не изобличает все благородство человеческой натуры, как явное безразличие человека к любой системе наказаний и поощрений, будь то на земле или на небе».

Не позднее 1940-х годов появилось изречение «Если Бог есть, все позволено», «опрокидывающее» формулу Ивана Карамазова.

Почти одновременно с «Братьями Карамазовыми» вышла знаменитая книга Ницше «Так говорил Заратустра» (1883) с ее «переоценкой всех ценностей». Здесь тень Заратустры восклицает:

– «Нет истины, все позволено» – так убеждала я себя.

По-видимому, это изречение ввел в оборот прусский генерал и политик-консерватор Йозеф фон Радовиц в IV издании своих «Злободневных бесед о государстве и церкви» (1851), гл. 6. Он привел его как девиз Хасана ибн Саббаха (1051–1124), персидского исмаилита, основателя и главы (шейха) секты хашашинов (асасинов). Эта секта прославилась политическими убийствами; однако девиз, означавший отрицание Корана как вместилища божественной истины, был совершенно невозможен в устах мусульманского вероучителя. Уж скорее он мог бы сказать: «Все позволено тому, кто обладает абсолютной истиной».

В XX веке формула «Все позволено» шагнула из философии и литературы в политику. 8 августа 1918 года в Киеве вышел первый номер газеты «Красный Меч» – орган Политотдела Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. Здесь заявлялось:

У нас новая мораль, наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. Нам все позволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от

рабства.

Персонажи «Бесов» Достоевского считают, что им все позволено, потому что нет ни Бога, ни загробного воздаяния. Нынешние приверженцы «славных идеалов разрушения», именующие себя «Исламским государством», верят в загробное воздаяние и считают, что им все позволено, поскольку они – орудие Бога.

Куда ни кинь – всюду клин.

Все ушли на фронт

Осенью 1919 года Вооруженные Силы Юга России (в просторечии деникинцы) наголову разбили войска Южного фронта красных. 20 сентября белые взяли Курск, 6 октября – Воронеж, 13 октября – Орел и угрожали Туле. Большевики всерьез готовились к уходу в подполье. Был создан подпольный Московский комитет партии, а правительственные учреждения начали эвакуацию в Вологду.

Тогда-то, согласно советским школьным учебникам, на дверях комитетов комсомола появились надписи: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Однако – вот незадача – никаких документальных подтверждений этому нет. Не предъявлен ни один документ эпохи Гражданской войны, где встречалась бы фраза «Все ушли на фронт». В обиход ее ввели, по-видимому, лишь советские историки 1930-х годов. В книге С. Е. Рабиновича «История гражданской войны (краткий очерк)» (1933) надпись приведена в форме: «Комитет закрыт. Все ушли на фронт». Тогда же она появилась в романах и пьесах, нередко – в подправленном виде: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Административное деление на районы было введено лишь в середине 1920-х годов, а сочетание «райком комсомола» стало обычным еще позже. До этого районы существовали лишь в крупных городах, и комитеты комсомола были

в основном уездными (укомы). Среди вариантов легендарной надписи встречаются и такие: «Укомол закрыт, все ушли на фронт»; «Уком закрыт, все ушли на фронт»; «Ревком закрыт. Все ушли на фронт». Все они также появились десятилетия спустя после 1919 года.

Но, возражат мне, каждый советский школьник помнит фотографию деревянного дома с надписью на заколоченной крест-накрест двери: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Да, разумеется. Только фотография эта – не документ эпохи Гражданской войны. Это «постановочный» кадр из историко-документального фильма «Повесть о завоеванном счастье», снятого в 1938 году по случаю двадцатилетия комсомола. Об этом сообщает известный киновед Виктор Семенович Листов, лично знавший одного из авторов фильма – Ирину Венжер.

В сборнике «Воспоминания о Ф. Гладкове» (1978) приведены слова писателя Федора Гладкова, будто бы сказанные им в беседе с Бертой Брайниной, специалистом по соцреализму и биографом Гладкова:

«Райком закрыт; все ушли на фронт» – сию надпись на дверях райкома видел не только я, но и все, кто жил тогда. До сих пор помню ощущение самозабвенной, головокружительной отваги, которую излучали эти слова, наспех начертанные молодым размашистым почерком. Сейчас, спустя сорок лет, графически, во всех деталях вижу эту надпись: обрывок голубовато-зеленой оберточной бумаги, водянисто-сиреневый цвет

чернил, с нажимом, крупнее других выписанные слова
– «все» и «фронт».

Казалось бы, перед нами авторитетное свидетельство участника Гражданской войны. Однако на самом деле Брайнина (едва ли сам Гладков, умерший в 1958 году) говорит все о том же кадре из «Повести о завоеванном счастье»: надпись сделана здесь на обрывке бумаги, а слова «все» и «фронт» написаны крупнее других.

Без этого кадра не было бы и песни Высоцкого «Все ушли на фронт» (1964):

Нынче все срока закончены,
А у лагерных ворот,
Что крест-накрест заколочены, —
Надпись: «Все ушли на фронт».
За грехи за наши нас простят,
Ведь у нас такой народ:
Если Родина в опасности,
Значит, всем идти на фронт.

У Высоцкого фраза переосмыслена: война не Гражданская, а Великая Отечественная, и на фронт идут не комсомольцы, а зэки:

Ну а мы – всё оправдали мы,
Наградили нас потом:
Кто живые, тех – медалями,

А кто мертвые – крестом.

Все хорошо, прекрасная маркиза!

В 1937 году теа-джаз Леонида Утесова выступил с новой концертной программой «Песни моей Родины». В первом отделении исполнялись песни военно-революционные («Полюшко-поле», «Тачанка», «Партизан Железняк»), во втором – лирические и шуточные; среди них – фокстрот «Все хорошо, прекрасная маркиза!», который Утесов пел дуэтом со своей дочерью Эдит. На вышедшей вскоре патефонной пластинке значилось: «обраб. Н. Минха, сл. А. Безыменского». А в нотных изданиях писали: «Французская народная песня».

На самом деле комсомольский поэт Безыменский перевел новейший шлягер, записанный в 1935 году парижским джаз-оркестром «Рей Вентура и его парни». Слова и музыку сочинил для Вентуры Поль Мисраки, уроженец Константинополя, потомок евреев-сефардов. Всего через год на экраны вышла музыкальная комедия «Все хорошо, прекрасная маркиза!».

Однако на французских пластинках указан не один, а три автора слов песни. Дело в том, что ее название, сюжет, а также рефрен: «А в остальном, госпожа маркиза, все хорошо, все хорошо» – Мисраки заимствовал из скетча французских комиков Шарля Паскье и Анри Аллюма, сочиненного в 1931 году. Именно этот рефрен стал интернациональной

поговоркой.

Позднее тот же сюжет был обнаружен в скетче «Английская комедия» (1893) Габриэля де Лотрека, двоюродного брата художника Тулуз-Лотрека. Только здесь вместо маркизы и ее слуг беседуют английский милорд и его слуга Джон.

Нашлись и другие предшественники, в том числе русские. В 1868 году была опубликована баллада «На борзом коне воевода скакал» Дмитрия Минаева, знаменитого в то время поэта-сатирика:

... «Все в усадьбе исправно, —
Слуга отвечает, — лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

«Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
— «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

«Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже!»
— «Когда под Николу ваш дом запылал,
Сгорел вместе с домом он тоже».

«Что слышу? Скажи мне, мой терем спалён,
Мой терем, где рос я, женился?
Но как то случилось?» — «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился...»

«О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» – И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

Минаев, вероятно, переложил на русские нравы балладу «Вестник» (1837) австрийского поэта Анастасиуса Грюна.

Но самое интересное то, что впервые этот сюжет появился в начале XII века.

Примерно в 1115 году в Испании была составлена «Учительная книга клирика» («*Disciplina clericalis*») – сборник занимательных историй на латинском языке. Сюжеты взяты из восточных источников – арабских, персидских, индийских. «Учительная книга» стала известна по всей Европе, ее перевели на французский, испанский, английский, немецкий. Еще в XIX веке ее читали на уроках латыни в немецких гимназиях, ввиду занимательности сюжетов и простоты языка.

В 27-й главе этого сборника выведен черный слуга Маймунд – невероятно ленивый, но вовсе не глупый. Вот одна из историй о нем:

Хозяин возвращался с рынка, весьма довольный хорошей выручкой, и увидел, что навстречу ему идет Маймунд. Опасаясь, что тот, как обычно, хочет сообщить плохие вести, хозяин предупредил:

– Осторожно, Маймунд, не подходи ко мне с плохими вестями!

Слуга ответил:

– Плохих вестей нет, ваша милость, если не считать смерти нашей собаки Биспеллы.

– Отчего же она умерла?

– Наш мул испугался, сорвался с привязи, побежал и затоптал бедняжку копытами.

– А что случилось с мулом?

– Упал в колодец и сдох.

– Чего же он испугался?

– Ваш сын свалился с балкона и разбился насмерть. Это и напугало мула.

– А моя жена? Что с ней?

– Умерла с горя, потеряв сына.

– Кто же смотрит за домом?

– Никто, ведь теперь это груда пепла – и дом и все, что в нем было.

– Отчего же случился пожар?

– В ту самую ночь, когда ваша супруга скончалась, служанка забыла погасить поминальную свечу, и пожар охватил весь дом.

– Где же служанка?

– Она стала тушить пожар, балка свалилась ей на голову и убила ее.

«Учительную книгу» составил испанский еврей Петр Альфонси (Педро Альфонсо), богослов, астроном, переводчик. До крещения его звали Моисеем Сефарди. Он родился в мусульманской Андалузии, в 1106 году обратился в христианство, был придворным врачом короля Арагона Альфонса I,

написал «Диалог против иудеев» (в котором, между прочим, назвал Талмуд «мастерской лжи»), а в конце жизни вместе с тремя соавторами перевел Коран на латынь.

В начале XII века Петр Альфонси был чуть ли не единственным европейцем, не понаслышке знакомым с философией и наукой исламского мира. Истории о черном слуге Маймунде он, скорее всего, узнал от арабов, хотя само это имя еврейского происхождения.

Вселенная и человеческая глупость

«Две вещи не имеют конца – Вселенная и человеческая глупость». Это одна из наиболее известных фраз, связанных с именем Альберта Эйнштейна. Но откуда она известна?

Как сообщает сайт «Quoteinvestigator», ранний ее вариант появился в книге «Эго, голод и агрессия» немецкого психиатра Фредерика Перлза, основателя т. н. «гештальт-терапии». Первое издание вышло в Дурбане (ЮАР) в 1942 году, второе – в Лондоне в 1947 году. Здесь мы читаем:

Один великий астроном сказал: «Насколько мы знаем, бесконечны две вещи – Вселенная и человеческая глупость». Сегодня это утверждение не вполне верно. Эйнштейн доказал, что Вселенная конечна.

В 1969 году, через 14 лет после смерти Эйнштейна, вышла книга Перлза «Гештальт-терапия дословно». Здесь Перлз – как видно, за давностью лет позабыв о своей ссылке на «одного великого астронома», – фразу о Вселенной и глупости вложил в уста самого Эйнштейна:

Как однажды сказал мне Альберт Эйнштейн: «Две вещи не имеют конца: Вселенная и человеческая глупость».

В том же 1969 году вышла еще одна книга Перлза – «Внут-

ри и вне помойного ведра». Автор назвал ее «автобиографическим романом», то есть оговорил за собой право на вымысел. Здесь фраза приведена в более развернутом виде:

Я провел один вечер с Альбертом Эйнштейном: неприхотливость, тепло, несколько ложных политических предсказаний. (...) Я до сих пор люблю цитировать его высказывание: «Две вещи не имеют конца – Вселенная и человеческая глупость, хотя насчет Вселенной я не так уж уверен».

Едва ли в 1969 году Перлз был более точен, чем в 1940-е годы, при жизни Эйнштейна. Фраза о Вселенной и глупости, вероятней всего, либо была услышана Перлзом от кого-то другого, либо сочинена им самим, а четверть века спустя подкреплена авторитетом великого физика.

С конца XX века со ссылкой на Эйнштейна стали цитировать еще одно изречение: «Главное различие между глупостью и гением заключается в том, что гений имеет пределы».

Однако к тому времени эта фраза имела уже более чем вековую историю. Появилась она во Франции. Во 2-м томе «Большого универсального словаря» Лярусса (1867) в словарной статье «Глупость» приведена цитата:

Что меня особенно угнетает, так это то, что человеческий гений имеет пределы, а человеческая глупость – никаких.

Цитата подписана именем Александра Дюма – отца или сына, неясно. В 1895 году в одном из французских журналов

она, в чуть иной форме, появилась в подборке мыслей Дюма-сына. Однако в сочинениях обоих Дюма ничего подобного нет.

Новую жизнь это изречение обрело с конца XIX века в американской печати. Сначала оно цитировалось со ссылкой на Дюма-сына. В 1906 году литератор и философ Элберт Хаббард поместил его в своем журнале «The Philistine» («Обыватель»), слегка изменив:

Гений может иметь границы; глупость свободна от подобных ограничений.

Этот афоризм получил широкую известность в англоязычном мире.

Есть у Эйнштейна и вполне достоверные суждения о глупости. В его книге «Мир, каким я его вижу», опубликованной в 1931 году, глупость названа одной из «трех великих сил» современной цивилизации, наряду со страхом и жадностью.

Известно также, что Эйнштейн, друживший с великим немецким математиком Куртом Гёделем, цитировал его «аксиому»: «Все происходящее в мире обусловлено либо случайностью, либо глупостью» (согласно Эверту Штраусу, ассистенту Эйнштейна в 1944–1947 гг.).

Всех не перевешаешь!

Со времени Великой Отечественной выражение «Всех не перевешаешь!» (или: «...не перевешаете!») чаще всего ассоциируется с Зоей Космодемьянской.

Зою нередко именуют партизанкой, хотя она была бойцом регулярной армии, точнее – диверсионно-разведывательной группы. 17 ноября 1941 года вышел приказ Верховного главнокомандования с требованием «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск», чтобы выгнать немцев «на холод в поле». Исполняя этот приказ, 28 ноября группа под командованием Б. Крайнова подожгла три дома в деревне Петрищево Верейского (ныне Рузского) района Московской области. В эту группу входила и Зоя. Вечером ее обнаружил и выдал немцам местный житель.

На допросе Зоя назвалась Таней и не сообщила врагу никаких сведений, несмотря на многочасовые жестокие избиения. На другой день, перед повешением, Зоя произнесла речь, обращенную к жителям деревни и к немецким солдатам.

Первую запись этой речи сделал, после освобождения Петрищева, корреспондент «Правды» Петр Лидин (его записные книжки увидели свет лишь в 1999 году): «Эй, товарищи!.. Что смотрите невесело?.. Бейте фашистов, жгите, травите! За мою смерть отомстят!..»

В знаменитом очерке Лидина «Таня», опубликованном в «Правде» 27 января, появилось много новых деталей, и прежде всего – многократное упоминание имени Сталина. А в последней речи Тани – то есть Зои – появились фразы:

– ...Я не одна, нас двести миллионов, всех не перевешаете. (...) С нами Сталин! Сталин придет!..

4 февраля 1942 года жителей Петрищева опрашивала специальная комиссия. В предсмертной речи Зои, включенной в отчет, упоминаний о Сталине нет, а заканчивается речь словами:

– ...Всех не перевешаете, нас 170 миллионов.

Эта цифра была тогда верной, в отличие от округленных 200 миллионов.

В 1962 году Борис Слуцкий прочел Бенедикту Сарнову только что написанное им стихотворение «Зоя»:

Под виселицу белую поставленная,
в смертельной окончательной тоске,
кого она вспомянула? Сталина.
Что он придет! Что он – невдалеке!

После чего, рассказывает Сарнов, «разразился скандал».

– А вы что же, не верите, что так было? – спросил Слуцкий.

– Да хоть бы и было! Если даже и было, ведь это же ужасно, что чистая, самоотверженная девочка умерла с именем палача и убийцы на устах!

(Б. Сарнов, «Занимательная диалектика» в сборнике «Борис Слуцкий: воспоминания современников», 2005.)

Стихотворение Слуцкий печатать не стал.

Трудно сомневаться в том, что Зоя свято верила в Сталина, но все же перед смертью она, судя по наиболее достоверным свидетельствам, «воспомянула» не его, а 170 миллионов советских людей.

Выражение «Всех не перевешаешь» хорошо известно по крайней мере с начала XIX века. В романе Михаила Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) местная власть приказывает повесить захваченных разбойников.

«Глухой ропот пробежал по всей толпе. (...) ...Местах в трех раздались голоса:

– Как-ста не на виселицу!.. Много будет!.. Всех не перевешаешь!..»

Политическую окраску этот возглас приобрел в годы народовольческого террора, когда впервые после восстания декабристов возобновилась смертная казнь через повешение. 1 марта 1887 года в Петербурге были арестованы революционеры, готовившие покушение на Александра III, в т. ч. Александр Ульянов. Несколько дней спустя начальник Симбирского жандармского управления фон Брадке докладывал в столицу:

«Когда 5-го марта в г. Симбирске была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на

Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу (...). Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: “Таких людей следовало бы вешать”. Окружающие ответили ему: “Их много, всех не перевешаешь”».

Позднее этот возглас встречался в литературе о революции 1905–1907 гг. и о Гражданской войне – например, в пьесе Всеволода Иванова «Бронепоезд 14–69» (1927). Можно полагать, что из текстов подобного рода его и узнала Зоя Космодемьянская.

Наконец, в словарь Даля включена поговорка «Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь». Именно ее имел в виду Лев Толстой в первом варианте «Войны и мира»: «... этих до Москвы не перевешаешь, это всё дураки».

«Дураки» легко заменялись «родней», например: «Ведь у меня, дитятко, родни до Москвы не перевешаешь» (т. е. очень много). (А. П. Крюков, «Рассказ моей бабушки», 1832.)

Как эта поговорка возникла, можно только строить догадки. В России вплоть до первых десятилетий XVIII века основным способом казни было обезглавливание. Повешение также было нередким, но массовая казнь через повешение не практиковалась. А в 1743 году императрица Елизавета Петровна заменила смертную казнь за уголовные преступления каторгой (так что в этом вопросе мы очень долго были впе-

реди планеты всей).

До революции 1905–1907 гг. массовые повешения применялись лишь в 1774–1775 гг., при подавлении восстания Пугачева. В каждом городе и во множестве деревень, принимавших мятежников, стояли виселицы с повешенными. Для пущей остроты виселицы устанавливали на плоты и пускали по рекам (отсылаю читателя к «Пропущенной главе» «Капитанской дочки»).

Уж не тогда ли и возникла поговорка о «наших дураках»?

Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Это изречение, как и множество других, в современной России прежде всего ассоциируется с Остапом Бендером:

«— Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! — сказал он, расталкивая Балаганова» («Золотой теленок», гл. 32).

Нередко фраза цитируется по фильму «Золотой теленок» (1968): «...Нас ждут великие дела».

В усеченном виде этот оборот встречается в главе 18 «Золотого теленка»:

«Ровно в девять часов такой человек входит в учрежденческий вестибюль и, полный благих намерений, заносит ножку на первую ступень лестницы. Его ждут великие дела. Он назначил у себя в кабинете восемь важных рандеву, два широких заседания и одно узкое».

Далеко не каждый советский читатель знал происхождение этой фразы. В повести Виктора Конецкого «Начало конца комедии» (1978) читаем:

«На каютной переборке в ногах койки у Сережи — как крест у ожидающего воскресения православного покойника — изображено красным фломастером изречение: “Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! С. Экзюпери”».

Сережа не ошибался только в одном: фраза действительно-

но французская. Считается, что она принадлежит графу Анри де Сен-Симону, знаменитому социалисту-утописту. Сен-симонист Гюстав д'Эйхталь в очерке «О жизни и характере Сен-Симона» (1830) сообщает:

«Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» – такими словами он, в возрасте семнадцати лет, велел будить себя каждое утро.

Позднее нередко утверждалось, что этими словами Сен-Симон велел будить себя не в 17, а уже в 15 лет.

В энциклопедическом издании «Универсальное обозрение» («Revue universelle», 1832, т. 4, статья «Сен-симонизм») об этом рассказано чуть иначе:

Его слуги и домочадцы начали видеть в нем нового Мессию и настояли, чтобы каждое утро он, вставая с постели и беря чашку кофе или шоколада, повторял: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

Французский историк Максим Леруа, автор «Истинной жизни графа Анри де Сен-Симона» (1925), считал эту историю легендой. Анатолий Левандовский, автор советской биографии Сен-Симона (1973), с Леруа не согласен: «Вряд ли нужен подобный скепсис». Однако единственное его возражение сводится к тому, что эта фраза «вполне в духе Анри Сен-Симона». Возражение крайне слабое.

Историческая фраза Сен-Симона – была она сказана или нет – восходит к античности. В трактате Плутарха «К непросвященному властителю» рассказывалось:

У персидского царя был слуга, обязанностью которого было по утрам входить к нему и обращаться с такими словами: «Вставай, царь, и позаботься о делах, о которых велел тебе заботиться великий Оромазд!»

(Перевод А. Аверинцева)

Оромазд – греческая форма имени «Ахурамазда»; так именовали верховного бога зороастрийского пантеона.

Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота

Эта формула приписывается великому американскому изобретателю Томасу Эдисону (1847–1931).

Однако ее ранняя версия, без точного соотношения ингредиентов, связывалась с именем не Эдисона, а Кейт Санборн (1839–1917). Санборн объездила всю Америку, читая лекции на различные, прежде всего литературные темы. 4 декабря 1892 года газета «Springfield Republican» (штат Массачусетс) писала:

Считается, что именно Кейт Санборн сказала, что «талант – это пот». Эта мысль высказывалась очень часто, и почти в тех же самых словах. Обычно говорят, что «гений это скорее пот, чем вдохновение» (*букв.* «... скорее потение, чем вдохновение» – «perspiration more than inspiration»).

21 апреля 1893 года калифорнийская «Riverside Daily Press» цитировала слова Санборн: «Гений – это вдохновение, талант и пот».

Формула с процентами появилась в апрельском номере журнала «The Ladies' Home Journal» за 1898 год:

Однажды, когда его попросили дать определение гения, мистер Эдисон ответил: «Два процента гения и

девяносто восемь процентов тяжелого труда». В другой раз, в ответ на замечание, что гений – это вдохновение, он сказал: «Ба! гений – не вдохновение. Гений – это пот».

Насколько это сообщение достоверно, судить трудно; однако настораживает, что появилось оно в журнале для домохозяйек.

В самом начале XX века приписанная Эдисону формула гения была исправлена: теперь соотношение вдохновения и пота составляло 1 к 99.

В 1910 году, еще при жизни Эдисона, вышла его двухтомная биография написанная Ф. Л. Дайером и Т. К. Мартином. Здесь говорилось:

Объяснение своих великих успехов «гением» Эдисон всегда отвергал, что видно из его исторического замечания, что «Гений – это 1 процент вдохновения и 99 процентов пота». Кроме того, много лет назад, когда Эдисон в своей лаборатории беседовал с [Ч. У.] Батчелором и Э. Х. Джонсоном, этот последний упомянул о гении Эдисона, заметном в некоторых его достижениях; Эдисон возразил: «Вздор! Я говорю вам, что гений – это тяжелый труд, настойчивость и здравый смысл».

Всего вероятнее, «историческое замечание» было лишь приписано Эдисону журналистами, а биографы узаконили его задним числом. Гораздо достовернее выглядит формула «тяжелый труд, настойчивость и здравый смысл». Именно

таков был метод работы Эдисона.

Никола Тесла, другой великий изобретатель, начинавший как ассистент Эдисона, заметил не без иронии: «Чуть-чуть теории и расчетов сэкономило бы ему 90 процентов труда» (интервью в «Нью-Йорк таймс», 1931).

Во Франции определение гения дал естествоиспытатель Жорж Луи Бюффон: «Гений всего только бо́льшая способность к терпению» (согласно очерку Эро де Сешеля «Визит к Бюффону», 1785). В переводе Н. М. Карамзина (1798): «Гений, или творческая сила, есть не что иное, как терпение в превосходной степени. В самом деле, надобно иметь терпение, чтобы долго смотреть на предмет со всех сторон; смотрев долго, наконец понимаем его».

Обычно это изречение цитируется в форме «Гений – это долгое терпение» («Le génie est une long patience»).

Обратную формулу предложил Поль Валери в стихотворении «Контур змея» (1922):

Гений! О долгое нетерпение!

Согласно английскому историку Томасу Карлейлю, «гений» – это «прежде всего необыкновенная способность переносить тяготы» («История Фридриха II Прусского», кн. IV (1864), гл. 3). Это определение, широко известное в странах английского языка, можно считать вариацией формулы Бюффона.

Бюффоновская «бо́льшая способность к терпению» приводит на мысль слова пушкинского Сальери:

Усильным, напряженным постоянством,
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой.

И его же недоуменный вопрос, обращенный к небесам:

Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

Комментарий к этим строкам дал Варлам Шаламов:

«Труд – это потребность таланта. Моцарт потому и стал Моцартом, что работал гораздо больше, чем Сальери. Эта работа доставляла Моцарту удовольствие» («Из записных книжек», 1963).

Германия превыше всего

В августе 1841 года 43-летний немецкий филолог Август Генрих Гофман фон Фаллерслебен отправился на остров Гельголанд, который как раз тогда обрел славу морского курорта. Сейчас остров входит в состав Германии, а тогда принадлежал Британии. На отдыхе Фаллерслебен беседовал с друзьями о германских делах. Они разделяли его либеральные взгляды и мечтали об объединении немецких земель в единое свободное государство.

Фаллерслебен интересовался песенным фольклором и сам был автором множества песен. 26 августа, незадолго до отъезда в Германию, он сочинил три строфы стихотворения, которое назвал «Песнью немцев». «Песнь» была написана на мелодию Йозефа Гайдна для австрийского гимна «Gott erhalte Franz der Kaiser» («Боже, храни императора Франца»). Начиналась она словами:

Германия, Германия превыше всего,
Превыше всего на свете.

Первую строку – «Deutschland, Deutschland über alles...» – знают все, но мало кому известно, что Фаллерслебену она, в сущности, не принадлежит.

В 1684 году в Вене был опубликован трактат «Австрия

превыше всего, если только захочет». Автор, немецкий экономист Филипп Вильгельм фон Хёрник, доказывал, что Австрийская империя может стать преобладающей силой в Европе при условии правильной экономической политики. Книга имела немалый успех; столетие спустя вышло ее 15-е издание.

В 1809 году, в разгар наполеоновских войн, появилась военная песня, начинавшаяся со слов:

Если только она захочет,
Австрия всегда превыше всего.

В 1813 году песня была опубликована в Гамбурге и Майнце с новой мелодией и начиналась уже со слов:

Если только она захочет,
Германия всегда превыше всего.

У Фаллерслебена формула «Германия превыше всего» отнюдь не содержала в себе идеи о державном превосходстве не существовавшего еще государства. Она означала лишь, что национальное единство должно быть выше интересов отдельных немецких государств.

«Песнь немцев» стала одним из символов революции 1848 года, а сам Фаллерслебен принял в ней деятельное участие. За это он поплатился должностью профессора германистики в Бреславльском (ныне Вроцлавском) университете.

те.

Власти созданной в 1871 году Германской империи относились к песне Фаллерслебена настороженно, поскольку в ее третьей строфе дважды повторен либерально-демократический лозунг «Единство, и право, и свобода».

В 1919 году Германия подписала унизительный для нее Версальский договор, а два года спустя, в 1921 году, мюнхенский литератор Альберт Маттеи сочинил «четвертую строфу» «Песни немцев», начинавшуюся словами:

Германия, Германия превыше всего,
Особенно в беде.

(Что опять же показывает, что первая строка понималась отнюдь не в великодержавном смысле.)

В 1922 году стоявшие у власти социал-демократы утвердили «Песнь немцев» гимном Германской республики.

Нацисты не стали менять государственный гимн, однако сократили его до первой строфы, после которой в обязательном порядке исполнялся гимн нацистской партии «Хорст Вессель». С этого времени первая строфа «Песни немцев» стала ассоциироваться с нацистским режимом, и после 1945 года оккупационные власти запретили ее исполнение.

В 1952 году усилиями рейхсканцлера Конрада Аденауэра гимн был частично восстановлен в правах: отныне исполняется только его третья строфа. Строка гимна «Единство,

и право, и свобода» стала неофициальным девизом Федеративной Республики Германия.

Отчасти похожая история случилась с гимном ГДР «Возрожденная из руин». Гимн был написан в 1949 году композитором Гансом Эйслером на стихи Йоганнеса Бехера (причем тем же размером, что и «Песнь немцев», так что его можно было петь и на мелодию Гайдна). Однако с 1970 года гимн исполнялся без слов. Дело в том, что в первой строфе имела строка «Германия, единое отечество»; между тем к тому времени власти ГДР окончательно приняли доктрину «Два государства – одна нация».

Строки, сомнительные с позднейшей точки зрения, нетрудно найти и в других государственных гимнах. Во Франции издавна идут дебаты о приемлемости строк «Марсельезы» «Пусть нечистая кровь / Оросит наши нивы!», которые в годы якобинского террора служили лозунгом расправы с «врагами народа». Однако исключать их из текста гимна французы пока не спешат.

Гимнастика ума

Лозунг «Шахматы – гимнастика ума» появился у нас в 1950-е годы. Сперва он был анонимным, но лет 10–15 спустя стал приписываться – ради вящей убедительности – Ленину.

В конце концов, по-видимому, потребовалось подтверждение достоверности лозунга. И оно появилось в статье Якова Рохлина «Гимнастика ума» («Шахматы в СССР», 1980, № 4). Согласно Рохлину, в сентябре 1920 года начальник Всеобуча Н. Подвойский решил провести в Москве шахматную олимпиаду.

– Что ж, предложение интересное, – заметил Ленин, – ведь шахматы – гимнастика ума.

Эту историю Рохлин будто бы слышал от А. Ф. Ильина-Женевского, видного большевика и деятеля советского шахматного движения. Ильин-Женевский умер в 1941 году, так что оставалось лишь верить Рохлину, неожиданно вспомнившему столь важный для шахмат эпизод из жизни вождя.

Как заметил другой шахматный журналист, Виктор Хенкин, «это вранье на протяжении многих советских лет приносило шахматам заметную пользу» (главка «Гимнастика вранья», включенная в книгу Виктора Корчного «Шахматы без пощады», 2006).

Выражение «Шахматы – гимнастика ума» широко извест-

но только в СССР. Мне известен лишь один случай его более раннего употребления – зато за целый век до появления советского лозунга.

6 мая 1853 года в Манчестере состоялся учредительный съезд Шахматной ассоциации Северной и Центральной Англии. Торжественный ужин по случаю съезда открыл Чарлз Аллен Дювал, художник-портретист и председатель Манчестерского шахматного клуба. В этом спиче Дювал назвал шахматы «не только гимнастикой ума, но и гимнастикой духа (not merely mental, but also moral gymnastics)».

Надо полагать, что для него, как истинного британца, «гимнастика духа» была едва ли не важнее «гимнастики ума». Изложение его речи перепечатали основные шахматные журналы Британии и США, однако формула «Шахматы – гимнастика ума» в англоязычных странах не прижилась, так что в Стране Советов ее пришлось придумывать заново.

В Германии «гимнастикой ума» с конца XVIII века именовали логику, математику и древние языки, т. е. основу классического гимназического образования. Неудивительно, что у нас этот оборот стал синонимом гимназической зубрежки. «В моду вошла не совсем удобопонятная фраза: *гимнастика ума*, – сокрушался писатель Е. А. Салиас-де-Турнемир в 1878 году. (...) Как следствие такой фразы, является решение заставить и девушек зубрить латинскую и греческую грамматики, учить алгебру и высшую математику, – и это в ущерб всему прочему...» («Теперь и прежде»,

«Вестник Европы», 1877, кн. 5).

Так же смотрел на гимназическую «гимнастику ума» Дмитрий Мережковский. В его поэме «Старинные октавы» (1910) читаем:

Потратили мы чуть не целый год,
Чтобы понять отличие *quin* и *quod*;
А говорить по-русски не умели. (...)
Гимнастика ума – полезный труд,
Направленный к одной великой цели:
Нам выправку казенную дадут
Для русского чиновничьего строя,
Бумаг, служебных дел и геморроя.

В советское время лозунг «Математика – это гимнастика ума» цитировался со ссылкой на «всесоюзного старосту» М. И. Калинина, который употребил это выражение в беседе со школьниками.

И именно это значение «гимнастики ума» – наиболее древнее. Сама эта формула принадлежит знаменитому афинскому оратору Исократу, назвавшему математику «гимнастикой ума и приготовлением к философии» (речь «Об обмене имуществом», 353 г. до н. э.).

Тут можно вспомнить еще одно изречение, памятное тем, кто учился в советской школе:

А математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит.

На школьных плакатах эти слова по сей день снабжаются подписью «Ломоносов». Однако перед нами такой же апокриф, как и «ленинское» определение шахмат. В «Истории арифметики» (1959) советского педагога И. Депмана это изречение приведено как цитата из объяснительной записки Ломоносова к программе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Эту записку Депман будто бы отыскал в архиве, однако точной архивной ссылки не привел.

И по сей день о такой записке великого ученого ничего не известно.

Главное – не победа, а участие

На зимней Олимпиаде в Ванкувере Россия заняла 11-е место в общекомандном зачете. К таким результатам мы не привыкли. 5 марта 2010 года премьер Владимир Путин провел совещание по итогам Олимпиады.

– На соревнования подобного рода, – сказал он, – выходят не для того, чтобы пропотеть, а для того, чтобы победить.

Еще определеннее Путин высказался шестью годами раньше: «Я никогда не понимал лозунга о том, что главное не победа, а участие. Этот лозунг придуман людьми, для которых самое главное – удовольствие. Для меня важным является только результат» (интервью газете «Пари-матч» 11 марта 2004 г.).

С Путиным, конечно, согласились бы древние греки. Для античных атлетов победа в Олимпии была единственной целью. Призы за вторые и третьи места не присуждались, а проигравшие старались понезаметнее скрыться.

Когда же и кем был предложен немилый нашему лидеру лозунг?

В приветствии барона Пьера де Кубертена устроителям Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 1932 года говорилось: «В Олимпийских играх главное не победить, но принять участие». На церемонии открытия Игр, состоявшейся 30 июля, эти слова были помещены на табло стадиона.

Четыре года спустя, открывая Олимпийские игры в Берлине, Кубертен заявил:

– В Олимпийских играх важна не победа, а участие.

Хозяева Берлинской Олимпиады 1936 года так не думали. Безоговорочная победа Германии по общему количеству медалей и по золотым медалям стала подарком для нацистской пропаганды.

Но история лозунга «Главное – не победа, а участие» гораздо старше.

За 28 лет до Берлинской Олимпиады, на банкете в честь официального открытия Олимпийских игр в Лондоне 24 июля 1908 года, Кубертен говорил:

– В жизни важна не победа, но борьба; главное – не выиграть, но достойно бороться.

При этом он сослался на проповедь американского католического епископа Энгелберта Толбота в соборе Св. Петра, прочитанную несколькими днями раньше, 19 июля. (Поэтому, кстати сказать, лозунг «Главное – не победа, а участие» нередко приписывается Толботу.)

О чем же проповедовал Толбот? «Эти Игры сами по себе лучше, чем состязание и приз. Св. Павел говорит нам, насколько мало важен сам приз. Наш приз не подвержен тлению – он нетленен, и хотя лишь один будет увенчан лаврами, все должны получить равное удовольствие от соревнования».

Было бы странно думать, что епископ нетвердо знал Писание, но факт остается фактом: у Павла и речи нет ни об

«удовольствием», ни о маловажности приза. Апостол говорил нечто совершенно иное:

Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного.

И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух (...).

(1-е послание Коринфянам, 24–26)

Эти слова следует пояснить. «Венцом тленным» озабочены атлеты-олимпийцы, для которых «воздержание от всего» есть часть спортивной подготовки; о «венце нетленном» (т. е. о спасении души и Царстве Небесном) думают христиане и, подобно атлетам, напрягают усилия, чтобы его получить. В последнем фрагменте речь идет о кулачных боях, включавшихся в программу античных Олимпийских игр.

Но и это еще не всё. В 1894 году Кубертен приехал в Афины, чтобы убедить греков принять у себя первые Олимпийские игры Нового времени. Греки сомневались – отчасти по финансовым причинам, отчасти опасаясь оказаться в положении мальчиков для битья на олимпийских аренах. 18 ноября, выступая в Парнасском литературном обществе в Афинах, Кубертен сказал:

– Здесь приносит стыд не поражение, но отказ от борьбы.

А это, как заметил американский профессор Дэвид Юнг в статье «Об источнике олимпийского кредо» (1994), – не что

инное, как вариант строки из поэмы Овидия «Метаморфозы», IX, 6:

Меньше в моем пораженье стыда, чем в боренье –
почета.

(Перевод С. Шервинского)

У Овидия эти слова произносит речной бог Ахелой, который сватался к царевне Деянире одновременно с Гераклом. В схватке с Гераклом он принял образ быка, однако Геракл победил его, обломав противнику один рог.

Кубертен, напоминает Д. Юнг, учился в иезуитской школе, где древние языки были главными дисциплинами, а Овидий – обязательной частью изучения латыни.

Лучшей иллюстрацией мысли о том, что борьба важнее победы, служит знаменитая история с марафонцем, случившаяся на Олимпиаде в Мехико 20 октября 1968 года. В семь часов вечера на стадионе финишировал победитель марафона, эфиоп Мамо Волде. К восьми часам медали были уже вручены, трибуны почти опустели, начинало темнеть. И тут на беговой дорожке появился танзаниец Джон Стивен Аквари. Он бежал прихрамывая, кривясь от боли на каждом шагу, сквозь марлевую повязку на ноге сочилась кровь. Оказалось, что Аквари упал в самом начале забега, серьезно поранив колени и бедра, и все же добрался до финиша под овацию оставшихся на стадионе зрителей. Когда журналисты спросили его, почему он не прекратил бег после падения, танзаниец ответил:

– Моя страна послала меня за 7 тысяч миль не для того, чтобы я стартовал, а для того, чтобы я финишировал.

Свою версию лозунга Кубертена предложил уже не атлет, а врач и писатель-афорист Геннадий Малкин: «В браке главное не победа, а участие».

Гомо советикус, он же совок

В 1985 году в Лондоне вышла книга историка-диссидента Михаила Геллера «Машина и винтики: История формирования советского человека». Здесь утверждалось, что студенты-медики в СССР занятия по-латыни начинают с фразы: «Homo sovieticus sum» – «Я советский человек», т. е. «с первых же шагов в медицине узнают, что есть два вида человека: гомо сапиенс и гомо советикус». Достоверность этого сообщения сомнительна; во всяком случае, в советских учебниках латыни для медиков я этой фразы не отыскал.

Далее Геллер цитировал обширные выдержки из книги «Советский человек» (1974), где встречается термин «Хомо Советикус». На самом деле книга называлась «Образ жизни – советский!». Ее первое издание вышло в 1973 году в Политиздате невообразимым ныне тиражом 75 000 экз., а второе – год спустя тиражом 50 000 экз.

Эту насквозь пропагандистскую книгу написали авторитетные журналисты-«известинцы» (напомню: «Известия» были тогда лучшей советской газетой). Один из них, Леонид Корнилов, – сын писателя Виктора Драгунского. Другой – Александр Васинский, очеркист и автор сценария фильма «Влюблен по собственному желанию» (1982). В 1990-е годы он первым рассказал нашим читателям о том, что такое хоспис, а в 2003 году сам умер в московском хосписе.

Авторы задавались вопросом, «что это за человек – Homo soveticus». Далее следовал привычный набор качеств советского человека: «коммунистическая идейность», «относится к труду как к главному в жизни», «человек коллектива», «беспредельно предан своей социалистической многонациональной отчизне», «ему до всего есть дело, будь то явление масштаба глобального или жизнь соседей по лестничной площадке».

В тогдашней советской печати термин Homo soveticus был новинкой и в пропаганде не прижился. Причина проста: на Западе он встречался (обычно в форме Homo sovieticus) с середины 1930-х годов, а в годы «холодной войны» приобрел негативный оттенок.

В русской эмигрантской печати латынь обрусили: «Гомо (или Хомо) советикус». В книге Бориса Башилова «Унтерменши, морлоки или русские» (Буэнос-Айрес, 1953) заявлялось: «“Хомо советикус”, слава Богу и к чести нашего народа, не существует».

Однако широкую известность выражение обрело благодаря памфлету Александра Зиновьева «Гомо советикус» (1982). «На Западе, – писал Зиновьев, – умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. (...) Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения – гомосос». Согласно Зиновьеву, гомосос «всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности

за страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы. (...) Гомосос не является существом нравственным – это верно. Но неверно, будто он безнравствен. Он есть существо идеологическое в первую очередь. И на этой основе он может быть нравственным или безнравственным, смотря по обстоятельствам».

Где-то с конца 1980-х годов в речь вошло слово «совок». Сначала оно означало Советский Союз, а затем – и советского человека вместе с его стилем мышления, т. е. то же, что и «Гомо советикус».

Есть несколько претендентов на авторство этого словечка. Прежде всего это музыкант Александр Градский. Он многократно рассказывал историю о том, как где-то в 1968 году, после очередной «халтуры», они с друзьями взяли портвейна, а так как пить было негде, портвейн распили в песочнице (совсем по Высоцкому). Вместо стаканов использовали формочки; сам же Градский пил из детского совка, на котором было написано: «совок, 23 коп.». Градский сказал друзьям: «Вот наша жизнь», а потом сочинил песню с этим словом.

Даже если так оно и было, трудно представить, чтобы отсюда в народ пошло словечко «совок» в значении «Советский Союз». Да и про старую песенку Градского с этим словом ничего не известно.

Эссеисты Александр Генис и Петр Вайль утверждали, что придумали слово «совок» для обозначения советских туристов, выезжающих в социалистические страны, однако и тут

надежных свидетельств нет.

Наконец, писатель и философ Михаил Эпштейн утверждает, что слово «совок» он придумал в 1984 году, когда начал писать книгу «Великая Совь». Совь (по типу «Русь») – это страна сов, а среди населяющих ее племен упоминаются «совки». В 1989 году автор читал свою книгу по Би-би-си, откуда слово будто и попало в молодежный жаргон. Но и в этом можно усомниться – хотя бы потому, что поначалу «совок» в молодежном жаргоне означал страну, а не ее население.

Так что достоверно известен лишь автор «гомососа».

Государство – это я

В 1653 году во Франции закончилась Фронда – пятилетняя гражданская война, в которой знать, провинции и города боролись против правительства кардинала Мазарини. К Фронде примкнули лучшие французские полководцы, ее вожди получили поддержку у Испании и Англии, тем не менее королевская власть победила. Победа обошлась дорого: считается, что население Франции за эти годы уменьшилось на десять процентов.

7 июня 1654 года в Реймсе был коронован 15-летний Людовик XIV, однако страной по-прежнему правил Мазарини. Он продолжил изнурительную войну с Испанией, которая тогда была мировой державой. Чтобы пополнить опустевшую казну, сорок шесть королевских чиновников занялись изобретением новых налогов. Было подготовлено 17 указов о новых налогах и сборах – в том числе за крещение и похороны. 20 марта 1655 года Парижский парламент в присутствии юного короля зарегистрировал эти указы. (Слово «парламент» не должно вводить в заблуждение: тогдашний парламент был высшей судебной палатой, и указы он регистрировал без обсуждения, согласно правилу «Когда государь прибывает, судьи молчат».)

Однако недовольство указами было так велико, что 13 апреля парламент собрался снова, намереваясь признать их ре-

гистрацию незаконной. Дело было нешуточное, ведь именно так семью годами ранее началась Фронда. Парижский парламент, в котором заседали представители дворянства, духовенства и горожан, в годы Фронды был оплотом оппозиции.

Людовик явился в парламент и, когда один из членов парламента употребил формулу «король и государство», король будто бы перебил его словами:

– Государство – это я.

Эта версия приведена в «Секретных мемуарах» историка Шарля Дюкло (1704–1772), опубликованных в 1791 году.

По другой, еще более поздней версии, юный Людовик явился в зал заседаний в охотничьем платье, высоких сапогах и с плеткой в руке, а когда председатель парламента стал говорить о «высших интересах государства», король заявил:

– Государство – это я.

В протоколе заседаний этих слов нет. Верно лишь то, что король приехал из Венсенского замка, где он часто охотился, и заявил, что не потерпит обсуждения уже зарегистрированных указов. Этим дело и кончилось; новой Фронды никто не хотел. Одевание короля соответствовало серьезности момента, тем более что перед тем он, согласно обычаю, молился в часовне Сен-Шапель.

Об охотничьем костюме и плетке написал, ради большего эффекта, Вольтер в своем знаменитом труде «Век Людовика XIV» (1751). О фразе «Государство – это я» Вольтер не упоминает. Не упоминают о ней и мемуаристы.

И все же легендарная фраза, хотя и не была произнесена, совершенно точно выражала суть абсолютной монархии. Курс публичного права, который читался юному Людовику XIV, начинался со слов: «Нация сама по себе не существует во Франции; она целиком сосредоточена в особе короля».

А в 1679 году Жак Боссюэ, самый известный проповедник того времени, по поручению Людовика XIV написал «краткий курс» политической мудрости для наследника престола – «Политика, извлеченная из Священного Писания». О короле здесь говорилось: «Все государство – в нем».

Двумя годами ранее в Амстердаме был посмертно опубликован «Политический трактат» Бенедикта Спинозы. Здесь говорилось:

Воля царя есть само гражданское право, и царь – само государство.

(«Политический трактат», VII, 25; перевод С. Роговина и Б. Чредина)

Людовик XIV умер в 1715 году, не дожив четырех дней до своего 77-летия. На ложе смерти, прощаясь с вельможами королевства, он сказал:

– Я ухожу, но государство по-прежнему остается.

Но кто же первым сказал «Государство – это я?». Вполне возможно, что Наполеон – правда, в прошедшем времени. На о-ве Св. Елены, вспоминая о своем приходе к власти, он говорил: «Государство – это был я» (в записи его секретаря Э. Лас Казеса 7 сент. 1816 г.).

Грабь награбленное!

23 января 1918 года, через три месяца после Октябрьского переворота, Ленин выступил в Петрограде перед агитаторами, посылаемыми в провинцию. Он объяснил им, что «война внешняя кончилась» и наступило время «внутренней войны»:

– Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, – мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить – полиция убита и похоронена, – сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними. Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? – старик ответил: да, мы грабим награбленное.

Ленин имел в виду историю, которую неделей раньше, 16 января, рассказал донской казак Шамов на III Всероссийском съезде Советов. Старик-станичник расспрашивал большевика Минина, как бы крестьянству получить землю, а выслушав его программу, воскликнул:

– Значит, ты грабитель!

Минин ответил:

– Да, мы грабители, но мы грабим грабителей.

«Это, — заключил Шамов, — так понравилось старому казaku, что он стал самым деятельным большевиком».

Отметим немаловажную разницу между разъяснением Минина и призывом Ленина. Минин говорил станичнику о передаче помещичьих земель крестьянам (лозунг, перехваченный большевиками у эсеров). Ленин же говорил о «сундуках буржуазии», т. е. об изъятии любого имущества, которое изымающие сочтут награбленным, — что уже пахло уголовщиной.

В книге «О Ленине. Материалы для биографа» (1924) Троцкий вспоминал:

Газеты особенно ухватились за слова «грабь награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

— И далось им это «грабь награбленное», — с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

— Да чьи это слова? — спросил я. — Или это выдумка?

— Да нет же, я как-то действительно это сказал, — ответил Ленин, — сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. — И он юмористически замахал рукой.

Трудно поверить, что Троцкий не знал, чьи это слова, а также в столь удивительную забывчивость его собеседника.

На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года Ленин заявил:

— Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное», — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не

могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?

Но, поскольку к тому времени скандальный лозунг уже сыграл свою роль, Ленин объявил о переходе к следующему этапу – расстрелу тех, кто грабит награбленное у грабителей:

– ...Награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...

Как видим, Ленин, защищая свой лозунг, ссылаясь на Маркса, у которого сказано: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют» («Капитал», I, 24, 6).

Ильич умолчал о лозунге «Собственность – это кража», восходящем к трактату Прудона «Что такое собственность» (1840). Между тем его вариации были нередки в анархистской печати конца 1917 года. «Вор крадет краденое», – писали видные идеологи русского анархизма братья Гордины в статье «Долой анархию!» (газ. «Буревестник» (Петроград), 29 ноября 1917 г.).

Еще более близкий источник печально знаменитого лозунга отыскивается не у Маркса и не у Прудона, а в Книге пророка Иезекииля:

«Тогда жители городов Израилевых выйдут (...); и ограбят грабителей своих, и оберут обирателей своих, говорит

Господь Бог»; «ограбил награбленное ею»; «грабителей твоих предам грабежу» (гл. 29, 30, 39).

Напротив, в трактате «Санхедрин» Иерусалимского Талмуда сказано: «Не воруй у вора того, что он украл у тебя».

Та же норма, уже в качестве юридической, а не только моральной, включена в Литовский статут 1529 года – свод западнорусского права:

«А естли бы он, кого пограбил, нестерпял недоходячи правом, а против пограбил; тогда тот хто грабеж за грабеж грабит, тот свою навезку тратить, а тому кого пограбил маеть грабеж вернути и навезати».

То есть: если ограбленный, вместо того чтобы добиваться своего через суд, ограбит грабителя, то он теряет положенный ему штраф, должен вернуть отнятое и сам заплатить штраф.

Гранит науки

Дата рождения «гранита науки» известна совершенно точно: 11 октября 1922 года. В этот день Лев Троцкий выступал на V Всероссийском съезде РКСМ.

– Наука, – толковывал он комсомольцам, – не простая вещь, и общественная наука в том числе, – это гранит, и его надо грызть молодыми зубами.

И далее:

– Я обращаюсь к вам и через вас ко всем наиболее чутким, наиболее честным, наиболее сознательным слоям молодого пролетариата и передового крестьянства с призывом: учитесь, грызите молодыми зубами гранит науки, закаляйтесь и готовьтесь на смену.

Этот оборот сразу же получил значение лозунга. Всего неделю спустя, 18 октября, в «Правде» появилась статья И. Степанова «Молодые зубы, гранит и наука». Семен Липкин, которому тогда было 11 лет, в мемуарной повести «Квадрига» вспоминает о школьной тетрадке, на зеленой обложке которой густо чернела голова Троцкого, а под ней изречение: «Грызите молодыми зубами гранит науки».

В 1923 году левовец Сергей Третьяков сочинил свой вариант песни «Молодая гвардия», весьма популярный в 20–30-е годы; лозунг Троцкого здесь стал двустушием:

Упорною учебною
Грызём наук гранит.

А в сборнике «Песни работницы и крестьянки» (1924) находим частушку:

Троцкий дал такой наказ:
«Грызть гранит науки!»
Разом выполним его,
Взявшись за «аз-буки».

Тут под «наукой» уж точно не имелись в виду науки, преподаваемые в университетах.

В исходной цитате из Троцкого слова «грызть» и «гранит» разнесены; поставленные рядом, они создают яркий фонетический образ: *«грызть гранит»*. Именно это и обеспечило формуле долгую жизнь.

Летом 1925 года Николай Устрялов, бывший кадет, а затем отец-основатель «сменовеховства» и «национал-большевизма», посетил Москву после семилетнего перерыва. В очерке «У окна вагона» («Новая Россия», 1926, № 2) он писал:

«Наше старое студенчество в общей его массе не умело так жадно тянуться к учению, как нынешнее. (...) Не то теперешняя университетская молодежь. (...) Для нее “учеба” – категорический императив. “Грызть гранит науки молодыми зубами” – это не только долг: это и наслаждение, и по-

требность, это “зов природы”, это боевое знамя, это подвиг. Но самый образ – “гранит” и “зубы” – не случаен: легко ли грызть гранит зубами, хотя б и “молодыми”?».

В это время Устрялов преподавал в Харбинском университете, одновременно работая в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1937 году он был расстрелян за «шпионаж и контрреволюционную деятельность».

В 1927 году в Харбине вышла, без указания автора, большая ироническая поэма «Епафродит». Ее написал Николай Сетницкий – экономист, статистик, философ, член одесского поэтического кружка, в котором участвовали Э. Багрицкий, В. Катаев, Ю. Олеша. С 1925 по 1935 год Сетницкий служил в Харбине в Экономическом бюро КВЖД, где сблизился с Устряловым; вместе с Устряловым он преподавал в Харбинском университете. Лозунг Троцкого особого сочувствия в нем не вызвал:

Мы говорим: «Гранит науки
Грызи, благая молодежь!
Грызи, пока не изгрызешь».
И многие грызут до муки.
Но пробирает вчуже дрожь.
Вожди зафанфаронят в трубы,
Глядишь, и хватают через край;
Науки и нужны и любы —
Что выдержит: гранит иль зубы?

Боюсь, дантистам будет рай.

Сетницкий был расстрелян в 1937 году (почти одновременно с Устряловым) как «изменник Родины» и «японский шпион».

В начале тридцатых поэт Демьян Бедный попробовал заменить выражение Троцкого сталинским, используя те же аргументы, что и Сетницкий:

– Разве это не внутренне порочный, пораженческий, не безнадежный лозунг? Всякому ясно, что гранита зубами не угрызешь. (...) Нет уж, грызи гранит сам! Сравните это с обращением т. Сталина. Он говорит молодежи: «Учитесь, стиснув зубы!» Стиснув зубы, т. е. с максимальным волевым напряжением. Грызите не гранит, а науку, не зубами, а мозгами! Вот где разница тона. А тон делает музыку.

(Речь 2 января 1931 года на партконференции Ленинского района Москвы.)

«Учиться, стиснув зубы», Сталин призывал в речи на XIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года.

Старания Бедного пропали втуне: выкинуть «гранит науки» из языка не удалось.

Не оставил без внимания формулу Троцкого философ-эмигрант Георгий Федотов. В «Письмах о русской культуре», опубликованных в 1938 году в журнале «Русские записки», он язвительно замечал: «Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь,

вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища».

Лидер эсеров Виктор Чернов, рассказывая о событиях 1899 года, приводит фразу: «Грызут гранит науки по германским университетам». Соответствующая глава его мемуаров «Перед бурей» так и называется: «“Грызуны науки” в германских университетах». Однако эту книгу Чернов, умерший в 1952 году, писал в последние годы жизни, так что тут мы имеем дело с явной аберрацией памяти.

Утратив авторство, формула Троцкого стала русским фразеологизмом.

Да возвеличится Россия, да сгинут наши имена!

Это двустилишие – одно из наиболее популярных у патриотов-державников, хотя они редко могут назвать автора. Чаще всего возникает имя Тютчева, но нередко – и Пикуля. Действительно, авторское предисловие к роману Пикуля «Пером и шпагой» (1972) заканчивается стихами:

Мы говорили в дни Батыя,
Как на полях Бородина:
Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

Последние две строки приведены также в повести Пикуля «Мальчики с бантиками» (1974) и романе «Честь имею» (1986).

Тютчев этих стихов не писал, хотя их автора знал хорошо. Летом 1854 года все сильнее разгоралась война, ныне известная под названием Крымской, и поэтесса Каролина Павлова откликнулась на это событие назидательно-патриотическим стихотворением «Разговор в Кремле». В июле 1854 года она прочла его на литературном вечере у великой княгини Елены Павловны, где присутствовал и Тютчев.

Из довольно длинного «Разговора...» современникам за-

помнилось лишь четверостишие «Мы говорили в дни Батая...». Пикуль (который, вероятно, и сам не знал автора) цитировал не вполне точно: у Павловой было: «И гибнут наши имена!»

Читатели более трезвого склада ума отнеслись к «Разговору...» критически. 30 октября 1854 года цензор Александр Никитенко записал в своем дневнике:

«Павлова (...) ужасно хвастает фразой: “Пусть гибнут наши имена – да возвеличится Россия”. Любовь к отечеству – чувство похвальное, что и говорить. Но (...) сказать “пусть гибнут наши имена, лишь бы возвеличилось отечество”, значит сказать великолепную нелепость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнут без смысла, без достоинства и самоуважения. (...) То, что говорит Павлова, – гипербола и фальшь».

Но фраза, которой хвасталась Павлова, в сущности, принадлежала не ей. Ее истинным автором был генерал Павел Христофорович Граббе (1789–1875), один из героев Кавказской войны. В своем дневнике от 20 мая 1851 г. он писал по поводу войны на Кавказе:

«Мы соглашались оставлять в тайне самые трудные и необыкновенные подвиги. Мне случилось выразить этот дух наших действий пред покойным великим князем Михаилом Павловичем следующим девизом, давно принятым мною:

Да возвеличится Россия,
И сгинут наши имена!»

Этот эпизод относится ко времени не позднее августа 1849 г., когда умер вел. кн. Михаил Павлович.

То же двестишие Грабе привел в письме к генералу Ермолову от 31 марта 1846 года, т. е. за восемь лет до «Разговора в Кремле»:

«Мой девиз был:

да возвеличится Россия
и сгинут наши имена.

Этот девиз остался и теперь моим и останется, если бы случилось еще быть допущенным к общественной деятельности».

А что же Павлова? Она, вероятно, вставила в «Разговор...» где-то услышанный ею девиз.

Любопытно, что и Павлова (урожденная Яниш), и Граббе по происхождению были обрусевшие немцы. Однако для нас важнее другое: в молодости Граббе разделял взгляды декабристов. Он участвовал в «Союзе Спасения» и «Союзе Благоденствия» (до 1821 г.), а в декабре 1825 года был арестован, впрочем, без последствий для будущей карьеры.

Уже поэтому он должен был знать знаменитую фразу Пьера Верньо, одного из вождей жирондистов: «Пусть погибнет память о нас, лишь бы Франция была свободна!» (речь в

Конвенте 17 сентября 1792 г.). То же самое говорил Дантон по случаю учреждения Революционного трибунала: «Пусть будет забыто мое имя, лишь бы Франция была свободна!» (речь в Конвенте 10 марта 1793 г.).

А первым ввел этот оборот французский поэт Антуан Мари Лемьер. В его трагедии «Вильгельм Телль» (1766) Телль восклицает:

Да сгинут наши имена, была б Швейцария
свободной!

Пушкинское: «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» – можно считать возражением Пьеру Верньо и его соратникам.

Напротив, уже в совершенно минорном ключе звучит эта мысль в юношеской поэме Лермонтова «Последний сын вольности» (1831):

Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть.

Как видим, девиз Граббе восходит к девизу французских революционеров, только «свобода», неуместная в николаевскую эпоху, уступила место «величию».

В послереволюционной эмиграции двустигшие Граббе-Павловой считалось лозунгом НТС – Народно-трудового союза, созданного в 1936 году на базе Национального сою-

за русской молодежи. Тогда же студент Павел Зеленский написал песню «Молодежная» («В былом источник вдохновения...»). Заканчивалась она словами:

А путь осветят нам святые
Извечной доблести слова:
«Да возвеличится Россия,
Да гибнут наши имена!»

«Молодежная» стала своего рода гимном НТС; мемуары Виктора Байдалакова, основателя НТС, были опубликованы в 2002 году под заглавием «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...»

Диссидент-либерал Андрей Амальрик отзывался об этом двустии почти так же, как цензор Никитенко – о двустии Каролины Павловой: «Сквозь благородный лозунг НТС “Пусть погибнут наши имена, но возвеличится Россия!” просвечивает “Ты – ничто, твой народ – всё!”» («Записки диссидента», 1978).

Амальрик, можно сказать, предвосхитил лозунг «Россия – всё, остальное – ничто!», появившийся в статье Эдуарда Лимонова «Опричники национальной революции» (1995).

Что же до патриотов-державников, то они взяли двустии о России, конечно, не из песни Зеленского, а из романа Пикуля. НТС (немалая часть которого в годы войны пыталась сотрудничать с немцами) для них скорее пугало, чем образец.

Но тождество лозунгов налицо.

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время

На яхте «Беда» вышел из строя корабельный хронометр. Как теперь прокладывать курс? Капитан Врунгель решает проблему способом простым, как все гениальное:

Вы берете часы, какие угодно, хоть стенные, хоть башенные, можно даже игрушечные, все равно. Лишь бы у них были стрелки и циферблаты. Причем вовсе не обязательно, чтобы стрелки двигались: напротив, совершенно необходимо, чтобы они не двигались. Пусть стоят. И вот, допустим, они показывают, как мой хронометр, ровно двенадцать часов. Отлично! Конечно, в течение большей части суток пользоваться таким хронометром не придется, но это, знаете, и ни к чему, излишняя роскошь; зато два раза в сутки – в полдень и в полночь – ваш хронометр совершенно точно покажет время. Тут только нужно не пропустить момента, когда посмотреть, а это уж зависит от личных способностей наблюдателя.

(Андрей Некрасов, «Приключения капитана Врунгеля», 1939)

Капитан Врунгель не первым набрел на эту замечательную идею. Изречение: «Даже сломанные часы дважды в сутки показывают точное время», – было известно давно. В американских антологиях цитат оно с конца 1960-х го-

дов приписывается австрийской писательнице Марии Эбнер фон Эшенбах, автору классического сборника «Афоризмы» (1880). Но этого афоризма мы у нее не найдем.

Самое раннее упоминание о способе капитана Врунгеля сайт «Quoteinvestigator» датирует началом XVIII столетия. 28 июля 1711 года Джозеф Аддисон писал в своем журнале «Наблюдатель» («The Spectator»):

Если бы они [провинциалы] все время носили одно платье, иногда они оказывались бы одеты по последней моде (...). Время от времени мода совпадала бы с ними, подобно остановившимся часам, которые раз в двенадцать часов показывают точное время.

В 1809 году вышел в свет сатирический роман Вашингтона Ирвинга «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии». Здесь указывалось:

Правителю несомненно более пристало быть настойчивым и последовательным в заблуждениях, чем колеблющимся и противоречивым в старании поступать правильно. (...) Часы, стрелки которых стоят на месте и неизменно направлены в одну сторону, дважды в сутки будут, разумеется, показывать правильное время, а другие часы могут постоянно идти, но постоянно неверно.

(Перевод В. Ровинского)

Математик и логик Чарльз Л. Доджсон, известный нам под именем Льюис Кэрролл, в молодости издавал домашний

журнал, одна из серий которого называлась «Зонтик-колокольчик» (ок. 1850–1853). В 1898 году в печати появилась задачка из «Зонтика-колокольчика»:

Какие часы лучше: те, что показывают точное время лишь раз в год, или те, что показывают верное время два раза в день? «Несомненно, вторые, – отвечаете вы». Прекрасно, читатель, а теперь внимание.

У меня есть двое часов: одни не идут вообще, другие отстают на минуту за день. Какие бы вы предпочли? «Разумеется, отстающие, – отвечаете вы».

Теперь заметьте-ка: часы, отстающие на минуту за день, должны отстать на двенадцать часов, т. е. на семьсот двадцать минут, прежде чем снова покажут точное время. Следовательно, они точны раз в два года, тогда как другие совершенно точны всякий раз, когда наступит время, которое указывают их стрелки; а это случается дважды в день.

Американский физик Дэниэл Лузон Моррис писал:

Когда-то было мудро замечено, что даже сломанные часы дважды в день показывают точное время. Я попытаюсь быть еще мудрее и скажу, что только сломанные часы и могут оказаться абсолютно точны и что только покойник абсолютно безгрешен.

(«Возможности безграничной искренности», 1952)

И уже в наши дни американский актер и писатель-юморист Джон Ходжман заметил:

Даже сломанные часы дважды в сутки показывают

точное время.

А солнечными часами даже ночью можно огреть кого-нибудь по башке.

Даже у параноика есть враги

В этой форме фраза утвердилась у нас после выхода в свет составленной мною «Большой книги афоризмов» (1999). В английском оригинале чуть иначе: «Даже у параноиков есть реальные враги» («Even paranoids have real enemies»). В «Большой книге...», как и в англоязычных антологиях, автором фразы назван госсекретарь США Генри Киссинджер.

Однако это неверно. Сведения об истории изречения появились на сайте «Quoteinvestigator» в 2013 году.

Итак: в примечании редакторов к одной из статей, помещенных в посмертном «Собрании трудов» (1953) американского психоаналитика Отто Фенихеля, говорилось:

Фрейд в своей работе «Некоторые невротические механизмы ревности, паранойи и гомосексуальности» показывает, что даже параноики бредят не совершенно произвольно, но скорее преувеличивая мельчайшие объективные признаки.

В романе Вирджинии Макманус «Не за красивые глазки» («Not for Love», 1960) содержался следующий диалог:

- Я думаю, что за моей квартирой следят.
- А ты знаешь, что значит п-а-р-а-н-о-и-к? (...)
- Да, я знаю, что значит параноик, но это не значит, что в мире нет шантажистов.

Обе эти цитаты относятся к предыстории фразы. Ее настоящая история начинается в эпоху расцвета молодежной контркультуры.

21 июля 1967 года в газете «Christianity Today» были приведены примеры надписей на нагрудных значках, в том числе:

Я хочу быть тем, кем я был, когда я хотел быть тем, кто я есть.

Покончи с бедностью. Дай мне десятку.

Даже у параноиков есть реальные враги.

В сентябре того же года значок с этой надписью был представлен на Первой международной психоделической выставке в нью-йоркском клубе «Forest Hills Country».

В 1968 году в журнале «Эсквайр» автором этого изречения был назван – без каких-либо доказательств – поэт и новеллист Делмор Шварц, умерший в 1966 году.

И лишь пять лет спустя изречение было приписано Киссинджеру. В газете «Вашингтон пост» от 1 сентября 1973 года известный политический обозреватель Стюарт Олсоп писал:

Что касается врагов президента, то их можно было бы счесть еще одним симптомом никсоновской паранойи. Однако Генри Киссинджер как-то пошутил, что «даже у параноиков есть реальные враги», и враги Никсона совершенно реальны.

В 1969 году в американской печати цитировалась настенная надпись:

На помощь! Меня преследуют параноики!

А в 1971 году еще одна, хорошо известная и у нас:

Если у тебя нет паранойи, это еще не значит, что за тобой не следят.

Справедливость «формулы Киссинджера» подтверждается случаем с Джеймсом Форрестолом, экс-министром обороны США, который в 1949 году выбросился из окна госпиталя в припадке депрессии. Среди прочего, он считал, что за ним следят израильские спецслужбы. И впоследствии выяснилось, что он не ошибся: Израиль, опасаясь тайного сговора США с арабами, действительно установил слежку за Форрестолом.

Один из героев повести Дэвида Сэлинджера «Выше стропила, плотники» (1955) замечает:

– Должно быть, я параноик наоборот. Я подозреваю, что другие сговариваются, чтобы меня осчастливить.

Есть еще и такое изречение неизвестного американского автора:

Если вам кажется, что вы сошли с ума, вы здоровы; а если вам кажется, что все походили с ума, вы не в своем уме.

Дай мне мужество изменить то, что я могу изменить...

Есть молитва, которую считают своей не только приверженцы самых разных конфессий, но даже неверующие. По-английски ее именуют Serenity Prayer – «Молитва о спокойствии духа». Вот один из ее вариантов:

– Господи, дай мне спокойствие духа, чтобы принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого.

Кому ее только не приписывали – и Франциску Ассизскому, и оптинским старцам, и хасидическому рабби Аврааму-Малаху, но чаще всего Курту Воннегуту. Почему Воннегуту – как раз понятно.

В 1970 году в «Новом мире» появился перевод его романа «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1968). Здесь упоминалась молитва, висевшая в оптометрическом кабинете Билли Пилигрима, главного героя романа. «Многие пациенты, видевшие молитву на стенке у Билли, потом говорили ему, что она и их очень поддержала. Звучала молитва так:

ГОСПОДИ, ДАЙ МНЕ ДУШЕВНЫЙ ПОКОЙ, ЧТОБЫ ПРИНИМАТЬ ТО, ЧЕГО Я НЕ МОГУ ИЗМЕНИТЬ, МУ-

ЖЕСТВО – ИЗМЕНЯТЬ ТО, ЧТО МОГУ, И МУДРОСТЬ – ВСЕГДА ОТЛИЧАТЬ ОДНО ОТ ДРУГОГО.

К тому, чего Билли изменить не мог, относилось прошлое, настоящее и будущее» (перевод Риты Райт-Ковалевой).

С этого времени «Молитва о спокойствии духа» стала и нашей молитвой.

А впервые она появилась в печати 12 июля 1942 года, когда «Нью Йорк таймс» поместила письмо читателя с вопросом, откуда эта молитва взялась. Только ее начало выглядело несколько иначе; вместо «дай мне спокойствие духа (serenity of mind) – «дай мне терпение». 1 августа другой читатель «Нью-Йорк таймс» сообщил, что молитву составил американский проповедник-протестант Рейнхольд Нибур (1892–1971). Эту версию ныне можно считать доказанной.

В устном виде молитва Нибура появилась, по-видимому, в конце 1930-х годов, но широкое распространение получила в годы Второй мировой войны. Тогда же ее взяли на вооружение «Анонимные алкоголики».

В Германии молитва Нибура долго приписывалась немецкому богослову Карлу Фридриху Этингеру (K. F. Oetinger, 1702–1782); тот же автор указан в I издании моего «Словаря современных цитат» (1997). Дело в том, что перевод молитвы на немецкий был опубликован в 1951 году под псевдонимом «Фридрих Этингер». Этот псевдоним принадлежал пастору Теодору Вильгельму; сам он получил текст молитвы от канадских друзей в 1946 году.

Насколько оригинальна «Молитва о спокойствии духа»? До Нибура она нигде не встречалась. Исключение составляет лишь ее начало. В 1934 году в одном из американских журналов появилась статья Джуны Пёрселл Гилд «Зачем нужно ехать на Юг?». Здесь говорилось:

«Многие южане, по-видимому, очень мало делают для того, чтобы стереть страшную память о Гражданской войне. И на Севере, и на Юге не у всех хватает *спокойствия духа, чтобы принять то, чего нельзя изменить*» (курсив мой. – К.Д.).

Почти двумя тысячелетиями раньше Гораций писал:

Тяжко! Но легче снести терпеливо
То, чего изменить нельзя.

(«Оды», I, 24)

Неслыханная популярность «Молитвы о спокойствии духа» привела к появлению ее пародийных переделок. Наиболее известна из них «Молитва офисного работника» («The Office Prayer»):

– Господи, дай мне спокойствие духа, чтобы принять то, чего я не могу изменить; дай мне мужество изменить то, что мне не по нраву; и дай мне мудрость спрятать тела тех, кого я убью сегодня, ибо они достали меня.

А еще помоги мне, Господи, быть осторожным и не наступать на чужие ноги, ибо над ними могут быть

задницы, которые мне придется целовать завтра.

Двунадесять языков, четырнадцать держав

В словаре Даля читаем: *«Нашествие двунадесяти языков, Отечественная война, наступление Наполеона на Русь, в 1812 году»*. Откуда взялись эти «двунадесять языков» и почему именно «двунадесять», т. е. двенадцать?

Выражение это появилось уже после изгнания Великой Армии из России, причем в несколько иной форме. 25 декабря 1812 года был обнародован Высочайший манифест *«О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского»*. Здесь говорилось:

Да представят себе собрание с двадцати царств и народов, под единое знамя соединенные, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в Нашу землю [курсив здесь и далее мой. – К.Д.].

Указом Александра I от 30 августа 1814 года предписывалось ежегодно, в день Рождества Христова (т. е. 25 января), праздновать *«избавление Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двудесяти язык»*. Этот Указ, как и Манифест 25 декабря 1812 года, был составлен, как сказали бы теперь, спичрайтером государя – статс-секретарем А. С. Шишковым.

С тех пор в церковных рождественских проповедях неизменно упоминалось о нашествии «двадесяти язык».

Наконец, 1 января 1816 года вышел Манифест (написанный все тем же Шишковым) «О благополучном окончании войны с французами», где говорилось об «ужасном, *из двадцати царств составленном ополчении*».

Итак, в указах и манифестах говорилось сначала о «царствах и народах», потом о «языках» (народах), потом только о «царствах» (государствах). Число вражеских то ли царств, то ли языков составляет двадцать. Разумеется, это не точная цифра, а числовая метафора, означающая «очень много».

В 1812 году России объявила войну Франция, а также ее союзники и вассальные государства: Австрия, Пруссия, Швейцария, Герцогство Варшавское, Испания, Королевство Италия, Неаполитанское королевство и Рейнский союз, включавший 37 немецких государств. Таким образом, «царств» (государств, хотя бы и зависимых) было $8+37$, итого 45; если же считать Рейнский союз за одно «царство», то «царств» оказывается девять. Собственно же языков (т. е. народов, говорящих на одном языке) насчитывалась дюжина с лишним, так как в одной Австрийской империи их было не менее десятка.

Очень скоро наряду с «двадесятью языками» появились «двунадесять язык» или «языков». Вероятно, сказалось влияние широко распространенных оборотов «двунадесятые праздники», «двунадесать апостолов» и т. д. К тому же циф-

ра 12 лучше подходит для роли символического числа.

В пушкинской «Истории села Горюхино» (1830) повествователь пишет: «По изгнании двухнадесяти языков, хотели меня снова везти в Москву...»

В 1827–1834 годах в Москве была сооружена Триумфальная арка в честь победы в Отечественной войне. Один из двух ее горельефов изображал «Побиение двунадесяти языков» (согласно пояснительной надписи на особой бронзовой доске). Тем самым формула «двунадесять языков» была узаконена официально наряду с прежней.

В XX веке старая формула возродилась в новом обличье. 30 августа 1919 года в «Известиях» появилось сообщение о том, что Черчилль заявил о плане «концентрированного наступления армий 14 государств против Москвы». Это сообщение было взято из шведской «Фолькетс дагблат политикен» от 25 августа. Сотрудник «Известий» Ю. М. Стеклов счел все же нужным уточнить: «Мы не знаем, действительно ли произносил Черчилль ту речь, о которой сообщает скандинавская газета, или же этот спич принадлежит к разряду апокрифов».

Согласно Ленину, «Черчилль потом опровергал это известие. (...) Но если бы даже (...) источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы» (доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря 1919 г.).

Цифра 14 применительно к Гражданской войне получила

то же значение числового символа, что и цифра 12 по отношению к войне 1812 года. В речи на открытии IX съезда РКП(б) 29 марта 1920 года Ленин заявил:

– ...Несмотря на двукратный, трехкратный и четырнадцатикратный поход империалистов Антанты, (...) мы оказались в состоянии победить.

Мифический «поход четырнадцати держав», он же «Второй поход Антанты», прочно вошел в советские учебники как обозначение плана военной интервенции, якобы разработанного летом 1919 года. В действительности – к великому сожалению Черчилля – никакого общего плана у держав Антанты не было.

В 1949 году появилась пьеса Всеволода Вишневского «Незабываемый 1919-й». Она была удостоена Сталинской премии и в 1951 году экранизирована. В одном из первых эпизодов фильма показан первомайский субботник в Кремле. Цитирую сценарий:

Ленин и пожилой рабочий с трудом несут на плечах тяжелое бревно. У пьедестала Царь-колокола свалили его на груду таких же бревен; с трудом переводят дыхание. (...)

– Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Уж распространяются слухи о походе четырнадцати держав.

– Это каких же четырнадцати, Владимир Ильич?

– Четырнадцать? Гм... подсчитаем. Англия – раз, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия,

Польша, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и прибавьте Колчака и Деникина. Да, подсчет точный.

Рабочий даже привстает от волнения.

В прологе пьесы «Незабываемый 1919-й» Ленин говорил о походе 14 держав не рабочему, а Сталину, и тоже в мае 1919-го. Таким образом, он предвосхищает план Антанты, который даже по советским учебникам появился не раньше июля. Однако о Югославии Ильич говорить не мог; это наименование появилось через пять лет после его смерти.

Дети, кухня, церковь

Выражение «дети, кухня, церковь» цитировалось у нас как «старая немецкая поговорка» или (в советское время) как «старый реакционный лозунг». Максим Горький в статье «О женщине» (1930) указывал и конкретного автора: «Вильгельм Второй должен был напомнить с высоты своего трона, что у немецкой женщины только три обязанности пред ее страной: дети, кухня, церковь». Напомним, что Вильгельм II, император Германской империи, правил с 1888 по 1918 год.

Этот оборот хорошо известен и в других странах, причем чаще всего он приводится по-немецки: «Kinder, Küche, Kirche». В «Оксфордский словарь английского языка» эта немецкая формула попала уже в 1901 году. Обычно она приписывалась Вильгельму II или его жене Августе Виктории. Однако – странное дело – это выражение отсутствовало в немецких словарях крылатых слов вплоть до конца XX века.

Первое известное мне упоминание о нем появилось в заметке «Германская императрица», опубликованной осенью 1894 года в английской печати, а затем перепечатанной в ряде американских газет под заглавием «Патрон трех “К”». Согласно этой заметке, император Вильгельм II будто бы говорил:

– Все немецкие девушки должны последовать примеру императрицы и, как она, посвятить свою жизнь «трем “К”» –

Kirche, Kinder и Küche.

Пять лет спустя, 17 августа 1899 года, в английской «Westminster Gazette» появилась заметка «Американские леди и император. Четыре “К” императрицы». Здесь рассказывалось, как Вильгельм II встречался на своей яхте с американками – сторонницами гражданского равноправия женщин. Выслушав их, кайзер сказал:

– Я согласен со своей женой. И знаете, что она говорит? Что не женское дело заниматься чем-либо, кроме четырех «К» (...). Эти четыре «К» – Kinder, Kirche, Küche, Kleider [дети, церковь, кухня, платье].

Согласно немецкой исследовательнице Сильвии Палечек, раннее упоминание о «трех “К”» в германской печати появилось в 1899 году, в сообщении немецкой феминистки Кэт Ширмахер о международном женском конгрессе в Лондоне. При этом Ширмахер ссылалась на английские источники (S. Paletschek, «Kinder – Küche – Kirche», в сб. «Deutsche Erinnerungsorte», 2001, т. 2). Вскоре появились иронические перефразировки этой формулы, например, «Konversation, Kleider, Küche, Kaiser» («разговоры, платье, кухня, кайзер»).

История, рассказанная в «Westminster Gazette» не более чем исторический анекдот, хотя императрица Августа Виктория действительно придерживалась крайне консервативных взглядов на женский вопрос. Вильгельм II разделял эти взгляды; главной задачей женщины он считал «незаметный домашний труд в кругу семьи».

Еще раньше в том же духе высказывались немецкие христианские моралисты:

«Воспитанная в христианском духе жена (...) работает по дому, шьет одежду для мужа и детей, трудится на кухне, чтобы доставлять радость мужу» (Г. Ульхорн, «Христианское милосердие», 1882).

У нас этот идеал называли бы домостроевским.

Тем не менее краткая формула «Kinder, Küche, Kirche» возникла не в Германии, а, по-видимому, в английской печати. Тем самым патриархальные представления о роли женщины связывались с немецкой национальной ограниченностью, хотя немецкие женщины в конце XIX века были не более патриархальны, чем в других западноевропейских странах.

В 1930-е годы «три “К”» – как на Западе, так и в Советской России, – стали цитироваться как лозунг национал-социализма в женском вопросе. Нацизм действительно ликвидировал независимое женское движение и в женском вопросе официально придерживался патриархально-почвеннической ориентации. Однако лозунг «дети, кухня, церковь» в Третьем рейхе никогда не использовался. Он не мог быть принят хотя бы ввиду не слишком дружественного отношения нацизма к церкви.

Новая жизнь «трех “К”» началась в 1960-е годы, вместе с появлением радикального феминизма на Западе. «Три “К”» стали символом социального угнетения женщины в запад-

ном обществе, при этом сам лозунг часто приписывался Гитлеру.

В самой Германии выражение «Kinder, Küche, Kirche» стало общеупотребительным лишь в последние десятилетия XX века. В немецкой печати возникли новые перефразировки старой формулы: «Karriere, Kinder, Kompetenz» («карьера, дети, компетентность»), «Kinder, Kapital, Karriere» («дети, капитал, карьера»).

И наконец, тогда же появились мужские «три “К”»: «Konkurrenz, Karriere, Kollaps» – «конкуренция, карьера, крах».

Для торжества зла достаточно лишь...

Согласно опросу, проведенному в начале этого века редакцией «Оксфордского словаря цитат», в англоязычном мире самой популярной современной цитатой оказалась следующая:

«Для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали».

Так пишет Ралф Кейз в книге «Верификатор цитат» («The Quote Verifier», 2006).

Эта мудрость, как и множество других, разошлась по всему свету с легкой руки Джона Кеннеди. 17 мая 1961 года в Оттаве он обратился к канадским парламентариям со словами:

– Дело, за которое борется свободный мир, крепнет за столом переговоров и в умах людей, потому что это правое дело. Но еще больше его упрочают целенаправленные усилия свободных людей и свободных наций. Как сказал великий парламентарий Эдмунд Бёрк, «для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали».

Эдмунд Бёрк (1729–1797), английский политический публицист и философ, считается одним из отцов современного консерватизма. Цитаты, которую привел Кеннеди, у

него нет. Правда, отдаленно похожая мысль встречается в речи Бёрка, произнесенной в Палате общин 23 апреля 1770 года:

– Когда дурные люди сговариваются, хорошие должны объединяться, иначе они погибнут поодиночке.

Гораздо ближе к приведенному Кеннеди изречению высказывание Джона Стюарта Милля (1806–1873), одного из идейных отцов либерализма:

– Чтобы добиться своего, дурным людям нужно лишь, чтобы хорошие люди наблюдали со стороны и ничего не делали. («Об образовании», речь в Университете Сент-Андрус (Шотландия) 1 февраля 1867 г.)

А самый ранний пример цитирования «бёрковского» изречения обнаружил американский исследователь Барри Попик. В начале июля 1920 года британский предприниматель Марри Хизлоп обратился с посланием к Международному конгрегационалистскому совету, IV съезд которого состоялся в Бостоне. В послании речь шла о сухом законе:

Бёрк однажды сказал: «Для торжества зла достаточно лишь, чтобы хорошие люди ничего не делали». Оставьте в покое торговлю спиртным, и она задушит все хорошее, что есть в жизни страны. Оставьте ее в покое – это все, что ей нужно. Для ее торжества достаточно нашей трусости. Для ее сокрушения достаточно нашего мужества.

К высказыванию Бёрка в речи 1770 года очень близки сло-

ва Пьера Безухова в эпилоге «Войны и мира»:

— ...Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое.

Насколько сам Толстой разделял эту мысль? Слова Пьера предваряются замечанием автора романа: «Это было продолжение его самодовольных рассуждений об его успехе в Петербурге. Ему казалось в эту минуту, что он был призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру». Дистанция между героем и автором очевидна.

Натан Эйдельман в повести «Первый декабрист» писал: «Толстой (...) верил не столько в объединение хороших людей, сколько во внутреннее, духовное освобождение каждого отдельного человека (в старости, например, смеялся над обществами трезвости: не пить следует в одиночку, а если уж собираться — то лучше выпить...). Поэтому (повторим) неверно считать главной мыслью романа “Война и мир” слова Пьера — “что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое”.

Тем более что “честные люди” куда хуже умеют объединяться — чем разъединяться...»

Однако Толстой, вероятно, согласился бы с высказыванием Сенеки:

«Постоянному и плодovitому злу должен противостоять медленный и упорный труд: не для того, чтобы уничтожить

его, но для того, чтобы оно нас не одолело» («О гневе», II, 10; перевод Т. Бородай).

Добрым словом и револьвером

У нас изречение о добром слове и револьвере появилось в начале «лихих девяностых», когда револьвер стал обычным инструментом бизнеса. В 1992 году публицист Сергей Митрофанов писал:

«А “начальный капитал”, как известно из той же мировой литературы, всегда рождался из преступления. “Добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем одним только добрым словом”, – говаривал американский гангстер Аль Капоне в переходный период становления американского капитализма...» («Какую Россию мы ожидали?», «Столица», 1992, № 31).

На самом деле автором знаменитой фразы был Ирвин Кори – американский стендап-комик по прозвищу Профессор. В 1953 году в журнале «Variety» появилась запись его выступления на радио NBC. Выступая от лица Гамлета, Кори сказал:

– Моя философия проста и остра. Стреляй в упор, грубо, просто и резко. Мой жизненный принцип: добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем одним только добрым словом.

14 лет спустя, в июле 1969 года, в еженедельнике «Парад» (воскресное приложение ко множеству американских газет) была напечатана заметка «Мои любимые шутки про-

фессора Ирвина Кори». Здесь-то и появилось имя легендарного гангстера:

«Я думаю, что это Ал Капоне однажды сказал: “Добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем одним только добрым словом”».

Уже в августе того же года фраза цитировалась всерьез как слова Ала Капоне.

В 1987 году на экраны вышла криминальная драма «Неприкасаемые» с Робертом Де Ниро в роли Ала Капоне. В одной из сцен главарь чикагских гангстеров беседует с журналистами:

– Вы известны тем, что управляете своим делом при помощи насилия. (...)

– Я рос в жестоком соседстве, и мы говорили обычно: «Добрым словом и револьвером можно добиться большего, чем одним только добрым словом». И в том районе это было правдой. Бывает, что слава о вас преследует вас по пятам. Конечно, в Чикаго есть насилие, но не я его источник и ни один из моих людей. И я вам скажу почему: это не помогает делу.

Стоит привести еще две фразы из книги Кеннета Олсопа «Бутлегеры и их эпоха» (1961). Здесь Ал Капоне (а скорее Олсоп его устами) говорит о пригородах Чикаго:

– Это девственная территория для публичных домов.

И еще:

– На меня повесили всех убитых, кроме жертв Мировой

войны.

У фразы Кори был отдаленный предшественник – рекламный слоган немого вестерна «Sundy Burke of the U-Bar-U» (1919):

Ему дана улыбка и револьвер, и он пользуется тем и другим.

Главный герой фильма – добродушный ковбой, которого принимают за гангстера; между тем он спасает двух девушек от убийц. Ковбоя сыграл Луис Беннисон. 10 лет спустя Беннисон, успевший стать наркоманом и алкоголиком, застрелил свою бывшую театральную партнершу Маргарет Лоуренс в ее нью-йоркской квартире, а затем застрелился сам.

18 ноября 2014 года на территории ВДНХ открылся форум Общероссийского народного фронта. Перед началом форума Владимиру Путину были показаны новые военные машины под названием «Вежливые броневики».

– С помощью вежливости и оружия возможно сделать гораздо больше, чем только с помощью вежливости, – заметил президент РФ.

Дело происходило полгода спустя после включения Крыма в состав России, чему, по мнению многих, немало способствовали «вежливые люди», т. е. российские военнослужащие без опознавательных знаков.

Договор со смертью

3 марта 1918 года, за месяц с небольшим до ликвидации анархистских боевых отрядов большевиками, московская газета «Анархия» писала: «Если мы не заключили договора с победой, то мы заключили договор со смертью».

В июле 1918-го Советская Россия потеряла Екатеринбург и Симбирск. 29 июля на чрезвычайном заседании ВЦИК предреввоенсовета Троцкий заявил:

– Мы – сыны рабочего класса, мы заключили договор со смертью, а стало быть, и с победой!

То же самое он говорил в самые горячие дни первой русской революции, 5 ноября 1905 года в Петербургском совете рабочих депутатов (который Троцкий фактически возглавлял):

– Товарищи, когда либеральная буржуазия спрашивает нас: «Вы одни, без нас, думаете бороться? разве вы заключили договор с победой?» – мы ей в лицо бросаем наш ответ: «Нет, мы заключили договор со смертью!»

Оба раза Троцкий указывал источник этого лозунга – эпизод из истории Великой французской революции.

Относится он к 1793 году. Вскоре после установления якобинской диктатуры республиканская армия терпела поражения от австро-пруссских войск. 18 июня 1793 года Конвент рассматривал проект новой конституции Французской

республики, одна из статей которой гласила: «Французский народ не заключает мира с врагом, занимающим его территорию». Жирондист Мерсье спросил:

– Вы воображаете, что всегда будете победителями? Неужели вы заключили договор с победой?

– Мы заключили договор со смертью! – ответил якобинец Клод де Базир.

Второе рождение этой фразы случилось во время франко-прусской войны. К октябрю 1870 года основные силы французской армии были разгромлены, а Париж осажден. В правительстве национальной обороны главную роль играл министр внутренних дел Леон Гамбетта. 7 октября он вылетел из осажденного Парижа на воздушном шаре, а 8 октября выступил перед частями Национальной гвардии в Руане, заявив:

– Мы должны заключить договор либо с победой, либо со смертью!

Созданные Гамбеттой молодые французские армии затянули сопротивление еще на четыре месяца; в марте 1871 года был заключен мир.

Однако Парижская коммуна его не признала. Теперь она сражалась уже не с немцами, а с войсками собственного правительства – «версальцами». 15 мая Коммуна издала воззвание «К большим городам Франции»: «После двух месяцев непрерывной борьбы Париж ни устал, ни пал духом»; «Париж заключил договор со смертью». Так и вышло: десятки

тысяч парижан погибли в междоусобных боях или были расстреляны, а многие исторические здания сожжены.

История Коммуны была хорошо знакома Абраму Гоцу, одному из руководителей боевой организации эсеров. В своем заключительном слове на процессе эсеров в июле 1922 года он сказал:

– Да, увы, мы не заключили договора с победой, и нам сейчас в расплату за это остается теперь заключить договор со смертью.

Гоц, как и многие его соратники, закончил жизнь в сталинских лагерях.

Не знаю как Троцкий и Гоц, но якобинцы и Гамбетта, говоря о договоре со смертью, хорошо знали, что цитируют Библию, правда, решительно переосмысливая ее. В 28-й главе Книги пророка Исайи осуждаются «правители народа сего». Они не боятся возмездия и говорят: «Мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор: когда всепоражающий бич будет проходить, он не дойдет до нас, – потому что ложь сделали мы убежищем для себя, и обманом прикроем себя». Но, предупреждает Исайя, «и союз ваш со смертью рушится, и договор ваш с преисподнею не устоит».

Зато в самом прямом смысле цитировали Исайю борцы против рабства в США. Конституция США допускала рабовладение на Юге страны. 27 января 1843 года Массачусетское общество борьбы с рабовладением приняло предложенную Уильямом Ллойдом Гаррисоном резолюцию, в которой

говорилось: «Отношения Севера с Югом – это “союз со смертью и с преисподнею договор”». Эти слова Гаррисон повторил на митинге 4 июля 1854 года, в День независимости, после чего демонстративно сжег текст Конституции.

Добавим еще, что «договор с преисподней», о котором метафорически говорил Исайя, в Средние века превратился в «договор с дьяволом», понимаемый совершенно буквально. Жертв «охоты на ведьм» осуждали именно за договор, а не за что-либо другое, – иначе их нельзя было бы обвинить в ереси. В пособиях для инквизиторов можно отыскать множество таких договоров. Но тут уместно привести фразу, которая приписывается немецкому иезуиту Фридриху Шпее, противнику пыточных методов дознания:

«Если нас не признали ведьмами, то лишь потому, что нас еще не пытали».

Доказывай, что ты не верблюд

В 1975 году зрители очередного выпуска «Кабачка 13 стульев» увидели сценку, в которой пан Гималайский привозит верблюда для местного цирка, вместе с сопроводительным письмом: «Направляем в ваш цирк двугорбого верблюда и с ним Гималайского...» После чего от Гималайского стали требовать справку, что он не верблюд.

К тому времени формула «доказывай, что ты не верблюд» успела стать идиомой, и далеко не каждому была известна ее родословная.

Как поясняет литературовед Александр Жолковский, это «концовка популярного анекдота сталинских времен»:

Бегут лисы (зайцы) через границу СССР. Их спрашивают:

- Почему вы убегаете?
- Потому что будут арестовывать всех верблюдов.
- Но вы же не верблюды?
- Так поди докажи НКВД, что ты не верблюд!

(«Пищунда-57, далее везде», «Новый мир», 2012, № 12)

Анекдот восходит к персидской басне XII века. Считается, что впервые она была изложена поэтом Анвари (1126–1189) (цитирую по английскому прозаическому переводу):

Лисица бежала в смертельном страхе. Другая лисица, увидев, как она мчится, спросила: «(...) Что

случилось?» Та ответила: «Царь велел забрать всех ослов». [Вторая лисица] сказала: «Ты не осел, чего тебе бояться?» [Первая лиса] сказала: «Верно, но люди (...) неспособны отличить осла от лисицы. (...) Я боюсь, что они [заберут] и оседлают нас как ослов».

Другой персидский поэт, Джалаладдин Руми (1207–1273), изложил эту басню дважды, в стихах и прозе; у Руми убегает не лисица, а человек, боясь, что его примут за осла.

Верблюды появились в версии еще одного персидского поэта – Саади, автора сборника поучительных историй «Гюлистан» (1258).

Вот «рассказ о лисице» из «Гюлистана» (кн. I, рассказ 16) в переводе Р. Алиева (1957):

Видели ее, как она металась вне себя, падая и поднимаясь. Кто-то сказал ей:

– Какая беда приключилась с тобой (...)?

– Я слышала, что ловят [всех] верблюдов для принудительной работы.

[Тот] сказал:

– О дура, какое же отношение имеет верблюд к тебе и что общего у тебя с ним?

– Молчи, – возразила она, – если завистники по злобе скажут, что я – верблюд, и меня заберут, то кто же позаботится о моем освобождении, чтобы выяснить положение [дел], и пока привезут противоядие из Ирака, ужаленный змеей подохнет!

(«Пока привезут противоядие из Ирака...» –

примерно то же, что «после дождичка в четверг».)

Эта басня в различных вариантах была хорошо известна у восточных народов, населявших Российскую империю. Хотя у Саади главный персонаж – лисица, в русских анекдотах ее заменяет заяц, который в русском фольклоре наделен особенной боязливостью и склонностью к бегству.

Но интересней другое: политический анекдот о верблюдах и зайце появился еще до революции. Наметим хотя бы пунктиром путь от басни Саади до «анекдота сталинских времен».

Первый перевод «Гюлистана» на русский язык появился уже в XVI веке. В XIX веке «Гюлистан» издавался на русском трижды; в последний раз – в 1882 году в переводе И. Холмогорова. Мотив бегства лисицы у Холмогорова смазан: она лишь «слышала, что ловят верблюда», и пустилась бежать.

Василий Величко переложил рассказ Саади в стихи. Вероятно, он воспользовался переводом Холмогорова, поскольку и тут речь идет о бегстве одного-единственного верблюда, и почему он сбежал – непонятно:

Избавившись от крепких пут,
Бежал из лагеря верблюдов.
Узнав о том, лисица всполошилась
И, хвост поджав, бежать пустилась.

«...Ты ж не верблюд!» – заметил ей прохожий:

«Друг с другом даже вы не схожи!»

«...Поди, доказывай потом,
Что неповинна я ни в чем:
Ведь прежде, чем все выслушать и взвесить,
Успеют тридцать раз повесить!»

(«Из Саади. II», в сборнике «Восточные мотивы», 1890)

Оборот «Поди доказывай потом» – буквально или с изменениями – стал обязательной частью анекдота, вошедшего в обиход, по-видимому, в годы Первой русской революции.

В 1909 году в Петербурге состоялся I Всероссийский съезд издателей и книгопродавцев. 2 июля на нем выступил московский книготорговец С. И. Варшавский. Он жаловался на то, что полицейские власти приравнивают книгопродавца «к какому-то агитатору», и пояснил свою мысль «известным анекдотом»:

– В некоей стране был издан закон о том, чтобы подковывать верблюдов. Узнав об этом, заяц пустился бежать. На границе встречает он другого. Тот с удивлением его спрашивает, зачем он бежит. «Да как же не бежать, – говорит беглец, – когда вышел закон подковывать верблюдов, подкуют еще и тебя, а потом поди доказывай, что ты не верблюд».

Именно эта форма анекдота – с подковыванием верблюдов – надолго стала основной.

Вскоре этот анекдот прозвучал с самой высокой трибуны – трибуны Государственной Думы. 15 марта 1913 года его

рассказал глава фракции меньшевиков Николай Чхеидзе, закончив словами зайца: «...того гляди цап, возьмут и подкуют, а потом доказывай, что ты не заяц, а верблюд».

Год спустя Сергей Гернет изложил анекдот стихами:

Закон, вишь, нынче вышел новый:

Верблюдов всех поставить на подковы.

– Так нам-то что? – Как что?! Возьмут да подкуют,

Потом доказывай, что я-де не верблюд!

(«Опытный заяц. Восточная басня», журн. «Лукоморье» от 6 апреля 1914 г.)

Гернет едва ли думал писать сатиру против властей: он был членом правления ряда акционерных обществ и по убеждениям консерватор. Однако, судя по его стихотворному творчеству, чиновничество он недолюбливал.

Накануне Февральской революции осведомитель столичной охраны сообщал, что в газете «Русская воля» под видом корреспонденции «из Ново-Николаевского хутора Саратовской губернии» помещена сатирическая заметка «Обилие зверей». «Зайцы, – говорилось в заметке, – попадают матерые, большие, чуть ли не с верблюда. Отсюда и пословица: заяц, беги, не то подкуют под верблюда...»

Осведомитель комментирует: «“Пословица”, сколько известно, гласит иначе: “Арестуют, – а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц”». (Донесение в петроградское охранное отделение 4 февраля 1917 г.; опубликовано в сб. «Бур-

жуазия накануне Февральской революции», 1927.)

В советской печати 20-х годов и сам анекдот, и его ключевая фраза, успевшая стать поговоркой, встречается в разных контекстах. Но можно предполагать, что в устной речи анекдот сохранял политическую окраску. Князь Сергей Голицын, вспоминая о перипетиях «лишенцев» в конце 1920-х годов, замечает: «Тогда появилась расхожая поговорка: “Докажи, что ты не верблюд”» («Записки уцелевшего», 1980–1989).

В 1925 году на XIV съезде ВКП(б) громили левую оппозицию. Один из оппозиционеров, Петр Залуцкий, на заседании 20 декабря начал свое выступление словами: «— Мне придется, не знаю, удастся ли это, доказывать, что я ни в коем случае не верблюд, верблюдом сделал я себя не сам, а меня сделали, я не знаю, сколько у меня горбов. (*Голоса: “Не меньше двух”.*)». Потом Залуцкому пришлось еще не раз доказывать, что он не верблюд, но дело кончилось все же расстрелом по обвинению в «контрреволюционной террористической деятельности».

Анекдот уже самых настоящих «сталинских времен» – судя по всему, довоенный, – приведен в сборнике Е. Соловьева «Кремль и народ: Политические анекдоты» (Мюнхен, 1951). Здесь верблюдам грозит уже не подковывание, а нечто похуже:

Встречаются два зайца в поле:

– Отчего ты так бежишь, запыхался даже?

– А ты разве не слышал, объявили, что всех верблюдов будут кастрировать?

– Так ты же не верблюд!

– Ну да... Поймают – кастрируют, а потом доказывай, что ты не верблюд.

Эта версия дожила до наших времен.

В «Воспоминаниях» Никиты Хрущева приведена байка из эпохи Большого террора о некоем деятеле с басенной фамилией Медведь:

Рассказывают, что (а был он раньше, кажется, заместителем начальника областного отдела здравоохранения то ли в Киеве, то ли в Харькове) на партийном собрании какая-то женщина выступает и говорит, указывая пальцем на Медведя: «Я этого человека не знаю, но по глазам его вижу, что он враг народа». (...) Но Медведь (как говорится, на то он и Медведь) не растерялся и сейчас же парировал: «Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, в первый раз вижу и не знаю ее, но по глазам вижу, что она проститутка». Только употребил он слово более выразительное. (...)

Если бы *Медведь стал доказывать, что он не верблюд*, не враг народа, а честный человек, то навлек бы на себя подозрение. [Курсив мой. – К.Д.]

В 2002 году в издательстве «Наука» вышел первый выпуск историко-литературного альманаха «Восток – Запад». Предисловие к нему написал редактор альманаха, академик-ки-

таист Владимир Степанович Мясников. Здесь – с виду как будто на полном серьезе, а на самом деле в стиле «ученые шутят» – утверждалось, что слово «альманах» восходит к арабскому слову, означавшему место остановки верблюдов. «Не случайно поговорка дервишей гласит: “Коль в альманахе тебя подкуют, потом не докажешь, что ты не верблюд”. Кстати, в жизни никто никогда не видел подкованного верблюда, ибо “корабль пустыни” не подковывается. Просто глагол *подковать* в просторечии имеет второй смысл: *обмануть, надуть*».

Из всего этого верно одно: верблюдов, в отличие от лошадей, действительно не подковывают.

Анекдот о верблюдах и зайце неизвестен на Западе, но имел хождение в странах соцлагеря. В Румынии он, по датировке румынских фольклористов, появился еще до создания соцлагеря – около 1937 года. Здесь убегает не заяц, а человек, услышавший, что всех верблюдов будут расстреливать.

В 1981 году польские лексикографы отметили появление новой идиомы: «объяснять, что ты не верблюд», т. е. «доказывать свою очевидную невиновность, опровергать абсурдные обвинения». Легко догадаться, откуда попал этот оборот на берега Вислы.

Древнейшая в мире профессия

Выражение «древнейшая в мире профессия» существовало уже в XVIII веке. Так было названо надувательство в поэме британского литератора Генри Брука (1701–1783) «О надувательстве», опубликованной в 1792 году.

В XIX веке «древнейшей в мире профессией» называли садоводство (ведь Адам считался садовником Бога) и разные другие занятия, включая убийство – вероятно, в память о Каине.

В начале 1889 года вышел сборник рассказов Редьярда Киплинга «Черное и белое». Действие одного из рассказов – «В городской стене» – происходило в британской Индии, в городе Лахор (ныне в составе Пакистана), а его героиней была прекрасная куртизанка Лалун (Lalun; в английском произношении «Лалан»). Один из персонажей рассказа сравнивает ее с древнегреческими гетерами.

Рассказу предпослан эпиграф из ветхозаветной Книги Иисуса Навина, 2:15:

И спустила она их по веревке чрез окно, ибо дом ее был в городской стене.

«Она» – это Раав, иерихонская блудница, укрывшая двух соглядатаев из войска Иисуса Навина, осаждавшего Иерихон.

Начинался рассказ так:

«Лалан – представительница самой древней в мире профессии. *Лилит* была ее прапрапрабабушкой, а это, как известно, было еще до дней Евы. На Западе люди оскорбительно отзываются о профессии Лалан, сочиняют о ней трактаты и раздают их молодым людям в целях сохранения нравственности. На Востоке, где профессия эта наследственная и переходит от матери к дочери, никто не пишет трактатов и не обращает на нее внимания» (перевод М. Клягиной-Кондратьевой).

В иудейской демонологии Лилит – злой дух женского пола, являющийся мужчинам во сне; по одному из преданий, укоренившемся в европейской культуре, Лилит была первой женой Адама.

С легкой руки Киплинга наименование «древнейшая в мире профессия» утвердилось за проституцией.

В 1950 году в США вышел в свет роман Роберта Сильвестра «Вторая древнейшая профессия». Речь в нем шла о сотрудниках вымышленной нью-йоркской газеты «Дейли Глоб». В эпиграф вынесены слова владельца газеты на редакционном совещании:

– ...и не трудись нанимать великих писателей для моей газеты. Великие писатели для газеты писать неспособны. Они пишут друг для друга, хотя воображают, что пишут для потомства. Мне нужны такие, которые трудятся для сегодняшнего дня

и забывают завтра то, что написали сегодня. Мне нужны профессионалы для «Глоб». Газетное дело — не искусство, а ремесло. Это профессия почти столь же древняя, как... словом, это вторая древнейшая профессия.

(Перевод Т. Озерской; начальное отточие принадлежит автору)

В 1956 году роман Сильвестра был издан в СССР. В те времена любой новый перевод с западных языков сопровождался «конвоем», т. е. предисловием или послесловием установочного характера. В послесловии к роману Сильвестра указывалось, что «буржуазная журналистика (...) как злой гений разрушает жизнь людей, вносит разложение в общественную среду». Одни персонажи романа «давно примирились со своим рабьим положением и верно служат хозяину-плантатору. Другие в душе еще сохраняют какие-то остатки человеческого достоинства, возмущаются, презирают издателя, редакторов и самих себя, но бессильны».

Автором послесловия был Давид Заславский, журналист с весьма необычной биографией. До революции он был газетным фельетонистом, а по политическим убеждениям меньшевиком. В 1917 году он стал членом ЦК Бунда (еврейской организации, примыкавшей к меньшевикам). За яростные обличения большевиков Ленин окрестил Заславского «наемным пером», «негодяем шантажа» и «клеветником».

В 1919 году Заславский покаялся перед большевиками и

девять лет спустя дослужился до члена редколлегии «Правды». На этом посту он активнейшим образом участвовал во всех проработочных компаниях власти, включая кампанию против «безродных космополитов». При Хрущеве Заславский был так же востребован, как и при Сталине. Уж он-то не понаслышке знал о газетчиках, которые «верно служат хозяйину» и «презирают издателя, редакторов и самих себя».

В 1966 году в самиздатском журнале «Феникс-1966» появилась повесть «Откровения Виктора Вельского». В 1970 году ее напечатал закордонный журнал «Грани». Как впоследствии выяснилось, автором «Откровений...» был Генрих Павлович Гунькин (1930–2006), московский журналист и искусствовед, исследователь русского Севера. Герой повести, журналист Вельский, рассказывает:

Когда я поступил на работу, мой непосредственный начальник, молодой парень, неплохой, в общем-то, сказал мне:

– Вы знакомы с журналистикой? Знаете, что такое «вторая древнейшая профессия?» Это, в общем, верно...

Первая древнейшая профессия, как известно, проституция. Мы же, представители второй, были дешевыми подзаборными умственными <...>. Люди, не знающие ничего, не читающие ничего, или невинные младенцы, или прожженные циники (последних большинство), рвачи и стяжатели.

Таким вот неожиданным эхом отозвалась публикация

советским издательством романа о бессовестной западной журналистике.

В 1999 году видный журналист Валерий Аграновский назвал свою книгу «Вторая древнейшая: Беседы о журналистике».

К 2007 году роман Сильвестра выдержал пять изданий на русском языке. Между тем в США он прошел почти незамеченным, ни разу не переиздавался и ныне прочно забыт. И если в Америке вы спросите: «Знаете, что такое “вторая древнейшая профессия?”» – вам скорее всего ответят: «Ну как же – политика». Это звание утвердилось за ней не позднее 1950-х годов.

В книге Чарлза Д. Хоббса «Рональд Рейган призывает действовать» (1976) приводились слова Рейгана: «Я также понял, что политика, которую часто называют второй древнейшей профессией, необычайно похожа на первую». Эту шутку Рейган повторял не однажды, в том числе на совещании с бизнесменами в Лос-Анджелесе 2 марта 1977 года:

– Говорят, что политика – вторая древнейшая профессия. Но я пришел к выводу, что у нее гораздо больше общего с первой.

Несколько реже «второй древнейшей» в англоязычных странах именуется шпионаж. В 1986 году вышла в свет книга Филлипа Найтли, британского журналиста родом из Австралии: «Вторая древнейшая профессия: Шпионы и шпионаж в двадцатом столетии».

В доказательство древности шпионского ремесла обычно приводится тот же ветхозаветный эпизод, с которым связан эпиграф к рассказу Киплинга:

И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон. [Два юноши] пошли и пришли [в Иерихон и вошли] в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там.

И сказано было царю Иерихонскому: вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю.

(Книга Иисуса Навина, 2:1–2)

Можно привести и другую ветхозаветную цитату, где разведгруппа успешно выполняет задачу, поставленную ей Моисеем:

И сказал Господь Моисею (...):

Пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую (...).

И послал их Моисей (...), и сказал им: (...)

Осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб (...)?

(...) и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? (...)

И высмотрев землю, возвратились они через сорок дней.

(Книга Чисел, гл. 13)

Если первой древнейшей профессией была проституция,

то второй должно было стать сутенерство. Так рассуждал Бен Льюис Рейтман, американский «врач бедных» и анархист по убеждениям. В 1931 году в Нью-Йорке вышла его книга «Вторая древнейшая профессия: Исследование о “бизнес-менеджерах” проституток».

А в 1983 году вышла в свет книга американской писательницы-юмористки Эрмы Бомбек «Материнство: Вторая древнейшая профессия».

На исходе советской власти в СССР рассказывался анекдот о том, что древнейшая в мире профессия – коммунист. А его ранняя версия, где этого выражения еще нет, была записана уже 21 января 1921 года:

Юрист, врач, инженер и коммунист заспорили, кто на земле раньше всех вступил на поприще культурной деятельности.

– Юристы, – сказал первый. – Когда Каин убил Авеля, и было совершено первое уголовное преступление, было разбирательство, и, конечно, понадобились юристы.

– Врачи, – сказал медик. – Когда Ева была создана из ребра Адамова, конечно, понадобилось хирургическое вмешательство.

– Инженеры, – сказал третий. – Неужели без электрификации, пара и вообще техники, а следовательно, без инженеров Бог в шесть дней мог сотворить свет?!

– Все вы врете, – сказал последний. – Мы,

коммунисты, были первыми: ведь в начале всего был хаос, а кто же мог его создать кроме нас?!

(Дневник Н. М. Мендельсона «Pro te»; опубликован в сб. «Река времен», кн. 2, 1995.)

Дубинка Петра Великого

Иван Голиков в т. 6 «Деяний Петра Великого» (1788–1789) рассказывает, что Петр наказывал проворовавшихся вельмож без огласки, дабы народ «не потерял должного уважения к их достоинствам, которое возвратить им требовала польза отечества; а сие и исправила без свидетелей собственная его палка».

В 1812–1813 гг. в России вышел перевод с немецкого книги Г. А. фон Галема «Жизнь Петра Великого» (1803–1804). Здесь говорилось, что для наказания провинившихся «употреблял государь свою дубинку». В примечании пояснялось: «Известная дубинка Петра Великого была толстая камышевая трость с набалдашником из слоновой кости. (...) Дубинка сия долгое время хранилась также в Академической Кунсткамере...»

Но, пожалуй, самым популярным источником сведений о «дубинке» были «Рассказы Нартова о Петре Великом». Фрагменты из этого сборника публиковались в «Сыне Отечества» за 1819 год («Достоверные повествования и речи Петра Великого»). В 1842 году «Достоверные повествования...» были напечатаны в гораздо более полном виде в журнале «Москвитянин», а в 1891 году появилось научное издание «Рассказов Нартова», подготовленное академиком Л. Н. Майковым. Майков пришел к выводу, что «Рассказы...»

составил в 1770-е годы Андрей Андреевич Нартов, сын Андрея Константиновича Нартова, который с 1714 года был токарем Петра Великого.

Вот несколько примеров из «Рассказов Нартова» (по изданию Майкова):

Кости точу я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямцев.

...Я крылья обстригу им [царским денщикам] завтра дубиной.

Государь, возвратясь из сената и видя встречающую и прыгающую около себя собачку, сел и гладил ее, а при том говорил: «Когда б послушны были в добре так упрямы, как послушна мне Лизета (любимая его собачка), тогда не гладил бы я их дубиною».

Когда о корыстолюбивых преступлениях князя Меншикова представляемо было его величеству докладом (...), то сказал государь: «Вина немалая, да прежняя заслуги более». Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одним выколотил его дубиной и потом сказал: «Теперь в последний раз дубина; ей, впредь, Александра, берегись!»

На протяжении большей части XIX века «дубинка Петра Великого» не сходила со страниц газет, журналов и книг.

Никто не славил петровский кнут, но петровская дубинка – дело другое. Ведь у Голикова и Нартова дубинка Петра работает избирательно – она опускается только на спины нерадивых или проворовавшихся царевых слуг и вельмож. «Дубинка Петра» стала метафорой благотельного насилия, осуществляемого просвещенным правителем.

Попытки истолковать «дубинку» в смысле «крепкого кулака» решительно пресекались либеральными публицистами. Один из них, Григорий Градовский, писал в 1908 году:

«Дубинка Петра очень ценится; но приверженцы диктатуры забывают, что эта дубинка, как и другие насилия Петра, направлялись против реакционеров» («Из воспоминаний. “Роковое пятилетие. 1878–1882 гг.”»).

Долгое время рассказы Нартова считались вполне достоверными, и даже современные историки нередко цитируют их без оговорок.

Авторскую рукопись «Рассказов Нартова» обнаружил петербургский историк П. А. Кротов и в 2001 году издал ее со своим комментарием. Согласно Кротову, это «художественное произведение в жанре исторического анекдота». (Цитирую статью Кротова «Рассказы Нартова о Петре Великом...», опубликованная в 2014 г.). Что же касается «дубинки Петра Великого», то это «литературный фантом послепетровских времен». «Петр Великий вообще никогда не ходил с дубинкой за отсутствием у него таковой. (...) В музеях наличествуют только небольшие легкие трости монарха,

которые он использовал как линейки в своей созидательной деятельности. Бить кого-либо ими было бы совершенно не «эффективно»».

Вторично «дубина» – уже не петровская – появилась в нашем политическом языке на исходе XX века.

26 октября 2000 года парижская газета «Фигаро» опубликовала интервью с президентом РФ. На вопрос о свободе печати в России Путин ответил, что в 90-е годы «два или три человека, сколотив огромные состояния, завладели в непонятных условиях национальными СМИ. Они превратили их в инструменты своего могущества...».

– Я думаю скорее, – продолжал президент, – что государство держит в руках дубину, которая может ударить только один раз. Но по голове. Пока мы еще не использовали эту дубину. Мы ее только взяли в руки, и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание. Когда мы действительно рассердимся, мы без колебаний пустим ее в ход – недопустимо шантажировать государство. Если будет необходимо, мы уничтожим инструменты шантажа.

Непосредственными адресатами этого заявления были Борис Березовский и Владимир Гусинский, но многими оно было понято как предупреждение любым независимым от государства СМИ. Позднейшие события лишь утвердили их в этом мнении, а в печати получил хождение оборот «дубина (или: дубинка) власти».

«Дубина власти» тоже действует избирательно, но с «ду-

бинкой Петра Великого» общего у нее немного.

Дураки и дороги

«С младенчества мы знакомы с поговоркой: в России две беды, дураки и дороги».

«Вездесущая фраза “дураки и дороги” сопровождает нас из поколения в поколение».

«Меня просто тошнит, когда я встречаю цитаты о дураках и дорогах спустя полторы сотни лет после первой публикации этой мысли».

Таковыми замечаниями пестрит Рунет. Между тем я не нашел примеров цитирования этого изречения ранее 15 декабря 1989 года, когда на II съезде народных депутатов СССР депутат от Коми АССР В. П. Филиппов заметил:

– Николай Васильевич Гоголь почти 150 лет назад говорил, что России мешают две вещи – плохие дороги и дураки. За время перестройки мы все понемножечку поумнели, а вот с дорогами, особенно в селах, по-прежнему плохо.

Версия об авторстве Гоголя наиболее популярна, хотя изречение приписывалось и другим: Салтыкову-Щедрину, Карамзину, Петру Вяземскому. А в журнале «Россия XXI», 2010, № 2, читаем:

«Император Николай I был крут и афористичен. Его фраза о том, что в России две беды – дураки и дороги, известна, пожалуй, всем соотечественникам, хотя и без указания авторства. В другой раз царь сказал: “Расстояния – наше про-

клятье”». (Владимир Ланин, «История России в рамках истории технологий».)

Фразу «Расстояния – бич России» Николай I действительно произнес в беседе с французом де Кюстином в июле 1839 года, но о дураках и дорогах государь дипломатично умолчал.

Жалобы на дороги обычны у наших классиков, достаточно вспомнить хрестоматийное:

Пока у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют...

Сетования по поводу дураков тоже не были редкостью. Самая известная цитата, где в одной строке встречаются «Россия» и «дураки», принадлежит Некрасову:

Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

(«Убогая и нарядная», 1857)

Изречение о дураках и дорогах встречается также в форме: «В России две напасти – дураки и дороги». «Две напасти» заимствованы из эпиграммы Владимира Гиляровского, написанной в 1886 году, после запрещения постановки драмы Льва Толстого «Власть тьмы»:

В России две напасти:

Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти.

Как видим, дороги в русской литературе были отдельно, а дураки отдельно. Ближе всего к формуле «дураки и дороги» подошли Ильф и Петров («бездорожье и разгильдяйство»), но они в качестве предполагаемых авторов не называются из-за всеобщего убеждения в древности этой сентенции.

Так что же, выходит, это безымянное народное творчество, и автора у фразы о дураках и дорогах нет?

Автор есть. И мы хорошо его знаем. Это наш современник Михаил Задорнов. В конце 1980-х годов, в разгар перестройки, он с успехом читал с эстрады сатирический монолог «Страна героев» (в печати монолог появился в 1989 году). Согласно Задорнову, «Н. В. Гоголь писал: “В России есть две беды: дороги и дураки”. Вот такое завидное постоянство мы сохраняем по сей день».

Ничего подобного Гоголь, разумеется, не писал; ссылка на классика должна была послужить охранной грамотой подцензурному советскому сатирику и придать его мысли большую авторитетность. Эта цель была блестяще достигнута: версия об авторстве Гоголя стала основной.

Из задорновской цитаты вскоре исчезло необязательное слово «есть», а «дороги и дураки» были вытеснены ритмически более точным «дураки и дороги». Повальное распространение этой формулы стало возможным как раз благода-

ря ее замечательному фонетическому оформлению: формула врезается в память мгновенно.

Фраза Задорнова породила множество других фраз. Вот некоторые из них:

Сейчас в России три беды: дороги, дураки и дураки на дорогах. (Сатирик Анатолий Рас.)

В России две беды, и одна постоянно чинит другую. (Автор неизвестен.)

В России две беды, и если с одной можно справиться при помощи асфальтоукладчика, то с дорогами придется повозиться. (Излюбленная фраза в лекциях дьякона Андрея Кураева.)

Кроме дураков и дорог, в России есть еще одна беда: дураки, указывающие, какой дорогой идти. (Афорист Борис Крутиер.)

В 2006 году журнал «Профиль» цитировал замечание воронежского градоначальника Александра Ковалева: «В Воронеже, как и в России, две главные проблемы. Все, здесь сидящие, относятся к первой, а дороги – ко второй».

В День дурака 1 апреля 2012 года в городах России прошли акции «Дороги без дураков», имевшие целью ударить по разгильдяйству дорожных служб.

А годом раньше группа «Ундервуд» сочинила песню «Дураки и дороги». Ундервудовцы тоже считали авторство Гоголя несомненным:

Горьким смехом моим посмеюсь,
Но это не повод для тревоги.
Минус на минус всегда дает плюс,
Вот так вот, дураки и дороги,
Дураки и дороги...
Подскажите, как выйти к Третьему Риму,
Кто-нибудь знает?

Европа может подождать!

Население СССР не часто баловали новыми телефильмами. Поэтому в 1979 году вся страна, затаив дыхание, следила за интригами царедворцев в телефильме «Стакан воды».

Интригу вели Кирилл Лавров (лорд Болингброк), Алла Демидова (герцогиня Мальборо) и юная Светлана Смирнова (леди Абигайль). В один из ключевых моментов лорд Болингброк, занятый делами государственными, беседует с Абигайль, занятой исключительно тем, как отстоять любимого от коронованной соперницы.

– Как вы можете думать о любви, когда речь идет о судьбе всей Европы? – спрашивает Болингброк.

Абигайль нетерпеливо перебивает:

– Европа может подождать!

Благодарная аудитория (прежде всего, разумеется, женская) подхватила фразу мгновенно.

Но откуда она взялась? В пьесе Эжена Скриба «Стакан воды, или Причины и следствия» (1840) ее нет; там Абигайль говорит:

– Европа может сама постоять за себя.

Однако фраза «Европа может подождать!» имела в переводе К. Фельдмана 1938 года. В позднейшей публикации этого перевода (серия «Библиотека драматурга», 1960) ее заменили другой – вероятно, как отсебятину переводчика.

Эту фразу Фельдман не выдумал, а заимствовал из русского исторического анекдота. Его ранняя версия приведена в статье Н. Н. Фирсова «Личная характеристика Александра III» («Былое», 1925, № 1):

Когда однажды надо было дать ответ на какой-то запрос, в котором были заинтересованы европейские державы, а Александр III в это время занимался в Финляндии ужением рыбы, то, как рассказывают, помазанник божий лицу, докладывавшему о спешности общеевропейского дипломатического дела, нимало не усумнился ответить так: «Когда русский князь [вероятно, описка вместо: царь. – К.Д.] удит рыбу, Европа может подождать!»

С обозначением «анекдот» эта история приведена в эмигрантском журнале «Новый Град» (Париж, 1931, № 1): «Государь удил рыбу, когда ему доложили, что один европейский посланник хочет его видеть. Александр III ответил: “Европа может подождать, пока русский император удит рыбу”».

Это не что иное, как вариант исторического анекдота, приведенного в журнале «Русский архив» за 1893 год. Здесь рассказывалось, что на просьбу британского посла об аудиенции канцлер Александр Горчаков, беседовавший со староверами, высокомерно ответил:

– Когда я говорю с русским народом, посол Великобритании может подождать.

Впрочем, если верить очень поздним мемуарам Павла Шостаковского, который незадолго до смерти Александра III вступил в Александровское военное училище в Москве, анекдот о государе-рыболове появился еще при жизни императора. Юнкерам, вспоминал Шостаковский, «нравился (...) этакий руссизм Александра III: “Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать!” Эта фраза имела у нас успех. Вот мы, мол, каковы!» («Путь к правде», 1960, гл. «На военной службе».)

В 1991 году в России впервые была издана «Книга воспоминаний» великого князя Александра Михайловича, зятя Александра III и дяди Николая II. В гл. 11 читаем:

– Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать, – ответил он одному министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы.

Приведя еще ряд подобных высказываний Александра III, мемуарист замечает: «Часть этих изречений доподлинно исторична, другая прибавлена и разукрашена людской молвой».

Наконец, в 2008 году в России были опубликованы «Воспоминания» князя Александра Дмитриевича Голицына (1874–1957), одного из основателей Союза 17 октября, а с 1949 года – председателя Союза русских дворян в Европе. Здесь анекдот из «Былого» развернут в целую фантастическую историю:

Во время одной из своих любимых прогулок по Финляндским шхерам, во время отдыха Императора Александра III, в Европе произошел конфликт на почве Алжеризаса (??), грозивший разразиться в размерах первой мировой войны, причем были серьезно затронуты интересы нашей новой союзницы – Франции. Министр Иностранных Дел счел своим долгом телеграфировать в Императорскую Квартину о том, что Государю следовало бы прервать свой отдых и прибыть в Санкт-Петербург для принятия личного участия в переговорах, которые имели место по поводу разразившегося конфликта, грозившего перейти в вооруженное столкновение Европейских Держав. Когда Государю доложили содержание телеграммы, он, спокойно выслушав ее, велел ответить своему Министру буквально следующее: «Когда Русский Император удит рыбу, Европа может подождать».

Ныне фраза «Европа может подождать!» приводится почти исключительно со ссылкой на императора, а не на леди Абигайль. Цитируют это изречение с чувством законной гордости и без каких-либо сомнений в его достоверности.

Если бы Бога не было...

Иван Дмитрич Громов, один из пациентов чеховской «Палаты № 6», замечает: «У Достоевского или у Вольтера кто-то говорит, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди».

Поправим пациента Громова: фразу можно найти и у Достоевского, и у Вольтера. Начнем с Достоевского.

– Видишь, голубчик, – говорит Иван Карамазов брату Алеше, – был один старый грешник в восемнадцатом столетии, который изрек, что если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать, *s'il n'existait pas Dieu, il faudrait l'inventer*.

Изречение «старого грешника» по-русски всегда цитируется в прозе, хотя в оригинале это стихотворная строка:

Случись, что Бога нет, его б пришлось создать
(или, точнее, «изобрести», «выдумать»).

Это стих из вольтеровского «Послания к автору новой книги о трех обманщиках» (1769). Анонимная книга с таким названием появилась во Франции годом ранее, а под обманщиками имелись в виду Моисей, Иисус и Магомет – основатели трех великих религий. В примечании к своему «Посланию...» Вольтер отозвался об этой книге как о проявлении «грубого атеизма без мысли и философии».

«Я редко бываю доволен своими стихами, но признаюсь, что к этому я испытываю отцовскую нежность», – писал Вольтер своему другу Бернару Жозефу Сорену 10 ноября 1770 г.

Фраза стала крылатой благодаря Вольтеру, однако «старому грешнику» принадлежало лишь ее стихотворное оформление. Саму же мысль о необходимости создания Бога Вольтер позаимствовал у архиепископа Кентерберийского Джона Тиллотсона (1630–1694). В его 93-й проповеди, опубликованной посмертно, говорилось:

Существование Бога настолько удобно, настолько полезно, настолько необходимо для счастья человечества, что (как превосходно заметил Туллий), (...) если бы существование Бога не было необходимо само по себе, его, если позволено так выразиться, следовало бы создать ради пользы и блага людей.

Туллий – это Марк Туллий Цицерон. Стало быть, мысль взята у него?

Нет. Архиепископ – то ли по недосмотру, то ли намеренно, – неверно процитировал Цицеронов трактат «О природе богов». По Цицерону, доводы стоиков таковы, что «порой кажется, будто боги бессмертные все устроили на потребу людям» (перевод М. Рижского). Остальное принадлежит самому Тиллотсону.

Убеждение в необходимости Бога «ради пользы и блага людей» разделяли не только глава англиканской церкви Тил-

лотсон и пламенный антицерковник Вольтер. Точно так же думал Максимилиан Робеспьер, вождь якобинцев. 21 ноября 1793 года, в разгар кампании «дехристианизации», он произнес речь «О свободе культов», в которой заявил, что «атеизм аристократичен», что «идея Верховного Существа, охраняющего угнетенную невинность и карающего торжествующее преступление, – это народная идея», и процитировал стих Вольтера: «Случись, что Бога нет, его б пришлось создать».

Всего через год после вольтеровского «Послания» появился главный труд другого французского просветителя – «Система природы» Поля Анри Гольбаха. Здесь приводились слова «одного знаменитого человека»:

Бог создал человека по своему образу и подобию, а человек отплатил ему тем же.

По мнению современников, этим «знаменитым человеком» был писатель Бернар де Фонтенель, к тому времени уже умерший. Позже и эту фразу стали приписывать Вольтеру, хотя сам он в частной переписке осудил книгу Гольбаха.

Вернемся к Ивану Карамазову. Прочитывая Вольтера, он продолжает:

– И действительно, человек выдумал Бога. И не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она свята, до того она трогательна, до

того премудра и до того она делает честь человеку.

Того же мнения был американский мыслитель Роберт Ингерсолл, неверующий сын пресвитерианского пастора: «Праведный Бог – благороднейшее создание человека» (эссе «Бог», 1876).

Оспорил фразу Вольтера наш соотечественник Александр Бялятинский, гусарский штаб-ротмистр, сотрудник Пестеля и декабрист. В памятном 1825 году он написал стихотворение по-французски, в котором были такие строки:

...Для его же славы,
Коль волею его мир обречен страдать, —
И был бы Бог, его должны мы отрицать!

(Перевод Б. Томашевского)

Почти то же самое говорил француз Жюль Ренар: «Не знаю, существует ли Бог, но для его репутации было бы лучше, если бы он не существовал» («Дневник», 1906 г.).

Бог Богом, а как насчет дьявола? Еще раз предоставим слово Ивану Карамазову:

– Если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию.

Все цитировавшиеся нами авторы выросли в мире христианской культуры. Ради культурного плюрализма закончу эту заметку известным в исламском мире хадисом из сборника аль-Бухари:

Шайтан может явиться к любому из вас и сказать: «Кто создал это? Кто создал то?» – пока, [наконец,] не спросит: «Кто создал твоего Господа?» – и когда он дойдет до этого, пусть человек обратится за защитой к Аллаху и прекратит [думать об этом].

(Автор перевода: Вл. Нириша)

Если невозможно – будет сделано

Один из популярных слоганов Рунета:

Трудные задачи выполняем немедленно,
невозможные – чуть погодя.

Так рекламируют себя консалтинговые агентства, охраняемые предприятия, службы знакомств и частные лица.

У нас эта фраза появилась в I издании моего «Словаря современных цитат» (1997); здесь же указывалось: «Девиз ВВС США». Это верно, но только отчасти.

Оригинальная форма слогана: «The difficult we do immediately. The impossible takes a little longer» (*букв.* «Трудное мы делаем немедленно. Невозможное требует чуть больше времени»). В таком виде слоган, вероятно, появился в боевом 1942 году на электротехническом заводе в Блумингтоне (Иллинойс). За несколько месяцев завод перешел на военные рельсы: вместо электрочайников и пылесосов стал выпускать приборы управления зенитным огнем – круглосуточно, без праздников и выходных.

Тогда же или почти тогда же эти слова взяли на вооружение самые разные военные учреждения и формирования. Они были девизом генерала Джорджа Кенни, который в декабре 1942 года возглавил силы ВВС США на Юго-Востоке Тихого океана; девизом Уильяма Салливана, отца-осно-

вателя военно-морской спасательной службы США; девизом Службы тыла Сухопутных сил и Корпуса военных инженеров.

На Арлингтонском военном кладбище в Вашингтоне среди прочих памятных надписей есть надпись в честь военно-морских инженерных батальонов:

Горячие сердца, умелые руки —
трудные задачи выполняем немедленно,
невозможные — чуть погодя.

Этот девиз появился не на пустом месте. Его непосредственным источником были слова, приписываемые норвежскому полярнику Фритьофу Нансену. В лондонском еженедельнике «Listener» от 14 декабря 1939 года они приведены в следующем виде:

«Никогда не останавливайтесь из-за того, что вам страшно, — это самая большая ошибка. Никогда не сохраняйте путь к отступлению — это верный путь к поражению. Трудное — это то, что может быть сделано немедленно; невозможное требует чуть больше времени».

Однако цитата эта недостоверна. Легенда об авторстве Нансена возникла после выхода в свет романа английского писателя Гаролда Бегби «Дань» (1928), где слова: «Трудное может быть сделано немедленно; невозможное требует чуть больше времени» — вложены в уста Нансена, с пояснением: «Это его боевой клич, и он собирается сделать его боевым

кличем Лиги Наций».

На самом деле Бегби слегка изменил уже существовавшее изречение: «Разница между трудным и невозможным в том, что невозможное требует чуть больше времени». Оно появилось в печати еще до Первой мировой войны как «превосходное замечание леди Абердин» (E. Gordon, «The Anti-Alcohol Movement in Europe», New York, 1913).

Имелась в виду Ишбел Мария Абердин, адвокат и филантроп родом из Шотландии. На протяжении 43 лет (1893–1936) она возглавляла Международный совет женщин.

В 1977 году в печати цитировались слова, будто бы сказанные госсекретарем Генри Киссинджером по поводу Уотергейтского скандала: «Незаконное мы совершаем немедленно, неконституционное требует несколько больше времени».

Сам Киссинджер на встрече в Анкаре с турецкими дипломатами 10 марта 1975 года заметил:

– До принятия Закона о свободе информации я обычно говорил на встречах: «Незаконное мы совершаем немедленно, неконституционное требует несколько больше времени». Но после принятия Закона я боюсь говорить такое.

Закон о свободе информации, принятый в 1966 году, допускал обнародование документов правительства США; именно благодаря ему и стало известно о словах Киссинджера в Анкаре.

Такова история слогана. Но есть у него и предыстория. С

начала XIX века цитировалась фраза государственного контролера (т. е. министра финансов) Франции Шарля де Калонна:

– Ваше Величество, если это возможно, это уже сделано; если невозможно – будет сделано.

Так будто бы ответил министр Марии Антуанетте, попросившей срочно изыскать средства, необходимые ей на перестройку Трианона (эта затея обошлась казне в два миллиона ливров).

О недостоверности этой легенды свидетельствует уже то, что сначала фраза Калонна приписывалась Никола Божону, банкиру королевского двора. Та же версия изложена в «Мемуарах» Луизы Жюно, герцогини д’Абрантес: однажды королева попросила миллион, и дело следовало уладить в течение двух часов.

– Месье, – сказал Божон посланнику королевы, – передайте Ее Величеству, что, если то, чего она требует, возможно, это уже сделано; если невозможно – будет сделано.

Луиза Жюно, заметим, еще не родилась, когда случилась эта история.

Зато вполне достоверны слова Наполеона в письме коменданту Магдебурга Жану Лемаруа от 9 июля 1813 года: «“Это невозможно”, пишете мне вы; это не по-французски». В ссылке, на о-ве Св. Елены, Наполеон повторил: «...слово “невозможно”, о котором я часто говорил, что оно не французское» (Э. Лас Казес, «Мемориал Св. Елены», запись 27

января 1816 г.). Отсюда появилось крылатое французское изречение: «“Невозможно” – это не по-французски».

А в 1869 году было опубликовано письмо русского фельд-маршала графа Христофора Миниха, посланное Екатерине II в 1764 году:

«За все время моей службы в России в качестве свидетеля и сотрудника в осуществлении грандиозных планов Петра, я был не в состоянии выучить слово “невозможно”. Я вычеркнул его из своего русского словаря».

И, раз уж речь зашла о нашем отечестве, закончу репликой из первой, почти никому не известной пьесы Оскара Уайльда «Вера, или Нигилисты» (1883):

– В России нет ничего невозможного, кроме реформ.

Еще не вечер

Хитом новогоднего «Голубого огонька» 1987 года стала песня Раймонда Паулса в исполнении восходящей эстрадной звезды Лаймы Вайкуле:

Еще не вечер, еще не вечер,
Еще светла дорога и ясны глаза...

С тех пор выражение «Еще не вечер» ассоциируется у нас прежде всего со строками Ильи Резника. Кое-кто вспомнит также балладу Высоцкого «Еще не вечер» (1968), где слова «Еще не вечер, еще не вечер» повторены многократно.

Выражение звучит так просто и естественно, что вопрос о его происхождении обычно не возникает. Но тут самое время процитировать воспоминания Беллы Ахмадулиной о ее встрече с Набоковым в Швейцарии в марте 1977 года:

«Он задумчиво остановился на фразе из романа Владимира Максимова, одоббив ее музыкальность: “Еще не вечер”, что она означает?»

(Речь шла о фразе из романа «Прощание из ниоткуда» (ч. I, 1974): «Еще не вечер, мальчики, еще не вечер!»)

«Потом, в Москве, – продолжает Ахмадулина, – всезнающий Семен Израилевич Липкин удивился: неужели Набоков мог быть озадачен библейской фразой?» И далее мемуарист-

ка говорит уже от себя: «В Тенишевском училище ненавязчиво преподавали Закон Божий, но, вероятно, имелись в виду слова не из Священного Писания, а из романа...» («Робкий путь к Набокову», 1996).

Итак, выражение «Еще не вечер» не было распространенным до революции, коль скоро эмигрант Набоков его не знал. Удивляет замечание Липкина, выдающегося переводчика и поэта, которому Ахмадулина поверила на слово. Закон Божий, как бы его ни преподавали Набокову в Тенишевском училище, делу помочь не мог: в Писании нет ничего подобного.

Василий Аксенов в книге «Круглые сутки нон-стоп» (1976) замечает: «...как в Одессе говорят, “еще не вечер”». И тут, возможно, мы выходим на правильный след.

В русскую литературу это выражение ввел одессит Исаак Бабель. В 1927 году его драма «Закат» была поставлена в двух одесских театрах, а год спустя напечатана. Действие происходит в Одессе; оборот «еще не вечер» появляется в кульминационный момент:

МЕНДЕЛЬ. Не возьмешь!

БЕНЯ. Ой, возьмем! *(Он с силой опускает рукоятку револьвера на голову отца.)*

ПЯТИРУБЕЛЬ. А я говорю – еще не вечер. Еще тыща верст до вечера.

АРЬЕ-ЛЕЙБ *(на коленях перед поверженным стариком)*. Ай, русский человек, зачем шуметь, что еще

не вечер, когда ты видишь, что перед нами уже нет человека?

Слова «Еще не вечер» Пятирубель произносит также в рассказе «Закат», написанном в 1923–1925 годах, но при жизни Бабеля не опубликованном. Поэтому можно предположить, что не позднее начала 1920-х годов оно уже существовало в Одессе.

В 1928 году «Закат» был поставлен во МХАТе, где выдержал всего 12 представлений и потом не ставился в СССР до 1987 года. Вторично пьеса была напечатана в 1957 году, а до этого времени была не слишком известна. Тем не менее с 1940-х годов выражение «Еще не вечер» снова появляется в литературе.

Его вероятным источником была немецкая поговорка с тем же значением, известная с конца XVIII века во множестве вариантов. Наиболее распространенный из них: «Es ist noch nicht aller Tage Abend» – «Это еще не последний вечер!» (*букв.* «...не всех дней вечер»). В таком виде поговорка приведена в драме Шиллера «Лагерь Валленштейна» (1798); в переводе С. Шевырева (1859): «Ведь до вечера, братцы, еще далеко!»

В I томе словаря немецкого языка братьев Гримм (1864) дается латинский эквивалент этой поговорки: «*Omnia dierum sol nondum occidit*». Это почти точная – с перестановкой слов – цитата из «Истории Рима» Тита Ливия. Из нее-то и возникло немецкое речение.

В 29-й книге «Истории...» Ливий приводит ответ царя Филиппа V Македонского римским послам и союзникам Рима – грекам, которые в 187 году до н. э. потребовали вернуть захваченные Филиппом города: «Nondum omnium dierum sol occidit» – «Не всех дней солнце зашло»; в переводе Э. Юнца: «Не настал еще мой последний день!»

Филипп, говоривший с послами на родном для него греческом языке, ответил им поговоркой, которая у Диодора Сицилийского приведена по-гречески; Ливий перевел ее на латынь.

Как видим, история простенькой фразы не так уж проста. В немецко-английских словарях в качестве эквивалента поговорки «Es ist noch nicht aller Tage Abend» дается «It ain't over till the fat lady sings» – *букв.* «Ничего не кончено, пока та толстая дама поет», что, в свою очередь, нередко переводится на русский как «Еще не вечер».

Этимология этого выражения – загадка не только для иностранцев, но и для рядовых носителей английского языка. В 2015 году на сайте «Quoteinvestigator» было указано, что первоначально в США в том же смысле употреблялось выражение «Church is not out 'till the singing's done» – «Служба не окончена, пока в церкви поют».

В 1962 году один из американских спортивных обозревателей в качестве «старого изречения» привел фразу «An opera is never over till the last man is dead» – «Опера не окончена, пока не умер последний певец (*букв.* человек)». Име-

лось в виду, что множество классических опер заканчиваются гибелью главных героев.

А фразу о «толстой даме», по-видимому, первым произнес Ралф Карпентер, директор по спортивной информации Техасского технологического университета. Случилось это в марте 1976 года, во время финала баскетбольного турнира с участием его команды. В самый напряженный момент игры Карпентер сказал: «The opera ain't over until the fat lady sings» – «Эта опера еще не окончена, пока та толстая дама поет». Спортивный деятель Билл Морган, которому адресовались эти слова, впоследствии утверждал, что они были импровизацией Карпентера, известного своими шутками. Реплику Карпентера процитировала газета «Dallas Morning News» 10 марта 1976 года.

И поныне «толстая дама» чаще всего встречается в спортивном контексте.

Позднее появилось истолкование: дескать, «толстая дама» – не кто иная, как исполнительница партии Брунгильды в опере Вагнера «Сумерки богов». Прощальная ария этой валькирии длится чуть ли не 20 минут, после чего Брунгильда и все боги Валгаллы погибают в огне. На карикатурах в англоязычной печати Брунгильда неизменно изображалась в виде массивной дамы с внушительным бюстом и рогатым шлемом на голове.

Жвачка для глаз

Резиновая жвачка (chewing-gum) появилась в США в середине XIX века, а в 1870-е годы стала национальной манией. Очень скоро это выражение стало использоваться в переносном значении.

6 апреля 1882 года литературный обозреватель газеты «Chicago Advance» писал о массовом чтиве:

Эти книги – литературная жвачка (chewing-gum of literature), которая не имеет ни вкуса, ни питательной ценности, а лишь поддерживает механический процесс жевания.

В тогдашней России о резиновой жвачке никто не слышал, однако у Салтыкова-Щедрина мы находим нечто отдаленно похожее: «Все равно, читатель сжует» (рассказ «Похороны», 1878). Тут великий сатирик предвосхитил легендарное «Пипл хавает!» Богдана Титомира.

Выражение «жвачка для глаз» первоначально относилось не к телевидению. До середины 1940-х годов телевизоры были доступны лишь богачам, зато едва ли не каждый американец ходил в кино и слушал радио.

В 1944 году в Нью-Йорке вышла книга «Писатели и их критики». Ее автор, Генри (Анри) Пейр, родился во Франции; в 1933 году он стал профессором французского языка в

Йельском университете, а затем – в Городском университете Нью-Йорка. В своей книге он сетовал:

...Ничего нет печальнее, чем видеть пустые лица бывших студентов, когда к тридцати пяти или пятидесяти годам их умственная активность сходит на нет, искры в глазах потухают; они послушно жуют жвачку, чтобы сдерживать зевок, и поглощают киношную жвачку для глаз и радиожвачку для ушей (the chewing gum for the eyes of the movies or the chewing gum for the ears of the radio).

Те, кто когда-то читал Шекспира, Мольера и Байрона, ныне скользят взглядом по заголовкам своих таблоидов, чтобы перейти к развлекательным полосам и пожирать их с тем же покорным чувством скуки, с каким они проглатывают свой гамбургер в обеденный перерыв и свою порцию виски после ужина.

11 лет спустя телевидение смотрели уже 70 миллионов американцев. 21 января 1955 года газета «Syracuse Herald-Journal» процитировала слова известного театрального и кинокритика Джона Мейсона Брауна: «Очень многое на телевидении напоминает жвачку для глаз».

В 1957 году это высказывание было включено в сборник «Лучшие цитаты 54-го, 55-го и 56-го годов», правда, в несколько ином виде: «Некоторые телепрограммы очень похожи на жвачку для глаз», и с подписью: «Джон Мейсон Браун, цитируя слова приятеля своего малолетнего сына в интервью с Джеймсом Симпсоном 28 июля 1955 года».

А в 1958 году автором этого выражения был назван – бог весть почему – знаменитый архитектор Фрэнк Ллойд Райт.

«Ящиком для дураков» (idiot box) телевизор окрестили чуть раньше. В 1954 году ежемесячник «Railroad Model Craftsman» советовал:

...Если выключить Ящик Для Дураков и спрятать подальше удобные кресла, ты, пожалуй, сможешь заставить работать этих парней.

Видный историк культуры Дэниел Бурстин, процитировав выражения «литературная жвачка» и «жвачка для глаз», заметил:

Но жевательная резинка (американское изобретение и американское выражение) сама по себе может иметь значение символа. Теперь мы можем сказать, что жвачка – это телевизор для рта.

(«Образ, или Что случилось с Американской Мечтой», 1962)

Железная леди и железные девы

5 февраля 1975 года обозревательница лондонской «Дейли миррор» Марджори Прупс опубликовала статью о Маргарет Тэтчер, которая тогда возглавляла консервативную оппозицию. Статья называлась «Железная дева», что звучало не слишком-то лестно: так именовали старинное орудие пыток. (Отсюда, кстати, название знаменитой «металлической» группы «The Iron Maiden».) Однако широкого распространения это прозвище не получило; может быть, потому, что Тэтчер не стала еще звездой первой величины.

Год спустя, 19 января 1976 года, Тэтчер выступила на одном из собраний консерваторов с речью «Пробудись, Англия!». «Русские, – заявила она, – стремятся к мировому господству» и «ставят пушки выше масла». Поэтому: никакого сокращения военных расходов и неустанное укрепление НАТО.

24 января «Красная звезда» ответила на это статьей капитана Юрия Гаврилова «“Железная дама” страшает...» «Железной дамой», утверждал капитан, «именуют ее [т. е. Тэтчер] в ее собственной стране».

На другой день в лондонской «Санди таймс» «железную даму» перевели как «Железная Леди» («The Iron Lady»). Это прозвище утвердилось немедленно.

Тэтчер оно не понравилось. В предвыборной речи 31 ян-

варя она вопрошала:

– Леди и джентльмены, вот я стою перед вами в своем красном вечернем платье, с мягким макияжем и волнистой прической. Железная леди западного мира? Рыцарь холодной войны? Хорошо, пусть будет так – если речь идет о моем стремлении защитить ценности и свободы, фундаментальные для нашего образа жизни.

Но, поразмыслив, Маргарет приняла это наименование. Для своей избирательной кампании 1979 года она выбрала слоган:

Британии нужна Железная леди

Капитан Гаврилов вышел в отставку в звании подполковника. В 2006 году к нему приезжали британские журналисты, изучавшие историю оборота «Железная леди». Беседа прошла в теплой, дружественной обстановке.

Но что же такое «Железная дева», с которой эта история началась? Считается, что она представляла собой железный шкаф с дверцами, утыканный внутри стальными шипами. Шипы вонзались в тело жертвы, однако не убивали ее сразу – чтобы пытаемый признался в возводимых на него обвинениях. Сам же шкаф имел форму женщины. Такие устройства появились будто бы в XVI веке; наиболее известна «Железная дева из Нюрнберга», высотой больше двух метров и шириной почти в метр. Увидеть ее можно только на картинках – в 1944 году союзная авиация уничтожила ее вместе с замком, в котором она находилась.

Однако историки считают рассказы о «Железных девах» позднейшей легендой, а «Нюрнбергскую Железную деву» – подделкой XIX века. В Средние века в Германии применялся лишь «плащ позора» из дерева и олова, но без шипов. Его носили в качестве наказания браконьеры и проститутки.

А первой легендой подобного рода был рассказ о спартанском тиране Набисе (207–192 гг. до н. э.). Придуманый им аппарат имел вид женщины, сидящей на стуле, и назывался Апегой, по имени жены тирана. С приближением осужденного Апега вставала и закидывала ему на спину обе свои руки, утыканые, как и ее грудь, острыми шипами.

Зато наверняка существовала «Шотландская дева» («Scottish Maiden») – прабабушка гильотины. В Шотландию ее завез граф Мортон, регент при несовершеннолетнем короле Иакове VI. В 1581 году на «Шотландской деве» казнили самого Мортон.

Железный занавес

5 марта 1946 года в городок Фултон (штат Миссури) прибыл президент Гарри Трумэн вместе с Уинстоном Черчиллем. Единственной достопримечательностью Фултона, не считая психиатрической больницы, был Уистминстерский колледж, присвоивший Черчиллю степень почетного доктора. По этому случаю он произнес речь, которую историки называли Фултонской. Именно здесь прозвучала фраза:

– От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой.

После Фултонской речи «железный занавес» мгновенно вошел в железный набор ходячих речений. И почти сразу же историки и филологи занялись его родословной.

В театрах железный занавес появился с конца XVIII века, сначала во Франции, затем в Англии. Уже в 1819 году это выражение встречалось в переносном смысле: «...Мы пересекли реку Бетва, и словно железный занавес опустился между нами и ангелом мщения; смертность [от холеры] пошла на убыль» (Джордж О. Фицкларенс, «Журнал путешествия

через Индию и Египет в Англию»).

Самый ранний пример использования «железного занавеса» в роли политической метафоры обнаружил британский историк Патрик Райт, автор книги «Железный занавес: От театральной сцены до холодной войны» (2007). Речь идет об эссе Вернон Ли «Рождественская музыка Баха в Англии и Германии», опубликованном в № 1 лондонского ежемесячника «Jus Suffragii» («Право голоса») за 1915 год.

Вернон Ли (1856–1935) известна прежде всего своими эссе об искусстве. В числе ее друзей были Оскар Уайльд, Бернард Шоу и Генри Джеймс. Ли играла видную роль в движении за избирательные права женщин и в пацифистском движении.

В ее эссе «железный занавес» – прежде всего психологический барьер между населением воюющих блоков, барьер, созданный «пропагандой ненависти» с обеих сторон. Этой ненависти противостоит великая европейская культура, олицетворяемая музыкой Баха, которую автор статьи слушает в лондонской церкви Темпл:

Никогда еще мы и они не были так близки, так похожи и так сродни друг другу, как в эту минуту, когда военные жестокости и взаимные обвинения – этот ужасный железный занавес Войны (War's monstrous iron curtain) – так безнадежно отрезали нас друг от друга.

В марте 1915 года французский романист Пьер Лоти, член Французской академии, посетил бельгийскую королевскую

чету в приморском городке Де-Панн (Фландрия). Его сообщение об этом визите появилось в парижском еженедельнике «L'Illustration» 24 апреля 1915 г. Королева Елизавета по происхождению была баварской принцессой, однако пользовалась популярностью у бельгийцев и после начала войны.

«Я, – пишет Лоти, – позволил себе напомнить, что баварцы в немецкой армии обеспокоены преследованиями бельгийской королевы»; они возмущены тем, что «Чудовище» (так Лоти именует кайзера) сделало детей королевы целью немецкой артиллерии. После паузы королева ответила: – Этому конец... Между ними и мною – железный занавес (rideau de fer), который опустился навсегда.

В октябре того же 1915 года в Нью-Йорке вышла книга Джорджа Уошингтона Крайла «Механистический взгляд на войну и мир». Крайл был выдающимся хирургом и некоторое время заведовал хирургическим отделением Американского госпиталя в Нейи под Парижем. В 4-й главе книги говорилось:

Мы не можем обвинять ее [Германию], мы должны ее понять. Предположим, что (...) Мексика – богатое, культурное и воинственное государство с сорокаmillionным населением, глубоко укоренившейся обидой и железным занавесом на своих рубежах. (...) Предположим далее, что так продолжается сорок четыре года.

Перед нами, разумеется, аллегория отношений между

Германией и Францией после франко-прусской войны 1870–1871 гг., хотя о сорока четырех годах «железного занавеса» говорить не приходится; до 1914 года Европа не знала ничего похожего на непроницаемые барьеры между государствами.

У нас хорошо известна миниатюра Василия Розанова «La Divina Commedia» («Божественная комедия»):

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскую
Историю железный занавес.

– Представление окончилось.

Публика встала.

– Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.

(«Апокалипсис нашего времени», вып. 8–9, лето 1918)

Легко заметить, что у Розанова «железный занавес» – не пространственная, а временная метафора: занавес символизирует не изоляцию России от остального мира, а непоправимый разрыв между двумя эпохами.

В 1920 году в Лондоне вышла книга Этел А. Сноуден «Через большевистскую Россию» – отчет о поездке в Москву делегации британских лейбористов. Описывая свое прибытие в Петроград, Сноуден замечает: «Наконец мы оказались за “железным занавесом”». У Сноуден «железный занавес» – синоним антибольшевистского «санитарного кордона», сооруженного странами Запада.

После Версальского мирного договора (1919) выражение

«железный занавес» неоднократно применялось к послевоенной Германии, оказавшейся в политической и экономической изоляции.

21 октября 1927 года в еженедельнике «The New Leader», органе Независимой лейбористской партии, была опубликована статья Чарлза Родена Бакстона, недавно вернувшегося из Советской России, озаглавленная «За российским занавесом». В начале статьи цитировался фрагмент о «железном занавесе» из эссе Вернон Ли, а значит, оно не было забыто и в двадцатые годы.

13 января 1930 года в «Литературной газете» появилась крайне любопытная корреспонденция Льва Никулина из Парижа, озаглавленная «Железный занавес». К этому времени советские власти резко ограничили культурный обмен с Западом, который и ранее был под жесточайшим контролем. Никулин – разумеется, в максимально осторожной форме, – подверг сомнению этот курс:

Нужно сказать прямо: то обстоятельство, что советские писатели в последнее время редко появляются или совсем не появляются за границей, вредит нашему делу на Западе. (...)

Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии в Советской России двенадцать лет длится пожар. Из всех сил нажимая рычаги, там стараются постепенно опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер. С буржуазной точки зрения это

понятно, но непонятно, когда с нашей стороны азартные и малоумные люди пытаются также нажимать рычаги и опустить этот же занавес, железный занавес между Советским Союзом и Западной Европой.

Это, вероятно, единственный случай, когда в советской печати намекалось на сооружение советскими властями «железного занавеса» между СССР и Западом, пусть даже речь шла только о сфере культуры.

Высказывания о «железном занавесе», начиная с 1915 года, оставались лишь эпизодами, да и сам «занавес» означал в них не одно и то же. Положение изменилось в конце Второй мировой войны.

18 февраля 1945 года в нацистском еженедельнике «Das Reich» («Рейх») была опубликована корреспонденция из Лиссабона, озаглавленная «За железным занавесом» и подписанная буквами «сl». Это был отклик на Московскую и Ялтинскую конференции держав-союзников:

Железный занавес есть свершившийся большевистский факт; он опустился над Юго-Восточной Европой, несмотря на то что Черчилль перед выборами Рузвельта пошел на поклон в Москву. И, несмотря на конференцию трех держав, он неудержимо опускается над Восточной Европой за эйзенхауэровским фронтом. (...) Государственный департамент и Форин-офис состязаются в изыскании дипломатических трюков, чтобы создать у себя дома впечатление, будто железный занавес каким-то образом

еще послужит западным державам, прежде чем вся Европа исчезнет за ним. (...) Однако за их спиной уже стоит московский режиссер следующего акта принуждения Англии и Америки к коммунизму.

Именно здесь впервые появляется образ «железного занавеса» как барьера, которым СССР со своими сателлитами отгораживается от Запада. (Заметим, что следующая корреспонденция из Лиссабона называлась «Сталинский “новый порядок”».)

В 2015 году в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» было названо – со слов военного историка Георга Мейера – имя лиссабонского корреспондента «Das Reich». Им оказался немецкий предприниматель Макс Вальтер Клаусс (1901–1988). В 1952 году он опубликовал книгу «Путь к Ялте: Ответственность Рузвельта». Однако высказывалось предположение, что «железный занавес» появился в корреспонденции из Лиссабона не только с ведома Геббельса (иначе быть не могло), но и при его непосредственном участии.

Неделю спустя, 25 февраля, «Das Reich» опубликовал большую статью Геббельса «2000-й год» – печатный вариант его речи 22 февраля. Здесь министр пропаганды выступил в роли футуролога. Если Германия проиграет войну, утверждал он, СССР немедленно отгородит Восточную и Юго-Восточную Европу от остального мира «железным занавесом», «за которым начнется массовое избиевание народов, да еще, вероятно, под аплодисменты лондонской и нью-йоркской ев-

рейской печати». Выживут лишь массы «рабочего скота», которые будут знать о западном мире лишь то, что Кремль сочтет для себя полезным. В 1948 году, предрекает Геббельс, к власти в США придет республиканец-изоляционист. Он вернет американские войска домой, после чего СССР легко выиграет Третью мировую войну, подчинив себе всю Европу. «Железный занавес снова опустится над этой трагедией народов, масштабы которой будут еще более грандиозны».

30 апреля Гитлер покончил с собой. 1 мая его примеру последовал Геббельс, а 2 мая по радио выступил граф Шверин фон Крозиг – премьер-министр последнего правительства III рейха. В частности, он заявил:

– На Востоке неумолимо продвигается вперед железный занавес, за которым мир не видит творящегося там опустошения.

На другой день изложение речи появилось в английской печати, однако выражение «eiserne Vorhang» («железный занавес») было переведено как «iron screen» («железный экран»).

Очень скоро – 12 мая и 4 июня – «железный занавес» появился в секретных телеграммах Черчилля Трумэну: «Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него»; «Между нами и всем тем, что находится восточнее, опустится железный занавес».

Летом 1946 года член редколлегии «Правды» Давид Заславский, процитировав Фултонскую речь и статью «2000-

й год», резюмировал: «Совпадение полное: Черчилль повторил Геббельса»; «Перед своим издыханием Геббельс словно напутствовал будущих антисоветских клеветников» («Лобызание Геббельса», «Правда», 1 августа 1946 г.).

Черчилль был видной фигурой мировой политики с конца Первой мировой войны. Выражение «железный занавес» он вполне мог услышать или прочесть еще в 1920-е годы. Но именно в нацистском еженедельнике «железный занавес» впервые получил значение барьера, воздвигнутого Кремлем между Восточным блоком и Западным.

Символическим концом «железного занавеса» стало разрушение Берлинской стены в ноябре 1989 года. Зато продолжают выходить книги, в заглавии которых имеется выражение «бамбуковый занавес». Оно появилось в политическом языке в конце 1940-х годов и относилось к коммунистическому Китаю.

Женщина не имеет души

В «Преступлении и наказании» петербургский студент Разумихин говорит Раскольникову:

– Вот тут два с лишком листа немецкого текста, – по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек.

Точно ли такая книга существовала? Да, существовала. Только вышла она за три с половиной века с лишним до «Преступления и наказания».

В 1595 году в немецком городке Цербст был опубликован анонимный латинский трактат «Новое рассуждение против женщин, доказывающее, что они не люди». Его автором считается немецкий гуманист Валенс Ацидальи, умерший в том же году в возрасте 28 лет. Трактат этот был пародией на богословские рассуждения анабаптистов – самого радикального крыла протестантов, отрицавших божественную природу Христа. Пародия удалась блестяще: даже люди ученые приняли ее всерьез. В том же году лютеранский богослов Симон Гедик издал контр-трактат «В защиту женского пола», где «торжественно доказывалось», что женщина – человек. Затем оба трактата неоднократно перепечатывались под одной обложкой.

В 1647 году вышел итальянский перевод «Нового рассуж-

дения» – под заглавием «О том, что женщина не принадлежит к человеческому роду». Четыре года спустя папа Иннокентий X включил это издание в перечень запрещенных книг, а Элена Кассандра Таработти (ныне ее причисляют к предшественницам феминизма) написала книгу «О том, что женщина принадлежит к человеческому роду».

Все это лишь способствовало популярности трактата Ацидалия. В 1666 году он был упомянут в книге Ферранте Паллавичино «Душа» – но теперь уже под новым, никогда не существовавшим заглавием: «О том, что женщина не имеет души и не принадлежит к человеческому роду, как следует из многих мест Священного Писания». Так родилась формула «Женщина не имеет души».

В 1673 году вышло в свет «Рассуждение о полигамии» на латинском языке. Его автором был Иоганн Лейзер, немецкий лютеранский пастор и военный капеллан датской армии. Полигамия в «Рассуждении...» одобрялась, поэтому автор укрылся под псевдонимом. В защиту многоженства Лейзер приводил довод о неполноценности женщины по сравнению с мужчиной, а в подтверждение сослался на II Маконский собор 585 года – один из поместных соборов франкской (затем французской) церкви. Дескать, на этом соборе рассматривался вопрос о том, можно ли считать женщину человеком, и епископы ответили на него утвердительно лишь после долгих дебатов.

Француз Пьер Бейль включил это сообщение в свой «Ис-

торический и критический словарь» (1695–1702) – первую многотомную энциклопедию. Здесь же упоминалась несуществующая книга «О том, что женщина не имеет души». Отсюда и родилась легенда о Маконском соборе – одна из самых стойких легенд, связанных со средневековым христианством. Наши научные атеисты позаимствовали ее из книги Августа Бебеля «Женщина и социализм» (1883): «Маконский собор спорил в VI столетии о том, есть ли у женщины душа, и решил этот вопрос утвердительно большинством в один голос». Иногда даже указывается точнее: большинством тридцать два голоса против тридцати одного.

Да что там научные атеисты – о такого рода богословских спорах упоминается даже в книге «Интеллектуалы в Средние века» (1957) знаменитого французского медиевиста Жака Ле Гоффа. А в марте 2012 года легенда о Маконском соборе была совершенно всерьез изложена в лекции на телеканале «Культура» в проекте «Academia».

Что же на самом деле произошло в бургундском городке Макон в 585 году? В документах Маконского собора ни о женщине, ни о ее душе не говорится ни слова. Имеется лишь сообщение, появившееся столетие спустя в «Истории франков» Григория Турского, VIII, 20: «Поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком» (т. е. словом «homo», ибо клирики общались между собой на латыни).

Спор шел исключительно о словах: в классической латы-

ни «homo» означало человека вообще, но в Средние века это слово уже применялось по-преимуществу к мужчине. Вопрос был решен незамедлительно ссылками на Святое Писание, в частности, на Книгу Бытия, 1:27: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Сомневавшийся клирик, «получив от епископов разъяснение, успокоился». И до появления пародийного трактата Ацидалия, т. е. до самого конца XVI века, спорить на эту тему никому и в голову не приходило.

Другой, не менее популярный извод той же легенды мы находим в романе Александры Марининой «Иллюзия греха» (1997): «Истинные, правоверные мусульмане (...) считают, что у женщины нет души».

Между тем в Коране неоднократно утверждается обратное, например: «Аллах обещал верующим, и мужчинам и женщинам, райские сады» (сура 9-я, стих 72).

Живые позавидуют мертвым

Кто это сказал? В ходу три основные версии:

1. Одноногий Джон Сильвер в «Острове сокровищ».
2. Апостол Иоанн в «Апокалипсисе».
3. Никита Хрущев, угрожая американцам во время Кубинского кризиса.

Все три версии верны – и все три неверны.

Открыв «Остров сокровищ» (1883) в переводе Николая Чуковского (гл. 2), читаем слова Джона Сильвера:

– Через час я подогрею ваш старый блокгауз, как бочку рома. Смейтесь, разрази вас гром, смейтесь! Через час вы будете смеяться по-иному. А те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым!

Последняя фраза запомнилась по советским экранизациям романа, а было их целых четыре, включая мультфильм с Джигарханяном – Сильвером.

Однако у Стивенсона нет ни слова «живые», ни слова «позавидуют». В оригинале сказано: «Them that die'll be the lucky ones» («Тем, кто умрет, еще повезет»). Эта фраза включается в англоязычные словари цитат.

Зато у русских писателей интересующий нас оборот встречался задолго до рождения Стивенсона. В повести Карамзина «Марфа-Посадница» (1803) Марфа предупреждает новгородцев перед битвой с московским войском: «Ес-

ли возвратитесь побежденные, (...) тогда живые позавидуют мертвым!»

Позже, в «Истории государства Российского», IV, 1, Карамзин напишет о нашествии Батыя: «Живые завидовали тогда спокойствию мертвых».

Летом 1812 года, во время нашествия двенадцати языков, ржевский помещик Петр Демьянов пророчествовал: «Скоро приидет бо час, егда живые позавидуют мертвым» (согласно «Письмам русского офицера» Федора Глинки).

В «Святочных рассказах» Николая Полевого (1826) речь прямо идет о светопреставлении: «Будет (...) время, когда живые позавидуют мертвым».

Стало быть, изречение взято из Библии? В Библии этих слов нет, хотя есть нечто очень близкое: «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Апокалипсис, 9:6); «И ублажил я мертвых (...) более живых» (Екклесиаст, 4:4).

Однако ближайшим источником этого выражения в России был, по-видимому, перевод одной из позднейших версий греческого «Слова о скончании мира и о Антихристе», гл. 27: «Человецы во время оно имут завидети мертвым». «Слово...» ошибочно приписывалось св. Ипполиту Римскому (ок. 170 – ок. 235); его первоначальный текст возник не позднее IV в.

Наконец, нельзя не вспомнить об «Иудейской войне»

Иосифа Флавия. Это сочинение об осаде и разрушении Иерусалима римлянами было излюбленным чтением в Древней Руси. В древнерусском переводе при описании жестокостей, которые творила в осажденном городе фанатичная группировка zelотов, говорилось: «живые блажаху умроших» – «живые восхваляли [участь] мертвых» (кн. IV, гл. 6). А в раннем английском переводе (1767): «Это заставляло живых завидовать мертвым».

По-настоящему популярным на Западе это изречение стало с появлением водородной бомбы. В 1960 году вышел в свет трактат американского футуролога Германа Кана «О термоядерной войне». Его 2-я глава называлась: «Будут ли выжившие завидовать мертвым?» Вопрос этот рассматривался обстоятельно, с таблицами и диаграммами, а ответ давался, в общем-то, отрицательный: окончательной катастрофы не произойдет, процент погибших от прямых и отдаленных последствий войны будет гораздо меньше, чем думают. Кан, вероятно, хотел дать отпор «пораженческим» настроениям в западных обществах («Лучше быть красным, чем мертвым»).

Гораздо дальше шел председатель Мао. На съезде китайской компартии в мае 1958 года он выразил готовность пожертвовать двумя третями человечества, чтобы оставшиеся жили при коммунизме.

Кубинский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, случился осенью 1962 года. А летом следующего года

Хрущев, уже окончательно рассорившийся с Мао, заявил:

– Когда говорят, что народ, совершивший революцию, должен начать войну, (...) чтобы (...) на развалинах мира создать более процветающее общество, – это невозможно понять, товарищи! (...) Произойдет такое заражение земной атмосферы, что неизвестно, в каком состоянии будут оставшиеся в живых люди – не будут ли они завидовать мертвым? (речь в Москве 19 июля 1963 г.).

Хрущев, стало быть, не запугивал американцев, а возражал китайцам. Это заявление было встречено на Западе с пониманием. После убийства Джона Кеннеди его вдова Жаклин писала Хрущеву: «Он не раз цитировал в своих речах Ваши слова: “В будущей войне оставшиеся в живых будут завидовать мертвым”».

На Западе этот оборот еще и теперь нередко считают цитатой из Никиты Сергеевича.

У нас же решительно преобладает мнение об авторстве одноногого Сильвера.

Жизнь и любовь по Маркесу

В 2003 году в Рунете появилась подборка под названием «13 фраз о жизни» с подписью: «Габриэль Гарсиа Маркес». Успех ее оказался феноменальным, особенно среди женской части Рунета.

Вот они, эти тринадцать правил (без исправления языковых шероховатостей неведомого переводчика):

1. Я люблю тебя не за то, кто ты, а за то, кто я, когда я с тобой.

2. Ни один человек не заслуживает твоих слез, а те, кто заслуживают, не заставят тебя плакать.

3. Только потому, что кто-то не любит тебя так, как тебе хочется, не значит, что он не любит тебя всей душой.

4. Настоящий друг – это тот, кто будет держать тебя за руку и чувствовать твоё сердце.

5. Худший способ скучать по человеку – это быть с ним и понимать, что он никогда не будет твоим.

6. Никогда не переставай улыбаться, даже когда тебе грустно, – кто-то может влюбиться в твою улыбку.

7. Возможно, в этом мире ты всего лишь человек, но для кого-то ты – весь мир.

8. Не трать время на человека, который не стремится провести его с тобой.

9. Возможно, Бог хочет, чтобы мы встречали не

тех людей до того, как встретим того единственного человека. Чтобы, когда это случится, мы были благодарны.

10. Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было.

11. Всегда найдутся люди, которые причинят тебе боль. Нужно продолжать верить людям, просто быть чуть осторожнее.

12. Стань лучше и сам пойми, кто ты, прежде чем встретишь нового человека и будешь надеяться, что он тебя поймет.

13. Не прилагай столько усилий, все самое лучшее случается неожиданно.

«13 фраз» появились в латиноамериканской и англоязычной печати около 2000 года. Увы, ни одна из них в романах прославленного колумбийца не ночевала.

Первая фраза подборки с давних пор была дежурным изречением на свадебных торжествах в США. Это чуть переделанная строфа стихотворения «Любовь» американца Роя Крофта:

Я люблю тебя
Не только за то, кто ты есть,
Но еще и за то, кем становлюсь я,
Когда я с тобой.

Стихотворение появилось в печати в 1936 году; Маркес был тогда восьмилетним мальчишкой.

Но самой популярной и на Западе, и у нас стала фраза № 7. В более точном переводе она выглядит так:

Для всего мира ты лишь один человек,
но для одного человека ты, возможно, весь мир.

Она приведена в сборнике стихов чилийского поэта Рафаэля Росенде «Четыре месяца» («Cuatrimensario», 1985) как «где-то вычитанное» изречение.

В некоторых русских подборках «13-ти фраз о жизни» есть еще и 14-я фраза, а вернее, пятистишие-верлибр:

Люби так, как будто тебя никогда не предавали.
Работай так, как будто тебе не нужны деньги.
Танцуй так, как будто тебя никто не видит.
Пой так, как будто тебя никто не слышит.
Живи так, как будто живешь в раю.

Это, конечно, тоже не Маркес, а английское речение, известное во множестве вариантов. Оно нередко используется как тост. Его источник – песня в жанре кантри «То, что идет от сердца»:

Пой так, словно тебе не нужны деньги.
Люби так, словно твое сердце никогда не ранили.
Танцуй так, словно тебя никто не видит,
И живи так, словно ты в земном раю.

(«Come from the Heart» (1987), авторы: Сьюзанна Кларк и Ричард Ли)

Жизнь как смертельная болезнь

Английский поэт и эссеист XVII века Эйбрахам Каули в послании «К д-ру Скарборо» (1656) говорил:

Недуг неисцелимый – жизнь.
(Live is an incurable disease.)

В XIX веке эту мысль продолжил американский эссеист Оливер Уэнделл Холмс-старший:

Жизнь – смертельный недуг, и к тому же чертовски
заразный.
(«Самодержец утреннего застолья», 1872)

В 1921 году Джордж Бернард Шоу писал:

Жизнь – это болезнь. Единственная разница между
людьми – это стадия болезни, на которой они находятся.
(философская пьеса «Назад к Мафусаилу»)

Английскому драматургу вторит Фердинанд, один из трех товарищей в романе Ремарка (1936):

– Братья, жизнь – это болезнь, и смерть начинается с самого рождения.

С шестидесятых годов западное студенчество ударились в философию, помещая плоды своих раздумий на стенах. В 1968 году в Принстонском университете (США) была замечена настенная надпись:

Жизнь – наследственная болезнь.

В 1980 году английский журналист Найджел Рис опубликовал настенную надпись с новым поворотом старой темы:

Жизнь – это болезнь, передающаяся половым путем.

Год спустя вышел роман канадской писательницы Маргарет Атвуд «Телесные повреждения». Героиня, подавленная ощущением собственной смертности, вспоминает надпись, увиденную ею на стене мужского туалета (надо полагать, университетского):

Жизнь – это просто еще одна социальная болезнь, передающаяся половым путем.

А в финале романа новозеландки Мэрилин Дакуорт «Антисоциальное поведение» (1984) появилась сентенция:

Жизнь – это смертельная болезнь, передающаяся половым путем.

(Life is a sexually transmitted terminal disease.)

Именно в этом виде фраза цитируется чаще всего.

Год спустя появился еще один вариант, который обычно приписывают шотландскому психиатру Ронни Лангу (1927–1989):

Жизнь – это болезнь со стопроцентно летальным исходом, передающаяся половым путем.

Россиян познакомил с этой сентенцией фильм Кшиштофа Занусси «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся

половым путем» (2000).

У нас хорошо известно изречение: «Жить вредно. От этого умирают». Обычно оно цитируется как афоризм Станислава Ежи Леца, но это не вполне точно; в «Непричесанных мыслях» Леца (1957) буквально сказано: «Жить очень вредно. Кто живет – умирает».

Зато в точности то же выражение мы находим в стихотворной комедии Веры Инбер «Союз матерей» (1938):

Один мне прямо так и сказал,
Когда я просил у него веронал:
«Жить вредно, от этого умирают».
А сам, между прочим, был очень стар.

У немцев в ходу заключительный стих эпиграммы Эриха Кестнера, опубликованной не позднее 1947 года: «Das Leben ist lebensgefährlich», что можно перевести как:

Жить крайне опасно для жизни.

За Родину, за Сталина!

В 1953 году, в год смерти вождя народов, вышло 1-е издание учебника А. Кайева для педвузов «Русская литература». Будущим словесникам сообщалось, что клич «За Родину, за Сталина!» является «продуктом народного творчества» и «вошел во многие песни, частушки, сказы». Насчет песен автор учебника не соврал, а в остальном покривил душой.

Хотя призыв «За Родину, за Сталина!» неразрывно связан с Великой Отечественной, появился он почти на четыре года раньше – как лозунг к выборам в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года. Позднее, в том числе в 1940 и в 1950 годах, он изображался на предвыборных плакатах.

Не прошло и года, как этот продукт агитпропа был призван на военную службу. В сентябре 1938 года в печати появились статьи о боях с японцами за озеро Хасан, шедших с 29 июля по 8 августа. Здесь лозунг впервые получил значение боевого клича: «“Вперед, за Родину, за Сталина!” – кричим мы с командиром во весь голос», – писал заместитель политрука Г. Сазыкин в «Правде» от 1 сентября.

Вскоре дошло и до песен. Летом 1939 года появилась песня «Авиационная» на слова В. Лебедева-Кумача, с припевом:

Мы, соколы советские,
Готовы в час любой
За Родину! За Сталина!
В последний грозный бой!

Песня была написана для фильма «Эскадрилья № 5» («Война начинается»). В этом кинопроизведении советские ВВС, получив сообщение о готовящемся нападении Германии, уничтожают вражеский воздушный флот на его собственных аэродромах.

Тогда же Лев Троцкий из-за границы откликнулся на появление нового лозунга:

«[Наша] “защита СССР” будет, разумеется, как небо от земли, отличаться от официальной защиты, которая ведется ныне под лозунгом: “за родину, за Сталина!” Наша защита СССР ведется под лозунгом: “за социализм, за международную революцию, против Сталина!”» (статья «СССР в войне», датирована 25 сентября 1939 года, опубликована в «Бюллетене оппозиции», № 79/80).

В 1941 году «Воениздат» выпустил сборник «Бои в Финляндии» о советско-финской войне 1939–1940 гг. Сборник формально носил документальный характер, однако в предисловии честно указывалось, что «в собирании и литературной обработке материалов приняли участие писатели и журналисты», – т. е. мы имеем дело с творчеством все того же агитпропа. Здесь многократно упоминается, как командиры поднимают в атаку солдат призывом «За Родину! За

Сталина!».

Итак, к июню 1941-го боевой лозунг «За Родину! За Сталина!» был уже готов и обкатан. Тем удивительнее, что в речи Вячеслава Молотова по радио 22 июня прозвучал лозунг, весьма от него отличающийся:

– Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за *Родину, за честь, за свободу* [курсив мой. – К.Д.].

Молотов, вероятно, чего-то не понял. Правильную установку дал на другой день в «Правде» видный пропагандист Емельян Ярославский в статье «Великая отечественная война советского народа». (Заметим, что именно ему и принадлежит это наименование войны.) Ярославский указывал:

«С кличем “За родину, за Сталина!” *или и пойдут* бойцы, командиры и политработники Красной Армии в бой (...)» (курсив мой. – К.Д.).

Установка была выполнена. Лозунг «За Родину, за Сталина!» стал обычным в официальных приказах, в описаниях боевых подвигов представленных к награждению воинов и, разумеется, в широкой печати.

Отдельный вопрос: в самом ли деле бойцы шли в атаку с этим кличем? Анатолий Черняев, фронтовик, а затем «помощник генсеков» от Брежнева до Горбачева, утверждал: «Никто не кричал в атаке: “За Родину! За Сталина!” Это пропагандистская ложь. Любой честный фронтовик подтвердит» (приведено в «Новой газете» от 12 апреля 2010 г.).

Однако немало ветеранов, доживших до наших дней, утверждают обратное. Что это – историческая правда или аберрация памяти? Вероятно, истина где-то посередине.

На сайте «Я помню» (iremember.ru), где собраны воспоминания ветеранов Великой Отечественной, клич «За Родину! За Сталина!» чаще всего вкладывается в уста комиссаров и политруков. Автоматчик Ипполит Гурьев, который пошел на фронт добровольцем и для которого «Родина и Сталин были одно понятие», вспоминает: «[В атаке] крик “Ура!” – это был очень мало присутствующий звук. В основном присутствовал звериный крик и мат. (...) “За Родину, за Сталина” чаще кричал кто-нибудь из политработников, кто-нибудь из храбрых командиров».

Лозунг «За родину!» широко использовался в Гражданской войне, но это был лозунг «белых». Лозунг «За Родину, за Сталина!» ближе к монархическому лозунгу «За веру, царя и отечество», однако имя конкретного царя в XIX веке боевым лозунгом не служило.

В кличе «За Родину, за Сталина!» имя «Сталин», по сути, выступает в роли имени некоего божества – хранителя и олицетворения родины. Для многих людей военного поколения Сталин был и остался таким божеством.

Для многих, но не для всех. К 22 июня 2010 года в Петербурге появились плакаты с лозунгом «За Родину! Без Сталина». На плакате была размещена фотография ветерана войны Аркадия Забежинского, утверждавшего: «Никогда, нигде

в окопах не слышал, как солдаты кричали “За Сталина!”».

Загадочная русская душа

В 1963 году, на исходе хрущевской эпохи, у Евгения Долматовского сочинилось стихотворение. Стихотворение называлось «Загадочная русская душа»:

О ней за морем пишутся трактаты,
Неистовствуют киноаппараты.

Усилия институтов и разведок
Ее понять – не стоят ни гроша.

Вера в то, что все разведслужбы мира только и думают, как бы разгадать тайну русской души, еще долго будет согревать наши сердца. Но возникла эта вера не сразу.

До 1880-х годов русская душа мало интересовала Европу. Замечена она была лишь благодаря переводам романов Тургенева, Толстого и, разумеется, Достоевского. Немалую роль сыграло и военно-политическое сближение Франции, Англии и России (т. н. «Сердечное согласие», более известное у нас под именем Антанта).

Зарождение интереса к «русской душе» отразилось прежде всего в работах двух французских авторов: историка Анатоля Леруа-Больё и критика Эжена де Вогюэ.

Согласно Леруа-Больё, русской натуре свойственны «вся-

кого рода контрасты, резкие перепады настроений, мыслей и чувств». «Русская душа легко переходит от апатии к бурной деятельности, от мягкости к гневу, от подчинения к бунту; кажется, во всем она впадает в крайность. То смиренный, то вспыльчивый, то апатичный, то порывистый, то бодрый, то угрюмый, то равнодушный, то страстный, русский едва ли не в большей степени, чем все остальные, знаком с изменчивостью холода и тепла, штиля и шторма» («Империя царей и русские», т. 1, 1881).

Де Вогюэ, как и Леруа-Больё, говорил не столько о загадочности русской души, сколько о ее противоречивости и «текучести»: русская душа склонна к мистицизму, но в то же время «непостоянная душа русских плывет по воле волн сквозь все философские течения и все заблуждения, оставаясь то на нигилизме, то на пессимизме» (предисловие к книге «Русский роман» (1886); перевод С. Ю. Васильевой).

В новелле де Вогюэ «Зимние рассказы» (1885) русская душа – «это котел, в котором бродят самые разные ингредиенты: печаль, безумие, героизм, слабость, мистика и здравый смысл (...). Если б вы знали, как низко эта душа может упасть! Если б вы знали, как высоко она может взлететь! и как неожиданны эти переходы!».

Но уже в 1890-е годы французские и английские авторы все больше склоняются к пониманию «русской души» как загадочной. «Его [Пушкина] живость и жизнерадостность

словно молниями пронзают смутные и мистические глубины русской души», – писал Жак Фляш в очерке «Великий русский поэт: Александр Пушкин...» (1893).

3 мая 1902 года в лондонском еженедельнике «Saturday review» появился очерк Артура Саймонса «Русская душа. Горький и Толстой». Горьковский роман «Фома Гордеев» английский критик назвал «хаотичной, но любопытной книгой», которую стоит прочесть хотя бы ради того, «чтобы узнать что-то еще о таинственной русской душе (the mysterious Russian soul)».

Хотя выражение «загадочная русская душа» появилось на Западе, близкий круг представлений можно найти у Тютчева («Умом Россию не понять...» (1866) и ряд других стихотворений).

А в романе Достоевского «Идиот» (1868, ч. II, гл. 5) читаем: «В русскую душу, впрочем, он [Мышкин] начинал страстно верить. О, много, много вынес он совсем для него нового в эти шесть месяцев, и негаданного, и неслыханного, и неожиданного! Но чужая душа потемки, и *русская душа потемки*; для многих потемки» (курсив мой. – К.Д.). В Германии начала XX века эти слова цитировались как «русская душа – загадка [ein Rätsel]».

В 1915 году в Москве вышла книжечка Николая Бердяева «Душа России», целиком посвященная «тайне русской души» и ее «загадочной противоречивости». «Почему, – вопрошал автор, – самый безгосударственный народ создал та-

кую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?» И отвечал: «Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере», и т. д.

На рубеже XIX–XX веков «русская душа» и «славянская душа» использовались как синонимы. Леруа-Больё в очерке «Лев Толстой» (1910) писал: «Славянская душа, и особенно русская душа, все еще остается наивной и юной».

Американский критик Мэтью Джозефсон в предисловии к сборнику записных книжек и писем Чехова (Нью-Йорк, 1948) замечает:

«Довольно долго было весьма модно, едва речь заходила о русском национальном характере или о русской литературе, рассуждать на ученый манер о “загадочной славянской душе”. Такого рода пускание пыли в глаза было очень даже в ходу на исходе прошлого века, когда широкая западная публика впервые открыла для себя Толстого и Достоевского. Но к 1917 году многие рассказы и пьесы Антона Чехова были наконец переведены на английский; тогда-то мы и узнали, что русская душа не более загадочна, чем душа обитателя пригородов Лондона или Бруклина».

Ксения Куприна вспоминала о Париже 1920-х годов: «Мода на русских вообще быстро прошла, и загадочная “русская душа” продолжала звучать только в русских да в мно-

гочисленных ночных кабаках» («Куприн – мой отец», 1979).

Только ли наша душа так загадочна? Ницше, к примеру, писал о «загадках, которые задает [иностранцам] (...) природа немецкой души» («По ту сторону добра и зла» (1886), VIII).

Вероятно, есть и другие весьма загадочные национальные души. Но едва ли кто, кроме нас, так гордится своей загадочностью. Хотя в упомянутом выше «Идиоте» сказано: «Нет, не “русская душа потемки”, а у него самого на душе потемки».

Задушить революцию костлявой рукой голода

3 августа 1917 года в Москве открылся II Всероссийский торгово-промышленный съезд. Сенсацией дня стало выступление промышленника и банкира Павла Павловича Рябушинского, одного из основателей партии прогрессистов. Согласно отчету в «Русских ведомостях», он заявил:

– Естественное развитие жизни идет своим чередом и жестоко покарает нарушителей экономических законов. Может быть, неизбежен для России финансово-экономический провал. И лишь тогда, когда катастрофа станет всем очевидной, поймут, каким неверным шли путем. Костлявая рука голода и народной нищеты схватит за горло друзей народа, членов разных комитетов и Советов. Тогда они опомнятся. («Друзьями народа» именовали себя народники и их идейные наследники эсеры, преобладавшие во Временном правительстве. – К.Д.)

Полный, но местами явно испорченный текст речи (напр., «вал» вместо «провал») мы находим в стенограмме, опубликованной в сборнике материалов съезда: «...когда она [катастрофа] для всех станет очевидной, только тогда почувствуют, что шли по неверному пути... (...). ...То, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костля-

вая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и Советов, чтобы они опомнились».

Как видим, тут нет угрозы, а только трезвый прогноз – как мы знаем, сбывшийся, – и предостережение.

Три дня спустя в газете «Рабочий и солдат» появилась статья Сталина «Чего хотят капиталисты?». Автор статьи негодуяюще восклицает:

Вы слышите: «потребуется костлявая рука голода, народная нищета»... Господа Рябушинские, оказывается, не прочь наградить Россию «голодом» и «нищетой» для того, чтобы «схватить за горло» «демократические Советы и комитеты».

Два месяца спустя, 7 октября 1917 года, Троцкий огласил в Совете Республики декларацию фракции большевиков:

...Цензовые [т. е. имущие] классы (...) держат курс на “костлявую руку голода”, которая должна задушить революцию.

Так, при деятельном участии Сталина и Троцкого, возникла формула «удушить революцию костлявой рукой голода», приписанная Рябушинскому.

В большевистской России костлявая рука голода стала реальностью. Во время Гражданской войны она «держала за горло» прежде всего население крупных городов Центральной России. А сразу после окончания войны голод в Поволжье достиг размеров, не виданных со времен Бориса Году-

нова.

Большевики воспользовались ситуацией для наступления на православную церковь. 23 февраля 1922 года был принят декрет об изъятии церковных ценностей «для помощи голодающим». В рамках пропагандистского обеспечения «изъятия» был изготовлен шрифтовой плакат с надписью:

«Бывший московский банкир Рябушинский за границей сказал:

– Костлявая рука голода задушит Советы в России.

Надо добиться, чтобы у Советской Власти не было золота на покупку хлеба голодным. Кучка князей церкви, торгуя и играя муками голодных, вздумала провести в России волю этого биржевика.

Карта контрреволюции будет бита.

Золото и серебро из храмов рабочий возьмет.

Золото обменяет на хлеб.

Хлебом накормит голодных».

15 марта в городе Шуя Ивановской губернии по прихожанам, пытавшимся не допустить ограбления храмов, был открыт пулеметный огонь. Четыре дня спустя Ленин направил членам Политбюро письмо (остававшееся в СССР секретным вплоть до 1990 года), в котором указывал:

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому мы должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией (...). Чем большее число представителей реак-

ционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Метафора «задушить костлявой рукой голода» появилась у нас, по-видимому, под влиянием английского языка. Дмитрий Минаев потрясал сердца своих читателей строками:

Этот друг неотвязчивый – голод.
Он могучей, костлявой рукой
Свою жертву за горло хватает...

(«Роковые контрасты», 1869)

«Роковые контрасты» – перевод социально-обличительного стихотворения Барри Корнуолла «Within and Without» (1838), причем образ Голода с его хватающей за горло костлявой рукой (bony hand) в точности повторяет оригинал.

Сходный пример можно найти в 1853 г. в переводе романа Эдуарда Бульвер-Литтона: «...даже если б голод, заглянувший ему прямо в глаза, схватил его своей костлявой рукой (skeleton hand)» («Мой роман, или Разнообразие английской жизни» (1852), гл. 60).

Что же касается оборота «задушить революцию», то он возник в годы Американской революции, в XVIII веке. Французский просветитель аббат Рейналь в своей книге «Революция в Америке» (1781) вложил в уста некоего англий-

ского политика слова:

Нужно пользоваться первым моментом, чтобы задушить революцию.

Консервативный мыслитель Жозеф де Местр писал по поводу реставрации Бурбонов:

Революция была сначала демократической, потом олигархической, потом тиранической; сегодня она роялистская, но она продолжается. Искусство государя состоит в том, чтобы властвовать над нею и мягко задушить ее в объятиях.

(Дипломатическое донесение из Петербурга от 6 (18) июля 1814 г.; перевод Д. В. Соловьева)

В ноябре 1949 года Уинстон Черчилль, выступая в Бостоне, сказал:

– Неспособность задушить большевизм в колыбели (...) и вовлечь (...) Россию в общую демократическую систему теперь лежит на нас тяжелым бременем.

Отсюда в советской печати появился оборот «задушить революцию в колыбели» – обычно как слова Черчилля, сказанные в 1919 году.

Закон Мёрфи, а также Закон бутерброда

В 1977 году в Лос-Анджелесе вышла тоненькая – 96 страничек – книжка под заглавием «Закон Мёрфи и другие причины, по которым все идет наперекосяк». Ее автором был никому тогда не известный Артур Блох. Книжка имела совершенно неожиданный успех, и три года спустя Блох сдал в печать «Вторую книгу законов Мёрфи», а еще два года спустя – третью. Довольно скоро «Законы» были опубликованы в СССР – в новосибирском журнале «ЭКО» за 1983 год.

«Законы Мёрфи» задумывались как пародия на научную систематику, а стали популярной философией жизни. Главный из законов Мёрфи:

IF ANYTHING CAN GO WRONG, IT WILL

Или, в русских переводах: «Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается», «Если беде быть, то ее не миновать», «Все, что может испортиться, – портится», и т. д.

Мёрфи многими считался фигурой легендарной. Но это не так. Речь шла о вполне реальном авиационном инженере Эдуарде Мёрфи-младшем (1918–1990). В 1949 году он участвовал в испытаниях на авиабазе в Калифорнии. Однажды его ассистент подключил датчик неправильно; испыта-

ние сорвалось, а Мёрфи в сердцах произнес: «Если можно что-нибудь сделать не так, этот парень именно так и сделает». (Впрочем, эта историческая фраза известна и в других вариантах; сам Мёрфи годы спустя путался в показаниях.)

Выражение «закон Мёрфи» появилось в печати в 1952 году, а окончательную форму этот закон принял в апрельском номере журнала «Scientific American» за 1956 год.

После того как закон Мёрфи получил всемирную известность, стали искать его предшественников. В июльском номере лондонского журнала «Новости магии» («The Magic Circular») за 1908 год обнаружилась статья «Искусство магии». Здесь говорилось:

В любом особо значимом случае, таком как первая публичная демонстрация магического эффекта, все, что *может* пойти не так, *непременно* пойдет не так. Чем бы это ни объяснялось – зловредностью материи, или испорченностью неодушевленных предметов, или просто спешкой и волнением, или же чем-то еще, – но факт остается фактом.

Статью написал Джон Невил Маскелин (1839–1917), знаменитый иллюзионист и изобретатель. В своих номерах – левитация над поверхностью стола, беседа туловища с отрезанной головой и т. д. – он высмеивал то, что теперь называют паранормальными явлениями, а тогда проходило по ведомству гипноза и спиритизма. (Кстати: именно Маскелин в конце XIX века изобрел устройство, позволяющее открыть

дверь уличного туалета, бросив туда монетку.)

На этом, однако, изыскания историков не закончились. Их внимание привлек ливерпульский морской инженер Алфред Холт (1829–1911), совладелец Океанской пароходной компании. 13 ноября 1877 года он выступил на собрании Общества гражданских инженеров в Лондоне с докладом «Об успехах пароходного сообщения за последние четверть века». Здесь утверждалось: «Все, что в море может пойти не так, вообще говоря, рано или поздно пойдет не так», поэтому «при проектировании машин нельзя пренебрегать человеческим фактором».

Разве не то же самое говорил Эдуард Мёрфи-младший? А что было до закона Мёрфи? Конечно, Закон бутерброда:

БУТЕРБРОД ВСЕГДА ПАДАЕТ МАСЛОМ ВНИЗ.

Само выражение «закон бутерброда» – русское, и не такое уж давнее. В фантастической повести Вл. Немцова «Осколок Солнца» (1955) этот закон именуется «законом Джером-Джерома», но уже с начала 1960-х годов «закон бутерброда» – обычный речевой оборот.

Кто открыл этот закон – неизвестно, но знали о нем очень давно. В 1830 году в немецком городке Ильменау вышла книга Иоганна Шмитда «Общедоступное изложение физики». Шмидт утверждал:

То, что бутерброды обычно падают маслом вниз, конечно, не более чем предрассудок; но тот, кто захотел бы заняться исследованием положения центра

тяжести (...) бутербродов, нашел бы прекрасный случай применить свою ученость без всякой пользы.

Иоганн Шмидт оказался провидцем. В 1991 году на Би-би-си показали серию опытов с подбрасыванием 300 бутербродов. 148 упали маслом вверх, 152 – маслом вниз. То же самое получилось бы, если бросать монетку. Выходит, прав Шмидт, и Закон бутерброда опровергнут?

Вовсе нет. В жизни ведь бутерброды никто не подбрасывает: они обычно падают со стола. В 1995 году английский математик и популяризатор науки Роберт Маттеус опубликовал статью о падающем бутерброде («European Journal of Physics», т. 18). Маттеус математически доказал, что при обычной высоте стола бутерброд успевает совершить лишь пол-оборота, т. е. чаще падает маслом вниз.

Для того, чтобы бутерброд регулярно падал маслом вверх, стол должен быть трехметровой высоты. Существо, сидящее за таким столом, было бы шестиметрового роста. Между тем, по вычислениям физиков, в нашей Вселенной максимальный рост двуногого существа не может превышать трех метров, иначе оно покалечится при любом случайном падении.

Другими словами, Закон бутерброда есть космическая постоянная.

Закрой глаза и думай об Англии

В 1972 году вышла в свет книга Джонатана Готторна-Харди «Величие и упадок Британской империи». Одна из глав начиналась эпиграфом, взятым из дневника некой леди Хиллингем за 1912 год:

Я рада, что теперь Чарльз звонит в мою спальню реже, чем раньше. Теперь я терплю лишь два его визита в неделю, и, когда я слышу его шаги у своей двери, я ложусь на кровать, закрываю глаза, раздвигаю ноги и думаю об Англии.

Позднее сочли, что Готторн-Харди допустил опisku либо сознательно изменил имя, и речь идет о леди Айлис Хиллингдон (1857–1940), жене барона Чарльза Хиллингдона, банкира и политика-консерватора. В 1912 году ей было 55 лет, 26 из которых составляли годы супружества.

Эта дневниковая запись цитировалась множество раз. Однако дневник леди Хиллингдон обнаружить не удалось, так что историки усомнились в достоверности этой цитаты.

Вероятно, впервые знаменитая фраза появилась в печати 18 мая 1943 года, в газете «Вашингтон пост». Здесь речь шла о супруге британского премьер-министра Стэнли Болдуина (1867–1947):

Сын Стэнли Болдуина рассказывал, как его сестра

встречалась с одним молодым человеком, который хотел жениться на ней. Она попросила совета у матери: что делать, если этот молодой человек захочет поцеловать ее ... «Делай то, что делала я, – ответила ей мать, вспоминая о своем романе с женщиной, который потом стал премьер-министром. – Просто закрой глаза и думай об Англии».

Заметим, что и сам Болдуин, и его жена Люси, мать четырех дочерей и двоих сыновей, в то время были еще живы.

Дотошные исследователи цитат обратили внимание на отточие после слов «захочет поцеловать ее». Оно, вероятно, указывало на то, что слово «поцеловать» означает здесь нечто большее, чем простой поцелуй. Примеры такого употребления известны в старой литературе, а Америка 1940-х была еще вполне пуританской страной.

В 1954 году вышел роман Пьера Даниноса «Записки майора Томпсона» – иронический взгляд француза на Англию и англичан. О первой жене майора Томпсона здесь сообщалось:

[Родители] подготовили Урсулу к замужеству в чисто викторианском духе. Накануне ее отъезда из родительского дома леди Планкет дала ей последние наставления:

– I know, my dear... It's disgusting... But do as I did with Edward: just close your eyes and think of England.

(– Я все понимаю, дитя мое, это так мерзко... Но веди себя так же, как я с Эдуардом: закрывай глаза и

думай об Англии...)

И так же как ее мать, и так же как мать ее матери, Урсула закрывала глаза. И думала о будущем Англии.
(Перевод Г. Сафроновой и Р. Закарьян)

28 июня 1963 года книжный обозреватель еженедельника «Таймс» привел еще одну версию слов «дамы XIX столетия»:

– Я лежу неподвижно и обдумываю новый фасон шляпки.

С 1970-х годов слова «Закрой глаза и думай об Англии» стали цитироваться как совет королевы Виктории дочери в ее брачную ночь. Ныне эта версия наиболее популярна, в том числе в нашем отечестве.

Викторианская эпоха действительно была крайне строга ко всему, что касалось внешней благопристойности. Однако ничто не указывает на то, что Виктория не знала радостей брачной постели. Известно, что она была страстно влюблена в своего мужа, принца Альберта, а вечером после свадьбы записала в своем дневнике: «Он заключил меня в свои объятия, и мы целовали друг друга снова и снова!» Уж точно в эту ночь она думала не об Англии.

Другое дело, что, будь это в ее власти, она едва ли бы стала рожать девять раз. О беременности и родах она говорила: «...в такие моменты мы уподобляемся собаке или короле» (письмо к старшей дочери, принцессе Виктории, от 15 июня 1858 г.).

В 1972 году вышла в свет биографическая книга Дэви-

да Даффа «Альберт и Виктория». Ее автор усердно собирал не только документальные свидетельства, но также слухи и сплетни о королевской чете. Коснулся он и интимной жизни Виктории:

Рассказывали, что Джеймс Кларк [врач королевы] не утаил от коллег по профессии, как отнеслась королева к его совету, что ей не следует больше иметь детей. Ее ответом было:

– О, сэр Джеймс, значит, я уже не смогу получать радость в постели?

Этот разговор – если только он не выдуман – мог произойти в 1857 году, когда 38-летняя королева родила своего последнего ребенка, принцессу Беатрису.

Известно, что наш современник Чарльз, принц Уэльский, долго сомневался, жениться ли ему на леди Диане Спенсер. В книге Ралфа Кейза «Верификатор цитат» (2006) приведен анекдотический слух: сестра леди Дианы Анна, с которой принц поделился своими сомнениями, посоветовала ему:

– Закрой глаза и думай об Англии.

Заседание продолжается!

Дежурную фразу О. Бендера знает каждый. Важно отметить, что нередко она появляется, когда здоровью или жизни героя угрожает опасность:

Дверь, снабженная могучим прибором, с натугой растворилась и дала Остапу под зад толчок в полторы тонны весом.

– Удар состоялся, – сказал Остап, потирая ушибленное место, – заседание продолжается!

(«Двенадцать стульев», гл. 8)

Раздался третий удар, земля разверзлась и поглотила пощаженный первым толчком землетрясения и развороченный людьми гамбсовский стул. (...)

– В конце концов, – сказал Остап голосом выздоравливающего тифозного, – теперь у нас осталось сто шансов из ста. (...) Заседание продолжается.

(«Двенадцать стульев», гл. 42)

– Заседание продолжается! – молвил Остап как ни в чем не бывало. – (...) Подзащитный пытался меня убить.

(«Золотой теленок», гл. 22)

Юрий Щеглов, комментатор Ильфа и Петрова, в качестве возможного источника этой фразы назвал открытое письмо издателя «Сатирикона» Якова Корнфельда в редакцию «Но-

вого Сатирикона» (1913, № 1, июнь). Аверченко, основавший «Новый Сатирикон», увел с собой лучших авторов; тем не менее в своем письме Корнфельд дважды повторил: «Заседание продолжается!», т. е. прежний «Сатирикон» жив.

Любопытен ответ новосатириконцев: «Для заседания мало одних стульев, хотя бы и очень хорошей работы, – необходимо, чтобы на этих стульях сидели люди». Здесь же давался рисунок: пустой ряд стульев. Ассоциация с «Двенадцатью стульями» напрашивается.

Однако к тому времени «Заседание продолжается» уже было знаменитой цитатой. Родилась она во Франции 9 декабря 1893 года, во время заседания Палаты депутатов в Бурбонском дворце. В 4 часа пополудни молодой анархист Огюст Вайян бросил с галереи бомбу. Хлопнул взрыв, запахло порохом, началась паника. Однако довольно быстро выяснилось, что ни убитых, ни серьезно покалеченных нет. Подавляющее большинство депутатов остались на своих местах, и двадцать минут спустя председатель Палаты Шарль Дюпюи с демонстративным спокойствием заявил:

– Господа, заседание продолжается (Messieurs, la séance continue). Дело чести для Палаты и для Республики, чтобы подобные покушения, откуда и от кого бы они ни исходили, не помешали бы законодателям. (...) Останемся и продолжим, верные своему долгу.

Через несколько дней Палата приняла законы о «подстрекательствах к преступлениям», направленные против анар-

хистской печати, а 5 февраля 1894 года Вайян был гильотинирован. Позднее героическое хладнокровие Шарля Дюпюи было поставлено под сомнение. Стали говорить, что фразу «Заседание продолжается» ему подсказал секретарь Палаты депутатов Эжен Пьер, фанатик парламентской процедуры. А в левой печати утверждали, что полиция была причастна к подготовке покушения, так что оно и не могло иметь серьезных последствий.

Так или иначе, но фраза Дюпюи сразу же получила всемирную известность. Уже в 1902 году она была включена во французский справочник по цитатам, а затем и в английский.

С этой фразой связаны два важных эпизода русской истории. 10 июля 1906 года, на другой день после роспуска I Государственной думы, большая часть ее депутатов собралась в Выборге и приняла воззвание с призывом к пассивному сопротивлению. Многие газеты писали, что председатель распущенной Думы С. А. Муромцев открыл собрание словами:

– Заседание Государственной думы продолжается.

И хотя Муромцев этих слов не произносил, фраза стала знаменитой.

6 июля 1918 года, во время попытки левоэсеровского переворота, председатель V съезда Советов Яков Свердлов заявил (согласно «Правде» от 12 июля):

– Левые эсеры ушли. Заседание съезда продолжается.

В опубликованных стенограммах съезда этих слов нет; ве-

роятно, они были сочинены специально для «Правды». Тем более что четырьмя месяцами раньше в той же «Правде» (18 февраля / 3 марта 1918) появилась статья В. В. Степанова «Заседание продолжается» с изложением, хотя и не вполне точным, обстоятельств возникновения фразы Дюпюи.

На рубеже 1920–1930-х гг. эта фраза была настолько хорошо известна, что попала в I издание «Большой советской энциклопедии»: т. 23 (1931), статья «Дюпюи». Только дата названа здесь неверно: 1884 год вместо 1893-го.

Можно полагать, что не только для авторов, но и для многих первых читателей «Двенадцати стульев» происхождение коронной фразы О. Бендера не было тайной. Теперь же она навеки связана с образом великого комбинатора.

И ты, Брут?

В 48 году до н. э. Цезарь разгромил войско Помпея Великого при Фарсале и стал единоличным хозяином Рима. К побежденным он проявил милосердие, беспрецедентное в истории римских гражданских войн.

Среди прощенных им помпеянцев были Гай Кассий и Марк Юний Брут. Кассию Цезарь не вполне доверял, зато Бруту доверял безоговорочно, не считая его способным на измену. И все же, когда Цезарь был провозглашен пожизненным диктатором, Брут примкнул к сенатскому заговору во главе с Кассием.

Днем переворота заговорщики выбрали 15 марта 44 года до н. э. – т. н. мартовские иды (идами у римлян именовалась середина месяца). В этот день Цезарь отправился на заседание сената, где его уже поджидали заговорщики. В трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» диктатора убивают кинжалами. На самом деле вход с оружием в сенат был строжайше воспрещен, и заговорщики воспользовались стилосами – остроконечными стержнями для письма на восковой табличке.

Согласно Светонию, первый удар нанес сенатор Каска, направший на сидящего Цезаря сзади. Цезарь схватил его за руку, проколол ее своим стилосом и попытался вскочить, но второй удар его остановил. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены стилосы, он накинул на голову

тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят. Он был заколот двадцатью тремя ударами, последний из которых нанес Брут.

При первом ударе Цезарь испустил стон, а после уже молчал, хотя, добавляет Светоний, некоторые и передают, что бросившемуся на него Бруту он сказал по-гречески: «И ты, дитя!» Те же слова столетие спустя после Светония приводит Дион Кассий, но и он считает их недостоверными. Согласно Плутарху, раненый Цезарь крикнул, обращаясь к одному из заговорщиков: «Негодяй, Каска, что ты делаешь?» А потом встретил смерть молча.

В римских источниках восклицание Цезаря приводится исключительно по-гречески. Латинское «Et tu, Brute» – «И ты, Брут?» – получило всемирную известность благодаря трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599). Это единственная латинская фраза в английском тексте пьесы.

Зрителям шекспировского театра это выражение было известно по-латыни и раньше. Оно встречалось в ранней версии хроники Шекспира «Генрих VI. Часть III», поставленной в 1595 году. Здесь это пословичный оборот – в значении «И ты, друг мой, против меня?» В том же качестве оно использовано в комедии Бена Джонсона «Всяк в своем нраве», поставленной в шекспировском театре «Глобус» за год до «Юлия Цезаря».

Нередко можно прочесть, что выражение «И ты, Брут?» взято из трагедии на латинском языке «Умерщвленный Це-

заль» (1582), автором которой был, вероятно, священник Ричард Идз. Однако трагедия Идза известна лишь по названию: ее текст целиком утерян, так что эта версия остается не более чем домыслом.

Вернемся к греческому оригиналу фразы, будто бы сказанной Цезарем. Обычно это восклицание переводится «И ты, дитя мое?», хотя в оригинале сказано просто: «И ты, дитя?» Известно, что у Цезаря одно время был роман с матерью Брута Сервилией, и Плутарх прямо говорит, что «Цезарь мог считать его (т. е. Брута) своим сыном». Но, судя по сообщениям античных историков, включая того же Плутарха, адюльтер Сервилиии с Цезарем имел место задолго до рождения Брута, о чем современникам было хорошо известно.

По другой версии, фраза Цезаря оборвана на полуслове; полностью она должна была звучать так: «И ты, дитя, отдаешь моей власти». В таком виде (и тоже по-гречески) эта фраза встречается у нескольких римских историков. Она была сказана – многие годы спустя после смерти Цезаря – юному Сервию Гальбе то ли императором Августом, то ли Тиберием.

Гальба действительно стал императором в 68 году н. э. и был убит полгода спустя. В таком случае Цезарь (устаами позднейших историков) как бы предсказывал Бруту его будущую судьбу: Брут стал одним из вождей республиканцев в новой гражданской войне и покончил жизнь самоубийством, пережив Цезаря на два года.

И целого мира мало

В 1963 году вышел в свет десятый роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде. Роман назывался «На тайной службе Ее Величества». В 6-й главе Бонд посещает Геральдическую палату, чтобы получить сведения о некоем лице, интересующем британскую контрразведку. Сотрудник Палаты предлагает ему отыскать родство с семейством баронетов Бонд, чтобы получить право на титул и герб:

– А этот чудесный гербовый девиз: «И целого мира мало»? Неужели вам не хотелось бы получить права на него?

Бонд, который пришел не за этим, вежливо отвечает:

– Девиз превосходен, и я, разумеется, не отказался бы от него.

Совершенно ясно, что никаких прав на герб у него нет.

В 1999 году роман экранизировали под названием «И целого мира мало» («The World Is Not Enough»). Это был уже девятнадцатый фильм бондианы, и здесь супершпион смело присваивает старинный девиз себе. Вот его диалог с красавицей Электрой Кинг:

– Я могла бы подарить тебе целый мир.

– Целого мира мало.

– Глупые сантименты.

– Фамильный девиз.

Первым баронетом в своем семействе стал, как верно указано в романе «На тайной службе...», Томас Бонд. Он сколотил состояние на спекуляциях земельной собственностью в годы Английской революции и был близким другом короля Карла II, которому в годы изгнания одалживал немалые суммы. За это 8 октября 1658 года король возвел его в рыцарское достоинство.

Однако фамильный девиз баронета был составлен не на английском, а на латыни: «*Orbis non sufficit*» – «Недостаточно круга земного».

Это был далеко не первый девиз подобного рода. В 1515 году, в пору своих военных успехов в Италии, молодой французский король Франциск I приказал отчеканить памятные медали, на одной стороне которых был изображен он сам, а на другой – два глобуса, земной и небесный, с надписью: «*Unus non sufficit orbis*» – «Одного земного круга недостаточно». Вероятно, это должно было символизировать притязания на власть над всем христианским миром.

Памятные медали с той же надписью и двумя глобусами были отчеканены при короле Франциске II, который царствовал всего полтора года (1559–1560). По одной из версий, здесь под словом «*orbis*» имелось в виду «королевство», поскольку благодаря женитьбе на Марии Стюарт Франциск II стал также королем Шотландии.

Тот же девиз использовали иезуиты-миссионеры. По преданию, он был помещен на парусах корабля, на котором пор-

тугальский иезуит Мануэл да Нобрега в 1549 году отправился в миссионерскую поездку в Бразилию. Имелось в виду, что проповедь христианства не должна ограничиваться Старым Светом.

В 1578 году португальский король Себастьян I погиб в Северной Африке, а три года спустя король Испании Филипп II получил еще и корону Португалии. После унии двух главных колониальных держав он мог считать себя владыкой земного шара.

В 1583 году по случаю унии были выбиты памятные монеты. На одной их стороне помещена надпись на латыни: «Филипп II, король Испании и Нового Света», на другой: «Non sufficit orbis».

Все эти девизы заимствованы у Ювенала. Однако у него эти слова содержат в себе осуждение завоевателей мира. В его X сатире говорится об Александре Македонском:

Юноше родом из Пеллы не хватит и круга земного
[unus (...) non sufficit orbis]:

Он от несчастья бурлит в этих тесных пределах
вселенной.

Только когда он войдет в кирпичные стены столицы
[т. е. Вавилона],

Хватит и гроба ему.

(Перевод Ф. Петровского)

Несколько веков спустя отсюда возникло анонимное одностишие – эпитафия Александру Македонскому:

Умещается ныне в могиле тот, кому было мало
целого света.

(Sufficit huic tumulus, cui non suffecerit orbis —

букв. Достаточно кургана тому, кому было
недостаточно мира.)

Если верить древним историкам, Александру Великому было мало целого мира не в переносном, а в самом буквальном смысле. Компаньоном и другом Александра в его завоевании Азии был Анаксарх, последователь школы Демокрита. Услышав рассказ Анаксарха о бесконечном множестве миров, Александр заплакал, а когда друзья спросили, что его мучит, ответил:

– Разве не достойно слез то, что число миров бесконечно, а мы еще и одного не завоевали?

Так рассказывает Плутарх в трактате «О спокойствии духа».

В той же X сатире Ювенала упомянут и другой великий завоеватель:

Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем найдешь ли
ты

много

Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмещала.

Ювеналу вторит шекспировский Гамлет:

Пред кем весь мир лежал в пыли,

Торчит затычкою в щели.

(«Гамлет», V, 1; перевод Б. Пастернака)

Но сентенции подобного рода никогда не смущали желающих стать владыками мира.

И это пройдет

3 июня 2015 года дьякон Андрей Кураев, выступая в передаче «Особое мнение» на радиостанции «Эхо Москвы», заметил: «И это пройдет, говоря словами мудрого библейского Екклесисаста».

Вполне возможно, что знаменитое изречение возникло не без влияния ветхозаветной книги «Екклесисаст, или Проповедник». Однако здесь сказано иначе: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...»

Священнослужитель более высокого ранга, архимандрит Амвросий (Юрасов), держится другой версии: «— Будем всегда помнить Соломоново кольцо, на котором написано: “И это пройдет”» («Яко с нами Бог», 2013).

7 июня 1950 года Ариадна Эфрон, дочь Цветаевой, писала Борису Пастернаку из туруханской ссылки: «Утешаю себя мудростью Соломонова перстня, на котором было начертано, как известно из Библии и из Куприна, — “и это пройдет”».

Насчет Библии сказано выше, а в рассказе Куприна «Суламифь» (1908) читаем:

«На указательном пальце левой руки носил Соломон гемму из кроваво-красного астерикса, извергавшего из себя шесть лучей жемчужного цвета. Много сотен лет было этому кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: “Все про-

ходит”».

Еще одну версию находим в журнале «Русская мысль», 1908, № 9: «Когда араба постигнет горе (...), он покорно складывает руки и не отрываясь смотрит на мудрое изречение перстня... “И это пройдет”» (Збышко, рассказ «Санатория»).

Агния Барто в «Дневниках 1974 года» утверждала: «Чехов носил на пальце кольцо с изречением древнего мудреца: “И это пройдет”».

На самом деле Чехов такого кольца не носил. Это, должно быть, отголосок истории о пушкинском перстне-печатке, подаренном ему при расставании Елизаветой Воронцовой. На перстне имелась загадочная – как считалось, арабская, – надпись. Гораздо позднее выяснилось, что надпись была на иврите и означала: «Симха, сын почетного рабби Иосифа, да будет благословенна его память».

Так что же – и, главное, откуда – известно о Соломоновом перстне?

Самое раннее достоверное упоминание о нем относится к началу XIX века. 6 ноября 1813 года Вальтер Скотт писал лорду Байрону:

Ваша Светлость, вероятно, вспомнит, где содержится восточная сказка о султানে, который спрашивал у Соломона, какую ему выбрать надпись для кольца с печаткой; он требовал, чтобы эта сентенция годилась и для того, чтобы не чрезмерно

предаваться благополучию, и для того, чтобы легче переносить невзгоды. Изречение, предложенное еврейским мудрецом, как мне кажется, превосходно отвечало обеим этим целям; оно заключалось в словах: «И это пройдет» («And this also shall pass away»).

Итак, если верить шотландскому романисту, «восточная сказка о султани» содержалась в какой-то английской (или, на крайний случай, французской) книге. Однако отыскать ее не удалось по сей день.

Письмо Скотта было опубликовано в 1837 году в I томе его биографии, сразу же ставшей бестселлером. И именно с этого времени изречение «И это пройдет» начинает упоминаться регулярно.

В 1839 году легенда о перстне как минимум дважды цитировалась в американской печати; в одном случае ее героем был некий «восточный монарх», в другом – «один мудрец».

В декабре 1839 года епископ Джордж Уошингтон Доун прочитал проповедь в церкви Св. Девы Марии в г. Бёрлингтон (штат Нью-Джерси). Проповедь была посвящена памяти Бенджамина Уинслоу, пастора этой церкви, скончавшегося 14 октября. На ложе смерти Уинслоу повторял слова «И это пройдет», а в ночь перед кончиной написал стихотворение, которое Доун привел целиком. Первые две строфы заканчивались словами «И это пройдет», а третья, последняя, – двустихием:

Да будет мне жилищем мир
Тот, что вовеки не пройдет.

В 1842 году в парижском журнале «Артист» публиковался роман из английской жизни «Мэри Линдсей», подписанный: Джулия Норвич. (В английской литературе ни это имя, ни этот роман неизвестны.) Здесь мы читаем:

«*И это пройдет!*» (Et cela aussi passera!), – сказал царь Соломон царю Эфиопии, когда тот захотел узнать от него изречение, которое помогало бы душе не предаваться чрезмерно счастьем и утешаться в несчастье.

Замена вальтер-скоттовского «султана» царем Эфиопии, конечно, лучше согласуется с Ветхим Заветом.

В 1852 году вышел в свет сборник английского поэта Эдварда Фицджеральда «Полоний: Собрание мудрых изречений и современных образцов». (Позднее именно Фицджеральд сделал достоянием англоязычной культуры стихи Омара Хайяма.) Включенная в сборник легенда «Соломонов перстень» почти в точности повторяла легенду, рассказанную Вальтером Скоттом.

Семь лет спустя этой легендой воспользовался Авраам Линкольн. 30 сентября 1859 года он выступил с речью в Милуоки (штат Висконсин):

– Говорят, что некий восточный монарх однажды поручил своим мудрецам сочинить для него сентенцию, которая

всегда была бы у него перед глазами и была бы пригодна во всякое время и при всех переменах судьбы. Они предложили ему слова: «*И это пройдет*». Как много здесь выражено! Как умеряет это гордыню благополучия! Как утешает в самом глубоком горе!

В 1860 году изречение цитировалось по-немецки («*Auch dies wird vorübergehen*»); это был перевод все того же письма Вальтера Скотта.

В справочнике «*Respectfully Quoted*» (Нью-Йорк, 1989) приведена – латиницей на языке фарси – фраза из сборника лирики персидского поэта Санаи (1081–1141?), которая может быть переведена как «И это пройдет». Автор справочника, Сюзи Платт, не указала ни конкретного произведения, ни контекста, в котором звучит эта фраза; между тем в сочинениях суфийских поэтов нередко встречаются сентенции о преходящем характере всего земного, вовсе не связанные с легендой, рассказанной Вальтером Скоттом.

Еще чаще высказывание «И это пройдет» приписывается другому суфийскому поэту – Аттару (шейх Фарид ад-Дин Аттар, ок. 1145–1221), но без каких-либо уточнений.

Итак, с уверенностью можно лишь утверждать, что изречение «И это пройдет» вошло в обиход благодаря Вальтеру Скотту. О существовании рассказанной им легенды в более древние времена, в сущности, ничего не известно.

Евгения Гинзбург, мать писателя Василия Аксенова, вспоминала: «Подобно древнему царю Соломону, изрекав-

шему в острые моменты жизни свое “И это пройдет”, наша бабушка, выслушав сообщение о каком-либо выходящем из ряда вон происшествии, обычно говорила: “Такое-то уж было...”» («Крутой маршрут», ч. 1, 1967.)

Тут приходит на ум не столько царь Соломон, сколько рабби Бен-Акиба из драмы в стихах «Уриэль Акоста» (1846) Карла Гуцкова. При всяком «выходящем из ряда вон происшествии» он повторяет свою любимую фразу «Все уже было» (*нем.* «Alles schon dagewesen»). В переводе Э. Линецкой:

Все уже бывало; (...)

Бывало все, не раз уже бывало.

На языке идиш драма Гуцкова не сходила со сцен еврейских театров вплоть до первых десятилетий XX века.

Идите ко мне, бандерлоги!

В конце 2011 года московский ежемесячник «Большой город» включил слово «бандерлоги» в список слов, получивших новые значения в этом году:

БАНДЕРЛОГИ: несогласные; оппозиционно настроенные граждане. Бандерлоги шакалят у посольств, побираются на гранты и ведут бандерблоги.

Слово «шакалить» в значении «попрошайничать» известно по крайней мере с середины XX века. 21 ноября 2007 года на Форуме сторонников Владимира Путина в Москве президент заявил:

– К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто шакалит у иностранных посольств, рассчитывает на иностранные фонды и правительства, а не на поддержку своего собственного народа.

Эту мысль он повторил – на этот раз в качестве премьер-министра – 15 декабря 2011 года на «прямой линии» по РТВ. Здесь «шакалящие» превратились уже в «бандерлогов»:

– Есть, конечно, люди, которые имеют паспорт гражданина РФ, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт. Часто это бесполезно и невозможно. Что мож-

но сказать в этом случае? Можно сказать: «Идите ко мне, бандерлоги». – И добавил: – С детства люблю Киплинга.

Далее требуются уточнения. В «Книге джунглей» (1894), строго говоря, нет ни «бандерлогов», ни самой этой фразы. Обезьяний Народ называется здесь «Bandar-log» (на языке хинди «bandar» – обезьяна, «log» – «люди»). В первом русском переводе Е. Чистяковой-Вэр (1916) слово «Бандар-Лог» употреблялось, как и у Киплинга, только в единственном числе. В переводе Нины Дарузес, по которому все мы знакомимся с «Книгой джунглей», говорится о «Бандар-Логах». «Бандерлоги» появились лишь в 1968 году, в знаменитом мультфильме Романа Давыдова «Маугли», фильм 2-й: «Похищение».

Киплингские Бандар-Логи – племя серых обезьян, не ведающих Закона Джунглей. У них нет вожака. У них нет своего языка – одни только краденые слова, которые они перенимают у других. Память у них короткая, не дальше вчерашнего дня. Зато о себе они самого высокого мнения:

– Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим – значит, это правда.

Главный их враг – питон Каа – в переводе Дарузес стал удавом. В главе «Охота Каа» он, гипнотизируя бандерлогов змеиной пляской и взглядом, говорит:

– Подойдите на один шаг ближе ко мне!

В мультфильме:

– Бандерлоги, хорошо ли вам видно? (...) Подойдите на один шаг... Ближе... Ближе... Ближе...

Сразу после выхода в свет «Книги джунглей» английские читатели увидели в бандерлогах сатиру на парламентариев-либералов, а некоторые американские критики – сатиру на американцев.

У нас «бандерлоги» вошли в молодежный сленг на исходе прошлого века. В песне группы «Крематорий» «Бандерлоги» (1996) пелось:

Депрессия лежит на мне как плита,
На которой танцуют рэп
Бандерлоги...

Это слово попало в специальные словари, причем в самых разных значениях: «шумная, бестолковая компания, крикливая толпа»; «осужденные, относящиеся к низшим ступеням иерархической лестницы»; «контролеры в исправительном учреждении» и т. д. На Украине «бандерлогами» называли украинских националистов (по созвучию с бандеровцами), а затем – и т. н. «оранжевых», т. е. сторонников Ющенко и Тимошенко.

В Рунете можно было прочесть: «Если автор назвал кого-то бандерлогом, не расстраивайтесь, он просто пошутил, потому что слово прикольное и непонятное».

Но и у нас «бандерлоги» стали все чаще встречаться в политическом контексте, в значении «зомбированная толпа».

В 2005 году в Рунете появилось стихотворение «Они поработили нас» за подписью «Александр Дракон»:

А мы – мы все еще надеемся.

Мы нервно смотрим на часы, дожидаясь их слов.

Мы вслушиваемся в их голоса по радио.

Мы смотрим на экран телевизора, как бандерлоги на Каа.

В 2007 году в Рунете получил хождение анекдот:

– Вы слышите меня, бандерлоги?

– Мы слышим тебя, Каа...

– Вы выберете меня, бандерлоги?

– Мы выберем тебя, Каа...

В 2008 году Валерия Новодворская писала, имея в виду оппозицию в Госдуме: «Наш парламентаризм так же похож на английский или даже итальянский, как кривляния бандерлогов похожи на человеческое поведение. К тому же наши бандерлоги даже не смеют назвать удава Каа “желтым земляным червяком”» (статья «Опера нищих» на сайте Грани.ру., 6.01.2008).

Мультфильм «Маугли: Похищение» вышел на экраны в 1968 году, когда Путину было шестнадцать. Тогда-то, конечно, и запомнилась ему сцена с удавом Каа и бандерлогами.

Тут стоит процитировать статью кинокритика Сергея Кузнецова «Уйти из джунглей» («Искусство кино», 2004, № 3): «Появление Каа в Холодных Пещерах производит одинако-

во сильное впечатление и в семь, и в тридцать семь лет»; это «самый яркий образ смерти во всей мировой мультипликации». Удав Каа являет собой «образ мощи, лишенной милосердия, едва ли не ветхозаветного Бога, фигуру Отца – одновременно карающего и защищающего. Не случайно орудием убийства служат объятия».

Империя и Свобода

– Идеологией России должен стать либеральный империализм, а миссией России – построение либеральной империи, – заявил Анатолий Чубайс в Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 года.

Уже через месяц Яндекс давал шесть тысяч упоминаний «либеральной империи». Комментаторы сочли эту формулу нонсенсом, чем-то вроде «горячего льда», и едва ли не все признали ее изобретением Чубайса. Так же думал и сам Анатолий Борисович:

– Представить себе, что это слово [«империя»] может быть в одном ряду с такими словами, как «цивилизация», «рынок», «свобода», было совсем невозможно. Невозможно в XX веке. Но XX век закончился.

Комментаторы, вместе с Чубайсом, ошиблись. Идея «империи», стоящей в одном ряду со «свободой», не нова; напротив, она настолько стара, что успела забыться.

В 1937 году, к столетию со дня смерти Пушкина, в парижском журнале «Современные записки» появилась статья Георгия Федотова «Певец Империи и Свободы». Федотов, вероятно, и ввел формулу «Империя и Свобода» в русский язык.

Она верна не только по отношению к Пушкину. С ней согласились бы едва ли не все отцы русского либерализма,

включая Пестеля, Белинского (кроме самых последних годов его жизни), Кавелина, Милюкова и Струве. Империя и Свобода были для них понятиями не только вполне совместимыми, но и нерасторжимыми.

Федотов, однако, не был автором формулы. Он взял ее у Бенджамина Дизраэли (1804–1881), британского политика-консерватора, блестящего оратора и писателя-романиста. Выступая в Палате общин 10 ноября 1879 года, Дизраэли сказал:

– Один из величайших римлян на вопрос, какой была его политика, ответил: *Imperium et Libertas* [Империя и Свобода]. Это была бы неплохая программа для британского правительства.

Но и Дизраэли не был первым. Формула «империя и свобода» встречалась (по латыни) уже в трактате Фрэнсиса Бэкона «О преуспевании наук» (1605). Здесь она приписана Тациту.

Что же говорил Тацит?

Едва ли не самое известное место в его сочинениях – начало «Жизнеописания Юлия Агриколы», написанного в 98 г. н. э., в эпоху наивысшего могущества Рима. Здесь повествуется о правлении Домициана, когда «нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было бы столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (перевод

А. Бобовича). Зато Нерва, сменивший Домициана, «совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, – принципат и свободу».

«Принципат» означал правление принцепса (первого сенатора); позже его стали именовать императором. Формула «*imperium ac libertas*» («держава [власть] и свобода») встречалась ранее у Цицерона, хотя у Цицерона, убежденного республиканца, «*imperium*» – синоним сенатской республики.

Итак, Тацит говорил о сочетании *единовластия* и свободы; Дизраэли (а за ним и Федотов) – о сочетании *великодержавности* и свободы. Для Дизраэли лозунг «Империя и Свобода» вовсе не был политическим нонсенсом: расширяя империю, он оставался приверженцем парламентарного строя и гражданских свобод.

Последним британцем, отстаивавшим Империю и Свободу, был Уинстон Черчилль. 10 ноября 1942 года он заявил: – Я не затем стал премьером Его Величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи.

Увы, Империю пришлось ликвидировать. Британское содружество, появившееся на свет в 1947 году, консерватор Найджел Лоусон назвал «пережитком Империи, улыбкой Чеширского кота, оставшейся, когда кот исчез».

То же самое можно было бы сказать о Содружестве Независимых Государств (СНГ), созданном на развалинах СССР. Между тем Чубайс, выступая в Петербурге, связывал нашу имперскую будущность как раз с СНГ; именно на этом

пространстве России предстоит решать «задачи космического масштаба». «Порядок и свободу на земле» будет отстаивать «кольцо великих демократий Северного полушария XXI века», в которое войдут США, объединенная Европа, Япония и Российская либеральная империя.

Здесь литературным предтечей Чубайса был не столько британец Дизраэли, сколько наш соотечественник Иван Ефремов, автор грандиозной утопии «Туманность Андромеды» (1957). Не все уже помнят Великое Кольцо, объединявшее «братьев по разуму» – высшие космические цивилизации. Но Анатолий Борисович, похоже, запомнил.

Инженеры человеческих душ

В 1933 году в печати появились упоминания о том, что в одной из своих бесед Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ».

Подробности стали известны гораздо позже, из записи, сделанной критиком и литературоведом Корнелием Зелинским. Я буду пользоваться ранним вариантом этой записи, напечатанным в 1992 году в альманахе «Минувшее». Зелинский, как заметил Бенедикт Сарнов («Сталин и писатели», кн. 4), «не слишком надежный источник. Но в данном случае ему можно доверять. Сохранилось письмо Фадеева По-скребышеву [личный секретарь Сталина. – К.Д.], в котором он просил передать эти записки Зелинского Сталину, прося разрешения их напечатать и ручаясь за их достоверность и точность».

26 октября 1932 года избранные писатели и литературные чиновники были приглашены в особняк Горького (т. е., собственно, Рябушинского) на Малой Никитской. После девяти вечера подъехало высшее руководство со Сталиным во главе.

Мероприятие началось в кабинете Горького и продолжилось за банкетным столом. Дав писателям выговориться, Сталин взял слово сам. Когда он закончил, мастера пера оживились, начались здравицы, но тут Сталин поднялся

снова (цитирую записи Зелинского):

– ...Да, я забыл еще сказать вам. Я хотел сказать о том, что производите вы.

(...) Он говорит застольное слово, говорит как тамада, со стаканом вина. (...)

– Есть разные производства: артиллерии, автомобилей, машин. Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар, интересный товар – души людей.

Помню, меня тогда поразило это слово – товар.

– Да, тоже важное производство, очень важное производство души – людей. (...)

– Все производства страны связаны с вашим производством. (...) ...Человек перерабатывается в самой жизни. Но и вы помогите переделке его души. Это важное производство – души людей. И вы – инженеры человеческих душ.

Неудивительно, что Зелинского так поразило слово «товар». В каком-нибудь старом романе слова: «Очень нужный нам товар, интересный товар – души людей» – мог бы сказать только владыка ада.

Но Сталин за бессмертную душу не дал бы ни копейки. Интересовала вождя психика его подданных – «винтиков», которые «держат в состоянии активности наш великий государственный механизм», как он выразился позднее.

Писатели поняли его правильно. В 1934 году на I Всесоюзном съезде советских писателей драматург Александр Афи-

ногенов говорил:

– Итак – «инженеры человеческих душ»! Прежде всего о «душе». Если вы заглянете в Малую советскую энциклопедию, то вы под словом «душа» увидите там следующее изречение Шварца: «Марксистская психология устранила понятие души как бессодержательное и ненаучное».

Это, продолжает Афиногенов, справедливо, если речь идет о религиозном понимании души, но слово «душа» следует переосмыслить:

– В применении к нам, писателям, название инженеров человеческих душ означает, что мы не просто регистраторы психологических состояний, нет, мы активные исследователи, мы конструкторы этих душ, мы производственники, организаторы этого человеческого материала.

Юрий Олеша за три года до встречи Сталина с литераторами писал: «Если я не могу быть инженером стихий, то я могу быть ««инженером человеческого материала»» («Человеческий материал», «Известия», 7 ноября 1929 г.).

В сборнике исторических анекдотов Юрия Борева «Сталиниада» (1989) сообщалось, со ссылкой на рассказ Виктора Шкловского в мае 1971 года: «...Афоризм “Писатели – инженеры человеческих душ” был высказан Олешей на встрече писателей со Сталиным в доме Горького. Позже Сталин корректно процитировал эту формулу: “Как метко выразился товарищ Олеша, писатели – инженеры человеческих душ”». Разумеется, перед нами легенда чистой воды.

Маяковский задолго до Сталина уподоблял душу орудию производства:

Сердца – такие ж моторы.

Душа – такой же хитрый двигатель.

(Стихотворение «Поэт рабочий», 1918)

А в 1923 году один из идеологов ЛЕФа Сергей Третьяков писал:

...Великолепен каждый продукт человеческого производства, направленный к целям преодоления, подчинения и овладения стихией и косной материей.

Рядом с человеком науки работник искусства должен стать психо-инженером, психо-конструктором.

(«Откуда и куда? (Перспективы футуризма)» в журн. «ЛЕФ», 1923, № 1)

Сталинские инженеры душ – те же психо-инженеры и психо-конструкторы, только теперь уже на конвейерном государственном производстве.

Как заметил Маркс, «воспитатель сам должен быть воспитан». Если писатели – производители душ, то кто-то ведь должен производить и самих производителей. М. Горький не затруднился ответить на этот вопрос:

– Государство пролетариев должно воспитывать тысячи отличных «мастеров культуры», инженеров человеческих душ.

(доклад на I съезде советских писателей 17 августа

1934 г.)

Почти 40 лет спустя, 26 октября 1963 года, Джон Кеннеди выступил в колледже города Амхерст (Массачусетс) с речью, посвященной памяти поэта Роберта Фроста. Он говорил:

– Художник, верный своему видению мира, оказывается последним поборником индивидуальной манеры мыслить и чувствовать, противостоя не в меру навязчивому обществу и не в меру назойливому государству. (...) Мы никогда не должны забывать, что искусство – не одна из форм пропаганды, но одна из форм истины. (...) В свободном обществе искусство – не оружие (...). Художники – не инженеры человеческих душ.

Иногда сигара – всего лишь сигара

По широко распространенной легенде, так будто бы Фрейд ответил на вопрос, нет ли чего-либо символического в том, что он курит большие сигары.

У истоков этой легенды, согласно сайту «Quoteinvestigator», была статья Эрика Хиллера «Несколько замечаний о табаке», опубликованная в декабрьском номере «Международного журнала психоанализа» (Лондон) за 1922 год. Журнал был основан в 1920 году, а на его обложке значилось: «Под руководством Зигмунда Фрейда».

Хиллер писал:

Сигареты и сигары могут символизировать пенис. Они имеют цилиндрическую и трубчатую форму. У них горячий красный конец. Они испускают ароматный дым (= flatus [*лат.* извержение] = сперма). (...) Я полагаю, что причина, или, по крайней мере, одна из причин, по которой люди начинают курить (и разумеется, почему они продолжают это делать), заключается в этой фаллической символике сигареты, сигары или трубки.

Хелен Уолкер Панер в книге «Фрейд: Его жизнь и его мышление» (1947) отмечала, что основатель психоанализа был заядлым курильщиком и скучал в обществе некурящих. Поэтому почти все его ученики начинали курить сигары.

Через 11 лет после смерти Фрейда, в майском номере

американского журнала «Психиатрия» за 1950 год, появилась статья Аллена Уилиза «The Place of Action in Personality Change». Уилиз писал, что за осознаваемыми мотивами нередко кроются неосознанные, однако в примечании предостерег, что не всегда это предположение верно, и добавил:

Таковы издержки профессии психоаналитика – тридцать лет спустя после известного замечания Фрейда, что «иногда сигара – всего лишь сигара».

В 1961 году в «Американском историческом обозрении» («American Historical Review») была опубликована статья Питера Гея о политической риторике эпохи Великой французской революции. В статье говорилось: «В конце концов, как заметил однажды Зигмунд Фрейд, иногда человек желает сигару просто потому, что ему хочется покурить в свое удовольствие». (Позднее Гей написал биографию Фрейда.)

Профессор психологии Алан Элмс, отыскивая истоки легендарной фразы, обратился к Гею, но тот не смог указать, откуда он ее взял. Немецкие биографы Фрейда также ничем не смогли помочь Элмсу.

Среди возможных источников Элмс рассматривал строку из стихотворения Киплинга «Обрученный» (1886), включаемую во все англоязычные словари цитат:

Женщина – всего только женщина, а хорошая сигара – это Кайф.

(в оригинале: «...a Smoke»)

28 февраля 1976 на телеканале NBC был показан очередной выпуск комического шоу «Субботним вечером в прямом эфире». Один из скетчей назывался «Великие моменты истории женщин. I».

Действие происходит в 1908 году в кабинете Зигмунда Фрейда (актер Дэн Эйкройд). В кабинет заходит девочка – дочь Фрейда Анна (актриса Ларейн Ньюман). Она рассказывает отцу сюрреалистический сон, полный символов, которые в психоанализе считаются эротическими, вплоть до большого банана, который предлагает ей бородатый мужчина, как две капли воды похожий на ее отца. Слушая дочь, Фрейд сидит как на иголках и только повторяет: «Гмм...»

– А потом, – заканчивает Анна, – мы оба выкурили по сигарете. Папа, что это значит?

– Это ничего не значит, деточка. Просто сон. Иногда банан – всего лишь банан. Знаешь что...

– Да, папа?

– Пожалуйста, маме об этом не говори.

Отсюда в России родился психоаналитический анекдот с заключительной фразой: «Иногда банан – всего лишь банан».

Ирония истории

В письме к Вере Засулич от 23 апреля 1885 года Энгельс писал:

Люди, вообразившие, что они сделали революцию, всегда убеждались на следующий день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории.

Однако в сочинениях Гегеля «иронии истории» нет. Арсений Гулыга в книге «Немецкая классическая философия» (1986) справедливо заметил, что «иронии истории» в вышеозначенном смысле соответствует гегелевская «хитрость разума» (die List der Vernunft).

Цитирую Гегеля:

Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся (...); они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения.

Можно назвать *хитростью разума* то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и

вред.

(Введение к «Лекциям по философии истории» (1822–1831; опубликованы в 1837 г.); перевод А. Водена)

В немецкой печати «ирония истории» (die Ironie der Geschichte) появилась не позднее 1830-х годов. Обычно это выражение использовалось в значении «насмешка истории», вне какой-либо связи с учением Гегеля. (Кстати: примерно в то же время во Франции появилось выражение «ирония судьбы» – «ironie du sort».)

Но по крайней мере однажды «ирония истории» уже в 1840-е годы встречалась в «гегельянском» контексте. Весной 1848 года историк Антон Шпрингер опубликовал книгу «Взгляд Гегеля на историю». В предисловии он писал по поводу Февральской революции во Франции: «Парижане показали, что они понимают, как правильно осуществлять иронию истории (die Ironie der Geschichte gut durchzuführen)...».

Историк астрономии Зигмунд Гюнтер говорил об «иронии истории» применительно к самому Гегелю:

«Попытка Гегеля вторгнуться в область астрономии и априорно вывести невозможность существования планеты между Марсом и Юпитером была, по иронии истории, более чем убедительно опровергнута открытием этой планеты в том же самом году». («Цели и результаты новейших исследований по истории математики», 1876.)

«Вторгнуться в область астрономии» Гегель попытался в своей диссертации «Об орбитах планет», законченной осе-

нию 1801 года. Он не догадывался, что уже 1 января того же года итальянец Джузеппе Пиацци открыл Цереру – первую из малых планет, расположенных между Марсом и Юпитером. Промах Гегеля послужил поводом для многочисленных шуток, тем более что поначалу Церера считалась «полноценной» планетой, восьмой по счету.

Иногда именно в этой связи цитируют будто бы сказанные Гегелем слова: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». (См. статью «Факты – упрямая вещь».)

Искусство требует жертв

Выражение это возникло в России. По-видимому, первым в литературу его ввел драматург Николай Евреинов.

В 1911 году в петербургском театре пародий «Кривое зеркало» была поставлена гротескная комедия Евреинова «Школа этуалей». «Этуالياми» (от *франц.* «l'étoile» – «звезда») называли тогда кафешантантных певиц «с именем». Директор «Школы этуалей» требует, чтобы его подопечные исполняли свои номера «бесстыдно», но в то же время «прилично». Об их ремесле он говорит как о высоком искусстве:

– Вы должны священнодействовать, когда исполняете шансонетку.

А когда одна из учениц «Школы» ударяется в плач, не выдержав гневных замечаний директора, его помощница утешает девушку:

– Ну, брось реветь! Мало ли чего ради искусства не натерпишься! Искусство требует жертв.

Как видим, сентенция появляется в сугубо пародийном контексте.

В следующем, 1912 году Московский художественный театр показал новую драму Леонида Андреева «Екатерина Ивановна». Пьеса стала одним из театральных событий сезона и живо обсуждалась в печати. Главная героиня, жена члена Государственной думы, становится любовницей художни-

ка Коромыслова, который в своем искусстве специализируется, как он сам говорит, на «голых бабах». Вот сцена из заключительного, IV акта:

Коромыслов, разговаривая и шутя, внимательно работает над картиной «Саломея». Саломея – Екатерина Ивановна. Полуобнаженная, она стоит на возвышении.

КОРОМЫСЛОВ. Вы не устали, дорогая? Ну, потерпите, потерпите, искусству нужно приносить жертвы.

АЛЕКСЕЙ. Вы это всем дамам говорите?

КОРОМЫСЛОВ. Что такое говорю?

АЛЕКСЕЙ. Что искусство требует жертв.

КОРОМЫСЛОВ. Всем. Они любят ласку.

АЛЕКСЕЙ. А искусство – жертвы?

КОРОМЫСЛОВ. А искусство любит жертвы.

О том, что эта сцена не была забыта и в двадцатые годы, свидетельствует комедия Бориса Ромашова «Воздушный пирог» (1925). Здесь Мирон Зонт, редактор журнала «Красная кулиса», обращается к директору банка, который едва ли случайно носит фамилию Коромыслов:

– Искусство требует жертв. Наш журнал стоит на защите завоеваний всех фронтов. Цена номера тридцать копеек. Тираж шесть тысяч. Главное объявления [т. е. реклама. – К.Д.].

По-видимому, еще и в тридцатые годы фраза «Искусство требует жертв» употреблялась по преимуществу в ирониче-

ском смысле – например в фельетоне Ильфа и Петрова «Когда уходят капитаны» (1932).

В 1941 году детский писатель Яков Тайц опубликовал автобиографический рассказ «Про Ефима Зака». Герой рассказа, дореволюционный «художник вывесок», вспоминает:

– Мой знаменитый земляк Исаак Левитан учил меня: «Главное, Ефим, это натура!». (...) И еще он говорил: «Искусство требует жертв (...)».

Ирония авторского повествования очевидна.

Зато после войны эту сентенцию уже совершенно серьезно, как завет основателя Художественного театра, привел оперный режиссер Павел Румянцев, вспоминая о создании в 1926 году Оперной студии Станиславского:

«Лозунгом того времени, как и вообще во весь период существования студии, были слова К. С. Станиславского: “Искусство требует жертв”» («Система К. С. Станиславского в оперном театре», опубл. в «Ежегоднике МХАТ. 1947»; год издания: 1949).

Других подтверждений того, что Станиславский говорил именно это, не имеется.

История повторяется дважды...

Выражение «История повторяется» появилось в немецкой печати не позднее 1830-х годов. Затем были отысканы его античные предшественники, прежде всего вступление Фукидида к «Истории Пелопонесской войны» (конец V в. до н. э.):

...исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)...

(Перевод Г. Стратановского)

Близкая мысль выражена у Плутарха (II в. н.э.):

Поскольку поток времени бесконечен, а судьба изменчива, (...) часто происходят сходные между собой события. (...) ...Неминуемо должны по многу раз происходить сходные события, порожденные одними и теми же причинами.

(«Серторий»; перевод А. Каждана)

В XIX веке Гегель учил:

Наполеон был два раза побежден, и Бурбоны были изгнаны два раза. Благодаря повторению того, что сначала казалось лишь случайным и возможным, оно становится действительным и установленным фактом.

(«Лекции по философии истории» (1837); перевод А. Водена)

Эту мысль продолжил Карл Маркс:

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса.

(«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт» (1852), I)

О смене трагедии фарсом на исторической сцене еще раньше говорил Генрих Гейне:

...великий праотец поэтов [т. е. Бог] в своей тысячеактной мировой трагедии доводит комизм до предела (...): после ухода героев на арену выступают клоуны и буффоны с колотушками и дубинками, на смену кровавым революционным сценам и деяниям императора [Наполеона] снова плетутся толстые Бурбоны...

(«Идеи. Книга Le Grand» (1826); перевод Н. Касаткиной)

Маркс свое замечание о двукратном повторении истории поясняет примерами того же рода: «Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1793–1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!» Речь шла о сходстве между переворотом 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), когда единоличную власть захватил Наполеон Бонапарт, и переворотом 2 декабря 1851 года, осуществленным его племянником Луи Бонапартом.

В 1970 году в американской печати появилась поэтическая метафора «История не повторяется, но рифмуется», приписанная Марку Твену.

На сайте «Quoteinvestigator» указан любопытный предшественник этого афоризма. В октябрьском номере лондонского журнала «The Christian Remembrancer» за 1845 год появилась обширная рецензия на изданную в Англии книгу А. Н. Муравьева «История Церкви в России» (1842). Рецензент писал:

Зрелище повторяется; восточное солнце восходит вторично; история неосознанно повторяет свой рассказ, обращившаяся какой-то мистической рифмой; одна эпоха оказывается прообразом другой, и извилистый ход времени снова приводит нас к той же точке.

Историю пишут победители

В 1978 году советский номенклатурный писатель Иван Стаднюк выступил на т. н. «идеологическом активе г. Москвы» (цитирую по его книге «Сокровенное», 1980):

– ...Я хочу высказаться не только от имени писателей Москвы, но и по праву старого политработника. Известно, что подлинную историю пишут победители. И сейчас мы являемся свидетелями рождения новых нетленных страниц этой истории, заключающихся в воспоминаниях товарища Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина».

Старый политработник допустил политическую ошибку. В советской печати тезис «Историю пишут победители» приводился исключительно как доказательство вырождения буржуазной исторической науки.

Этот тезис появился во Франции в середине XIX века. «История, возможно, беспристрастна, но не следует забывать, что писалась она победителями», – писал Алексис де Сен-Прист в «Истории монархической власти...» (1842).

О том же неоднократно напоминал историк-социалист Луи Блан. О Робеспьере он говорил: «Побежденный, чья история была написана победителями» («История десяти лет», 1845). О якобинцах: «История побежденных, написанная победителями» («История Французской революции», т. 5, 1853).

Впоследствии эта формула чаще всего применялась к военной истории. В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, известный американский историк Уильям Элиот Гриффис писал: «Общепринятая история почти всех войн написана победителями» («Прекрасная Шотландия и чем мы ей обязаны»).

Сразу же после поражения Центральных держав адмирал Альфред фон Тирпиц, подобно прочим немецким военачальникам, отвергал вину Германии в развязывании войны и утверждал: «Историю пишет победитель» («Воспоминания» (1919), гл. 15).

Однако широкое распространение эта фраза получила с конца Второй мировой войны.

4 февраля 1944 года в газете «Tribune» появилось эссе Джорджа Оруэлла «Как мне угодно» («As I Please»). К этому времени за плечами у Оруэлла был опыт Гражданской войны в Испании и пропагандистской работы в годы Второй мировой. Он спрашивал:

Являются ли «Протоколы сионских мудрецов» подлинным документом? Сговаривался ли Троцкий с нацистами? Сколько немецких самолетов было сбито в битве за Британию? Приветствует ли Европа «Новый порядок»? Вы никоим образом не получите один-единственный ответ, который все бы признали за истину: в каждом таком случае вы получите набор совершенно несопоставимых ответов, один из которых в конечном счете будет принят как результат

физической борьбы. История пишется победителями.

В послевоенной Франции эта сентенция связывалась прежде всего с именем писателя и публициста Робера Бразильяка (1909–1945). В годы оккупации Бразильяк редактировал фашистскую газету «Я повсюду» («Je suis partout»). Он предлагал казнить левых политиков, а летом 1944 года подписал петицию с призывом к расстрелу всех участников Сопротивления. В сентябре 1944-го он был арестован, а пять месяцев спустя приговорен к расстрелу. Прошение о его помиловании подписали виднейшие французские писатели, но де Голль его отклонил.

Среди написанных им в тюрьме сочинений был и «трагический диалог» «Братья-враги», опубликованный посмертно, в 1946 году. Один из братьев – участников диалога говорит:

– ...Что до истории, то она пишется победителями, кто бы ими ни стал. Ее приговор не должен интересовать людей настоящего времени.

В англоязычные словари цитат включается высказывание из книги Джавахарлала Неру «Открытие Индии» (1946):

Историю почти всегда пишут победители и завоеватели, и со своей точки зрения.

Каждая тварь печальна после соития

В 1997 году на экраны вышел французский фильм с латинским названием «Post coitum animal triste» – «После соития тварь грустна»; в русском прокате латынь выкинули и назвали фильм «Послевкусие страсти».

Годом раньше был опубликован роман немецкой писательницы Моники Марон «Animal Triste»; виднейший немецкий критик Марсель Райх-Раницкий назвал его «одним из лучших любовных романов года». Роману предпослан эпиграф: «Post coitum omne animal triste» («Каждая тварь печальна после соития»), со ссылкой на «Сатирикон» Петрония.

Это изречение чрезвычайно популярно на Западе, где латынь в гораздо большем почете, чем у нас. В нашу литературу его ввел Венедикт Ерофеев:

Не помню кто, не то Аверинцев, не то Аристотель сказал: «Omnia animalia post coitum oppressus est», то есть: «Каждая тварь после соития бывает печальной», – а вот я постоянно печален, и до соития, и после.

(«Василий Розанов глазами эксцентрика», 1973; опубли. в 1989 г.)

Ерофеев – вероятно, не подозревая об этом, – шел по сто-

пам американской писательницы Натали Клиффорд Барни. Барни жила в Париже и шокировала публику первых десятилетий XX века проповедью свободной любви, включая лесбийскую. В 1920 году она издала на французском «Мысли амазонки». Среди афоризмов сборника был и такой:

Говорят, мужчина печален после соития. Но женщина, возможно, печальна и до, и во время, и после.

Со ссылкой на Аристотеля цитировал знаменитое изречение Лоренс Стерн в «Жизни и мнениях Тристрама Шенди» (1760). В книге «отца сексологии» Алфреда Кинси «Сексуальное поведение самца человека» (1948) оно приписано Галену, великому греческому врачу II в. н. э.

Стерн и Ерофеев были ближе к истине, чем Кинси и Моника Марон. Латинское изречение о грусти после соития появилось в печати в 1514 году, в комментарии голландских ученых Иоанна Мурмелия и Рудольфа Агриколы к трактату Боэция «Утешение философией» (VI в.). А возникло оно из трактата «Проблемы», который приписывался Аристотелю, хотя был написан уже после его смерти кем-то из его учеников.

В IV книге «Проблем» рассматривается вопрос: «Почему человек в наибольшей степени из всех живых существ ощущает слабость после любовного сношения?» А в XXX книге утверждалось:

После любовного сношения большинство людей

ощущают печаль.

Да и сам Аристотель говорил: «Результатом любовных наслаждений является скорее слабость и бессилие» («О возникновении животных», X, 18; перевод В. Карпова).

В древности это положение считалось медицинским фактом. Плиний Старший определяет специфику человека двумя свойствами:

Человек – единственное живое существо, которое рождается двуногим. Только человек испытывает сожаление после первого соития.

(«Естественная история», X, 83)

Лукреций, рассуждая о телесной любви, замечает:

Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то.

(«О природе вещей», кн. IV, перевод Ф. Петровского)

В Новое время Лукрецию вторит Спиноза: «За удовлетворением чувственности следует наивысшая печаль» («Трактат об усовершенствовании разума» (1661), перевод Я. Боровского).

Согласно Демокриту, «совокупление – это кратковременный припадок эпилепсии: ибо человек вытряхивается из всего человека» (фрагмент; перевод С. Лурье).

Того же мнения был Марк Аврелий: «При совокуплении – трение внутренностей и выделение слизи с каким-то содро-

ганием» («Размышления», VI, 13; перевод А. Гаврилова).

В Средние века имел хождение латинский стихотворный фрагмент, начинавшийся со слов:

Гнусно и коротко наслаждение соития,
И отвращение следует сразу за актом любви.

Эти строки приписывались Петронию; отсюда и появилась у Моники Марон ссылка на «Сатирикон».

Шекспир, вероятно, был знаком с этими стихами. В своем 129 сонете он говорит о «наслаждении, которое сразу сменяется презрением» (в переводе Р. Бадыгова: «За утолением следует презренье»).

После 1514 года изречение «Post coitum omne animal triste» стало обрести дополнениями: «...кроме петуха», «...кроме петуха и женщины», «...кроме монаха, женщины и петуха», «...кроме петуха и попа, которого ублажили даром» (английский вариант), «...кроме петуха и школяра, которого ублажили даром» (немецкий вариант).

Истинность этого медицинского факта оспорил австрийский публицист Карл Краус в сборнике «Суждения и противосуждения» (1909):

Omne animal triste [Всякая животная тварь грустна].
Такова христианская мораль. Но даже животная тварь
лишь post, а не propter hoc [после, а не вследствие этого].

Латинская мудрость «Post hoc, non est propter hoc» («По-

сле этого – не значит вследствие этого») заимствована из логики Аристотеля. Так что Аристотель в любом случае оказывается прав.

Каждый коммунист должен быть чекистом

Весной 1920 года Ленин указывал:

– Если благодаря своей близорукости вы не можете изобразить отдельных вожakov кооперации, то посадите туда одного коммуниста, чтобы он указал эту контрреволюцию, и если это хороший коммунист, а хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист, то, поставленный в потребительское общество, он должен притащить по крайней мере двух кооператоров-контрреволюционеров (речь 3 апреля 1920 года на IX съезде РКП(б)).

В 1925 году на XIV съезде ВКП(б) со своей платформой выступила левая оппозиция во главе с Зиновьевым и Каменевым. И оказалось, что методы работы ЧК используются уже не в кооперации, а внутри самой партии. 26 декабря секретарь Центральной контрольной комиссии Сергей Гусев заявил:

– Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК, у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства.

Против внутривнутрипартийного стукачества выступила, несмотря на обструкцию большинства, сторонница Зиновьева Клавдия Николаева (цитирую стенограмму):

— ...Двое поговорили по душам по вопросам жизни партии или вообще о политике, один обязательно напишет в ЦКК. (*Сольц*: «Смотря о чем говорят». *Шум.*) (...) Тов. Гусев сегодня с этой трибуны сказал так: что же — говорит — мы за доносы, такие доносы должны быть в партии, ибо каждый коммунист должен быть чекистом. Товарищи, что такое чекист? Чекист это есть то орудие, которое направлено против врага. (*Голос с места*: «В интересах партии».) (...) Разве можно, товарищи, сравнивать то, что мы должны были быть чекистами в период гражданской войны, и настоящее время? (...) Это никуда не годится. Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет по-товарищески обмениваться мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию...

Так появилась формула «Каждый коммунист должен быть чекистом», которую активнее всего пропагандировали сами чекисты.

В 1976 году в Германии вышла книга историка-эмигранта Абдурахмана Авторханова «Загадка смерти Сталина: заговор Берия». Здесь упоминался «лозунг партии 1937 года»: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД», со ссылкой на «Правду» от 21 декабря.

Со времени «перестройки» этот лозунг стал цитироваться

в публицистике, а затем и в трудах профессиональных историков. Согласно петербургскому историку Евгению Анисимову, такие лозунги даже были вывешены в общественных местах («История России от Рюрика до Путина», 2010).

В действительности такой лозунг никогда не существовал. Авторханов своими словами изложил цитату из речи Анастаса Микояна 20 декабря 1937 года на торжественном заседании по случаю 20-летия ВЧК – ОГПУ – НКВД:

– У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!

Впрочем, что именно говорил Микоян, не вполне ясно. В «Правде» от 21 декабря давалось лишь краткое изложение его речи, включая приведенные выше слова. Полностью речь появилась в сборнике «20 лет ВЧК – ОГПУ – НКВД» (1938), но как раз этих слов здесь нет.

Как сообщается в новейшей биографии Микояна, эту речь он не писал, а только озвучил. Как и во многих других случаях, Анастас Иванович решил подстраховаться, и «по его просьбе доклад был подготовлен в стенах самого НКВД» (Михаил Павлов, «Анастас Микоян», 2010).

И это очень похоже на правду. Среди прочего, в «полной» версии доклада приведены примеры содействия населения чекистам, которыми поделился с Микояном Ежов:

«Один рабочий сообщил в НКВД об участниках троцкистской организации. В том числе он назвал и своего брата».

«Гражданка Дашкова-Орловская помогла разоблачить

шпионскую работу своего бывшего мужа Дашкова-Орловского».

«Пионер Щеглов Коля (...), увидев, что родной отец ворует социалистическую собственность, (...) сообщил об этом НКВД». (Речь шла о каких-то совхозных стройматериалах, можно не сомневаться, что Коля надолго лишился отца.)

Иначе говоря, чекистами стали не только коммунисты, но и все население, включая детей. Этого, кажется, не предполагал даже персонаж «Бесов» Шигалев, провозгласивший:

– Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом.

С конца 1990-х годов вошла в обиход фраза «Бывших чекистов не бывает». Так будто бы ответил Путин Сергею Степашину, который вскоре после своего назначения премьер-министром (май 1999 г.) сказал на коллегии ФСБ: «Я тоже чекист, хотя и бывший».

А 19 сентября того же года бывший директор ФСБ Николай Ковалев, выступая в программе НТВ «Итоги», заметил:

– Чекист не может быть бывшим, как сенбернар – порода – не может быть бывшей.

Герой пьесы Георгия Мдивани «Мой дядя Миша», поставленной в 1966 году, говорил:

– Я – (...) бывший чекист. Хотя чекистов бывших не бывает, Лена. Чекист всегда чекист, до последнего своего вздоха!

В 1974 году пьеса была экранизирована на телевидении

под названием «Моя судьба». Вполне вероятно, что тогда-то ее и запомнили наследники традиций ВЧК – ОГПУ – НКВД.

Каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает

Эта мысль принадлежит французскому мыслителю и пьемонтскому дипломату Жозефу де Местру. Обычно и у нас, и на Западе она толкуется примерно в следующем духе: «Если правительство плохо, аморально, неэффективно, то виноваты в этом сами граждане страны, которые позволяют такому правительству существовать, не могут его контролировать и т. д.». (Вадим Серов, «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений», 2003.)

Это один из классических примеров того, как позднейшее значение крылатого выражения радикально расходится с авторским.

Де Местр, идеолог крайнего консерватизма, отрицал любые сколько-нибудь серьезные реформы. Идеалом государственного устройства, утраченным раем была для него традиционная монархия, опирающаяся на католическую религию.

В 1803–1817 гг. он жил в Петербурге в качестве посланника Сардинского королевства. Знаменитое изречение встречается в его письмах трижды, и всякий раз оно служит доводом против каких-либо преобразований.

В июне 1810 года де Местр послал графу А. К. Разумов-

скому пять писем о государственном воспитании в России. В печати они появились в 1843 году. В первом из них мы читаем:

...На человека смотрели как на абстрактное существо, одинаковое во все времена и во всех странах, и для этого нереального существа составляли столь же нереальные проекты государственного устройства; между тем как опыт доказывает самым очевидным образом, что всякая нация имеет то правительство, которого она заслуживает, и что всякий проект государственного устройства – не более чем мрачная фантазия, коль скоро он не находится в совершенном согласии с характером нации.

В письме кавалеру И. А. де Росси из Петербурга от 27/15 августа 1811 года осуждался проект реформ, предложенный Михаилом Сперанским:

Меня весьма успокаивает мое правило: Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Я все более убеждаюсь, что для России не годится правительство, устроенное по нашему образцу, и что философические опыты Его Императорского Величества закончатся возвращением народа к первоначальному его состоянию – в сущности, это и не столь уж большое зло. Но ежели сия нация воспримет наши ложные новшества и будет противиться любому нарушению того, что захочет называть своими конституционными правами, если

явится какой-нибудь университетский Пугачев и станет во главе партии, если весь народ придет в движение и вместо азиатских экспедиций начнет революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения.

(Перевод Д. В. Соловьева)

В третий раз изречение появляется по поводу конституции, дарованной Царству Польскому Александром I в 1815 году. Прежде всего де Местр отмечает, что в ст. 31 неявно содержится глубоко ненавистный ему принцип суверенитета нации, а затем переходит к критике конституционного строя вообще:

Все эти конституции (...) суть не более чем тщетные попытки, поскольку основополагающая аксиома, столь же несомненная, как аксиомы математики, гласит: *каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает*; таким образом, все, что мы можем сделать для какого-либо народа прежде чем он усовершенствуется, ничего не значит, ничего не дает и не производит ничего, кроме зла.

(Дипломатическое донесение из Петербурга от 16/30 апреля 1816 г.)

Однако де Местр неоднократно противоречит себе, поскольку оказывается, что народ – в частности, русский, – заслуживает далеко не каждого своего правительства: «Петр, коего именуют великим, (...) на самом деле был убийцей своей нации. (...) Отняв собственные обычаи, нравы, харак-

тер и религию, он отдал ее под иго чужеземных шарлатанов и сделал игрушкой нескончаемых перемен». (Письмо сардинскому королю Виктору Эммануилу I, сентябрь 1811 г.; перевод Д. В. Соловьева.)

И это касается не только Петра: «Истинный враг России – это ее правительство и даже сам Император [Александр I], который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд». (Письмо графу де Фрону от 5/17 августа 1812 г.; перевод Д. В. Соловьева.)

Причина почти одинаковой оценки двух столь различных государей одна:

...Род человеческий в целостности своей пригоден для гражданских свобод лишь в той мере, насколько проникся он христианством.

Повсюду, где царствует другая религия, рабство вполне законно, а если христианство ослабевает, нация в точной сему пропорции делается менее пригодной для свободы. (...) Рабство существует в России потому, что оно необходимо, и потому, что Император не может без него царствовать. (...) ...Ни у какой монархии нет достаточной силы, дабы править несколькими миллионами без помощи религии или рабства или же и того и другого совместно.

(Памятная записка «О свободе» (декабрь 1811 г.), адресованная предположительно графу Н. П. Румянцеву; перевод Д. В. Соловьева)

Читая эти строки, следует помнить, что для де Местра единственная религия, способная служить опорой «правильной» монархии, – католицизм, тогда как православие – это «злополучная стена, окончательно отгородившая ее [Россию] от мира» (там же).

В справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) говорилось: «Возможно, что выражение это возникло у де Местра как парафраза мысли Монтескье («О духе законов»): “Каждый народ достоин своей участи”».

С тех пор эта цитата ходит у нас наравне с «аксиомой» де Местра – даже в научных трудах. А между тем в «Духе законов» (1748) нет ничего похожего на эту мысль. Все, что говорит Монтескье, – что «законы должны находиться в (...) тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены» (кн. I: «О законах вообще»).

Вскоре после обнародования писем де Местра его изречение стало цитироваться именно в смысле «Каждый народ достоин своей участи». В 1872 году Александр Дюма-сын писал:

...Калигула (...) произвел своего коня в консулы своих подданных, которые, впрочем, едва ли заслуживали большего, в соответствии с аксиомой, что народы всегда имеют правительство, какого заслуживают.

(Памфлет «Мужчина-женщина»)

Ту же мысль, и в том же контексте, высказал современник

де Местра Николай Карамзин:

В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего. (...)
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!

(«Тацит», 1797)

Последнее двустихие было, по-видимому, переложенной в стихи античной цитатой. У Плутарха Брут говорит о своих друзьях-римлянах:

Они сами больше, чем тираны, виновны в том, что
влачат рабскую долю, если терпеливо смотрят на то, о
чем и слышать-то непереносимо.
(«Брут», 28; перевод С. Маркиша)

Карамзиновский «Тацит» был необычайно популярен у декабристов. За два дня до выступления на Сенатской площади Иван Пущин писал: «Нас по справедливости называли бы подлецами, если б мы пропустили нынешний, единственный случай» (письмо к С. М. Семенову от 12 декабря 1825 г.).

Ход мысли де Местра был прямо противоположен: едва ли не единственным средством против злоупотреблений власти было для него усиление роли католической церкви.

В английской печати известна также другая форма изречения: «При демократии каждый народ заслуживает своего правительства (своих лидеров)». Нередко она приписывает-

ся Алексису Токвилю или Аврааму Линкольну.

В 1843 году, за восемь лет до публикации писем де Местра, вышла в свет книга английского историка Томаса Карлейля «Прошлое и настоящее». В главе «Капитаны индустрии» Карлейль писал:

В конечном счете каждое правительство есть точный символ своего народа с его мудростью и неразумием; мы могли бы сказать: каков народ, таково и правительство.

Смысл этого высказывания иной, чем смысл высказывания де Местра: правительство не может выполнить работу, которую должно выполнить гражданское общество, включая «капитанов индустрии».

Довольно скоро появились перелицовки «аксиомы де Местра». Немецкий писатель и публицист Карл Эмиль Франкос писал:

Каждая страна имеет таких евреев, каких заслуживает.

(«Ключ к новой истории евреев», *«Neue Freie Presse»*, 31 марта 1875 г.)

На I Международном конгрессе по уголовной антропологии в Риме (1885) французский криминолог Александр Лаксассань заявил:

Правосудие заклеивляет, тюрьма развращает, и общество имеет таких преступников, каких заслуживает.

Отсюда возникло изречение «Каждое общество имеет таких преступников, каких заслуживает».

17 апреля 1949 года Джордж Оруэлл сделал последнюю запись в своем дневнике:

В 50 каждый имеет лицо, какого заслуживает.

Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл

Обычно эти слова приписываются Наполеону I. Строго говоря, это неверно, хотя в этой легенде есть немалая доля истины.

В изгнании Наполеон говорил, что при нем «каждый солдат надеялся стать генералом» (запись Барри О'Мира от 8 ноября 1816 г.). В печати эти слова появились в книге О'Мира «Наполеон в изгнании» (1822).

В 1818 году были опубликованы «Размышления о Французской революции» Жермены де Сталь, умершей годом ранее. Здесь говорилось: «Простой солдат мог надеяться стать маршалом Франции».

И это была чистая правда. Из 28 наполеоновских маршалов не менее половины начали службу солдатами и не принадлежали к дворянскому сословию, а стало быть, при Старом режиме не могли рассчитывать даже на офицерское звание. Среди них были: ученик красильщика Жан Ланн, сын бондаря Мишель Ней, сын трактирщика Иоахим Мюрат, сын каменщика Пьер Франсуа Ожеро, сын кожевенника Лоран де Гувийон де Сен-Сир и т. д. Наполеон вознаградил их не только званием маршала, но и самыми высокими титулами, вплоть до герцогских, а Мюрат даже стал королем.

Однако слова о «маршальском жезле в ранце» произнес не Наполеон, а Людовик XVIII.

8 августа 1819 года король посетил военную школу Сен-Сир в сопровождении маршала Николя Удино, герцога Реджио. Удино, получивший звание маршала и герцогский титул от Наполеона, после Реставрации возглавил королевскую гвардию. Школа Сен-Сир (основанная тоже Наполеоном) располагалась в пяти километрах от Версаля, и король наблюдал за учениями воспитанников с балкона дворца Сен-Клу. Согласно книге Альфонса дю Бошама «Жизнь Людовика XVIII» (1825), король несколько раз аплодировал экзерцициям, а затем обратился к воспитанникам школы Сен-Сир со словами:

— Дети мои, я доволен как нельзя более; помните, что среди вас нет никого, кто не носил бы в своем ранце маршальский жезл герцога Реджио; извлечь его оттуда зависит от вас.

Казалось бы, Людовик лишь повторил в другой форме слова де Сталь о простых солдатах, которые метили в маршалы. Но сходство это лишь мнимое. Хотя среди выпускников школы Сен-Сир насчитывается 11 маршалов Франции, эта школа была элитарной; ее воспитанники отнюдь не были простыми солдатами.

Тем не менее уже в 1827 году в примечаниях к французскому переводу вальтер-скоттовской биографии Наполеона говорилось: «Во Франции, по удачному выражению Людовика XVIII, (...) каждый солдат носит в своем ранце маршаль-

ский жезл».

Во второй половине XIX века эта фраза была приписана Наполеону. На самом же деле она не имеет определенного автора: это «сводная цитата» из высказываний Наполеона, Жермены де Сталь и Людовика XVIII.

В России задолго до наполеоновских войн существовала пословица «Всякий солдат хочет быть генералом, а матрос адмиралом». Она приведена в «Собрании 4.291 древних российских пословиц» А. А. Барсова (1770).

А в опере-водевиле А. А. Шаховского «Ломоносов, или Рекрут-стихотворец» (1814) говорилось: «Худой тот солдат, которой не надеется быть фельдмаршалом» (на эту цитату указал мне В. Я. Лапенко).

В реальности в русской армии простые солдаты фельдмаршалами не становились, но в генералы по крайней мере один из них вышел. Это был дед знаменитого Михаила Дмитриевича Скобелева – Иван Никитич Скобелев (1778 или 1782–1849). Сын сержанта-одиндворца (т. е. не дворянин по происхождению), он начал военную службу солдатом и дослужился до звания генерала от инфантерии.

Чтобы пословица стала реальностью, требовались потрясения невиданного масштаба – такие, какие случились во Франции в 1789 году, а в России – в 1917-м.

Каждый человек имеет свою цену

Главный герой комедии Уайльда «Идеальный муж» (1895) – сэр Роберт Чилтерн, политик с большим будущим. Ему противостоит миссис Чивли, «женщина с прошлым». Путем шантажа она пытается склонить Чилтерна поступиться моральными принципами:

– Дорогой мой сэр Роберт, вы человек практичный, так что у вас, я полагаю, есть своя цена. В наши дни она есть у каждого. Трудность лишь в том, что многие стоят ужас как дорого. Например, я.

К тому времени изречение «Каждый человек имеет свою цену» имело за собой более чем полуторавековую историю. Традиционно оно приписывается Роберту Уолполу (1676–1745), наиболее известному британскому политику XVIII века. Уолпол считается первым премьер-министром в истории Великобритании, хотя в его время это наименование еще не было официальным. Он принадлежал к партии вигов (либералов) и в 1721–1745 гг. возглавлял правительство в должности канцлера казначейства, т. е. министра финансов.

В 1776 году вышла книга под названием «Ричардсонiana, или Попутные размышления о нравственной природе человека». Ее автором был умерший к тому времени художник-портретист Джонатан Ричардсон (1667–1745). Согласно Ричардсону, «один великий министр сказал о людях, с кото-

рыми ему приходилось иметь дело, что “здесь нет ни одного человека, каким бы патриотом он ни казался, о котором я бы не знал, какова его цена”». Мало кто сомневался, что «великим министром» здесь назван Уолпол.

В 1798 году историк Уильям Кокс (родившийся уже после смерти Уолпола) напечатал трехтомный труд «Записки о жизни и правительственной деятельности сэра Роберта Уолпола». Здесь говорилось:

Политическая аксиома: *все люди имеет свою цену*, которую обычно приписывали ему и которую так часто повторяли в стихах и прозе, была искажена путем опущения слова *эти*. Цветистое красноречие он презирал; он считал, что за декларациями мнимых патриотов кроются корыстные виды их самих или их близких, и говорил о них: *«Все эти люди имеют свою цену»*.

В 1818 году были посмертно опубликованы «Политические и литературные анекдоты» ученого и писателя-сатирика Уильяма Кинга, современника Уолпола. Кинг рассказывал, что однажды Уолпол, слушая дебаты в Палате лордов, заметил стоявшему рядом с ним Уильяму Левисону-Гауэру: «Видите, с каким пылом и страстью они оппонируют [правительству], а ведь я знаю цену каждому в этой Палате, кроме троих, и один из них – ваш брат». (Брат Уильяма Джон был видным политиком-консерватором.) Уолпол, замечает Кинг, прожил недостаточно долго, чтобы увидеть, что «лорд Гауэр

имел свою цену, как и все остальные».

Первый известный случай цитирования сентенции «Каждый человек имеет свою цену» относится к 1734 году. И слова эти были сказаны отнюдь не Уолполом – напротив, они адресовались ему. В течение всего правления Уолпола консерваторы не переставали обвинять его в продажности и мздоимстве. Эти обвинения едва ли были безосновательны: Уолпол, сын провинциального землевладельца, к концу жизни сколотил огромное состояние, а его художественная коллекция, купленная Екатериной II, положила начало собранию Эрмитажа.

13 марта 1734 года в парламенте выступил политик-тори Уильям Уиндем, в прошлом военный министр. Надеясь на продажность правительства вигов, он заметил:

– ...Есть старое изречение, что *каждый человек имеет свою цену*, если вы можете ее предложить; я надеюсь, что это не относится к каждому человеку, однако боюсь, что, вообще говоря, это правда.

О продажности английских политиков любили говорить деятели Великой французской революции. Камилл Демулен писал, что «Уолпол установил в парламенте ценник на [человеческие] совести» («Революции Франции и Брабанта», № 78, май 1791).

Однако с упрочением парламентского строя во Франции коррупция и здесь стала нормой политической жизни. Весной 1846 года либерал Леон де Мальвий на заседании Пала-

ты депутатов обвинил в продажности правительство Франсуа Гизо. Министр внутренних дел Дюшатель возразил: «Факты! приведите же факты!», а правительственное большинство депутатов начало ему аплодировать. Тогда де Мальвий, обернувшись к залу, воскликнул:

– Да разве нам не известен ценник на ваши совести, который недавно на вас нацепили?

Те же нравы царили в политической жизни Америки эпохи Марка Твена. В 1873 году Твен, выступая на обеде в Лондоне по случаю годовщины Декларации независимости США, заметил:

– Думаю, я вправе сказать – и я говорю это с гордостью, – что у нас имеются некоторые законодательные органы, которые продаются по самым высоким ценам в мире.

Почти двадцать лет спустя Твен записал:

Билл Стайлс ведет в конгрессе кулуарную кампанию за одного кандидата в сенаторы. Жалуется на низкий моральный уровень законодателей:

– Просто руки опускаются. Нет ни одного человека настолько высоконравственного, чтобы, однажды продавшись, оставаться продавшимся несмотря ни на что.

(«Записные книжки», 1890–1891)

А в конце XX века появился исторический анекдот:

Однажды Авраам Линкольн вышвырнул из своего кабинета человека, предложившего ему громадную

взятку. Его спросили, отчего это так его взволновало. Линкольн ответил:

– Каждый человек имеет свою цену, а этот прохвост слишком близко подобрался к моей.

Стоит заметить, что подкуп парламентариев в известном смысле был показателем значимости роли парламента и парламентской оппозиции. Там, где парламент ничего не решает или его решение известно заранее, незачем покупать голоса.

Казнить нельзя помиловать

В сказочной пьесе Маршака «Двенадцать месяцев» (1943) находим замечательный диалог:

КАНЦЛЕР. Только вашу высочайшую резолюцию на этом ходатайстве.

КОРОЛЕВА (*нетерпеливо*). Что же я должна написать?

КАНЦЛЕР. Одно из двух, ваше величество: либо «казнить», либо «помиловать».

КОРОЛЕВА (*про себя*). По-ми-ло-вать... Каз-нить... Лучше напишу «казнить» – это короче.

Надо думать, Маршак обыгрывал хорошо известную к тому времени фразу «казнить нельзя помиловать».

Фраза возникла как пример при изучении пунктуации. От правильной расстановки запятых в ней зависела жизнь двочечника – главного героя мультфильма «В стране невыученных уроков» (1969).

Когда же возникла эта формула? По историческим меркам – не так уж давно, где-то в конце XIX века. В октябре 1900 года в «Журнале Министерства юстиции» появилась заметка А. Л. Боровиковского о проекте нового гражданского уложения. Автор упрекал редакторов проекта «в странной скупости на запятые», а для иллюстрации приводил «якобы исторический анекдот»:

Приговор о смертной казни был подтвержден так: «помиловать нельзя казнить»; как читать: «помиловать нельзя, казнить» – или «помиловать, нельзя казнить»? – Прочли в первой редакции – и, быть может из-за запятой, человека повесили.

Стоит заметить, что Александр Боровиковский, сенатор и обер-прокурор гражданского кассационного департамента, в 1870-е годы прославился как защитник на крупных политических процессах. И писал он не только юридические трактаты, но и стихи.

В «Теории литературы» А. А. Русанова (1929) приведен анекдот «о какой-то “высокой” особе, которая на запрос, что делать с пойманными преступниками, ответила письмом без знаков препинания: “казнить нельзя помиловать”». В «Литературной энциклопедии» (т. 9, 1929) говорилось не о письме, а о «депеше». Ни должности, ни имени «высокой особы» ни один из авторов, включая Боровиковского, не сообщают, хотя по смыслу резолюции речь должна была идти о царе.

По странному совпадению (если это можно считать совпадением) почти одновременно исторический анекдот с очень похожей фразой появился в американской печати начала 1900-х годов. Его героиней была императрица Мария Федоровна, вдова Александра III. Согласно американским газетчикам, «вдовствующая императрица была очень любима в России. Вот одна из историй, по которой можно судить о ее характере. На столе у своего супруга она увидела документ,

касавшийся одного политического заключенного. На полях Александр III написал: “Помиловать нельзя; сослать в Сибирь” (“Pardon impossible; to be sent to Siberia”). Императрица взяла перо и переставила точку с запятой: “Помиловать; нельзя сослать в Сибирь” (“Pardon; impossible to be sent to Siberia”)».

Эта история получила особую популярность благодаря иллюстрированной рубрике курьезов Роберта Рипли «Хотите верьте, хотите нет», которую он вел в газете «Нью-Йорк глоуб» с 1918 года. Позже Рипли выпустил книгу под этим названием, и она выдержала множество переизданий.

В Испании похожая фраза приписывается императору Карлу V (XVI в.). Император будто бы наложил такую резолюцию на решении некоего судьи: «Простить невозможно исполнить его приговор» («Perdón imposible que cumpla su condena»). Однако эта версия появилась уже после истории о Марии Федоровне и, по всей видимости, вторична.

Но каким образом в русской и американской печати почти одновременно появился «пунктуационный анекдот» очень близкого содержания?

В качестве исторической параллели можно привести легендарный рассказ, связанный с польским восстанием 1863 года. Восстанию предшествовали грандиозные мирные манифестации, начавшиеся в Варшаве в 1861 году. В июне 1862 года в Петербурге была обнаружена подпольная прокламация о «подвиге капитана Александра». Здесь сооб-

щалось, что варшавский военный телеграфист Александров будто бы получил шифrogramму с приказом царя по поводу мирной демонстрации: «разгонять холодным оружием, а если нужно, то употреблять картечь». Однако наместнику Царства Польского генералу Лидерсу Александров передал содержание шифrogramмы иначе: «приказано действовать увещаниями». За это он был приговорен к расстрелу, замененному пожизненной каторгой.

Эта революционная легенда получила широкую огласку, в том числе в польской печати. Поляки предлагали даже воздвигнуть памятник герою-телеграфисту (который, по-видимому, никогда не существовал).

Как знать, быть может, анекдот о сердобольной императрице – отдаленный отголосок этой легенды. Хотите верьте, хотите нет.

Резолюция «Казнить нельзя помиловать» имела предшественниц на латыни, хотя и не столь лаконичных. В «Хронике» Альберика из Труа-Фонтен (умер ок. 1252 г.) рассказывалось о заговоре венгерской знати против королевы Гертруды, убитой в 1213 году, и приводился вымышленный ответ венгерского архиепископа заговорщикам, допускавший двойное прочтение:

1. «Reginam occidere, nolite timere, bonum est si omnes consentiunt, ego non contradico» («Королеву убить; не следует бояться, это хорошо; если все согласны, не возражаю и я»).
2. «Reginam occidere nolite, timere bonum est, si omnes

consentiunt, ego non, contradico» («Королеву убивать не следует, бояться это хорошо; [даже] если все согласны, я – нет; возражаю»).

А в 1327 году английская королева Изабелла будто бы написала тюремщику своего мужа Эдуарда II записку: «Edwardum occidere nolite timere bonum est», то есть: «Эдуарда убить, не смейте бояться, это хорошо», или: «Эдуарда убить не смейте бояться; это хорошо». Эта фраза приведена в «Хронике» Джеффри ле Бейкера, современника Изабеллы. Тюремщик понял записку верно, и Эдуард был убит.

В России XIX века важность пунктуации обычно иллюстрировалась примером из латинского трактата Квинтилиана «Воспитание оратора» (I в. н. э.). В пособии В. Я. Смирнова «Правила употребления знаков препинания» (1850) эта история излагается так:

Некто, умирая, сделал завещание, что наследники его обязаны поставить ему *статую золотую пику держащую* [курсив мой. – К.Д.]. Недоброжелатели наследников поставили запятую после слова золотую, и наследники, обязанные вылить всю статую из золота, лишились всего наследства. Поставьте запятую после слова статую, и наследники не потеряли бы наследства.

Однако у римлян (и в средневековых рукописях тоже) знаков пунктуации не было, так что устранять возможность двойного толкования приходилось иначе. Нынешняя система пунктуации появилась лишь вместе с книгопечатанием.

На рубеже 1980–1990-х в русский политический язык вошла фраза «Уйти нельзя остаться». Имелась в виду территориальная целостность СССР, а затем – и Российской Федерации. В 2006 году в Краснодаре даже прошла научно-практическая конференция «Россия и Кавказ: уйти нельзя, остаться» (здесь, как видим, запятая предусмотрительно поставлена).

Вскоре эта фраза стала применяться к руководителям государств – Саакашвили, Назарбаеву, Путину и т. д. В печати и Рунете нередки такие заголовки, как:

АСАД: УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ.

ИЗ КРЫМА УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ.

БРИТАНИЯ – ЕВРОСОЮЗ: «УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ».

Глядишь, и эта формула попадет в учебники как пример важности пунктуации.

Как для взрослых, только еще лучше

«Для детей нужно писать так же, как для взрослых, только еще лучше». Кандидатов на авторство этого изречения наберется немало.

В 1954 году советский кинокритик писал: «...Лев Толстой, когда его спросили, как надо писать для детей: “Так же, как для взрослых, только лучше”, – ответил он, имея в виду ясность и чистоту формы» (Ю. Винокуров, «По поводу детского художественного фильма», «Искусство кино», 1954, № 7).

Имя Толстого возникло, вероятно, в связи с его известной статьей «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862), где доказывалось, что дети лучше, чем взрослые, чувствуют правду, красоту и добро.

Однако чаще всего это высказывание приписывалось Горькому. В 1963 году Самуил Маршак в статье «Книга для детей...» указывал: «Детская литература не должна уступать лучшим образцам взрослой литературы. (...) Таково было напутствие Детгизу в день его рождения Алексеем Максимовичем Горьким». («Детгиз» был создан в 1933 году.)

Иногда фразу приписывали и самому Маршаку.

В 1969 году М. В. Янчевецкий, сын писателя Василия Яна, в предисловии к его «Повестям» вспоминал: «Если отца спрашивали, как же нужно писать для детей, он (...) обычно отвечал: “Для детей нужно писать так же, как для взрослых, но только – лучше”».

Итак, автор изречения неведом, зато можно вполне уверенно утверждать, что первоначально оно относилось не к литературе, а к театру, и связывалось с именем Станиславского.

В № 11 журнала «Театр» за 1938 год была опубликована статья И. Белецкого «Театр юного зрителя». Здесь как «завет Станиславского» (умершего за несколько месяцев до того) цитировались слова: «Играть для детей нужно так же, как для взрослых, но только лучше». Известно, что в репертуаре Художественного театра уже с 1908 года была знаменитая «Синяя птица», игравшаяся главным образом для детей, так что Станиславский – если эти слова действительно принадлежат ему – едва ли имел в виду исключительно детский театр.

Во второй, гораздо более поздней версии «завет Станиславского» адресован специально детским театрам:

– В театре для детей надо играть совершенно так же, как и в театре для взрослых, но еще чище и лучше.

Так будто бы сказал Станиславский Борису Зону, который в 1935 году возглавил Ленинградский Новый театр юного зрителя (согласно выступлению Зона на «Брянцевских чте-

ниях» 15 апреля 1964 года).

В свое время на 16-й (юмористической) полосе «Литгазеты» за подписью Еф. Борисов была напечатана фраза, которую с удовольствием повторял Эдуард Успенский, создатель Чебурашки и кота Матроскина: «Для взрослых надо писать так же, как для детей, только еще хуже».

В 1959 году «Бюллетень Американской библиотечной ассоциации» цитировал слова Клайва Льюиса, автора «Хроник Нарнии»:

«Книги, которые стоят того, чтобы читать их в десятилетнем возрасте, – это книги, которые в не меньшей (а то и в большей) степени стоят того, чтобы перечитывать их в пятидесяти лет и позже».

А вот автор другого (вероятно, американского) изречения на ту же тему неизвестен:

«Хорошая детская литература обращается ко взрослому, спрятанному в ребенке, и к ребенку, спрятанному во взрослом».

Как раб на галерах, или Почетное рабство

В ноябрьском номере журнала «Урал» за 2008 год была напечатана одноактная комедия Николая Коляды «Всеобъемлюще». Здесь имелся следующий диалог:

НИНА СЕРГЕЕВНА (*снова стучит ладошкой по столу*). Я, как раб на галерах, пахала тут почти пятьдесят лет, а они?!

ВЕРА ИВАНОВНА. Как кто, ты пахала?

НИНА СЕРГЕЕВНА. Как раб на галерах, я пахала! Как на галерах раб, я пахала!

ВЕРА ИВАНОВНА. Ой, Боже... Раб. Раб. Где-то я это слышала.

Читатели прекрасно помнили где.

14 февраля 2008 года на итоговой пресс-конференции в Кремле Владимир Путин сказал:

– Мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая на пост президента Российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах, с утра до ночи, и делал это с полной отдачей сил.

Месяц спустя в Тольятти состоялась инаугурация нового главы города Анатолия Пушкова. Главный федеральный инспектор по Самарской области не без намека подарил ново-

му градоначальнику два весла.

Выражение «работать (вкалывать), как раб на галерах» встречалось давно, но не слишком часто. В сочетании с неожиданным «пахать» оно сразу же стало интернет-мемом и вошло в речь.

Мало кто знает, что нечто подобное, хотя и не таким языком, говорили американские президенты. Вот ряд примеров по хронологии.

Джордж Вашингтон, 1-й президент США (1789–1797):

По его собственным словам, [став президентом] он чувствовал себя как преступник, идущий на место казни.

(У. Аллен, «Американский биографический и исторический словарь», 1809)

Томас Джефферсон, 3-й президент США (1801–1809):

Вторая должность в правительстве легка и почетна, но первая – это великолепная каторга (a splendid misery).

(Письмо к Элбриджу Герри от 13 мая 1797 г.)

Эндрю Джексон, 7-й президент США (1829–1837):

Поистине, мое положение – это почетное рабство (dignified slavery).

(Письмо к Роберту Честеру от 30 ноября 1829 г.)

Уильям Говард Тафт, 27-й президент США (1909–1913):

– Я рад, что ухажу. Это самое одинокое место в мире.

Так сказал Тафт новоизбранному президенту США Вудро Вильсону в день его вступления в должность, 4 марта 1913 года. С тех пор должность президента США именуют «самой одинокой профессией в мире».

Уоррен Гардинг, 29-й президент США (1921–1923):

– Белый дом – это тюрьма. Я не могу скрыться от людей, преследующих меня по пятам. Я за решеткой.
(Слова, сказанные Гардингом за два месяца до своей скоропостижной смерти, в июне 1923 года, канзасскому журналисту Уильяму Аллену Уайту)

Гарри Трумэн, 33-й президент США (1945–1953):

В этой большой белой тюрьме чертовски трудно жить одному. Хотя я работаю с раннего утра до поздней ночи, это жуткое место.
(Дневник, запись 6 января 1947 г.)

Билл Клинтон, 42-й президент США (1991–2001), о Белом доме:

– Не знаю – то ли это самое лучшее государственное жилье в Америке, то ли жемчужина в короне пенитенциарной системы. Это жизнь в крайней изоляции.
(Телеинтервью для новостного канала NBC 7 ноября 1993 г.)

Мало кто знает даже в Америке, что выражение Эндрю

Джексона «почетное рабство» взято из античных источников. Однако тогда оно имело существенно иной смысл.

Клавдий Элиан, писавший в начале II века, приводит легендарные слова царя Македонии Антигона I (?—301 до н. э.).

Заметив, что его сын самовластен и дерзок в обращении с подданными, он сказал: «Разве ты не знаешь, мальчик, что наша с тобой власть – почетное рабство?»

(«Пестрые рассказы», II, 20; перевод С. В. Поляковой)

В трактате Сенеки «Утешение к Полибию», написанном в изгнании и косвенно адресованному императору Клавдию, читаем:

Высокое положение – это большое рабство.

Цезарю, которому все позволено, по тем же причинам многое не позволено. Ведь сон всех людей охраняет его бдительность, для досуга всех – его работа, для ублаговторения всех – его деятельность, для приволья всех – его занятость.

(«Утешение к Полибию», гл. 6 и 7; перевод Н. Керасиди)

12 лет спустя Сенека написал трактат «О милосердии» – своего рода наставление молодому Нерону. Здесь говорилось:

Это рабство – невозможность опуститься ниже – присуще самому высокому положению; но это

бремя, которое ты разделяешь с богами. (...) Ты не можешь говорить без того, чтобы все народы не слышали повсюду твой голос; ты не можешь гневаться, не заставляя трепетать все вокруг, поэтому ты не можешь ударить никого так, чтобы все остальные не содрогнулись.

(«О милосердии», I, 8)

Карлики на плечах гигантов

История этой метафоры начинается в XII веке. В трактате Иоанна Солсберийского «Металогика» (1159), III, 4, читаем:

Бернард Шартрский говорил, что мы подобны карликам, сидящим на плечах гигантов, чтобы видеть больше и дальше, чем они, – не потому, что у нас острее зрение или выше рост, но потому, что их гигантские фигуры поднимают нас ввысь.

Бернард Шартрский (? – ок. 1130), французский философ и богослов, был основателем Шартрской философской школы. Видное место отводилось в ней Платону и Аристотелю, разумеется, истолкованными в духе христианского мировоззрения.

Уже в XIX веке было обнаружено близкое по смыслу, но более раннее высказывание Вильгельма из Конша – ученика Бернарда Шартрского и учителя Иоанна Солсберийского. Латинский грамматик Присциан, работавший на рубеже V–VI вв., писал, что авторы грамматических сочинений «чем моложе [т. е. чем позднее они родились], тем прозорливее». Вильгельм из Конша так прокомментировал эти слова:

Хорошо сказано, что современные авторы прозорливее, но не мудрее древних. (...) Ныне мы располагаем всеми их сочинениями, а сверх того всем, что было написано от начала времен до наших дней. И

потому мы видим больше, чем они, но знаем не больше.
(Комментарии к «Грамматическим наставлениям»
Присциана, написанные до 1123 г.)

На одном из витражей Шартрского собора изображены четыре евангелиста на плечах четырех великих пророков (Исайя, Иеремия, Иезикииль и Даниил). Витраж был создан между 1224 и 1250 годами, т. е. либо в последние годы жизни Бернарда Шартрского, либо вскоре после его смерти. Фигуры пророков по размеру больше, чем фигуры евангелистов, причем взгляд евангелистов устремлен на изображение Христа. Это можно понимать так, что евангелисты, хотя сами они меньше пророков, «видят больше», ибо они видят Мессию, о котором говорили пророки.

Изобразительная метафора того же рода встречается в манускрипте 1410 года: коротышка Кедалион сидит на плечах гиганта Ориона. Это иллюстрация сюжета из греческой мифологии: бог Гефест дал Кедалиона в поводыри ослепленному Ориону.

Метафорой Бернарда Шартрского воспользовался знаменитый еврейский ученый-талмудист Исайя бен Мали ди Трани, живший в Италии примерно в 1180–1250 гг.:

«Кто видит дальше – карлик или великан? Конечно, великан, ведь его глаза расположены выше, чем у карлика. Но если карлик находится на плечах великана, кто видит дальше?» (...)

Так что мы – такие же карлики, усевшиеся на плечи

великанов. Мы постигаем их мудрость и идем дальше. Мы становимся мудрыми благодаря их мудрости и можем сказать все то, что мы говорим, но не потому, что мы более велики, чем они.

(Трактат «Ответы», ответ 62)

Испанский гуманист Хуан Луис Вивес в трактате «Об учениях» (1531) отказывался считать новейших мыслителей карликами:

Неверно и глупо кем-то придуманное сравнение, которому многие приписывают великую тонкость и глубину: «По отношению к древним мы – карлики, взобравшиеся на плечи великанов». Это не так. И мы не карлики, и они не великаны, а все мы люди одного роста, и благодаря их наследству мы можем подняться даже чуточку выше, лишь бы сохранить их деятельную страсть, горение духа, доблесть и любовь к истине.

(Цит. по книге В. Шестакова «Эстетика Ренессанса», 1981, т. 1)

Полвека спустя Мишель Монтень замечает:

Мнения наши перерастают одно в другое: первое служит стеблем для второго, второе для третьего. Так мы и поднимаемся со ступеньки на ступеньку. И получается, что тому, кто залез выше всех, часто выпадает больше чести, чем он заслужил, ибо, взобравшись на плечи предыдущего, он лишь чуточку возвышается над ним.

(«Опыты», кн. III (1588), 13; перевод Н. Рыковой)

Однако наиболее известно высказывание Исаака Ньютона в письме к Роберту Гуку от 5 февраля 1675 года:

То, что сделал Декарт, было хорошим шагом. Вы добавили много [новых] решений, особенно там, где речь идет о философском рассмотрении цветов тонких пленок [т. е. явления интерференции света. – К.Д.]. Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов.

Николай Михайловский, виднейший теоретик русского народничества, считал, что Россия может и должна обойтись без капиталистической фазы развития. Это позволит ей опередить Европу, сидя на ее плечах:

Положение России представляет пока действительно громадные выгоды: но, между прочим, потому, что мы позже других вышли на работу цивилизации и, как карлик на плечах великана, можем следить за причинами и результатами настоящего положения старой, многострадальной Европы, черпая из нее для себя уроки.

(«Литературные и журнальные заметки. Май 1872»)

Эрнст Джонс в книге «Жизнь и труды Зигмунда Фрейда» (т. 2, 1955) рассказывает такой эпизод: австрийский психиатр Вильгельм Штекель считал, что превзошел своего учителя Фрейда в толковании символов; дескать, «карлик на плечах великана видит дальше, чем сам гигант». Услышав об этом, Фрейд мрачно заметил:

– Может, и так, но этого не скажешь о вши на голове астронома.

Квасной патриотизм

«Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержалось», – писал князь Петр Андреевич Вяземский в «Старых записных книжках».

В ход его пустил сам Вяземский. В 1827 году в № 11 «Московского телеграфа» за подписью «Г. Р. – К.» была помещена его рецензия на книгу Франсуа Ансело «Шесть месяцев в России» (Париж, 1826). В заключении этой, весьма подробной рецензии Вяземский писал:

Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называл это *лакейским патриотизмом*, *du patriotisme d'antichambre*. У нас его можно бы назвать *квасным патриотизмом*. Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в жертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве: в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, которого бы он народа ни был, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна. Равнодушный всем доволен, но что от него пользы? Бесстрастный в чувстве, он бесстрастен и в действии.

Пять лет спустя известный журналист и писатель Николай

Полевой заявил: «...*Квасного патриотизма* я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю (...)» (предисловие к роману «Клятва при Гробе Господнем», 1832). С тех пор выражение «квасной патриотизм» нередко приписывалось Полевому.

В 1840-е годы Белинский в полемике со славянофилами ввел выражение «квасные патриоты», впервые – в серии статей «Россия до Петра Великого» (статья 2-я, 1841). В 1846 году он писал:

«...У нас так много *квасных патриотов*, которые всеми силами *натягиваются* ненавидеть все европейское – даже просвещение, и любить все русское – даже сивуху и рукопашную дуэль» («Мысли и заметки о русской литературе»).

Словно бы продолжая мысль Белинского, Вяземский замечает:

«В этом [квасном] патриотизме нет большой беды. Но есть и *сивушный патриотизм*; этот пагубен: упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная» («Старая записная книжка»).

Близкое по смыслу выражение «казенный патриотизм» принадлежит Герцену. Обращаясь к славянофилам, он говорил: «...Ваш независимый патриотизм (...) близко подошел к казенному» («“Колокол” и “День”», статья в «Колоколе» от 10 июля 1863 г.).

Стоит сказать еще о французском предшественнике

«квасного патриотизма», поскольку этот сюжет не исследован толком ни у нас, ни во Франции.

Значение французского «le patriotisme d'antichambre» – где-то между «квасным патриотизмом» (когда речь идет о целых народах) и «местечковым патриотизмом» (когда речь идет об отдельных провинциях и городах). Вяземский, по всей вероятности, взял это выражение у Стендаля, который трижды приводил его со ссылкой на выдающегося экономиста и государственного деятеля Жака Тюрго (1727–1781). В трактате Стендаля «О любви» (1822) читаем:

«...варварский плод, нечто вроде Калибана, чудовище, исполненное бешенства и глупости: *патриотизм передней*, как выражался г-н Тюрго по поводу “Осады Кале” (...). Я видел, как это чудовище заставляло тупеть самых умных людей». «Одной из форм этого патриотизма является неумолимая ненависть ко всему иностранному» (перевод М. Левберг и П. Губера).

Раннее печатное упоминание о «патриотизме передней» мы находим в сочинении Жана Антуана Кондорсе «Жизнь Вольтера» (1789). Здесь патриотизм вольтеровских трагедий противопоставляется «*патриотизму передней*, который ныне столь преуспел на французской сцене».

В 1812 году был опубликован 1-й том «Литературной корреспонденции» Мельхиора Гримма – рукописного журнала XVIII века, который рассылался европейским государям. В составлении «Корреспонденции», кроме Гримма, видную

роль играл Дени Дидро, причем можно полагать, что статьи о театре писал именно он. В номерах «Корреспонденции» за 1770–1771 гг. неоднократно говорилось о «патриотизме передней», всякий раз со ссылкой на Тюрго.

В январе 1770 года на сцене «Комеди Франсез» состоялась премьера одноактной комедии Никола Шамфора «Купец из Смирны». В «Литературной корреспонденции» за этот месяц отмечалось, что в комедии больше всего раздражают «плоские и преувеличенные похвалы французскому народу, которые встречаются здесь на каждом шагу, – похвалы, на которые не скупятся наши второразрядные авторы в доказательство своего патриотизма. Г-н Тюрго, интендант Лиможа, называет это *патриотизмом передней*. Ничто не способно более унижить великую нацию и способствовать ее разложению, чем это нескончаемое обилие пошлых похвал (...)».

В мартовском номере «Корреспонденции» за тот же год сообщалось о выходе в свет сборника из двух трагедий Пьера Лорана де Беллуа: «Гастон и Баярд» (напечатанной впервые) и «Осада Кале» (1765). О предисловии к первой из этих трагедий автор «Корреспонденции» высказался в самых нелестных выражениях и, между прочим, заметил: «Именно о «Предисловии к “Гастону и Баярду”» г-н Тюрго, интендант Лиможа, сказал, что оно отдает *патриотизмом передней*». (Хотя, как мы видели выше, это выражение встречалось в «Корреспонденции» двумя месяцами раньше.)

Наконец, в майском номере за 1771 год появился отзыв на постановку «Гастона и Баярда» в «Комеди Франсез». Патриотический пафос трагедии автор «Корреспонденции» расценил как «*патриотизм передней*, как его называет Тюрго, столь же вульгарный, сколь и ребяческий».

Стендаль (который, несомненно, был знаком с первым томом «Корреспонденции») относил высказывание Тюрго не к «Гастону и Баярду», а к «Осаде Кале» – вероятно, потому, что эта трагедия гораздо дольше держалась в репертуаре. Во втором издании путевых очерков «Рим, Неаполь и Флоренция» (1826) Стендаль писал:

«Мудрец Тюрго, который любил свою страну и в лести ей видел лишь промысел мошенников и глупцов, назвал *патриотизмом передней* энтузиазм дураков, восхищавшихся пошлыми комплиментами господина де Беллуа.

Бонапарт подражал Беллуа и, пожелав поработить французов, наградил их именем “великого народа”; (...) он находил недостойным, чтобы пишущие историю признавали изъяны или ошибки своей страны».

В трактате «О любви» Стендаль говорит о «патриотизме передней» как о свойстве итальянского национального характера, тогда как французы XIX века, вообще говоря, от этого недостатка освободились.

Проспер Мериме так не думал. В «Письме из Мадрида» от 25 октября 1830 г., опубликованном в журнале «Revue de Paris», он писал: «...патриотизм передней столь же силен в

Испании, как и во Франции».

«Патриотизм передней» не стал идиомой французского языка и ныне упоминается почти исключительно в связи со Стендалем. Меткому выражению Вяземского повезло куда больше.

Клиент всегда прав

27 апреля 1905 года в журнале «Фермерское хозяйство» (Де-Мойн, штат Айова) была опубликована статья «Краткая история посылочной торговли». Здесь излагались принципы, которыми руководствуется этот вид бизнеса:

Прежде всего: «Забиться о клиенте – служи клиенту». (...) Каждого из тысяч из сотрудников учат добиваться того, чтобы клиент остался доволен, независимо от того, прав клиент или нет. На первом месте всегда клиент.

3 сентября того же года бостонская «Санди геральд» поместила статью «Скромный миллионер». Речь шла о Маршалле Филде (1834–1906), владельце сети магазинов в Чикаго. Здесь говорилось: «Мистер Филд придерживается теории, что “клиент всегда прав”».

В 1911 году Г. Н. Кассон в книге «Реклама и продажи» писал: «Одно из величайших открытий, сделанных Маршаллом Филдом, самым талантливым торговцем в Соединенных Штатах, было: “Клиент всегда прав”».

Годом раньше увидела свет юмореска «Следуя заповеди Маршалла Филда “Клиент всегда прав”»:

Два молодых сотрудника большого универмага беседуют за обедом:

– Ну, сколько раз ты потерял работу сегодня?

– Сегодня был легкий день. Меня уволили только шесть раз.

Их третий приятель слушает эту удивительную беседу с выражением изумления на лице.

– Тут, видишь ли, вот какое дело, – поясняет первый. – Том служит в должности парня, которого увольняют. Не проходит и часа, чтобы какой-нибудь раздраженный клиент не потребовал вызвать сотрудника, который отвечает за допущенную ошибку. Тут-то и появляется Том. Ему говорят, что ошибка – его упущение, и что в его услугах более не нуждаются. Том с убитым видом уходит и ждет следующего вызова.

(Из рекламной газеты «Printers' Ink» (Нью-Йорк) от 16 марта 1910 г.)

Позднее этот слоган нередко приписывали Гордону Селфриджу (1857–1947), который с 1879 по 1901 год работал в компании Филда, а затем основал собственную сеть магазинов в США и Англии.

Не позднее 1908 года в Англии появился девиз гостиниц «Ритц», принадлежавших швейцарцу Сезару Ритцу (1850–1918): «Клиент никогда не бывает неправ» – «Le client n'a jamais tort» (*франц.*). Считалось, что если клиент ресторанов Ритца жаловался на принесенное ему блюдо или вино, эти блюда и вина немедленно, без всяких вопросов, заменялись другими.

Любопытно, что немецкий вариант американского слогана поначалу также связывался с посылочной торговлей: «В

посылочной торговле еще больше, чем в других областях предпринимательства, действует принцип: клиент – это король [der Kunde ist König]», – указывалось в еженедельнике «Der Papier-Fabrikant» (1927, № 48).

В Японии клиент стоит еще выше: «Клиент – это бог».

Аксиома о безусловной правоте клиента звучала странно для советского уха. В 1962 году журналист, вернувшийся из поездки в Варшаву, сообщал читателям, что здесь «большой популярностью пользуются разнообразные кампании и “недели”, проходящие под лозунгом “Береги чужие нервы”, “Будь вежлива”, “Клиент всегда прав” и т. д. Это для нас непривычно...» (В. Ушаков, «Здравствуй, сирена!» в журн. «Простор». 1962, № 5).

И лишь с появлением рыночной экономики формула «Клиент всегда прав» стала у нас столь же обычной, как и во всем остальном мире.

То, что клиент всегда прав, не значит, что он всегда знает, что ему нужно. В «Бюллетене» Национальной ассоциации розничной галантерейной торговли (США) за март 1928 года говорилось:

«Когда клиенты приходят в наши магазины, они не знают, чего хотят; они узнают это к тому времени, когда уходят».

Того же мнения был Стив Джобс. В сентябре 1982 года один из сотрудников фирмы «Макинтош» спросил своего шефа, собирается ли он исследовать предпочтения потребителей.

– Нет, – ответил Джобс, – потому что потребитель не знает, чего он хочет, пока мы ему это не покажем.

(Согласно книге Уолтера Айзексона «Стив Джобс», 2011.)

В Германии также было предложено уточнение: «Клиент – это король, но не диктатор».

По канве слогана «Клиент всегда прав» американцы создали несколько новых, в том числе:

Психиатрия – единственный бизнес, в котором клиент всегда не прав.

Я стал полицейским, потому что с детства мечтал о профессии, в которой клиент всегда не прав.

Когда я слышу слово «культура»...

В сентябре 1933 года писатель Ганс Йост написал письмо Генриху Гиммлеру, своему давнему другу. Он советовал шефу СС отправить Томаса Манна «освежиться» в концлагерь Дахау. Гиммлер поблагодарил за совет и не стал разъяснять, что Манн уже за кордоном, в Швейцарии.

В юности Йост мечтал стать миссионером. В 1914-м пошел добровольцем на фронт, но вскоре был комиссован. В 20-е годы он уже считался одним из виднейших драматургов нового поколения, а в 1932 году вступил в нацистскую партию, получив партбилет № 1352376.

20 апреля 1933 года, в день рождения фюрера и в его присутствии, в Берлине была впервые сыграна драма Йоста «Шлагетер». Фюреру драма понравилась; понравилось и посвящение автора: «Адольфу Гитлеру с любовью, уважением и неизменной верностью».

«Шлагетер» оказался самой доходной нацистской пьесой. За год ее поставили 110 театров, показали более чем в тысяче городов; она 16 раз транслировалась по радио, была включена в школьную программу и принесла Йосту почти 50 тыс. марок.

О герое пьесы уже мало кто помнит. Альберт Лео Шлагетер, 28-летний офицер, член одной из нацистских организаций, в мае 1923 года был расстрелян французскими оккупационными войсками.

ционными властями в Руре за диверсию на железной дороге. У Йоста он стал «последним солдатом мировой войны и первым солдатом Третьего рейха».

В I действии пьесы студент Шлагетер ведет долгие споры со своим военным товарищем Фридрихом Тиманном. Шлагетер мечтает о карьере интеллектуала; Тиманн возбужденно толкует о «крови», «расе», «самопожертвовании» и в конце концов заявляет:

– Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель своего револьвера.

Хотя изрекает это не главный герой, именно эти слова застревают в памяти зрителя. Их стали приписывать вождям – Гиммлеру, Геббельсу, Гейдриху, Гитлеру, но чаще всего Герингу.

Могли ли вожди говорить такое прилюдно? Можно определенно ответить: нет. Как заметил И. Голомшток, автор книги «Тоталитарное искусство», нигде сфера культуры не ценится так высоко, как в стране победившего тоталитаризма. Мартин Борман называл культуру «самым важным и значительным инструментом партии», а на стенах Дома немецкого искусства в Мюнхене были начертаны изречения фюрера:

Искусство есть единственный бессмертный
результат человеческого труда.

Ни один народ не живет дольше, чем памятники его

культуры.

Культура, понятно, должна быть «здоровой», «народной», «мобилизующей», короче, правильной. Как указывал вождь (я о Гитлере), «художник творит не для художника: он творит для народа». А уж вождь решал, какая именно культура народу нужна. Слово «культура» ему не мешало.

Тем временем Йост стал главным по части литературы и театра. Здесь он провел чистку «чужеродных элементов» и первым удостоился партийной премии в области литературы и искусства. В годы войны он был произведен в группенфюреры и прикомандирован к штабу Гиммлера в качестве летописца и барда СС. Группенфюрер Ханс Йост глубоко проникся идеей колонизации «Восточных земель», посещал концлагеря и слушал речь Гиммлера перед верхушкой СС об «окончательном решении еврейского вопроса».

После войны его привлекли к суду и приговорили к 3,5 годам.

Лучшим ответом на его фразу стало высказывание английского математика Эрвинга Джона Гуда:

Когда я слышу слово «пистолет», я хватаюсь за свою культуру.

(«*Размышления ученого*», 1962)

Кого Бог хочет погубить...

В начале III тома «Войны и мира» описывается отчаянная переправа польских улан через Неман без брода.

Человек сорок улан потонуло в реке, несмотря на высланные на помощь лодки. Большинство прибилося назад к этому берегу. Полковник и несколько человек переплыли реку и с трудом вылезли на тот берег. Но как только они вылезли в обшлепнувшемся на них, стекающем ручьями мокром платье, они закричали: «Виват!», восторженно глядя на то место, где стоял Наполеон, но где его уже не было, и в ту минуту считали себя счастливыми.

Вечеру Наполеон между двумя распоряжениями – одно о том, чтобы как можно скорее доставить заготовленные фальшивые русские ассигнации для ввоза в Россию, и другое о том, чтобы расстрелять саксонца, в перехваченном письме которого найдены сведения о распоряжениях по французской армии, – сделал третье распоряжение – о причислении бросившегося без нужды в реку польского полковника к когорте чести (*Legion d'honneur*), которой Наполеон был главою.

Quos vult perdere – dementat. [Кого хочет погубить – лишит разума (*лат.*).]

Эти слова относятся отчасти к уланам, но прежде всего –

к самому Наполеону.

В полном виде изречение выглядит так: «Quem Deus vult perdere, dementat prius» – «Кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума».

В этой форме изречение появилось в Англии XVIII века. В неанглоязычных странах слово «deus» нередко пишется со строчной буквы, т. е. имеется в виду Юпитер. Не случайно вторая, более ранняя форма этого изречения – «Кого Юпитер хочет погубить...» («Quem Jupiter vult perdere...»).

Эта сентенция появилась лишь в XVII веке, в «Гомеровской гномологии» (1660) английского филолога Джеймса Дюпорта. Однако сама мысль принадлежит древним грекам.

В схолиях (комментарии) к трагедии Софокла «Антигона» приведен стих неизвестного трагика: «Когда демон готовит человеку дурное, он прежде всего расстраивает его разум».

Очень похожее двустипшие цитировалось в речи Ликурга-афинянина «Против Леократа» (ок. 330 до н. э.):

И если гнев богов сразит кого, тогда
У честного отнимет разум он.

(Перевод К. Колобовой)

Древнеримскую версию этой сентенции мы находим в сборнике стихотворных изречений «Сентенции Публилия Сира» (I в. н. э.):

Чтоб погубить – судьба лишает разума
(Перевод М. Гаспарова)

В XIX веке в Германии появилось новое изречение: «Quem dii oderunt, paedagogum fecerunt» – «Кого боги возненавидят, того они делают учителем».

Надо думать, его автор учил гимназистов латыни и греческому. Он вполне мог быть знаком с мнением Зенона Китийского, основателя школы стоиков: «Школьные учителя выживают из ума оттого, что вечно возятся с мальчиками» (согласно «Жизнеописаниям знаменитых философов» Диогена Лаэртского; перевод М. Гаспарова).

В 1868 году в Лейпциге был опубликован «Лексикон Нового Завета» Л. В. Гримма и К. Г. Вильке. В предисловии к «Лексикону» авторы замечают:

«Quem dii oderunt, lexicographum fecerunt» – «Кого боги возненавидят, того они делают лексикографом».

В 1938 году вышла в свет автобиографическая книга британского критика Сирила Конноли «Враги молодого таланта». Здесь говорилось: «Кого боги хотят погубить, того они объявляют подающим надежды».

А в 1967 году, в разгар начатой Мао Цзэдуном «культурной революции», английский журналист Бернард Левин сказал: «Кого безумцы хотят погубить, тех они объявляют богами».

Конец света близок: каждый хочет написать книгу

«Нашли какие-то записи страшно старинные, в которых какой-то дядька выплеснул вопль души о том, что современная молодежь сплошь раздолбай, никто не интересуется государственными делами, старших ни во что не ставят и каждый хочет написать книгу». Такой пост появился на одном из интернет-форумов в 2008 году.

Этот «воплъ души» у нас цитируют с 1990-х годов, и один из цитирующих заметил: «“Каждый хочет написать книгу” – господи, как они догадались про ЖЖ!»

Сетевая версия «страшно старинной записи» выглядит так:

В последние годы наша земля вырождается; видны знаки того, что мир быстро идет к своему концу; мздоимство и развращенность властей стали обычными; дети перестали слушаться родителей; каждый хочет написать книгу.

Откуда взялась эта запись?

В 1908 году в нескольких американских журналах появилась заметка о глиняной табличке, хранящейся в «Имперском музее» Константинополя (т. е. Стамбула). В табличке, созданной будто бы за 5 тыс. лет до н. э. и подписанной за-

гадочным именем «Нарам Син», говорилось:

Настали плохие времена, мир стареет и портится.
Политики страшно продажны. Дети больше не уважают
родителей. Каждый хочет выделиться и написать книгу.

В 1913 году Д. Т. У. Патрик, профессор философии Университета штата Айова, опубликовал в одном из журналов статью под заглавием «Новый оптимизм». Здесь он утверждал, что видел табличку собственными глазами – в Стамбуле, в 1911 году. Патрик уточнил сведения об авторе надписи: «царь Халдеи Нарам Син», датировал табличку 3800 годом до н. э. и убрал фрагмент о том, что каждый хочет написать книгу. Надпись он снабдил комментарием, в котором жалобы на современную молодежь объяснял тем, что старикам всегда кажется, будто раньше все было лучше; на самом же деле все ровно наоборот.

В начале 1920-х годов табличку стали датировать в американской печати уже 2800 годом до н. э., а ее текст получил тот вид, в котором она приведена в начале этой заметки.

Из школьных учебников нетрудно узнать, что даже в 2800 г. до н. э. Ассирии не было и в помине – она появилась лишь через тысячу лет. Правда, уже существовала шумерская клинопись, но книг древние шумеры не писали, а ранние глиняные таблички служили целям хозяйственной отчетности.

Поэтому стали ссылаться на другие источники, особенно часто – на «Папирус Присса». Такой папирус действительно

существует. Он датируется началом II тысячелетия до н. э. и даже содержит древнейшие египетские поучения. Но про близкий конец света и ужасную нынешнюю молодежь там нет ни словечка.

Ссылка на египтян, вероятно, появилась под влиянием американского фантаста Гая Эндора. В предисловии к его роману «Парижский оборотень» (1933) как раз приводилась цитата из «древнего египетского папируса»:

Молодые больше не слушаются старших. Они попирают законы, которым следовали их отцы. Они думают только о своих удовольствиях и не уважают религию. Одежда их непристойна, а разговоры дерзки.

В книге ирландского иезуита Обри Гвинна «Римское образование от Цицерона до Квинтилиана» (1926) цитировалось вымышленное высказывание Сенеки Старшего (ок. 54 до н. э. – ок. 39 н. э.):

Наши молодые люди вырастают бездельниками. Нет ни одного почтенного занятия, ради которого они стали бы трудиться день и ночь. Они поют и танцуют и вырастают женоподобными, и завивают волосы, и учатся женским уловкам речи; они такие же томные, как женщины, и покрывают себя неподобающими украшениями. Лишенные силы и энергии, они ничего не прибавляют к дарам, с которыми родились, – и тогда они сетуют на свою участь.

Еще одна жалоба на молодежь приписывается Сократу

(V в. до н. э.):

Нынешние дети любят роскошь; они дурно воспитаны, не уважают начальство, непочтительны к старшим и предпочитают занятиям болтовню. Дети теперь тираны, а не слуги в доме. Они уже не встают, когда входят старшие. Они перечат родителям, сплетничают со сверстниками, обжираются лакомствами за обедом, сидят, закинув ногу за ногу, и измываются над своими учителями.

Весной 1966 года, во время волнений, устроенных молодыми голландскими анархистами, эту фразу привел бургомистр Амстердама Гейсберт ван Халл, а за ним – видный американский издатель Малколм Форбс. Однако сотрудники Форбса, как ни старались, источника цитаты не отыскивали, а когда обратились к ван Халлу, тот сказал, что прочел цитату в какой-то голландской книжке, название которой забыл.

Американцы тревожили ван Халла напрасно. Насколько я могу судить, и эта фраза появилась в Америке – в бостонском журнале «Что делается в колледжах» за март 1929 года. Сократ ничего подобного говорить не мог: его самого афиняне приговорили к смерти за то, что он «не чтит богов, которых чтит город, вводит новые божества и развращает юношество». А в комедии Аристофана «Облака» Сократ подстрекает молодежь не слушаться родителей и помыкать ими.

В канадских журналах 1930-х годов подобного рода жалобы на молодежь приводились со ссылкой на Петра Отшель-

ника (XII в.) и английского хрониста Матвея Парижского (XIII в.).

Из прочих «древних сетований» приведу лишь одно:

Я не вижу никакой надежды на будущее нашей страны, если она окажется в руках сегодняшней молодежи, легкомысленной и беззаботной сверх всякой меры. Когда я был молод, нас учили благоразумию и почтению к старшим, а нынешняя молодежь чересчур умна и не терпит каких бы то ни было стеснений.

Цитата приводится со ссылкой на Гесиода – древнейшего (наряду с Гомером) греческого поэта. Едва ли не первым пустил ее в ход американский политик Чарлз Фелпс Тафт II на совещании по проблемам преступности среди несовершеннолетних в Лансинге (Мичиган) 13 сентября 1943 года.

И – удивительное дело! – в поэме Гесиода «Труды и дни» действительно сказано нечто подобное. Однако Гесиод не столько описывал настоящее, сколько пророчествовал о будущем:

Старых родителей скоро совсем почитать
перестанут;

Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
Больше никто доставлять пропитанья родителям
старым.

Правду заменит кулак.
(Перевод В. Вересаева)

Все же о современной им молодежи древние были лучшего мнения, чем мы.

Конфликт хорошего с лучшим

Вначале было изречение «Лучшее – враг хорошего» (*франц.* «Le mieux est l'ennemi du bien»), обычно приписываемое Вольтеру. Оно встречается уже в его комедии «Недотрога» (1747).

В «Философском словаре» Вольтера (1764, статья «Драматическое искусство») оно приведено со ссылкой на «одного умного итальянца», вместе с итальянским оригиналом: «Le meglio è l'inimico del bene». Считается, что этим «умным итальянцем» был либо Джованни Боккаччо, либо М. Джованни, автор комментариев к «Декамерону» издания 1574 года.

7 апреля 1952 года в «Правде» появилась большая редакционная статья «Преодолеть отставание драматургии». Здесь говорилось, что «в последние годы распространение получила вульгарная “теория” затухания конфликтов», «ошибочная “теория” бесконфликтности драматургии». Мало того: в комиссии по драматургии Союза писателей «утверждалось (...), что у нас все дело свелось только к одному конфликту между “хорошим” и “лучшим”».

В статье – иначе и быть не могло – излагалось мнение Сталина. 26 февраля он говорил при обсуждении в Политбюро кандидатур на Сталинские премии:

– Вот Софронов высказывал такую теорию, что нельзя пи-

сать хороших пьес: конфликтов нет. Как пьесы без конфлик- тов писать. Но у нас есть такие конфликты (...). Эти кон- фликты должны получить свое отражение в драматургии – иначе драматургии не будет.

(По записи Константина Симонова, опубликованной в его книге «Глазами человека моего поколения», 1988.)

Вскоре затем появился оборот «Конфликт хорошего с от- личным» – но не в партийной печати, а в эпиграмме Эмману- ила Казакевича «Сонет», передаваемой изустно. Ей суждено было стать едва ли не самой известной русской эпиграммой XX века.

Казакевич был уже известен как автор повести «Звезда» и романа «Весна на Оudere»; начинал же он как поэт, пишу- щий на идише. В литературных кругах он пользовался репу- тацией остроумца.

В происшествии, увековеченном в «Сонете», участвова- ли двое: драматург Анатолий Суров и его приятель, проза- ик Михаил Бубеннов, автор знаменитого в то время романа «Белая береза» (1947).

Оба они были антисемитами, оба активно участвовали в борьбе против «литераторов-космополитов» и оба были ста- линскими лауреатами, причем пьесы Сурова строились как раз на «конфликте хорошего с лучшим».

Однажды друзья подрались по пьянке. Случилось это ле- том, в писательском доме на Лаврушинском переулке, дом 17. Согласно критику Марии Белкиной, жившей в том же

доме, «за неимением шпаг и кинжалов в ход были пущены вилки. Был такой шум и драка (окна были раскрыты, дело было летом, около Третьяковки всегдалюдно и всегда дежурят милиционеры), что вмешалась милиция, но дело замяли». (Приведено в книге Натальи Громовой «Распад: судьба советского критика, 40–50-е годы», 2009.)

Согласно Бенедикту Сарнову, «в ход была пущена даже мебель – стулья, табуретки. (...) Увлеченные борьбой супостаты выкатились из этого облицованного мрамором дома прямо на улицу, на потеху большой толпы, образовавшей традиционную очередь в Третьяковку. Оружием одного из сражающихся, как рассказывали очевидцы, стала вилка, которую он вонзил своему оппоненту в зад». («Как русский писатель и как еврей», в журн. «Лехаим», 2003, № 3.)

Еще одна версия рассказана в мемуарах тогдашнего студента Литинститута Константина Ваншенкина («Писательский клуб», 1998):

«...Летним жарким утром стоят люди перед Третьяковкой и вдруг слышат, что в доме напротив за распахнутыми окнами скандал. Сначала слышат, а потом и видят: в комнате дерутся два почему-то голых человека. Крик, шум, ругань. И это напротив храма искусства. Люди возмутились, позвали милицию.

(...) Конфликт разбирался на заседании парткома.

Присутствовавшие рассказали, что в наиболее драматичный момент Суров спустил брюки и продемонстрировал че-

тыре запекшихся точки ниже спины – след удара вилкой. Упоминалось еще сломанное в пылу битвы кресло».

Из этих рассказов видно, что сама драка успела стать в литературных кругах чуть ли не фольклорной историей.

Ни у одного из мемуаристов нет датировки скандального эпизода. Известно, однако, что дело происходило до смерти Сталина. Поскольку же в «Сонете» обыгрывается формула «конфликт хорошего с лучшим», появившаяся весной 1952 года, стало быть, драка друзей случилась летом того же года, и тогда же, по горячим следам, был написан «Сонет».

Авторского автографа не существует; опубликованные варианты – запись устной традиции. Начало эпиграммы отсылает к сонету Пушкина («Суровый Дант не презирал сонета...»). С формой сонета контрастирует стиль бурлескной поэмы:

Суровый Суров не любил евреев,
Он к ним враждой старинною пылал,
За что его не жаловал Фадеев
И А. Сурков не очень одобрял.
Когда же Суров, мрак души развеяв,
На них кидаться чуть поменьше стал,
М. Бубеннов, насилие содеяв,
Его старинной мебелью долбал.
Певец березы в жопу драматурга
Со злобой, словно в сердце Эренбурга,
Столовое вонзает серебро.

Но, следуя традициям привычным,
Лишь как конфликт хорошего с отличным
Решает это дело партбюро.

(Версия Б. Сарнова)

«В сочинении этого сонета, – сообщает Сарнов, – во всяком случае, в доведении его до совершенства принял участие сам Твардовский. Именно он, как рассказывали свидетели творческого процесса, подарил Казакевичу замечательную (едва ли не лучшую во всем стихотворении) строчку: “Столовое вонзает серебро”».

Согласно Вениамину Каверину («Эпилог», 1989), вскоре «выяснилось, что Суров работал с помощью “негров”, писавших для него пьесы и критические статьи, и что этими “неграми” были в иных случаях те же космополиты».

Эпилог этой истории в изложении Юрия Нагибина («Итальянская тетрадь», 1998) выглядел так:

«Суров был разоблачен после смерти своего высокого покровителя [т. е. Сталина]. Обвинение в плагиате было брошено Сурову на большом писательском собрании. Суров высокомерно отвел упрек: “Вы просто завидуете моему успеху”. Тогда один из “негров” Сурова, театральный критик и драматург Я. Варшавский, спросил его, откуда он взял фамилии персонажей своей последней пьесы. “Оттуда же, откуда я беру всё, – прозвучал ответ. – Из головы и сердца”. – “Нет, – сказал Варшавский, – это список жильцов моей коммунальной квартиры. Он вывешен на двери и указывает, ко-

му сколько раз надо звонить”. Так оно и оказалось. Сурова выбросили из Союза писателей, пьесы его сняли, он спился и умер».

Король царствует, но не управляет

В романе Олдоса Хаксли «Остров» читаем:

«— ...Вы станете лишь номинальным главой государства. Как английская королева, которая царствует, но не управляет страной».

Действительно, в 1867 году английский экономист и политический философ Уолтер Баджот писал:

Королева (...) должна подписать свой собственный смертный приговор, если он будет предложен ей обеими палатами парламента.

...Премьер-министр — глава исполнительной власти согласно основным законам Британии, а монарх — лишь колесико в этом механизме.

(«Основные законы Англии», гл. «Монархия»)

Со второй половины XIX века изречение «Король царствует, но не управляет» в его латинской форме («Rex regnat, sed non gubernat») приписывалось Яну ЗамоЙскому (1542–1605), канцлеру и коронному гетману Речи Посполитой.

Эта версия восходит к «Похвальному слову Яну ЗамоЙскому» (1785) польского просветителя Станислава Сташица. Здесь приводился вымышленный эпизод заседания одного из польских сеймов: когда король Сигизмунд III в порыве гнева схватился за саблю, ЗамоЙский будто бы воскликнул:

– Король, не берись за оружие, чтобы тебя не назвали Цезарем, а нас – Брутами! Мы избираем королей и свергаем тиранов. Царствуй, но не господствуй [как деспот]! («...Regna, sed non impera!»)

В действительности формула «царствует, но не управляет» возникла во Франции, причем при короле, который и царствовал, и управлял.

В 1814 году, после реставрации монархии Бурбонов, Людовик XVIII даровал своим подданным конституцию; обычно она именуется Хартией. Согласно Хартии глава исполнительной власти – король; законодательная власть разделена между королем и двухпалатным парламентом, причем Палату пэров формирует опять же король.

После смерти Людовика XVIII на трон вступил его брат Карл X, считавшей Хартию чересчур либеральной. В августе 1829 года правительство возглавил герцог де Полиньяк, приверженец идеи абсолютной монархии.

Вождем либеральной оппозиции стал знаменитый историк Адольф Тьер. В газете «National», выходившей с начала 1830 года, он последовательно отстаивал принцип конституционного правления.

20 января Тьер писал: «Он [король] царствует, а народ управляет»; 4 февраля: «Король не администрирует, не управляет (n'administre pas, ne gouverne pas), – он царствует»; а 19 февраля: «Король царствует, но не управляет» – «Le roi régne et ne gouverne pas».

В июле того же года монархия Бурбонов была сметена революцией; на трон вступил Луи-Филипп, герцог Орлеанский. Формально новая система власти немногим отличалась от старой, за исключением того, что обе палаты получили право законодательной инициативы. Однако фактически роль Палаты депутатов, особенно во внутренней политике, резко возросла.

Во французской Третьей республике (1870–1940) главой исполнительной власти стал президент, избираемый не всеобщим голосованием, а обеими палатами парламента. В 1886 году английский историк и правовед Генри Мэйн сопоставил четыре системы правления:

Давние короли Франции царствовали и управляли. Конституционный король, согласно г-ну Тьеру, царствует, но не управляет. Президент Соединенных Штатов управляет, но не царствует. На долю президента Французской республики выпало ни царствовать, ни управлять.

(«Демократическое правительство», IV)

Это высказывание цитировалось множество раз вплоть до 1958 года, когда во Франции была установлена т. н. Пятая республика, в которой роль президента (им тогда был де Голль) резко возросла.

«Обратный» вариант формулы Тьера обнаружился в 1854 году, после выхода в свет «Мемуаров» французского историка Шарля Эно (1685–1770). Согласно Эно, о принцессе Ур-

синской, одной из фавориток испанского короля Филиппа V, говорили: «Она правит, хотя и не царствует». Это, конечно, было преувеличением, хотя в первые годы правления Филиппа V (начало 1700-х гг.) принцесса Урсинская действительно обладала немалым влиянием при дворе.

В эпоху Июльской монархии Дельфина де Жирарден писала о парижском салоне княгини Ливен:

Госпожа Ливен избрала единственную политическую роль, какая пристала женщине: (...) она не вершит политику, она позволяет, чтобы политика вершилась с ее помощью (...): в своем салоне *она царствует, но не правит.*

(«Парижские письма», 15 декабря 1836 г.; перевод Веры Мильчиной)

Несколько лет спустя де Жирарден распространила эту формулу на женщин вообще:

...Известное изречение, которое ничего не значит применительно к власти короля, совершенно истинно, когда речь идет о власти женщины: женщина царствует, но не управляет. Но, чтобы царствовать, женщинам, как и королям, необходим ореол почитания; увы, женщины и короли ныне лишены этого ореола.

(«Парижские письма», 12 марта 1840 г.)

Формула Тьера вышла далеко за рамки политического языка. Вот два примера:

Совесьть царствует, но не управляет. (Поль Валери,

«Дурные мысли и прочее», 1941.)

Порою мне кажется, что Творец очарован английской монархической системой: Бог царствует, но не управляет. (Станислав Ежи Лец, «Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996.)

Кости померанского гренадера

Весной 1876 года турки с необычайной жестокостью подавили восстание в Болгарии. В июне Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, но уже к августу были разгромлены. Вмешалась Россия. В ноябре началась мобилизация русской армии. 5 декабря Бисмарк ответил в рейхстаге на запрос о позиции Германии в восточном вопросе:

– Я не сторонник активного участия Германии в этих делах, поскольку в общем не усматриваю для Германии интереса, который стоил бы переломанных костей хотя бы одного померанского мушкетера.

Фраза вошла в обиход в форме: «Все Балканы не стоят костей одного померанского гренадера». Но это еще не конец истории. В 1878 году освобожденная русскими войсками Болгария стала самостоятельным государством во главе с князем Александром Баттенбергским. Тот попытался править самостоятельно, не оглядываясь на российских советников, и в 1886 году ему предложили отречься. Александр III желал видеть на болгарском престоле русского генерала; Австрия продвигала саксонского принца Фердинанда Кобургского. Обе стороны искали поддержки Германии на случай возможной войны.

Для Бисмарка это соперничество в балканском углу Европы было лишь частью «Большой игры», которую вел он сам.

«Железный канцлер» попытался заручиться согласием России не вмешиваться в его дела с Францией взамен за черноморские проливы и контроль над Болгарией. 11 января 1887 года он заявил в рейхстаге:

– Нам совершенно все равно, кто правит в Болгарии и что вообще станет с Болгарией. Я повторяю все, что говорил раньше о костях померанского гренадера (выражение, которым часто злоупотребляли и которое заездили до полусмерти): весь Восточный вопрос не стоит того, чтобы воевать из-за него. Мы никому не позволим под этим предлогом набросить на нас поводок и рассорить с Россией. Дружба России для нас гораздо важнее дружбы Болгарии и всех ее друзей в нашей стране.

В сущности, это было послание, адресованное Александру III: позвольте нам окончательно добить Францию, и делайте на Балканах что хотите. План этот оказался химерой – выяснилось, что русский император ни в коем случае не допустит разгрома Франции. Две недели спустя Бисмарк разослал германским дворам депешу, в которой разъяснял, что намеренно преувеличил сердечность отношений с Россией. 7 июля 1887 года Великое народное собрание избрало князем Болгарии принца Кобургского. Россия провозгласила его узурпатором.

А фраза зажила самостоятельной жизнью.

16 февраля 1925 года британский министр иностранных дел, консерватор Остин Чемберлен писал своему заместите-

лю Эйру Кроу: «Ради Польского коридора ни одно британское правительство не станет и не сможет рисковать костями хотя бы одного британского гренадера».

В конце Второй мировой войны британский маршал авиации Артур Гаррис настаивал на продолжении массированных авианалетов на Германию, не считаясь с жертвами среди гражданского населения. «Все уцелевшие немецкие города, вместе взятые, не стоят жизни одного британского гренадера», – писал он командующему штабом ВВС 29 марта 1945 года.

6 августа 1964 года сенат США принял т. н. «Тонкинскую резолюцию» о начале полномасштабной войны во Вьетнаме. Против голосовали лишь два сенатора; один из них, Эрнест Грюнинг, представлявший Аляску, заявил:

– Весь Вьетнам не стоит жизни одного американского парня.

В эпопее А. Солженицына «Красное колесо» («Узел II», 1984) фраза Бисмарка переадресована его оппоненту Александру III: «...еще Александр III сказал Бисмарку: за все Балканы не дам ни одного русского солдата». С тех пор эта фраза нередко цитируется как подлинная.

Который час? – Вечность

В апреле 1913 года в Петербурге вышла первая книжка стихов Осипа Мандельштама «Камень». В ней было всего 23 стихотворения, в том числе вот это шестистишие:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?

И Батюшкова мне противна спесь:
«Который час?» – его спросили здесь,
А он ответил любопытным: «вечность».

Чтобы понять, о чем здесь речь, нужно обратиться к биографии Константина Батюшкова. В 1822 году он вернулся из Италии; поехал на Кавказ, потом в Крым. Душевный недуг, давно уже мучивший его, принял форму мании преследования. Поэт трижды пытался покончить с собой, сжег свою библиотеку и все рукописи. В 1824 году он был помещен в больницу для душевнобольных в Зонненштейне (Саксония), где пробыл четыре года. В начале августа 1828 года врач Антон Дитрих, по происхождению немец, перевез его в Москву, где он пробыл пять лет, а всю остальную жизнь – в Вологде, в доме своего племянника. Здесь он и умер, всеми забытый, в 1855 году.

В 1829 году Дитрих составил для В. Жуковского «Записку» о болезни Батюшкова на немецком языке. Почти через 60 лет она была опубликована в первом томе «Сочинений» Батюшкова (1887). По сообщению Дитриха, Батюшков «спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия [в Россию], глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая рукой движение, как будто бы он достает часы из кармана: “Который час?” – и сам отвечал себе: “Вечность”» (перевод А. В. Овчинниковой).

Слова эти были сказаны по-немецки: «Was ist die Uhr? – Die Ewigkeit!», так как фразы, сказанные Батюшковым на других языках, включая русский, Дитрих записывал на языке оригинала (что в переводе Овчинниковой не отражено).

Именно этот эпизод имел в виду Мандельштам. Почему, собственно, он говорил о «спеси» Батюшкова – поэта, которого ценил необычайно высоко? Сборник «Камень» был поэтическим манифестом нового поэтического направления – акмеизма, и Мандельштам, вероятно, спорил не столько с Батюшковым, сколько с современными ему поэтами-символистами, которые во всем земном видели символы чего-то надмирного и вневременного.

Однако Мандельштам не знал обстоятельства, крайне существенного: эти слова Батюшков не придумал, а лишь процитировал. Истинный автор «диалога о вечности» был назван в 1960 году в статье Т. Г. Цявловской «“Влюбленный бес” (Неосуществленный замысел Пушкина)». Это был Жак

Бриден, французский проповедник XVIII века.

Его имя нам уже ничего не говорит, и даже на его родине оно почти забыто. Жак Бриден, или «аббат Жак», родился на юге Франции в 1701 году. Образование получил в иезуитской школе в Авиньоне, затем в Париже. В 1725 году, после посвящения в сан, он стал членом Королевской миссии, занимавшейся обращением протестантов в католичество. Сорок с лишним лет Бриден странствовал, читая проповеди, которые импровизировал по кратким рукописным наброскам. Он обошел едва ли не все города Центральной и Южной Франции. В 1744 году его проповеди произвели огромное впечатление в Париже. Умер он под Авиньоном в 1767 году, во время своего 256-го миссионерского путешествия.

Среди его проповедей особенно запомнилась одна – о вечности. Она была прочитана в парижской церкви Св. Сульпиция (Сен-Сюльпис) и сразу же причислена к шедеврам ораторского искусства. Целиком или во фрагментах она включалась в курсы французской литературы и пособия по красноречию, прежде всего для проповедников, но не только.

– О! знаете ли вы, что такое вечность? – спрашивал Бриден своих слушателей. – Это маятник, который, качаясь в могильном безмолвии, неустанно твердит лишь два слова: «Всегда, никогда! Никогда, всегда!» И при каждом таком ужасном качании какой-то отверженный кричит: «Который час?» И голос другого несчастного ему отвечает: «Вечность».

Это место проповеди привлекло особенное внимание и впоследствии цитировалось чаще всего. Вольтер отметил его на полях книги М. Ламберга «Мемуары светского человека» (т. 1, 1776).

В 1804 году в «Вестнике Европы» был помещен русский перевод вступительной части «Проповеди о вечности» (под заглавием «О красноречии Бридена»). И хотя фрагмент о маятнике сюда не попал, Вильгельм Кюхельбекер записал в своем дневнике: «Бриден (...) заслуживает быть бессмертным в памяти потомства, если бы он даже и ничего другого не написал» (запись от 30 июля 1832 г.).

В 1846 году вышла в свет книга стихов Генри Лонгфелло «Башня в Брюгге», куда вошло и стихотворение «Старинные часы на лестнице». Оно посвящалось Эдгару По (один из известнейших рассказов которого называется «Колодец и маятник»), а эпиграфом послужила цитата из «Проповеди о вечности» на французском языке:

Вечность — это маятник, который, качаясь в могильном безмолвии, неустанно твердит лишь два слова: «Всегда, никогда! Никогда, всегда!»

Этот возглас стал рефреном всех девяти строф стихотворения.

Итак, вечность, о которой говорил Бриден, это проклятая вечность отверженного. Казалось бы, то же значение она должна иметь и у Батюшкова — лишенного свободы душевнобольного, навсегда отрезанного от мира. Обычно так и счи-

тается; так же истолкованы его слова в моей первой заметке об этой цитате (2006).

Однако «Записка» Дитриха противоречит такому истолкованию. Диалог из проповеди Бридена он цитирует «с насмешливой улыбкой». Он «живет в постоянном согласии лишь с небесами». «Он объявляет себя сыном Бога и называет себя Константин Бог»; он утверждает, что «встречается с ангелами и святыми, среди которых он особенно называл двоих: Вечность и Невинность. Его больной дух встречает повсюду вне земного мира лишь мирные и возвышающие душу зрелища, а внутри него – ничего, кроме противоречий и враждебных противоположностей, которые его озлобляют».

Как видим, для больного Батюшкова вечность отнюдь не проклятие, напротив – эта вечность свята. Диалог из проповеди Бридена обретает совершенно иной смысл: пациент доктора Дитриха уже живет в вечности, и не вечность его тяготит, а земное существование.

Кровь, пот и слезы

10 мая 1940 года нацистская Германия, захватив перед тем Данию и Норвегию, перешла в решающее наступление на Западе. В тот же день Уинстон Черчилль был назначен премьер-министром. 13 мая он выступил перед Палатой общин:

— ...Я повторю перед Палатой то, что уже сказал тем, кто присоединился к новому правительству: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжкого труда, слез и пота [blood, toil, tears and sweat]».

Нам предстоит необычайно суровое испытание. Впереди много долгих месяцев борьбы и страданий.

Вы спросите, каков наш политический курс? Я отвечу: вести войну — на море, на суше и в воздухе, со всей мощью и со всем напряжением, какие дает нам Бог...

Это одна из двух самых известных речей Черчилля (вторая — Фултонская речь о «железном занавесе»). Сборник речей Черчилля, вышедший в 1941 году, был назван «Кровь, пот и слезы».

Сочетание «кровь и слезы» встречалось в высказываниях Черчилля времен англо-бурской войны — в 1899 и 1900 гг., а затем — в статье «Будет ли война в Европе — и когда?» («News of the World», 4 июня 1939 г.).

В 1931 году вышел V том исторического труда Черчилля «Мировой кризис», посвященный сражениям на русских фронтах Первой мировой войны. Здесь говорилось:

«Эти страницы повествуют о блестящих победах и тяжелых поражениях. На них запечатлен труд, опасности, страдания и страсти миллионов людей. Бесконечная равнина орошалась их потом, их слезами, их кровью».

В молодости Черчилль хотел написать биографию Гарибальди. Он, разумеется, знал обращение Гарибальди к волонтерам на площади Св. Петра в Риме 2 июля 1849 года. В англоязычной печати конца XIX века это обращение цитировалось в следующем виде:

— ... Я не предлагаю вам ни жалованья, ни квартир, ни провианта; я предлагаю вам голод, жажду, форсированные марши, битвы и смерть.

Именно этими словами вдохновлялся Черчилль, составляя свою знаменитую речь. Однако формула «кровь, пот и слезы» восходит не к Гарибальди.

В июне 1897 года Теодор Рузвельт, только что назначенный помощником министра военно-морских сил, выступил перед воспитанниками Военно-морского колледжа в Ньюпорте (штат Род-Айленд). В своей речи он напомнил о «крови, поте, слезах, труде и страданиях, через которые в былые дни шли к победам наши предки». Речь Рузвельта неоднократно перепечатывалась и вполне могла быть знакома Черчиллю.

Впервые же эта триада (в форме: «слезами, потом или кровью») появилась в поэме Джона Донна «Анатомия мира» (1611). В переводе Дм. Щедровицкого:

Пойми, что весь наш мир – зола сухая:
Вот нашей «Анатомии» урок.
Ты б этот пепел увлажнить не смог
Слезами. Даже кровью – невозможно:
Страдания – жалки, смерть сама – ничтожна.

А в сатирической поэме Байрона «Бронзовый век» (1823) говорилось о «крови, поте и слезах миллионов», выжатых лендлордами – «За что? – За ренту!».

Интернациональная идиома «потом и кровью» взята из латыни. О «земле, добытой кровью и потом ваших предков», говорил, обращаясь к римлянам, Цицерон в речи о земельном законе (63 г. до н. э.).

Ложь, наглая ложь и статистика

5 июля 1907 года в журнале «Североамериканское обозрение» («North American Review») была опубликована «Глава из автобиографии» Марка Твена. Здесь великий юморист попытался подсчитать, какова была производительность его писательского труда в разные годы. В молодости он писал в среднем 3 тысячи слов в день, в зрелые годы – 1800, а ныне, на склоне лет, – 1400 слов. Казалось бы, производительность явно идет на спад. Однако в молодости писатель проводил за письменным столом гораздо больше времени, так что в пересчете на час получилось бы примерно то же самое. И далее Твен пишет:

Цифры часто обманывают меня, особенно когда я komponую их сам; в такого рода случаях справедливо и убедительно нередко цитируемое замечание Дизраэли: «Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика (lies, damned lies and statistics)».

Бенджамин Дизраэли (1804–1881), британский премьер-министр и писатель, имел репутацию одного из главных остроумцев своей эпохи. «Автобиография» Твена, безусловно, самый заметный случай цитирования этого изречения, поэтому его обычно приписывают Дизраэли, а нередко и самому Твену.

«Damned lies» (что переводится обычно как «наглая

ложь») означает буквально «прóклятая», «дьявольская» ложь. Встречались также варианты «злостная ложь», «бесовестная ложь»; у братьев Стругацких («Жук в муравейнике») – «беспардонная ложь».

Историей этой фразы занимался американец Стивен Горансон, сотрудник библиотеки Университета Дьюка (штат Северная Каролина). Самый ранний случай цитирования он обнаружил в письме, опубликованном 13 июня 1891 года в лондонской газете «National Observer»: «Очень остроумно замечено, что существует три вида неправды: первый – это домысел (fib), второй – прямая ложь (downright lie), и, наконец, самый худший – это статистика».

В октябре того же года читатель лондонского журнала «Notes and Queries» («Заметки и вопросы») спрашивал: «Кто сказал: “Существуют три вида неправды: первая – это домысел, вторая – ложь, и наконец статистика”?» Вскоре в журнале появился ответ за подписью «У. Д. Гейнсфорд»: «Это, по-видимому, несколько усовершенствованная версия изречения, имевшего хождение несколько лет назад в “Линкольн-инн” [одна из адвокатских школ в Лондоне], – о судье, который различал три вида лжецов: простые лжецы, наглые лжецы и свидетели-эксперты». В другом ответе приводилась фраза: «Существуют три вида лжецов, а именно: лжец, наглый лжец и горный инженер».

О лжецах-экспертах шестью годами раньше говорилось в английском журнале «Природа» («Nature», 26 ноября

1885 г.): «Известный юрист, а ныне судья, однажды разделил свидетелей на три класса: простые лжецы, наглые лжецы и эксперты». Почти одновременно это высказывание, со ссылкой на некоего американского судью, появилось в американской печати.

Отдаленный прообраз фразы о лжецах и статистике (что осталось незамеченным Горансоном) можно найти в лондонской «Сатердей ревью» от 16 мая 1885 г.: «Хвастовство дурно, но вымыслы еще хуже; а хуже всего смесь хвастовства с вымыслом; и именно это мы находим в статистике освобожденных» — т. е. в публикациях либерального «Общества освобождения» («Liberation Society»).

Уже в 1890-е годы фраза о лжи и статистике приписывалась чуть ли не дюжине авторов, чаще всего британских, в том числе: политику-консерватору Артуру Бальфуру (1848–1930); экономисту и эссеисту Уолтеру Баджоту (1826–1877); естествоиспытателю Томасу Гексли (1825–1895).

Наиболее правдоподобной Горансон считает версию об авторстве британского политика-либерала Чарлза Дилка (1843–1911), который в 1891 году в своих речах дважды использовал оборот «домыслы, ложь и статистика» (fibs, lies, and statistics) без ссылок на автора.

В 1895 году среди имен предполагаемых авторов появилось имя давно умершего Дизраэли. Тогда же это изречение процитировал, со ссылкой на «мудрого государственного мужа», британский политик Леонард Куртни (1832–

1918), выступая в штате Нью-Йорк. Это любопытно уже потому, что два года спустя Куртни стал председателем Королевского статистического общества.

В наше время вместо статистики в эту триаду нередко вставляются другие слова: «Ложь, наглая ложь и мемуары», «...и цитирование», «...и реклама», «...и предвыборные речи».

Со сталинских времен изречение о лжи и статистике стало обычной фразой советской публицистики – но почти всегда с оговоркой, что речь идет о статистике буржуазной. Советская статистика была, подобно жене Цезаря, выше подозрений. И лишь историки-эмигранты Михаил Геллер и Александр Некрич в книге «Утопия у власти» (1986) могли написать:

«Некий английский остроумец говорил, что есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Он не знал четвертого вида – сталинской статистики, и пятого вида – Сталинской Лжи».

Лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту

В приключенческой повести Глеба Голубева «Огненный пояс» (1966) читаем: «Как учит нас товарищ Конфуций: “Лучше зажечь одну маленькую свечку, чем проклинать темноту...”»

Позднее ту же фразу цитировали у нас как японскую, английскую или американскую пословицу.

В романе Бориса Межрели «Без всяких полномочий» (1985) родиной изречения стала Грузия:

«— ...у нас говорится, что лучше зажечь маленькую свечку, чем проклинать тьму».

30 августа 2006 года открылась 13-я Пекинская книжная ярмарка. На открытии присутствовал первый вице-премьер РФ Дмитрий Медведев и глава Федерального агентства печати Михаил Сеславинский.

— Китайская мудрость, — напомнил Сеславинский китайским коллегам, — гласит: лучше зажечь одну свечу, чем постоянно проклинать темноту.

Напротив, искусствовед Юрий Бычков замечает: «...Кто усомнится в мудрости слов апостола Павла: “Лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму”» («Сказать да не солгать», 2009).

Однако на нынешний день ничего не известно о существовании этой сентенции до XX века.

В 1907 году в Нью-Йорке вышел в свет сборник проповедей пастора Уильяма Уоткинсона «Непобедимая стратегия». В проповеди под названием «Невидимая стратегия» Уоткинсон отмечает неэффективность словесного осуждения грешников. Он приводит отзыв Томаса Карлейля на «Стихи о Хлебных законах» Эбенезера Эллиотта (1831) – рифмованный памфлет против непомерных налогов на хлеб: «...Право, хотелось бы видеть, чтобы подобный ум (...) скорее творил и сохранял Истину, нежели четвертовал Ложь».

И уже от себя Уоткинсон добавляет:

Но обличительная риторика куда легче и доступнее, чем добросовестный труд (...). И все же гораздо лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту.

Эту фразу подхватили другие американские пасторы, а потом и светские публицисты. Очень скоро изречение утратило авторство. В 1940-е годы его приписали Конфуцию, во времена которого о свечах в Китае даже не слышали.

Американский католический священник Джеймс Келлер сделал этот призыв девизом движения «Несущие крест» («The Christophers»), основанного им в 1945 году.

15 июля 1960 года Джон Кеннеди выступил с речью на съезде Демократической партии, выдвинувшей его кандидатом в президенты. Он сказал:

– Мы здесь не для того, чтобы проклинать темноту, но

чтобы зажечь свечу, свет который укажет нам путь из этой тьмы к безопасному и разумному будущему.

7 ноября 1962 года, в день смерти вдовы Ф. Д. Рузвельта Элеаноры Рузвельт, видный политик-демократ Эдлай Стивенсон заявил в Генассамблее ООН:

– Она предпочитала зажечь свечу, чем проклинать темноту, и пламя ее свечи согревало мир.

С этого времени фраза нередко приписывалась Элеаноре Рузвельт.

Ричард Никсон почти повторил слова Кеннеди в своей инаугурационной речи 20 января 1969 года:

– Мы должны пережить долгую ночь американского духа. Но когда наши глаза уловят первые слабые лучи рассвета, не будем проклинать темноту – будем накапливать свет.

У Михаила Горбачева зажженная свеча стала символом гласности:

– У англичан есть такая поговорка: «Лучше зажечь одну свечу, чем всю жизнь проклинать темноту». Я бы ее сделал эпиграфом для деятельности всех – не только «Правды» – средств массовой информации. Люди уже зажигают эти свечи, и не видеть этого нельзя.

(Выступление на встрече с редколлегией «Правды» 23 октября 1989 г.)

Маленькая победоносная война

В январе 1904 года Россия и Япония заканчивали приготовления к войне за господство на Дальнем Востоке. Военным министром был тогда Куропаткин, а министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов – Вячеслав Плеве. Перед самым началом войны Куропаткин будто бы обвинил Плеве в том, что тот потакал ее зачинщикам «и примкнул к банде политических аферистов». Плеве ответил:

– Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна *маленькая победоносная война*.

Так пишет Сергей Юльевич Витте в своих «Воспоминаниях», законченных в 1912 году и опубликованных десятилетием позже, уже после смерти автора. Плеве, напомним, был убит эсерами в июле 1905-го и ни подтвердить, ни опровергнуть сообщения Витте не мог.

Но вот Владимир Гурко, видный сотрудник Министерства внутренних дел, в своей книге «Черты и силуэты прошлого» утверждал, что Плеве «войны этой (...) определенно не желал». К его свидетельству следует отнести со всей серьезностью. В дореволюционной России жандармское ведомство, как правило, менее всего было склонно к шапкозакидательству – как раз потому, что было лучше знакомо с внутренним положением страны.

Формула «маленькая победоносная война» появилась не на пустом месте. К началу XX века самым свежим примером такой войны была испано-американская война 1898 года. Война была объявлена 25 апреля. 22 июня американцы высадились на Кубе (которая тогда принадлежала Испании), 3 июля пала столица Кубы Сантьяго, 12 августа был заключен мирный договор. Куба стала американским протекторатом; сверх того, Америка получила базу в Гуантанамо, Филиппины, Пуэрто-Рико и Гуам, а заодно аннексировала Гавайи – то есть стала преобладающей силой на Тихом океане. В бою и от ран погибло всего ок. 1 тыс. американцев, еще 4,5 тыс. умерли от тропических болезней.

Больше других отличился Первый полк волонтеров кавалерии, набранный, по инициативе Теодора Рузвельта, из ковбоев, спортсменов и полицейских. Рузвельт стал заместителем командира полка. Вопреки своему названию, полк сражался в пешем строю: лошадей перебросить на Кубу не удалось. 27 июля 1898 года, когда исход войны был уже ясен, посол США в Лондоне Джон Хей писал Рузвельту: «Это была блестящая маленькая война».

В том же году Рузвельт, герой «блестящей маленькой войны», стал губернатором штата Нью-Йорк, два года спустя – вице-президентом, а еще через год, после убийства президента Маккинли, – президентом. В 1900 году вышла его книга «Описание испано-американской войны»; здесь-то и было напечатано письмо Хей.

Как известно, мирный договор России с Японией был заключен в Портсмуте (США) усилиями Витте и при посредничестве Теодора Рузвельта. Вполне возможно, что «маленькая победоносная война» в «Воспоминаниях» Витте была просто «переводом на русский» «блестящей маленькой войны». Однако у формулы Витте могли быть и другие источники.

В годы Первой мировой войны (т. е. до публикации «Воспоминаний» Витте) в американской и французской печати встречалось выражение «короткая победоносная война». Так задним числом оценивались намерения германских стратегов в 1914 году. В книге Дэвида Хилла «Впечатления о кайзере» (Лондон, 1919) говорилось: «Вильгельм II хотел не этой войны, а веселенькой, короткой, победоносной войны (a swift, short, victorious war)».

Патент на «веселенькую войну» принадлежит немцам. В середине XIX в. историк и публицист Генрих Лео издавал «Народную газету для города и деревни». В 1853 году на страницах этой газеты он заявил:

«Избави нас, Боже, от гнили европейских народов, и даруй нам свежую, радостную войну, которая встряхнет Европу».

Шесть лет спустя он повторил это выражение в той же газете. В справочнике С. Займовского «Крылатое слово» (1930) этот оборот переведен как «свеженькая, веселенькая война».

А в 1913 году германский кронпринц Фридрих-Вильгельм в предисловии к сборнику «Германия под оружием» заявил: «Следует возродить свежий и радостный дух предков». Чем это кончилось, знает каждый.

Между тем герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо, говорил:

– Для великой нации не бывает маленьких войн (речь в Палате лордов 16 января 1838 г.).

Как ни странно, почти то же самое говорил Джордж Буш-старший 18 января 1991 года, в день начала операции «Буря в пустыне»:

– Не бывает дешевой или легкой войны.

Закончу анекдотом, который появился в Рунете около 2005 года:

Владислав Сурков читает лекции в Академии Генштаба. Ему задают вопрос:

– Какие рода войск нужны, чтобы получить маленькую победоносную войну?

– РТР, НТВ, ТВЦ...

– А «Первый»?

– Ну, мы же не звери!

Маразм крепчал

По воспоминаниям А. С. Лазарева-Грузинского (1909), Чехов как-то сказал ему:

– Взял я прочесть рассказ NN. Начинается так: «Мороз крепчал». Дальше я не стал читать: бросил.

Именно с этой фразы начинается роман, который пишет Вера Иосифовна Туркина в рассказе «Ионыч» (1898). Этими двумя словами о романе сказано всё. Фраза «Мороз крепчал» стала дежурным образцом литературного штампа.

В конце 1940-х годов из нее родилась другая, не менее известная фраза: «Маразм крепчал». В советской печати она появилась в 1960-е годы – разумеется, вне какой-либо связи с идеологией или политикой. Она встречается, например, во фрагменте незаконченного романа «Сильное взаимодействие» Галины Николаевой (1911–1963), опубликованном в 1968 году («Я люблю нейтрино!», «Наука и жизнь», 1968, № 4).

В 1974 году в Париже вышла книга «Заложники: Роман-документ». Ее автором был писатель Григорий Свирский, который двумя годами ранее эмигрировал из СССР. Рассказывая о кампании против «безродных космополитов», Свирский сообщает:

Ермилов, подписав в 49 году газетную полосу с очередным антисемитским материалом, обронил с

циничной усмешкой: «маразм крепчал».

В 1950 году Владимир Ермилов получил Сталинскую премию за книги о Чехове. Но в литературных кругах он был известен не этим, а своими разгромными статьями против Маяковского, Заболоцкого («юродствующего поэта» и проповедника «кулацкой идеологии»), Платонова (автора «клеветнического рассказа» «Семья Иванова») и т. д.

Рассказывали, будто на табличке с надписью: «Во дворе злая собака», висевшую на воротах переделкинской дачи Ермилова, кто-то приписал: «...и беспринципная». В «Записках об Анне Ахматовой» Л. Чуковской эта байка записана под датой 26 мая 1963 г.

В 1990-е годы фразу «Маразм крепчал» приводили как слова Ермилова современники кампании против «безродных космополитов»:

«...Как выразился смышленный циник, редактор “Литературной газеты” Ермилов» (...), “Маразм крепчал”» (Семен Липкин, «Жизнь и судьба Василия Гроссмана», 1990).

«...Когда Литгазета из номера в номер опускала в помойные ямы травимых критиков-космополитов, перевыполняя планы по ассенизации, Ермилов подписывал в типографии полосы с неизменной присказкой: “Маразм крепчал!”» (Даниил Данин, «Время стыда», 1997).

Как видим, Данин просто пересказывает Свирского. Вероятно, и Липкин следовал здесь за Свирским; у Свирского сказано: «с циничной усмешкой», у Липкина: «смышленный

цинник».

Однако трудно представить себе, чтобы Ермилов в 1949 году мог говорить такое в редакции «Литгазеты». Скорее всего, перед нами то, что прежде называлось историческим анекдотом.

С конца 1980-х годов выражение «маразм крепчал» стали связывать с «эпохой застоя»:

«Помнишь, в ходу была поговорка: “маразм крепчал”? Шутили, думали, что ненадолго, а тянется вот уже почти двадцать лет. Время оцепенело, будто его и впрямь заморозили. Все стареет, все дряхлеет» (Николай Верещагин, роман «Corvus corone», 1990).

«Хрущевская оттепель оказалась под высокими сугробами, политический мороз креп (тогда, кстати, родилось выражение “маразм крепчал”))» (Павел Волин, «Человек-антилегенда и другие», 1999).

«Однако время шло, маразм крепчал, застой расплзлся...» (Владимир Ханан, «Аура факта: Главы», 2002).

Надежда Мандельштам писала: «...[В 20-е годы] у нас еще не было опыта для распознавания старческого идиотизма, и Ахматова лишь через много лет придумала формулу: “маразматист-затейник”, – или, вздыхая, говорила про безумных стариков: “Маразм крепчал...”» («Вторая книга», опубл. в 1990 г.).

Здесь «маразм» относится не к ситуации в стране, а к отдельному человеку. Это значение сохраняется и поны-

не: «...*маразм крепчает* (при оценке неадекватной психической реакции кого-либо) или *маразм крепчал, шиза косила*» (Н. А. Прокуровская, «Город в зеркале своего языка», 1996).

Между устами и чашей

14 июля 1921 года Илья Ильф предложил своим одесским друзьям отпраздновать взятие Бастилии. «Единственный тост прозвучал в тот вечер за нашим столом. Он был лаконичен и выразителен. “Так выпьем же за расстояние, которое остается между губами и чашей”, – сказал Ильф, и, чокнувшись стаканами, мы выпили». (Тая Лишина, «Так начинают жить стихом...», 1968.)

Широкую известность этот оборот получил как эпиграф к драматической поэме Альфреда де Мюссе «Уста и чаша» (1832): «Между устами и чашей всегда найдется место для несчастья», с подписью: «Старинная пословица».

В классическом сборнике Эразма Роттердамского *Пословицы* (1523) содержалось латинское изречение:

Multa cadunt inter calicem supremaque labia.

Многое может случиться между устами и чашей.

(*букв.* Многое пропадает...)

Отсюда пословица попала в основные европейские языки. Эразм шел по стопам римского грамматика Авла Геллия. В XIII книге трактата «Аттические ночи» Геллий цитирует Катона Старшего:

«Ныне, говорят, хорошо уродились хлеба и травы. Но не слишком на это рассчитывайте. Я часто слышал, что между

ртом и куском многое может встрять; действительно, очень долгий путь от колоса до куска [хлеба]» (перевод А. Грушевого).

Латинская пословица «inter os et offam» («между ртом и куском»), разъясняет Геллий, тождественная греческой: «Велико расстояние между бокалом и краями губ» (в оригинале это гекзаметрический стих).

В свою очередь, греческая пословица восходит к легенде об Анкее, правителе острова Самоса. Когда Анкей посадил виноградные лозы, один из его слуг сказал: «Между краем чаши и краем губ велико расстояние». Когда же поспел первый урожай, пришло известие, что огромный вепрь разоряет виноградники; в схватке с ним Анкей погиб.

Сходный мотив встречается в «Одиссее» Гомера (песнь XXII). Антиной, один из женихов Пенелопы,

Как раз поднять золотой собирался
Кубок двуухий; его меж руками он двигал, готовясь
Пить вино из него. Помышления даже о смерти
Он не имел. (...)
В горло нацелясь, стрелой поразил Одиссей Антиноя.
.....
...Из рук его чаша
Выпала наземь.

(Перевод В. Вересаева)

В 1900 году Леонид Андреев писал о современном чело-

веке: «...Постоянная двойственность между плачем по судакке и аппетитным пожиранием этого самого оплакиваемого судака весьма явственно ощущается им и глубоко печалит его. Между его устами и чашей всегда остается пространство» (очерк «Когда мы, живые, едим поросенка»).

Широкая российская публика узнала это выражение в 1987 году, после выхода на советские экраны польской мелодрамы «Между устами и краем кубка». Фильм был экранизацией одноименного романа Марии Родзевич (1889), необычайно популярного в Польше, прежде всего среди женской аудитории. На протяжении всего романа молодой заносчивый граф добивается любви простой шляхтянки; но здесь – в отличие от древней легенды и поэмы де Мюссе – все кончается счастливо.

Миллионы леммингов не могут ошибаться

Ольга Юрковская в книге «Разумный маркетинг» (2014) указывает, что доверие покупателя можно завоевать, представив ему список клиентов – «множество людей, которые купили у вас и довольны (“Миллион леммингов не могут ошибаться”))».

Какое отношение имеют к маркетингу пушистые обитатели тундры?

В Норвегии издавна существовало поверье, что время от времени лемминги массами бросаются в море и гибнут. Уже в XIX веке натуралисты относились к этим рассказам скептически, тем более что лемминги не относятся к стадным животным, которые держатся группами и следуют за вожаком. Тем не менее в первой половине XX века эта легенда получила хождение даже в научно-популярных изданиях.

В 1944 году увидела свет «философская поэма» американского поэта и критика Доналда Штауффера под названием «Лемминги». Здесь предлагались различные объяснения поведения леммингов:

Другая гипотеза (...)

Предполагает, что лемминги – сознательные мальтузианцы,

И если эти зверьки так долго следовали его законам,
Значит, Мальтус и бесчисленные лемминги не могут
ошибаться.

Отсюда возникла фраза «Миллион леммингов не может ошибаться». В 1980-е годы она получила известность в качестве настенной надписи, причем число леммингов варьировалось от ста тысяч до пятисот миллионов.

У Штауффера и авторов граффити эта фраза была очевидным сарказмом. Однако со временем ее часто стали цитировать без каких-либо намеков на сарказм, в значении: если масса людей сделала тот или иной выбор, значит, за этим выбором стоят разумные основания.

Слова из поэмы Штауффера: «...бесчисленные лемминги не могут ошибаться», – были иронической переделкой фразы «Пятьдесят миллионов французов не могут ошибаться». Так называлась песня на слова Билли Роуза и музыку Фреда Фишера, сочиненная в 1927 году. Америка времен «сухого закона» сравнивается здесь с веселой, галантной Францией. Французы знают толк в радостях жизни и выпивку не считают грехом:

И когда мы чванимся нашей свободой,
Они лишь смеются над тобою и мною —
Пятьдесят миллионов французов ошибаться не могут.

Нередко можно прочесть – даже в словарях цитат – будто эта фраза возникла среди американских солдат в годы Пер-

вой мировой войны. Но никаких доказательств этому нет.

В 1929 году на Бродвее был поставлен мюзикл Кола Портера «Пятьдесят миллионов французов» о похождениях молодого американского миллионера в Париже. Два года спустя был снят фильм с тем же названием, но уже без песен.

Очень скоро фразу «Пятьдесят миллионов французов не могут ошибаться» стали приписывать актрисе Тексас Гинен. В 1920 году, после введения «сухого закона», она открыла в Нью-Йорке элитарный ночной клуб «300». Здесь веселились на французский манер: посетителей развлекали четыре десятка полуодетых девиц, спиртное лилось рекой, а за фортепьяно нередко садился Джордж Гершвин. Хозяйка встречала гостей словами:

– Привет, простофили! Входите и оставляйте свои кошельки в баре!

Гинен не раз арестовывали за незаконную торговлю спиртным и организацию непристойных развлечений, но она объясняла, что выпивку гости принесли с собой, а в клубе так тесно, что девушкам приходится танцевать вплотную к посетителям.

В 1959 году, когда фраза о леммингах еще не успела войти в обиход, был выпущен музыкальный альбом с лучшими песнями Элвиса Пресли. Альбом назывался «50 миллионов поклонников Элвиса не могут ошибаться».

Мир тесен, или Шесть рукопожатий

Каждый знает, что первым «Мир тесен» сказал Христофор Колумб, открыв Америку.

Но, если уж быть совершенно точным, Колумб сказал не «Мир тесен», а «Мир мал». Эти слова относятся ко времени его четвертого путешествия. В письме королю Фердинанду и королеве Изабелле, отправленном с Ямайки 7 июля 1503 года, Колумб утверждал:

Мир мал. Из семи частей его – шесть заняты сушей, и только седьмая покрыта водой. Все это доказано теперь на опыте (...). И я говорю, что мир невелик, вопреки мнениям людей несведущих.

(перевод Я. М. Света)

Письмо было опубликовано в 1505 году в Венеции, поэтому фраза Колумба нередко цитируется по-итальянски: «Il mondo è raso». Как известно, открыватель Америки вплоть до своей смерти сильно приуменьшал действительные размеры Земли и Мирового океана – потому-то, собственно, он и решился пересечь Атлантику.

В России выражение «Мир тесен», по-видимому, появилось не как перевод фразы Колумба, а как перевод немецкой сентенции «Eng ist die Welt». Ее произносит главный герой

драмы Фридриха Шиллера «Смерть Валленштейна» (1799) – немецкий полководец XVII века Альбрехт Валленштейн. Бескрайний внутренний мир человека он противопоставляет ограниченному внешнему миру:

Широк мир внутренний и тесен внешний.
(Перевод Каролины Павловой, 1868 г.)

В мире внутреннем «Живут мечты свободно меж собой», в мире внешнем такого простора нет:

Тут завладеть чужим лишь можно местом:
Иль вытесняй – иль вытеснят тебя.

Позднее выражение «Мир тесен» стало употребляться у нас в значении: «Как легко встретить общих знакомых!» В английском и немецком языках уже с конца XIX века в близком значении употреблялось выражение «Мир мал» («The world is small», «Die Welt ist klein»).

М. Горький в неоконченном наброске 1920-х годов «Мир – тесен» писал:

Русские, кажется, более часто, чем люди иных племен, говорят: «мир – тесен». Некоторые из них полагают, что сия теснота – от «широты натуры русской». На мой взгляд, возможно иное, не столь лестное, объяснение тесноты мира. В основе мнения – «мир тесен» – лежит невеселый факт количественного, числового ничтожества русской интеллигенции. Едва ли где-либо в другой стране возможны такие

неожиданные встречи и установления связей, как у нас.

И лишь потом выражение «Мир тесен» стало цитироваться у нас как фраза Колумба.

Колумб доказал, что мир тесен в географическом смысле. В XX веке социологи доказали, что мир тесен и в смысле межчеловеческих расстояний. В 1967 году сотрудник Гарвардского университета Стэнли Милгрэм провел знаменитый эксперимент, который он назвал «Мир мал», или, говоря по-нашему, «Мир тесен». Он раздал случайно выбранным жителям городка Омаха (штат Небраска) 300 конвертов, которые нужно было вручить некоему жителю Бостона, передавая конверты только через знакомых и родственников. 60 конвертов дошли до адресата, причем в среднем каждый конверт прошел через шесть человек.

Эксперимент произвел огромное впечатление на журналистов, а через них – и на широкую публику. Стали писать о законе «шести шагов», или «шести рукопожатий». «Каждый из нас через пять человек знаком с королевой английской», – говорили вполне серьезные люди. Люди менее серьезные вспоминали фразу: «Я танцевала с мужчиной, который танцевал с девушкой, которая танцевала с принцем Уэльским».

Потом обнаружилось, что правило «шести рукопожатий» появилось уже в 1929 году. И не в научном труде, а в рассказе венгерского фантаста Фридьеша Каринти «Звенья цепи». Здесь предлагалось экспериментально доказать, «что жите-

ли Земли ныне гораздо ближе друг к другу, чем когда-либо прежде». Нужно выбрать любого человека из полутора миллиардов (на тот момент) жителей Земли, и он, используя не более пяти человек, каждый из которых – личный знакомый другого, должен связаться с любым другим человеком на Земле.

В сущности, из этой идеи родился Facebook и прочие социальные сети. Исследования в Интернете подтвердили: правило «шести рукопожатий» действует и в виртуальном пространстве.

Так что Горький был, вероятно, неправ, объясняя тесноту нашего, российского мира «количественным ничтожеством русской интеллигенции». Мир вообще так устроен.

Мне ненавистны ваши убеждения, но...

В пьесе Леонида Зорина «Коронация» (1968) герои-интеллигенты изъясняются сплошными цитатами. Есть среди них и такая:

– Вольтер сказал своему оппоненту: мне ваше мнение чуждо, но я готов отдать жизнь за ваше право его иметь.

Для тогдашнего советского зрителя эта мысль была новой. В настоящую моду она вошла лишь в перестроечные годы. Между прочим, ее цитировал Юрий Лотман в своих телевизионных «Беседах о русской культуре»: «Я ни в чем с вами не согласен, сударь, но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность высказать свои мысли».

Впервые это изречение появилось в книге англичанки Эвлин Беатрис Хилл «Друзья Вольтера», изданной в 1906 году под псевдонимом С. Г. Таллентайр:

«Я не одобряю того, что вы говорите, но я ценой собственной жизни буду защищать ваше право говорить это» – такой была теперь его позиция.

Речь шла об отношении Вольтера к книге Гельвеция «Об уме». Хилл не цитировала Вольтера, а лишь резюмировала его точку зрения. Однако неосторожно поставленные кавычки ввели читателей в заблуждение.

В 1963 году в Нью-Йорке вышла «Книга французских цитат» Норберта Гатермана. Здесь высказывание Вольтера приведено уже по-французски, как цитата из письма к Франсуа Леришу от 6 февраля 1770 года:

Господин аббат, мне ненавистно то, что вы пишете, но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли продолжать писать.

Такое письмо действительно существует, однако в нем нет этих слов.

Известно, что Вольтер был противником фанатизма всякого рода и неутомимым проповедником терпимости к чужим взглядам. Вот некоторые из его высказываний:

Любите истину, но прощайте ошибку.
(«Рассуждения в стихах о человеке», II, 1738.)

В этой короткой жизни крайне жестоко преследовать тех, кто думает иначе, чем мы. («Рассуждение о терпимости» (1763), гл. 22)

Раздоры – великое зло человеческого рода, и единственное противоядие против них – терпимость.
(«Философский словарь» (1764), статья «Терпимость».)

Отношения Вольтера с Гельвецием были неровными. 27 октября 1740 года Вольтер писал ему: «Вы – ум, который я люблю и который необходим французам».

Но затем – по неизвестной причине – всякое общение между двумя мыслителями прекратилось до 1758 года, когда

вышел в свет трактат Гельвеция «Об уме». В этой книге не было прямой критики религии, однако по существу отвергались религиозные основания морали. Трактат, осужденный католической церковью и Парижским университетом, был приговорен к сожжению, а Гельвеция вынудили дважды отречься от него.

Вольтер выступил в защиту преследуемого философа, хотя очень многое в его книге он решительно отвергал, в том числе проповедь эгалитаризма, глубоко чуждого Вольтеру. Историк Герхард Штенгер в статье «Вольтер и Гельвеций» приводит заметки Вольтера на полях трактата Гельвеция: «химера», «детский лепет», «какое убожество!», «какой шалопай!», «наглец!»; но также: «хорошо», «это правильно», «очень хорошо».

В 1770 году вышел в свет третий том вольтеровских «Вопросов по поводу Энциклопедии». В статье «Человек» Вольтер писал:

Я любил автора книги «Об уме». Этот человек был лучше, чем все его враги, вместе взятые; но я никогда не одобрял ни ошибок его книги, ни тривиальных истин, которые он напыщенно изрекает. Я открыто выступил на его стороне, когда глупцы осудили его даже за эти истины.

Возможно, именно этот фрагмент и стал источником легендарной фразы. Хотя еще ближе к ней высказывание американского просветителя Томаса Пейна:

Я всегда упорно отстаивал право каждого человека на свое собственное мнение, сколь бы оно ни отличалось от моего.

(«Век разума» (1794), предисловие)

Мне нечего предъявить, кроме моего гения

2 января 1882 года в порт Нью-Йорка вошел океанский пароход «Аризона», прибывший из Ливерпуля. Одного из пассажиров с нетерпением ожидали журналисты – это был 27-летний Оскар Уайльд.

В то время имя Уайльда мало что значило в литературе: все, что он мог предъявить публике, – это тоненький сборник стихов, только что изданный. Зато он успел прославиться как лондонский денди и глашатай т. н. «эстетического движения». Суть движения состояла в культе эстетики («красоты»), не подчиненной каким-либо этическим или социальным целям. «Эстеты», и прежде всего сам Уайльд с его эпатажным поведением и манерой одеваться, были излюбленной мишенью знаменитого юмористического журнала «Панч».

В 1881 году Уайльд стал героем «комической оперы», а вернее сказать, пародийной оперетки Гилберта и Салливана «Терпение». Оперетка имела огромный успех, а Уайльд благодаря ей стал известен широкой публике, включая американскую, поскольку осенью 1881 года «Терпение» было поставлено на Бродвее. Тогда-то Уайльда и пригласили в США для чтения лекций. И пригласил его не кто иной, как про-

дюсер «Терпения» Ричард Д'Ойли Карт. Он предвидел, что лекционное турне Уайльда будет хорошей рекламой для оперетки, а оперетка послужит лучшей рекламой Уайльду.

Пароход причалил слишком поздно, чтобы пройти таможенные процедуры, поэтому Уайльд сошел на берег только на следующее утро. Таможенники спросили, какие ценности он хочет указать в таможенной декларации. Уайльд будто бы ответил:

– Мне нечего декларировать, кроме моего гения (или, в другом переводе: Мне нечего предъявить, кроме моего гения).

В англоязычных странах эта фраза известна каждому читающему человеку; она приведена во множестве биографий Уайльда. Но откуда известны эти слова? Многочисленные журналисты, встречавшие Уайльда в нью-йоркском порту, не упоминают о ней. Это высказывание приведено в книге Фрэнка Харриса «Жизнь и откровения Оскара Уайльда» (1914), однако Харрис не присутствовал при встрече Уайльда в Нью-Йорке.

Первое известное упоминание об ответе Уайльда таможенникам обнаружено в книге английского литератора Артура Рэнсома «Оскар Уайльд: Критическое исследование» (1912). Рэнсом, родившийся два года спустя после прибытия Уайльда в Америку, пользовался помощью Роберта Росса, одного из ближайших друзей Уайльда. Однако и Росс не мог быть свидетелем этой сцены.

Искусная самореклама была частью жизненной стратегии молодого Уайльда, но в его текстах, включая многочисленные письма из Америки, нет ни малейшего намека на будто бы сказанную им знаменитую фразу. И, кстати сказать, в 1882 году он еще не говорил о себе как о гении. Так что историю об Уайльде и таможенниках можно практически с полной уверенностью считать легендой.

Более интересно другое: легенда эта (что осталось незамеченным английскими и американскими исследователями) – всего лишь вариант эпизода из биографии Вольтера, случившегося столетием раньше.

В 1754 году Людовик XV изгнал Вольтера из Парижа. Четыре года спустя Вольтер купил имение Ферней в Швейцарии, на самой границе с Францией, где жил почти до самой смерти. В 1778 году, уже при Людовике XVI, изгнаннику было позволено вернуться в Париж. 83-летний Вольтер отправился в путь вместе со своим секретарем Жаном Луи Ваньером. Ваньер рассказывал:

10 февраля, в три с половиной часа дня, мы прибыли в Париж. На городской заставе служители спросили, не везем ли мы чего-либо запрещенного указами короля. «Клянусь честью – ответил Вольтер, – я полагаю, что здесь нет никакой контрабанды, кроме меня самого». (...) Тогда один из стражников сказал своему товарищу: «Да это же господин Вольтер!» (...) Все уставились на Вольтера с величайшим изумлением и уважением и

просили его продолжить свой путь.

Почти в той же форме передавали слова Вольтера парижские газеты: «Господа, здесь нет никакой контрабанды, кроме меня самого».

Восторженная встреча, устроенная Вольтеру парижанами, стала финальным аккордом его биографии. 30 мая 1778 года «фернейский патриарх» скончался, а его ответ таможенникам стал исторической фразой. Она была хорошо известна не только во Франции, но также в Англии и Америке. В частности, она попала в сборник «Краткие изречения великих людей», вышедшей в Бостоне в 1882 году и переизданной в 1887 году.

По всей вероятности, уже после смерти Уайльда эта фраза, в чуть переделанном виде, была приписана британскому остроумцу, в высказываниях которого слово «гений» повторяется постоянно.

Уайльд действительно был гением афоризма, но в данном случае следует воздать должное остроумию Вольтера.

Мозг – не половой орган

У истоков американского феминизма XX века стояла Шарлотта Перкинс Гилман. Всемирную известность принесла ей книга «Женщины и экономика» (1898), в которой, среди прочего, содержалась цитата, ставшая знаменитой:

Никакого «женского ума» не существует; мозг – не половой орган.

Эта мысль была вовсе не очевидной в XIX веке, а тем более раньше.

В 1696 году в Лондоне было опубликовано «Эссе в защиту женского пола», подписанное просто: «Леди». Имя автора выяснилось почти полвека спустя. Это была Джудит Дрейк, жена врача и политика Джеймса Дрейка. Леди Дрейк, ссылаясь на «сообщения ученых врачей», утверждала, что женский мозг «столь же пригоден для сообщения каких угодно идей», как и мужской.

В эпоху Просвещения этот тезис нашел новых защитниц. В романе Томаса Хоулкрофта «Анна Сент-Айвзская» (1792) молодая женщина заявляет:

– Ум не имеет пола (Mind has no sex).

Обычно это изречение приписывается Мэри Уоллстонкрафт, которая в трактате «Защита прав женщины» (1792) писала: «Мнение, будто ум имеет пол, не слишком соответ-

ствует принципам этого человека [Жана Жака Руссо]». Трак-
тат вышел с посвящением «г. Талейрану-Перигору» и вскоре
был переведен на французский.

Во Франции эта мысль связывается с именем Жермены де
Сталь. По рассказу Наполеона, когда он в 1797 году вернул-
ся из Итальянского похода, де Сталь докучала ему своими
визитами. Однажды он велел передать ей, что не может ее
принять, так как почти не одет. Де Сталь ответила:

– Это ничего не значит, ибо гений не имеет пола (*le génie
n'a pas de sexe*).

(Э. Лас Казес, «Мемориал Св. Елены», запись 18–20 янв.
1816 г.). Слово «*le génie*» во французском тогда означало
обычно «дарование».

Если речь о науке, то тут следует вспомнить о случае с Да-
видом Гильбертом. Согласно «Воспоминаниям» академика
Андрея Сахарова дело было так:

«Коллеги великого немецкого математика Д. Гильберта
возражали против введения Эмми Нётер в ученый совет
университета, так как она женщина; он воскликнул: “Но, гос-
пода, ведь ученый совет – не ванная комната!”»

«В Советском Союзе, – добавляет Сахаров, – этот прин-
цип “ванной комнаты” оказался на редкость живучим».

Эта история известна из книги американки Констанс Рейд
«Гильберт» (1970). В 1915 году Эмми Нётер претендовала на
звание приват-доцента Гёттингенского университета. Про-
фессора возражали:

– Если она станет приват-доцентом, то сможет стать и профессором, и даже членом Сената университета.

В частных беседах использовался еще один аргумент:

– Что подумают наши солдаты, когда они вернутся в университет и увидят, что должны учиться у ног женщины? [«У ног» – поскольку лекции читаются с кафедры. – К.Д.]

– Господа, – возразил Гильберт, – я не считаю пол кандидатки доводом против ее назначения приват-доцентом. В конце концов, университетский Сенат – не ванная комната.

Кандидатура Нётер была все же отклонена, но Гильберт добился, чтобы ей разрешили читать лекции в Гёттингене частным порядком. Приват-доцентом Нётер стала лишь в 1919 году, а внештатным профессором – в 1922-м. Ныне она считается одним из крупнейших математиков XX века.

Очень долго одним из аргументов в пользу умственного превосходства мужчин был чуть меньший, в среднем, вес женского мозга по отношению к мужскому. Однако это обусловлено меньшим, в среднем, ростом и весом женщин; к тому же уровень интеллекта зависит не столько от размеров мозга в целом, сколько от строения отдельных его частей. Мозг Эйнштейна, к примеру, весил чуть меньше среднего.

Некий американский шутник (неизвестного пола) предложил другое объяснение: «Женский мозг в среднем весит меньше мужского, потому что мужчину легче понять».

Момент истины

Это выражение восходит к роману-эссе Эрнеста Хемингуэя «Смерть после полудня» (1932). Здесь оно появляется при описании боя быков (гл. 7 и 15, перевод И. Судакевича):

Весь бой подводил к одной-единственной точке кульминации: конечному удару шпаги, подлинной стычке человека и зверя, той вещи, которую испанцы именуют «момент истины», и каждое движение на арене служило для подготовки быка к убийству.

Конечной целью и кульминационной точкой всего боя был завершающий удар шпагой, а плащ, по идее, только придатком, который помогал подготовить быка к моменту истины.

В современной же корриде важность плаща несравненно возросла, приемы работы с ним стали куда более опасны, так что момент истины – убийство – превратился в чрезвычайно запутанное дело.

В английском оригинале «момент истины» – «the moment of truth»; соответствующий испанский термин: «la hora de la verdad», *букв.* «час истины» или «пора истины». Форма «el momento de la verdad», нередкая в неиспаноязычной печати, появилась уже в 1960-е годы в результате обратного перевода с английского.

Итак, у Хемингуэя «момент истины» – кульминационный

и самый опасный для матадора момент корриды. В английский и другие языки это выражение вошло в значении: «момент решающего (и нередко опасного) испытания».

«Смерть после полудня», не считая небольшого отрывка, до 2015 года не переводилась на русский. Однако не позднее 1950-х годов «момент истины» проникает в советскую печать.

В романе Георгия Владимова «Три минуты молчания» (1969) это выражение появляется при попытке экипажа спасти тонущее судно:

«— ...Я запомню эту минуту, бичи. (...) Тут есть момент истины!

— Чего? (...)

— Как вам объяснить, что такое “момент истины”? Ну, это... когда матадор хорошо убивает быка. Красиво, по всем правилам».

В 1974 году вышел в свет роман Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого». В последующих изданиях он назывался «Момент истины», а прежнее название стало подзаголовком. Роман имел оглушительный успех: в 2001 году он вышел сотым изданием.

В издании 1979 года Богомолов дал определение «момента истины»: «момент получения информации, способствующей установлению истины». В самом романе читаем:

«Безусловно, оптимально перед задержанием прокачать их [вражеских разведчиков] на засаде с подстраховкой, по-

пытаться заставить проявить свою суть – это уже залог или вероятная предпосылка незамедлительного получения момента истины!...»

«– Их же не сумеют взять теплыми! А момент истины?»

В романе Богомолова «момент истины» – это и момент решающего для контрразведчиков испытания, и момент получения информации, от которой зависит судьба большой войсковой операции.

Автор романа сознательно избегал вымышленных реалий и терминов, но «момент истины», как я полагаю, был исключением. Едва ли это выражение действительно существовало в языке контрразведки в 1944 году; Богомолову оно понадобилось как сквозная метафора, проходящая через весь роман.

Богомоловский «момент истины», вероятно, возник в результате контаминации хемингуэевского «момента истины» с более ранним выражением «час правды», означавшим время, когда правда выходит наружу. Например: «Слушай, шах! Час правды настал!» (Влас Дорошевич, «Человек правды (Персидская сказка)», 1902).

В 1992 году «Моментом истины» была названа телепередача, в которой ведущий Андрей Караулов беседовал с каким-либо известным лицом на «острые» темы. Здесь «момент истины» означал уже почти то же самое, что «час правды».

Мопассан и Эйфелева башня

В 1970-е годы в телепередаче «Что, где, когда» знатокам был задан вопрос:

– Французский писатель Ги де Мопассан очень не любил Эйфелеву башню, но тем не менее постоянно там обедал в ресторане на первом уровне башни. Почему? Как это объяснял писатель?

Ответ:

– Потому что это единственное место в Париже, откуда ее не видно.

«Что, где, когда» смотрела вся страна, и этот вопрос запомнили многие. Он и поныне регулярно встречается в конкурсах эрудитов.

Но откуда известны эти слова?

В книге Франсуа Денё «Зеркальце французской цивилизации» (1938) приведен диалог:

– Вы говорите, что не любите Эйфелеву башню, а между тем всегда обедаете здесь! – заметил один приятель другому, который обедал в ресторане на первом уровне башни.

– Верно, я всегда обедаю здесь, потому что это единственное место, откуда я не вижу этого ужасного сооружения!

После Второй мировой войны этот ответ стали приписы-

вать Мопассану.

Однако впервые эта байка, вероятно, появилась в Англии. 15 декабря 1932 года мир отмечал столетие Гюстава Эйфеля. По этому поводу в газете «Liverpool Post» появилась заметка, перепечатанная многими другими газетами. Речь в ней шла об Уильяме Моррисе (1834–1896). Этот писатель, художник-дизайнер и теоретик искусства был одной из главных фигур движения прерафаэлитов. Вот что писала «Liverpool Post»:

Во время своего последнего пребывания в Париже он [Моррис] проводил много времени в ресторане Эйфелевой башни. Здесь он завтракал, обедал и ужинал, и здесь же писал.

– Должно быть, ты очень впечатлен этой башней, – заметил его приятель.

– Впечатлен! – воскликнул Моррис. – Я сижу здесь лишь потому, что это единственное место в Париже, откуда не видно этой уродины.

И все же легенда о Мопассане и Эйфелевой башне родилась не на пустом месте. Вспомним чеховскую «Чайку», где Треплев бежит от театральной рутины, «как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью».

Эйфелева башня была построена для Парижской всемирной выставки 1889 года, а в 1890 году вышла в свет книга путевых очерков Мопассана «Бродячая жизнь». В главе «Уста-

лость» Мопассан говорит:

«Я покинул Париж и даже Францию, потому что Эйфелева башня чересчур мне надоела.

Она не только видна отовсюду, но вообще попадаетея вам на каждом шагу: она сделана из всех возможных материалов и преследует вас из всех витрин, как неотвязный, мучительный кошмар». (Перевод Г. Рачинского.)

На Эйфелевой башне два ресторана: один на первом уровне (высота 58 м), другой на втором (высота 124 м). И Мопассану действительно случалось там обедать. Но вот что он пишет об этом в «Бродячей жизни»:

...Все, словно повинуюсь какому-то приказу, приглашают вас туда каждый день недели то позавтракать, то пообедать.

В этой жарнице, в этой пыли, в этой вонь, в этой толпе подвыпившего, потного простонародья, среди обрывков сальной бумаги, валяющихся или летающих по ветру, среди запахов колбасы и пролитого на скамейках вина, среди дыхания трехсот тысяч ртов, благоухающих всем, что ими съедено, среди скученности, толкотни, давки всех этих разгоряченных тел, в этом смешавшемся поте всех народов, усеивающих своими блохами все дорожки и все скамейки, еще можно было раз-другой с брезгливостью и с любопытством отведать стряпни воздушных трактирщиков — я готов был допустить это, — но меня поражало, что можно ежедневно обедать в такой грязи и в сутолоке, как это делали люди

хорошего общества...

Как видим, по доброй воле Мопассан никогда не стал бы обедать в таком заведении.

О том, как воспринимали Эйфелеву башню законодатели вкусов конца XIX века, можно судить по воспоминаниям Лоренса Хаусмана «Эхо Парижа» (1923). В конце сентября 1899 года Оскар Уайльд и несколько его английских друзей сидели в кафе на площади Оперы:

– В Париже можно загуляться, но нельзя заблудиться, – заметил Уайльд.

– Потому что есть Эйфелева башня?

– Да. Отвернитесь от нее – и весь Париж перед вами.

Посмотрите на нее – и Париж исчезает.

Легко догадаться, что Уайльд не был рад такому ориентиру.

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью

10 мая 1962 года Хрущев выступил на совещании работников железнодорожного транспорта:

– В одной из советских песен сказано: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Очень хорошо сказано, хорошие слова! Применяя их к нашему времени, мы говорим: мы рождены, чтобы выполнить великую Программу нашей партии.

Речь шла о песне «Все выше» («Авиамарш»), написанной весной 1923 года поэтом Павлом Германом на музыку Юлия Хайта. В словах «сказку сделать былью» вместились весь утопический пафос раннесоветской идеологии. В годы позднего сталинизма этот пафос сильно поблек, а в годы хрущевской оттепели пережил второе рождение. После полета Гагарина слова «Преодолеть пространство и простор» засияли новыми красками.

Осенью 1964 года Хрущев был смещен. Новый курс клонился скорее к «реальному социализму»; сказочное коммунистическое завтра становилось вчерашним днем. Зато все заметнее – если не для всех, то для некоторых, – выступали абсурдные черты советского бытия.

Именно тогда родилась фраза «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Судя по всему, ее автором был художник

и литератор-концептуалист Вагрич Бахчанян (1938–2009), живший в то время в Харькове. Вот его собственное свидетельство:

На эту фразу уже накопилось довольно много авторов. Ее и Арканов, например, повторял. А родилась она довольно давно, еще в Харькове, когда у нас впервые вышел Кафка. Еще при Хрущеве. У меня есть свидетели: [Эдуард] Лимонов и [Юрий] Милославский – это была одна компания. И вот кто-то пришел с Кафкой, говорит: Кафку купил! И я тут же выпалил: мы рождены, чтоб Кафку сделать былью. Это было году в 64-м.

(«Тайм-аут», 2005, № 48)

В другом интервью Бахчаняна есть и такая деталь: «Мы были чуть навеселе – это самое лучшее состояние, когда не пьян, а чуть навеселе. Полтора-два стаканчика – и ты в самом лучшем состоянии, чтобы заниматься словотворчеством» («Новая газета», 16 июня 2003 г.).

В датировке фразы Бахчанян как минимум на год ошибся. Долгое время Кафка был запретным плодом для советского читателя. В январском номере «Иностранной литературы» за 1964 год появились несколько его новелл, включая «Исправительную колонию» и «Превращение». Но первая – и долгое время единственная – книга Кафки вышла в СССР уже после смещения Хрущева, в августе 1965 года. Это был знаменитый «черный томик» избранного, откры-

вавшийся романом «Процесс». Купить его в Москве было нереально, но в Харькове, судя по свидетельству Бахчаняна, удалось. Именно с этого времени имя Кафки стало у нас синонимом абсурда.

В 1967 году Бахчанян переехал в Москву и стал сотрудником 16-й полосы «Литгазеты», что, надо думать, способствовало продвижению его фразы в широкие интеллигентские массы.

Другую версию изложил поэт Константин Ваншенкин в мемуарном очерке «В мое время» (1999): «Это при мне придумал с ходу Арсений Тарковский в Переделкине в 70-е годы».

Но датировка Бахчаняна точнее. О том, что не позднее 1968 года его одностишие вошло в интеллигентский фольклор, свидетельствует книга Ефима Эткинда «Записки незаговорщика» (Лондон, 1977).

В 1968 году в серии «Библиотека поэта» должна была выйти двухтомная антология «Мастера русского стихотворного перевода» со вступительной статьей Эткинда. Когда оба тома были уже напечатаны, кто-то из идеологического начальства заметил во вступительной статье фразу: «...между XVII и XX съездами [т. е. в 1934–1956 гг. – К.Д.] русские поэты, лишённые возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гёте, Орбелиани, Шекспира и Гюго».

Бюро ленинградского обкома партии немедленно осудило

эту «политически вредную концепцию», а в Институте иностранных языков профессора Эткинда подвергли ритуальной проработке:

28 ноября 1968 года народу собралось много – заседание оказалось представительным; сразу два ученых совета должны были, не жалея времени и сил, обсуждать мою «фразу». Я сидел спиной к залу и записывал; в памяти вертелась строчка из пародийной песни, в то время широко распространенной в интеллигентных кругах. С детства мы пели эту песню на демонстрациях, не слишком вдумываясь в ее смысл: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...» Пародия же звучит так:

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

Об этом я и думал, ожидая начала.

Я в ту пору подсчитал: обсуждением и осуждением «фразы», а также исправлением ее последствий оказалось занято не менее 400 (четырехсот!) человек, каждый в среднем по 2 1/2 часа (...); итого «фраза» обошлась государству по приблизительным подсчетам в 1000 (одну тысячу) человеко-часов, причем тратили время высокооплачиваемые писатели, профессора, редакторы. А сколько ушло денег на печатанье первого варианта, уничтожение и потом печатанье второго (два тома, тираж 25 тысяч, итого, значит, 50 тысяч томов)! Поистине:

Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью...

Бахчанян сочинил немало речевок подобного рода. По известности вторая из них:

Всеми правдами и неправдами жить не по лжи.

Мы хотели как лучше...

К весне 1993 года инфляция дошла до того, что в обращении появились 500-тысячные купюры, а 24 июля было объявлено об отмене советских банкнот. План операции разработал глава Центробанка Геращенко. Обменивать разрешалось 35 тысяч в одни руки – меньше 35 долларов по тогдашнему курсу, и отводилось на это две недели (в разгар отпускного сезона!), причем хождение советских банкнот заканчивалось через три дня. Началась настоящая паника. Миллионы людей встали в очереди к сберкассам; в магазинах скупали все нужное и ненужное.

На третий день, 26 июля, были сделаны послабления: лимит обмена повышен до 100 тысяч, срок продлен до конца августа, 10-тысячные купюры выпуска 1992 года разрешалось обменивать сверх лимита.

Две недели спустя после начала операции, 6 августа, премьер Черномырдин на Совете Министров назвал решение об обмене денег «технически неподготовленным». А вечером страна увидела Виктора Степановича по ТВ и слышала:

– Мы хотели как лучше, а получилось как всегда.

Стоило ему это произнести, как стало казаться, что эта фраза существовала испокон веку. Валентин Павлов был не единственным и не первым, кому ее приписывали. Назывались имена Райкина, Жванецкого, Явлинского... На са-

мом же деле до Черномырдина обычной, по-видимому, была лишь первая часть изречения: «Мы хотели как лучше».

Формула, наиболее близкая к черномырдинской, встречалась в статье Аркадия Попова «Кто остановит “партию войны”?» («Независимая газета», 25 июня 1992 г.): «Не знаю, утешит ли это тех, кого убили вчера и убьют завтра в присоединении Осетии, но что, интересно знать, скажут нам тогда в своих очередных заявлениях наши московские вожди-водители? Что они не виноваты, а виноваты другие, что они-то *хотели как лучше, а вышло – как хуже?*» (курсив мой. – К.Д.).

Вместо банального «как хуже» Виктор Степанович сказал «как всегда», и фраза вошла в историю – а также в русский язык на правах пословицы.

Удивительно, но факт: газеты ее не заметили. На другой день, 7 августа, никто о ней не упомянул. В превосходной базе данных «Интегрум» первое упоминание о фразе Черномырдина датируется весной 1994 года, и тут она уже названа «знаменитым высказыванием». (Михаил Леонтьев, «Премьер действует по “программе Петровича”», в газ. «Сегодня», 10 марта 1994 г.)

В номере «Коммерсанта» от 30 июня обозреватель Максим Соколов писал: «Bon mot [остроумное изречение] Черномырдина – “Мы хотели как лучше, а получилось как всегда” – эпиграф ко всей истории российского централизованного государства». 6 августа он же отметил первую годовщи-

ну исторической фразы.

В декабрьском номере «Домового» (приложения к «Коммерсанту») Максим Соколов был объявлен «самым блестящим пером» года, а формула «Хотели как лучше...» – «самым остроумным высказыванием» (не 93-го, а именно 94-го года!). Так Виктор Степанович встал в один ряд с виднейшими мастерами слова.

Пять лет спустя наш другой златоуст, Юрий Михайлович Лужков, выступая с лекцией «Российские “Законы Паркинсона”», вынужден был признать:

– Соревноваться с этой формулой теперь уже бессмысленно. Она вошла в золотой фонд российского управленческого фольклора. Ее можно выбивать на фронтонах правительственных зданий.

Однако ничто не ново под луной. Если верить «Мемуарам» Жанны Луизы Кампан, камеристки Марии Антуанетты, Людовик XV после провала очередного начинания своих министров говорил: «Они так хотели; они думали, что так будет лучше» («Ils l'ont voulu ainsi; ils ont pensé que c'était pour le mieux»).

Мы чужие на этом празднике жизни

Для начала напомним контекст. Остап Бендер и Киса Воробьянинов, поиздержавшись в дороге, гуляют по парку «Цветник» – гордости курортного Пятигорска:

В «Цветнике» было много музыки, много веселых людей и очень мало цветов. Симфонический оркестр исполнял в белой раковине «Пляску комаров». В Лермонтовской галерее продавали нарзан. Нарзаном торговали в киосках и вразнос.

Никому не было дела до двух грязных искателей брильянтов.

– Эх, Киса, – сказал Остап, – мы чужие на этом празднике жизни.

(«Двенадцать стульев», гл. 26)

Фраза Остапа почти без изменений перекочевала в роман из дневника Ильфа, который вместе с Петровым побывал в Пятигорске в июне 1927 года:

«...попали в “Цветник”. Взяли 32 копейки. Вообще берут. Обещают музыку. Но что за музыка, ежели все отравлено экономией. (...) На празднике жизни в Пятигорске мы чувствовали себя совершенно чужими».

В классическом комментарии Юрия Щеглова к диалогии о великом комбинаторе указан ближайший литературный ис-

точник фразы Остапа – лермонтовские «Стансы» (1831):

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Имя Лермонтова тесно связано с Пятигорском, а лермонтовские мотивы не раз появляются в «кавказских» главах «Двенадцати стульев». Однако само выражение «праздник жизни» принадлежит Пушкину:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина.

(«Евгений Онегин», заключительная строфа)

Как видим, и у Пушкина, и у Лермонтова «праздник жизни» окрашен в элегические тона. И уж тем более у Некрасова:

Праздник жизни – молодости годы —
Я убил под тяжестью труда.

(Начало стихотворения, 1855)

Сумрачная окраска «праздника жизни» идет от французской поэзии, откуда попало к нам это выражение. По-французски оно звучит «*banquet de la vie*», т. е. «пир жизни». Выражение это ввел Никола Жильбер в «Оде, написанной в подражание многим псалмам»:

На жизненном пиру, злосчастный гость,
Однажды появился я и умираю.

Обычно считается, что ода была написана за несколько дней до смерти поэта, не дожившего до 30 лет; отсюда ее второе название: «Прощание с жизнью». На самом деле ода была опубликована в «Парижской газете» («Journal de Paris») 17 октября 1780 года, а месяц спустя, 16 ноября, Жильбер в припадке безумия проглотил довольно большой ключ, задохнулся и умер.

Но и у Жильбера был предшественник – древнеримский поэт Лукреций. «Гость на жизненном пиру» (*vitae conviva*) появляется в его поэме «О природе вещей». Причем у Лукреция «пир жизни» тоже связан с рассуждениями о смерти, более того – о самоубийстве:

Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти? (...),
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный
пиршеством жизни?

(Перевод Ф. Петровского)

Философское оправдание суицида было обычным не только у римских стоиков, но также эпикурейцев, к которым принадлежал Лукреций.

С фразой Остапа перекликается еще одно, уже не стихотворное изречение. У Герцена читаем: «Не все приглашены

природой на пир жизни» («Письма из Франции и Италии. 1847–1852»). В другом месте Герцен указывает автора этой мысли: «...неприглашенные на пир жизни, о которых говорит Мальтюз [т. е. Мальтус]» («С того берега», 1858).

Томас Роберт Мальтус, английский экономист, знаменит прежде всего своим «Опытом закона о народонаселении» (1798), в котором сформулирован т. н. «закон Мальтуса»: «Население возрастает в геометрической прогрессии, а средства пропитания – только в арифметической». Во II издании «Опыта...» (1803) появилась еще одна броская сентенция:

Человек, явившийся в уже занятый мир, если родители не могут его прокормить и если обществу не нужен его труд, не имеет права требовать для себя даже крох пропитания, ибо он совершенно лишний на этом свете. На великом пиршестве Природы для него нет прибора.

(Здесь, кстати сказать, употреблено слово *feast*, первое значение которого «праздник», и лишь затем – «пир», «пиршество».)

Это высказывание получило скандальную известность, и в следующих изданиях книги автор его снял. Но именно оно, наряду с «законом Мальтуса», цитируется чаще всего, – например, у Салтыкова-Щедрина: «...он фаталистически поставлен был в положение человека, которому нет места на жизненном пире» («Дневник провинциала в Петербурге»,

1873).

Тот же образ встречаем у поэта Лиодора Пальмина:

Многим нет места на жизненном пире,
И тяжела их судьба.

(«Песнь о труде», 1887)

Для гуляющих по «Цветнику» Остапа и Кисы «не нашлось прибора» на пиршестве жизни. И сверху взирает на них не только тоскующий Лермонтов, но и безжалостный Мальтус.

Мыслю, следовательно, существую

Знаменитое «Cogito, ergo sum» появилось в латинском издании «Рассуждения о методе» (1641) – главного философского трактата Рене Декарта:

...В это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина «Я мыслю, следовательно, я существую» столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии.

(«Рассуждение о методе», IV; перевод Г. Слюсарева и А. Юшкевича)

Во французском издании (1637) эта мысль изложена на родном языке ученого: «Je pense, donc je suis».

Тезис «Мыслю, следовательно, существую» стал лозунгом рационалистической философии XVII–XVIII веков.

Менее известно другое положение Декарта: «Dubito, ergo sum» – «Сомневаюсь, следовательно, существую». Оно содержалось в его неоконченном трактате «Исследование истины в свете естественного разума (ок. 1647 г.): «Сомневаюсь, следовательно, существую, или, что то же самое, мыс-

лю, следовательно, существую».

Близкую мысль мы встречаем у другого, крайне далекого от Декарта мыслителя: «*Si fallor, sum*» – «Если я ошибаюсь, я существую» (Августин, «О Граде Божием» (413–427), кн. XI).

Тезису «*Cogito, ergo sum*» противостоит тезис «*Cogitor, ergo sum*» – «Мыслью [Богом], следовательно, существую». Он приписывается немецкому философу Францу Ксаверу фон Баадеру (1765–1841); приведен в предисловии к посмертному изданию его «Собрания сочинений» (1851).

В «Лекциях по спекулятивной догматике» Баадера (1828) сказано несколько иначе: «Вместо того, чтобы вместе с Декартом говорить: “Мыслью, следовательно, существую”, следует говорить: “Мыслью, следовательно, мыслью”».

Впрочем, уже в XIII веке философ-схоласт Сигер Брабантский утверждал: «...Живое существо не мыслит, но мыслимо (*non intelligit, sed intelligitur*), и это – человек» (комментарий к трактату Аристотеля «О душе»).

Русский философ Вячеслав Иванов, размышляя над творчеством Достоевского, предложил формулу «*Es, ergo sum*» – «Ты [Господи] есть, следовательно, я существую» («Достоевский и роман-трагедия», 1914).

Другой русский философ, Владимир Соловьев, писал: «Я стыжусь, следовательно, я существую, не физически только, но и нравственно; я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек» («Оправдание добра»,

1897).

Но не только философы поправляли Декарта. В «Словаре Сатаны» Амброза Бирса (1911) читаем:

ДЕКАРТ, известный философ, автор знаменитого изречения «Мыслю, следовательно, существую», которое, по его мнению, доказывает реальность существования человека. Однако это изречение должно быть исправлено следующим образом: «Мне мыслится, что я мыслю; следовательно, я существую».

Вот еще несколько фраз по мотивам «Cogito, ergo sum»:

Иногда я мыслю, а иногда существую. (Поль Валери, «Убитые вещи», 1931.)

Не существовать, а только мыслить, мыслить и мыслить! (Станислав Ежи Лец, «Непричесанные мысли, записанные в блокнотах и на салфетках...», 1996.)

Я мыслю и на это существую. (Академик Виталий Гольданский, физико-химик.)

Не мыслю, а все-таки существую. (Кретья Патачкувна, персонаж рубрики «Мысли...» краковского еженедельника «Пшекруй», 1964.)

На Шипке все спокойно

В июле 1877 года русские войска заняли оставленный турками Шипкинский перевал через Балканский хребет. К началу сентября защитники Шипки отбили несколько атак противника, а затем началось «Шипкинское сидение», продолжавшееся до конца декабря, когда турецкая армия под Шипкой была разгромлена. За время «сидения» Шипкинский отряд потерял почти 10 тыс. человек больными и обмороженными.

В июне 1879 года в Лондоне открылась огромная (180 картин) выставка Василия Верещагина. Здесь была представлена и серия картин, посвященных русско-турецкой войне. В декабре картины Верещагина увидели парижане, а в феврале – марте 1880 года – петербуржцы. За 40 дней число посетителей составило 200 тыс. человек – фантастическая цифра для тогдашней России.

Многие полотна были огромного размера, но был здесь и небольшой триптих с изображением русского часового в горах. На первой картине он только что заступил на пост, на второй уже занесен метелью по колени, а на третьей лежит, почти полностью засыпанный снегом. Под триптихом было написано: «На Шипке все спокойно. (Рапорт генерала Радецкого)».

Федор Федорович Радецкий командовал Южным отря-

дом, охранявшим перевалы через Балканы, включая Шипкинский. Художественный обозреватель «Русского вестника» (1880, № 3) задавался вопросом: «...Какой смысл хотел придать художник подлинным словам рапорта?»

На этот вопрос Верещагин ответил в «Воспоминаниях о русско-турецкой войне 1877 г.» (1902). В начале сентября 1877 года он совершил поездку из лагеря под Плевной на Шипку:

Мы (...) застали его превосходительство за любимейшим времяпрепровождением – за картами. С самого утра бравый генерал уже садился за зеленый стол и, едва отрываясь для принятия пищи и необходимейших распоряжений, не поднимался до самого вечера, до ночи. (...) Добродушный, рассеянный, хладнокровный в опасности, Радецкий был любим в войсках (...). Справедливость требует, однако, сказать, что его проживание в пяти верстах от места действия и редкие из-за карт посещения батарей, землянок и траншей – в последние он, кажется, очень редко заглядывал – были причиной того, что целая дивизия вымерзла на Шипке.

Итак, Верещагин прямо обвинял Радецкого в беспечности – а вернее сказать, в преступной халатности, приведшей к гибели целой дивизии.

Насколько это обвинение было оправданным? Прежде всего заметим, что Верещагин был на Шипке задолго до начала морозов. Трудно поверить, что генерал, «любимый в

войсках», четыре месяца только и делал, что сидел за карточным столом, не заботясь о своем замерзающем отряде. Во всяком случае, отзывы о Радецком военных историков вполне благоприятны.

Верещагин в своей подписи к картине говорил о «рапорте Радецкого» в единственном числе. Но почти сразу же отсюда возникла легенда о множестве донесений Радецкого с фразой «На Шипке все спокойно».

Уже в 1881 году генерал С. П. Зыков писал, что Радецкий «в самые тяжкие дни для его шипкинских орлов (...) скромно и кратко доносил, что на Шипке “все спокойно”, чтобы только не поселить в обществе и в войсках под Плевною напрасной тревоги» («Война 1877 и 1878 гг. в европейской Турции»). А век спустя советский историк И. А. Федосов утверждал, что во время «Шипкинского сидения» Радецкий *ежедневно* слал в Петербург телеграммы: «На Шипке все спокойно» («Россия и освобождение Болгарии», 1982).

Между тем в печати времен войны (откуда Верещагин только и мог позаимствовать эту фразу) о подобных донесениях Радецкого не сообщалось. Позднейшие историки, упоминая о таких донесениях, не давали себе труда сослаться на источники. Тут, безусловно, действовала сила внушения верещагинского триптиха: зачем доказывать то, что и без того всем известно?

Верещагин и в самом деле заимствовал название триптиха из русской печати. Однако эта фраза

1) не принадлежала Радецкому,

2) появилась летом, за несколько недель до начала «Шипкинского сидения»,

3) позднее уже не повторялась.

Согласно «Дневнику пребывания Царя-Освободителя в дунайской армии» (1887), «с вечера 15-го августа ружейная перестрелка [на Шипке] почти прекратилась и сегодня утром все спокойно». «Начальник штаба армии генерал-адъютант [Артур Адамович] Непокойчицкий сегодня [17 августа] телеграфировал с Шипки, что там все спокойно и отряд наш в безопасности».

Это сообщение подтверждается в другом документальном сборнике: «В “Московские ведомости” телеграфировали из Горного Студеня от 16-го августа утром: “На Шипке все спокойно”». («Война России с Турцией 1877–1878 года», 1879).

В «Полном сборнике официальных телеграмм восточной войны...» (1878) оборот «все спокойно» несколько раз встречается в телеграммах вел. кн. Николая Николаевича, главнокомандующего Действующей армией на Балканах, но ни разу – в связи с положением на Шипкинском перевале осенью – зимой 1877 г.

В репродукциях верещагинского триптиха указывается: «Местонахождение неизвестно». Предполагают, что художник уничтожил его (что с ним иногда случалось). Сохранилось лишь авторское повторение, меньшее по размерам.

Почти за 20 лет до русско-турецкой войны в США появи-

лась фраза почти с тем же значением: «На Потомаке все спокойно» – «All quiet along the Potomac». Потомак – река на границе штатов Вирджиния и Мэриленд. В районе ее правого притока – реки Бул-Ран – в 1861–1862 гг. шли ожесточенные сражения «южан» с «северянами». В периоды временного затишья дежурной фразой военных корреспондентов было: «На Потомаке все спокойно».

Журналисты выдавали ее за цитату из приказов генерала «северян» Дж. Б. Макклеллана. Но достоверность этих приказов не больше, чем достоверность «рапорта Радецкого». Газетчики взяли эти слова из стихотворения Этел Бирс «Сторожевая застава» (1861), в котором высмеивалась пассивность Макклеллана.

19 сентября 1870 года, в ходе франко-прусской войны, немцы осадили Париж. Решено было взять город измором, так что осада затянулась на четыре месяца с лишним. Телеграммы генерала Теофила фон Подбельски из штаб-квартиры германской армии нередко заканчивались или начинались словами: «Под Парижем без перемен» («Vor Paris nichts Neues», букв. «Под Парижем – ничего нового»).

Подобные обороты встречались и в Первую мировую войну. Так, 30 ноября 1914 года военное командование сообщало: «На Западном фронте не произошло ничего нового» («Von der Westfront ist nicht Neues zu melden»). Отсюда появилось заглавие романа Ремарка «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues», 1929).

В 1966 году на советские экраны вышел фильм «Волшебная лампа Аладдина» (режиссер Борис Рыцарев, сценарий Виктора Витковича и Григория Ягдфельда). Постоянным рефреном фильма стала фраза «В Багдаде все спокойно». Один из персонажей спрашивает:

– Знаешь, почему я прожил восемьдесят пять лет? Потому что все время говорил: «В Багдаде все спокойно!»

А заканчивался фильм усыпляющей мантрой:

В Багдаде все спокойно.

В Багдаде все спокойно,
спокойно, спокойно,

В Багдаде все спокойно,
спокойно, спокойно...

Ныне эта фраза по популярности превосходит классическое «На Шипке все спокойно».

Нам нечего бояться, кроме самого страха

4 марта 1933 года в должность президента США вступил Франклин Делано Рузвельт. Шел четвертый год Великой депрессии, которая в коллективной памяти американцев осталась как самая тяжелая травма. Национальный доход сократился почти на треть, почти половина банков обанкротилась, число безработных приближалось к 15 миллионам, доходы фермеров сократились вдвое из-за обвала цен на сельхоз-продукты.

В речи при вступлении в должность Рузвельт сказал:

– Единственное, чего мы должны страшиться, – это сам страх – безымянный, беспричинный, безосновательный ужас, который парализует усилия, необходимые для того, чтобы регресс превратить в прогресс.

Эти слова были сказаны при таких исключительных обстоятельствах, что формула: «Единственное, чего мы должны страшиться, – это сам страх» («The only thing we have to fear is fear itself») – навсегда связана с именем Франклина Рузвельта.

Однако она восходит к гораздо более раннему времени.

Незадолго до инаугурации Рузвельту подарили сборник произведений Генри Дейвида Торо (1817–1862), и эта книга

находилась в его гостиничном номере, когда он писал свою речь. Среди прочего, здесь содержалась запись в дневнике Торо от 7 сентября 1851 года: «Чего следует страшиться больше всего – так это страха».

Уильям Уокер Аткинсон, приверженец т. н. «Нового мышления» – течения, близкого к оккультизму, в книге «Вибрации мысли» (1908) писал: «Помните, что единственное, чего следует страшиться, – это Страх...» 11 лет спустя он повторил эту мысль в трактате «Мощь концентрации» (1918), на сей раз сославшись на некоего «моралиста».

В 1917 году эта фраза уже проникла в область рекламы. В номере «The Washington Post» от 4 июля фирма музыкальных инструментов «Эдвард Друп и сыновья» поместила текст в духе «позитивной мотивации» под огромным заголовком:

Единственное, чего следует страшиться, – это страх.

В 1886 году вышла из печати книга Филипа Генри Стенхупа «Заметки о беседах с герцогом Веллингтоном». В записи от 3 ноября 1831 года приводились слова этого знаменитого полководца: «Единственное, чего я боюсь, – это страх».

«Нет ничего ужаснее, чем сам страх», – писал Фрэнсис Бэкон в трактате «О достоинстве и приумножении наук» (1623).

Близкое высказывание можно найти в «Опытах» Мишеля Монтеня, I, 18 (1580).

Англоязычные авторы, выяснявшие происхождение этой

формулы, не идут дальше XVI века. Между тем появилась она в Древнем Риме. Сенека писал:

...Отдели смятение от его причины, смотри на само дело – и ты убедишься, что в любом из них нет ничего страшного, кроме самого страха (*nihil esse (...) terribile nisi ipsum timorem*).

(«Письма к Луцилию», 24; перевод С. Ошерова)

Возможно, Сенека и был тем моралистом, на которого ссылался Уильям Уокер Аткинсон.

Нам нужны советские Гоголи и Щедрины

5 октября 1952 года Георгий Маленков выступил с отчетным докладом ЦК перед XIX съездом ВКП(б). Маленков числился среди возможных наследников Сталина, а после смерти Иосифа Виссарионовича заменил его на посту председателя Совмина. Довольно неожиданно он затронул вопрос о сатире:

– Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед.

В более кратком виде – «Нам Гоголи и Щедрины нужны» – фраза появилась в печати на полгода раньше, в редакционной статье «Правды» от 7 апреля «Преодолеть отставание драматургии».

Эта статья – один из самых известных установочных текстов советской идеологии. «Нам не надо бояться показывать недостатки и трудности, – говорилось здесь. – Лечить надо недостатки. Нам Гоголи и Щедрины нужны». В той же статье были пущены в ход такие обороты, как «теория бесконфликтности», «конфликт хорошего с лучшим» и «лакировка

действительности».

Редакторы «Правды» самодеятельностью не занимались, а излагали мысли вождя. Мысль о советских Гоголях и Щедриных вождь высказал при обсуждении кандидатур на Сталинские премии 26 февраля 1952 года:

– Говорят так, словно у нас нет сволочей. Говорят, что у нас нет плохих людей, а у нас есть плохие и скверные люди. У нас есть еще немало фальшивых людей, немало плохих людей, и с ними надо бороться, и не показывать их – значит совершать грех против правды. Раз есть зло, значит, надо его лечить. Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины.

(По записи Константина Симонова, опубликованной в его книге «Глазами человека моего поколения», 1988.)

Почему в 1952 году Сталину вдруг понадобились Гоголи и Щедрины? Тут возможны только гипотезы. Историк советской литературы Евгений Добренко объясняет это тем, что Сталин готовил новую «большую чистку» в высших эшелонах власти.

Со смертью Сталина надобность в чистке отпала, а вместе с ней – и надобность в Гоголях-Щедриных. В № 3 журнала «Коммунист» за 1957 год этот лозунг фактически осуждался: «Кое-кто неправильно толкует призыв партии поднять бичующую силу нашей сатиры до уровня гоголевской и щедринской. Забывается при этом, что сатира Гоголя и особенно сатира Салтыкова-Щедрина была направлена на расшатывание основ существовавшего тогда строя». Между тем цель

советской сатиры совершенно иная – «утверждение советского строя путем критики недостатков».

Эту смену партийной установки сатирик Юрий Благов предвидел уже в 1953 году:

Мы – за смех! Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Эпиграмма была опубликована в «Крокодиле» вскоре после смерти Сталина, 30 апреля 1953 года. Правда, редактор изменил первую строку («Я – за смех...» вместо «Мы – за смех») и дал заглавие «Осторожный критик».

Сталинско-маленковская формула имела давнюю предысторию. Еще до революции большевистский критик Александр Воровский писал: «Нам виден другой смех – смех Гоголя, Щедрина, Чехова. И нужен их смех» («Литературные заметки» в газ. «Ясная заря» от 25 октября 1911 г.).

Лев Троцкий в основополагающем для своего времени труде «Литература и революция» (1923) утверждал: «Нам нужны свой “Недоросль”, свое “Горе от ума”, свой “Ревизор”».

А за 25 лет до Сталина известный деятель ВКП(б) С. И. Гусев писал: «К сожалению, у нас еще нет наших советских Гоголей и Салтыковых» (статья «Пределы критики» в «Известиях» от 5 мая 1927 г.).

В послесталинскую эпоху роль советского Гоголя и Щедрина играл Аркадий Райкин вместе с авторами райкинских скетчей. В спектакле Ленинградского театра миниатюр «Любовь и три апельсина» (1962, пьеса Вл. Масса и Мих. Червинского) директор Академии смеховедческих наук разъяснял:

– Смех бывает: идейный – безыдейный, оптимистический – пессимистический, нужный – ненужный, наш – не наш, иронический, саркастический, злопыхательский, заушательский, утробный, злобный и... от щекотки.

(Согласно изданию пьесы 1962 г.)

В ранней театральной версии этого монолога упоминались еще два вида смеха: «гомерический, софронический». «Софронический» – от имени Анатолия Софронова, автора производственных комедий «Стряпуха» и «Миллион за улыбку».

Софронический смех, собственно, и был идеальным воплощением советской сатиры.

Начальник всегда прав

– Поправка в том виде, как она изложена, напоминает мне старый анекдот про военный устав, пункт первый которого гласит: начальник всегда прав, а пункт второй говорит: если начальник неправ, то смотри пункт первый.

Так говорил нардеп Михаил Захаров в сентябре 1991 года на пятом (и последнем) Съезде народных депутатов СССР.

«Старый анекдот» был тогда вовсе не стар: у нас он появился лишь в перестроечную эпоху.

А родилась эта мудрость – где бы вы думали? – в бейсболе. Ее приписывают Билли Мартину, тренеру знаменитой команды «Нью-Йорк Янкиз». Команда принадлежала судостроительному магнату Джорджу Стейнбреннеру, прозванному «Начальником» за свою привычку вмешиваться в тренерский процесс и увольнять тренеров чуть ли не ежегодно. Мартин пять раз становился тренером «Янкиз» и столько же раз увольнялся.

В первый раз Стейнбреннер уволил его в 1978 году, во второй – год спустя. А газетчики сообщили, что в кабинете Мартина висела табличка:

Правило № 1: Начальник всегда прав.

Правило № 2: Если начальник неправ, смотри правило № 1.

По словам Мартина, он получил эти указания от владельца клуба, но тем же указаниям должны были следовать игроки во взаимоотношениях с тренером. В 1982 году оба правила были включены в книгу Пола Диксона «Законы и правила» и отсюда стали известны по всему свету.

До этого у американцев была в ходу очень похожая фраза: «Начальник всегда прав, особенно когда он неправ». Причем поначалу вместо слова the boss (начальник по работе) стояло superior (старший по званию). В книгах по военной истории эту фразу называли «пьемонтским речением». И действительно, она была заимствована у итальянцев.

В 1866 году в Милане вышла в свет комедия Пауло Фамбри «Капрал на неделю», в которой капитан с говорящей фамилией Терремото (Землетрясение) поучает своего барабанщика:

– В армии старший по званию всегда прав, особенно когда он неправ.

А далее великодушно уточняет:

– Об этом правиле подчиненный всегда должен помнить, а начальник – всегда забывать.

Однако крылатой фраза стала без уточнений. Она попала (по-итальянски) во французские и английские словари цитат, а также в справочник Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904).

По-видимому, именно благодаря Фамбри формула «Начальник всегда прав» стала ходячей, хотя родилась она мно-

го раньше. Французский иезуит Франсуа Невё в трактате «Духовное убежище для монашествующих» (1708) писал: «Начальник всегда прав, или, по крайней мере, разум требует слушаться своего начальника, даже если его приказания кажутся неразумными».

Невё следовал заветам первого иезуита – Игнатия Лойолы (1491–1556): «...Всегда быть готовым верить: то, что видится мне белым, – чёрно, если иерархическая Церковь определяет так», а также «вверять себя руководству и управлению божественного Провидения, через посредство Начальников, как мертвое тело, которое можно повернуть в любом направлении» («Правила, необходимые для согласия с Церковью»).

Это наставление обычно цитируется в осуждение иезуитов, хотя ничего специально иезуитского в нем нет. Один из столпов православия Иоанн Лествичник, живший за девять веков до Лойолы, указывал: «Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает, ни в добром, ни во мнимом худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его», то есть его духовный наставник («Лествица», 4, 3).

Армейская дисциплина и орденское послушание слились воедино в тоталитарных партиях XX века. Лозунг «Муссолини всегда прав» был включен в «10 заповедей фашиста». А первая из «12 заповедей» нацистской партии, сформулированных в марте 1933 года, после прихода Гитлера к власти, гласила: «Фюрер всегда прав».

Для большевиков непогрешимым начальником была партия.

– Партия в последнем счете всегда права, – заявил Лев Троцкий на XIII съезде РКП(б) 26 мая 1924 года.

Другой видный большевик, Георгий Пятаков, в 1928 году почти слово в слово повторил Игнатия Лойолу:

– Если партия (...) потребует белое считать черным – я это приму и сделаю это моим убеждением (согласно воспоминаниям Н. В. Валентинова «Разговор с Пятаковым в Париже»).

Для Маяковского после 1917-го авторитетом была большевистская партия, но едва ли не большим авторитетом – Лиля Брик. Своему другу поэту Асееву он как-то сказал:

– Не спорьте с Лилей. Лилия всегда права.
– Даже если она скажет, что шкаф стоит на потолке? – спросил Асеев.

– Конечно.
– Но ведь шкаф стоит на полу!
– Это с вашей точки зрения. А что бы сказал ваш сосед снизу?

Вернемся к нардепу Захарову. Почему он решил, что цитирует «старый анекдот про военный устав»? Возможно, ему вспомнился роман «Последнее лето», которым завершается трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые»: «Это еще в старой армии ходило. Фельдфебель новобранца учит, говорит ему – запомни, что есть субординация: я начальник

– ты дурак, ты начальник – я дурак!» Едва ли эта народная мудрость родилась в старой армии – скорее уже в советской.

Еще одно «азбучное военное правило» приведено в книге «Аракчеев» (1956) эмигрантского историка Павла Богдановича, бывшего полковника Генерального штаба:

Начальник всегда прав, и если случаются ошибки, то в них виноват начальник его штаба.

Именно так рассуждал Стейнбрэннер, увольняя очередного тренера «Янкиз».

Наш сукин сын

Иногда утверждают, что о «нашем сукине сыне» первым сказал госсекретарь США Корделл Халл (по поводу диктатора Доминиканской Республики Рафаэля Трухильо) или же госсекретарь Дин Ачесон (по поводу вождя коммунистической Югославии Иосипа Броз Тито). Есть и другие версии. Но все же обычно считается, что первым произнес эту фразу Франклин Делано Рузвельт и относилась она к президенту Никарагуа Анастасио Сомосе-старшему.

5 мая 1939 года Сомоса с супругой вышли из вагона на Юнион-стейшн – железнодорожном вокзале Вашингтона. Его встречали Рузвельт с супругой, кабинет министров почти в полном составе и лидеры Конгресса. По всему пути следования кортежа стояли облаченные в парадную форму войска и множество военной техники, включая тридцать танков. Месяц спустя так же встречали английского короля Георга VI с королевой Елизаветой, а прежде так в Вашингтоне никого не встречали. В Белом доме Сомоса подарил Рузвельту полную коллекцию никарагуанских марок и предложил прорыть новый межокеанский канал – через Никарагуа, ради большей безопасности континента.

Три дня спустя Сомоса выступил в Конгрессе. Конгрессмены были настроены менее дружелюбно, а республиканец Хон Шафер даже назвал почетного гостя «южноамерикан-

ским диктатором».

Ходили слухи, что накануне визита советник Рузвельта Самнер Уэллс представил президенту доклад, в котором Сомоса изображался в крайне неприглядном виде. Внимательно прочитав доклад, Рузвельт заметил:

– Как сказал бы никарагуанец, он хоть и сукин сын, но *наш*.

Но кто и когда сообщил об этих словах? Сообщил о них еженедельник «Тайм» в неподписанной статье о Сомосе «Я – чемпион», опубликованной в ноябре 1948 года, через десять лет после визита Сомосы и через четыре – после смерти Ф. Д. Рузвельта. Никаких подтверждений того, что он действительно так говорил, не обнаружили и поныне.

Зато обнаружили, что именно так говорили о нем самом. Ф.Д.Р. был номинирован в президенты в июле 1932 года, на Чикагском съезде Демократической партии. Его кандидатура прошла значительным большинством голосов, однако не все партийные боссы были этим довольны. Одного из наиболее упорных противников Рузвельта, генерала Хью Джонсона, спросили, как он расценивает результаты голосования. Вместо ответа генерал рассказал «старый анекдот» о провинциальном съезде демократов. Когда делегаты избрали сомнительного кандидата, один из участников воскликнул в сердцах:

– Ни в коем случае нельзя было допускать избрание этого парня. Он же такой разсякой (a So and So)!

Другой вздохнул, помолчал и ответил:

– В конце концов, этот парень не так уж и плох: все же он наш такой разсякой (He's our So and So).

«Старый анекдот» к тому времени действительно оброс бородой: в печати он появился в 1868 году и с тех пор, с различными вариациями, гулял по страницам американских газет. Нередко его связывали с именем Таддеуса Стивенса (1792–1868), соратника Линкольна; в годы Гражданской войны он был лидером левого крыла республиканцев. Рассказывали, что однажды, выбирая человека на должность, Стивенс спросил коллег, кто из двух соискателей лучше.

– Оба большие каналы, – ответили ему.

– Да, но кто из них *наша* каналья? – уточнил свой вопрос Стивенс.

Наступить на любимую мозоль

Во фразеологических словарях это выражение дается как анонимное. Однако у него есть автор, а точнее, два автора.

В рецензии А. И. Кирпичникова (1897) на II издание «Метких и ходячих слов» М. Михельсона (1896) указывалось: «Изобретатель этого выражения (...), сколько мне известно, Лесков».

Так оно и есть: в русский язык этот оборот попал из романа-хроники Лескова «Соборяне». В 1872 году роман был напечатан в журнале «Русский вестник», а 1878 году вышел отдельным изданием.

Место действия лесковской хроники – уездный город Старгород, а один из ее персонажей – Варнава Препотенский, молодой учитель математики в уездном училище. В части II, гл. 4, читаем:

Термосесов же, устраняя его с дороги, наступил ему на ногу, отчего учитель, имевший слабость в затруднительные минуты заговариваться и ставить одно слово вместо другого, вскрикнул:

– Ой, вы мне наступили на самую мою любимую мозоль!

По поводу «любимой мозоли» последовал смех.

...Он вырвался из рук удерживавших его Термосесова и Ахиллы и, прыгая на своей «любимой

мозоли», наскочил на предводителя...

Этот сюжет возникает еще раз в части III, гл. 4:

– Однако же вы должны согласиться, что люди семинария воспитанского лучше, – пролепетал, путая слова, Варнава.

– Ну вот, – перебил Термосесов, – то была «любимая мозоль», а теперь «семинария воспитанского»! Вот Цицерон!

– Он это часто, когда разгорячится, хочет сказать одно слово, а скажет совсем другое, – вступился за Препотенского Ахилла и при этом пояснил, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерял хорошее знакомство, потому что хотел один раз сказать даме: «Матрена Ивановна, дайте мне лимончика», да вдруг выговорил: «Лимона Ивановна, дайте мне матренчика!» А та это в обиду приняла.

Итак, Лесков дважды говорит о свойстве Препотенского «ставить одно слово вместо другого» и дает соответствующие примеры. По предположению филолога Игоря Добродомова, в реплике учителя о любимой мозоли также содержалась обмолвка: «...наступили на мою самую любимую мозоль!» «Но из-за сходства в рукописном начертании слогов *мо-* и *лю-* эта обмолвка не была замечена, поскольку ее в значительной степени затмила экстравагантность выражения». («Наступить на любимую мозоль», «Русский язык в школе», 1993, № 1.)

Действительно, говоря о «любимой мозоли», Препотен-

ский должен был бы «перепутать слова», а между тем в его фразе ничего не перепутано.

Однако принять гипотезу о «мобимой люзоли» мешают два обстоятельства. Во-первых, «любимая мозоль» встречается в «Соборянах» трижды, и трудно представить себе, чтобы наборщики «Русского вестника» ошиблись во всех трех случаях. Во-вторых, даже если бы так и случилось, Лесков должен был заметить и исправить эту ошибку, готовя книжное издание «Соборян», но там мы находим все ту же «любимую мозоль».

Возможно, по первоначальному замыслу автора Варнава действительно должен был сказать «мобимая люзоль»; отсюда замечание о его склонности «перепутывать слова», предшествующее этой фразе. Но затем писатель решил, что фраза достаточно смешна и нелепа даже без этой обмолвки.

Очень скоро выражение «наступить на любимую мозоль» обрело переносный смысл. В чеховской юмореске «Правила для начинающих авторов» (1885) указывалось: «В печатном мире существуют приличия. Здесь так же, как и в жизни, не рекомендуется наступать на любимые мозоли».

В повести «Полунощники» (1891) Лесков использует это выражение уже в качестве идиомы:

– Что вам на любимую мозоль, что ли, кто наступил?

Пять лет спустя Чехов включил «любимую мозоль» в монолог Тригорина из II действия «Чайки»:

– Вы, как говорится, наступили на мою самую любимую

мозоль, и вот я начинаю волноваться и немного сердиться.

Однако в начале этой статьи отмечалось, что у «любимой мозоли» не один, а два автора. Вторым – а по хронологии первым – был Уильям Теккерей.

В 1855 году сразу в двух петербургских журналах – «Современнике» и «Библиотеке для чтения» – был напечатан новый роман Теккерей «Ньюкомы» (1854). В том же году оба перевода толстого романа вышли отдельными изданиями – случай нечастый в истории русского книгопечатания.

В гл. 30 романа имелась реплика (цитирую перевод С. М. Майковой, опубликованный в «Современнике»):

– Клэйв наступил Барнсу на ногу, – восклицает веселый лорд Кью, – и зашиб ему любимую мозоль, так что он не в состоянии выходить (...). Вот о чем мы смеялись.

Анонимный переводчик «Библиотеки для чтения» дал чуть иной вариант: «...и придавил любимую мозоль Барнса».

В оригинале: «hurt (...) favourite corn», *букв.* «повредил (...) любимую мозоль». Подобные обороты встречались в англоязычной печати и до Теккерей. Но «любимая мозоль» не использовалась в переносном смысле и не стала идиомой английского языка.

19 сентября 1959 года, почти век спустя после публикации «Соборян», Никита Сергеевич Хрущев посетил Лос-Анджелес. За обедом в «Кафе де Пари» на студии «XX век Фокс» собрались суперзвезды Голливуда – Фрэнк Синатра, Гэри Купер, Элизабет Тейлор, Мэрилин Монро. Хозяин приема,

Спирос Скурас, решил объяснить генсеку, что такое американская мечта и как сам Скурас выбился из нищеты в киномагнаты. Хрущев не остался в долгу и поведал о том, как он, сначала свинопас, а после шахтер, стал во главе великой страны. И добавил:

– Не могу молчать, когда кто-то наступает на мою любимую мозоль, пусть и через ботинок.

(Согласно книге У. Таубмана «Хрущев», гл. 15.)

Научи его ловить рыбу...

«Дай человеку рыбу, и он будет сыт один день. Научи его ловить рыбу, и он будет сыт до конца жизни». Эта мудрость цитируется у нас с конца 1960-х годов. Ее именуют «древней», «восточной», но чаще всего – китайской пословицей, изречением Лао-цзы либо Конфуция, кому что больше по вкусу.

Между тем в первоначальной форме эта сентенция вышла из-под пера Анны Теккерей Ритчи, дочери Уильяма Теккерей. Один из персонажей ее романа «Миссис Даймонд» (1885) замечает:

– ...Если вы дадите человеку рыбу, через час он опять будет голоден. Если вы научите его ловить рыбу, вы сделаете для него доброе дело.

В форме, более близкой к современной, это изречение приведено в трактате британской сестры милосердия Марты Джейн Лоун «Общий рост»:

Дайте человеку рыбу, и завтра он опять будет голоден; научите его ловить рыбу, и он будет жить в достатке до конца жизни.

(M. Loane, «The Common Growth», 1911)

11 ноября 1961 года в газете «Register-Republic» (Покфорд, штат Иллинойс) появилась заметка «Миссионер с Тай-

вания предостерегает перед коммунистической угрозой». Ее автором был американский миссионер Фред Нелсон. Рассуждая об иностранной помощи Тайваню, он привел «китайскую пословицу»:

Если вы дадите бедняку рыбу, вы накормите его на один день. Научите его ловить рыбу, и вы дадите ему профессию, которая будет кормить его до конца жизни.

Какие-либо древние источники этого изречения не найдены. Все, что удалось отыскать, – это близкое по смыслу, но отнюдь не по форме высказывание Маймонида, знаменитого еврейского ученого XII века.

В его трактате «Повторение Торы» («Мишне Тора») рассматриваются восемь степеней благотворительности. Высшая из них – «когда помогают бедному еврею подарком, или ссудой, или включением его в ваше дело, *или нахождением для него работы*, – укрепляя руку его, *чтобы ему больше не нужно было обращаться за помощью*» (цитирую по книге Йосефа Телушкина «Еврейский мир», 1998; курсив мой. – К.Д.).

В шестидесятые годы XX века изречение о ловле рыбы стало интернациональным. Как и всякая ходячая мудрость, оно служит канвой для множества шуток. Вот некоторые из них:

Дай человеку рыбу, и он будет сыт целый день. Научи его ловить рыбу, и года за три он умрет от отравления ртутью. (Чарли Хаас, «Какого цвета ваша

пародия: Вредные советы для тех, кто ищет работу», 1984.)

Дай человеку рыбу, и он будет сыт целый день. Научи его ловить рыбу, и он целыми днями будет сидеть в лодке и пить пиво. (Американский комик Джордж Карлин.)

Дайте мужчине рыбу, и он будет сыт целый день. Дайте женщине рыбу, и она целую неделю будет кормить ею всю семью. (Австралийский поэт Кэмерон Семменс, сборник «Катание на коньках в Тадж-Махале», 2014.)

Дайте мужчине рыбу, и он будет сыт целый день. Научите его ловить рыбу, и вы избавитесь от него на весь уик-энд. (Зенна Шаффер; об этой даме ничего не известно.)

Дай человеку рыбу, и он будет сыт целый день. Научи его ловить рыбу, и ему понадобится крючок, приманка, место с хорошей поклевкой и немалая доля везения, прежде чем он что-нибудь выловит. И кому потом это чистить? Так что проще сразу послать этого босяка куда подальше или швырнуть ему четвертак. (Из американского юмористического журнала «Национальный пасквиль» («National Lampoon»), 1983.)

Не важно, как проголосовали, – важно, как подсчитали

В сентябре 2016 года должны были состояться очередные выборы в Госдуму. 14 апреля Владимиру Путину на «Прямой линии» был задан вопрос, стоит ли вообще идти голосовать. Президент ответил:

– Отец народов как-то говорил: не важно, кто как голосует, важно – кто как считает. Надеюсь, что это не тот самый случай, потому что никто не сомневается в эффективности и объективности работы избирательных комиссий.

Впервые высказывание отца народов привел Борис Бажанов, который в 1923–1927 гг. был помощником Сталина. В декабре 1923 года на заседании «тройки» Политбюро (Сталин, Зиновьев, Каменев) обсуждалось предстоящее голосование в местных парторганизациях об отношении к оппозиционной платформе Троцкого. Согласно Бажанову, Сталин сказал:

– Знаете, товарищи, что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно не важно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это – кто и как будет считать голоса.

Воспоминания Бажанова впервые вышли в 1930 году на французском языке под заглавием «Со Сталиным в Крем-

ле». Полвека спустя они были изданы на русском языке («Воспоминания бывшего секретаря Сталина», Париж, 1980). Осенью 1989 года отрывки из этой книги появились в «Огоньке»; очень скоро приведенная Бажановым фраза получила свой нынешний вид: «Не важно, как проголосовали, – важно, как подсчитали».

Эту реплику нередко относят к выборам генерального секретаря на XVII съезде ВКП(б), проходившем в январе – феврале 1934 года. Связано это с легендой о т. н. «кировской альтернативе» Сталину. Согласно этой легенде, появившейся в начале 1960-х годов, видные участники XVII съезда обсуждали возможность замены Сталина на посту генсека, а вместо него выдвигали Мирона Кирова, руководителя Ленинградского обкома партии.

7 февраля 1964 года «Правда» опубликовала статью Л. С. Шаумяна по поводу 30-летия XVII съезда. Здесь утверждалось, что при выборе членов ЦК против Сталина проголосовало более 300 делегатов.

На самом съезде количество голосов, поданных за или против, не оглашалось. Документы о голосовании хранились в Центральном партийном архиве. Согласно протоколу Счетной комиссии, против Сталина было подано 3 голоса, против Кирова – 4.

Вероятность «корректировки» итогов голосования (хотя и не такой масштабной) исключить нельзя, поскольку в запечатанном пакете оказалось лишь 1054 избирательных бюл-

летения, между тем как делегатов с решающим голосом было 1225. К тому же все 63 члена Счетной комиссии были репрессированы в годы Большого террора.

Широкую известность легенда о попытке замены Сталина Кировым получила после публикации в 1987 году романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». На самом деле к 1934 году ничего похожего на реальную оппозицию Сталину уже не было, а Киров выполнял волю вождя с тем же рвением, что и прочие члены Политбюро.

В сентябре 1974 года фактический диктатор Никарагуа Дебайле Анастасио Сомоса (Сомоса-младший) был вторично избран президентом. В ответ на обвинения в фальсификации результатов голосования он будто бы заявил:

– Вы выиграли выборы, а я – подсчет голосов.

(Согласно лондонской «Гардиан» от 17 июня 1977 г.)

Любопытными фразами на эту тему отметил Александр Лукашенко. 10 апреля 2001 года он сказал в белорусском Национальном собрании:

– Нам не нужна автоматизированная система фальсификации выборов, мы создадим государственную.

А 23 ноября 2006 года, на встрече с украинскими журналистами в Минске, Лукашенко решительно отверг обвинения в фальсификации итогов выборов президента:

– На самом деле за меня проголосовало 93,5 % белорусских избирателей, и только когда начала раздаваться критика, что «это не европейский показатель», я отдал распоряже-

ние Центризбиркому сделать итоговые 83 %.

Лукашенко словно бы знал об «индексе степени тирании» Краутхаммера:

«Чем выше количество голосов, поданных за правительство на выборах, тем более тираническим оно является».

(Из статьи Чарлза Краутхаммера «The Tirana Index» в журнале «The New Republic» от 13 декабря 1982 г.)

Не верь никому старше тридцати

В сентябре 1964 года власти Калифорнийского университета в Беркли запретили политическую деятельность на расстоянии ближе чем 26 футов (8 м) к территории университета и у входов в студенческие городки. Студенты ответили на это сидячей забастовкой и прочими акциями гражданского неповиновения.

Так началась «первая серьезная заваруха шестидесятых». Вмешалась полиция. Среди арестованных оказался 24-летний Джек Уайнберг, ассистент преподавателя математики, активист только что созданного «Движения за свободу слова». После освобождения он дал интервью репортеру «Сан-Франциско кроникл». На вопрос, кто стоит за участниками движения (подразумевалось: не коммунисты ли?), Уайнберг ответил:

– Мы не верим никому старше тридцати.

Репортер вынес эти слова в заголовок. Интервью перепечатали другие газеты, и фраза «Не верь никому старше тридцати» стала лозунгом молодежной контркультуры, питомником которой как раз и был Калифорнийский университет.

Как это нередко бывает, лозунг стали приписывать более известным лицам, в том числе певцу Бобу Дилану, но чаще всего – идеологу американских бунтарей Джерри Рубину, хотя Рубину было уже тридцать шесть. В 1976 году он написал

книгу «Взросление в 37 лет», в которой привел другой знаменитый лозунг: «Если не знаешь, что делать, – поджигай!»

Сам же Уайнберг математикой больше не занимался. После бурных шестидесятых он посвятил себя охране окружающей среды, десять лет проработал в «Гринпис», а в апреле 2000 года отметил свое 60-летие. Газета «Berkley Daily Planet» откликнулась на это событие заголовком:

НЕ ВЕРЬ НИКОМУ СТАРШЕ ТРИДЦАТИ –
КРОМЕ ДЖЕКА УАЙНБЕРГА

Мысль Уайнберга не так уж нова. В 1903 году появилась на свет пьеса Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек», а в приложении к ней – «Правила революционера». Одним из этих правил была общеизвестная фраза «Кто умеет – делает сам, кто не умеет – учит других», другим – «Каждый человек старше сорока – негодяй».

Почти то же самое говорил «подпольный человек» Достоевского, безымянный герой «Записок из подполья» (1864):

Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут.

«Записки из подполья» – о чем уже мало кто помнит – были ответом на революционный роман Чернышевского «Что делать?», вышедший годом раньше (1863). Здесь «некий романтик» – вероятно, студент, – на дружеской вечеринке за-

являет:

– Только до 25 лет человек может сохранять честный образ мыслей.

Почему до 25-ти, а не до тридцати или сорока? Должно быть, потому, что сам говоривший слышал эти слова от «очень умной женщины», а для женщины в те времена двадцать пять уже считались возрастом зрелости. Впрочем, «ее тут же уличили, что за полчаса перед тем она хвалилась, что ей 26 лет». Понятно, что Чернышевский не принимал эту мысль всерьез.

Другое дело – ростовщик Гобсек, герой одноименной повести Бальзака (1830). Гобсек, прежде чем подписать договор о ссуде молодому юристу, требует от него метрическую выписку, а на вопрос, зачем она ему, отвечает:

– До чего же глупа молодежь! (...) Запомните хорошенько, чтоб вас не провели при случае, – ежели человеку меньше тридцати, то его честность и дарования еще могут служить в некотором роде обеспечением ссуды. А после тридцати уже ни на кого полагаться нельзя (перевод Е. Корша).

Фраза Уайнберга словно бы списана у Бальзака, хотя едва ли его читали американские бунтари.

Через два года после «Гобсека» вышла из печати вторая часть «Фауста», которую Гёте писал несколько десятилетий. Один из персонажей трагедии, Бакалавр, – настоящий пророк молодежного бунта; он вполне мог бы стать вожаком калифорнийских студентов. (Кстати: бакалавр в старых уни-

верситетах был чем-то вроде ассистента преподавателя или, если угодно, аспиранта.) Среди прочего он говорит Мефистофелю:

Чуть человеку стукнет тридцать лет,
Он, как мертвец, уже созрел для гроба.
Тогда и надо всех вас убивать.

(Перевод Б. Пастернака)

Комментаторы русского перевода «Фауста» Гёте полагают, что эта мысль подсказана суждениями французского просветителя Клода Адриана Гельвеция (1715–1771), «утверждавшего, что лишь до 30–35 лет в человеке под влиянием внешнего мира пробуждаются все те мысли, на которые он способен». На самом деле Гельвеций говорил нечто иное:

«Ошибаются те, кто утверждает, что прекрасными творениями великих людей мы обязаны первому пылу молодости и, если можно так выразиться, свежести органов чувств. Расин создал “Александра” и “Андромаху”, не имея тридцати лет, а в пятьдесят лет он написал “Гофолию”, и эта последняя вещь, наверное, не ниже первых двух» («О человеке» (1769; опубл. в 1773 г.), II, 12; перевод П. Юшкевича).

Зато вполне согласуется с мнением Бакалавра лозунг из поэмы Маяковский «150 000 000» (1919):

Стар – убивать.

На пепельницы черепа!

Представление о 30-летнем возрасте как роковом рубеже, после которого человек необратимо меняется к худшему, едва ли могло утвердиться до XIX века. Аристотель, главный авторитет науки и философии вплоть до Нового времени, считал, что «тело достигает цветущей поры от тридцати до тридцати пяти лет, а душа – около сорока девяти лет» («Риторика», II, 14; перевод Н. Платоновой).

Не ошибается тот, кто ничего не делает

Во втором томе «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын саркастически замечает:

«А еще сверх этих причин бывают естественные и вполне простительные недосмотры самого Руководства. Как говорил товарищ Ленин, не ошибается тот, кто ничего не делает. Например, как ни планируй земляные работы – редко они в лето приходятся, а всегда почему-то на осень да на зиму, на грязь да на мороз».

Действительно, в советское время изречение «Не ошибается только тот, кто ничего не делает» приписывалось Ленину. В таком виде оно приведено в его канонической статье «О значении воинствующего материализма» (1922). Ничуть не реже цитировалась также цитата из ленинского доклада на V съезде Советов 5 июля 1918 года: «Не ошибается тот, кто ничего практического не делает».

Разумеется, мысль эта не принадлежит вождю мирового пролетариата. Изречение, послужившее заглавием этой заметки, вероятно, попало к нам из французского языка. Это не помешало Вл. Далю включить его, чуть дополнив, в «Пословицы русского народа»: «Не ошибается тот, кто ничего не делает; а кто делает – ошибается». При всем уважении к

великому лексикографу, тут он нам не указ; как известно, Даль считал русской мудростью даже знаменитый афоризм Ларошфуко «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор».

Впрочем, первыми до мысли о безошибочности неделания додумались не французы, а итальянцы эпохи Возрождения. По-итальянски это звучит гораздо короче: «Chi non fa, non falla», т. е. «Кто [ничего] не делает, не ошибается». Эта фраза встречается, например, в поэме Джованни Баттисты Пескаторе «Смерть Руджеро» (1546), которая была продолжением «Неистового Роланда» Лудовико Ариосто.

Итальянская сентенция получила развитие в Германии XVII века: «Кто ничего не делает, не ошибается; а кто не ошибается, не продвинется дальше» (Пауль Винклер, «Три тысячи хороших мыслей», 1685).

Не менее популярное суждение «На ошибках учимся» представляет собой перевод с латинского «Errando discimus». Однако ошибкой было бы думать, что оно принадлежит латинянам, — нет, оно появилось лишь в Новое время. У английского неолатинского поэта Джона Оуэна находим двустиишие:

Ты часто себя извиняешь: на ошибках-де учимся.

Но отчего же, после стольких ошибок, ума у тебя еще меньше?

(«Эпиграммы», 1606)

Зато сентенция «Ошибаться свойственно человеку» действительно древняя. С различными вариациями она встречается у многих греческих авторов, в том числе у Софокла:

Все люди заблуждаются порою,
(...) Упрямого ж безумным мы зовем.

(«Антигона», перевод С. Шервинского и Н. Познякова)

Отсюда знаменитое изречение Цицерона: «Каждому человеку свойственно заблуждаться, но упорствовать в заблуждении – только глупцу» («Филиппики», XII).

Блаженный Августин перевел эту мысль на язык христианского богословия: «Заблуждаться – дело человеческое, упорствовать в заблуждении – дело дьявольское» («Проповеди», 164).

Августин говорил также: «Не ошибается (или: «Не заблуждается») тот, кто ищет» (трактат «Против академиков», I, 4, 10). Эта мысль стала крылатой у немцев благодаря строке из «Фауста» Гёте: «Es irrt der Mensch, solange er strebt»; в свободном переводе Б. Пастернака: «Кто ищет – вынужден блуждать».

Почти о том же говорил Рабиндранат Тагор: «Закрой дверь для всех заблуждений, и истина останется за порогом» («Залетные птицы», 1916).

В наше время появилось множество вариаций на тему старой сентенции, например:

Человеку свойственно ошибаться, но еще более свойственно сваливать вину на других. («Законы Мёрфи».)

Человеку свойственно ошибаться, но лучше ошибаться по директиве. (Казимеж Слонимский, Польша.)

Человеку свойственно ошибаться, но только сверхчеловеку – признаваться в ошибках. (Дуг Ларсон, английский автогонщик и литератор.)

Человеку свойственно ошибаться, но для сверхчеловеческих ляпов нужен компьютер. (Пол Эрлих, США.)

Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя...

20 января 1961 года Джон Кеннеди произнес речь при вступлении в должность президента. Он говорил:

«— ...Мои дорогие соотечественники, не спрашивайте, что ваша страна сделает для вас, — спрашивайте, что можете вы сделать для своей страны.

Мои дорогие сограждане мира, не спрашивайте, что Америка может сделать для вас, — спрашивайте, что можем мы вместе сделать для свободы человека».

Обычно первая фраза цитируется чуть иначе: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, — спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны».

Кеннеди неоднократно использовал этот оборот и раньше. 15 июля 1960 года в Лос-Анджелесе, на съезде Демократической партии, выдвинувшей его кандидатом в президенты, он заявил:

— Речь идет не о том, что я намерен предложить американскому народу, а о том, что я намерен просить от него.

А 5 сентября 1960 года в Детройте он говорил:

— Новые рубежи — это не то, что я собираюсь вам обещать. Новые рубежи — это то, что я прошу вас сделать для вашей страны.

Кеннеди, вместе со своими спичрайтерами, любил заимствовать старые изречения, обычно в измененном виде. Не случайно Ралф Кейз, поместивший в «Вашингтон пост» заметку об ораторских приемах Кеннеди, дал ей заглавие «Не спрашивай, откуда эта цитата».

Немало стараний было потрачено, чтобы отыскать источники самого известного изречения Кеннеди. Среди прочих называлось имя Жана Жака Руссо. В книге «Тысяча дней» (1965) Артур Шлезингер, помощник и один из спичрайтеров президента, сообщал, что уже в 1945 году Кеннеди занес в свой блокнот с цитатными выписками высказывание Руссо: «Как только кто-либо говорит о делах государства: “Что мне до этого?” – следует считать, что государство погибло». Эта мысль взята из трактата Руссо «Об общественном договоре» (1762). Однако по форме она вовсе не похожа на изречение Кеннеди.

Зато очень близка к нему формула из речи Уоррена Гардинга, произнесенной 7 июня 1916 года в Чикаго на съезде Республиканской партии:

– Нашим гражданам следует меньше думать о том, что правительство может сделать для них, и больше заботиться о том, что они могут сделать для страны.

Эту речь Гардинг произнес при своем выдвижении кандидатом в президенты – то есть при тех же обстоятельствах, что и Кеннеди в июле 1960 года. Так что вполне вероятно, что именно она послужила ближайшим источником для Кенне-

ди и его спичрайтеров.

Но и Гардинг не был оригинален.

30 мая 1884 года в Кине (штат Нью-Гемпшир) с речью по случаю Дня Поминовения выступил Оливер Уэнделл Холмс-младший, член Верховного суда и один из лучших ораторов своего времени. Здесь он сказал:

– Пора (...) вспомнить, что сделала для каждого из нас наша страна, и спросить себя, что мы можем сделать для нашей страны.

Судя по всему, это и есть прообраз «формулы Кеннеди».

Сравнительно недавно появилась еще одна версия. В 1925 году знаменитый ливанский писатель Халиль Джебран, давно уже живший в Америке, опубликовал – по-арабски – открытое письмо членам ливанского парламента; в английских переводах оно именуется «Новые рубежи». Согласно английскому переводу 1975 года, Джебран писал:

Скажи мне, кто ты и что ты – политикан, спрашивающий, что твоя родина может сделать для тебя, или энтузиаст, спрашивающий, что ты можешь сделать для своей родины?

Если вспомнить, что свою программу Кеннеди, вслед за Франклином Рузвельтом, назвал «Новые рубежи», то напрашивается мысль о заимствовании у ливанского классика.

Однако Кеннеди мог знать только первый перевод «Новых рубежей» Джебрана на английский, опубликованный в 1957 году. А здесь его слова переведены совсем по-другому:

Кто ты – политикан, который говорит себе: «Я буду использовать свою страну для своей собственной выгоды»? Если да, то ты не более чем паразит, живущий на чужом теле. Или же ты преданный патриот, который шепчет своему внутреннему «Я»: «Я буду с радостью служить своей стране как верный слуга»?

Не приходится сомневаться, что в 1975 году переводчик Джебрана воспользовался «формулой Кеннеди», не побоявшись отойти от оригинального текста.

В 1977 году Лоренс Питер, автор книги «Принцип Питера», издал сборник «Цитаты Питера». Здесь за подписью «Марк Стейнбек» приведено изречение:

Не спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны, – тебе обязаны об этом напомнить.

Больше о Марке Стейнбеке ничего не известно.

Не стреляйте в пианиста!

В 1970 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книжка Виталия Коротича о поездке в Америку. Называлась она «Не стреляйте в пианиста!...». Знаменитая фраза приведена здесь целиком, правда, с пропагандистским довеском:

На дальнем западе Соединенных Штатов над эстрадой старых баров до сих пор сохраняется колоритный плакат: «Не стреляйте в пианиста – он делает все, что может!» Сейчас в музыкантов стреляют не так часто, как полстолетия назад, зато из тридцати семи президентов, которые были избраны за всю историю страны, стреляли в каждого пятого.

Обычно эта фраза связывается с именем Оскара Уайльда, более конкретно – с его посещением шахтерского города Ледвилл (штат Колорадо). Ледвилл расположен в Скалистых горах на высоте свыше 3 км над уровнем моря. В 1879 году здесь были обнаружены огромные залежи серебра, и уже через год население города превысило 40 тысяч.

В 1882 году молодой Уайльд начал лекционное турне по Америке, «чтобы, – как он говорил, – подстричь варварские когти американского орла ножницами культуры». 13 апреля он приехал в Ледвилл по приглашению мэра и в переполненном зале городского театра прочитал лекцию о декоративном искусстве. Мэр пригласил английского гостя посетить

одну из шахт и даже назвал его именем рудную жилу.

Вернувшись в Европу, Уайльд в своих публичных лекциях об Америке не раз описывал посещение Ледвилла. Самый полный из этих рассказов содержится в посмертно опубликованном сборнике «Впечатления об Америке» (1906). Повествование выдержано в стилистике «юмора Дикого Запада»:

Из Солт-Лейк-Сити путь лежит через обширные равнины Колорадо и затем вверх по Скалистым горам, на вершине которых расположен Ледвилл, самый богатый город в мире. Он также пользуется славой самого буйного города, где каждый держит при себе револьвер. Мне говорили, что, если я отправлюсь туда, меня или моего проводника непременно застрелят.

«Я не испугаюсь ничего, что бы ни сделали с моим проводником», – отвечал я.

То были шахтеры – люди, работающие с металлом, поэтому я прочитал им лекцию об Этике Искусства. Выдержки из автобиографии Бенвенуто Челлини, кажется, пришлись им весьма по душе. Меня засыпали упреками за то, что я не привел Челлини с собой. Я объяснил, что некоторое время назад он умер. «Кто его застрелил?» – спросили меня.

Потом меня отвели в зал для танцев, где я увидел единственный разумный метод художественной критики из всех, с какими мне доводилось встречаться. Над пианино висела табличка:

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ПИАНИСТА.
ОН ДЕЛАЕТ ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ!

(Please do not shoot the pianist. He is doing his best!)

Смертность среди пианистов в этой местности удивительно велика.

Затем меня пригласили отужинать; приняв приглашение, мне пришлось спуститься в шахту в раскачивающейся бадье, в которой невозможно держаться с изяществом. Очутившись в сердцевине горы, я получил ужин, где на первое было подано виски, на второе виски и на третье виски.

А вот более ранний рассказ Уайльда о том же:

...Вечером я посетил игорный дом. Здесь были шахтеры со своими подружками, а в углу сидел пианист – самый обычный пианист; над его пианино висела табличка: «Пожалуйста, не стреляйте в пианиста; он делает все, что может». Я был поражен тем, что плохое искусство здесь считают заслуживающим смертной казни, и почувствовал, что в этом далеком городе, где револьвер нашел эстетическое применение в области музыки, моя апостольская миссия будет гораздо успешнее; так оно и вышло.

(«*Isle of Wight Observer*» (Англия), 10 марта 1883 г.)

Недавно на сайте нью-йоркского исследователя истории цитат Барри Поупа (barrypopik.com), а также на сайте «Quoteinvestigator» были указаны более ранние версии зна-

менитой фразы. Местом действия служит церковь, а мишенью оказывается органист:

Несколько лет назад пастор, совершавший службу в Пулвилле (Арканзас), сказал:

– Я вынужден еще раз извиниться за отсутствие тенора, приглашенного для нашего хора. Он должен прибыть со следующим поездом и в следующее воскресенье обязательно займет свое место. И кстати сказать, я бы предложил покончить с обыкновением стрелять в органиста во время службы. Эта привычка выставляет нас на посмешище и раздражает прихожан, поскольку церковь наполняется пороховым дымом. У бедняги есть свои недостатки, но он делает все, что может. Вдобавок это уродует новый орган.

(«*The Northampton Mercury*» и «*The Hemel Hempstead Gazette*» (Англия), 2 августа 1879 г.)

В другой заметке, опубликованной в Англии в том же году, дело происходит в Калифорнии, а словесное внушение превратилось в табличку:

Настоятельно просим не стрелять в органиста. Он делает все, что может.

Эти анекдоты были заимствованы из американской печати.

31 июля 1882 года, вскоре после поездки Уайльда в Ледвилл, в «Вашингтон пост» цитировалась табличка, вывешенная в ледвиллской церкви: «Пожалуйста, не стреляйте в

органиста; он делает все, что может». Эту табличку будто бы видел корреспондент газеты «Springfield Republican».

Но в конце концов возобладала версия с пианистом.

В достоверность этого анекдота поверить трудно. Еще при жизни Уайльда одна из техасских газет писала:

Старая история о табличке «Пожалуйста, не стреляйте в пианиста – он делает все, что может» – есть чистой воды вымысел.

(«*San Antonio Daily Light*», 25 ноября 1893 г.)

Не читал, но осуждаю

Фразу эту обычно относят к 1958 году, когда за границей был опубликован «Доктор Живаго». Согласно одному современному автору, «с этих слов – “Не читал, но осуждаю!” – начиналось большинство выступлений гонителей Пастернака». Но это неверно.

Напомню хронологию событий. 23 октября 1958 года Нобелевский комитет присудил Пастернаку премию по литературе. В тот же день – удивительная оперативность! – президиум ЦК КПСС принял решение организовать кампанию осуждения «писателя-антисоветчика».

Кампания шла по двум направлениям. Сперва дали слово столичным писателям. 27 октября руководители Союза писателей исключили Пастернака из Союза, а 31 октября общемосковское собрание писателей единодушно одобрило это решение, попутно наградив Пастернака едва ли не всеми мыслимыми ругательствами и позорными кличками. Однако – это важно для нашей темы – почти все выступавшие роман читали и осуждали его как эксперты, с «ученым видом знатока».

Единственным исключением оказался Анатолий Софронов, третьеразрядный поэт и драматург, редактор «Огонька» и ярый сталинист. «Я книгу не читал тогда и сейчас не читал», – заявил Софронов, однако в Латинской Америке он

услышал от «очень видного перуанского писателя Дельмага», что роман Пастернака «приносит здесь вред и является знаменем антисоветской пропаганды». (Кстати: «видного перуанского писателя Дельмага» мне опознать не удалось, — тут либо ошибка памяти Софронова, либо ошибка стенографа, либо такой писатель в природе не существовал.)

Согласно одной из версий, именно из слов Софронова родилась крылатая фраза. Но это едва ли так. Стенограмма собрания писателей была опубликована гораздо позднее, и выступление Софронова широкой известности не получило.

Вслед за писателями высказались и простые трудящиеся — настолько простые, что даже имя Пастернака было им внове, не то что его запрещенный роман. 1 ноября в «Литгазете» появилась подборка негодующих «читательских писем», которые по стилю и содержанию никак не могли принадлежать подписчикам ЛГ. Сочинение таких писем поручалось обычно специально обученным людям, а подписывали их специально отобранные трудящиеся.

Самым заметным в подборке было письмо под названием «Лягушка в болоте», с подписью, безупречной в смысле классовой принадлежности: «Филипп Васильцев, старший машинист экскаватора (Сталинград)»:

Что за оказия? Газеты пишут про какого-то Пастернака. Будто бы есть такой писатель. Ничего я о нем до сих пор не знал, никогда его книг не читал. (...) Допустим, лягушка недовольна и еще квакает. А

мне, строителю, слушать ее некогда. Мы делом заняты. Нет, я не читал Пастернака. Но знаю: в литературе без лягушек лучше.

Именно это письмо, а отнюдь не слова Софронова, обычно цитируется в свидетельствах мемуаристов о травле Пастернака. (Хотя, разумеется, нельзя исключить, что письмо о лягушке было сочинено кем-то из порученцев Софронова.)

Сталинградскому экскаваторщику вторил бакинский нефтяник Р. Касимов: «Кто такой Пастернак, что он написал? (...) Имя Пастернака знакомо нам лишь понаслышке»; а далее следовал вывод: «Таким, как он, нет и не может быть места среди советских литераторов!»

Отклики сходного содержания появились затем и в других газетах, но фраза «Я Пастернака не читал, но осуждаю» – не буквальная цитата, а обобщенная формула, передающая логику «писем читателей». По-настоящему крылатой она стала, по-видимому, лишь в перестроечные годы, после публикации романа Пастернака в СССР.

«Простым советским читателем» в некотором роде был и Хрущев. Он тоже романа не читал, а знал о нем по докладным запискам Шелепина, главы КГБ. Тем не менее именно Хрущев, если верить Владимиру Семичастному, тогдашнему руководителю комсомола, лично продиктовал знаменитый пассаж, включенный в речь Семичастного на пленуме ЦК ВЛКСМ 29 октября 1958 года:

– Свинья (...) никогда не гадит там, где кушает. (...) По-

этому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал.

Впрочем, сын Н. С. Хрущева Сергей считал это сообщение Семичастного выдумкой.

Любопытно, что формула «не читал, но осуждаю» встречалась в «Литературной газете» почти тридцатью годами раньше, причем при очень сходных обстоятельствах. 2 сентября 1929 года «Литгазета» поместила подборку откликов на роман Бориса Пильняка «Красное дерево», опубликованный за границей. Был здесь и отзыв Владимира Маяковского: «Повесть о “Красном дереве” Бориса Пильняка (так, что ли?), впрочем, и другие повести и его, и многих других не читал», однако «в сегодняшние дни густеющих туч» публикация романа советского писателя за рубежом «равна фронтовой измене».

В феврале 1967 года историк Натан Эйдельман записал в дневнике слова поэта Александра Гладкова:

«О Пастернаке. Естественность П[астернака]: не подписал протест против А. Жиды – “Не читал книги”. Возмущение: “Подумаешь, не читал! Я тоже не читал”».

Имелась в виду книга Андре Жиды «Возвращение из СССР» с критикой культа Сталина. Книга вышла в конце 1936 года, а в начале следующего года советским писателям предложили ее осудить. В 1937 году (в отличие от 1958-го) это было предложение, от которого нельзя отказаться. На пленуме Союза писателей 26 февраля Пастернак действи-

тельно сказал:

– ...Я этой книги не читал и ее не знаю.

Однако закончил свое выступление словами:

– Но все-таки я отмежевываюсь.

Незаменимых людей нет

Вот одна из тех фраз, которые, кажется, существовали всегда. Но так ли это?

Не совсем так. Первый из известных мне случаев использования этого речения в русской литературе – производственная повесть Юрия Крымова «Танкер “Дербент”» (1938): «Орджоникидзе говорит, что лучшая организация там, где не существует незаменимых людей». Где именно говорил это Орджоникидзе и говорил ли вообще, остается загадкой.

24–27 августа 1942 года, в разгар сражения за Сталинград, в четырех номерах «Правды» была опубликована пьеса Александра Корнейчука «Фронт». Главный отрицательный персонаж здесь не кто-нибудь, а командующий фронтом Горлов, герой Гражданской войны. Заканчивается пьеса снятием Горлова с должности и назначением на его место молодого генерала Огнева; при этом член военного совета Гайдар замечает:

– У нас нет незаменимых людей. Многие нас пугали, но они давно почивают на мусорной свалке истории. А партия крепка, как сталь.

И тут же, 28 августа, «Правда» сообщила о снятии героя Гражданской войны Буденного с поста 1-го заместителя Наркома обороны СССР (т. е. Сталина) и назначении на его ме-

сто молодого генерала Жукова.

С тех пор фраза «У нас незаменимых людей нет» вошла в обиход, причем чаще всего она цитируется как сталинская. Так оно, в сущности, и есть. Пьеса Корнейчука была написана по заказу вождя и лично отредактирована им, включая реплику о незаменимых людях. А девятью годами раньше, на I съезде колхозников-ударников, Сталин обрушился на неких «зазнавшихся вельмож», которые «думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом» (речь 19 февраля 1933 г.).

Впрочем, одного незаменимого человека Сталин знал. В 1952 году, после начала «дела врачей», он говорил своему ближайшему окружению:

– Вы слепые котята, что же будет без меня – погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов (согласно докладу Хрущева «О культе личности...»).

За рубежами нашего отечества фраза о незаменимых людях была известна гораздо раньше. Слоган «Незаменимых людей нет» («There is no indispensable man») использовал Вудро Вильсон на президентских выборах 1912 года в США, а Франклин Рузвельт – на выборах 1932 года. Родилось это изречение во Франции, и в XIX веке оно даже в Англии цитировалось по-французски: «Il n'y a pas d'homme necessaire».

Автором этого изречения был маркиз Луи Антуан Карач-

чиоли (1719–1803), французский писатель и историк. В 1759 году вышла в свет его книга «Искусство быть довольным собой». Здесь, в главе 42 («О политике»), говорилось: «Незаменимых людей нет; в политике, как и в прочих занятиях, привычка и навык делают большую часть работы».

В революционном 1793 году виконт Луи де Гизелен начал работы по разработке угольных шахт в Булони, однако был арестован как неблагонадежный аристократ. Рассказывали, что из тюрьмы виконт обратился к якобинским властям с просьбой освободить его, чтобы продолжить работу во благо республики, крайне нуждавшейся в угле. На это прошение комиссар Конвента Жозеф ответил: «В республике нет незаменимых людей».

Документальных подтверждений этой истории нет; возможно, эти слова не более достоверны, чем фраза «Республика не нуждается в ученых», сказанная будто бы по поводу казни Лавуазье.

«Есть люди полезные, но нет ни одного необходимого. Один только народ бессмертен», – так будто бы говорил М. Робеспьер друзьям весной 1794 года, согласно «Истории жирондистов» Альфонса де Ламартина. Почти то же самое говорил Сталин: «Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен» (речь в Кремле 29 октября 1937 г.).

Известен еще один вариант этого изречения: «Кладбища полны незаменимых людей». В начале 1960-х гг. оно цити-

ровалось во Франции со ссылкой на Жоржа Клемансо (1841–1929) и было направлено против де Голля, убежденного в своей незаменимости; позднее это изречение приписывали самому де Голлю. А во французском сборнике цитат 2005 года фраза «Кладбища полны людей, которые считали себя незаменимыми» приведена в качестве арабской пословицы.

На самом деле она появилась в мемуарах американского генерала Омара Брэдли «История солдата» (1951): «В армии мы часто смеемся над мифом о незаменимых людях: мы хорошо знали, что Арлингтонское кладбище полно незаменимых людей».

Нельзя все время обманывать всех

В биографии Авраама Линкольна (1939), написанной Карлом Сэндбергом и в 1961 году изданной в СССР, приводится его изречение:

Можно некоторое время обманывать весь народ, можно все время обманывать часть народа, но невозможно обманывать все время весь народ.

Это изречение относится к разряду общеизвестных легендарных цитат.

В печати оно появилось 20 лет спустя после смерти Линкольна. В газете «Syracuse Daily Standard» (Сиракьюс, штат Нью-Йорк) от 9 сентября 1885 года был помещен отчет о съезде Партии сухого закона. Среди выступавших был судья Уильям Дж. Гру. В 1876 году на выборах губернатора штата Нью-Йорк он собрал 0,34 % голосов. Обличая нью-йоркских политиканов, Гру заявил:

– Можно некоторое время обманывать всех или все время обманывать некоторых, но нельзя все время обманывать всех.

В оригинале: «...You cannot fool all people all the time», что можно перевести также: «...Нельзя все время дурачить всех».

Полгода спустя, 8 марта 1886 года, в газете «The Albany

Times» (Олбани, штат Нью-Йорк) появилось интервью с Фредом Уилером, лидером Партии сухого закона в штате Нью-Йорк. Уилер привел то же изречение, но уже как «знаменитые слова Авраама Линкольна».

К началу 1890-х годов авторство Линкольна считалось уже бесспорным.

Действительный источник этого изречения был указан в 2013 году на сайте «Quoteinvestigator». Оно принадлежит французскому протестанту Жаку Аббади (1654–1727). В 1676 году Аббади переехал в Германию, оттуда в Голландию, а затем в Англию, где и умер.

В 1684 году в Роттердаме вышел его «Трактат об истине христианской религии», переведенный затем на многие языки. Тезис: нельзя все время обманывать всех – служит в «Трактате...» доказательству существования Бога. «Чувство, говорящее нам о существовании Бога, отнюдь не является ложным предрассудком», поскольку представление о божестве существовало всегда и повсюду. «Можно обманывать некоторых или обманывать всех в каком-то месте и в какое-то время, но не всех повсюду и во все века» (гл. 2).

Это высказывание без указания автора почти в точности повторено в статье «Бог» IV тома «Энциклопедии наук, искусств и ремесел» (1754). Повторена здесь и аргументация Аббади:

«...Поскольку существование Бога наполняет все времена и все места, оно не может иметь источником внешние при-

чины наших заблуждений».

В справочниках автором статьи «Бог» назван убежденный атеист Дени Дидро. Разумеется, в «Энциклопедии» он не мог отрицать существование Бога.

Отдаленным прообразом изречения Аббади можно считать высказывание Плиния Младшего:

...Отдельные лица могут обмануть и сами обмануться, но никто не может ввести в заблуждение всех людей, как и все не могут обмануть кого-нибудь одного.

(«Панегирик Траяну», 62; перевод В. С. Соколова)

В книге «Кивки и поклоны» (1944) американский дипломат Франклин П. Адамс писал: «Слишком многие наши политики уверены – причем на основании собственного опыта, – что народ можно обманывать сколь угодно долго».

Четырьмя годами раньше Франклин Рузвельт в третий раз баллотировался на пост президента. По этому поводу в печати появился анекдот:

«– Нельзя обманывать всех все время, – заметил ветеран политических войн. – Да и не нужно – одного раза в четыре года вполне достаточно».

Нет героя для своего камердинера

В «Войне и мире» (т. IV, ч. 4, гл. 5) Толстой противопоставляет истинное величие Кутузова мнимому величию Наполеона:

Простая, скромная, и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история.

Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии.

К тому времени французская фраза «Нет героя для своего камердинера» («Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre») – успела войти в пословицу. По-французски просто лакей – «valet de pied» или «laquais», тогда как «valet de chambre» (камердинер) служит в богатом дворянском доме. Первоначально же имелся в виду камердинер, служащий у высокопоставленных и титулованных особ, включая государей.

Слово «лакей», в отличие от слова «камердинер», имеет отчетливую негативную окраску; то же относится к французскому и английскому «laquais». Тем не менее в России «valet de chambre» в этой фразе очень часто переводится как «лакей» (примеры можно найти еще до «Войны и мира»). Такая замена не встречается в других европейских языках –

английском, немецком, итальянском, польском и т. д.

Первоначальный смысл изречения вовсе не в том, что «у лакея свое понятие о величии», а в том, что камердинер знает *своего* хозяина слишком близко.

Это касается не только слуг. В кн. III «Опытов» (1588), гл. 2, Монтень писал: «Бывали люди, казавшиеся миру редкостным чудом, а между тем ни жены их, ни слуги не видели в них ничего замечательного».

В XVII веке Жан де Лабрюйер выразил ту же мысль иначе: «Они [великие люди] редко велики в глазах своих камердинеров (*vis-à-vis de leurs valets-de-chambre*)». («Характеры», 1688; в переводе Ю. Корнеева и Э. Линецкой: «...своих лакеев».)

В 1724 году вышло издание «Опытов» Мишеля Монтеня с комментариями Пьера Кота. К высказыванию Монтеня, приведенному выше, Кот поместил примечание: «Надо поистине быть героем, чтобы быть им в глазах своего камердинера. Маршал де Катина».

Никола де Катина́ (1637–1712), маршал Людовика XIV, одержал ряд крупных побед в войне с Аугсбургской лигой (1688–1697), но в начале Войны за испанское наследство (1701) потерпел серьезное поражение и был отстранен от командования, после чего удалился в свой замок, где и умер. Вероятно, он лишь видоизменил изречение своего современника Лабрюйера, «Характеры» которого пользовались огромным успехом.

В своей нынешней форме изречение приведено у Руссо в 1760 году, причем здесь оно оспаривается:

Суждение слуг мне кажется самой строгой и самой верной оценкой добродетели господ (...).

Говорят, никто не бывает героем для своего камердинера. Может быть, это и верно, но справедливый человек всегда внушает своему камердинеру уважение, — достаточно убедительное доказательство, что героизм — суетная видимость, а надежнее добродетели нет ничего.

(«Юлия, или Новая Элоиза», IV, 10; отредактированный перевод Н. Немчиновой и А. Худадовой)

«Новую Элоизу» читали все, и с 1760-х годов изречение о герое и камердинере в версии Руссо получило хождение во французской, английской и немецкой печати. Оно встречается, например, в комедии Сэмюэла Фута «Хозяин» (1764). В английской версии неизменно сохраняется термин «valet de chambre», который использовался главным образом применительно к Франции.

Немецкий литератор Томас Аббт писал: «Это почти уже стало пословицей: “Великий человек исчезает в глазах своих камердинеров”» («О заслугах», 1765).

Шотландец Джеймс Босуэлл замечает: «...согласно герцогу де Ларошфуко, никто не может быть героем для своего камердинера» («Отчет о Корсике», 1768). Вероятно, он спустил Ларошфуко с Лабрюйером.

В 1785 году были опубликованы «Письма к госпоже Каландрини» Шарлотты Аиссе (ок. 1693–1733), более известной под именем «м-ль Аиссе». 13 августа 1728 года м-ль Аиссе писала:

Напомню вам слова госпожи Корнюэль – что никто не был героем для своего камердинера или Отцом Церкви для своих современников.

В письме речь шла об Амбренском соборе французской католической церкви (1727–1728). Этот собор лишил янсениста Жана Соанена его епископства за неподчинение папе римскому.

Анн Мари Биго де Корнюэль (1605–1694), хозяйка парижского салона, была известна своим остроумием. Однако едва ли первая часть процитированной выше фразы принадлежала ей. Ее имя (в отличие от имени ее современника Лабрюйера) не упоминалось в этой связи до публикации «Писем» м-ль Аиссе.

В XIX веке был указан античный предшественник этого изречения. Согласно Плутарху, царь Македонии Антигон I (? —301 до н. э.) сказал поэту Гермодоту, который в своих стихах называл его «сыном Солнца»: «Неправда, и это отлично знаем я да тот раб, что выносит мой ночной горшок» («Изречения царей и полководцев», 28; перевод М. Гаспарова).

Эта история заставляет вспомнить известное высказывание Пушкина: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гро-

бе посреди воскресающей Греции. – Охота тебе видеть его на судне». (Письмо к П. А. Вяземскому, ноябрь 1825.)

Александр Герцен писал:

...Толпа (...) не понимает людей, глубоко чувствующих. Помнится, Дидротова кухарка очень удивилась, услышав, что ее господин – великий человек. Сколько Дидротовых кухарок!

(«Встречи», предисловие (1836), опубли. в 1882 г.)

«Дидротова кухарка» затем дважды встречается в письмах Герцена 1837 года; ее происхождение неясно.

В 1807 году вышел в свет трактат Гегеля «Феноменология духа». Здесь говорилось:

Для камердинера нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот – камердинер, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест, пьет, одевается...

(«Феноменология духа», VI, С, с; перевод Г. Шпета с заменой «лакея» на «камердинера»)

Два года спустя вышел роман Гёте «Избирательное сродство» (1809). В ч. I, гл. 5, приведены выдержки «Из дневника Оттилии» – мысли и афоризмы Гёте на различные темы. Одна из этих записей, в сущности, повторяет мысль Гегеля:

Для камердинера, говорят, не бывает героя. Но это потому, что лишь герой может признать героя.

Камердинер тоже, вероятно, умеет по достоинству ценить собрата.

(Перевод А. Федорова с заменой «лакея» на «камердинера»)

В «Лекциях по философии истории» (1822–1831; опубл. в 1837 г.) Гегель вернулся к этой теме, говоря об отношении историков к историческим личностям:

Известна поговорка, что для камердинера не существует героя; я добавил, – а Гёте повторил это через десять лет, – но не потому, что последний не герой, а потому что первый – камердинер. Камердинер снимает с героя сапоги, укладывает его в постель, знает, что он любит пить шампанское и т. д. Плохо приходится в историографии историческим личностям, обслуживаемым такими психологическими камердинерами; они низводятся этими их камердинерами до такого же нравственного уровня, на котором стоят подобные тонкие знатоки людей, или, скорее, несколькими ступеньками ниже этого уровня.

(Перевод А. Водена)

В Англии о «психологических камердинерах» говорилось на полвека раньше, только в несколько иных выражениях.

В 1786 году в журнале «Английское обозрение» была помещена анонимная рецензия на сатирическую поэму Джона Уолкота «Боцци и Пьюцци». В поэме высмеивались биографы лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784), в том числе Джеймс Босуэлл. Знаменитый двухтомник Босуэлла

«Жизнь Сэмюэла Джонсона» вышел позднее, в 1791 году, но уже в 1785 году Босуэлл опубликовал «Дневник путешествия на Гебридские острова с Сэмюэлом Джонсоном».

Автор рецензии замечает:

Характер д-ра Джонсона стал мишенью множества насмешек из-за неуместной мелочности его биографов. (...) Завеса, который должна быть прикрыта человеческая слабость, была отброшена, и нагота их кумира открылась. (...) Единственный результат, которого добились эти литературные приживальщики (lackies of literature), это то, что публика еще раз убедилась в истинности старого изречения: «Никто не может быть героем для своего камердинера».

(«*The English Review*», 1786, v. 7, «*Bozzio and Piozzi*»)

Оскар Уайльд, который едва ли читал лекции Гегеля и рецензии XVIII века, выразил ту же мысль острее и ярче:

Все великие личности рано или поздно обречены оказаться на уровне их биографов. («Дешевая версия великого человека», 1887.)

Именно такую биографию Гамлета мог бы написать Гильденстерн. («Дешевая версия великого человека».)

Сегодня у каждого великого человека есть ученики, а его биографию обычно пишет Иуда. («Критик как художник», 1890.)

Нет ничего легче, чем бросить курить...

История этой фразы в основных чертах прослежена на сайте «Quoteinvestigator».

В декабре 1938 года «Журнал Американского медицинского общества» поместил статью, в которой говорилось:

Уверяют, что Марк Твен как-то заметил, что для него не было ничего проще, чем бросить курить; он в этом уверен, потому что бросал уже тысячу раз. Большинство пациентов, страдавших облитерирующим тромбангиитом [воспалительное заболевание артерий. – К.Д.] имели такие же благие намерения, но продолжали курить.

В декабрьском номере популярного журнала «Ридерз дайджест» за 1945 год это изречение, в чуть ином виде, появилось с подписью: «Марк Твен согласно журналу “Коронет”».

С этого времени фразу: «Нет ничего легче, чем бросить курить, – я уже тысячу раз бросал», – приписывают Твену (с вариантами: «сотню раз», «тридцать раз» и т. д.).

Первоначально фразы подобного рода относились к картам и выпивке. В 1905 году в Нью-Йорке вышел роман Харриса Диксона «Дюк с Бесшабашной плантации». Здесь мы читаем:

– Ноэл, – сказал он, – надеюсь, ты бросил играть в покер?

Дюк ответил с мягкой улыбкой:

– Ну да; я бросал уже больше тысячи раз – всякий раз, как партия заканчивалась. Бросить играть в покер, мой мальчик, плёвое дело, нет ничего проще.

В 1929 году в одной из американских газет появился анекдотический монолог:

– Гарри сказал, что бросил пить. Это просто смешно, Джо, – ты же его знаешь. Нет, я не говорю, что это вообще невозможно. Я сам бросал пить не меньше ста раз и знаю, кто может бросить, а кто нет.

В мартовском номере железнодорожного журнала «Norfolk and Western Magazine» за 1932 год изречение приведено уже в современной форме:

Машинист С. У. Кемпбелл утверждает, что бросил курить. Стюарт заметил:

– Это очень легко; я бросал не меньше ста раз.

7 ноября 1934 года в лондонском сатирическом журнале «Панч» была опубликована анонимная заметка «О том, как бросить курить». Здесь описывались различные методы борьбы с этой вредной привычкой:

Конечно, бросить курить чрезвычайно легко. Не хотелось бы думать, что человек стал таким рабом табака, что не может прожить без зелья, которое губит сердце, разрушает нервы, чревато раком, катаром

желудка и прочее. Лично я бросал курить постоянно. Я просто выходил из дому без сигарет и, когда их мне предлагали, отвечал спокойно, но твердо: «Спасибо, нет» – и зажигал свою трубку.

Строго ограничить число выкуренных сигарет.
С помощью этого метода я достиг превосходного результата множество раз.

В 1938 году знаменитый американский комик Уильям Клод Филдс неоднократно читал по радио «Лекцию о воздержании», включавшую реплику:

– Только не говорите, что вы не можете дать зарок не пить. Я давал его тысячи раз.

Хотя знаменитая фраза не принадлежит Марку Твену, о воздержании от курения он высказывался не раз. Например:

Мне 73 года с половиной, из них 73 года я курю. Но я никогда не курю сверх меры, то есть никогда не курю больше одной сигары одновременно.

(Речь в Школе св. Тимофея для девочек (г. Катонсвилл, штат Мэриленд), 1909)

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным

Это изречение пришло к нам из английского языка: «No good deed ever goes unpunished». «Оксфордский словарь пословиц» (2008) датирует его первое появление (в несколько иной форме) концом 1930-х годов. 25 января 1938 года английский театральный критик Джеймс Эгейт записал в своем дневнике, опубликованном в том же году под заглавием «Эго»:

Павья сегодня в великолепной форме: «Всякое доброе дело несет с собой свое наказание».

Имелся в виду английский пианист Айсидор Лео Павья. Но широкую известность фраза получила благодаря нью-йоркскому журналисту Уолтеру Уинчеллу. Его колонку сплетен и слухов публиковали 2000 газет с 50 млн читателей по всему миру. Еще 20 млн человек слушали его субботнюю вечернюю радиопрограмму.

2 октября 1942 года в печати появилось высказывание Уинчелла: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным в Вашингтоне». Спустя всего девять лет фраза «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным» цитировалась как «старинное изречение». В 1957 году она была приписана американскому дипломату Клэр Люс (1903–1987).

Между тем ранняя версия этого изречения и в самом деле появилась очень-очень давно – в XII веке. Только не по-английски, а на латыни. Его автором был Уолтер (Вальтер) Мап (ок. 1140 – ок. 1210), придворный английского короля Генриха II и каноник собора Св. Павла.

Перу Уолтера Мапа принадлежит сочинение «О придворных безделицах» («*De nugis curialium*») – сборник занимательных новелл, а также анекдотов и случаев из придворной жизни. Этот сборник был хорошо известен историкам литературы, но на английский переведен лишь в 1923 году.

Одна из новелл сборника называлась «История о юном Эвдоне, обманутом дьяволом». Здесь мы читаем:

...Он не оставил ни одного доброго дела безнаказанным, ни одного дурного – не вознагражденным (*nullum et bonum impunitura, nullum malum irremuneratum*); и когда он не смог найти ни соперника, ни сопротивления себе на земле, (...) он бросил вызов небесам.

В английском переводе: «...left no good deed unpunished, no bad one unrewarded».

По всей вероятности, Мап «перевернул» формулу своего современника папы Иннокентия III:

Никакое зло не остается безнаказанным, никакое доброе дело – не вознагражденным.

(*Nullum malum praeterit impunitum, nullum bonum*

irremuneratum relinqui.)

(Трактат «О бренности человеческого существования»,
1190-е гг.)

Вторая часть формулы Мапа – «Ни одно дурное дело не остается незнагражденным» (англ. «No bad deed goes unrewarded») – вошла в обиход с 1980-х годов, а обе части вместе – лишь в XXI веке.

Ближе всего к первой части высказывания Мапа подошел Оскар Уайльд. В своей тюремной исповеди он замечает: «Каждый получает наказание и по своим добрым, и по своим злым делам» («De profundis» («Из глубины»), 1897, опубл. в 1904 г.).

Закончу же афоризмом польского критика и писателя Кароля Ижиковского (1973–1944):

Зло, как правило, мстит за себя, но добро не обязательно вознаграждается. Зло гораздо последовательнее.

Ни шагу назад!

Под этим названием известен приказ № 227 наркома обороны (т. е. Сталина) от 28 июля 1942 года, вскоре после занятия немцами Ростова-на-Дону. Здесь говорилось:

Ни шагу назад! Таким должен быть теперь наш главный призыв.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины.

Лозунг «Ни шагу назад!» газеты печатали ежедневно с конца июля 42-го, хотя сам приказ, вводивший в Красной Армии штрафбаты и заградотряды, не был опубликован, а только зачитан в войсках.

Впрочем, впервые лозунг «Ни шагу назад!» появился не в июле 42-го, а в ноябре 41-го, при обороне Москвы, как слова «великого Кутузова».

Историческая фраза Кутузова была чуть длиннее: «Теперь ни шагу назад!» Так он будто бы сказал 3 октября 1812 года, после вступления русской армии в Тарутино. В печати эти слова появились пять лет спустя, в мемуарной заметке военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, адъютанта Кутузова, а затем – видного военного историка. Другие мемуаристы об этой фразе умалчивают; даже если она была произнесена в действительности, ни в армии, ни в русском обществе о ней, по-видимому, не слышали. Известность она получила уже в николаевскую эпоху, благодаря популярным изложениям русской истории.

В поэме Н. Некрасова «Псовая охота» (1847), где речь идет о травле зайца, читаем:

Смерть иль победа – ни шагу назад!..

Можно здесь видеть иронию, но не следует забывать, что Некрасов был страстным охотником, и охота была для него (как и для графов Ростовых в «Войне и мире») чем-то гораздо большим, чем просто забава.

В полулегендарных рассказах о Суворове приводились его слова: «Шаг назад – смерть; вперед два, три и десять шагов позволяю» («Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни (...) Суворова», 1809).

Уже после окончания Великой Отечественной в книге «Генералиссимус Суворов» (1947) был опубликован интересный «Приказ войскам, находящимся в Польше, о боевой подготовке», датированный 23 августа (3 сентября) 1794

года. В это время суворовские войска находились в Польше, охваченной восстанием Костюшко, и с боями продвигались к Варшаве. В приказе говорилось: «Шаг назад – смерть», причем из контекста неясно, означали ли эти слова угрозу или предостережение об опасности отступления в разгар боя. Однако точно известно, что заградотрядов в русской армии не существовало.

В Западной Европе лозунг «Ни шагу назад» не использовался, но был хорошо известен латинский девиз «*Nunquam retrorsum*» – *букв.* «Никогда назад», т. е. «Никогда не отступать».

Происхождение этого девиза весьма необычно. Его более ранняя форма: «*Vestigia nulla retrorsum*» («Никаких следов назад»), что должно было означать «Ни шагу назад». Этот девиз появился, по-видимому, во время Гражданской войны XVII века в Англии. Обычно он связывается с именем Джона Хемпдена, одного из вождей парламентской партии.

Девиз Хемпдена был сокращенной цитатой из Горация («Послания», I, 1, 74), однако там речь шла отнюдь не о воинской доблести. У Горация эти слова произносит басенная лисица, и они продиктованы страхом. В переводе Н. Гинцбурга:

Следы вот меня устрашают:

Все они смотрят к тебе, ни один не повернут обратно.

Гораций, в свою очередь, переложил басню Эзопа «Лев и лисица»:

Лев состарился, не мог уже добывать себе еду силой и решил это делать хитростью: он забрался в пещеру и залег там, притворяясь больным; звери стали приходить его проведать, а он хватал их и пожирал. (...) Лисица догадалась о его хитрости, подошла и, встав поодаль от пещеры, спросила, как он поживает. «Плохо!» – ответил лев и спросил, почему же она не входит? А лисица в ответ: «И вошла бы, кабы не видела, что в пещеру следов ведет много, а из пещеры – ни одного».

(Перевод М. Гаспарова)

Никогда не говори «никогда»

Общеизвестной эта фраза стала после выхода в свет британского фильма «Never Say Never Again» (1983). Фильм был экранизацией шпионского романа Яна Флеминга «Удар грома» (1961), где, однако, этого выражения нет.

А появилось оно во Франции начала XIX века – в одноактной комедии Франсуа Оффмана «Мнимое сокровище, или Как опасно подслушивать». «Мнимое сокровище» обычно называют комической оперой, но на самом деле это скорее водевиль. В 1802 году он был поставлен в парижской Комической опере с музыкой Этьена Николя Мегюля.

Сюжет водевиля вполне обычен: Жеронт, дядя и опекун юной Люсиль, не позволяет ей соединиться с возлюбленным. В сцене IV он говорит:

– ...Я приказываю вам написать Дорвалю (...), чтобы он прекратил домогаться вашей руки и никогда не появлялся у вас.

Но затем, возмечтав обогатиться благодаря этому браку, опекун меняет гнев на милость. В сцене XII происходит следующий диалог:

ЖЕРОНТ. ...Но посмотрим письмо (*читает*):
«Сударь, поскольку я никогда не смогу принадлежать Вам...» «Никогда!» Никогда не следует говорить «никогда» (Il ne faut jamais dire jamais). Кто может

поручиться за будущее?

ЛЮСИЛЬ. Это говорили мне вы, дядюшка.

ЖЕРОНТ. «Никогда!» Я имел в виду: «в настоящее время», но никогда нельзя говорить «никогда» о будущем.

После 1802 года «Мнимое сокровище» ставилось не слишком часто, и фраза Жеронта, возможно, была бы забыта, если бы не нашумевший эпизод с министром юстиции Эркюлем де Серром.

В 1816 году был принят закон об амнистии тех, кто во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона. Амнистии не подлежали «цареубийцы» – депутаты Конвента, голосовавшие за казнь Людовика XVI. Они изгонялись из страны навсегда, если в 1815 году приняли какую-либо должность от «узурпатора».

На заседании Палаты депутатов 17 мая 1819 года де Серр подтвердил, что «лица, внесенные в указ об изгнании, не вернутся во Францию», а два месяца спустя, 19 июня, повторил:

– Для временно изгнанных возможно обращение к воле короля, для цареубийц – никогда!

Этот запрет был крайне непопулярен в обществе. 1 июля в масонской газете «La renommée» появился отчет о празднестве, устроенном в Париже ложей Великий Восток. Здесь были спеты куплеты на злобу дня:

Когда славные французские государи
Скитались, изгнанные, без всякой надежды,
Я слышал, как говорили: никогда
Не будут они править во Франции.
Их отсутствие было долгим... но
Никогда не следует говорить «никогда».

Разве будущее нам открыто?
Я слышал голос, который воскликнул:
«Никогда несчастный изгнанник
Не вернется на родину».
Это возможно... но
Никогда не следует говорить «никогда».
(...mais / Ne faut jamais dire jamais)

В 1829 году вышел II том сочинений Офмана. Здесь сообщалось, что на другой день после выступления де Серра с его «ужасным словом “Никогда!”» состоялось представление «Мнимого сокровища» и публика бурно аплодировала словам Жеронта: «Никогда не следует говорить “никогда”».

А в «Словаре оперы» Феликса Клемента (1869) сказано, что именно после этого случая фраза вошла в пословицу.

«Мнимое сокровище» действительно было поставлено в 1819 году в театре «Драматическая гимназия», однако премьера состоялась 13 сентября – почти через три месяца после скандального эпизода. Так что немедленный отклик публики на «ужасное слово “Никогда!”» не мог иметь места. Если же зрители действительно аплодировали фразе Жеронта,

значит, «ужасное слово» все еще было живо в их памяти.

С середины XIX века выражение «Никогда не следует говорить “никогда”» появилось в немецкой печати; нередко – как правило политики или дипломатии.

Еще одна его форма: «В политике никогда не следует говорить “никогда”» – принадлежит Наполеону III. Эта фраза появилась в печати в 1892 году, в I томе «Моего дневника» Эрнеста Пинара, министра внутренних дел Третьей империи. Но широкую известность она получила с 1905 года, когда ее процитировал Эмиль Оливье в X томе своего 18-томного труда «Либеральная империя».

20 октября 1867 года Гарибальди выступил в поход на Рим. Французский император выслал войска на помощь папе, хотя большая часть французов сочувствовала гарибальдийцам. 5 декабря «римский вопрос» обсуждался в Палате депутатов. Государственный министр – т. е. глава правительства – Эжен Руэ сказал:

– Мы заявляем, что Италия не захватит Рим. Никогда, никогда Франция не поддержит такое насилие над своей честью и над католической верой!

Большинство Палаты поддержало министра. На другой день на заседании правительства Наполеон III похвалил Руэ за его выступление, но добавил:

– В политике никогда не следует говорить «никогда». Допустим, что папа и Виктор Эммануил придут к соглашению; во что обратится тогда красноречие государственного мини-

стра?

Действительно, в 1870 году, после начала франко-прусской войны, французские войска были отозваны из Рима, и король Виктор Эммануил включил Рим в состав Италии.

Новость – если человек кусает собаку

«Если собака кусает человека, это не новость; новость – если человек кусает собаку». Таков основополагающий принцип сенсационной журналистики, которая возникла в Америке последней трети XIX века, а потом завоевала весь мир.

Раннюю версию этого изречения привел в 1899 году Джесс Линч Уильямс в книге «“Украденная история” и другие журналистские истории». К тому времени Уильямс имел немалый опыт работы в журналистике, а в 1918 году получил Пулитцеровскую премию как драматург. В его книге старый репортер по имени Билли Вудс наставляет юного коллегу:

– «Собака укусила человека» – это всего лишь происшествие; «Человек укусил собаку» – это хорошая история.

В 1902 году в газете «The Buffalo Commercial» появился диалог, персонажами которого были издатель нью-йоркской газеты «Сан» Чарлз Андерсон Дейна, умерший пятью годами ранее, и его сотрудник, знаменитый репортер Ричард Хардинг Дэвис.

Дэвис спрашивает издателя:

– Что можно считать новостью?

Тот разъясняет:

– Если вы увидели, что собака кусает человека, не пишите об этом. Но если вы увидели, что человек кусает собаку, не жалейте денег на телеграмму в редакцию «Сан» со всеми подробностями.

В марте 1912 года нью-йоркский журналист Артур Брисбейн, некоторое время работавший в «Сан», на званом обеде произнес спич об образовательной роли кинематографа.

– Но, разумеется, – добавил он, – кинематограф никогда не сравняется с прессой в качестве образовательной силы. Газета не только сообщает о новостях – в мертвый сезон она еще и создает их.

Затем Брисбейн процитировал наставление некоего «знаменитого издателя» начинающему репортеру:

– Если собака кусает человека, это не новость. Но если человек кусает собаку, это уже новость. И всякий раз, когда вы не можете найти человека, который кусает собаку, – идите и сами укусите какую-нибудь собаку.

Впрочем, в газете «Denver Post» от 10 февраля 1921 года Брисбейн, цитируя изречение «...новость – если человек кусает собаку», назвал его автором уже не Дейну, а Амоса Каммингза, сотрудника «Сан».

В 1918 году вышла книга «История “Сан”». Здесь фразу «...новость – если человек кусает собаку» произносит журналист Джон Богарт. Он работал в «Сан» с 1873 по 1890 год и, как замечает автор книги О’Брайен, «усвоил представление Дейны о новостях».

Как видим, изречение, если и не появилось в редакции «Сан», то получило известность благодаря сотрудникам этой газеты. Позднее оно приписывалось – уже явно безосновательно – британскому газетному магнату Альфреду Хармворту, лорду Нортклиффу, умершему в 1922 году.

В 1951 году на экраны вышел фильм Билли Уайлдера «Туз в рукаве», снятый по его же сценарию. Герой фильма, журналист, изгнанный из дюжины редакций за пьянство и хамское поведение, уверяет издателя:

– Я могу раздобыть для вас любую новость – хоть большую, хоть маленькую, а если нет никаких новостей, я выйду на улицу и укушу собаку.

Именно этого требовал от своих сотрудников «знаменитый издатель» в спиче Брисбейна 1912 года.

В России изречение «...новость – если человек кусает собаку» стало цитироваться, по-видимому, лишь во 2-й половине XX века. Зато была известна эпиграмма Дмитрия Минаева, написанная в 1888 году:

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.

(Виктор Буренин, литературный критик суворинской газеты «Новое время», славился своей желчностью и ядовитостью.)

Вполне вероятно, что идею эпиграммы подсказала Минаеву «Элегия на смерть бешеной собаки» (1766) английского писателя Оливера Голдсмита. Здесь собака кусает прохожего:

Над раной лили реки слез,
Сердца терзала драма.
И ясно всем: взбесился пес,
Погибнет сын Адама.

Однако прохожий оказался ядовитее укусившего его пса:

Но опровергла бред ослов
Чудесная картина:
Наш добротворец жив-здоров,
А околела псина.

(Перевод Алексея Парина)

В наше время новостные заметки под заглавием «Человек укусил собаку» появляются регулярно. Англоязычная Википедия дает полтора десятка примеров.

Нож в спину революции

24 октября 1917 года Временное правительство предприняло последнюю попытку перехватить инициативу у большевиков, фактически контролировавших ситуацию в Петрограде. Была опечатана типография, в которой печатались большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат». К Зимнему дворцу стягивались остатки имевшихся у Временного правительства военных сил. Мосты через Неву были разведены, чтобы изолировать центр города от рабочих районов, а ключевые пункты Петрограда заняты правительственными отрядами. Ожидался подход к столице верных правительству воинских частей.

Вечером на пленуме Петроградского совета Троцкий выступил с речью об отношении большевиков к вооруженному восстанию. Согласно отчету в «Известиях», появившемуся на другой день, он заявил:

– ...Если правительство захочет использовать тот срок, который ему осталось жить, – 24, 48 или 72 часа – и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо.

26 октября, уже после захвата Зимнего большевиками, вышла газета «Рабочий путь», в которой эти слова переданы иначе:

– Если правительство 24 или 48 часами, которые остались

в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы *вонзить нож в спину революции*, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар – ударом, на железо – сталью [курсив мой. – К.Д.].

Именно с этими словами обычно связывается выражение «нож в спину революции». На самом деле Троцкий воспользовался хорошо известным к тому времени оборотом.

15 июня 1917 года в эсеровской «Воле народа» появилась статья Питирима Сорокина «Заметки социолога. Распыление революции». Сорокин писал:

Еще один нож в спину революции. Под ним я разумею «Универсал Украинской Центральной Рады», объявляющей автономию Украины. Впрочем, один вчерашний день принес известие не только об этом ноже, но и о многих других. Таким же ножом является и резолюция финляндского областного комитета армии, флота и рабочих, требующая разрыва с союзниками; ножом является и резолюция матросов ряда кораблей и Свеаборгской крепости, требующая низвержения Временного правительства, и отказ царицынских и ростовских солдат выступить на фронт, и многое другое.

(...) В тело русской революции всажено уже так много ножей, она получила и раньше так много ударов, что каждый новый удар становится не важным: одним больше, одним меньше, не все ли равно.

14 сентября в зале Александрийского театра открылось

Всероссийское демократическое совещание. Главным событием дня стало выступление Керенского, который заявил, обращаясь к большевикам:

— ...Я скажу вам теперь языком власти: каждый, кто осмелится покуситься на свободную республику, кто осмелится занести нож в спину русской армии, узнает власть революционного правительства, которое правит доверием всей страны.

(Согласно «Запискам о революции» Н. Н. Суханова.)

По воспоминаниям П. Н. Милюкова, в начале октября Керенский поднял во Временном правительстве вопрос о переезде правительства в Москву. Один из лидеров Советов «заявил члену правительства, что переезд в Москву есть “нож в спину революции”». На это он получил характерный для настроения момента ответ, что зато оставление в Петрограде есть “удар в грудь немецкого штыка”» («История второй русской революции» (1921), ч. III, гл. 5).

Поздним вечером 25 октября 1917 года в Смольном открылся II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. К этому моменту большевики уже фактически захватили власть, хотя Зимний еще не был взят. Меньшевик Георгий Кучин, председатель армейского комитета XII армии, заявил:

— Мы предупреждаем, что гражданская война, вызванная авантюрой со стороны большевиков, является ударом в спину армии.

Так приведены эти слова в протоколах съезда. Однако чаще они цитируются по книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (1919), где Кучин почему-то назван «трудовиком», т. е. членом Трудовой народно-социалистической партии:

– ...Захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!

Три года спустя Маяковский переадресовал то же обвинение меньшевикам:

Оружие Антанты – деньги.

Белогвардейцев оружие – ложь.

Меньшевиков оружие – в спину нож.

(Окна РОСТА. Июль 1920)

В 1920 году в Симферополе вышел сборник Аркадия Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», в следующем году переизданный в Париже. В этом заглавии революционный пафос Троцкого, в сущности, пародировался: дюжинами считают ножи для столовых приборов.

На парижское издание сборника Ленин отозвался рецензией «Талантливая книжка» («Правда», 22 ноября 1921 г.). «Дюжина ножей...» названа здесь «книжкой озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца», однако некоторые рассказы, по мнению Ленина, заслуживают перепечатки: «Талант надо поощрять».

О мертвых или хорошо, или ничего

Это изречение существует в двух вариантах. Первый появился, вероятно, в XVI веке:

«De mortuis et absentibus nil nisi bene» – «О мертвых и отсутствующих [не говорят] ничего, кроме хорошего».

Позднее его сократили: «De mortuis nil nisi bene» – «О мертвых ничего, кроме хорошего». Именно так цитируется эта сентенция в Западной Европе.

В Центральной и Восточной Европе появилась вторая форма: «De mortuis aut bene aut nihil» – «О мертвых или хорошо, или ничего». В России только она и известна.

В Западной Руси это изречение уже в 1-й половине XVII века цитировалось на родном языке: «...памятаючи на то, иж о мертвых альбо нечего, альбо добре мовити треба». Эти слова содержались в протестации (жалобе) Лаврентия Древинского, старшины Виленского православного братства, о похищении униатами братского имущества. Протестация, датированная 15 июня 1630 года, была адресована Варшавскому старостинскому суду («Акты, относящиеся к истории Западной России», 1851). Можно не сомневаться, что ее составитель был знаком с латынью.

В Великороссии эта сентенция стала известна в XVIII веке. В конце 1790-х годов протоиерей Петр Алексеев послал письмо императору Павлу I, в котором содержался от-

зыв Петра I (несомненно, легендарный) о патриархе Никоне. Протоиерей писал, что этот «анекдот с примечаниями» он решается поднести государю «не для того, чтоб обесславить преждеусопших мужей, ибо сие и неверные запретили: *de mortuis aut bene, aut nihil...*» («Русский архив», 1863).

В сборнике И. М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи» (1848) к поговорке: «Костями не шевели!» – давалось примечание: «Это тоже, что: *de mortuis aut bene, aut nihil*».

«Неверные», т. е. древние греки, действительно запрещали дурно отзываться о мертвых. Изречение «Мертвых не хули» («Об умерших не злословить») приписывалось Хилону, одному из Семи мудрецов.

А в Плутарховой биографии Солона читаем:

Хвалят (...) Солонов закон, запрещающий дурно говорить об умершем. И действительно, благочестие требует считать умерших священными, справедливость – не касаться тех, кого уже нет.

Требование не злословить об отсутствующих мы находим у римлян. 29-я элегия из II книги «Элегий» Секста Проперция заканчивалась строкой:

Absenti nemo non nocuisse velit.

(Пусть никто не говорит плохо об отсутствующих)

Старую мудрость подвергли сомнению в век Просвещения. Вольтер замечает:

О живых следует говорить уважительно; о мертвых – только правду!

(«Письма, написанные в 1719 году об “Эдипе”», примечание к письму I, опубликованное в 1785 г.)

Бодуэн де Куртенэ, знаменитый русско-польский филолог, выразил эту мысль на латыни: «De mortuis aut verum, aut nihil» – «О мертвых или правду, или ничего» («Николай Крушевский, его жизнь и научные труды», 1888).

Сэмюэл Джонсон в 1781 году писал: «De mortuis nil nisi verum – De vivis nil nisi bonum» – «О мертвых – только правду. О живых – только хорошее» («Жизнеописания английских поэтов», очерк «Юнг»).

Иного мнения был Генрих Гейне:

De mortuis nil nisi bene [О мертвых ничего, кроме хорошего], но о живых следует говорить только дурное».

(Из посмертно изданных «Мыслей и афоризмов»)

О том же, не одобряя такого поведения, писал А. Н. Майков в посмертно опубликованной эпиграмме «De mortuis...» (середина 1870-х гг.):

Давно всеобщую моралью решено:

«Об мертвых говори хорошее одно».

Мы ж заключение прибавили такое:

«А о живых – одно дурное».

В романе Агаты Кристи «Убийство в Месопотамии» (1936, гл. 18) мисс Райли заявляет:

– ...Считается, что нельзя говорить плохо о мертвых. По-моему, это глупость. Правда – всегда правда. Уж если на то пошло, лучше держать язык за зубами, когда речь идет о живых. Им можно повредить. Мертвым уже все равно, но вред, который они причинили, иногда продолжает жить. Не то чтобы цитата из Шекспира, но очень похоже!

Читатели обычно не задумываются о том, к чему здесь упомянут Шекспир. Ответа на этот вопрос нет даже в книге Лайзы Хопкинс «Шекспировские аллюзии в детективных романах», где цитируется «Убийство в Месопотамии».

Между тем мисс Райли имела в виду хрестоматийный монолог Антония над телом Цезаря в присутствии его убийц – Кассия и Брута:

Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними.

Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.

(«Юлий Цезарь», перевод Мих. Зенкевича)

Обезьяна за пишущей машинкой

10 000 обезьян за пишущими машинками рано или поздно напишут «Войну и мир».

Фразы подобного рода встречаются часто, меняется лишь число обезьян и название их творений. Обычно обезьяны производят на свет пьесы Шекспира или «Британскую энциклопедию». Так, Станислав Лем упоминал «шутки о стае обезьян, которые до тех пор барабанят по клавишам пишущей машинки, пока не напишется Британская энциклопедия» («Голем XIV», 1973).

Все это как будто указывает на английское происхождение печатающих обезьян. Действительно, в «Оксфордском словаре цитат» изречение дается со ссылкой на британского астрофизика Артура Эддингтона. В книге «Природа физического мира» (1928) он писал:

Если я буду бесцельно водить пальцами по клавишам пишущей машинки, может случайно получиться осмысленное предложение. Армия обезьян, барабаня по клавишам пишущих машинок, могла бы написать все книги Библиотеки Британского музея.

Неужели знаменитый ученый принимал эту мысль всерьез? Нет, конечно: это всего лишь пример события, статистически невероятного.

Однако Эддингтон не был первым. Уже в книге американского химика Гилберта Льюиса «Анатомия науки» (1926) упоминалось «забавное предположение о миллионе обезьян, стучащих ради забавы по клавишам пишущих машинок». Льюис ссылаясь на французского математика Эмиля Бореля.

Он-то и придумал «обезьян-машинисток» – в 1913 году, в статье «Механическая статистика и необратимость»:

Представим себе, что миллион обезьян научились стучать наугад по клавишам пишущей машинки и что (...) эти обезьяны-машинистки усердно трудятся по десять часов в день на миллионе пишущих машинок различного рода. (...) И к концу года эти тома будут содержать точный текст всех книг на всех языках, хранящихся в крупнейших библиотеках мира.

Правда, иногда утверждается, что об «обезьянах-машинистках» говорил уже Томас Гексли на историческом диспуте о теории Дарвина в Оксфорде 30 июня 1860 года. Противник Дарвина, англиканский епископ Сэмюэл Уилберфорс заявил, что упорядоченность Вселенной предполагает существование ее Творца; Гексли будто бы ответил:

– Шесть вечных обезьян, печатающих на шести вечных пишущих машинках, при достаточном количестве времени могли бы написать псалом, сонет Шекспира и даже целую книгу. Точно так же молекулярное движение, при достаточном количестве времени и материи, могло произвести на свет самого епископа Уилберфорса.

Это не более чем легенда: в отчетах о диспуте ничего подобного нет. К тому же, хотя первая пишущая машинка была запатентована в 1833 году, широкую известность она получила не ранее 1878 года, когда в продаже появилась модель «Ремингтон-2» – первая, в которой различались прописные и строчные буквы. Сам Гексли даже и тогда продолжал писать от руки.

Итак, «обезьяны за пишущей машинкой» – изобретение XX века; однако идея, которую они иллюстрируют, появилась гораздо раньше. Французский просветитель Дени Дидро утверждал:

Если бы мне предложили выбрасыванием букв наудачу воссоздать «Илиаду», то (...) при определенном конечном числе бросаний я имел бы большие шансы на успешный результат.

(«Философские мысли», XX; перевод Б. Румера)

Дидро заимствовал этот образ у Цицерона. В трактате «О природе богов» великий римлянин изложил учение эпикурейцев о сотворении мира из случайного движения атомов. Это учение он отверг как невероятное:

Почему бы (...) не поверить также, что если изготовить (...) в огромном количестве все двадцать одну букву [латинского алфавита], а затем бросить эти буквы на землю, то из них сразу получатся «Анналы» Энния?

(Перевод М. Рижского)

Энний, автор эпической поэмы «Анналы», считался «отцом римской поэзии».

С появлением компьютера и Всемирной паутины «постулат Цицерона – Бореля – Эддингтона» стал удивительно актуальным. В лондонской газете «Mail on Sunday» от 16 февраля 1997 года цитировалось высказывание американского ученого Роберта Виленски:

Все мы слышали про то, что миллион обезьян, стуча по клавишам миллиона пишущих машинок, могли бы написать полное собрание сочинений Шекспира. Благодаря Интернету мы знаем теперь, что это неправда.

Окно в Европу

Строки из вступления к «Медному всаднику» (1833) известны каждому:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.

К этому стиху Пушкин дает примечание: «Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу. *Альгаротти*».

Имелся в виду итальянский писатель и ученый Франческо Альгаротти (1712–1764). Пушкин читал французское издание его путевых заметок о России, изданное в 1769 году под заглавием «Письма о России». В письме IV, помеченным: «Петербург, 30 июня 1739» – говорилось: «...Этот новый город, это недавно открывшееся на Севере большое окно, через которое Россия смотрит в Европу».

Итальянское издание книги вышло в 1760 году под заглавием «Русские путешествия». Здесь этот фрагмент выглядел несколько иначе:

«...что Вам сказать (...) об этом Городе, об этом большом окнище [*gran finestrone*], скажем так, недавно открытом на севере, из которого Россия смотрит в Европу?» (перевод М. Талалая).

Согласно комментариям М. Талалая, этот образ, возмож-

но, был результатом бесед Альгаротти с Чарльзом Калвертом, лордом Балтимором (1699–1751), на корабле которого Альгаротти совершил свое путешествие в Россию. Прусскому королю Фридриху Великому лорд Балтимор говорил:

– Петербург – это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять упадет в полное варварство.

Эти слова приведены в письме Фридриха Великого к Вольтеру от 10 октября 1739 года.

Пушкинская метафора совсем не то же самое, что метафора Альгаротти. Петр – «и мореплаватель, и плотник» – не открывает, а «прорубает» окно в Европу, прежде отгороженной от России извне, если не железным занавесом, то крепкой деревянной стеной. И прорубает он всего лишь окно, а не дверь. В дальнейшем это обстоятельство не раз обыгрывалось в ироническом смысле.

В сатирическом очерке Салтыкова-Щедрина «Дети Москвы» (1877) Россия отгорожена от Запада изнутри цензурой:

– А в сущности, что такое Петербург? – тот же сын Москвы, с тою только особенностью, что имеет форму окна в Европу, вырезанного цензурными ножницами.

Дмитрий Мережковский в романе «Петр и Алексей» (1905) рассказывает историю, которую филологи называли бы «этимологической легендой»:

Войдя в залу, где танцевали, [Петр] нашел, что жарко, и захотел открыть окно. Но окна забиты были

снаружи гвоздями. Царь велел принести топор и вместе с двумя денщиками принялся за работу. (...) Наконец-таки добился своего, вынул раму. (...) ...Ветер дул прямо с запада. (...)

– Ваше Высочество, – сказал австрийский резидент Плейер, большой любезник, – вы прорубили окно в Европу.

Этот «ветер, дующий с запада» возникает в статье Сергея Булгакова «Героизм и подвижничество», опубликованном в знаменитом сборнике «Вехи» (1909):

Она [интеллигенция] есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый.

В 1915 году Василий Розанов писал:

...это не столько окно в Европу, сколько размалеванный балкон, на который русские барчуки и барыньки «выпяливаются» перед Европой, – после сна, мордобитья, карт и водки «у себя дома», во внутренних апартаментах.

«На Европу смотрели» скорее из Москвы разные «архивны юноши», издававшие «Европейца» и занимавшиеся Гегелем. Из Петербурга же русские ни на что не «смотрели», а «казали себя», – «насколько мы образованны».

(«Мимолетное. 28. VI. 1915»)

После большевистского переворота окно в Европу закрылось. Однако 25 февраля 1920 года Ленин с гордостью за-

явил:

– Теперь мы имеем окошко в Европу благодаря миру с Эстонией и в состоянии получать оттуда основные продукты. Наше международное положение представляет действительно огромный прогресс...

(Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования.)

Предположительно в 1930-е годы появился анекдот, начинавшийся так:

Помер Ленин и прибыл в рай, а его туда не пускают. «Почему?» – спрашивает, а Петр I ему отвечает: «Я открыл окно в Европу, а ты его закрыл».

Затем тот же анекдот был переадресован Сталину.

Николай Устрялов, основатель «национал-большевизма», не без некоторой доли сочувствия говорил о славянофилах: «Они ненавидели Петербург (...), это своеобразное окно в Европу, смотреть в которое можно лишь обратившись спиной ко всей остальной России и к русскому народу» («Политическая доктрина славянофильства», 1925).

Если Достоевский называл Петербург «самым фантастическим» и «самым отвлеченным» городом, то для Андрея Битова нереальна Европа, видимая через прорубленное Петром окно: «...Камера-обскура, окно в Европу, в которое вместо стекла вставлен воображаемый европейский пейзаж...» («Пальма первенства», 1978).

В начале XX века появилось выражение «форточка в Европу». Журналист Федор Трозинер, обращаясь к Дягилеву, писал:

«Ты распахнул в Европу форточку и впустил в нее русское искусство и русскую музыку, – писал. – И потому будешь назначен вице-директором императорских театров». («Планиды», «Петербургская газета», 15 июня 1908 г.)

С 1990-х годов это выражение стало обычным:

«Мы закрыли последнюю форточку в Европу и рубим большие ворота в Азию».

«...В Киеве решили войти в Европу через форточку».

«Захочет ли Лукашенко лезть в Европу через форточку, будучи до этого спущенным с парадной лестницы?»

Опиум для народа

В 12-й главе «Двенадцати стульев» описано столкновение между отцом Федором и концессионерами, т. е. Ипполитом Матвеевичем и О. Бендером:

Остап наклонился к замочной скважине, приставил ко рту ладонь трубой и внятно сказал:

– Почем опиум для народа?

За дверью молчали.

Ко времени написания романа «опиум для народа» уже был языковым штампом.

Это – искаженная формула «Религия есть опиум народа», появившаяся в ранней статье Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Статья была опубликована в 1844 году в «Немецко-французском ежегоднике»; все его авторы были немецкими левогегельянами.

Молодой Маркс видит в религии форму иллюзорного сознания, не навязанную чьей-то волей, а возникающую из условий социального бытия:

...Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. (...) Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью. (...)

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа [das Opium des Volkes]. (...)

Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого.

И содержание, и тональность этих пассажей резко отличаются от высказываний французских деистов и атеистов XVIII века, которые в религии видели заблуждение непросвещенного ума и орудие сознательного обмана. Между тем у Маркса религия, в сущности, признается носителем неких высших смыслов, хотя бы и иллюзорных.

Считается, что формула «Религия – опиум для народа», заведомо искажающая мысль Маркса, появилось в Советской России. Но это не так.

Еще при жизни Маркса Иоганн Губер, профессор философии Мюнхенского университета, писал: «Религия, – утверждает Карл Маркс, духовный отец “Интернационала”, – “есть опиум для народа” [Opium für das Volk]» («Религиозный вопрос», Мюнхен, 1875).

Того же мнения был другой немецкий философ, Густав Портиг: «Карл Маркс называет религию “опиумом для народа”» («Религия и искусство в их взаимоотношениях», 1879).

В 1878 году на английском вышла статья Иоганна

Губера «Социал-демократия в Германии», опять-таки с формулой «опиум для народа» («*opium for the people*») («*The International Review*», Нью-Йорк, т. 5).

Искаженную формулу, родившуюся в Германии, пришедшие к власти большевики сделали официальным лозунгом. Британский журналист Артур Рэнсом, побывавший в Москве весной 1919 года, сообщал, что на стене Китай-города возле ворот часовни Иверской Божьей матери повешена доска с надписью: «Религия – опиум для народа». «Эта доска, висящая там уже давно, по форме отчасти напоминает обычные оклады икон. Я видел, как старый крестьянин, явно неграмотный, истово перекрестился на часовню, а потом, повернувшись налево, столь же истово перекрестился на антирелигиозную надпись» («Шесть недель в России», 1919).

У метафоры Маркса довольно долгая и отнюдь не простая родословная.

Опиумные препараты с древности использовались для лечения самых различных недугов. В XVIII веке они настолько вошли в моду, что их даже прописывали грудным детям как успокоительное. Именно тогда впервые появилось сравнение религиозности с опиумом.

В 1761 году вышел в свет знаменитый эпистолярный роман Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». В письме 45 главная героиня, Юлия Вольмар, сообщает:

Муж даже находит, что я стала веселее, и очень этим доволен. Набожность, по его мнению, – опиум для

души: в малых дозах бодрит, оживляет и поддерживает, в слишком сильных дозах усыпляет или же приводит в исступление, а то и убивает.

(Перевод Н. Немчиновой и А. Худадовой)

Заметим, что в романе Руссо господин де Вольмар – атеист, но вовсе не богоборец.

В 1780 году философ-просветитель Жан Робине включил изречение «Набожность есть опиум для души» («La Dévotion est un opium pour l'âme») в VI том своего «Универсального словаря...» (статья «Набожность»).

В романе маркиза де Сада «Новая Жюстина, или Злоключения добродетели» (1797) главная героиня говорит неаполитанскому королю Фердинанду:

– ...Ты поощряешь невежество. Это опиум, который ты даешь своему народу, чтобы, одурманенный этим снотворным, он не чувствовал нанесенных тобою ран.

Здесь речь прямо не идет о религии. Однако следует помнить, что у французских просветителей невежество неизменно сближалось с «предрассудком», т. е. религией; не случайно далее Жюстина предлагает Фердинанду ввести свободу мысли и вероисповедания.

С конца XVIII века уподобление религиозности опиуму становится обычным у немецких мыслителей. Кант сравнил с опиумом предсмертное отпущение грехов:

Намерение тех, кто под конец жизни приглашает духовника, обыкновенно состоит в том, что в его лице

они хотят иметь утешителя (...) из-за упреков совести. Здесь следовало бы скорее возбудить и обострить эти упреки, дабы не упустить из виду, что доброго еще нужно сделать или какие все еще наличествующие последствия зла можно устранить (...). Но давать вместо этого совести как бы опиум – это вина по отношению к нему самому и к другим (...).

(«Религия в пределах только разума», 2-е изд. (1794) II, 1; перевод Н. М. Соколова)

Один из вождей романтизма Ахим фон Арним говорит о своем герое: «...Религия стала для него новой разновидностью опиума» (роман «Бедность, богатство, вина и раскаяние графини Долорес», 1810).

Иоганн Готфрид Гердер называл «устремленность к внезапному, бурному, сокровенному переживанию присутствия Бога» «недостойным, неестественным, разрушительным состоянием». «Мы называем это состояние *духовным, религиозным*: но возможно ли нечто столь же бездуховное и опустошающее душу? Это опиум души, и ее грезы отнюдь не чарующи». («О религии и теологии», ч. 2, 1806.)

У Новалиса метафора «религия – опиум» перемещается в социальную плоскость. Среди его мыслей и афоризмов, опубликованных в 1798 году под заглавием «Цветочная пыльца» есть высказывание о религии «филистеров»:

Ваша так называемая религия действует просто как опиум, прельщая, помогая забыться, притупляя боли немощных. Ваши утренние и вечерние молитвы для них

все равно что завтрак и ужин.

В 1830 году Гёте опубликовал неодобрительную рецензию на сборник проповедей Фридриха Вильгельма Круммахера «Взгляд в царство благодати» (1828). Круммахер в то время был пастором в промышленном городке Гемарк (в окрестностях Вупперталя). Жителей этой местности, занятых физическим трудом и духовно неразвитых, замечает Гёте, «требуется лишь убаюкать ко сну. Поэтому эти проповеди можно было бы назвать *наркотическими проповедями*».

С метафорой «религия – опиум» соперничала метафора «религия – алкоголь». Девять лет спустя после рецензии Гёте Фридрих Энгельс, лично слышавший проповеди Круммахера, напечатал статью «Письма из Вупперталя. I» (1839). Здесь религия и алкоголь метафорически уравнены как одурманивающие средства:

«Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей – мистицизм или пьянство». В кузнечной или сапожной мастерской «восседает мастер, справа подле него – Библия, слева, по крайней мере очень часто, – водка».

В 1833 году в Нью-Йорке вышли в свет 20 выпусков продолжающегося издания, озаглавленного «Посланники истины, или Пилули для благочестивых: Серия либеральных трактатов». Одни выпуски были подписаны, другие нет. Большая часть из подписанных выпусков принадлежала Ро-

берту Дейлу Оуэну, сыну знаменитого английского утописта Роберта Оуэна.

Последний, 20-й выпуск назывался «Прусский пастырь (Из английского сочинения)». Именно здесь содержалось самое развернутое сопоставление религии с опиумом:

...Мы часто слышим, что религия делает мужчин и женщин счастливыми. И это правда. Религия время от времени делает людей счастливыми. Иногда она захватывает экзальтированное воображение фанатика и наполняет его (да! мы должны это признать) невыразимой и торжествующей радостью; радостью, сравнимой – не только по своей интенсивности, но и по своему источнику (а также – увы! – по своей длительности), – с радостью турка, которого возносит на седьмое небо его любимый опиум. На чистые души и нежные сердца религия иногда действует скорее ободряюще, чем опьяняюще, скорее дает надежду, чем внушает веру; она отвлекает от бед настоящего смутным, но отрадным предвосхищением, – пока люди не придут к заключению, что религия (...) исцеляет печаль и врачует надломленный дух. Так оно и есть – в том смысле, в каком бокал вина после ужина поднимает настроение и на время отгоняет прочь жизненные заботы (...).

Религия ярого кальвиниста, радикального пуританина, восторженного методиста или, скажем, инквизитора Торквемады, или Моисея, истребителя моавитян [отсылка к Книге Чисел, гл. 25. – К.Д.],

может быть названа Опиумной Религией [Opium-Religion]. Ее проявления внезапны и могущественны; она позволяет пережить экстаз во время припадков радостного возбуждения; она страшна в холодные, мрачные часы сомнения и отчаяния; она то возносит на небеса, то погружает в пропасти ада.

Наряду с «Опиумной Религией», продолжает автор, существует менее опасная для души «Винная Религия» (Wine-Religion). Такова, например, религия квакеров или социниан, терпимая и далекая от мистицизма. Однако для себя самого автор выбирает «полное воздержание» от всякой религии.

По иронии истории Оуэн-младший, главный автор антирелигиозных памфлетов «Посланники истины», в 1850-е годы увлекся спиритизмом и опубликовал нашумевшую книгу «Шаги на границе иного мира» (1860).

В 1843 году Маркс познакомился с Генрихом Гейне, который последние восемь лет жизни провел в «матрасной могиле» и с опиумными препаратами был знаком не понаслышке. У Гейне метафора «религия – опиум» дается со знаком плюс:

Да здравствует религия, которая в горькую чашу страданий человеческого рода вливает несколько сладких усыпляющих капель духовного опиума, несколько капель любви, надежды и веры!

(«Людвиг Бёрне. Книга воспоминаний», 1840)

А в 1850 году, на краю могилы, поэт говорил Адольфу Штару и его жене Фанни Левальд:

– Опиум – тоже религия. (...) Между опиумом и религией существует большее родство, нежели большинство людей может себе представить.

(А. Штар, «Два месяца в Париже», 1851.)

В 1843 году социалист-левогегельянец Мозес Гесс, автор термина «отчуждение» и близкий знакомый Маркса, опубликовал статью «Свобода единственная и полная!». Здесь говорилось:

Религия, пожалуй, может помочь смириться с несчастным сознанием рабства, возвысив его до раскаяния, при котором прекращается любая реакция на зло и тем самым на всякую боль, как опиум помогает при мучительных болезнях; вера в реальность нереального и в нереальность реального, пожалуй, способна дать страдающему пассивное удовлетворение, но не деятельное мужество сознательно и самостоятельно противостоять злу и освободиться от зла. (...)

До тех пор пока не достигнута единственная и полная свобода, человек живет не вполне человеческой, но – в большей или меньшей степени – животной жизнью; он либо обладает несчастным сознанием – сознанием собственного убожества, либо погружается в праздность и гедонизм, [либо] хватается за привычные одурманивающие средства – опиум, религию и водку.

Как видим, Гесс отчасти предвосхищает мысли Маркса, высказанные годом спустя, но очевидна разница в тоне обоих высказываний. В статье Маркса «водка» была бы невозможна.

В 1848 году, в год «Весны народов», Чарльз Кингсли, англиканский пастор и идеолог христианского социализма, начал издавать газету «Политика для народа». В номере от 27 мая появилось его второе «Письмо к чартистам»:

...Мы никогда не говорили вам, что истинным «Путеводителем реформатора», истинной книгой бедняка, истинным «Гласом Божиим против тиранов, дармоедов и обманщиков» была Библия. (...) Это наша вина. Мы использовали Библию как какое-то полицейское руководство, как дозу опиума, чтобы успокаивать перегруженных выючных животных, всего лишь как книгу, позволяющую держать в узде бедняков. (...) Мы говорили вам, что Библия учит терпению, но не сказали, что она обещала вам свободу. Мы говорили вам, что Библия проповедует права собственности и обязанности труда, а между тем (видит Бог!) она десятикратно чаще проповедует *обязанности собственности и права труда*.

Кингсли, в сущности, продолжал традицию протестантских проповедников эпохи Английской революции, когда Библия действительно была «Гласом Божиим против тиранов».

Михаил Бакунин уподоблял религию русского мужика не

опиуму, а водке (называя ее, согласно тогдашнему просто-речному употреблению, вином):

...Церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, свое унижение, старается успокоить память о своей ежедневной беде – один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого.

(«Государственность и анархия. Прибавление А», 1873)

В 1905 году Ленин точно процитировал формулу Маркса, однако истолковал ее в чисто бакунинском духе:

Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на скольконибудь достойную человека жизнь.

(«Социализм и религия», 1905)

Какой уж тут «вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира»...

К метафоре «религия – опиум» не раз обращались самые разные мыслители XX века. Жан Кокто замечает: «Опиум похож на религию, как иллюзионист на Иисуса» («Письмо к Жаку Маритену», 1926).

Иначе комментировал формулу Маркса Джордж Оруэлл:

Разве тут сказано не о том, что человеку невозможно жить хлебом единым, что одной ненависти

недостаточно, что мир, достойный людского рода, не может держаться «реализмом» и силой пулеметов? Если бы Маркс предвидел, как велико окажется его интеллектуальное влияние, возможно, то же самое он сказал бы еще не раз и еще яснее.

(Эссе «Мысли в пути», весна 1940 г.; перевод А. Зверева)

В середине XX века сходство с опиумом нашли в марксистской идеологии.

В 1946 году в Нью-Йорке вышел сборник рассказов видного критика Эдмунда Уилсона «Воспоминания о Ведьмином округе». Один из персонажей рассказа «Издательский дом Милхолландов и его проклятая душа» говорит:

– Флаглер хотел выпустить «Руководство по коммунизму», но, пока он соберется его издать, публика будет по горло сыта коммунизмом, как теперь она по горло сыта сексом. Я говорил тебе о мудром изречении старого д-ра Антихриста: «Марксизм – это опиум интеллектуалов»?

24 января 1955 года в еженедельнике «Newsweek» было приведено высказывание Клэр Люс (1903–1987), американского политика и дипломата:

Коммунизм – это опиум интеллектуалов, против которого нет средств – разве что в том смысле, в каком гильотина может быть названа средством от перхоти. (Заключительную метафору Люс позаимствовала из романа Вудхауза «Старая, верная...», 1951.)

В том же 1955 году в Париже вышла книга Раймона Аро-на «Опиум интеллектуалов». Автор пытался ответить на во-прос: почему западные интеллектуалы тяготеют к марксизму и к левым идеологиям вообще.

Книге предпосланы два эпиграфа. Первый – из Маркса: «Религия – это вздох угнетенной твари...» и т. д. Вто-рой – высказывание французского философа Симоны Вейль (1909–1943):

Марксизм, безусловно, религия в худшем смысле этого слова. В частности, подобно всем низшим формам религиозной жизни, она постоянно используется, говоря столь справедливыми словами Маркса, в качестве опиума народа.

Эта цитата взята из незавершенной статьи «Существует ли марксистское учение?», писавшейся в 1943 году и опубликованной в сборнике Вейль «Угнетение и свобода» (1955).

Симоне Вейль также принадлежит афоризм «Опиум на-рода не религия, а революция», вошедший в сборник «Гра-витация и грация» (1947).

Остались от козлика рожки да ножки

В 1851 году зрители водевиля «Цыганка», поставленного в московском Малом театре, слышали песенку «Жил-был у бабушки серенький козлик».

В 1855 году Тургенев опубликовал комедию «Месяц в деревне», написанную еще в 1850 году. В IV действии пьесы читаем:

ШПИГЕЛЬСКИЙ. ...Если вам непременно хочется знать мое мнение насчет Натальи Петровны, Веры Александровны, господина Беяева и вообще здешних жителей, слушайте же, я вам спою песенку. (...)

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Жил-был у бабушки серенький козлик,
Фить как! вот как! серенький козлик!
Фить как! вот как! серенький козлик!

Второй куплет:

Вздумалось козлику в лес погуляти,
Вздумалось козлику в лес погуляти,
Фить как! вот как! в лес погуляти!
Фить как! вот как! в лес погуляти!

(...) Третий куплет:

Серые во-лки козлика съели,
Серые во-лки козлика съели (*подпрыгивая*).
Фить как! вот как! козлика съели!
Фить как! вот как! козлика съели!

Песенку эту Шпигельский выбрал с вполне очевидным намеком. В рецензии на спектакль БДТ «Месяц в деревне» Марина Дмитриевская спрашивает:

«И кто же тут козлик, от кого остались рожки да ножки?»

И вполне обоснованно отвечает:

«Да все! Да от всех! В лес погуляти вздумалось и Наталье Петровне, и Беляеву» («Петербургский театральный журнал», 2009, № 2).

В том же 1855 году «Серенький козлик» появился в песенниках, а в 1864 году мэтр русской педагогики Константин Ушинский включил его в сборник «Русское слово: Год первый». Здесь песенка приняла почти знакомый нам вид с финалом:

Напали на козлика
Серые волки.

Оставили бабушке
Рожки да ножки.

В конце XIX века последние две строки немного подправили:

Остались от козлика
Рожки да ножки.

В сборнике П. А. Бессонова «Детские песни» (1868) концовка дана в стиле черного юмора:

Остались бабушке
Хвостик да рожки.

На поминки к бабушке
Съехались гости.

Съехались гости,
Хлоп козлика вóщи.
Вот так,
Вот сяк,
Хлоп козлика вóщи.

«Серенький козлик» – переделка польской песенки, возникшей, вероятно, в XVII веке. Ее ранняя версия была записана в 1713 году: «Była babusia domu bogatego...» – «Жила-была бабушка богатого рода, / Был у ней козлик очень рогатый». О рукописи, содержащей запись этой песни, сообщил академик В. Н. Перетц в 1901 году. «Тургеневский»

текст песенки гораздо ближе к польскому, чем текст в сборнике Ушинского.

Различные варианты «Козлика» записали польские фольклористы. В этих записях козлик «съел у бабушки огород капусты»; бабушка прогнала его в «зеленый бор», а после нашла «одни только рожки». «Рожки да ножки» – не перевод с польского, а устойчивый оборот русских фольклорных сказок, включенный в песенку.

Современный польский вариант песенки называется «*Była babuleńka*». В 1953 году по ее сюжету был снят мультфильм «Козлик», выигравший конкурс анимационных фильмов в Карловых Варах; это была первая международная победа в истории польской мультипликации. Жутковатая сцена гибели козлика здесь оказывается сном, приснившимся бабушке.

Мелодии польского и русского «Козлика» разнятся довольно заметно. К тому же под польскую мелодию детишкам можно и станцевать; наш «Козлик» заунывнее и протяжнее.

В. Арсеньев предположил, что мелодия песенки восходит к танцу № 3 из цикла Моцарта «6 немецких танцев», написанного в 1791 году. («Вечно юный вальс», «Известия», 20 марта 1985 г.) Эта версия получила у нас широкое распространение.

Действительно, ритм танца № 3 совпадает с ритмом песенки, а начало нашего «Козлика» очень похоже на фрагмент моцартовской музыки. Однако в этой музыке есть немалое

сходство и с польской мелодией; между тем польская песенка на целый век старше музыки Моцарта. Вероятно, Моцарт обработал мелодию, известную и в немецких землях, и в Польше.

В 1940 году советские дети впервые прочли зощенковские «Рассказы о Ленине». Один из рассказов назывался «Серенький козлик». Когда Митя, младший брат Володи Ульянова, пел песенку про козлика, у него, рассказывает Зощенко, «дрожал голосок и дергались губенки». Однажды дети стали петь эту песенку у рояля, и Митя опять начал всхлипывать.

Маленький Володя, увидев это, обернулся к Мите, сделал страшное лицо и нарочно ужасным и громким голосом запел:

«На-па-али на-а коз-ли-ка серые вол-ки...»

Тут Митя, конечно, не выдержал и зарыдал еще больше.

Старшая сестра сделала брату замечание – зачем он дразнит Митю.

И на это маленький Володя ответил:

– А зачем он боится? Я не хочу, чтоб он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми.

Митя сказал:

– Тогда я не буду больше бояться.

Дети снова запели эту песенку. И Митя храбро спел ее до конца. И только одна слезинка потекла у него по щеке, когда дети заканчивали песенку: «оставили

бабушке рожки да ножки».

Маленький Володя поцеловал своего младшего братишку и сказал ему:

– Вот теперь молодец.

Зоценко по-своему пересказал эпизод из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой. Володя тогда был уже гимназистом (в гимназию он поступил в 9 лет), а Мите было лет пять. Старший брат постоянно – а не один только раз – пугал его при исполнении «Козлика», «пока малыш, не выдержав, не заливается в три ручья» («Детские и школьные годы Ильича», 1925). Благостный финал истории, а также воспитательная мотивировка поведения Володи относятся к области художественного вымысла.

В 1925 году в Харькове был напечатан знаменитый сборник пародий в стихах и прозе «Парнас дыбом». Два года спустя он вышел четвертым изданием, а в 1967-м – пятым, хронологически продолженным до современности. Авторы – Эстер Паперная, Александр Розенберг и Александр Финкель – в качестве темы выбрали три стишка: «У попа была собака...», «Жил-был у бабушки...», «Пошел купаться Верлей...», причем пародии на тему «Козлика» преобладали.

Вот несколько финалов этих пародий:

Н. М. КАРАМЗИН

Лишь в знак любезной памяти дружбы и умиления сердечного оставило оное чудовище бедной старушке, горькие слезы в тиши ночной проливавшей, рожки

и ножки существа, столь горячо любимого и столь печально погибшего.

А. К. ТОЛСТОЙ

Волки рыщут в лесу, как нечистая рать,
Разорвали старухи отраду,
Удалось только рожки да ножки собрать.
Ой, ладо, ой, ладушко ладо!

К. Д. БАЛЬМОНТ

На траве белеют ножки,
козьи ножки, козьи рожки,
и старушка по дорожке...
...Старый, милый детский сон.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Ах, у волка быть в лапах
и вдыхать его запах —
есть ли в жизни экстазней,
чем смертельности миг.

И старушке колдунье,
крючконосой горбунье,
подарить импозантно

лишь рогов своих шик.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Как жить теперь – в сухом огне?
Как в степь уйти заледенелую?
Вот что ты, козлик, сделал мне!
«Мой козлик, что тебе я сделала?»

СОБИРАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ-ПЕСЕННИК

Поискала любимца старушка —
Только ножки нашла да рога...
Сиротою осталась в избушке,
А вокруг, зеленея опушкой,
Голубая шумела тайга.

От великого до смешного

«От великого до смешного» – привычный, однако неточный перевод французского оборота «du sublime au ridicule». Впервые он появился в рассуждениях о литературных жанрах и стилях, поэтому вместо слова «grand» (великое) используется «sublime» – «возвышенное», «высокое», «величественное». Слово же «ridicule» означает не столько «смешное» в смысле «забавное», сколько «достойное смеха», «смехотворное», «нелепое».

Толстой в «Войне и мире» саркастически замечает:

«Du sublime (он что-то sublime видит в себе) au ridicule il n'y a qu'un pas», – говорит он. И весь мир 50 лет повторяет: sublime! Grand! Napoléon le grand!»

(«От величественного ... до смешного только один шаг. ... Величественное! Великое! Наполеон Великий!»)

Эта фраза была произнесена Наполеоном при весьма печальных для него обстоятельствах. 5 декабря 1812 года он оставил свою разгромленную армию и отправился в Париж в сопровождении генерала де Коленкура. 10 декабря император прибыл в Варшаву и остановился в Английской гостинице. Для решения вопроса о формировании добровольческого польского корпуса он вызвал к себе троих: французского посланника в Варшаве Доминика де Прадта, графа Стани-

слава Потоцкого и Тадеуша Матушевича (министр финансов Герцогства Варшавского).

Их разговор – а вернее, длинный монолог Наполеона, изредка прерываемый репликами его собеседников, – приведен в книге Прадта «История посольства в Великое герцогство Варшавское» (1816). Беседа, скорее всего, была записана Прадтом в тот же день. Такова была дипломатическая практика, и так же записывал свои беседы с Наполеоном Коленкур. Сам Коленкур присутствовал при начале беседы, а потом слышал ее частично из соседней комнаты. Его записи в основных чертах совпадают с мемуарами Прадта.

Когда все собрались, Наполеон на какое-то время задумался, а после спросил:

– Как долго я нахожусь в Варшаве?.. восемь дней... да нет, два часа, – со смехом поправил он себя. После чего произнес: – *От величественного до смешного только один шаг* (курсив здесь и далее мой. – К.Д.).

Польские собеседники императора сказали, что рады видеть его в добром здравии и вне опасности.

– Опасность! ну что вы! – ответил Наполеон. – Я живу посреди волнений, для меня чем больше забот, тем лучше. Только бездельники короли жиреют у себя во дворцах; мое место на коне и в военном лагере. *От величественного до смешного только один шаг.*

Затем император, вопреки очевидности, стал уверять поляков, что все обстоит хорошо:

– Армия превосходна; у меня сто двадцать тысяч человек; я всегда побивал русских. Они не осмеливаются показываться перед нами. Это уже не те солдаты, что были при Фридланде и Эйлау.

Он долго и сбивчиво говорил, что полгода спустя, разбив русских у Одры, снова будет стоять на Немане; что всему виной климат; что противник ни на что не способен и во всех сражениях был побежден; что французские лошади не так выносливы, как русские; что, возможно, он слишком долго оставался в Москве.

– Что ж! такова великая арена политики: кто ничем не рискует, ничего не получит. *От величественного до смешного только один шаг.*

Как видим, знаменитая фраза всякий раз появляется неожиданно и не очень-то к месту, перебивая ход разговора. В самом конце, сообщает Прудт, Наполеон повторил ее «еще дважды или трижды» – настолько прочно она застряла у него в голове.

Об этой беседе многие узнали еще до выхода в свет мемуаров Прудта – от польских собеседников императора. Е. Тарле в книге «Нашествие Наполеона на Россию» цитировал (в своем переводе с французского) некое письмо, отправленное из Варшавы. Здесь слова Наполеона переданы так:

Я покинул Париж в намерении не идти войной дальше польских границ. Обстоятельства увлекли меня. Может быть, я сделал ошибку, что дошел до Москвы,

может быть, я плохо сделал, что слишком долго там оставался, но *от великого до смешного* – только один шаг, и пусть судит потомство.

Тарле счел это свидетельство совершенно достоверным, и слова Наполеона чаще всего цитируются у нас по его книге. Однако «письмо из Варшавы» никак нельзя считать надежным и независимым источником.

Оно взято из сборника Н. Ф. Дубровина «Отечественная война в письмах современников» (1882). Неизвестны ни его дата, ни отправитель, ни происхождение, ни местонахождение. Согласно этому письму, в беседе с Наполеоном участвовал генерал Тайи, военный комендант Варшавы, что опровергается записями Прадта и Коленкура. Но главное – это письмо почти целиком повторяет хорошо известный документ, опубликованный под названием «Речь к французскому посланнику и к польским министрам, произнесенная Наполеоном в Варшаве во время бегства его из России». Частично «Речь...» согласуется с записями Прадта и Коленкура, частично же им противоречит – прежде всего там, где Наполеон рассыпается в похвалах польскому корпусу. Вероятно, ее источником были пересказы слов Наполеона, курсировавшие в Варшаве.

В начале 1813 года «Речь...» появилась во французском эмигрантском журнале «L'Ambigu» (Лондон); 20 апреля, уже по-немецки, – в «Русско-немецком листке» («Das russisch-deutsche Volksblatt», Берлин, № 9), а затем, в пере-

воде с немецкого, в «Вестнике Европе» (1813, ч. 69, № 9/10). Заметим, что в «Вестнике Европы» фраза Наполеона переведена:

Шаг от высокого до смешного очень мал

(В «Русско-немецком листке»: «Vom Erhabenen bis zum lächerlichen...».)

Именно в таком виде ее впервые узнал русский читатель.

В 1934 году было опубликовано письмо графини Марии Терезы Тышкевич, отправленное князю Талейрану из Варшавы 20 декабря 1812 года и перехваченное австрийцами. Речь Наполеона перед польскими министрами здесь близка к тексту, опубликованному журналом «L'Ambigu». Знаменитая фраза выглядит так:

Возможно, я совершил ошибку, войдя в Москву, и еще одну, оставаясь там слишком долго; потомство рассудит; *смешное соседствует с возвышенным* (le ridicule est à côté du sublime), так что в этом нет ничего удивительного.

Наконец, еще одну версию слов Наполеона привел, со слов графа Потоцкого, М. И. Кутузов:

«В сентябре я еще был повелителем мира, а теперь уже нет», и, улыбнувшись, он [Наполеон] добавил: «*так мало расстояние между величественным и смешным*» (tant la distance est petite entre le sublime et le ridicule).
(Письмо к жене из Плоцка от 2 (13) февраля 1813 г.;

закавыченные слова Наполеона приведены по-французски)

Источник у Кутузова был вполне надежный, так что можно предположить, что Наполеон, повторяя фразу многократно, произнес ее и в таком виде.

16 марта 1818 года граф Александр де Бальмен, наблюдавший за Наполеоном на о-ве Св. Елены в качестве российского комиссара, в своем донесении сообщал:

В Варшаве Бонапарт говорил: *«От величественного до смешного только один шаг»*. На Св. Елене он дважды в день повторяет: *«От Капитолия до Тарпейской скалы только один шаг»* (в оригинале по-французски).

В здании Капитолия заседал римский сенат; Тарпейская скала – часть Капитолийского холма, откуда сбрасывали преступников и изменников. Наполеон – или же Бальмен – несколько изменил изречение Октава Мирабо, одного из вождей Великой французской революции: «Невелико расстояние от Капитолия до Тарпейской скалы».

Благодаря Наполеону фраза «От великого до смешного...» вошла в историю. Однако она ему не принадлежит.

В 1683 году вышли в свет «Диалоги мертвых древних и новейших лиц» Бернара де Фонтенеля. В одном из диалогов беседуют Сенека и французский поэт Поль Скаррон, автор комической поэмы «Вергилий наизнанку». Скаррон замечает:

...Ни одна вещь в мире не создана для серьезного к ней отношения. Я переложил в бурлескные стихи

божественную «Энеиду» вашего Вергилия: нельзя было сделать ничего лучшего для того, чтобы показать, *как близки между собой возвышенное и смешное! Они тесно расположены рядом.*

(Перевод С. Шейнман-Топштейн, с заменой слова «великое» на «возвышенное»)

Эту мысль Скаррон поясняет примером, в котором при желании можно увидеть пророчество о судьбе Наполеона:

Все на свете напоминает перспективную живопись: разбросанные там и сям мазки образуют, например, если смотреть на картину с известной точки зрения, фигуру императора. Но измените точку зрения – и те же самые мазки представят вам оборванца.

Мысль Фонтенеля не раз повторялась во французской и английской печати, а свою нынешнюю форму обрела во второй половине XVIII века. В 1777 году в Амстердаме была напечатана – на французском языке – антология «Новые и философские мысли». Среди прочих изречений здесь, без указания автора, приведено следующее:

От великого до смешного, говорит Фонтенель, один только шаг; от насмешки до оскорбления и того меньше (de la raillerie à l'insulte il y en a encore moins).

Август Коцебу, опубликовавший «Речь...» Наполеона в своем «Русско-немецком листке», заметил: «Шаг от высокого до смешного не только очень мал, да еще и невозвратен» (цитирую по «Вестнику Европы»).

То же самое говорит один из героев романа Лиона Фейхтвангера «Изгнание» (1939):

– От великого до смешного один только шаг, но от смешного к великому пути уже нет.

Американский просветитель Томас Пейн считал иначе. Во 2-й части своего знаменитого трактата «Век разума», опубликованной в 1795 году, он писал:

Один лишний шаг, и возвышенное становится смешным; еще один лишний шаг, и смешное снова становится возвышенным.

Закончу отрывком из спича Марка Твена, произнесенного в лондонском Савидж-клубе в 1872 году:

Я оказался где-то в центре города и хотел понять, где именно я нахожусь – обычно, когда я один, я теряюсь; так что я остановил прохожего и спросил:

– Далеко ли отсюда до перекрестка Чаринг-Кросс?

– Шиллинг, если взять кэб, – ответил он и пошел дальше.

Полагаю, если б я спросил лондонца, далеко ли от великого до смешного, он попытался бы оценить это расстояние в звонкой монете.

(В оригинале: «from the sublime to the ridiculous», что опять же точнее было бы перевести: «от возвышенного до смехотворного».)

Открыть и закрыть Америку

Выражение «открыть (открывать) Америку» в значении «открывать давно открытое», «изрекать банальности» звучит для нас настолько естественно, как если бы оно существовало всегда и во всех языках. Однако это не так. Выражение «открыть Америку», в отличие от выражения «изобретать велосипед», – не интернациональный, а русский фразеологизм.

В «Русской мысли и речи» М. И. Михельсона (1903) в качестве возможного источника приведено первое из «Писем к тетеньке» Салтыкова-Щедрина: «Изобретем сначала порох, потом компас, потом книгопечатание, а между прочим, пожалуй, откроем и Америку». В «Крылатых словах» М. А. Булатова (1958) версия об авторстве Щедрина была принята без оговорок.

На самом деле ко времени выхода в свет «Писем к тетеньке» (1881) выражение «открыть Америку» было уже ходячим. В печати оно появилось, по-видимому, в середине 1840-х годов, почти одновременно у Белинского и Герцена: «После Колумба легко не только поставить яйцо на носок, но и открыть Америку» (Белинский, рецензия «“Тайна жизни”. Соч. П. Машкова» в журн. «Отечественные записки», 1845, № 2);

«...целые годы трудиться для того, чтоб приблизительно

открыть закон, давно известный в другой сфере, разрешить сомнение, давно разрешенное: труд и усилие тратятся для того, чтоб во второй раз открыть Америку, – для того, чтоб проложить тропинку там, где есть железная дорога» (Герцен, «Письма об изучении природы», письмо первое, в журн. «Отечественные записки», 1845, № 4);

«...открытую Америку всем казалось так легко открыть!» (Белинский, «Мысли и заметки о русской литературе», 1846).

Итак, выражение «открыть Америку» либо принадлежит Белинскому, либо возникло в кружке московских «западников», участниками которого были и Белинский, и Герцен.

Отдаленным предшественником оборота «открывать Америку» можно считать латинское выражение «*Ilias post Homerum*» – «“Илиада” после Гомера», т. е. сочинение уже сочиненного. Оно появилось в XVII веке, однако в новых языках встречается редко.

В 1960-е годы появилось выражение «открыть Америку через форточку» – возможно, под влиянием оборота «открыть окно в Европу»:

– ...Скажите, какой великий конструктор нашелся! Посмотрите на него! Главный теоретик! Да ты еще толком сопромат не усвоил, а туда же: Америку через форточку открываешь!

(Елена Чернай, повесть «Такой парень», 1968.)

Оно может означать не только открытие давно открытого,

но и «дойти до чего-то своим умом», получить нужный результат нетрадиционным путем:

«Учитель предлагает детям примеры, а те “открывают Америку через форточку”: находят общую закономерность, которую после, как и при традиционной системе, закрепляют на практике» (из Рунета).

В ХХI веке провидческими кажутся слова Ильфа и Петрова: «То, что вы открыли Америку, – еще ничего не значит. Важно, чтобы Америка открыла вас». («Колумб причаливает к берегу», 1936.)

В советское время в обиход вошло выражение «закрыть Америку». Сперва оно воспринималось как цитата из стихотворения Маяковского «Христофор Колумб» (1925):

Я б Америку закрыл,
слегка почистил,
а потом
опять открыл —
вторично.

Маяковский, сам того не зная, шел по стопам Салтыкова-Щедрина. В 1931 году (уже после смерти Маяковского) была опубликована 4-я черновая редакция «Сказки о ретивом начальнике» Щедрина, написанная на полвека раньше, в 1882 году. Подчиненные «ретивого начальника» представляют ему, среди прочих идиотских проектов, проект под названием: «Необходимо Америку снова закрыть». «А он чи-

тает и ничего не понимает. (...))««Необходимо Америку снова закрыть» – но, кажется, сие от меня не зависит?»

4-я редакция «Сказки...» долгое время включалась в основной текст сатирического романа Щедрина «Современная идиллия»; ныне ее печатают лишь в приложениях к роману.

Щедринская фраза пошла в народ благодаря Сталину. 25 ноября 1936 года он прочел доклад о проекте Конституции СССР, где по-своему изложил этот сюжет (цитирую по официальной стенограмме вместе с ремарками):

– Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? (*Общий смех, аплодисменты.*) Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? (*Общий смех.*) И, сказав это, положил резолюцию: «Закрыть снова Америку!» (*Общий смех.*)

Далее докладчик обрушивался на западных «господ», которым «СССР давно уже намозолил глаза»:

– Что это за страна, вопят они, на каком основании она существует (*общий смех*), и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И, сказав это, постановили: закрыть снова СССР. (...) Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского офицоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»... (*Взрыв веселого смеха, бурные*

аплодисменты.)

В конце 1940-х годов сам Иосиф Виссарионович попробовал «закрыть Америку»; в сущности, именно к этому сводилась кампания по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом».

И уже в XXI веке державник-евразиец Александр Дугин заявил: «Закрыть Америку наш религиозный долг» («Конспирология», 2005).

Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?

Так называется картина Поля Гогена, написанная в 1897–1898 гг. на Таити. В сущности, она представляет собой ряд символов, связанных не просто с рождением, жизнью и смертью, но с бытием и инобытием человека.

Название – что весьма необычно – помещено в левом верхнем углу огромной (почти четыре метра на полтора) картины и разбито на три строки без знаков пунктуации, причем все слова начинаются с прописных букв:

D'où Venons Nous
Que Sommes Nous
Où Allons Nous

В 1896–1897 гг., незадолго до начала работы над этой картиной, Гоген делает заметки для очерка «Католическая церковь и современность», где резко критикует католическую догматику. Но здесь же он пишет: «Кто мы, откуда, куда мы идем? Каково наше идеальное, естественное, разумное предназначение?»

Первые три вопроса критик католицизма Гоген позаимствовал у католического мыслителя. С 11 до 14 лет (в 1859–1862 гг.) Гоген учился в т. н. младшей семинарии, расположенной в окрестностях Орлеана. Среди его преподавателей

был епископ Орлеанский Феликс Дюпанлу. В 1875 году Дюпанлу издал «Изложение основных истин католической веры, извлеченное из сочинений Фенелона». В сущности, это был катехизис, по которому Дюпанлу, по всей вероятности, преподавал и в семинарии.

В катехизисе Дюпанлу приведено высказывание Франсуа Фенелона (1651–1715):

Мы оказываемся в этом мире внезапно, словно упав с облаков; мы не знаем, ни кто мы, ни откуда мы пришли, ни куда мы идем, ни с кем мы живем, ни куда мы отправимся отсюда. У кого вызывает хотя бы малейшее любопытство эта глубокая тайна? Никто не желает ее постичь. Находят удовольствие во всем, хотят узнать все, кроме того единственного, что действительно важно узнать.

Эти слова содержались в «Письме о бытии Божиим», с которого начинаются посмертно изданные «Письма о различных предметах, касающихся религии и метафизики» (1718).

Но история этого вопрошания гораздо старше:

Кем мы были? Кем стали? Где мы были? Куда заброшены? Куда стремимся? Как освобождаемся? Что такое рождение? Что возрождение?

На эти вопросы должен был дать ответ т. н. «Апокриф Иоанна», гностическое сочинение II века, которое цитировал Климент Александрийский («Извлечения из Феодота», 78, 2).

В талмудическом трактате «Поучения отцов» («Пиркей Авот», 3:1) читаем:

Акавия, сын Махалалеля, говорит: «Сосредоточься на трех вещах, и ты не вступишь в грех. Помни, откуда ты явился, куда идешь, и перед кем тебе придется держать ответ. Откуда ты явился – из зловонной капли. Куда идешь – туда, где прах и черви. Перед кем ты будешь держать ответ – перед Верховным Царем всех царей, да будет благословенна святость Его».

(Перевод Т. Есиповой)

Мусульманский богослов Газали (1058–1111) призывал познать, «что ты есть сам по себе, откуда ты пришел и куда уйдешь, для чего ты пришел (...) зачем тебя создали, что есть твое счастье, и в чем оно, что есть твое несчастье, и в чем оно» («Эликсир счастья», ч. I, унван I; перевод А. Хисматулина).

Франческо Петрарка спрашивал: «Для чего мы рождены, откуда и куда мы идем?» («О невежестве собственном и многих иных» (1368), 2, 9).

В XVII веке тем же вопросом задавался Паскаль: «Что же он [человек] такое, откуда пришел, куда идет». Ответ давался неутешительный: «И как я не знаю, откуда пришел, так не знаю, куда иду» («Мысли», опублик. в 1670 г.; перевод Э. Линецкой).

В 1714 году вышла книга А. Ф. Деланда «Размышления о великих людях, умерших при курьезных обстоятельствах».

Здесь рассказывалось, что на смертном одре философ и математик Пьер Гассенди (1592–1655) произнес:

– Я не знаю, кто призвал меня в этот мир; не знаю, каково было мое назначение и почему меня отзывают.

Первая часть этой фразы взята дословно из «Мыслей» Паскаля, изданных уже после смерти Гассенди, а значит, эта история сочинена самим Деландом. Согласно более поздней версии, появившейся уже в XIX веке, Гассенди прошептал на ухо другу:

– Я родился, не зная для чего, жил, не зная как, и умираю, не зная ни для чего, ни как.

В латинских трактатах XVII века Аристотелю приписывалась предсмертная фраза:

– *Nudus veni, dubius vixi, incertus morior, quo vadam nescio, Tu, Domine, Ens entium, miserere mei.* (Наг пришел, в сомнении жил, в неизвестности [о будущем] умираю, куда иду, не знаю, Господи, Сущее из сущих, помилуй меня!)

В XIX веке почти ту же фразу стали приписывать Жаку Пететэну (1744–1808), председателю лионского Общества врачей.

17 августа 1816 года Эммануэль Лас Казес записал слова Наполеона-изгнанника:

– «Откуда я? Кто я? Куда я иду?» Вот таинственные вопросы, на которые мы ищем ответа в религии.

Вполне возможно, что юного Наполеона тоже учили клирики, цитировавшие «Письмо о бытии Божиим» Фенелона.

Отзвук все того же вопрошания, но перенесенного в сферу природы, слышится мне в стихотворении Николая Заболоцкого «Змеи» (1929):

Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом?
Но прекрасных тварей груды
Спит, разбросана кругом.
И уйдет мудрец, задумчив,
И живет, как нелюдим,
И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма стоит над ним.

Отправить на свалку истории

Чаще всего это выражение связывают с именем Льва Троцкого, который 25 октября 1917 года, после падения Временного правительства, заявил в Петроградском совете, обращаясь к меньшевикам и эсерам:

– Вы – банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории.

Днем раньше, 24 октября, Троцкий говорил в том же Петроградском совете:

– У нас есть полувласть, которой не верит народ и которая сама в себя не верит, ибо она внутренне мертва. Эта полувласть ждет взмаха исторической метлы, чтобы очистить место подлинной власти революционного народа.

(Согласно отчету в газ. «Рабочий путь» от 26 октября.)

Однако тот же образ использовали противники большевиков. Меньшевик Н. Валентинов писал: «Дворник истории возьмет швабру в руки и выметет всю нечисть в мусорный ящик истории» («Власть народа», 27 октября 1917 г.).

Объясняется это тем, что к 1917 году различные варианты этой метафоры уже существовали в основных европейских языках.

Выражение «выбросить на свалку истории», по-видимому, появилось в трактате «Единственный и его достоинство» (1844) немецкого философа-младогегельянца Макса

Штирнера. Во вступлении к трактату Штирнер писал:

Человечество (...) заставляет истощаться на служении себе отдельных людей и целые народы; использовав их до конца в своих целях, оно выбрасывает их в знак благодарности на свалку истории (auf den Mist der Geschichte).

Основное значение слова «der Mist» – «навоз»; в других переводах: «...в мусорную яму истории»; «...обращают их в удобрение истории».

11 апреля 1868 года Карл Маркс писал своей дочери Лауре (в замужестве Лафарг): «Я только машина, обреченная пожирать их [книги], а затем выбрасывать в видоизмененной форме в навозную кучу истории (le fumier de l'histoire, *франц.*)». (В советском собрании сочинений переведено: «в мусорный ящик истории».)

Это выражение встречалось по-французски и раньше. Так, в 1858 году консервативный англо-французский публицист Шарль де Бюсси (наст. имя Чарлз Маршал) писал: «Весь этот социальный помет (cet excrément social) был сметен принципом торжествующей власти и брошен в навозную кучу истории» («Заговорщики в Англии. 1848–1858»).

«Навоз истории», вероятно, восходит к библейскому «навоз для земли»: «...истреблены (...), сделались навозом для земли» (Псалтырь, 82:11); «Не уберут их и не похоронят: они будут навозом на земле» (Книга пророка Иеремии, 8:2).

О «большой мусорной корзине, именуемой истори-

ей» («that great dust-heap called history»), говорил английский политик и литератор Огастин Биррелл в эссе «Карлейль» (1884).

Еще раньше тот же образ встречался у английского драматурга и писателя-юмориста Фрэнсиса Каули Бёрнарда (1836–1917): «...просеивать хлам в мусорной корзине Истории (the dustbin of History) в надежде обнаружить алмаз Истины» («Мое время и что я с ним сделал: Автобиография», 1874).

С конца XIX века в английской печати появляются выражения «вымести в мусорный ящик истории» («swept into the dustbin of history»), «выбросить в мусорную кучу (на свалку) истории» («cast out on the ash heap of history»).

8 июня 1982 года Рональд Рейган заявил в британской Палате общин:

– ...Шествие свободы и демократии (...) оставит марксизм-ленинизм на свалке (the ash heap) истории, подобно другим тираниям...

Год с небольшим спустя, 1 сентября 1983 года, советский истребитель сбил над Сахалином южнокорейский «Боинг-747». Погибло 269 пассажиров и членов экипажа. В специальном заявлении Юрия Андропова от 29 сентября этот эпизод был назван «изошренной провокацией, организованной спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета». Генсек предупредил, что советские вооруженные силы находятся в полной боеготовности, и напомнил:

Те, кто покушался на целостность нашего государства, на его независимость, на наш строй, оказались на свалке истории.

На другой день Андропов в последний раз появился на публике, приняв руководителя Южного Йемена. Жить ему оставалось четыре месяца с небольшим.

Государство, от имени которого он выступал 29 сентября, просуществовало еще восемь лет и три месяца.

Оттепель

В качестве слова-символа «оттепель» впервые появилась в 1855 году. 10 апреля, через полтора месяца после смерти Николая I, Вера Сергеевна Аксакова записала в своем дневнике:

Тютчев Ф. И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так. Но что последует за оттепелью?

Год спустя тютчевскую метафору развернул Салтыков-Щедрин:

Что такое оттепель? (...)

Оттепель – (...) возрождение природы; оттепель же – обнажение всех навозных куч.

Оттепель – с гор ручьи бегут; (...) оттепель же – стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима (...), все миазмы, все гнилые испарения.

(...) Оттепель – полное томительной неги пение соловья (...); оттепель же – карканье вороны, наравне с соловьем радующейся теплу.

Оттепель – пробуждение в самом человеке всех сладких тревог его сердца, всех лучших его побуждений; оттепель же – возбуждение всех животных его инстинктов.

(«Владимир Константинович Буеракин» из цикла «Губернские

Почти в тех выражениях вспоминал о том времени историк Сергей Михайлович Соловьев:

Но вот с 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему непривыкших, и в то же время замерзшие нечистоты начали оттаивать, и понеслись миазмы.

(«Мои записки...», XXIII; опубли. в 1896 г.)

Почти ровно век спустя началась «хрущевская оттепель» – эпоха послесталинской либерализации советского режима. Свое название она получила от заглавия повести Ильи Эренбурга, 1-я часть повести была опубликована в майском номере журнала «Знамя» за 1954 год и в том же году вышла книжным изданием. 2-я часть вышла в свет два года спустя, когда слово «оттепель» уже стало символом..

«Тот апрель [1953 года] (...) был особенным, – вспоминал Эренбург. – (...) Вероятно, я думал об этом апреле, когда осенью решил написать маленькую повесть и на листе бумаги сразу же поставил заглавие “Оттепель”». («Люди, годы, жизнь», кн. 6, 1966.)

Действие начинается в последние месяцы жизни Сталина, а заканчивается весной 1954-го. По жанру это обычная, к тому же весьма небрежно написанная производственная повесть с дежурной любовной темой. Однако по всему тексту разбросаны сигналы, которые мгновенно улавливались

тогдашним читателем (цитирую 1-ю часть повести):

...Сырые, темные домишки, где ютились рабочие (...). Обидно, что люди плохо живут.

Осенью 1936 года его отчима арестовали. Утром он встретил возле дома своего лучшего друга Мишу Грибова. Коротеев его окликнул – хотел поделиться горем, спросить, как ему быть. Но Миша насупился и, ничего не сказав, перешел на другую сторону улицы.

...В газетах появилось сообщение о реабилитации группы врачей.

Савченко куда цельнее, он не пережил *ни тридцатых годов, ни войны*, он большего требует, и он прав... [Курсив мой. – К.Д.]

...Нам нужен наш, советский гуманизм. Слово как-то исчезло, а задача осталась.

На этом фоне совершенно невинная, казалось бы, пейзажная зарисовка воспринималась как символ:

Зима наконец-то дрогнула. На мостовой снег растаял, все течет. Только вон там, в палисаднике, еще немного снега. (...)

Все сразу стало живым и громким.

Смешно! Сейчас Вера придет, а я даже не думаю, что я ей скажу. Ничего не скажу. Или скажу: «Вера, вот и оттепель»...

Неизвестно, знал ли Эренбург об «оттепели» 1855 года;

но если даже и знал, едва ли он стал бы сообщать об этом печатно, ведь само понятие «оттепель» было под подозрением. Недаром же Хрущев заявил на заседании Президиума ЦК 25 апреля 1963 года:

– Сложилось такое понятие о какой-то «оттепели» – это ловко этот жулик подбросил, Эренбург.

Это выражение вскоре стало известно и на Западе. В 1956 году в США вышла книга американского журналиста Сайруса Лео Сульцбергера «Большая оттепель: Личные впечатления о новой России и ее сателлитах» («The Big Thaw»).

Уже на пенсии Хрущев пересмотрел свою оценку:

Считаю, что пущенное им [Эренбургом] слово отражало действительность (...). Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться...

(«Время, люди, власть», 1999, т. 4)

В 1970 году, когда хрущевская «оттепель» была уже позади, в закордонном «Вестнике РХД» (№ 97) появилось эссе «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура», подписанное: «О. Алтаев». Псевдоним принадлежал философу и писателю Владимиру Кормеру (1939–1986).

Кормер говорил о шести соблазнах российской интеллигенции. Нас интересует пункт пятый:

Соблазн оттепельный. Как и революционный

соблазн, он живет в тайниках интеллигентского сознания всегда, в виде надежд на перемены. По сравнению с революционным соблазном, он боязливее. Сентиментальнее. Крушение все же пугает теперешнего интеллигента, но перемен он ждет с нетерпением, и, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены.

В 1986 году появились первые заметные веяния горбачевской либерализации. Главный вопрос, волновавший общественность, можно выразить так: это оттепель или уже весна? (Хотя не всегда это именно так формулировалось.) Но после 1987 года «процесс пошел» так стремительно, что об оттепели говорить уже не приходилось.

Тогда едва ли кто думал, что четверть века спустя слова об «оттепельном соблазне» будут актуальны не менее, чем в 1970 году.

Офисный планктон

Работая над словарями цитат и крылатых слов, я не включал в свою картотеку выражение «офисный планктон»: я был уверен, что это калька с анонимного английского оборота.

Однако оказалось, что на английском «офисный планктон» встречается только как перевод с русского и почти исключительно в текстах русскоязычных авторов. Первые упоминания о «планктоне» в Рунете появились около 2003 года, и тогда же появились перепосты рассказа (а вернее, сатирического очерка) Евгении Ананьевой, который так и назывался: «Офисный планктон». Впервые очерк появился в августе 2003 года в русскоязычном сетевом журнале «Russian Women Magazine» («Русский женский журнал»). Журнал был основан двумя годами ранее, в 2001 году.

(Кстати: первым предположение об авторстве Евгении Ананьевой относительно этого выражения выдвинул обозреватель рязанского сетевого журнала «Поколение Р», пишущий под псевдонимом StagПерец, в номере от 11 июля 2006 г.)

Евгения Ананьева эмигрировала в США, успев окончить два курса технико-экономического факультета пединститута. Поселилась она в Лос-Анджелесе; с конца 1990-х гг. работала практикантом в крупнейшей аудиторской компании «PricewaterhouseCoopers» и одновременно училась в уни-

верситете. Как журналист она дебютировала летом 2002 года в «Russian Women Magazine» статьей «Ассимиляция – без сопротивления не сдаемся!!!».

Я связался с Евгенией по имейлу, и 22 февраля 2010 года получил от нее письмо, в котором говорилось: «Понятие вырвалось из души, когда я работала по 60–70 часов в неделю в местном офисе Прайсватерхауса. (...) Ощущение планктонности было абсолютно личным жизнеощущением». И далее: «... На копирайт не претендую, но в контексте любительской прозы я использовала этот термин».

Я бы высказался определеннее: выражение «офисный планктон» введено Ананьевой, а встречающиеся иногда более ранние датировки этого выражения, вероятно, просто аберрация памяти.

Героиня очерка «Офисный планктон» носит имя Мэри, но ее мысли и чувства принадлежат автору, а «все персонажи взяты из жизни», как писала Е. Ананьева в том же письме. Вот несколько выдержек из очерка:

Сроки поджимали, приходилось сидеть на работе допоздна всю неделю да еще и таскать домой вот эти пыльные папки на выходные. В воскресенье она выслушивала назидания своей родни по поводу того, что работать столько нельзя, себя поберечь надо, а то рано или поздно сломаешься.

Она примчалась на работу задолго до официального начала работы офиса. Как всегда, перво-наперво

она проверила свою электронную почту, налила чашечку горячего кофе и торопливо взялась за отстукивание ответов на запросы, пришедшие в выходные. Помимо различных вопросов клиентов ей пришлось просмотреть пару электронных сообщений от начальства о том, что нужно еще немного поднажать, поработать пару недель в усиленном режиме, чтобы уложиться в неизвестно кем поставленные сроки.

Опять нужно было оставаться после работы, чтобы своевременно закончить проект. Мэри уже забыла, когда ей удалось уйти домой вовремя. Серые офисные стены становились все ненавистнее...

И наконец, ключевая фраза:

Мы должны знать свое место – *в корпоративной пищевой цепи мы представляем собой лишь планктон!*
(курсив мой. – К.Д.)

Далее говорилось, что Мэри «не хотелось быть съеденной акулами большого бизнеса».

Как видим, выражение «офисный планктон» используется здесь не как готовое и общеизвестное, а вырастает из образной системы очерка. И это для меня – решающее доказательство в пользу права Ананьевой «на копирайт».

Когда в 1955 году вышел справочник Н. Г. и М. С. Ашукиных «Крылатые слова», доживший до этого времени поэт и теоретик футуризма Алексей Крученых с необычайной гордостью показывал книгу Ашукиных всем своим знако-

мым: в ней, среди прочих крылатых слов, было слово «заумь», придуманное им в 1922 году и прочно вошедшее в состав русского языка. Так вот: в Рунете «офисный планктон» встречается в несколько раз чаще, чем «заумь». Евгении Ананьевой (она же Jane Ananyev) есть чем гордиться.

В «бумажной» печати «офисный планктон» появился в 2005 году, после чего стал размножаться лавинообразно. Однако значение термина сильно разошлось с авторским. У Ананьевой «офисный планктон» – это офисный пролетариат, нещадно эксплуатируемый акулами большого бизнеса. В сетевой Циклопедии, напротив, читаем:

Офисный планктон тратит рабочее время на непроизводительные нужды: частные телефонные разговоры, общение в Интернете, социальные сети, компьютерные игры.

И хотя это мнение не подтверждается социологами, в маскульте преобладает именно оно. В 2008 году в США вышла книга Кена Ллойда «Придурки на работе: как справляться с людскими проблемами и проблемными людьми». На русский она была переведена под названием «Придурки на работе, или Осторожно: офисный планктон!».

При желании уже теперь можно написать диссертацию на тему «Образ офисного планктона в литературе». Но я ограничусь фрагментом стихотворения питерского сетевого поэта Виктора Авина:

Когда последний синий кит
Проглотит офисный планктон
И все начальники на спину
К нему полезут из окон,

Тогда мы выйдем на свободу.

(«Синий Кит», 2009)

Пантеон истории

Храм на месте нынешнего Пантеона существовал в Риме не позднее I века до н. э. В 80 году до н. э. он сгорел, а около 27 года до н. э. был вновь отстроен Агриппой – полководцем и ближайшим сподвижником императора Августа. Два века спустя, при императоре Адриане, на том же месте было построено здание Пантеона, дошедшее до наших дней.

Пантеон – слово древнегреческого происхождения. Обычно оно толкуется как храм «всех богов», т. е., посвященный всем богам, хотя ряд филологов считают эту этимологию сомнительной. К тому же Тит Ливий, писавший свою «Историю...» в начале I века н. э., приводит слова понтификов: «...Нельзя двум божествам быть в одном помещении (...), и нельзя двум божествам (кроме некоторых) приносить одну жертву» («История Рима...», XXVIII, 25).

В начале VII века Пантеон стал церковью Св. Марии и Мучеников. Здесь покоится прах нескольких знаменитых итальянцев, в т. ч. Рафаэля, королей Виктора Эммануила II и Умберто I.

История парижского Пантеона начинается с церкви Петра и Павла, построенной, вероятно, при короле франков Хлодвиге I, умершем в 511 году и похороненном здесь же. Затем церковь получила имя Св. Женеьевы, покровительницы Парижа. В XII веке на месте старой церкви был воздвиг-

нут собор в готическом стиле.

При Людовике XV началось возведение нового здания в стиле классицизма по образцу римского Пантеона. Строительство завершилось в 1789 году, как раз к началу Великой французской революции.

4 апреля 1791 года Учредительное собрание постановило превратить церковь Св. Женеьевы в «Пантеон великих людей». На фронте была помещена надпись:

ВЕЛИКИМ ЛЮДЯМ – БЛАГОДАРНОЕ
ОТЕЧЕСТВО

Первым в Пантеон был внесен прах Мирабо, затем – Вольтера; в 1792–1793 годах – троих ныне забытых деятелей, провозглашенных «мучениками революции». Руссо должен был быть погребен в Пантеон одновременно с Вольтером, но переговоры с его вдовой затянулись, и церемония состоялась лишь в октябре 1794 года.

Первоначальный состав Пантеона просуществовал недолго. Мирабо был исключен из числа героев революции, когда была обнаружена его переписка с королевским двором. Освободившееся место занял Марат, но лишь на полгода. В феврале 1795 года и его прах был удален из Пантеона.

При Наполеоне Пантеон снова стал христианским храмом, сохранив роль усыпальницы великих мужей. После Июльской революции 1830 года церковь опять была обращена в Пантеон; при Наполеоне III опять стала церковью, и лишь в 1881 году Пантеон окончательно обрел статус свет-

ской усыпальницы.

В годы Великой революции появился термин «пантеонизировать» – принять решение о захоронении кого-либо в Пантеоне. «Пантеонизация», в сущности, была светским аналогом канонизации, т. е. причисления к лику святых. Мара- рат был «пантеонизирован» через 4 месяца после своей гибели, в ноябре 1793 года, хотя церемония его захоронения в Пантеоне состоялась почти год спустя.

Благодаря новому значению понятия «Пантеон» оказалось возможным появление формулы «Пантеон истории». Ее автором стал Жорж Дантон.

Дантон был самой яркой фигурой и лучшим оратором среди якобинских вождей. Однако к весне 1794 года машина террора, созданная при его деятельном участии, добралась и до него. 30 марта группа относительно умеренных якобинцев во главе с Дантоном была арестована.

2 апреля дантони- сты предстали перед Революционным трибуналом. На вопрос судей о его местожительстве Дантон ответил своим громовым голосом:

– Скоро это будет ничто, а имя мое – в Пантеоне истории.

Современники подправили эту фразу:

– Моим жилищем скоро будет ничто, а мое имя будет жить в Пантеоне истории.

Париж стоит обедни

В 1584 году король Наварры Генрих стал наследником французского трона. Во Франции уже более 20 лет шла гражданская война между кальвинистами (гугенотами) и католиками, составлявшими огромное большинство нации; между тем Генрих Наваррский был одним из вождей гугенотов.

В 1589 года французский король Генрих III погиб в результате покушения, и формально королем стал Генрих Наваррский под именем Генриха IV. Однако его не признала ни католическая Лига, ни Париж. Хотя 1590 году Генриху удалось овладеть Парижем, его положение как «еретика на троне» оставалось непрочным – и внутри страны, и вовне.

25 июля 1593 года в парижской базилике Сен-Дени Генрих торжественно отрекся от кальвинизма и принял участие в католической мессе, или обедне (обряд, упраздненный в протестантизме). Тогда-то он будто бы и сказал своим соратникам-гугенотам:

– Париж стоит обедни (*Paris vaut bien une messe*).

Этих слов нет в исторических документах. Имеется лишь рассказ, приведенный в «Записках» видного парижского чиновника Пьера де Л'Этуалья. Согласно Л'Этуалю, в феврале 1594 года, уже после перехода в католицизм, король спросил одного из своих приближенных:

- Разве вы сегодня идете к обедне?
- Но Вы же идете, Ваше Величество.
- А! – сказал король. – Теперь я понимаю, в чем дело: вы хотите заполучить какую-нибудь корону.

В 1620-е годы в Париже немалым успехом пользовалась серия анонимных сатирических листков под названием «Les Saquets de l'assouchée» – «Пересуды» (*букв.* «Сплетни для женщины после родов»). В одном из таких листков (1622) приведен диалог между Генрихом IV и его ближайшим сподвижником Максимилиеном де Бетюн (с 1606 г. – герцог Сюлли). Генрих спросил Максимилиена, почему он не посещает обедню так же усердно, как сам король. Тот ответил:

– Государь, государь, корона стоит обедни!

То есть: раз уж Генрих получил корону, он и должен исправно посещать католические службы, а сам де Бетюн может обедню и пропустить.

В 1719 году в Тюбингине вышел полемический трактат на французском языке «Истина протестантской религии. Его автор, Кристоф Матеус Пфафф, писал: «Генрих IV, король Франции, (...) утверждал в оправдание своего отступничества, что Французское королевство стоит обедни».

Этой легендой возмущался Ришар дю Бюри, автор «Истории жизни Генриха IV» (1765):

«Я считаю необходимым очистить память Генриха IV от одного дурного и непристойного поступка, сведений о котором я не нашел ни у одного автора, заслуживающего до-

верия, но который приписывают ему, распространяя среди публики слух, что будто бы перед своим отречением он сказал: “Ради всего святого, Париж стоит обедни”».

Далее Ришар цитирует письмо, будто бы посланное королем накануне отречения своей фаворитке Габриэль д’Эстре, маркизе де Монсо: «Завтра я совершу прыжок кувырком; здешний люд хочет заставить меня возненавидеть Сен-Дени так же, как вам ненавистен Монсо». (Монсо – замок к северу от Парижа, от названия которого Габриэль д’Эстре получила свой титул.)

Тем не менее год спустя Вольтер без каких-либо оговорок процитировал «знаменитые слова» Генриха IV: «Ради всего святого, Париж стоит обедни» («Оправдание президента де Ту против обвинений со стороны г. де Бюри, автора “Жизни Генриха IV”», 1766).

В книге Вольтера «Век Людовика XIV» (1753) приведены слова английского короля Карла II о своем брате Якове, ревностном католике:

– Мой брат за обедню отдаст три королевства.

«Три королевства» – Англия, Шотландия и Ирландия. Карл II умер в 1685 году; Яков вступил на английский престол под именем Якова II и три года спустя был низложен за попытку восстановления католицизма.

Это пророчество Вольтер, всего вероятнее, сочинил задним числом.

Перепрыгнуть пропасть в два прыжка

В 1979 году скульптор Эрнст Неизвестный заметил: «Хрущев был человеком, который хотел перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Но сделать это было невозможно» (мемуарный очерк «Диалог с Хрущевым» в журн. «Время и мы» (Тель-Авив), 1979, № 41).

В 1986 году это выражение впервые было применено к Горбачеву:

«Уинстон Черчилль как-то сказал о Хрущеве, что он “хочет перепрыгнуть через пропасть в два прыжка”; теперь Горбачев планирует несколько прыжков, – вероятно, потому, что пропасть успела расшириться».

Так писал эмигрантский публицист Борис Шрагин по поводу XXVII съезда КПСС в статье «Лик Горбачева, или Тоталитарный зигзаг» («Время и мы», 1986, № 90). Уже из названия статьи видно, что автор сильно ошибся в оценке намерений Михаила Сергеевича.

«Перестройка» началась год спустя, с января 1987-го. И уже 15 мая публицист Анатолий Стреляный на встрече с комсомольским активом МГУ говорил:

– Известный экономист прислал письмо, пишет, что история не простит нам, если мы не преодолеем современное

состояние одним прыжком. В два прыжка пропасть не перескочишь.

(Приведено в журн. «Посев», 1987, № 9.)

Год спустя социолог Игорь Кон писал:

«Некоторые считают, что разумнее было бы двигаться постепенно, по этапам: сначала укрепить экономику, а уже потом расширять демократию и гласность. Но одно без другого, увы, просто невозможно. Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка».

(«Трудности общественного самосознания», в газ. «Московские новости» от 26 июня 1988 г.)

В 1987–1988 годах речь шла о «прыжке в демократию», но очень скоро главным вопросом стал вопрос о возможности поэтапного, «в два прыжка», перехода к рыночной экономике. Ответ на него известен: переход совершился одним прыжком, хотя получившийся рынок оказался не совсем настоящий.

Выражение «перепрыгнуть пропасть в два прыжка» принадлежит американскому писателю Амброзу Бирсу. В 1872–1873 гг. Бирс сотрудничал с лондонским сатирическим еженедельником «Fun» («Забава»). Здесь он поместил серию прозаических басен без названия. В 1874 году эти басни вошли в состав сборника «Паутина из пустого черепа», а в существенно отредактированном виде – в VI том собрания сочинений Бирса (1911).

Одна из басен в англоязычных изданиях именуется «Зем-

летрясение» или «Против правил», а в русском переводе В. Козаровецкого (2009) – «Шакал и Олень». Козаровецкий перевел позднюю, отредактированную и сокращенную версию басни:

Шакал, преследовавший Оленя, уже было схватил его, но в этот момент землетрясение разверзло широкую пропасть между ним и его жертвой.

– Это неправомерное вмешательство законов Природы! – сказал Шакал. – Я отказываюсь признавать подобное отступление от правил! – и он возобновил погоню, попытавшись пересечь пропасть в два прыжка.

(В издании 1911 г.: «...to cross the abyss by two leaps»; в первоначальной версии: «at two jumps».)

Почти сразу после публикации басни, в 1873 году, выражение «пересечь пропасть в два прыжка» появилось в американской печати. (На сайте «Quoteinvestigator» от 13 марта 2014 г. одно из этих упоминаний приведено как хронологически более раннее, чем басня Бирса; но это неверно.)

Однако широкого распространения метафора Бирса не получила вплоть до 1933 года, когда вышел в свет второй том «Военных мемуаров» Дэвида Ллойд Джорджа, который в 1916–1922 гг. возглавлял британское правительство. Русский перевод книги вышел уже в следующем году.

Почти два года Британия воевала в Первой мировой войне, не призывая солдат в армию: пополнение шло за счет добровольцев. К маю 1916 года численность военнослужащих

превысила 4 млн человек, после чего все же был принят закон о призыве в армию. В правящей Либеральной партии, вспоминает Ллойд Джордж, это не всем пришлось по душе:

Они были недовольны всеобщей воинской повинностью, считая, что ее следовало провести в два шага. Нет большей ошибки, чем пытаться перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

С этого времени выражение вошло в политический язык, а затем и в литературу.

Французскому писателю Пьеру Даниносу приписывается фраза:

– Мы очутились на краю пропасти, но потом сделали шаг вперед.

Этой остроте мало чем уступают высказывания российских политиков:

– Нам сейчас нужно отойти от края пропасти, на дне которой мы находимся.

(Александр Шохин в программе НТВ «Итоги» 30 августа 1998 г.)

– Допустимо ли, правильно ли оставаться в стороне от того процесса, который ведет нас в пропасть?

(Юрий Лужков в Ростове-на-Дону 9 мая 1999 г.)

«План Даллеса» как зеркало «советского заговора»

Со второй половины 1990-х у нас стали цитировать «секретный доклад» Аллена Даллеса об «американской послевоенной доктрине против СССР» – то ли 1945 года, то ли 48-го, то ли 53-го:

...Мы бросим все, что имеем, – все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. (...) Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. (...) Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Этой цитатой (но в гораздо более просторном виде) были украшены все лево- и правопатриотические сайты Рунета. Ее публично зачитывали такие видные личности, как Никита Михалков, Геннадий Зюганов и Андрей Караулов, – хотя было выяснено, что этот пассаж, почти без изменений, взят из последней редакции романа Анатолия Иванова «Вечный зов» (т. 2, ч. 5), опубликованной в 1981 году. Здесь этот план излагает штандартенфюрер СС, в прошлом начальник

охранки Томска.

«Планом Даллеса» он был назван в антигорбачевском памфлете Бориса Олейника «Князь тьмы» («Молодая гвардия», 1993, № 7), с пояснением: «в течение 10 лет эти слова выбрасывались [из романа «Вечный зов»] цензурой, находившейся под кремлевско-сионистским контролем».

А первым наброском «Плана Даллеса» был монолог американского генерала Думбрайта в шпионском романе Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин» (1965):

Вооружим любителей острого словца анекдотами, высмеивающими их настоящее и будущее. (...) Отравляйте душу молодежи неверием в смысл жизни, пробуждайте интерес к сексуальным проблемам, заманивайте такими приманками свободного мира, как модные танцы, красивые тряпки, специального характера пластинки, стихи, песни (...). Поссорьте молодых со старшим поколением...

Если бы авторы «Зова» и «Воина» читали закордонную прессу, да еще по-английски, я бы решил, что они просто переписали документ под названием «Коммунистические правила революции». Эти «Правила», якобы обнаруженные союзными войсками в Германии в 1919 году, появились в английских газетах в феврале 1946 года, а потом перепечатывались сотни раз. Вот некоторые из них:

1. Развратить молодежь; отвести ее от религии. Внушить ей интерес к сексу. (...)

2. Ложной аргументацией разрушить старые моральные ценности (...).

5. Отвлечь умы от политики, переключив все внимание на спорт, книги о сексе, игры и прочие маловажные занятия.

6. Поставить под свой контроль все средства массовой информации.

7. Разрушить веру людей в их естественных лидеров, изображая их в постыдном, смешном и оскорбительном виде.

Были и другие документы такого же рода. 24 августа 1960 года газета «Лос-Анджелес геральд» опубликовала выдержки из брошюры «Промывание мозгов. Изложение русского руководства по психополитике». Брошюра была издана в Нью-Йорке в 1955 году фондом Рона Хаббарда – фантаста и основателя «сайентологической церкви». В «русском руководстве по психополитике» указывалось:

Сделав доступными всевозможные наркотики, давая подростку спиртное, восхваляя его необузданность, пичкая его секс-литературой, (...) психополитик может воспитать в нем необходимую нам склонность к беспорядку, безделью и бесполезному времяпрепровождению и побудить его выбрать решение, которое даст ему полную свободу во всем – т. е. Коммунизм. (...)

Если вы сможете убить национальную гордость и патриотизм в подрастающем поколении, вы завоюете

эту страну.

Публикация стала предметом переписки в ФБР. Служебный меморандум по этому делу заканчивался так:

«В номере “Таймс геральд” (Вашингтон) от 24 апреля 1951 года сообщалось, что жена Хаббарда на бракоразводном процессе показала, что он “безнадёжно безумен” и подвергал ее “пыткам под видом научного эксперимента”. Согласно этой статье, “компетентные специалисты-медики рекомендовали Хаббарду обратиться в частную клинику для психиатрического наблюдения и лечения его психического расстройства, известного как параноидальная шизофрения”».

С этим заключением следовало бы ознакомить всех цитирующих «План Даллеса» по тексту Анатолия Иванова.

Платон мне друг, но истина дороже

Такова русская форма латинского изречения «Amicus Plato, sed magis amica veritas» – «Платон мне друг, но бо́льшая подруга – истина» (хотя почти всегда переводится: «...но еще больший друг – истина»).

Эта мысль впервые появилась у Аристотеля:

Хотя (...) [платоновские] идеи ввели близкие нам люди (...), лучше (...) ради спасения истины отказаться даже от дорогого и близкого, если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия – истину чтить выше.

(«Никомахова этика» I, 4, 1096a; перевод Н. Брагинской)

Изречение «Платон мне друг, но еще дороже истина» цитировал как хорошо известное уже греческий христианский писатель Иоанн Филонос в трактате «О вечности мира» (ок. 529 г.).

Однако источником латинского изречения стал не этот трактат, а анонимное сочинение V века «Жизнь Аристотеля», переведенное с греческого на латынь в начале XIII века. Здесь говорилось «Сократ мне друг...» – вероятно, под влиянием платоновского диалога «Филон», 91с, где Сократ советует ученикам: «Поменьше думайте о Сократе, но главным образом – об истине».

В форме «Сократ мне друг, как и Платон, но бо2льшая

подруга – истина» («Amicus est Socrates vel Plato...») эта сентенция приведена в предисловии к трактату французского хирурга Ги де Шолиака «Большая хирургия» (1363).

В форме «Amicus Plato, magis amica veritas» изречение приведено в письме итальянского гуманиста Никколо Леоничего 1490 года, а в ныне принятой форме «Amicus Plato, sed...» – в романе испанского писателя Матео Алемана «Жизнеописание Гусмана де Альфараче» (ч. 1, 1599).

8 июля 1661 года, в день прибытия в Кембриджский университет, Исаак Ньютон сделал первую запись в своей записной книжке, названной им «Некоторые философские вопросы»:

«Amicus Plato, amicus Aristoteles, magis amica veritas» – «Платон мне друг, Аристотель мне друг, но бóльшая подруга – истина».

Эти слова можно считать девизом Ньютона-студента.

В английской, французской, немецкой литературе сентенция «Платон мне друг...» обычно цитируется по-латыни; по-словесней на родном языке она стала, кажется, только у нас. По форме это не что иное, как одностишие. Его неизвестный автор добился максимальной краткости в сочетании с удачным звуковым оформлением: «друг – дороже». К тому же не приходится, вопреки оригиналу, именовать истину «другом» в мужском роде.

Эта форма появилась лишь в XX веке; в XIX веке изречение цитировалось либо по латыни, либо в буквальном пере-

воде с латыни. Например, герой романа А. В. Амфитеатрова «Отравленная совесть» (1895) замечает: «Платон мне друг, но истина еще больше».

Сталин, говоря как бы от имени партии, воспользовался множественным числом:

– В старину говорили про философа Платона: Платона мы любим, но истину – еще больше. То же самое можно было бы сказать о Бухарине: Бухарина мы любим, но истину, но партию, но Коминтерн любим мы еще больше.

(«О правом уклоне в ВКП(б)», речь на пленуме ЦК в апреле 1929 г.)

И когда в советском романе 30-х годов участник проработочного собрания заявляет: «И все-таки “Платон нам друг – но истина дороже...”» – то это ощущается почти как цитата из Сталина. (Валерия Герасимова, «Хитрые глаза», 1938.)

В автобиографической повести «Труба исхода» (1999) Павел Сиркес вспоминает, как в 1956 году в газете «Социалистическая Караганда», где он тогда работал, решили провести обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым»:

«Накануне редакционной читательской конференции “Известия” напечатали два подвала неведомого нам [Б.] Платонова. Роман Дудинцева был обозван вредным и клеветническим. Возмущившись от всей души, мы с Володиёй отбили известинцам телеграмму “Платонов нам не друг, но истина дороже”». (Между прочим, тоже одностишие.)

В 1996 году в «Юбилейном сборнике Московского клу-

ба афористики» был напечатан афоризм Владимира Голобо-
родько:

Платон мне друг, а истина относительна.

Политика, опрокинутая в прошлое

Михаил Николаевич Покровский, политик-большевик и «главный» историк первого 15-летия советской власти, умер в 1932 году. При жизни он пользовался благосклонностью Ленина и его взгляды определяли развитие чуть ли не всего советского обществоведения.

Однако в эпоху зрелого сталинизма эти же взгляды были признаны главной помехой развития советской исторической науки. В 1939–1940 гг. вышли два сборника статей с разгромной критикой «школы Покровского». Второй из них («Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского») открывался статьей Емельяна Ярославского «Антимарксистские извращения “школы” М. Н. Покровского». Здесь указывалось, что под руководством Покровского «на историческом фронте подвизалась целая группа врагов народа». Они, среди прочего, учили, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое».

С тех пор этот тезис прочно связывается с именем Покровского.

Он действительно произнес эти слова, но в сугубо критическом контексте. 22 марта 1928 года Покровский выступил на 1-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений с докладом «Общественные науки в СССР за 10 лет». Значительная часть доклада была посвящена рус-

ской дореволюционной историографии. Здесь говорилось:

– Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определенную классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и, как я в одном месте выразился, *история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет* [курсив мой. – К.Д.].

В другом докладе, прочитанном полтора года спустя, Покровский высказал уже свой собственный взгляд на связь между историей и политикой:

– ...История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Попробуйте взять любое из явлений окружающей нас действительности, и вы не поймете его без исторических корней.

(«Институт истории и задачи историков-марксистов», речь 18 ноября 1929 г. по случаю открытия Института истории при Коммунистической академии.)

Разница между обоими высказываниями очевидна: в первом случае речь идет о прямой политической ангажированности (и, стало быть, необъективности) историка, во втором – о значении истории для современной политики.

В реальности Покровский был ничуть не менее политически ангажирован, чем, скажем, Кавелин, и уж точно больше, чем его учитель Ключевский; но в теоретическом плане ис-

торик-марксист должен был отстаивать принцип объективности научного познания. Он не мог позволить себе утверждать, что «всякая история, если по-честному, есть современная история», а «достоверного прошлого не существует» (цитирую статью д. и. н. Владимира Мединского «Интересная история» в «Российской газете» от 4 июля 2017 г.).

Второе высказывание Покровского, в сущности, повторяло тезис, который обычно приписывается Эдуарду Фриману (1823–1892), профессору современной истории Оксфордского университета: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего».

Со ссылкой на Фримана это изречение цитировалось с конца 1870-х годов. Позднее его нередко приписывали Джону Сили (1834–1895), профессору современной истории в Кембридже.

Основные труды Фримана публиковались с конца 1860-х годов, но к этому времени приписываемый ему тезис уже не был новинкой. В 1861 году английский журналист Фрэнк Гаррисон Хилл писал:

Знакомство с современной политической жизнью бросает важный свет на политику прошлого, то есть историю, и взамен получает свет от нее.

(Рецензия на роман Оливера Уэнделла Холмса-старшего «Элзи Веннер» в журн. «The National Review», октябрь 1861)

В 1868 году в лондонском еженедельнике «Субботнее обозрение» появилась анонимная статья под заглавием «М-

р. Лоу и лорд Рассел об изучении истории». Здесь говорилось:

История есть политика прошлого; политика – история настоящего. В обоих случаях полная научная определенность невозможна, и если мы будем ее дожидаться, то нам придется совершенно отказаться не только от написания или чтения исторических трудов, но также от предложений по пересмотру законов и выступлений за или против каких-либо реформ.

(«*The Saturday Review*», 1 февраля 1868 г.)

В том же 1868 году вышла в свет книга выдающегося немецкого историка Густава Дройзена «Очерк историки». Во вступлении, датированном маем 1858 года, Дройзен писал: «То, что сегодня – политика, завтра принадлежит истории».

Еще более раннее высказывание, почти в точности совпадающее с «формулой Фримана», содержалось в публицистической книге С. М. Мори «Англичанка в Америке» (1848). И сама книга, и ее автор ныне прочно забыты; англоязычные исследователи о ней не упоминают.

Сара Миттон Мори (1803–1849), уроженка Ливерпуля, в 1846 году совершила поездку в США и год спустя опубликовала книгу «Государственные деятели Америки в 1846 году». В предисловии к своей следующей книге «Англичанка в Америке» она защищает право женщин заниматься общественной и политической деятельностью.

«Политика в юбках!» – (...) Да, политика в юбках – и давайте спросим: «Почему бы и нет»? Каждый мыслящий человек должен интересоваться политикой, и особенно мать, давшая этой стране восемь сыновей и трех дочерей. К тому же политика есть не что иное, как история настоящего, а история не что иное, как политика прошлого. Почему же вы, обучая девочек, делаете их гораздо лучшими историками, чем мальчиков, а потом не позволяете им использовать эти знания?

Консервативный мыслитель Жозеф де Местр уже в 1811 году писал, что «история (...) есть не что иное, как практическая политика» (памятная записка «О свободе», адресованная предположительно графу Н. П. Румянцеву).

Из позднейших высказываний стоит привести афоризм из сборника немецкого писателя Зигмунда Граффа «С древа познания» (1973):

История – это политика, которую уже нельзя исправить. Политика – это история, которую еще можно исправить.

Политическая проститутка Троцкий

В 2004 году ведущий программы «Намедни» Леонид Парфенов заметил:

– Известно, что В. И. Ленин называл Троцкого политической проституткой.

Вскоре президент Академии российского телевидения Владимир Познер повторил это уже на Первом канале.

Дальше – больше. 26 сентября 2006 года «Коммерсантъ» предложил читателям тест «Проверьте себя на русскость». Тест, как сообщали авторы, был разработан «в помощь Федеральной миграционной службе» для оценки степени приобщенности человека к российской культуре. Одним из вопросов было: «Кто о ком сказал “политическая проститутка”»??

Люди, «приобщенные к российской культуре», должны были без запинки ответить: «Ленин о Троцком». Журналисты «Коммерсанта», конечно, сочиняли свой тест не всерьез, но все же, знаете...

Как же было на самом деле?

О «проститутках» Ильич действительно говорил часто и с видимым удовольствием: «проститутки освобожденства», «проститутки капитализма», «проститутки буржуазного ли-

берализма», «Да разве можно с этими проститутками без протоколов конферировать?».

Однако «политической проститутки» мы у него не найдем, а по имени он назвал «проституткой» разве что Каутского, со ссылкой на немецких товарищей: «Вполне правы Фр. Меринг и Роза Люксембург, называющие Каутского за это проституткой (Mädchen für alle)».

Троцкого Ленин дважды назвал «Иудушкой» (оба раза до революции); имелся в виду щедринский Иудушка Головлев. Лев Давыдович, впрочем, не оставался в долгу и назвал Ильича «профессиональным эксплуататором всякой отсталости в русском рабочем движении», добавив: «Все здание ленинизма (...) построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения». (Письмо к Н. С. Чхеидзе от 1/14 апр. 1913 г.) Это письмо, перехваченное цензурой, отыскиали и напечатали в 1925 году, дабы пригвоздить троцкистов к позорному столбу.

Но вернемся к политическим проституткам. В вечернем выпуске «Правды» от 2 января 1918 года, после покушения на Ленина в Петрограде, заявлялось:

Банкиры, фабриканты, заводчики нанимают себе хулиганов, бывших сыщиков, правых эсеров, контрразведчиков, всех политических проститутток.

О Троцком, разумеется, здесь речь не шла. «Политической проституткой» он был назван гораздо позже:

И недаром такие политические проститутки,

как Троцкий и Тальгеймер, протестовали против большевистской, якобы «клеветнической» характеристики современных социал-демократов как социал-фашистов.

(З. Атлас, «Социал-фашистское и фашистское “регулирование” капитализма», в журн. «Под знаменем марксизма», 1934, № 3)

В народ это выражение пошло еще позже – после выхода на экран фильма «Ленин в Октябре» (1937). Здесь Ленин, прочитав «предательскую» статью Каменева и Зиновьева накануне октябрьского выступления большевиков, тычет пальцем в газету:

– Вот полюбуйтесь, товарищ Василий, как эти святоши, эти политические проститутки нас предали. Предали партию, выдали планы ЦК!

А фраза, вынесенная в заголовок этой заметки, появилась в анекдотах о Ленине. Самый колоритный из них знающие знают и так; для незнающих изложу его в пригодном для печати виде:

Умирая, Ленин просит отрезать ему причинное место и забросить подальше.

– Но зачем же? – спрашивают соратники.

– Когда меня будут хоронить, эта политическая проститутка Троцкий обязательно скажет: помер Ленин, ну и хер с ним. И, как всегда, будет неправ!

Первая версия этого анекдота – без «политической про-

ститутки» – была записана в 1930 году в дневнике Н. М. Мендельсона (опубл. в сб. «Река времен», кн. 2, 1995). Позднейшая версия могла появиться лишь после выхода на экраны «Ленина в Октябре».

Мне приходилось слышать, будто основные циклы советского анекдота сочинены на центральных киностудиях. Это, конечно, легенда; верно лишь то, что почти все эти циклы, начиная по крайней мере с 60-х годов, связаны с советским кинематографом. Любопытно, однако, что формальным поводом осуждения Алексея Каплера, сценариста фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», было «сворачивание малолетних и распространение антисоветских анекдотов».

Вождя революции в обоих фильмах дилогии играл Борис Щукин, причем, по свидетельству Михаила Ульянова, эта роль выростала из вахтанговской «Принцессы Турандот», и в ней Щукин «дал волю своему комическому гению» («Возвращаясь к самому себе», 1996). С этого времени анекдотический Ленин представляется только в облике Щукина. И заключительная фраза анекдота о завещании рассказывается с непременным ленинским – а вернее, щукинским, – грассированием.

Само выражение «политические проститутки» пришло к нам с Запада. У немецких социал-демократов был в ходу его смягченный вариант «Mädchen für alle». Первоначально это означало «прислуга за всё» (исполняющая все работы по до-

му); потом стало обыгрываться буквальное значение этого оборота: «девушка на все услуги».

Англичане были менее стеснительны: у них выражение «политические проститутки» («political prostitutes») стало обычным на рубеже XVIII–XIX вв. Несколько десятилетий спустя этот оборот проник в стены британского парламента, а один из памфлетистов назвал «политической проституткой» лорда Пальмерстона – великого, что ни говори, государственного мужа.

Так что Троцкий оказался не в такой уж плохой компании.

Помни о смерти

Так обычно переводится у нас латинское выражение «Memento mori». Точнее был бы перевод: «Помни, что ты смертен» или: «Помни, что придется умирать».

С конца XVIII века это изречение цитируется как формула приветствия и прощания монашеского ордена траппистов, основанного в 1664 году. Потом назывались и другие монашеские ордена, построенные на началах крайнего аскетизма: камальдулов, картезианцев, паулинов и т. д., а само это изречение стало датироваться эпохой Средневековья.

В действительности «Memento mori» утвердилось в литературе – как новолатинской, так и на новых языках, – в XVI веке, прежде всего в Германии и Англии. Так, например, называлось стихотворение немецкого литератора Адама Валассера, включенное в его сборник «Искусство хорошо умирать» («Kunst wol zusterben», 1569).

Какой-либо связи этого выражения с монашескими орденами в текстах XVI–XVII веков не прослеживается.

В IV книгу своих написанных на латыни «Эпиграмм» (1607) английский поэт Джон Оуэн включил двустилишие «Слухи о смерти Генриха IV, французского короля»:

То, что короли боятся слышать, а их слуги – говорить,
Тебе говорит сама молва: помни, что и ты смертен

[memento mori].

Три года спустя Генрих IV погиб от кинжала католического фанатика. Это покушение было двенадцатым по счету, так что свою смертность король должен был ощущать постоянно.

Вероятно, ближайшим источником выражения «Memento mori» было высказывание одного из Отцов Церкви Иеронима (IV в.): «Memento mortis tuae et non peccabis» – *букв.* «Помни о своей смерти [т. е.: что ты смертен] и не греши» («Письма», 139). Эти слова нередко цитировались как в Средние века, так и в Новое время.

В поздней ветхозаветной Книге премудростей Иисуса, сына Сирахова, гл. 14, сказано: «Помни, что смерть не медлит, и завет ада не открыт тебе».

Греческий церковный деятель Григорий Богослов, старший современник Иеронима, писал: «Помни непрерывно страшную смерть, как будто она у тебя перед глазами» («Мысли, писанные двустиями»).

«О памяти смерти» – название одной из бесед Иоанна Лествичника (VII в.). Здесь говорилось: «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий» («Лествица», 6, 4).

Полтора века спустя другой греческий богослов, Феодор Студит, предписывал: «Всегда содержи в уме своем мысль о смерти» («Письма», 484).

Такова была христианская традиция, сохранившаяся до наших дней. Другое значение имело это напоминание у античных авторов эпохи Римской империи.

У Сенеки («Письма к Луцилию», 26) изречение «*Meditare mortem*» – «Размышляй о смерти» – приведено как высказывание Эпикура. Здесь оно связано с размышлениями о самоубийстве, в котором римские стоики видели последнюю гарантию свободы личности:

«Размышляй о смерти!» – Кто говорит так, тот велит нам размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом. Он выше всякой власти и уж наверное вне всякой власти. Что ему тюрьма и стража, и затворы? Выход ему всегда открыт! Есть лишь одна цепь, которая держит нас на привязи, – любовь к жизни. Не нужно стремиться от этого чувства избавиться, но убавить его силу нужно: тогда, если обстоятельства потребуют, нас ничего не удержит и не помешает нашей готовности немедленно сделать то, что когда-нибудь все равно придется сделать.

(Перевод С. Ошерова)

А Плиний Младший предлагает поэту Октавию Руфу помнить о смерти, дабы стараться обрести бессмертие в памяти потомков:

Держи перед глазами [свою] смертность (*Habe ante oculos mortalitatem*); единственное, что вырвет тебя из ее власти, – это твои стихи; все остальное, хрупкое и

тленное, исчезает и гибнет, как сами люди.

(«Письма», II, 10, 4; в переводе С. Ошерова цитата начинается со слов «Помни о смерти...»)

В начале XIX века в Германии появилось выражение «Memento vivere» – «Помни о жизни!», или: «Помни, что нужно жить!».

Его немецкая версия – «Gedenke zu leben» – появилась раньше, в VIII книге романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796). В 5-й главе описывается «Зала Прошедшего» – домашняя усыпальница, символика которой напоминает масонскую. Напротив двери стоит «статуя почтенного мужа», держащего перед собой свиток со словами: «Помни о жизни!»

В письме к Гёте от 3 июля 1796 года Фридрих Шиллер писал:

«Надпись: “Помни о жизни!” превосходна, тем более что она напоминает о проклятом memento mori и чудесно торжествует над ним».

Позднее слова «Memento vivere» нередко цитировались как девиз Гёте.

В 1846 году Герцен писал об эпохе Возрождения:

«“Humanitas, humaniora” [лат. «человечность, больше человечности»] раздавалось со всех сторон, и человек чувствовал, что в этих словах, взятых от земли, звучит vivere memento, идущее на замену memento mori, что ими он новыми узами соединяется с природой; humanitas напоминало

не то, что люди сделаются землей, а то, что они вышли из земли, и им было радостно найти ее под ногами, стоять на ней (...)». («Письма об изучении природы», VI.)

То же значение имело выражение «Memento vitae». В 1843 году английский поэт и прозаик Томас Гуд, известный у нас как автор социально-обличительной «Песни о рубашке», опубликовал роман «Исповедь Феникса». Один из персонажей романа замечает:

– ...Memento vitae – это требование природного инстинкта: «помни об искусстве жить». Покойники, знаете ли, не читают своих некрологов.

В совершенно ином смысле предлагал «помнить о жизни» американский писатель Эпес Сарджент (1813–1880), приверженец спиритуализма:

Теперь известно, что мы можем постичь наше будущее предназначение уже здесь, в земной жизни. Банальная фраза «Memento mori» ныне преобразована в более глубокую «Memento vivere», что означает: «Помни, что тебе еще жить после смерти».
(«Научные основы спиритуализма», 1880)

Порок наказан, добродетель торжествует

В III веке основатель неоплатонизма Плотин писал: «Все мы очень хотим, чтобы добродетель была достойно вознаграждена, а порок – примерно наказан» («Эннеады», III, 2, 6).

Для христианских богословов этот тезис стал уже не пожеланием, а несомненной истиной, хотя способы и сроки воздаяния за зло и добро предоставлялись усмотрению Всевышнего. (Об истории обратного по смыслу выражения «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным» в этой книге рассказано выше.)

В России изречение «Порок наказан, добродетель торжествует» в этой или близкой форме цитировалось с середины XIX века. Оно применялось – и применяется до сих пор – в двух контекстах: более общем, восходящем непосредственно к христианскому богословию, и более узком, применительно к сфере искусства.

Во втором смысле оно всегда носит оттенок иронии; этот оттенок со временем перешел и на употребление сентенции в ее первоначальном смысле. Начало этому положил уже Пушкин:

И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен – и в романе,
И там уж торжествует он.

(«Евгений Онегин», гл. 3-я (1824), XI–XII)

Едва ли не окончательно похоронил эту формулу Белинский:

Мальчику задают тему: «Порок наказывается, добродетель торжествует». Сочинение, в форме хрии или рассуждения, должно быть представлено через три дня, а иногда и завтра. Что может знать мальчик о пороке или добродетели?

(Рецензия на книгу Н. Ф. Кошанского «Общая риторика», 1844)

Здесь уже не детям, но всему человечеству, без различия пола и возраста, говорит Борис Михайлович, – с чрезвычайными ошибками против грамматики, т. е. синтаксиса и умения ставить знаки препинания, – что добродетель полезна и рано ли, поздно ли будет торжествовать, а порок вреден и непременно будет наказан.

(Рецензия на роман Б. Федорова «Князь Курбский», 1843)

Какого бы рода и содержания ни была пьеса, (...) к концу добродетель награждается, порок наказывается.
(«Александринский театр», 1845)

К концу романа герои соединяются законным браком и живут счастливо. Добродетель награждена, порок наказан.
(Рецензия на роман Поля Феваля «Сын тайны», 1847)

Некрасов предпослал своей незаконченной «Повести о бедном Климe» (1841–1848) эпиграф:

Добродетель никогда не остается без награждения, а порок без наказания.
С детской прописи.

Сатирическая комедия Салтыкова-Щедрина «Смерть Пазухина» (1857), запрещенная к постановке, заканчивалась репликой:

– Господа! представление кончилось! Добродетель... тьфу, бишь порок наказан, а добродетель... да где ж тут добродетель-то!

Персонаж комедии А. Н. Островского саркастически замечает:

– Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги – добродетель награждается, порок наказан.
(«На всякого мудреца довольно простоты» (1868), V, 1.)

Не так было еще у Державина в начале XIX века:

Порок из праха не воспрянет,
А добродетель вечно станет
Пить свет и жизнь Творца с очес.

*(Ода «Тление и нетление» (1813), посвященная памяти М.
И. Кутузова)*

Здесь Державин обращался к христианской проповеднической традиции.

Применительно к литературе эта формула появилась во Франции в XVII веке. «Добродетель в них всегда вознаграждается, а порок наказывается», – писал Шарль Перро о народных сказках в предисловии к сборнику своих стихотворных сказок 1695 года.

Зато в программном предисловии Теофиля Готье к его роману «Мадемуазель де Мопен» (1836) эта формула уже не более чем предмет насмешки:

Разумеется, добродетель – почтенное свойство, и нам отнюдь не хочется – Боже сохрани! – ею пренебрегать. Это порядочная, достойная женщина. (...) Мы даже согласимся, что для своего возраста она еще хоть куда и прекрасно сохранилась. Очень приятная бабушка, но все-таки бабушка...

...Подлаживаясь под понятия критиков (...), я настроил современную драму, (...) где провиденциальная идея была подана в форме страсбургского паштета из гусяной печени, который до

последней крошки поедает герой, совершивший перед тем несколько изнасилований; паштет добавляется к угрызениям совести, и все вместе приводит к тяжелейшему несварению желудка, от которого он и умирает. Такой, можно сказать, высоконравственный финал, доказывающий, что существует божественная справедливость, что порок всегда бывает наказан, а добродетель – вознаграждена.

(Перевод Е. Баявской)

В 1864 году цензура запретила драму Козьмы Пруткова «Торжество добродетели». Рукопись надолго затерялась и была опубликована лишь в 1959 году. Одной цитаты достаточно, чтобы понять почему:

«...Нет на свете государства свободнее нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуетя вместе с тем малейшему указанию власти».

За 29 лет до публикации прутковской драмы Владимир Набоков взял то же заглавие для памфлетного эссе о советской литературе:

Все благополучно, добродетель торжествует. (...) Мы возвращаемся к самым истокам литературы, к простоте, еще не освященной вдохновением, и к нравоучительству, еще не лишенному пафоса. Советская литература несколько напоминает те отборные елейные библиотеки, которые бывают при тюрьмах и исправительных домах для просвещения и

умиротворения заключенных.

(«Торжество добродетели», в газ. «Руль» (Берлин), 5 марта 1930 г.)

И совершенно по-новому, с неожиданной силой прозвучала старинная формула в начале первого тома «Архипелага ГУЛаг» (1973):

Представление о справедливости в глазах людей исстари складывается из двух половин: добродетель торжествует, а порок наказан. Посчастливилось нам дожить до такого времени, когда добродетель хоть и не торжествует, но и не всегда травится псами. Добродетель битая, хилая, теперь допущена войти в свое рубище, сидеть в уголке, только не пикать. Однако никто не смеет обмолвиться о пороке. Да, над добродетелью измывались, но порока при этом – не было. Да, сколько-то миллионов спущено под откос – а виновных в этом не было.

Молча о пороке, вгоняя его в туловище, чтоб только не выпер наружу, – мы СЕЕМ его, и он еще тысячекратно взойдет в будущем. Не наказывая, даже не порицая злодеев, мы не просто оберегаем их ничтожную старость – мы тем самым из-под новых поколений вырываем всякие основы справедливости. Оттого-то они «равнодушные» и растут, а не из-за «слабости воспитательной работы». Молодые усваивают, что подлость никогда на земле не наказуется, но всегда приносит благополучие. И неуютно же, и

страшно будет в такой стране жить!

Порядочный человек делает подлости без удовольствия

В повести Валерия Воскобойникова «Повышение» («Нева», 1974, № 9) два питерских интеллигента беседуют в кафе:

– Кто такой порядочный человек, знаешь?

– Не знаю.

Вероятно, это был анекдот.

– Тот, кто делает подлости и не получает от них удовольствия, – он засмеялся, – как, а?

Эта фраза приписывалась Михаилу Светлову, одному из главных остроумцев советской эпохи. Публицист Борис Шрагин, эмигрировавший на Запад, писал: «Поэт Михаил Светлов придумал дефиницию: “Порядочный человек у нас – тот, кто делает гадости без удовольствия”». («Противостояние духа», Лондон, 1977.)

Дважды повторена эта фраза у Сергея Довлатова, в первый раз – как слова Светлова («Соло на ундервуде», 1967–1978; опубл. в 1980 г.).

Фразу: «Порядочный человек – это человек, который делает подлости без удовольствия» – любил повторять физико-химик Николай Маркович Эмануэль (1915–1984), добавляя: «по определению академика Кнунянца». («Академик Ни-

колай Маркович Эмануэль: Очерки, воспоминания», 2000.) Имелся в виду Иван Людвигович Кнунянц (1906–1990), специалист в области органической химии.

Кинорежиссер Сергей Юткевич связывал появление этой фразы с кампанией против «безродных космополитов» 1949 года:

«...Именно в этот период родилось замечательное определение: “Кто такой порядочный человек? – Это тот, что делает гадости нехотя!” Но таких оказались считанные единицы. Многие делали гадости с большой охотой – даже когда их и не просили». (Автобиографический очерк «О самом разном», 1988.)

Впрочем, ту же картину рисует академик Владимир Вернадский в письме к сыну от 16 июля 1929 года:

«...По партийным велениям порядочный человек делает непорядочные поступки, оправдываясь дисциплиной...»

В миниатюре «Юбилей» из «райкинского» спектакля «Волшебники живут рядом» (1964, автор пьесы Александр Хазин) номенклатурный начальник Пантюхов говорит:

– В сущности, я человек порядочный и по собственной инициативе подлостей никогда не делал.

Публицист и философ Александр Зиновьев считал это свойством советского человека вообще: «Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель» («Гомо советикус», 1982).

Отыскать достоверного автора «светловской» фразы едва

ли возможно. Но можно указать ее вероятный источник. Я имею в виду высказывание французского поэта Шарля Пеги (1873–1914):

На свете полно порядочных людей. Их можно узнать по тому, как неуклюже они делают подлости (...ils font les mauvais coups avec plus de maladresse).

Так писал Пеги в полемическом эссе «Золото. Продолжение» (1913).

Поскребите русского, и вы найдете татарина

В «Дневнике писателя» за январь 1877 года Достоевский с огорчением восклицал: «Не хотели европейцы нас почестъ за своих ни за что (...). Мы у них в пословицу вошли».

Эта пословица – «Поскребите русского, и вы найдете татарина» (*франц.* «Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare»). Она приписывалась самым различным деятелям наполеоновской эпохи – консервативному мыслителю Жозефу де Местру, австрийскому фельдмаршалу герцогу Шарлю де Лигню, писательнице Жермене де Сталь и, разумеется, самому Наполеону.

Что же известно о происхождении этой мудрости? 2 января 1823 года ее записал в своем дневнике Джеймс Галлатин, сын и секретарь посланника США во Франции. Почти тогда же сходные изречения стали появляться во французской печати.

В 1827 году французский публицист Жан Ансело писал:

Русские подобны выстроенным их руками кирпичным зданиям, которые первый же несчастный случай лишает покрывающего их ровного слоя белой краски: под блестящей оболочкой цивилизации, так преждевременно их укрывшей, нетрудно обнаружить

татар.

(«Шесть месяцев в России»; перевод Веры Мильчиной)

Согласно опубликованным в 1824 году мемуарам Жанны-Луизы де Кампан, камеристки Марии Антуанетты, «Наполеон говорил, что, если поскрести русского, можно увидеть варвара».

В воспоминаниях генерала Мари Жозефа Лафайета приводилось высказывание об Александре I, приписывавшееся Наполеону: «Его находят добрым и любезным; но, если чуть поскрести, почувствуется казак» («Первая Реставрация и Сто дней» (1817–1818, опубл. в 1838 г.), гл. 2).

Отождествление русских вообще с казаками-варварами, нашествие которых угрожает Европе, было в высшей степени характерно для Наполеона-изгнанника: «Я могу понадобиться против русских, ибо при нынешнем положении дел лет через десять вся Европа, возможно, будет *казацкой* либо *республиканской*» (запись Лас Казеса 18 апреля 1816 г.).

Одна из более поздних версий «европейской пословицы» выглядела так: «Поскребите русского, и вы найдете казака; поскребите казака, и вы найдете медведя» (всё это, разумеется, по-французски). И, по всей вероятности, медведь в этой формуле предшествовал «варвару», «казaku» и «татарину».

В знаменитой книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843) читаем:

Нравы русских жестоки, несмотря на все претензии этих полудикарей, и еще долго будут таковыми

оставаться. Еще не прошло и столетия с тех пор, как они были настоящими татарами; лишь Петр Великий стал принуждать мужчин брать с собой жен на ассамблеи; и многие из этих выскочек цивилизации сохранили под теперешним своим изяществом медвежью шкуру: они всего лишь вывернули ее наизнанку, но стоит их поскрести, как шерсть появляется снова и встает дыбом.
(Перевод Веры Мильчиной)

Кюстин приписал эту мысль итальянскому писателю Джузеппе Капечелатро, архиепископу Тарантскому (1744–1836).

Вероятно, он перепутал Капечелатро с его старшим современником маркизом Караччиоли. Луи Антуан Караччиоли (1719–1803), французский писатель, поэт и историк итальянского происхождения, много путешествовал по Европе. Он имел репутацию одного из главных остроумцев эпохи, чрезвычайно богатой на остроумцев.

Литератор Жан Пьер Лабуисс-Рошфор в своих мемуарах писал:

Он [Караччиоли] говорил о москвитях, тогда столь мало известных, а ныне, кажется, желающих захватить столь большое место в истории: «Поскребите руку даже самого образованного русского, и вы обнаружите под его кожей медвежью шкуру (la peau de l'ours)».

(J.-P. Labouisse-Rochefort, *«Trente ans de ma vie (de 1795–1826)»*, 1847, т. 8)

Обозреватель парижского еженедельника «Меркурий девятнадцатого столетия» распространил эту формулу на ев-

ропейскую цивилизацию вообще:

Что бы ни говорила европейская гордыня, наша цивилизация все еще не более чем варварство, покрытое лаком хороших манер, обманчивая видимость. Караччиоли говорил: «Поскребите руку даже самого образованного русского, и вы обнаружите под его кожей медвежью шерсть (*le poil de l'ours*)». Примените эти слова к самому блестящему обществу – обществу французскому; уберите танцы, музыку, статуи и картины; проникните в суть вещей, и вы найдете волчьи законы, право сильного, нигде нет понятия о законах здравого смысла и правилах справедливости. (*«Еженедельное обозрение», «Le Mercure du dix-neuvième siècle», 1827, t. 16, p. 93*)

Достоевский – и не он один – воспринимал «европейскую пословицу» едва ли не как личную обиду. Куда спокойнее относился к ней князь Петр Вяземский. О графе Федоре Ростопчине (1763–1826), среди предков которого были татары, он отзывался так:

Поскребите русского, и вы найдете парижанина. Поскребите парижанина, и вы найдете русского; поскребите еще, и вы опять найдете татарина. (*мемуарная заметка, 1877 г.*)

Немало знатнейших русских фамилий числили своими предками выходцев из татар (или тюрок): Апраксины, Аракчеевы, Мещерские, Нарышкины, Урусовы, Ширинские-Шихматовы, Юсуповы и т. д. Из «военных» фамилий –

Суворовы и Кутузовы; из «музыкальных» – Алябьевы, Балакиревы, Рахманиновы, Скрябины, Танеевы; из «литературных» – Аксаковы, Булгаковы, Гаршины, Державины, Карамзины, Огаревы, Тургеневы, Чаадаевы, Языковы.

Поэт и партизан Денис Давыдов, потомки которого выехали из Большой Орды в Москву в начале XV века, не без гордости заявлял:

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Все, что противилось могущему герою.

(«Графу П. А. Строганову...», 1810)

Да и наш современник Владимир Путин, в отличие от Достоевского, не только не комплексует из-за французской поговорки, но даже считает ее исконно русской:

– У нас, знаете, говорят: каждого русского, если потерять как следует, там татарин появится, – заметил он 18 мая 2007 года, на пресс-конференции в ходе саммита РФ – ЕС.

Эта поговорка породила множество новых изречений. Вот некоторые из них:

Поскребите судью, и вы найдете палача. (Виктор Гюго, «Литературная и философская смесь», 1834.)

Поскреби любовника, и ты найдешь врага. (Дороти Паркер, «Баллада о громадной усталости», 1926.)

Поскребите актера, и вы найдете актрису. (По-видимому, устная фраза Дороти Паркер.)

И наконец, два замечания вождя пролетарской революции:

– Поскрести иного коммуниста – и найдешь великорусского шовиниста. (Ленин на VIII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г.)

– К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: «Поскребите коммуниста – и вы найдете фистера». Конечно, скрести нужно чувствительное место – его психику в отношении женщины. (Ленин в беседе с Кларой Цеткин.)

После нас хоть потоп

5 ноября 1757 года при Росбахе (Саксония) состоялось одно из крупнейших сражений Семилетней войны. Прусская армия под водительством Фридриха Великого наголову разгромила гораздо более многочисленную французскую армию во главе с маршалом де Субизом.

По преданию, как раз в это время художник Жорж Латур писал – в присутствии короля – портрет фаворитки Людовика XV Жанны Антуанетты Пуассон, маркизы де Помпадур. Известие о разгроме крайне удручило монарха. Маркиза поспешила его утешить:

– Не стоит огорчаться, а то еще заболееете; после нас хоть потоп!

Этот рассказ появился в печати лишь в 1874 году, и достоверность его сомнительна.

По другой версии, словами «После меня хоть потоп» заканчивались беседы самого Людовика XV с Латуром.

Однако уже в 1755 году фраза «После меня хоть потоп» («Après moi le déluge») цитировалась как «известная поговорка». И лишь с начала XIX века выражение «После нас хоть потоп» («Après nous le déluge») стало цитироваться как «обычная фраза» маркизы де Помпадур.

В год битвы при Росбахе о потопе говорили все. В 1758 году ожидалось возвращение кометы 1682 года, т. е. коме-

ты Галлея, а комета с древности считалась предвестником несчастий и катастроф.

За 16 лет до этого события знаменитый математик Пьер де Мопертюи в «Письме о комете, появившейся в 1742 году» не исключал, что пришествие кометы может повлечь за собой конец света или по меньшей мере всемирный потоп. Впрочем, это письмо было научно-популярным трактатом, адресованным некой даме, сам же Мопертюи так не думал, судя по его более раннему «Рассуждению о различных сочетаниях звезд» (1732).

А в августе 1758 года, за четыре месяца до появления кометы Галлея, философ-просветитель Г. Б. Мабли в своем шестом «Письме о правах и обязанностях гражданина» говорил о членах Парижского парламента (парламент тогда был высшей судебной инстанцией и регистрировал законы): «Будущее их мало заботит: после них [наступит] потоп».

Уже у древних греков существовало весьма близкое по смыслу изречение. Это строка из эпиграммы Стратона, поэта II в. н. э.:

Пей и люби! После смерти пусть мои кости омоет
Девкалион!

Девкалиону в греческой мифологии отводилась роль библейского Ноя: когда Зевс, разгневавшись на людей, наслал на землю всемирный потоп, Девкалион по совету Прометея построил большой ящик («ковчег»). Девятидневный потоп уничтожил все человечество, но Девкалион и его жена спас-

лись и создали из камней новых людей.

Однако в будущем греки и римляне ожидали не всемирного потопа, а мирового пожара. В ходу был стих из несохранившейся трагедии Еврипида:

Когда умру, пускай земля огнем горит!
(а буквально: ...земля смешается с огнем).

Этот стих приведен по-латыни у Цицерона. Согласно Светонию, его цитировал римский император Тиберий. А другой император, Нерон, когда при нем произнесли этот стих, будто бы воскликнул:

– Нет! Пока живу!

Так рассказывает Светоний в своей «Жизни двенадцати цезарей», а затем переходит к повествованию о грандиозном пожаре Рима в 64 году н. э., прямо называя Нерона поджигателем. У Светония Нерон взирает на пожар великого города с высокой башни – и в театральном одеянии, с кифарой в руках поет сочиненную им «Песнь о Трое», сожженной греками.

Лозунг «После меня – хаос» приписывался Шарлю де Голлю накануне президентских выборов во Франции 1965 года. 13 декабря, перед вторым туром голосования, де Голль пояснил:

– Я не говорил: «Я» и не говорил: «хаос». Я лишь говорил и повторяю: если 19 декабря французский народ решит сместить де Голля, это будет огромным несчастьем для страны.

Народ проголосовал за де Голля, и огромного несчастья

удалось избежать.

Последнее прибежище негодяя

В 1905 году в сборнике Льва Толстого «Круг чтения» под датой «9 декабря» было помещено изречение:

Последнее прибежище негодяя – патриотизм.
Джонсон

Имелся в виду Сэмюэл Джонсон (1709–1784), английский писатель и лексикограф.

На той же странице приводились и другие высказывания о патриотизме. Часть из них принадлежала самому Толстому, в том числе:

Любовь к своему отечеству, так же как и любовь к своей семье, есть естественное свойство, но так же как и любовь к семье никак не может быть добродетелью, но может быть пороком, когда преступает те пределы, при которых нарушается любовь к ближнему.

Патриотизм же – это «исключительная любовь к своему народу и всегдашняя готовность к войне с другим народом». (До начала Первой мировой оставалось всего 9 лет.)

Для Толстого патриотизм – это идеология, внедряемая государством. Тут граф Толстой почти сходиллся с князем Петром Андреевичем Вяземским, который писал: «Люблю народность, как чувство, но не признаю ее, как систему» («О Языкове», 1847). «Народность» у Вяземского – синоним пат-

риотизма.

Разумеется, толстовское отрицание государственного патриотизма было куда более радикальным: поздний Толстой был, в сущности, анархистом и резко разделял понятия «родина» и «государство».

Слова: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя (the last refuge of a scoundrel)» были сказаны Джонсоном в частной беседе 7 апреля 1775 года. В печати они появились в 1791 году, в двухтомнике Джеймса Босуэлла «Жизнь Сэмюэла Джонсона».

Тут важно выяснить, что разумел Джонсон под словом «патриотизм» и кого он считал «негодьями».

В I издании своего «Словаря английского языка» (1755) Джонсон дал следующее определение слова «Патриот»: «тот, чьей руководящей страстью является любовь к своей стране». В IV издании, вышедшем в 1773 году, появилось важное добавление: «Иногда он [патриот] используется для выступлений против правительства, продиктованных партийными интересами».

В мае 1774 года Джонсон опубликовал памфлет под названием «Патриот. Обращение к избирателям Великобритании». По своим убеждениям Джонсон был консерватором (тори), и его памфлет был направлен против либералов (вигов), в то время находившихся в оппозиции:

Некоторые претендуют на звание патриотов, ожесточенно и беспрестанно выступая против двора.

Этот признак отнюдь не безошибочен. Патриотизм не обязательно предполагает мятеж. Можно ненавидеть своего короля и при этом не любить свою страну.

Иной считает себя патриотом лишь потому, что распространяет недовольство, распускает слухи (...) о нарушении прав и незаконной узурпации власти. Все это определенно не является признаком патриотизма.

Здесь Джонсон выступает как патриот-консерватор против либералов, именующих себя патриотами.

На протяжении XVIII века тори и виги взаимно обвиняли друг друга в ложном патриотизме. Выступая в парламенте 13 марта 1734 года Роберт Уолпол, глава правительства вигов, назвал политиков-тори «лжепатриотами». Ему также приписывались слова: «Здесь нет ни одного человека, каким бы патриотом он ни казался, о котором я бы не знал, какова его цена».

И все же виги использовали слово «патриот» гораздо чаще. Поэт Александр Поуп, друг и единомышленник Джонсона, писал, имея в виду вигов:

Патриот – это глупец любого возраста,
Которому позволено взойти на трибуну.

(«Диалог I» (1738) из «Эпилога» к собранию сатир Поупа)

Ближайшей мишенью Джонсона был идейный лидер вигов Эдмунд Бёрк. В той же беседе с Босуэллом, в которой

патриотизм был назван «прибежищем негодяя», Джонсон говорил и о Бёрке:

– Сэр, я не говорю, что он нечестен, но его политическое поведение не дает оснований полагать, что он честен.

Сам Бёрк предлагал своим соратникам «быть патриотами, не забывая, что мы еще и джентльмены» («Мысли о причине нынешнего недовольства», 1770). Патриотизм понимался вигами прежде всего как защита прав граждан от посягательств государственной власти. В Войне за независимость США, начавшейся в 1775 году, американские революционеры именовали себя «патриотами» и «вигами».

Довольно скоро контекст высказывания д-ра Джонсона был забыт. Оно стало широко цитироваться критиками патриотизма – как радикальными, так и умеренными, осуждавшими «ложный патриотизм».

Марк Твен говорил:

– Чувство гражданства? У нас его нет и в помине! Вместо него мы учим патриотизму, который Сэмюэл Джонсон сто сорок или сто сорок пять лет назад назвал последним прибежищем негодяя, – и я думаю, что он был прав.

(Интервью в газ. «Brooklyn Daily Eagle» от 24 ноября 1907 г.)

В «Словаре Сатаны» (1881–1911) Амброза Бирса читаем:

В знаменитом словаре д-ра Джонсона патриотизм определяется как последнее прибежище негодяя. (...)

...Мы берем на себя смелость назвать это прибежище первым.

(Перевод И. Кашикина)

О том же писал полвека спустя знаменитый американский журналист Генри Луис Менкен:

Сэмюэл Джонсон назвал патриотизм последним прибежищем негодяя. Это правда, но это еще не вся правда. На самом деле патриотизм – огромный питомник негодяев.

(«Мнение меньшинства», 1956)

Определение «правильного» патриотизма дал на исходе Первой мировой войны президент США Теодор Рузвельт:

Патриотизм – это готовность постоять за свою страну, а не за ее президента или любого другого представителя власти, если только он сам не стоит за свою страну. Патриотично поддерживать его ровно постольку, поскольку он успешно служит стране. Непатриотично не выступать против него там, где его действия не дают результата и где он терпит неудачу в своем служении стране. В любом случае непатриотично не говорить правду – ни о президенте, ни о ком бы то ни было...

(«Линкольн и свобода слова», в журн. «Metropolitan Magazine», май 1918 г.)

Вскоре после Второй мировой войны британский историк Арнолд Тойнби писал о патриотизме как узурпации светскими государями «божественного права». «Языческое покло-

нение суверенным национальным государствам» разрушает западный мир. «Патриотизм, который д-р Джонсон несколько странно назвал “последним прибежищем негодяя” и который сестра милосердия Кэвелл более проницательно назвала “недостаточным”, в значительной степени заменил христианство в качестве религии западного мира». («Постижение истории: Сокращенное изложение», 1947.)

Упомянутая здесь Эдит Кэвелл (1865–1915) была казнена германским военным судом за переправку военнопленных из Бельгии в нейтральную Голландию. В день казни она сказала своему исповеднику: «Я понимаю, что патриотизма недостаточно. Я не должна питать ненависть или обиду к кому бы то ни было». Эти слова выбиты на памятнике Эдит Кэвелл в Лондоне.

В СССР об изречении д-ра Джонсона с конца 1930-х годов старались не упоминать. В 1966 году Институтом русского языка АН был издан «Словарь иноязычных выражений и слов», составленный А. М. Бабкиным и В. В. Шендецовым. Здесь имелась словарная статья:

Patriotism – the last refuge of a scoundrel, *англ.*

Патриотизм – последнее прибежище негодяя, т. е., будучи разоблачен, негодяй прикидывается патриотом.

Это невразумительное и совершенно необязательное толкование явно продиктовано цензурными требованиями. Следующее издание 1-го тома «Словаря...» вышло лишь в 1981 году, 2-го тома – еще шесть лет спустя, и здесь изрече-

ние о «последнем прибежище» выкинуто.

В печать его приходилось протаскивать едва ли не контрабандой. Например, так:

На Западе среди левой интеллигенции сейчас в ходу выражение: «Патриотизм – это последнее прибежище негодяев». С этим термином можно согласиться лишь при одной существенной поправке: «Лжепатриотизм – это последнее прибежище негодяев». Против такого карьеристского патриотизма и выступала русская классика, выдвигая патриотизм правды, свободолюбия, революционности.

(Евгений Евтушенко, «Уроки русской классики», 1978)

В 1991 году философ А. Пятигорский процитировал слова литературоведа Игоря Павловича Смирнова: «Филология в России – это последнее прибежище патриота». («Мысль держится, пока мы...», «Вопросы философии», 1991, № 5.)

А британскому романисту Уильяму Пломеру принадлежит фраза: «Патриотизм – последнее прибежище скульптора». (Приведено в письме Р. Харт-Дейвиса к Дж. Литтелтону от 13 октября 1956 г.)

Потемкинские деревни

«Потемкинские деревни – исторический миф. По легенде, потемкинские деревни – это бутафорские деревни, которые якобы были выстроены по указанию графа Потемкина вдоль маршрута Екатерины II во время ее поездки в 1787 году на Украину (Малороссию)». Так утверждает русская Википедия. Назван и автор этого мифа – Георг фон Гельбиг, секретарь посольства Саксонии в Петербурге, который в 1797–1800 гг. опубликовал (анонимно) в гамбургском журнале «Минерва» свою биографию князя Потемкина.

В «Минерве» за 1798 год фон Гельбиг действительно говорил о селениях с «нарисованными на досках» домами. Но он не был ни первым, ни самым заметным автором, который об этом писал. Гельбиг не сопровождал Екатерину в ее поездке, между тем рассказы о «картонных деревнях» появились прежде, чем императрица вернулась в Петербург. В письме из Тулы, написанном в 1787 году на обратном пути из Крыма, австрийский дипломат герцог Шарль де Линь писал: «Уже распространились смехотворные басни, будто по нашему пути перевозили картонные деревни на расстояние в сотню лиг; что корабли и пушки были нарисованы, кавалерия – без лошадей и т. д.; города без улиц, улицы без домов и дома без крыш, без дверей и окон».

О декорациях, неотличимых от реальности, сообщали ди-

пломаты, сопровождавшие Екатерину, например французский посол граф Л. Ф. де Сегюр: «Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижины так были изукрашены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами» («Записки графа Сегюра...», СПб., 1865).

Письма де Линя были опубликованы в 1809 году, «Записки» Сегюра – в 1820-е гг. Но уже в 1797 году в Париже вышла книга Жана Анри Костера «Жизнь Екатерины II», вскоре переведенная на английский. Здесь говорилось, что «берега Днепра были усеяны фальшивыми деревнями».

Русская Википедия сообщает, что выражение «потемкинские деревни» фон Гельбиг «повторял в своих дипломатических депешах». Нет, не повторял и не мог повторять: выражение это появилось во Франции и Германии полвека спустя, в 1830–1840-е годы, но и тогда использовалось довольно редко. Маркс писал о «картонных деревнях, которые Потемкин показывал Екатерине» («Лорд Пальмерстон», 1853), Герцен – о «картонных деревнях, которыми Потемкин обманывал [Екатерину]» («Крепостники», 1866).

В XX веке выражение «потемкинские деревни» утвердилось во всех европейских языках. Оно стало универсальной метафорой, применяемой отнюдь не только по отношению к России.

Однако вернемся в наше отечество. В июле 1769 года, незадолго до восстания Пугачева, Екатерина II писала Вольтеру: «В России нет мужика, который бы не имел курицы, когда он ее захочет, а с некоторого времени (...) они предпочитают индеек курам». Разве пером великой императрицы не изображена здесь потемкинская деревня?

Отступим еще почти на два века назад, во времена правления Бориса Годунова. В 1601–1602 годах страна пережила ужасающий голод. Слово Карамзину:

Везде шатались полумертвые, падали, издыхали на площадях. Москва заразилась бы смрадом гниющих тел, если бы Царь не велел, на свое иждивение, хоронить их, истощая казну и для мертвых. В два года и четыре месяца было схоронено 127 000 трупов... (...) Оскудела, без сомнения, и казна, хотя Годунов, великодушно расточая оную для спасения народного, не только не убавил своей обыкновенной пышности царской, но еще более нежели когда-нибудь хотел блистать оною, (...) *особенно для послов иноземных, окружая их на пути, от границы до Москвы, призраками изобилия и роскоши*: везде являлись люди, богато или красиво одетые; везде рынки, полные товаров, мяса и хлеба, и ни единого нищего там, где за версту в сторону могилы наполнялись жертвами голода [курсив мой. – К.Д.].

Разве это не та же потемкинская деревня?

«Потемкинские деревни» сооружались и продолжают со-

оружаться, во-первых, для высшего начальства, во-вторых, для иностранцев. В случае с поездкой Екатерины на юг имело место то и другое. «Потемкинские деревни, – замечает посетитель Рунета под ником gbborg, – это любимый русский политический спектакль. Причем все зрители понимают, что это спектакль, но с удовольствием участвуют в нем».

В сущности, никто никого не обманывает. Спектакль он и есть спектакль.

Поэзия должна быть глуповата

В конце мая 1826 года Пушкин пишет князю Петру Вяземскому:

Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны. – А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата. (...)

Напиши же мне что-нибудь, моя радость. Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.

Эти строки были опубликованы полвека спустя и до сих пор служат предметом нешуточных дискуссий. В 1910 году Валерий Брюсов обещал в один из журналов статью под названием «Должна ли поэзия быть глуповатой?», но так и не написал ее.

Мысль, близкую к пушкинской, однажды высказал Гёте:

Лирика – в целом – должна быть весьма разумной, в частностях же немного простоватой (*букв. неразумной* – unvernünftig)

(посмертно опубликованные «Максимы и размышления» 1821 года; перевод Н. Вильмонта и Н. Ман)

В 1829 году Генрих Гейне, высмеивая поэта Августа фон Платена, писал:

Немножко глупости (Ein bißchen Narrheit), понятно, требуется для поэзии, но было бы ужасно, если бы природа обременила огромной порцией глупости,

достаточной для сотни великих поэтов, одного-единственного человека, а поэзии ему отпустила самую ничтожную дозу.

(«Путевые картины», ч. III. «Луккские воды», гл. 11; перевод В. Зоргенфрея)

Белла Ахмадулина в своих стихах возвращалась к пушкинскому замечанию не менее пяти раз. Приведу три цитаты:

Тем боле, что должна быть глуповата
та, в честь которой он бывал не глуп.

«Видение розы» (1977)

Но, может, чем умней, тем бесполезней стих.

«Сиреневое блюдо» (1982)

От мысли станет стих тяжеле,
пусть остается глуповат.

«Я знаю: скрыта шаловливость...» (1984)

В 1973 году появилось стихотворение Новеллы Матвеевой:

«Поэзия должна быть глуповата», —
Сказал поэт, умнейший на Руси.
Что значит: обладай умом Сократа,
Но поучений не произноси.

Не отражай критических атак,
Предупреждай возможность плагиата...
Поэзия должна быть глуповата,
Но сам поэт – не должен быть дурак.

Заключительное двустишие стало популярной цитатой. Однако высказанная в нем мысль принадлежит Владиславу Ходасевичу. В статье «Глуповатость поэзии» (1927) Ходасевич писал:

По Пушкину, поэзия должна быть глуповата, но поэту надлежит ум.

Здесь же давался ответ на вопрос, о какой «глуповатости» говорил классик: «...Лежащее в основе поэзии отвлечение от житейского здравого смысла, это расхождение со здравым смыслом (...) и есть та глуповатость, о которой говорит Пушкин». «Если “глуповатость” есть расхождение со “здравым смыслом”, то, очевидно, не глуповата окажется та поэзия, в которой такое расхождение отсутствует».

Ходасевич, в сущности, продолжал традицию античных мыслителей, для которых понятия «поэзия» и «здравый смысл» были несовместимы. Платон писал: «...Творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых» («Федр», 245а; перевод А. Егунова).

А Сократ, согласно Платону, рассказывал:

Ходил я к поэтам (...) и спрашивал у них, что именно

они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться у них кое-чему. Стыдно (...) сказать вам правду, а сказать все-таки следует. (...) Чуть ли не все там присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами. (...) Не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадалцам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят.

(«Апология Сократа», 22а – с; перевод М. С. Соловьева)

В 1946 году в переводе Маршака была опубликована английская эпиграмма:

«Поэзия глупа!» В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом —
Он может быть и просто дураком!

В комментариях в собрании сочинений Маршака указано, что это перевод эпиграммы Мэтью Прайора. На самом деле Маршак переложил на русский язык не эпиграмму Прайора из сборника «Избранные пословицы» (1707), а эпиграмму Александра Поупа из сборника «Смесь» (1733).

Можно было бы решить, что англичане начала XVIII века предвосхитили замечание Ходасевича «Поэзия должна быть глуповата, но поэту надлежит ум». Однако в английской эпиграмме нет речи о «глупой поэзии». Вот буквальный перевод

версии Поупа:

Сэр, я признаю ваше общее правило,
Что каждый поэт – дурак;
Но вы сами можете служить доказательством того,
Что не каждый дурак – поэт.

Замечу еще, что английская эпиграмма была переводом-переделкой анонимной французской эпиграммы.

Права она или нет, это наша страна

Американский морской офицер Стивен Декейтер отличился в англо-американской войне 1812–1814 гг., а затем – в морской войне против алжирских пиратов. На родине его встречали как национального героя.

На торжественном обеде, устроенном в Норфолке (Виргиния) 4 апреля 1816 года, Декейтер произнес тост:

– За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; и пусть успех всегда будет с ней, права она или нет.

(Согласно газете «Niles' Weekly Register» (Балтимор, штат Мэриленд) от 20 апреля.)

Позднейшая версия тоста появилась в книге А. С. Макензи «Жизнь Стивена Декейтера» (1846):

– За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; но, права она или нет, это наша страна.

Именно в этой форме – «Our country, right or wrong» – фраза вошла в историю. Ее прообразом можно считать строку из поэмы «Прощание» (1760) английского поэта Чарлза Черчилля:

Как ни грешна – она моя страна.

(With all her faults, she is my country still —

букв.: Со всеми своими ошибками, это все же моя страна)

Тост Декейтера не раз подвергался критике со стороны его соотечественников. Когда Декейтера чествовали в Норфолке, будущий президент Джон Куинси Адамс находился в Англии в качестве посла США. 1 августа 1816 года он написал своему отцу Джону Адамсу-старшему, занимавшему пост президента США в 1797–1801 гг.:

Я бы никогда не присоединился к тосту, который газеты приписывают нашему отважному коммодору. Я не могу просить небеса даровать успех даже моей собственной стране в деле, где она может быть неправа. *Fiat justitia, pereat coelum.* [*лат.* Да восторжествует справедливость, даже если рухнут небеса!] Мой тост был бы: пусть нашей стране всегда сопутствует успех; но с успехом или без него, пусть она всегда будет правой.

Еще одним видным критиком лозунга Декейтера был генерал и политик Карл Шурц (1829–1906). Шурц, по происхождению немец, участник революции 1848 года, эмигрировал в США в 1852 году. Во время Гражданской войны он был генералом армии «северян», в 1869 году стал первым сенатором неамериканского происхождения, а позднее — министром внутренних дел.

В качестве сенатора Шурц резко критиковал политику республиканского правительства, в том числе его экспанси-

онистские устремления. 29 февраля 1872 года республиканец Маттью Карпентер заявил в Сенате, что Декейтер, по существу, взял на себя задачу очернять Соединенные Штаты в глазах иностранных наблюдателей. Шурц не замедлил с ответом:

– Сенатор из Висконсина не запугает меня восклицанием «Права она или нет, это наша страна». В определенном смысле я говорю то же самое. Это моя страна; и моя страна – это великая Американская республика. Права она или нет, это моя страна. Если она права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права – надо ее поправить.

Галерея для зрителей разразилась аплодисментами.

К этой теме Шурц вернулся в речи на съезде Антиимпериалистической лиги в Чикаго 17 октября 1899 года:

– Я твердо верю, что американский народ окажется достаточно мудрым, чтобы распознать ложную гордость, опасные амбиции или эгоистические планы, которые столь часто кроются за лживыми возгласами мнимого патриотизма: «Права она или нет, это наша страна!» (...) ...Наше достоинство, наши свободные институты, наш мир и благосостояние этого и будущих поколений американцев будут обеспечены лишь в том случае, если мы будем следовать лозунгу истинного патриотизма: «Это наша страна – если она права, мы поддержим ее в этой правоте, если не права – надо ее поправить».

В 1907 году Марк Твен дал интервью корреспонденту газеты «Brooklyn Daily Eagle». Он говорил:

– Помню, когда я был мальчишкой, я слышал вечно повторяемую фразу «Права она или нет, это наша страна». Эта мысль совершенно абсурдна. И совершенно абсурдно внедрять ее в умы молодежи нашей страны.

...Сегодня в государственных школах мы учим наших детей салютовать флагу; таков наш способ прививки патриотизма. И этот так называемый патриотизм мы принимаем за чувство гражданственности. Но если на флаге пятно, ему не следует оказывать почести, даже если это наш флаг. Истинное чувство гражданственности в том, чтобы защищать флаг от бесчестия – сделать его символом нации, которая будет правдивой, честной и уважаемой в глазах всех других наций. И мы должны навсегда забыть старую фразу: «Права она или нет, это наша страна!»
(«Марк Твен о Детском театре [в Ист-Сайде]», «*Brooklyn Daily Eagle*», 24 ноября 1907 г.)

Свое слово сказали и англичане. Гилберт Честертон в эссе «Защита патриотизма» (1901) писал:

«Это моя страна, права она или нет» – такого не скажет ни один патриот, разве что в отчаянной ситуации. Это все равно что сказать: «Это моя мать, пьяная она или трезвая».

Год спустя после начала Второй мировой войны, Джордж Оруэлл, убежденный социалист и интернационалист, опубли-

ликовал эссе «Правая она или левая – это моя страна» («My Country Right or Left», 1940).

Четыре года спустя Бертран Рассел писал:

Патриотизм в его одурманивающей форме опасен не только для своей собственной родины, но и для всего мира, и лозунг «Моя страна никогда не бывает неправой» еще более опасен, нежели «Это моя страна, права она или нет».

(«Могут ли Америка и Британия быть друзьями?», 1944)

Вернемся в XIX век. 4 мая 1865 года преподобный Маттью Симпсон прочитал проповедь на церемонии погребения Авраама Линкольна. Он рассказал, что во время Гражданской войны некий пастор в беседе с Линкольном выразил надежду, что «Господь на нашей стороне». Линкольн ответил, что об этом он не заботится: «...Я знаю, что Господь всегда на стороне правого. Но Бог свидетель, что моя постоянная забота и молитва – чтобы и я, и эта страна были на стороне Господа».

В книге Фрэнсиса Карпентера «Шесть месяцев в Белом доме с Авраамом Линкольном» (1867) этот ответ получил чуть иной вид:

– ...Моя постоянная забота и молитва – чтобы и наша страна была на стороне Господа.

Этот ответ повторил Барак Обама, когда еще был сенатором:

– Вы могли бы сказать, что в войне против террора Бог на стороне войск США?

– Видите ли, я всегда вспоминаю Авраама Линкольна, который во время Гражданской войны сказал: «Мы должны спрашивать не о том, на чьей стороне Господь, но о том, находимся ли мы на стороне Господа».

(Интервью с телеведущей CNN Соледад О'Брайен 8 июня 2007 г.)

Пришел, увидел, победил

Формула «*Veni, vidi, vici*» входит в словарный запас тех, кто учился латыни, и тех, кто ей не учился. И каждый знает, что сказал это Юлий Цезарь. Эрудиты добавляют, что слова «Пришел, увидел, победил» относятся к битве при городе Зеле (Малая Азия) 2 августа 47 года до н. э. В этом сражении Цезарь разбил войско Боспорского (Понтийского) царя Фарнака – на пятый день после своего выступления в поход и через четыре часа после встречи с неприятелем.

Но я бы за авторство Цезаря не поручился.

Самое раннее сообщение о «*Veni, vidi, vici*» встречается в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (который, напомним, родился век спустя после смерти Цезаря). Слова эти будто бы содержались в письме Цезаря в Рим к одному из его друзей – Гаю Матию. Плутарх передал знаменитую фразу по-гречески, добавив: «По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление убедительной краткости».

Согласно Светонию, который писал «Жизни двенадцати цезарей» еще позже, «*VENI VIDI VICI*» было начертано на доске, которую несли перед Цезарем во время его понтийского триумфа.

В еще более позднем сочинении Аппиана Александрийского «Гражданские войны» фраза «Пришел, увидел, побе-

дил» приводится как донесение Цезаря в сенат после сражения при Зеле.

Перед нами целых три версии того, при каких обстоятельствах появилась знаменитая фраза. Наиболее популярна из них версия Аппиана, но как раз она выглядит наименее правдоподобной.

Казалось бы, сей образец полководческого лаконизма должен был сразу попасть в анналы, однако ни современники Цезаря, ни авторы следующего за ним поколения о нем не упоминают. Мы не находим его в самом обширном и самом достоверном источнике о походе против Фарнака – в книге «Александрийская война», написанной неизвестным соратником Цезаря. Здесь говорится лишь, что воспоминание о битве при Зеле доставляло Цезарю «тем больше радости, что победа эта легко досталась ему вслед за очень тяжелым положением, в котором он находился».

Вполне вероятно, что классическое «*Veni, vidi, vici*» родилось уже после смерти великого полководца.

Эти слова переиначивались множество раз. В «Истории Италии» флорентийца Франческо Гвиччардини (1540) встречается формула «*Veni, vidi, fugi*» – «Пришел, увидел, убежал». Так Гвиччардини прокомментировал отступление из-под Милана в 1526 году герцога Франческо Мария делла Ровере, который командовал войсками Священной лиги в войне против Австрии. А в 1588 году, после гибели у берегов Британии испанской «Великой Армады», была отлита

памятная медаль с надписью «Venit, vidit, fugit» – «Пришла, увидела, бежала».

Германскому императору Карлу V приписывается изречение «Veni, vidi, Deus vicit» – «Я пришел, увидел, а Бог победил!». Так он будто бы сказал после победы католической коалиции над войсками князей-протестантов при Мюльберге 24 апреля 1547 года. Эта легенда приведена в книге голландца Виллема Бодарта «Христианские апофегмы» (1605).

12 сентября 1683 года союзные войска под командованием Яна Собеского, короля Речи Посполитой, разгромили турецкое войско, осаждавшее Вену, навсегда положив конец османской экспансии в Европе. Три дня спустя Собеский отправил письмо папе Иннокентию XI, в котором сообщалось: «Venimus, vidimus, Deus vicit» – «Мы пришли, увидели, а Бог победил».

В биографической книге Джузеппе Карпани «Гайдн» (1812) приведена шутивая автоэпитафия Йозефа Гайдна: «Veni, scripsi, vixi» – «Пришел, написал, прожил».

В 1848 году, через 5 лет после смерти своей дочери Леопольдины, умершей в возрасте 19 лет, Виктор Гюго написал стихотворение «Veni, vidi, vixi» – «Пришел, увидел, прожил». Начиналось оно строкой: «Я прожил уже довольно, с тех пор как несу свою боль».

В наше время формулу «Veni, vidi, vici» активно использует коммерция. На ленту с этим девизом опираются два царственных льва, изображенных на сигаретах «Филип Мор-

рис». Широкое внедрение пластиковых карточек в США породило слоган «Veni, vidi, Visa», что можно перевести как «Пришел, увидел и купил». С начала 1970-х магазины одежды пустили в ход слоган «Mini, Midi, Maxi». Рекламным слоганом операционной системы «Windows Vista» стало «Veni – Vidi – Vista».

В 1913 году ресторан «Вена», любимое место встречи петербургской богемы, отмечал свое десятилетие и по этому случаю издал литературный сборник. Здесь было помещено двустишие Петра Потемкина, поэта-сатирика из круга аверченковского «Сатирикона»:

В «Вене» две девицы —
Veni, vidi, vici.

Эта миниатюра – наиболее известный у нас пример панторифмы (когда строки рифмуются одна с другой целиком).

Полвека спустя потемкинские девицы отозвались в поэме Иосифа Бродского «Два часа в резервуаре» (1965), своего рода пародии на «Фауста» Гёте и «Доктора Фаустуса» Томаса Манна:

...Тогда он написал в Каир депешу,
в которой отказал он черту душу.
Приехал Меф, и он переоделся.
Он в зеркало взглянул и убедился,
что навсегда теперь переродился.

Он взял букет и в будуар девицы
отправился. Унд вени, види, вици.

Продажная девка империализма

В 1984 году ученый-эмигрант Давид Толмазин писал: «Формальная генетика, эта “продажная девка империализма” (см. “Философский словарь” 1950 года) превратилась в 60-е – 70-е годы в почетную леди советской науки». («Письмо ученому коллеге», «Грани», № 134.)

В 1987 году «продажная девка империализма» появилась в советской печати как пример политического языка конца 1940-х годов. Это выражение приводили современники разгрома генетики, учиненного народным академиком Лысенко. В нашумевшей документальной повести «Зубр» Даниил Гранин говорит об ученом-генетике Н. В. Тимофееве-Ресовском:

«В 1948 году с ним бы расправились быстро, но времена пришли другие, удавку не накинешь. “Буржуазная наука”, “мухолюбы-человеконенавистники”, “генетика – продажная девка империализма” и тому подобные приемы не проходили, шел все же 1957 год».

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о ярлыках типа «кибернетика – продажная девка империализма» («Я вспоминаю», 1991).

Филолог Евгений Ширяев привел выражение «продажная девка империализма» среди штампов советского политического языка, с пояснением: «о кибернетике» («Русский

язык», Ополе, 1997).

Между тем это выражение никогда не существовало в советском политическом языке. Оно появилось на исходе хрущевской оттепели, в начале 1964 года, – в спектакле Ленинградского театра миниатюр «Волшебники живут рядом».

Автором пьесы был сатирик Александр Хазин – тот самый, которого в 1946 году заклеил, вместе с Зощенко и Ахматовой, Жданов в докладе «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Стихотворная сатира Хазина «Возвращение Евгения Онегина» была объявлена «клеветой на современный Ленинград», печатать сатирика перестали, но Аркадий Райкин взял его в Ленинградский театр миниатюр заведующим литературной частью.

В интермедии «Юбилей» из спектакля «Волшебники живут рядом» Райкин представлял в облике номенклатурного начальника Пантюхова. Райкинский Пантюхов, одетый во френч, напоминавший о сталинском френче, был, согласно Марку Розовскому, «угрюм и страшен» («Комсомольская правда», 9 октября 1964 г.). Вспоминая свои различные назначения, он говорил:

– Потом на биологическом фронте я написал статью «Генетика – продажная девка империализма». Потом две недели в банно-прачечном комбинате, а оттуда меня прямо в искусство.

В печатном тексте пьесы, опубликованном в сборнике Хазина «Волшебники живут рядом» (1967), эта фраза выки-

нута. Выкинуто и другое пантюховское изречение: «Наши слабые токи с каждым годом становятся все сильнее и сильнее». Из научных откровений Пантюхова в печать пропустили лишь фразу «Партия учит нас, что газы при нагревании расширяются».

Спектакль лег в основу документального фильма «Аркадий Райкин» (1967), имевшего немалый успех.

В беседе с Е. Уваровой, автором монографии «Аркадий Райкин» (1987), Райкин говорил: «Хрущев со свойственной ему энергией вмешивался во все: в грамматику, школьное образование, кибернетику, генетику (до сих пор вспоминается “продажная девка империализма”) (...). Обо всем этом и многом другом я думал, когда играл Пантюхова».

Похоже, и сам Райкин на склоне лет считал этот оборот не выдуманным, только относил его не к позднесталинскому времени, а к хрущевскому.

Формула «продажная девка империализма» действительно воскрешала в памяти зрителей годы борьбы с генетикой. Можно сказать точнее: она пародировала высказывания профессора А. Н. Студитского (1908–1991), доктора биологических наук, лауреата Сталинской премии 1951 года, а по совместительству – научного фантаста. В его романе «Разум Вселенной» (1966) правоту Лысенко в споре о генетике доказывают инопланетяне, представители Высшего Разума.

В 1949 году Студитский прочитал в московском Центральном лектории лекцию «Менделевско-моргановская ге-

нетика на службе американской реакции». Ее краткое изложение появилось в мартовском номере журнала «Наука и жизнь». Та же лекция легла в основу печально известной статьи «Мухолобы – человеконенавистники», опубликованной в № 11 «Огонька» за 1949 год.

Студитский писал о «связи моргановской генетики с идеологией империализма». На помещенных здесь же карикатурах Бор. Ефимова «менделевцы» изображались как прислужники фашистов и куклуксклановцев.

В том же году советские люди могли прочитать, что «представление о генах является плодом метафизики и идеализма» («Словарь иностранных слов», 1949).

В IV издании «Краткого философского словаря» (1954) указывалось:

Кибернетика – реакционная лженаука, возникшая в США после Второй мировой войны (...). Кибернетика является (...) не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления ее агрессивных военных планов.

Этим объясняется позднейшая контаминация: «Кибернетика – продажная девка империализма», а также ссылка Толмазина на «Философский словарь».

В 1987 году художник-концептуалист Александр Косолапов выставил картину «Генетика – продажная девка империализма»: обнаженная девица в эротической позе глядит в микроскоп на фоне высоты МГУ.

Однако теперь «продажной девкой империализма» скорее назовут какую-нибудь общественную науку – социологию, статистику или историю.

Пусть боги хранят меня от друзей...

Литературной пословицей можно считать двестишье
Пушкина:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, Боже!

(«Евгений Онегин», гл. 4, XVIII)

Эту мысль, как и многое другое, Пушкин заимствовал из французской литературы. Она известна в различных вариантах. Один из них приведен в «Русской мысли и речи» М. Михельсона (1903–1904):

«Dieu me garde de mes amis, mes ennemis je m'en charge» – «Избави мя, Боже, от друзей, а с врагами я и сам справлюсь».

С конца XVIII века эта мысль приписывалась Вольтеру, а иногда – кардиналу Ришелье.

По-французски «друзья» и «враги» рифмуются, и изречение известно также в виде двестишия:

Dieu me garde de mes amis!
Je me garderai de mes ennemis.

Господи, убереги меня от моих друзей!

От своих врагов я уберегусь и сам.

Французское двустишие было переводом итальянского:

Dagli amici, mi guardi dio,
Che dai nemici mi guardo io.

Эта стихотворная пословица приведена в сборнике флорентийца Лодовико Гвиччардини «Забавные и серьезные изречения и деяния» («Detti e fatti piacevoli et gravi», 1565).

В Германии хорошо известно двустишие из исторической драмы Фридриха Шиллера «Смерть Валленштейна» (1800), III, 16:

Der Freunde Eifer ist's, der mich
Zu Grunde richtet, nicht der Hass der Feinde.

Меня погубит
Услужливость друзей, не злость врагов.

(Перевод Каролины Павловой)

(букв. «Что меня губит, так это усердие друзей, а не ненависть врагов»)

Впервые же эта мудрость появилась в конце XIII века на латыни, в сборнике «Изречения философов» («Dicta philosophorum»), который приписывается итальянскому врачу Джованни де Прочида. Здесь рассказывалось:

Некто просил Бога защитить его от друга; услышав это, его спросили: «Почему ты просишь защитить тебя от друга, а не от врага?» Он ответил: «Я могу уберечь себя от врага, но другу не доверяю».

В книге немецкого латиниста Иоганна Манлия «Собрание общих мест» (1562) это высказывание приписано царю Македонии Антигону III (263–221 до н. э.). К тому времени оно, с различными вариантами, уже было известно в новых европейских языках.

В книге немецкого писателя Бальтазара Шуппиуса «Друг в нужде» Александр Македонский, оказавшись в смертельной опасности, говорит своему полководцу Пармениону:

— ...Защити меня от моих мнимых друзей, а от своих врагов я защищусь и сам.

У древних авторов действительно есть похожие высказывания. Алкмеон Кротонский (V в. до н. э.) говорил: «Врага остережся легче, чем друга» («О природе», фрагм. 5; приведено в книге Климента Александрийского «Строматы», VI, 16).

Овидий советовал:

Нынче, увы, не врага своего опасайся, влюбленный, —
Чтобы верней уцелеть, мнимых друзей берегись.
Остерегайся родных, бойся брата, чуждайся знаконца —
Вот с какой стороны ждет тебя истинный страх!

(«Наука любви», I; перевод М. Гаспарова)

В поздней ветхозаветной Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова (6:13), говорилось:

«Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими».

В венгерском Национальном музее в Будапеште хранится старинная сабля с надписью на латыни:

Cave a falsis amicis, salvabo te ab inimicis.

(Берегись мнимых друзей, а я спасу тебя от врагов.)

Считается, что сабля принадлежала знаменитому полководцу Яну Собескому (1629–1696), королю Речи Посполитой. Однако это, скорее всего, легенда.

Польские сабли с такой надписью существовали не в единственном экземпляре. Одну из них описывает Юзеф Игнацы Крашевский в «Воспоминаниях о поездке на Волынь, в Полесье и Литву» (1840). Сабля хранилась в собрании семейства Ходкевичей и считалась принадлежавшей Яну Собескому.

Сабля же, хранящаяся в Будапеште, была подарена музею в конце XIX века, и кому она принадлежала в XVII веке, неизвестно.

Президент США Уоррен Гардинг, члены администрации которого увязли в коррупционных скандалах, за два месяца до смерти, в июне 1923 года, говорил канзасскому журналисту Уильяму Аллену Уайту:

– У меня нет проблем с моими врагами, я прекрасно могу позаботиться о своих врагах. Но мои проклятые друзья, мои

проклятые друзья... вот из-за кого я вскакиваю по ночам с кровати!

В заключение приведу несколько фраз:

С такими друзьями враги не нужны. (With friends like that, who needs enemies?) (Из книги американского юмориста Джоуи Адамса «Синди и я», 1957.)

Сохрани меня Бог от моих друзей: мои враги никогда не приходят, когда я занят. (Анонимное американское изречение.)

Друг – это человек, который вредит тебе совершенно бескорыстно. (Польский афорист Веслав Брудзиньский.)

Пусть едят пирожные!

В 2005 году на экраны вышел американо-французско-японский фильм «Мария Антуанетта». Его прокатным слоганом стала фраза «Let them eat cake!» – «Пусть едят пирожные!». В фильме королева произносит ее с улыбкой, сидя в ванной, в то время как толпы парижан, требуя хлеба, идут на Версаль в октябре революционного 1789 года.

В оригинальной, французской версии знаменитая фраза звучит чуть иначе: «Если у них нет хлеба, пусть едят бриоши» – то есть сдобные булочки.

Могла ли королева произнести эту фразу?

Весной 1775 года, во время народных волнений из-за нехватки продовольствия, Мария Антуанетта писала матери, австрийской императрице Марии Терезии: «...Видя людей, которые относятся к нам так хорошо несмотря на их собственное несчастье, мы более чем когда-либо обязаны усердно трудиться ради их счастья».

Но главное, что в революционные годы Марию Антуанетту обвиняли во всех смертных грехах, но только не в том, что она произнесла эту циничную (или до глупости наивную) фразу. Откуда же эта фраза взялась?

В печати она появилась в 1782 году, в опубликованной посмертно «Исповеди» Жана Жака Руссо. Согласно Руссо, «одна великая принцесса», когда ей доложили, что у крестьян

нет хлеба, ответила: “Пусть едят бриоши”». «Исповедь» была написана около 1765 года, а эпизод с упоминанием этой фразы датируется примерно 1740 годом.

Вскоре затем, в феврале 1783 года, закордонная газета «Секретная литературная корреспонденция» опубликовала мемуарный очерк «Портрет герцогини дю Мен». Речь шла о принцессе Анне Луизе Бенедикте, внучке великого французского полководца принца Конде; в замужестве она стала именоваться герцогиней дю Мен. «Портрет» принадлежал перу ее фрейлины Маргариты де Сталь-Делоней, умершей в 1750 году.

Де Сталь-Делоней писала: «Она, дожив до шестидесяти, не имеет ни малейшего понятия о реальной жизни». (Герцогиня дю Мен родилась в 1676 году, а значит, «Портрет...» был написан около 1736 года.) Вся ее жизнь прошла «в погоне за всевозможными радостями и развлечениями». «Говорят, что она никогда не выходит из дома и даже не высовывает голову из окна». И наконец: «Утверждают, что будто однажды, когда ей сказали, что у ее крестьян нет хлеба, она наивно воскликнула: “Так пусть едят бриоши!”»

Рассказы де Сталь-Делоней и Руссо, возникшие независимо друг от друга, почти в точности совпадают в том, что касается легендарной фразы. И относятся они примерно к одному времени – 1730–1740 годам. Вполне вероятно, что тогда-то и получила хождение легенда о «хлебе и пирожных». По отцу герцогиня дю Мен была принцессой королевской

крови; не это ли имел в виду Руссо, говоря об «одной великой принцессе»?

В 1823 году Людовик XVIII опубликовал свое «Описание путешествия в Брюссель и Кобленц (1791)». Здесь рассказывалось, что во время бегства будущего короля из революционного Парижа он со своими спутниками остановился на ферме Воренс. Они заказали мясной пирог и вино, но забыли о хлебе и по этому случаю вспомнили о Марии Терезии Австрийской (1638–1683), супруге Людовика XIV: она якобы «однажды ответила беднякам, которые жаловались ей, что у них нет хлеба: “Но, Бога ради, почему же они не едят корки от пирога?”»

Уже в XX веке были опубликованы мемуары графини Адelaide де Буань, которая родилась в 1781 году и до восьми лет жила в Версале как «подруга для игр» будущего Людовика XVIII. В этих мемуарах знаменитая фраза приписана принцессе Виктории (1733–1799), пятой дочери Людовика XV:

«Мадам Виктория отличалась очень малым умом и исключительным добросердечием. Именно она во времена нехватки зерна, когда при ней говорили о страданиях бедняков, у которых не было хлеба, со слезами на глазах произнесла: “Но, Бога ради, почему бы им не удовольствоваться корками от пирога!”»

Эта версия заведомо недостоверна, поскольку де Сталь-Делоней записала почти ту же легенду около 1736 года, когда

Виктория была трехлетней девочкой.

И лишь полвека спустя после казни Марии Антуанетты злополучную фразу связали с ее именем. В мартовском выпуске своего ежемесячника «Осы» за 1843 год известный журналист Альфонс Карр писал:

«Мы помним, какое негодование в те времена навлекла на себя несчастная королева под влиянием распускавшихся о ней слухов, будто она, услышав, что народ бедствует и у него нет хлеба, ответила: “Что ж, пусть едят бриоши”».

Карр был прав, отмечая недостоверность фразы, но ошибался, считая, будто такие слухи существовали в революционные годы.

В романе Дюма-отца «Анж Питу» (1853) знаменитая фраза вложена в уста герцогини де Полиньяк, одной из фавориток Марии Антуанетты.

И наконец, во французско-английском учебном разговорнике некой мадам де Пейрак, опубликованном в 1856 году под заглавием «Как говорят в Париже», мы читаем:

– Мне всегда хочется сказать то же, что сказала несчастная Мария Антуанетта, когда у народа не было хлеба: «Так дайте им бриоши».

Так, шаг за шагом, возникла самая известная легенда о казненной королеве Франции.

Как видим, слова «Пусть едят пирожные» не только не были произнесены Марией Антуанеттой, но даже не приписывались ей ее недругами. Зато отчасти похожая фраза припи-

сывалась в народе генеральному контролеру (министру финансов) Жозефу Фулону – самому ненавистному почти для всех кругов общества министру Людовика XVI.

22 июля 1789 года, вскоре после взятия Бастилии, 74-летний Фулон был повешен на фонаре, а его голову со ртом, набитым сеном, носили по Парижу на пике. Вскоре затем в печати появились якобы сказанные Фулоном слова, проливающие свет на мотивы и способ этой расправы: «Мне следовало бы накормить народ сеном», или: «Я мог бы заставить народ есть траву».

В XIX веке «фразу Фулона» подправили по образцу легендарной фразы Марии Антуанетты: «Если у них нет хлеба, пусть едят сено».

Легенда о принцессе, предлагающей голодному люду есть пирожные, вероятно, выросла из пословицы, существующей во многих европейских языках. Она включена, например, в итальяно-испанский словарь Лоренцо Франчозини, опубликованный в 1665 году: «A falta de pan, buenas son tortas»; в переводе с испанского: «Нет хлеба – сойдут и пирожные».

Ее русский аналог приведен в словаре Даля: «Хлеба не станет, будем пряники есть». В XX веке эту пословицу вытеснило рифмованное речение, известное каждому с детства: «Бывают в жизни огорченья – вместо хлеба ешь печенье».

Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

Светоний в биографии императора Гая Калигулы, правившего с 37 по 41 год н. э., пишет:

Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!». Когда по ошибке был казнен вместо нужного человека другой с тем же именем, он воскликнул «И этот того стоил». Он постоянно повторял известные слова трагедии:

Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

(Oderint, dum metuant)

(Перевод М. Гаспарова)

Этот стих взят из не дошедшей до нас трагедии «Атрей» римского драматурга Акция (170 – ок. 80 до н. э.).

Акций видоизменил высказывание своего старшего современника, «отца римской поэзии» Квинта Энния (239–169 до н. э.): «Кого бояться, ненавидят» – «Quem metuunt, oderunt». Вероятно, это фрагмент не дошедшей до нас трагедии «Фиест». Его процитировал Цицерон с собственным комментарием:

Для сохранения и удержания власти самое подходящее из всех средств – быть любимым, самое

несообразное – внушать к себе страх. (...)

Ведь против ненависти многих людей не устоять ничьему могуществу (...). ...Гибель нашего тирана [Юлия Цезаря] (...) показывает, насколько ненависть людей могущественна, чтобы погубить человека; это показывает и подобная ей судьба других тиранов...

(«Об обязанностях», II, 23; перевод В. Горенштейна)

Иного принципа держался предшественник Калигулы император Тиберий. Согласно Светонию, он говорил: «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались».

Стих Акция цитировал также Сенека, имея в виду уже Нерона, ставшего императором 13 лет спустя после убийства Калигулы:

«Пусть ненавидят...» – и что же дальше? Лишь бы повиновались? – Нет. Лишь бы уважали? – Нет. Так что же? – «Лишь бы боялись». На таком условии я не захотел бы и любви. Ты думаешь, что это сказано от величия духа? Ошибаешься; это не сверхчеловеческое величие, а великая бесчеловечность.

(«О гневе», I, 20; перевод Т. Бородай)

Сенека был современником Нерона; Светоний писал «Жизнь двенадцати цезарей» в первые десятилетия II века. Но строку Акция цитировал как политический лозунг уже Цицерон.

2 сентября 44 года до н. э. он говорил в римском сенате, обращаясь к Марку Антонию:

Но вот чего я опасаюсь сильнее: как бы ты не ошибся в выборе истинного пути к славе, не счел, что быть могущественнее всех, внушать согражданам страх, а не любовь, – это слава. Если ты так думаешь, путь славы тебе совершенно неведом. Пользоваться любовью у граждан, иметь заслуги перед государством, быть восхваляемым, уважаемым, почитаемым – все это и есть слава; но внушать к себе страх и ненависть тяжело, отвратительно; это признак слабости и неуверенности в себе. Как мы видим также и в трагедии, это принесло гибель тому, кто сказал: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

(«Первая филиппика против Марка Антония»; перевод В. Горенштейна)

В книге Д. Балдаева и А. Судакова «Татуировки заключенных» (2001) приведена «блатная» татуировка с надписью на латыни:

Oderint, dum metuant!

(Вообще-то в латыни восклицательный знак не используется.)

Существует и русский вариант этой татуировки:

Пусть ненавидят мусора и мужики – лишь бы боялись.

Новую версию старого лозунга предложил воронежский афорист Аркадий Давидович в книге «Конец света закончится хорошо» (2000):

Пусть ненавидят, лишь бы любили!

Пятая колонна

29 сентября 2004 года «Комсомолка» напечатала интервью с Владиславом Сурковым, зам. главы Администрации Президента. Россия рисовалась здесь в виде осажденной крепости, мало того: «В осажденной стране возникла пятая колонна левых и правых радикалов».

Упоминание о «пятой колонне» вызвало живую дискуссию, поскольку, как заметил один из комментаторов, оно означало деление граждан на «своих» и «врагов». Особо бдительные умы обратились к русскому прошлому; результатом стала серия книг о «пятой колонне» на Руси от древности до наших дней.

О «врагах внешних и внутренних» говорил уже Демосфен. Но «пятой колонной» «внутренних врагов» стали называть лишь в XX веке. Во всех справочниках это выражение до недавнего времени приписывалось испанскому генералу Эмилио Мола, который осенью 1936 года возглавлял наступление франкистов на Мадрид.

«Я брошу на Мадрид четыре колонны, но только пятая начнет наступление» – эти слова генерала привела Долорес Ибаррури 3 октября 1936 года в органе испанской компартии «Мундо обреро». «“Пятая колонна” находится внутри Мадрида, и в первую очередь надо разгромить ее», – разъясняла Ибаррури для непонятливых.

Существование затаившейся в городе «пятой колонны» оправдывало массовые политические репрессии. 7 ноября начались регулярные расстрелы заключенных без суда и следствия. К началу декабря было расстреляно не менее 5 тысяч «подозрительных лиц» — по большей части священники, предприниматели и представители интеллигенции.

О «пятой колонне» Мола говорил то ли по радио, то ли на встрече с иностранными журналистами в своей штаб-квартире, но когда именно — неизвестно. Уже две недели спустя после статьи Ибаррури одна из мадридских газет называла автором этих слов генерала Кейпо де Льяно, а корреспондент лондонской «Таймс» — генерала Франко.

В «Испанском дневнике» Михаила Кольцова от 1 ноября 1936 года эти слова произносит другой генерал-франкист — Хосе Энрике Варела. Варела будто бы «объявил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами (...); пятая колонна — это фашистское подполье самой столицы. Он приглашает иностранных корреспондентов принять участие в торжественном въезде в покоренный Мадрид».

Однако никаких подтверждений того, что Мола или кто-либо другой из франкистов когда-либо говорил о «пятой колонне», не обнаружено до сих пор. Английский журналист лорд Сент Освальд впоследствии утверждал, что выражение «пятая колонна» появилось в его телеграмме, посланной в «Дейли телеграф» из Мадрида в сентябре 1936 года.

Все указывает на то, что идея «пятой колонны» возникла

не среди франкистов, а по другую сторону баррикад – в республиканском Мадриде.

У «пятой колонны» были предшественники в XIX и даже в XVIII веке. В начале франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда пруссаки готовились к разгрому Наполеона III, Проспер Мериме писал теще французского императора, графине Марии Монтижо: «Увы, даже если бы вторжение было отражено, опасность еще не была бы предотвращена. Существует четвертая армия г. Бисмарка, и находится она в Париже». Любопытно, что это письмо о «четвертой армии» Бисмарка было опубликовано как раз в 1936 году.

Задолго до Мериме, когда якобинская Франция сражалась с войсками антиреволюционной коалиции, Робеспьер предупреждал, что у иностранных дворов есть «два рода армий: одна из них находится на наших границах (...); другая, более опасная, находится среди нас: это армия подкупленных шпионов, мошенников, которые проникают всюду, даже в народные общества» (речь в Якобинском клубе 21 ноября 1793 г.). Какими способами боролись с этой «второй армией» якобинцы, известно каждому.

Как видим, «пятую колонну» находили во все времена, хотя называли ее по-разному. Лучшее объяснение этому феномену дано в классическом труде голландца Луи де Йонга «Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне» (1956): «Под влиянием сильного, но безотчетного чувства страха, под влиянием раздражения, в обстановке беспомощности и

неуверенности нарастает внутреннее напряжение. Возможность разрядить такое напряжение появляется в том случае, если люди могут найти в своей собственной среде тех, кого можно было бы заклеить словом “враги”. Тогда страх обычно теряет свой таинственный и неоформленный характер; вместо беспомощности и неуверенности возникает непосредственная задача: бить врага в своих собственных рядах». И, что немаловажно, «отпадает необходимость искать настоящие глубокие причины неудач и поражений» (перевод А. Дьяконова).

Так возникают из небытия зловерные «ведьмы-колдуньи», «врачи-отравители», «банды шпионов и диверсантов» и т. д., вплоть до «пятой колонны левых и правых радикалов». «Людам уже трудно стало представить себе мир, в котором не существовало бы пятой колонны», – эти слова де Йонга сказаны как будто вчера.

Пятнадцать минут славы

13 октября 1967 года художественный обозреватель еженедельника «Таймс» писал:

Новые школы живописи проносятся по художественной сцене чуть ли не со скоростью железнодорожных экспрессов, что заставило поп-художника Энди Уорхола предсказать наступление дня, «когда каждый сможет прославиться на 15 минут».

В ноябре того же года журнал «Художественная сцена» («Art Scene») отозвался на это высказывание:

Если настанет время, (...) когда каждый художник сможет прославиться на 15 минут, то должна появиться и сеть заведений, где готовят быстрорастворимую славу.

В феврале следующего года вышел в свет каталог фото-выставки Уорхола в стокгольмском Музее современного искусства. Здесь уже сам Уорхол писал:

В будущем каждый сможет прославиться на 15 минут.

Фраза быстро разошлась по всему свету; появилось множество ее вариаций. В 1977 году вышел один из лучших сборников цитат и афоризмов «Цитаты Питера». Сборник составил Лоренс Питер, автор «Принципа Питера». Здесь говорилось:

Возможно, наступит день, когда человек, предсказавший конец света, прославится на 15 секунд.

27 июля 1978 года Уорхол записал в своем дневнике:

...Было так смешно слышать, как Хью Доунс говорит: «Как однажды заметил Энди Уорхол, в будущем каждый сможет прославиться *на* пятнадцать минут» [курсив мой. – К.Д.]. На ТВ вечно что-нибудь перевирают, к примеру: «В будущем будут знамениты пятнадцать персон».

Упомянутый здесь Хью Доунс – известный телепродюсер и телеведущий. В ноябре 1979 года вышел альбом фоторабот Уорхола, в котором он присвоил себе версию Доунса. Один из разделов альбома посвящен нью-йоркскому ночному клубу «Студия 54», где собирались знаменитости шоу-бизнеса. Клуб был известен крайне свободными нравами и непредсказуемым отбором гостей: их впускали или не впускали по прихоти хозяев заведения. В тексте к фотоработам об этом клубе говорилось:

В «Студии 54» звезды – никто, потому что здесь каждый звезда. Это и есть то место, где сбывается мое предсказание шестидесятых: «В будущем каждый сможет прославиться на 15 минут». Но эта фраза мне уже надоела. Я больше не буду ее повторять. Мой новый девиз: «Каждый сможет прославиться за 15 минут».

«Прославившийся за 15 минут» – заглавие книги художницы Изабель Дюфрен (псевд.: Ультра Вайолет) о ее сотруд-

ничестве с Уорхолом («Famous for 15 Minutes», 1988).

Среди упомянувших фразу Уорхола отметился и Барак Обама. В начале своей первой президентской кампании, 11 ноября 2006 года, он сказал репортерам:

– То, что мои 15 минут славы продлились чуть дольше, чем 15 минут, несколько удивило меня и совершенно озадачило мою жену.

Фраза Уорхола нередко цитируется в форме: «В будущем каждый получит свои 15 минут славы» («...will have their 15 minutes of fame»); а в России: «Каждый имеет право на пятнадцать минут славы».

С появлением Интернета возник запрос не только на славу, но также на анонимность. В мае 1996 года журнал «PJ: Privacy Journal» привел высказывание Грэма Гринлифа, австралийского ученого-юриста:

– В киберпространстве каждый сможет стать анонимным за 15 минут.

А в 2010 году знаменитый на весь мир британский художник, работающий в жанре граффити под псевдонимом Бэнкси, дал интервью лос-анджелесскому журналисту (интервью анонимное, поскольку Бэнкси никому не показывается).

– Я думаю, – сказал он, – что Энди Уорхол ошибался: в будущем знаменитостей окажется столько, что в конце концов каждый захочет стать анонимным за 15 минут.

Свою версию предложил американский художественный критик Джерри Зальц в журн. «The Village Voice» от 15 мар-

та 2005 г.:

В будущем каждый станет знаменит среди
пятнадцати человек.

И это, вероятно, самый точный прогноз.

Развесистая клюква и стакан самовара

В 1910 году в петербургском театре пародии «Кривое зеркало» была поставлена пьеса Бориса Гейера под увлекательным названием «Любовь русского казака. Сенсационная французская драма с убийством и экспроприацией из жизни настоящих русских фермеров в одном действии с вступлением». Где-то «около Санкт-Московии на берегу Волги» девица Аксенка, которую насильно выдают замуж за казака, со слезами на глазах вспоминает, как сидела со своим любимым Иваном «под развесистыми сучьями столетней клюквы».

Но «развесистую клюкву» придумал не Гейер. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Ушакова (1934) сообщалось, что это выражение пошло от описания России, в котором «поверхностный автор-француз пишет, что сидел под тенью величественной клюквы».

Этим французом обычно считали Александра Дюма-отца, побывавшего в России в 1858–1859 годах. Однако в справочнике Ашукиных «Крылатые слова» (1955) версия об авторстве Дюма решительно отвергалась. Согласно Ашукиным, выражение возникло в России, вероятно – в 1900-е годы. Первое вполне справедливо, второе – не вполне.

Сначала было выражение «à l'ombre d'une klukva» («под

сенью клюквы») – смесь французского с нижегородским. Мы встречаем его у Михаила Каткова, самого влиятельного публициста эпохи Александра II и Александра III. В передовице редактируемых им «Московских ведомостей» от 16 ноября 1871 года цитировалась статья о Москве, опубликованная в популярном парижском еженедельнике «L'Illustration» («Иллюстрация»). Здесь «самым древним из религиозных памятников, построенных в ограде Кремля» был назван незавершенный к тому времени долгострой – храм Христа Спасителя, никакого отношения к Кремлю не имеющий. Ярый русский патриот Катков не упустил случая подколоть французов:

Пахнуло на нас теми блаженными временами, когда французский турист рассказывал, как он в России сидел *à l'ombre d'une klukva...*

Место безымянного туриста вскоре занял Дюма-отец. У Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах и помпадуршах» (гл. «Мнения знатных иностранцев о помпадурах», 1873) упоминается приехавший из Франции «le prince de la Klioukwa» («князь де ля Клюкв́а»), со ссылкой на сочинение некоего «Онисима Шенапана»; это – пародия на путевые заметки Александра Дюма «Из Парижа в Астрахань» (1858).

В 1879 году из Петербурга в Нью-Йорк был прислан Александр Павлович Лопухин, будущий профессор Петербургской духовной академии и издатель «Православной богословской энциклопедии». В англоязычном «Журнале Право-

славной Церкви» он поместил отклик на только что вышедшую книгу британского журналиста Гренвиля Марри «Россия сегодня». Эту книгу Лопухин жестоко раскритиковал, сравнив ее с «Впечатлениями о путешествии в Россию» Дюма-отца (1860), где будто бы утверждалось, что «русские крестьяне в жаркие летние дни любят прохладиться в тени вековых деревьев клюквы» (in the shade of a secular klukva tree) («The Oriental church magazine», 1878, № 1, ноябрь; номер вышел из печати в 1879 г.).

В майском номере «Русской мысли» за 1893 год был помещен отзыв на изданную по-итальянски книгу хорвата Иосифа Модрича «Россия. Записки и воспоминания о путешествии» (1892). Рецензент писал:

Но, однако, и ему почему-то не дается клюква, и в описании русских обедов он заверяет, что наряду с хлебным квасом за каждым столом подается клюкленный квас, изготавливаемый из клюквы (klukla) (...) ...Впрочем, все это происходило, вероятно, под тенью величественной клюквы – a l'ombre d'un klukwa majestueux.

В парижском журнале «Путеводитель для любопытных» упоминались такие курьезы, якобы встречавшиеся во французских книгах, как «величественное дерево, именуемое клюквой» (l'arbre majestueux nommé klukwa) и «вкусный кусок самовара» (une tranche savoureuse de samovar) («L'intermédiaire des chercheurs et curieux», 1894, v. 30).

В XX веке на смену французскому «à l'ombre d'une klukva majestueux» пришло русское «под тенью (или: сенью) развесистой клюквы»:

...Опять de moujiks russe [русские мужики] сидят под тенью развесистой клюквы и запивают ломти избы стаканами горячего самовара.

(Журн. «Весы», 1907, № 8)

Раньше Россия за границей славилась как страна, где под тенью развесистой клюквы крестьяне пьют напиток, называемый самоваром...

(«Новое время», 6 сентября 1908)

Получилась та развесистая клюква, под прохладной сенью которой французские романисты доброго старого времени любили созерцать русского человека отдыхающим за самоваром в полуденную жару.

(Журн. «Современный мир», 1908, № 10)

Но не только развесистую клюкву приписали Дюма-отцу. В книге барона Б. А. Фитингоф-Шеля «Мировые знаменитости. Из воспоминаний» (1899) читаем:

В описании своих мнимых путешествий, совершенных им не выходя из своего кабинета, он [Дюма] позволял себе шутки вроде того, что он отдыхал под тенью клюквы, или что Иоанн Грозный был такой тиран, что он получил прозвание Васильевича за свою жестокость.

Этой легенде была суждена долгая жизнь. Федор Шаля-

пин в письме к своей дочери Ирине от 11 июля 1929 года упоминал о французе, который, «всем телом и душой преданный русскому языку, с восторгом картавит:

– Izba qui domine la mer, dans laquelle une jeune cosaque, des stéppes du Dnepr habite après Dostoevsky et Tschaikovsky en lisant l'histoire du tzar Ivan le Terrible surnommé Vasilevitch pour ça cruauté, etc... (В избе, стоящей над морем, живет, по Достоевскому и Чайковскому, молодая казачка днепровских степей, читая историю Ивана Грозного, прозванного Васильевичем за свою жестокость, и т. д.).

В № 1 почтенного журнала «Наука и жизнь» за 1971 год утверждалось:

Если французы хотят привести пример удивительной энциклопедической справки, они обычно ссылаются на одно из старых изданий своего знаменитого «Малого Ляруса», в котором было написано: «Иван IV Грозный, прозванный за свою жестокость Васильевичем».

В истинности этого фантастического утверждения еще и сегодня убеждены наши читающие соотечественники.

Рано в кровать, рано вставать...

В 1946 году Самуил Маршак опубликовал перевод английского четверостишия, которое с тех пор знает у нас чуть ли не каждый ребенок:

Рано в кровать,
Рано вставать —
Горя и хвори
Не будете знать.

Эта стихотворная пословица впервые появилась в сборнике Джона Кларка «Англо-латинская паремиология» (1639). Ее первую половину Маршак перевел практически слово в слово, но дальше сильно разошелся с оригиналом. По-английски:

Earely to bed and earely to rise, makes a man healthy,
wealthy, and wise.

Что вернее было бы перевести так:

Кто рано ложится и рано встает, здоровья, денег и
ума наберет.

Но, понятно, Маршак не мог внушать советским детям, что личное обогащение — это благо.

В США это изречение связывается с именем Бенджамина Франклина, который в 1735 году включил его в свой «Аль-

манах бедного Ричарда». Для Франклина главным было как раз слово «wealthy» – «богатый», ведь «Альманах...» адресовался прежде всего мелким предпринимателям.

Ранняя прозаическая версия этого изречения содержалась в одной из первопечатных английских книг «The Book of St. Albans» (1486): «Кто будет рано вставать, будет умен, здоров и благополучен». Здесь оно приведено как «старая английская пословица».

Эту пословицу можно найти также в «Трактате о ловле рыбы на крючок» (1496), написанном дамой-монахиней Джулианой Бёрнерс. Известно, что рыболов должен вставать рано.

Сходные изречения существуют и в других языках. Нередко они приписывались Аристотелю. Хотя Аристотель этого не говорил, тут есть зерно истины.

Источником такого рода сентенций был трактат аристотелевской школы «Домохозяйство» («Домострой»), 1345a. Здесь хозяину предлагалось «вставать раньше, чем слуги, и ложиться позже», ибо «вставать до зари – здоровая привычка, к тому же больше времени остается для домоводства и умственных занятий».

Марк Твен, который рано вставать не любил, так высказывался по поводу этой пословицы:

«Кто рано встает, силы, деньги и ума наберет», – а набравшись ума, встает когда хочется.

(«Записные книжки», согласно книге «Mark Twain Laughing»,

1986)

Среди перелицовок старой мудрости наиболее известны две. Первая взята из раздела «Пословицы народа», включенного в книгу Карла Сэндберга «С добрым утром, Америка» (1928):

Рано в кровать, рано вставать — и ты никогда не познакомишься с влиятельными людьми.

Вторая появилась в журнале «Нью-Йоркер» в феврале 1939 года; ее автором был Джеймс Тёрбер, автор сатирических комиксов и писатель-юморист:

Early to rise and early to bed
Makes a male healthy and wealthy and dead.

Кто рано ложится и рано встает,
Здоровым, богатым, нестарым помрет.

Революция пожирает своих детей

В эпопее Солженицына «Красное колесо» читаем: «Дантон хоть успел понять: “Революция подобна Сатурну: она пожирает своих детей”».

Версия об авторстве Дантона своей популярностью обязана драме немецкого революционера Георга Бюхнера «Смерть Дантона». Драма была написана им в 1835 году, опубликована 15 лет спустя, после смерти автора, а поставлена лишь в 1902 году. Зато в XX веке она ставилась по всему миру.

В 1918 году «Смерть Дантона» была поставлена и у нас – в переделке Алексея Толстого. Премьера состоялась в московском театре Корша 9 октября, вскоре после официального провозглашения «красного террора», но уже 20 октября пьесу сняли с репертуара как контрреволюционную. В 1923 году Толстой, теперь уже «красный граф», переделал свою переделку, но это не помогло ей утвердиться на советской сцене. Фразу о революции и у Бюхнера, и у Толстого произносит Дантон.

Но обычно ее приписывают Пьеру Верньо, одному из вождей жирондистов. Именно он в июле 1792 года выдвинул лозунг «Отечество в опасности!». Весной 1793 года Верньо выступил против учреждения якобинцами Революционного трибунала, а 31 октября по приговору этого трибунала был

обезглавлен.

Однако «казнимый Верньо» о революции и ее детях не говорил: многочисленные свидетели казни жирондистов ничего подобного не сообщают. Популярная версия об авторстве Верньо изложена в «Истории жирондистов» (1847) Альфонса де Ламартина. Согласно Ламартину, после учреждения Революционного трибунала Верньо выступил перед жирондистами и заявил:

– Теперь, граждане, позволительно опасаться, что революция, подобно Сатурну, начнет пожирать своих детей одного за другим.

Документального подтверждения этой версии не существует. Фраза о Сатурне и революции появилась в 1800-е годы как анонимная, и лишь с 1820-х годов стала цитироваться со ссылкой на Верньо. История не любит анонимных цитат.

Сатурн – божество древнеримского пантеона, отождествленное с греческим Кроносом, младшим сыном бога Урана (неба) и богини Геи (земли). Кронос стал верховным богом, оскотив своего отца. Своих собственных новорожденных детей он проглатывал, так как ему было предсказано, что один из них лишит его власти. Но от судьбы не дано уйти даже богам: Зевс, укрытый матерью от отца, лишил его власти и воцарился над миром. Перед тем он заставил Кроноса изрыгнуть проглоченных им детей, и те стали олимпийскими богами. Так что не верьте жутковатой картине Гойи «Сатурн, пожирающий своих детей», где Сатурн своего отпрыс-

ка не проглатывает, а грызет по частям.

Первоначально Кронос был богом земледелия. Гораздо позже, уже в эллинистическую эпоху, имя Кронос стали истолковывать как Хронос (время), и Кронос-Сатурн стал богом Времени. Возник образ «всепожирающего времени»: время все создает и оно же все пожирает.

«Фраза Верньо» неединожды видоизменялась и оспаривалась. Клим Самгин в романе Горького замечает: «Революция нужна для того, чтоб уничтожить революционеров».

В романе Василия Аксенова «Остров Крым» читаем: «Революция (...) пожирает детей чужих. Троцкий, Бухарин, Блюхер, Тухачевский – это чужие дети, отчаянные гребцы, на мгновение возникающие в потоке. Дети революции – это молотовы, калинины, ворошиловы, ждановы».

Того же мнения был американский критик Джон Леонард: «Революции не пожирают своих детей. Они пожирают своих отцов».

Действительно, если речь идет о Верньо, Дантоне, Бухарине, Троцком (или, уже в наше время, Юлии Тимошенко), то всех их следует скорее назвать отцами (или, как Юлию, матерями), чем детьми революции.

27 декабря 2011 года Владислав Сурков, уходя с должности первого заместителя главы Администрации Президента, заявил:

– Стабилизация пожирает своих детей.

Едва ли и он всерьез считал себя «сыном стабилизации» –

скорее наоборот.

Республика не нуждается в ученых

В 1768 году Антуан Лавуазье стал членом Королевской академии наук и одновременно – одним из генеральных откупщиков. Доходы от откупа позволяли не жалеть средств на научные опыты, позволившие Лавуазье стать основателем современной химии.

В марте 1791 года революционное Учредительное собрание упразднило систему откупов, а в ноябре 1793 года якобинцы арестовали 27 бывших генеральных откупщиков, включая Лавуазье. Им предъявили обвинения в различного рода злоупотреблениях, хотя они не нарушали никаких законов, действовавших в эпоху монархии. В сущности, расправа над ними была костью, которую якобинцы бросили голодающему народу.

Последним месяцам жизни великого химика посвящено документальное исследование Игоря Дмитриева «Мной уже пожертвовали. (Гибель Лавуазье)» (2009), откуда взяты многие из проводимых далее фактов.

18 декабря Комиссия мер и весов направила в Комитет общественной безопасности ходатайство об освобождении Лавуазье, чтобы он мог продолжить работы по определению новых мер и весов. Три дня спустя о том же просил Комитет ассигнатов и монет. Обе просьбы были отклонены.

5 мая 1794 года Революционный трибунал рассмотрел де-

ло откупщиков. Уголовное обвинение было возведено в ранг политического; это очень напоминало дела о «вредительстве» сталинской эпохи. Приговор зачитал Жан Батист Коффиналь, заместитель председателя Трибунала. Подсудимые были признаны виновными в «заговоре против французского народа» и «сговоре с врагами Франции» и приговорены к смертной казни, назначенной на 8 мая.

По легенде, ученый попросил о двухнедельной отсрочке, чтобы произвести полезные для республики опыты, на что получил ответ: «Республика не нуждается в ученых».

Эта фраза приписывалась председателю Революционного трибунала Рене Франсуа Дюма, главному обвинителю Трибунала Антуану Фукье-Тенвилю (который, однако, не участвовал в деле откупщиков), но чаще всего Коффиналю.

Источник этой легенды – «Отчеты о вандализме», представленные Конвенту аббатом Анри Грегуаром после свержения якобинцев. Во втором отчете (от 31 августа 1794 г.) сообщалось:

Дюма сказал, что нужно гильотинировать всех умных людей. В окружении Робеспьера говорят, что хватит лишь одного.

В третьем отчете (от 14 декабря 1794 г.) Грегуар излагает другую версию:

Лавуазье высказал пожелание, чтобы его отправили на эшафот на 15 дней позже, поскольку он хотел завершить опыты, полезные для Республики. На это

Дюма ему ответил: «Мы более не нуждаемся в химиках».

(Перевод И. Дмитриева)

Однако Дюма на процессе отсутствовал и сказать этих слов не мог.

22 октября 1795 года на «искупительной церемонии» в парижском Лицее искусств и наук химик Э. Буйон-Лагранж зачитал отчет о заслугах Лавуазье. Здесь говорилось:

Вот человек, который, по их словам, желал несчастья своей стране и который после вынесения смертного приговора требовал отсрочки, чтобы закончить опыты, полезные для науки и для процветания страны; вот человек, (...) которому жестокий Дюма ответил: «Франция более не нуждается в химиках».

Здесь в точности повторена заведомо недостоверная версия из третьего отчета Грегуара.

2 августа 1796 года в Лицее искусств и наук состоялась еще одна церемония в честь Лавуазье. Химик и политический деятель Антуан Франсуа де Фуркруа выступил с речью, в которой риторически вопрошал:

– Разве судья-палач не заявил, что *республика не нуждается более в ученых* и что одного умного человека, стоящего во главе всех дел, вполне достаточно?

(Перевод И. Дмитриева; курсив мой. – К.Д.)

Легко заметить, что первая часть высказывания «судьи-палача» – это несколько измененные слова Дюма из третьего

отчета Грегуара, а вторая часть – другой вариант слов Дюма из второго отчета Грегуара.

Фуркруа не упоминал о просьбе Лавуазье отсрочить исполнение приговора, однако о ней говорилось в кантате Шарля Дезодре «Смерть Лавуазье», исполненной на той же церемонии (цитирую прозаический перевод И. Дмитриева):

Осужденный на смерть, он, однако, надеялся, что сможет закончить важную работу; чтобы принести еще пользу, ему требовалось немного времени, он хотел, чтобы [казнь] отсрочили на несколько дней (...)! Но вандал прорычал в ответ на эти слова (...): «Твоя наука сойдет в могилу, сегодня мы знаем, как обойтись без твоего искусства; нам нужно только железо, этого для Франции достаточно».

Тут не только повторена версия об отсрочке из третьего «Отчета о вандализме», но еще и употреблено слово «вандал».

Первая биография Лавуазье была написана его коллегой по Академии наук, астрономом Ж. Ж. Лаландом («Заметка о жизни и трудах Лавуазье», 1795). Здесь не упоминается ни фраза «судьи-палача», ни просьба Лавуазье об отсрочке. Не упоминает об этом эпизоде и Адриен Делаант в обширной биографии своего отца Этьена Мари Делаанта, участника процесса откупщиков.

В середине XIX века фразу Коффиналя усовершенствовали:

– Республика не нуждается в ученых [La République n'avait besoin de savants], не мешайте правосудию совершать свой ход.

Согласно еще более поздней версии, таким был ответ Коффиналя не на просьбу самого Лавуазье, а на ходатайство его друзей-ученых.

После казни Лавуазье математик Ж. Л. Лагранж заметил: «Хватило секунды, чтобы срубить эту голову, но едва ли хватит ста лет, чтобы произвести вторую такую же».

Эти слова можно считать достоверными – их привел астроном Жан Батист Деламбр в своей «Похвале Лагранжу» (1812).

Роскошь человеческого общения

К концу 1960-х годов фраза: «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения» – успела войти в поговорку. Но откуда она взялась, оставалось загадкой для подавляющего большинства цитирующих.

19 марта 1987 года Нора Галь, переводчица «Маленького принца» и «Планеты людей», писала Николаю Яценко, штурману гражданской авиации и создателю Клуба друзей Сент-Экзюпери в Ульяновске (сокращения слов – авторские):

И меня и Ваксмахера [редактор издательства «Художественная литература». – К.Д.] много раз спрашивали, откуда слова о роскоши человеческого общения? Их цитируют на каждом шагу, мне из бюро вырезок за год прислали несколько десятков газетных и журнальных цитат, к месту и не к месту, со всех концов страны. Я смотрела схожие места в «Планете», в «Земле людей» (пер. Велле) – и ни разу не догадалась, в чем секрет. У Велле чуть иначе, у меня совсем по-другому. (...)

Возможно, где-нб в другом месте (мб, в книге Мижо) Велле привел эти слова именно с роскошью, а в издании «Земли» у него ценность. Это очень буквально, мой пер<евод> многие, дб, сочтут слишком вольным – французское слово здесь не общение, а отношения,

я же поставила вместо relations другое, десятки раз повторяющееся у С/Э слово узы – liens. (...)

Но оборот с «роскошью» уже вошел так прочно, что я сама сперва искала его где угодно – только не у себя в «Планете».

И еще одно: С/Э многие свои мысли повторял в разных местах – книгах, очерках, письмах, – чуть меняя слова. Возможно, где-то и эта «роскошь» есть в немного другом виде.

(«Нора Галь: Воспоминания. Статьи. Стихи. Письма...», 1997)

«Роскошь» «в немного другом виде» у Экзюпери действительно можно найти. В июле 1928 года он пишет матери из Марокко (где как раз и начинается действие «Земли людей»):

Я не могу дожидаться снова начать жить цивилизованной, человеческой жизнью; вам совершенно не понять мою жизнь, а ваша кажется мне настолько далекой... Это кажется мне такой роскошью – быть счастливым... (luxе d'être heureux).

Эссеистический роман Сент-Экзюпери «Terre des hommes» (1939) впервые вышел по-русски в 1957 году под заглавием «Земля людей» в переводе Горация Велле. Интересующее нас место находится в главе «Товарищи»:

Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том, что оно объединяет людей. Есть только одна

подлинная ценность — это связь человека с человеком.

В 1964 году книга вышла в переводе Норы Галь под заглавием «Планета людей» в составе однотомника Сент-Экзюпери. Здесь мы читаем:

Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком.

В этом переводе мне слышится отзвук гоголевского: «Нет уз святее товарищества!» («Тарас Бульба», IX).

Во французском оригинале: «...il n'y a qu'un luxe véritable et c'est celui des relations humaines» — *букв.* «есть лишь одна настоящая роскошь, и это роскошь отношений между людьми».

Годом раньше, в 1963 году, в серии ЖЗЛ вышла книга Марселя Мижо «Сент-Экзюпери» в переводе Велле. Книга открывалась эпиграфом:

Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения.

Эта фраза повторена и в тексте книги.

Первый перевод Велле и перевод Норы Галь, пожалуй, точнее передают мысль автора: «связи» («узы») и «общение» — не то же самое. Однако во втором переводе Велле сохранен необычный в данном контексте оборот «настоящая роскошь». Именно в этом виде фраза и стала у нас крылатой.

Между тем во Франции она не слишком известна, не включается в словари цитат и цитируется обычно лишь в связи с жизнью и творчеством автора «Земли людей».

Русские идут!

В апреле 2004 года Агентство по физкультуре и спорту утвердило гимн нашей футбольной сборной на чемпионате Европы. Гимном стала песня группы «Русские» «Русские идут!», которая заканчивалась строками:

Нам преграды нипочем,
Открываем дверь плечом.
Ну, а те, кто против, пусть бегут —
Русские идут.
Русские идут.
Русские идут.
Русские идут.
Русские идут.
Русские идут.
Русские идут.

«Газета. Ру» поясняла:

«В каждом учебнике по политической истории можно найти сведения о министре обороны США Джеймсе Форрестале, который в 1949 году выбросился из окна своего кабинета с воплем „Русские идут!“. Вероятно, ему, освятившему лозунг собственной кровью, и должен принадлежать копирайт».

Вопросом о копирайте мы и займемся.

В 1947 году три военных ведомства США были объединены в одно, и Форрестол стал первым «настоящим» военным министром. Он пробыл им полтора года. 28 марта 1949 года глава Пентагона был снят с должности, а пять дней спустя помещен в вашингтонский военно-морской госпиталь с официальным диагнозом: «нервное и психическое истощение», и неофициальным: «депрессия».

Форрестол уже заводил речь о самоубийстве, однако поместили его почему-то на 16-м этаже. 22 мая его тело нашли на крыше третьего этажа.

Покойный оставил листок с оборванным на полуслове стихотворным отрывком из 17 строк, в котором речь шла о смерти героя:

...Нет, лучше умереть – и спать
Без пробуждения, чем оставаться здесь
И жить, когда вся жизнь ушла.

Американские авторы именуют эти строки отрывком из трагедии Софокла «Аякс».

Они ошибаются. На листке Форрестола был помещен фрагмент стихотворения «Песнь матросов Саламина», написанного английским поэтом Уинтропом Прэдом в 1821 году по мотивам Софокла.

А как же знаменитая фраза? Дело произошло без свидетелей, так что никто ее услышать не мог. Фраза (правда, не совсем та) прозвучала в радиопередаче вашингтонского жур-

налиста Дрю Пирсона за полтора месяца до трагедии. Пирсон рассказал, что незадолго до госпитализации военный министр, разбуженный воем сирены, выскочил среди ночи на улицу с криком:

– Русские атакуют!

Случилось это во Флориде, и откуда узнал об этом Пирсон – загадка. Других свидетелей не нашли. Пирсон был ярым противником Форрестала и, вероятно, сам вложил эту фразу в его уста.

Как раз в конце 1940-х годов в Америке расцвела литература об НЛО и «зеленых человечках». Здесь появилась еще одна версия: Форрестал увидел не мнимых русских, а настоящих инопланетян, и выпрыгнул из окна с криком:

– Они уже здесь!

Гораздо позже появилась «дополненная» версия предсмертного вопля Форрестала:

– Русские идут! Русские идут! Они повсюду. Я видел русских солдат!

Авторы этой версии успели посмотреть знаменитую комедию 1966 года «Русские идут! Русские идут!», снятую по роману Натаньела Бенчли «Пришельцы» (1961). Сюжетом фильма была вынужденная высадка советских подводников в глухом американском городишке, название же пародировало историческую фразу времен Войны за независимость.

18 апреля 1775 года криком «Британцы идут!» Пол Ревир, бостонский активист организации «Сыны свободы», из-

вестил американских ополченцев о подходе врага. Во всяком случае, так пишут в учебниках. На самом деле и эта фраза сочинена вашингтонскими журналистами: впервые она появилась в «Вашингтон пост» в марте 1907 года.

Но русские пришли раньше (я имею в виду фразу). Случилось это в 1848 году, когда в Европе бушевала «Весна народов». Больше всего либерально-демократическая общественность опасалась русской интервенции, и номер сатирического листка «Берлинский скандалист» («Berliner Krakehler») от 22 июля вышел под шапкой:

РУССКИЕ ИДУТ!

Этот заголовок был повторен на первой странице четырнадцать раз шрифтом разных размеров. Год спустя русские действительно пришли, чтобы оказать братскую помощь австрийскому монарху против восставших венгров.

Вернемся в нашу эпоху. Песня группы «Русские» была не первой песней на тему лозунга «Русские идут!». Пятью годами раньше, в 1999 году, песню с этим названием сочинил Александр Мосолов. Гимн футбольной сборной был детской игрушкой по сравнению с текстом Мосолова:

Русские идут твердым шагом!

Реют на ветру волны стяга!

Радостно и зло слышно там и тут:

«Русские идут! Русские идут!»

Русские идут, но не для парада!

На своей земле наводить порядок!
И врагам Руси наступает суд!
Русские идут!

Таков был припев. Далее шли строки:

И пусть воспрянет «ПАМЯТЬ»
И сгинет красный хам.

А также:

За Веру Православную!
За Русь Самодержавную!
Вставай, народ!

С конца 1990-х годов «Русские идут!» стало лозунгом «русских маршей», и песня Мосолова загремела на площадях.

Тут на память приходит уже не Форрестол и не комедия о русских подводниках. Известно, что с 1905 года «веру православную и Русь самодержавную» защищали разнообразные черносотенные организации, а одним из главных их лозунгов был «Русь идет!».

26 ноября 1906 года на митинге «Союза русского народа» в Петербурге выступил знаменитый проповедник Иоанн Кронштадтский (ныне канонизированный). О вожде «Союза» отец Иоанн отзывался весьма высоко:

– Честь и слава А. И. Дубровину. Он воочию показал петербургским жидам, либеральным демократам и прочим рептилиям графа Витте, что время их миновало, что началась у нас народная эра, что собрался народ, что «Русь идет!».

Летом – осенью 1919 года этот лозунг был обычным во время погромов на Украине при наступлении, а затем – отступлении Добровольческой армии.

История, утверждал основатель одного из всепобеждающих учений, повторяется в виде фарса. Насчет истории не скажу, но в повторяемости исторических фраз есть что-то фарсовое.

Русского мало убить, его надо еще повалить

Виктор Астафьев в письме к Натану Эйдельману от 14 сентября 1986 года писал: «...Мы все еще народ большой и нас все еще мало убить, но надо и повалить».

Эта «страдательная» трактовка русской воинской доблести была обычной в нашей военной литературе XIX века, например:

Уметь страдать, уметь умирать – вот основание солдатской доблести, свойственное русскому солдату в высокой степени; недаром про него сказано, что его «мало убить, а нужно еще повалить».

(Михаил Драгомиров, «Заметка о русском солдате», 1898)

Знайте, братцы! что враги России сказали про наше войско: русских солдат скорее можно перебить, чем победить, и русского солдата мало убить – надо еще повалить!

(Д. Я. Дашков, «Памятка нижнего чина кавалергарда», 1899)

Обычно эти слова цитируются как мнение Фридриха Великого, реже – как мнение Наполеона, а иногда – Бисмарка.

Раннее упоминание этой сентенции в русской литературе содержится в драме Василия Вонлярлярского «Лекарь» (1852):

Держалась бы у русского человека голова на плечах, хоть на жилке, так прирастет, небось. И ноги оторвет у иного, а как фельдфебель молодец, да крикнет, так, смотришь, и тот бежит, коли отстал от своих; другого мало убить, повалить нужно.

Годом раньше ту же сентенцию находим у историка С. М. Соловьева:

Население Северной Руси (т. е. великорусское население) (...) не любит вообще войны, не отличается стремительностью натиска; но где нужно стать крепко и защищаться, там оно неодолимо; здесь, на севере, образовался тот русский воин, которого, по известному выражению, можно убить, но не сдвинуть с места.

(«Взгляд на историю установления государственного порядка в России...», 1851)

Едва ли не первыми эту фразу стали цитировать офицеры Великой армии Наполеона – разумеется, по-французски. В мемуарах Шарля Паркена, участника кровопролитного сражения при Прейсиш-Эйлау (1807), читаем:

Именно в этой ужасной кампании упорство русских побудило наших солдат сделать следующее очень верное замечание: «Русского мало убить, его нужно еще подтолкнуть, чтобы он упал».

(«Военные воспоминания капитана Паркена», опубликованы в 1897 г.)

У немца Августа Гакстгаузена эта сентенция приведена

со ссылкой на Фридриха Великого и тоже по-французски, в следующем виде: «Их недостаточно победить, их нужно еще убить» («Этюды о внутренних отношениях народной жизни России», т. 3, 1853).

Свою версию этих слов привел Николай Данилевский в знаменитом трактате «Россия и Европа» (1866): «Здесь-то сказал Фридрих свои известные слова, что русские – стены из мяса (*murs de chair* [*франц.*]), их мало убить, но, убив, надо еще повалить». Откуда позаимствовал Данилевский оборот «*murs de chair*», неясно; другие его примеры мне неизвестны.

Те, кто приписывал фразу Наполеону, вероятно, имели в виду эпизод из мемуаров Армана де Коленкура, где речь идет о Бородинском сражении:

Эти успехи без пленных, без трофеев не удовлетворяли его. Несколько раз во время сражения он говорил: «Эти русские дают убивать себя, как автоматы».

Но откуда же взялась интересующая нас фраза? Источник можно назвать совершенно точно. Это «История Семилетней войны» Иоганна Вильгельма Архенгольца, опубликованная в 1788 году. Здесь дано подробное описание сражения при Цорндорфе 25 августа 1758 года:

Русская пехота была теперь атакована с фланга, с фронта, с тыла, словом – отовсюду, и началась ужасная кровавая сеча. Пруссак увидели совершенно

незнакомое для них зрелище: хотя порядок битвы был нарушен и ряды разорваны, но, расстреляв все свои патроны, русские стояли, как истуканы в строю, но не из похвального мужества, так как они не защищались, а как бы тупоумно ожидая смертельного удара. На месте павшего строя вырастал новый, снова подвергавшийся той же участи; легче было их убивать, чем принудить к бегству; даже простреленные насквозь солдаты не всегда падали оземь.

Как видим, немецкий историк отнюдь не ссылается на слова Фридриха Великого. Любопытно и другое: признавая небывалую стойкость русского солдата, он отказывается считать ее признаком мужества. «Стояли, как истуканы в строю» очень похоже на раздраженное замечание Наполеона «дают убивать себя, как автоматы».

Архенгольц приводит еще замечание русского генерала Петра Панина: «Правда, мы удержали за собой поле битвы, но или живые, или раненые, или пьяные». Можно ли верить этому сообщению? Пожалуй, да. Вот как описывает сражение Сергей Михайлович Соловьев в 24-м томе «Истории России с древнейших времен»:

Началась страшная резня, в которой русские солдаты удивили неприятелей своею стойкостью: расстрелявши все патроны, они стояли как каменные, их можно было перебить, но не обратить в бегство. Но было и другое печальное явление: часть солдат бросилась на маркитантские бочки с вином и начала

их опустошать; напившись, в беспамятстве били собственных офицеров, бродили, ничего не понимая, и не слушались никаких приказаний.

Если считать процент потерь сражающихся сторон, то сражение при Цорндорфе было самым кровавым в XVIII–XIX веках. И все же недаром фраза, относящаяся к событиям Семилетней войны, получила хождение позже, в годы наполеоновских войн. Сражения при Прейсиш-Эйлау и Бородине, где наши войска проявили необычайную стойкость, больше всего способствовали созданию репутации русского солдата, выраженной в апокрифической фразе Фридриха Великого.

С востока свет!

«С востока свет!», по-латыни – «Ex oriente lux»; изречение уходит далеко в глубь веков, не так ли?

Вовсе нет; оно появилось при жизни Пушкина.

В 1828 году в Лондоне под покровительством короля Вильяма IV был основан «Фонд содействия переводам с восточных языков». Девизом Фонда и всех его изданий стало «Ex oriente lux». Кто предложил девиз, неизвестно; но известно, что председателем Фонда был сэр Гор Узли (G. Ouseley, 1770–1844), филолог-ориенталист и кавалер ордена Св. Александра Невского. Орден он получил за заслуги в подписании Гюлистанского мирного договора 1813 года между Россией и Персией, по которому в состав Российской империи вошли Грузия, Дагестан и Северный Азербайджан.

К тому времени в Англии обычным выражением было «Мудрецы пришли с Востока». Это слегка измененная цитата из английского перевода Евангелия от Матфея; в русском переводе: «Пришли (...) волхвы с востока». По Матфею, волхвы не только пришли с востока, но и «видели звезду Его (т. е. Христа) на востоке».

Отсюда-то, вероятно, и возникла формула «Ex oriente lux». И отсюда же – ее двойственность: с востока пришли мудрецы-волхвы, и с востока возшла звезда христианства. Соответственно, «свет с востока» мог означать либо свет

христианства, либо свет мудрости, идущий из Персии, Индии, Китая, Японии. В девизе «Фонда содействия переводам...», конечно, имелось в виду последнее.

Позже формула была дополнена: «*Ex oriente lux, ex occidente lex*» – «С Востока свет, а закон с Запада». Таким с 1891 года был девиз лондонского ежеквартальника «Азиатское обозрение». Имелось в виду, что основы юриспруденции заложены в римском праве.

В XX веке Станислав Ежи Лец предложил уточнение: «*Ex oriente lux, ex occidente luxus*» – «С востока свет, с запада шик» («Непричесанные мысли», 1957).

«С востока свет» – девиз болгарского ордена Кирилла и Мефодия за заслуги в области культуры. Здесь, по-видимому, речь идет о православной культуре Восточной Европы.

Свой вклад в переосмысление девиза внес тов. Сталин в бытность свою наркомом по делам национальностей. 15 декабря 1918 года в «Правде» появилась его передовица «С Востока свет»:

«Медленно, но неудержимо катится волна освободительного движения с Востока на Запад»; «Эстляндские рабочие первые подняли знамя восстания. (...) Рабочие Латвии также взялись за дело освобождения своего истерзанного отечества. (...) А на далеком юге, на Северном Кавказе, даже ингуши и чеченцы, осетины и кабардинцы целыми группами переходят на сторону Советской власти». «С Востока свет! Запад с его империалистическими людоедами превратился

в очаг тьмы и рабства. Задача состоит в том, чтобы разбить этот очаг на радость и утешение трудящихся всех стран».

Под этим последним высказыванием охотно подписался бы вождь исламской революции аятолла Хомейни и другие вожди того же толка.

И конечно, нельзя не вспомнить о знаменитом стихотворении Владимира Соловьева «Ex oriente lux», написанном в 1890 году:

«С Востока свет, с Востока силы!»

И, к вседержительству готов,

Ирана царь под Фермопилы

Нагнал стада своих рабов.

«Стада рабов» бежали перед горсткой свободных граждан. Столетия спустя воссиял свет христианства, который «с Востоком Запад примирил». Заканчивалось стихотворение многократно цитировавшимся обращением к России:

О Русь! в предвиденье высоком

Ты мыслью гордой занята;

Каким же хочешь быть Востоком:

Востоком Ксеркса иль Христа?

Вопрос и поныне остается открытым.

Свет в конце тоннеля

Ранний случай использования этой метафоры был обнаружен в религиозно-нравственном сочинении – и это едва ли случайно.

В 1882 году в Кембридже вышел сборник то ли эссе, то ли проповедей под заглавием «Свет Божий на темных тучах». Автором сборника был Теодор Ледьярд Катлер (1822–1909), нью-йоркский пресвитерианский пастор и духовный писатель. В одной из главок – «Доверяться Богу во тьме» – читаем:

Порой в нашей жизни случается так, словно мы бредем по длинному, темному тоннелю. Нам мешают духота, глубокая тьма и мысли о том, почему нам выпал столь сумрачный путь, тогда как других освещает солнечный свет здоровья и счастья. Все, что мы можем, – это устремить взгляд на яркий свет в конце тоннеля и утешать себя тем, что каждый наш шаг приближает нас к радости и покою, которые ждут нас в конце пути. Погасите небесный свет, что лучится вдали, и тоннель испытания окажется страшной гробницей.

Здесь новая метафора продолжает древнюю христианскую традицию: вера есть свет, указывающий путь во тьме.

В XX веке эта метафора вошла в политический язык. В ноябре 1921 года Дэвид Ллойд Джордж прибыл в Вашинг-

тон на конференцию по ограничению морских вооружений. В беседе с журналистами британский премьер выразил уверенность в том, что конференция будет успешной: он «видит свет в конце тоннеля».

В 1932 году, в разгар Великой депрессии, появились высказывания, что уже «виден свет в конце тоннеля».

В сентябре 1949 года в «Бюллетене ученых-атомщиков» были опубликованы пространные выдержки из отчета Дэвида Лилиентала, председателя Комитета по атомной энергии обеих палат Конгресса. Согласно Лилиенталу, 14 июня 1946 года на слушаниях в Сенате влиятельный финансист и политик Бернард Барух заявил:

– Свет в конце тоннеля тускл, но он станет ярче, когда мы начнем реально продвигаться вперед.

«В апреле 1947-го, – продолжает Лилиенталь, – когда Комиссия начала свою деятельность, свет в конце тоннеля был так тускл, словно его не было вовсе.

Среди великих мировых наций Россия, только Россия не желала делать шаги, которые могли бы заставить этот свет сиять ярче».

В последующие десятилетия эта метафора множество раз появлялась в связи с Вьетнамом.

28 сентября 1953 года, когда французские войска воевали в Индокитае, еженедельник «Тайм» привел слова кого-то из окружения французского командующего Анри Эжена Наварры:

– Год назад никто из нас не видел возможности победы.
(...) Теперь мы видим ее ясно – как свет в конце тоннеля.

В мае 1954 года осажденный в Дьен-Бьен-Фу французский корпус капитулировал.

Джон Кеннеди на пресс-конференции 12 декабря 1962 года охарактеризовал положение в Южном Вьетнаме словами:

– Мы еще не видим конца тоннеля, но я бы сказал, что сейчас не темнее, а скорее светлее, чем год тому назад.

Эта оценка оказалась неверной. В 1965 году американские военные убедили президента Линдона Джонсона начать бомбардировки Северного Вьетнама. Сам он не был уверен в эффективности этой меры и однажды сказал своему пресс-секретарю Биллу Мойерсу:

– Свет в конце тоннеля? Черт возьми, у нас даже нет тоннеля; мы даже не знаем, где этот тоннель.

(Согласно книге Роберта Даллека «Линдон Джонсон и его время», 1998.)

На публике Джонсон выражался иначе. 9 июня 1966 года, выступая в Белом доме перед выпускниками Школы дипломатической службы, он заявил:

– Я призываю вас помнить, что американцы часто проявляют нетерпение, если не видят свет в конце тоннеля (...). Но политика – не волшебство.

Лет десять спустя появилась новая версия этой метафоры. В одном из американских компьютерных журналов была опубликована статья Дэниэла Эпплтона «Чем не является

база данных». Здесь говорилось:

Многим руководителям по вопросам операций и обработки данных «база данных» представляется светом в конце длинного и темного туннеля. Но (...) нужно многое изменить в способах мышления и управления, прежде чем мы сможем убедиться, что этот свет в конце туннеля – не свет приближающегося поезда.

(«Datamation», январь 1977 г.)

17 сентября 1981 года в Комитете по экономике обеих палат Конгресса состоялся следующий диалог между сенатором Маком Меттингли и экономистом Уолтером Хеллером, критиком «рейганомики»:

МЕТТИНГЛИ: ...Частный сектор крайне заинтересован в том, чтобы увидеть в свете в конце туннеля...

ХЕЛЛЕР: Позвольте! Уолл-стрит, кажется, того мнения, что этот свет в конце туннеля – не дневной свет, а свет приближающегося поезда.

В 1989 году в печати цитировалось высказывание Джона Куинтона, президента британского банка «Барклайс»:

– Банкиры порою смотрят на политиков как на людей, которые, увидев свет в конце туннеля, заказывают прокладку еще нескольких тоннелей.

Американскому экологу Барри Коммонеру (1917–1993) приписывается изречение:

Если вы видите свет в конце тоннеля, значит, вы смотрите не в ту сторону.

До нас «свет в конце тоннеля» дошел поздно. По-настоящему известным в СССР этот оборот стал лишь после выхода на экраны кинодетектива «Свет в конце тоннеля» (Рижская киностудия, 1974).

Сжечь – не значит опровергнуть

С середины XX века эти слова обычно приписываются у нас (но не в остальном мире) Джордано Бруно. Так он будто бы сказал то ли при оглашении приговора, то ли на церемонии казни.

Приговор был оглашен 8 февраля 1600 года в римской церкви Святой Агнессы. Согласно свидетельству очевидца, Каспара Шоппе, выслушав приговор, Бруно с угрожающим жестом заявил своим судьям:

– Вероятно, вы с бóльшим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его.

Казнь состоялась 17 февраля на римской Площади цветов, но там Бруно сказать ничего не мог: согласно официальному сообщению, язык казнимого был «подвергнут аресту по причине его свирепых слов». Говоря попросту, Бруно привели на казнь с кляпом во рту, памятуя о его поведении при оглашении приговора.

Мысль, приписываемая Джордано Бруно, принадлежит французскому гуманисту XVI века Себастьяну Кастеллио. В 1554 году, под впечатлением казни Мигеля Сервета женевскими кальвинистами, он опубликовал трактат «О еретиках». Здесь говорилось:

Убить человека – не значит опровергнуть учение; это

значит только убить человека.

Вера доказывается не сожжением людей на костре, но восхождением на костер ради своей веры.

Сервет был сожжен 27 октября 1553 года. В эссе Хорхе Луиса Борхеса «История вечности» (1933) он говорит своим судьям:

– Меня сожгут, но это лишь эпизод. Мы продолжим нашу дискуссию в вечности.

Эту фразу Борхес привел со ссылкой на легенду, будто бы услышанную им в Женеве.

А фраза «Сжечь – не значит опровергнуть» появилась как вариант исторической фразы Камила Демулена «Сжечь – не значит ответить».

В декабре 1793 года, когда якобинский террор шел по нарастающей, Демулен начал выпускать газету «Старый кордельер», где говорилось о необходимости милосердия, а Робеспьер иносказательно осуждался. 7 января 1794 года на заседании Клуба якобинцев Робеспьер предложил сжечь последние номера «Старого кордельера». Демулен возразил:

– Робеспьер сказал, что нужно сжечь все номера моей газеты; я отвечу ему словами Руссо: «Сжечь – не значит ответить!»

(Согласно «Journal de la Motagne» от 11 января 1794 г.)

У Руссо этих слов нет. Однако с середины XVIII века они нередко встречались во французской публицистике. Париж-

ский парламент (высшая судебная инстанция при Старом режиме) регулярно приговаривал к публичному сожжению издания различного рода; чаще всего это были памфлеты и полемические брошюры. По этому поводу и возникла фраза «Сжечь – не значит ответить» («Bruler n'est pas repondre»).

Скелет в шкафу

Откуда взялся «скелет в шкафу», до конца не разгадано. Нередко его происхождение связывают с врачебной практикой старого времени. Дескать, с конца XVI века скелеты, которые английские врачи использовали для обучения, прятали в шкафу, поскольку в доме их держать запрещалось. Однако никаких доказательств этому нет. Скрытые скелеты иногда находят в старинных домах, но это скелеты незаконно рожденных младенцев, и держали их не в шкафах.

С конца XVIII века скелет был обычной принадлежностью жилища врача. Владимир Даль, в 1826–1828 годы студент-медик Дерптского университета, снимал каморку на чердаке, а у печки преспокойно стоял «полный остов человеческий», выражаясь словами Даля. Анатомы действительно нередко держали скелеты в шкафах, но, как правило, остекленных, не делая из них никакой тайны.

Именно такой скелет фигурировал в комической пантомиме «Скелет Арлекина», известной в Англии с середины XVIII века. С 1770 года по ее канве стали выпускать книжки с картинками и стихотворными подписями к ним. На картинках изображался анатомический кабинет с чучелами животных и человеческим скелетом в шкафу; по ходу действия скелет вываливался из шкафа. Последняя такая книжка, раскрашенная вручную, вышла в Лондоне в 1817 году.

Тремя годами раньше, в 1814 году, лондонский врач и хирург Джозеф Адамс опубликовал «Философский трактат о наследственных болезнях человеческого рода». В предисловии он писал:

Два главных источника страдания (...) – это опасность заразиться и страх перед наследственными заболеваниями. (...) Люди словно бы боятся узнать правду; предосторожности громоздятся одна на другую, чтобы скрыть скелет в шкафу (skeleton in the closet) или не позволить ему выбраться оттуда.

Это первое известное упоминание «скелета в шкафу» в значении «постыдная тайна».

В 1815 году вышло второе издание «Трактата...». «Трактат...» читали по-преимуществу медики, но в ноябре 1816 года предисловие Адамса процитировал один из самых популярных британских журналов «The Eclectic Review».

Вторым и, видимо, более важным моментом истории «скелета в шкафу» стал выход книги «Итальянские новеллы» («Italian Tales», Лондон, 1823). Автором этого сборника, опубликованного анонимно, был писатель и переводчик Томас Роско (1791–1871). Сборник состоял из 17 новелл, которые проиллюстрировал прославленный рисовальщик Джордж Крукшенк. Одна из новелл называлась «Скелет в каждом доме»; вот ее краткое изложение.

Единственным утешением овдовевшей неаполитанской графини Корсини был ее сын. Повзрослев, он отправился в

Болонский университет, где добился больших успехов в учении. Внезапно он тяжело заболел и уже не сомневался, что скоро умрет. Чтобы заранее смягчить горе матери, он написал ей письмо, в котором просил, чтобы она послала ему рубашку, сделанную самой счастливой женщиной в Неаполе, надев эту рубашку, он сразу выздоровеет.

После долгих поисков вдова отыскала замужнюю женщину, у которой, казалось бы, было все для земного блаженства. Вдова посетила ее и рассказала о письме сына. Хозяйка дома ответила:

– Сейчас я докажу вам совершенно обратное – что, возможно, еще не рождалась на свет женщина, более несчастная, чем я.

Она привела графиню в другую комнату, отодвинула занавеску и указала на скелет, свисающий с потолка.

– Это был достойнейший юноша, влюбленный в меня; мой муж застал его здесь и немедленно велел его повесить (...); а чтобы увеличить мои муки, он заставляет меня приходить сюда каждый вечер и каждое утро и смотреть на несчастного юношу.

Вернувшись домой, графиня нашла письмо с известием о смерти сына, но полученный ею урок помог ей легче перенести этот удар.

Почти та же история помещена, как источник выражения «В каждом доме есть свой скелет», в «Словаре фраз и сюжетов» Э. К. Бревера («Dictionary of Phrase and Fable», II

издание, 1894). Но здесь действие перенесено из Неаполя в Англию, а сюжет стал еще страшнее: скелет стоит в стенном шкафу в спальне несчастной леди, и та должна целовать его каждый вечер на глазах мужа.

Окончательно ввел этот скелет в литературу Уильям Теккерей. В романе «Ньюкомы» (1854) многократно говорится о скелете в шкафу – или же в чулане, поскольку closet может означать и шкаф (обычно стенной), и чулан. В главе 55 романа читаем: «... У них в шкафах (или: чуланах) был спрятан скелет, а то и два, так же, как у их соседей».

В русских изданиях романа (а первое из них вышло всего через год после английского) «скелетов в шкафу» нет. «Closet» переводилось как «комната», «каморка», «чулан». В советском переводе Р. Померанцевой: «А теперь не покажете ли вы нам, сударыня, ту каморку, где у вас спрятан скелет?»; «Так вот, значит, какой скелет таился в чуланчике у Ханимена»; «Какой скелет скрывался в чулане у Барнса Ньюкома» (название одной из глав) и т. д.

В «Анне Карениной» Толстого (1875–1877) главная героиня романа замечает:

– У каждого есть в душе свои skeletons, как говорят англичане.

Эта реплика показывает, что «skeleton in the closet» к тому времени не успел еще обрусеть.

Через год после завершения публикации «Анны Карениной» русский читатель познакомился с новой повестью

немецкого писателя Фридриха Шпильгагена «Скелет в доме». Здесь, между прочим, говорилось:

«— ...У нас есть скелет в доме, а скелет в доме — знаешь ли? — есть самая аристократическая вещь в мире, потому что скелет может водиться лишь в очень знатных домах, и в каждом доме есть свой скелет».

Вероятно, тогда-то и вошло в русский язык выражение «скелет в доме» (пока еще не в шкаф).

В 1884 году был издан цикл очерков Глеба Успенского «Волей-неволей. (Отрывки из записок Тяпушкина)». В начале III части «Записок» их автор пишет: «...Решаюсь рассказать самый возмутительный, самый бесстыдный и подлый факт, тяготеющий на моей совести. Факт этот принадлежит к числу тех “скелетов в доме”, которые, увы! кажется, найдутся на совести всякого смертного».

В шеститомнике Успенского (1956) сообщается, что имела в виду повесть М. Печориной «Скелет», опубликованная в том же 1884 году. Герой повести, врач, выполняя волю жены, поставил в своем кабинете ее скелет, чтобы муж всегда вспоминал о покойнице. Но объяснение это неубедительно. В очерке Успенского «скелет в доме» — синоним постыдной тайны, и выражение это взято либо из повести Шпильгагена, либо из какого-то перевода с английского.

Вплоть до первых десятилетий XX века «скелет в доме» в русской литературе и публицистике преобладал. «Этот “скелет в доме”, как говорят англичане», — писала Анастасия

Вербицкая в «Ключах счастья» (1909), культовом романе тогдашних гимназисток.

И лишь к середине XX века «скелет в доме» был вытеснен привычным нам «скелетом в шкафу».

Слухи о моей смерти сильно преувеличены

Марк Твен всегда мечтал разбогатеть, финансируя новейшие изобретения. Но инвестором он оказался плохим и в 1894 году обанкротился. Кредиторы соглашались получить 50 % долгов, но Твен заявил, что выплатит всё, как сделал когда-то его разорившийся отец. Ради заработка 60-летний писатель вновь, как и в молодости, вернулся к профессии шоумена и отправился в длительное кругосветное турне. Жанр, в котором он выступал, тогда назывался «юмористическими лекциями»; теперь его бы назвали стендап.

Переезжая из страны в страну, весной 1897 года Твен оказался в Лондоне. К этому времени он был если не самым известным, то уж точно самым популярным человеком на нашей планете.

Как раз тогда появились слухи о том, что Твен тяжело болен или даже умер. 28 мая Фрэнк Уайт, английский корреспондент газеты «Нью-Йорк джорнал», получил телеграмму от издателя с поручением выяснить, справедливы ли эти слухи. Уайт переслал телеграмму Твену и 31 мая получил от него ответ.

Тем временем другая крупная газета, «Нью-Йорк геральд», в номере от 1 июня сообщила как факт, что Твен «тя-

жело болен и, возможно, умирает. Хуже того: говорят, что его блестящий ум совершенно расстроен и что он отчаянно нуждается в деньгах».

На другой день в «Нью-Йорк джорнал» появилась статья Уайта «Марк Твен удивлен», помеченная 1 июня. В ней говорилось:

Марк Твен не мог решить, удивляться ему или досадовать, когда сотрудник газеты сегодня сообщил ему о ходящих в Нью-Йорке слухах, что будто бы он умирает в Лондоне в нищете. Он живет в комфорте и даже в роскоши в прекрасно обставленном доме, расположенном в красивом парке в Челси, с женой и детьми, и как раз на этой неделе закончил выступать с рассказами о своем недавнем путешествии в Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку (...).

Великий юморист, возможно, не пишет здоровьем, однако он полон сил. Он сказал: «Не знаю толком, откуда взялись сообщения о моей болезни; я даже слышал из авторитетных источников, что я уже мертв. Джеймс Росс Клеменс, мой двоюродный брат, был серьезно болен в Лондоне две или три недели тому назад, но сейчас он поправился.

Сообщение о моей болезни появилось из-за его болезни. Сообщение о моей смерти было преувеличением».

Вскоре появились варианты этой фразы: «Сообщение о моей смерти сильно преувеличено», «...несколько преуве-

лично» и так далее. Лет через десять фраза приобрела знакомый нам вид:

«Слухи о моей смерти сильно преувеличены».

В 1912 году, через два года после смерти Твена, А. Б. Пейн опубликовал биографию писателя, написанную на основе его дневников и бесед с ним. Здесь утверждалось, будто в мае 1897 года издатель «Нью-Йорк джорнал» послал Фрэнку Уайту одну за другой две телеграммы:

«Если Марк Твен умирает в Лондоне в нищете, шлите пятьсот слов».

«Если Марк Твен умер в нищете, шлите тысячу слов».

Прочитав телеграммы, Твен мрачно улыбнулся и сказал репортеру:

– Столько слов вам не нужно. Просто скажите, что сообщение о моей смерти было сильно преувеличено.

Скорее всего Твен, по своему обыкновению, украсил действительную историю выдуманными подробностями и задним числом согласился с ходячей версией своей фразы. Недаром же в книге «По экватору» он писал: «Почти любая выдуманная цитата, если ее преподнести с апломбом, введет в заблуждение кого угодно».

Смерть и налоги

«Неизбежны только смерть и налоги». Это знает каждый. Многие назовут даже автора: Бенджамин Франклин, тот самый, что изображен на 100-долларовой банкноте.

Франклин был первым послом США во Франции и с 1776 по 1785 год жил в Париже. Задолго до этого он был известен французским ученым как исследователь электричества. Одним из таких ученых был Жан Батист Лерой, физик, член Королевской Академии наук, который и сам занимался изучением электричества.

Их переписка началась еще до назначения Франклина послом. Велась она, разумеется, по-французски. Встретившись в Париже, Франклин и Лерой стали друзьями, а после возвращения Франклина на родину продолжали переписываться.

Письмо, о котором пойдет речь, Франклин написал 13 ноября 1789 года, когда Франция была охвачена революцией. Франклин не слышал о своем друге более года и тревожился о его судьбе:

Вы еще живы? Или парижская толпа перепутала голову монополиста знаний с головой монополиста зерна и таскает ее по улицам, водрузив на шест? [Намек на судьбу министра финансов Жозефа Фулона. — К.Д.] Многие новости, доходившие до нас из Парижа

в течение почти всего последнего года, крайне удручающе. Я искренне желаю и молю Бога, чтобы это кончилось благополучно и счастливо как для короля, так и для нации. Я предчувствую, что голос философии едва ли слышен посреди подобных бесчинств.

И далее – самая любопытная для нас часть письма:

Наша новая Конституция к настоящему времени принята, и всё, по-видимому, говорит в пользу того, что она окажется долговечной; впрочем, в этом мире нет ничего, в чем можно было бы быть уверенным, кроме смерти и налогов (*il n'y a rien d'assuré que la mort et les impôts*).

Эта фраза по-разному переводилась с французского на английский, а потом и на русский.

О смерти Франклин упомянул не случайно: он чувствовал, что конец его близок. Пять месяцев спустя, 17 апреля 1790 года, Франклин умер в родной Филадельфии на 85-м году жизни. Жан Батист Лерой благополучно пережил революцию и умер в 1800 году в возрасте 80 лет.

Хотя знаменитое изречение неразрывно связано с именем Франклина, он, собственно, не был его автором, а лишь придал ему классический вид. Формула «Смерть и Налоги» (неизменно с заглавных букв) появилась в Англии начала XVIII века.

В 1716 году Кристофер Баллок, потомственный актер и по совместительству драматург, сочинил фарс «Сапожник

из Престона». Здесь говорилось:

– Невозможно быть уверенным в чем бы то ни было, кроме Смерти и Налогов.

В 1724 году сатирик Эдвард Уорд издал сочинение в стихах под заглавием «Танцующие дьяволы, или Ревущий Дракон», с подзаголовком «Дурацкий фарс». Здесь мы читаем:

В переменах Судьбы постоянны лишь Смерть и Налоги.

Два года спустя вышел трактат Даниэля Дефо «Политическая история Дьявола», где упоминались «предметы, столь несомненные, как Смерть и Налоги...»

А в «Журнале для джентльменов» за 1733 год был помещен сатирический диалог двух землевладельцев. Накануне выборов они обсуждают, за кого голосовать – за кандидата с говорящим именем Смерть или за Дирина, сторонника новых налогов.

– Голосуя за Дирина, – замечает один из собеседников, – вы, дражайший, должны будете платить всю свою жизнь; голосуя за мистера Смерть, вы испытаете некоторое облегчение.

В романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936) Скарлетт О'Хара восклицает:

– Смерть, налоги и роды – все это случается в самое неподходящее время.

Не менее известна в Америке еще одна версия:

В нашей жизни неизбежны только смерть и налоги –
увы, не в этом порядке.

Смерть миллиона – всего лишь статистика

В 1980 году вышла повесть Алеся Адамовича «Каратели». Но только в 1988 году удалось напечатать главу о Сталине под названием «Дублер», начатую еще в 1970 году. В воображаемом разговоре со своим сыном Яковом, погибшим в немецком плену, Сталин говорит:

– Так о чем я? Да, психология больших чисел: если я тебе должен один рубль – это моя забота, а если миллион – не спать будешь ты. Одна смерть – трагедия, ахи да охи над трупом, а миллион смертей – всего лишь статистика, статистика же беспристрастна. Так что, чем больше цифра, тем меньше ахов да охов. Наоборот: героика. (...) Боишься крови – нет тебе пути в историю.

Это изречение у нас приписывали Наполеону, Бисмарку, Черчиллю, но все же чаще всего – Сталину. К нам оно попало из английского языка:

A single death is a tragedy; a million deaths is a statistic.

Смерть одного человека – трагедия, смерть миллионов – статистика.

В англоязычной литературе это высказывание обычно цитируется как сталинское, иногда – с глухой ссылкой на свидетельство Уинстона Черчилля.

Действительный источник был указан в 2010 году на сайте «Quoteinvestigator». Это статья «Французские остроуты» немецкого публициста Курта Тухольского, будущего нобелевского лауреата:

Речь зашла об ужасах войны. Дипломат с набережной д'Орсе [т. е. из Министерства иностранных дел Франции] отозвался: «Война? Я не нахожу ее настолько ужасной. Смерть одного человека – это катастрофа. Сотни тысяч смертей – это просто статистика!»

(«*Vossische Zeitung*» (Берлин), 23 августа 1925 г.)

В качестве отдаленного предшественника этой мысли указывалась цитата из поэмы английского поэта Бейлби Портеуса «Смерть» (1759):

Одно убийство делает человека преступником,
Миллионы [убийств] – героем. – Государям позволялось
Убивать, и число [убитых] освящало преступление.

По-видимому, версия об авторстве Сталина появилась в 1947 году в авторской колонке видного американского журналиста Леонарда Лайонза:

В те дни, когда Сталин был комиссаром по продовольствию, состоялось совещание высокопоставленных комиссаров, и главным предметом обсуждения стал голод, охвативший тогда Украину. Один из комиссаров поднялся и стал говорить об этой

трагедии – трагедии миллионов людей, умирающих от голода. Он начал приводить цифры погибших ... Сталин прервал его, сказав: «Если только один человек умирает от голода, это трагедия. Если умирают миллионы, это всего лишь статистика».

(«Листки из дневника», «Вашингтон пост» от 30 января 1947 г.; отточие – в оригинале)

Здесь очевидным образом спутаны события Гражданской войны (причем Сталин, разумеется, не был «комиссаром по продовольствию») и украинского «голодомора» 1932–1933 гг.

Герой романа Ремарка «Черный обелиск» (1956, гл. 8) размышляет по поводу политического убийства, совершенного националистами:

Странно, думаю я, сколько убитых видели мы во время войны – всем известно, что два миллиона пали без смысла и пользы, – так почему же сейчас мы так взволнованы одной смертью, а о тех двух миллионах почти забыли? Но, видно, всегда так бывает: смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика.

(Перевод Веры Станевич)

Ремарк был лично знаком с Тухольским, а в 1928 году именно в «Vossische Zeitung» печатался его роман «На Западном фронте без перемен». Тем не менее фраза в «Черном обелиске» гораздо ближе к ее англоязычной версии, чем к оригинальной версии Тухольского.

Еще один вариант появился в романе Джона Ле Карре «Шпион, вернувшийся с холода» (1965), гл. 13:

– Немодно цитировать Сталина, но он однажды сказал: «Полмиллиона ликвидированных – это статистика, а один человек, погибший в дорожной аварии, – это национальная трагедия».

Позднее подобного рода высказывания нередко приводились как слова, сказанные Сталиным во время войны по поводу огромных потерь Советской Армии.

Нечто отчасти похожее говорил Наполеон, с той только разницей, что его потери почти всегда были меньше потерь его противников. На переговорах в Дрездене 26 июня 1813 года французский император сказал канцлеру Австрийской империи Клеменсу Меттерниху:

– Я вырос на бранном поле, и такого человека, как я, мало заботит жизнь миллиона человек.

В таком виде эти слова приведены в «Автобиографии» Меттерниха, опубликованной в 1880 году. «Я не решаюсь повторить более сильное выражение, которое употребил Наполеон», – замечает австрийский канцлер.

Сначала они пришли за коммунистами...

Знаменитые слова пастора Мартина Нимёллера (1892–1984) существуют во множестве вариантов. Наиболее известны из них три.

«Официальная» версия на немецкоязычном сайте Фонда Мартина Нимёллера:

Когда нацисты пришли за коммунистами,
я промолчал,
ведь я не был коммунистом.

Когда они пришли за социал-демократами,
я промолчал,
ведь я не был социал-демократом.

Когда они пришли за членами профсоюзов,
я промолчал,
ведь я не был членом профсоюзов.

Когда они пришли за мной,
не было уже никого,
кто мог бы протестовать.

Надпись в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне (1993):

Сначала они пришли за социалистами, но я

промолчал —

Ведь я не был социалистом.

Потом они пришли за членами профсоюзов, но я промолчал —

Ведь я не был членом профсоюза.

Потом они пришли за евреями, но я промолчал —

Ведь я не был евреем.

Потом они пришли за мной — и не было уже никого, кто мог бы вступить за меня.

Надпись в Мемориале Холокоста в Бостоне (1995), наиболее близкая к форме, известной у нас:

Сначала они пришли за коммунистами,
но я промолчал, ведь я не был коммунистом.

Потом они пришли за евреями,
но я промолчал, ведь я не был евреем.

Потом они пришли за членами профсоюзов,
но я промолчал, ведь я не был членом профсоюза.

Потом они пришли за католиками,
но я промолчал, ведь я был протестантом.

Потом они пришли за мной,
и не было уже никого, кто мог бы вступить за меня.

Как видим, во всех трех вариантах высказывание имеет форму стихотворения в прозе; на Западе его нередко и на-

зывают стихотворением. В англоязычном мире наиболее известна вторая версия. Однако все три версии либо неполны, либо избыточны, а стихотворная форма Нимёллеру не принадлежит.

В октябре 1933 года Нимёллер телеграммой поздравил Гитлера с выходом Германии из Лиги Наций. Он и в дальнейшем одобрял действия фюрера, за исключением его политики в отношении Церкви, за что и был в 1937 году арестован, а потом отправлен в концлагерь Заксенхаузен.

Различные элементы позднейшего «стихотворения» сохранились в проповедях, речах и интервью Нимёллера, начиная с проповеди, прочитанной во Франкфурте-на-Майне 6 января 1946 года:

— ...Те, кто тогда [в 1933 г.] попадал в концентрационные лагеря, были коммунистами. Кого это касалось? (...) Затем наступил черед ликвидации больных, т. н. «неизлечимых». (...) И наконец очередь дошла до самой [евангелической] Церкви. Тогда мы попытались что-то сказать, но нас никто не услышал. Преследования евреев, наше поведение в оккупированных странах (...), ведь об этом писали газеты. (...) Мы предпочли промолчать.

Эта проповедь была включена в сборник «Мартин Нимёллер о немецкой вине, нужде и надежде» (Цюрих, 1946). В 1947-м сборник вышел в Нью-Йорке в английском переводе.

4 мая 1946 года Нимёллер произнес речь в Марбургском университете:

– ...Мы не узнали Христа, когда он вошел в нашу жизнь в облике страждущего брата. Я не узнал его ни тогда, когда он был брошен в концлагерь как коммунист, ни тогда, когда его убивали как неизлечимо больного, ни тогда, когда его травили газом и сжигали, как несчастных жертв его собственного народа [т. е. евреев. – К.Д.]. В этом моя вина перед самим собой, моя личная ответственность, и я не могу извинить себя ни перед Богом, ни перед человечеством.

Профессор Калифорнийского университета Гарольд Маркузе установил, что в числе преследуемых групп Нимёллер всегда называл коммунистов (и всегда на первом месте, поскольку именно они пострадали первыми), почти всегда – евреев, часто или эпизодически – социалистов, неизлечимых больных, членов профсоюзов, свидетелей Иеговы. Зато католиков он, по-видимому, не упомянул ни разу.

В 1955 году появились прозаические версии высказывания Нимёллера, в которых каждое предложение одинаково начиналось и заканчивалось, в 1958 году – «стихотворение» с разбивкой на строки. Через какое-то время Нимёллер и сам стал использовать ритмизированную форму, правда, без разбивки на строки.

В середине 1960-х годов в «стихотворении» появилось упоминание о католиках. Различие между надписями в Бостонском и Вашингтонском мемориалах Гарольд Маркузе объясняет тем, что в Бостоне много католиков ирландского происхождения. В столице же были особенно сильны анти-

коммунистические фобии, поэтому коммунистов из надписи исключили.

Сорок веков смотрят на нас с высоты этих пирамид

В «Войне и мире» Толстой, противопоставляя Наполеону Кутузова, замечает: «Кутузов никогда не говорил о сорока веках, которые смотрят с пирамид...». Но этот выстрел бьет мимо цели: хотя фраза о «сорока веках» вошла в историю, в действительности она не была произнесена.

13 мессидора VI года Республики, т. е. 1 июля 1798 года, Наполеон Бонапарт высадился в Египте близ Александрии. Без труда овладев городом, он во главе 25-тысячного корпуса двинулся через пустыню к югу. 21 июля французы подошли к Каиру. Налево, на другом берегу Нила, виднелись минареты столицы Египта; направо высились пирамиды Гизы.

Здесь французов ожидали готовые к бою основные силы мамелюков под командованием Мурад-бея. Данные об их численности колеблются – то ли 20, то ли 60 тысяч. Исход столкновения регулярной европейской пехоты и артиллерии с восточной конницей был предрешен: французы разгромили противника наголову, потеряв не более 300 человек. 25 июля Бонапарт вошел в Каир.

Перед Битвой у пирамид, в два часа пополудни, Бонапарт, если верить популярным историям, произнес:

– Солдаты! Помните, что сорок веков смотрят на нас с

высоты этих пирамид!

Но странное дело: никаких упоминаний об этом нет ни в его рапорте Директории (тогдашнему правительству Франции), опубликованном в парижском «Мониторе» 20 октября 1798 года, ни в письме генерала Бертье, опубликованном там же два дня спустя. В своем «Сообщении о Египетской и Сирийской кампании генерала Бонапарта» (1799) Бертье также ни словом не упоминает о знаменитом обращении своего начальника.

Историческая фраза появилась лишь в анонимной «Истории Бонапарта, Первого Консула», опубликованной в 1803 году. Однако здесь завоеватель Египта произносит ее не перед боем, а несколько дней спустя, когда он решил осмотреть пирамиды Гизы. Восхищенный открывшимся перед ним зрелищем, Бонапарт будто бы произнес:

– Сорок веков созерцают нас с высоты этих пирамид.

С 1815 года, уже после падения Бонапарта, эта фраза стала цитироваться как обращение к солдатам перед сражением. Эту версию поддержал и сам Наполеон, диктуя свои мемуары генералу Бертрону на о-ве Св. Елены. Правда, фразу он процитировал чуть иначе: «Солдаты, на вас смотрят сорок веков».

С Битвой у пирамид связан и другой, почти столь же известный приказ Бонапарта:

– Солдаты, стройтесь в каре! Ослы и ученые – в середину!
Эта команда, поясняет академик Тарле, «означала жела-

ние обезопасить прежде всего наряду с драгоценнейшими в походе вьючными животными также и представителей науки; несколько неожиданное сопоставление слов получилось исключительно вследствие обычного военного лаконизма и необходимой краткости командной фразы» (из книги «Наполеон», 1936).

Фраза об ослах и ученых, в отличие от фразы про «сорок веков», не выдумана впоследствии. Но принадлежала она не Наполеону.

Бонапарт намеревался упрочиться на Востоке надолго, а для этого следовало его основательно изучить. Вместе с армией в Египет отправились 175 ученых, среди них – основатель начертательной геометрии Гаспар Монж, химик Клод Бертолле, зоолог Жофруа Сент-Илер и будущий директор Лувра Виван Денон. Несколько недель спустя после Битвы у пирамид в Каире был основан Египетский институт, членами которого, наряду с учеными, стали некоторые генералы.

Сам Бонапарт числился по математической секции. Он любил беседы ученых и держался с ними на более короткой ноге, чем с военными, – ведь здесь это не могло повредить воинской дисциплине.

Офицерам это не слишком нравилось. Враждебность между военными и штатскими нарастала по мере того, как кампания затягивалась. Одного из офицеров, занявшего силой квартиру, отведенную для Бертолле, Бонапарт заключил под арест. Генерал Жюно, вынужденный присутствовать на

заседаниях Египетского института, демонстративно храпел. Солдаты приписывали ученым идею египетской кампании, в которой они быстро разочаровались, и разделяли антипатию к ним своих командиров.

Именно тогда появилась шутка:

– Стройтесь в каре! Ученые и ослы – в середину!

В другом варианте Бонапарт приказывает:

– Стройся в каре, повозки – в середину!

А какой-то шутник добавляет:

– Ученые – вместе с ослами!

К тому же разряду остроумия относилось наименование ослов «полуучеными».

Египетский поход, потерпевший полный крах как военная экспедиция, оказался огромной победой как экспедиция научно-исследовательская. Именно он положил начало египтологии.

А экскурсии к пирамидам, по примеру Наполеона, вошли в обязательную туристическую программу.

Спешите делать добро!

В 1806 году Фридрих Гаасс, уроженец вестфальского городка Мюнстерайфель, поступил врачом на русскую службу, обосновался в Москве и стал именоваться Федором Петровичем Гаазом. В войну 1812 года он служил военным хирургом.

По вероисповеданию Гааз был католиком. Больше всего он любил читать «Трактат о любви к Богу» французского проповедника XVII века Франциска Сальского, где сказано: «Пока у нас есть время, будем делать столько добра, сколько сможем».

О том же говорилось в «Призыве к братьям», который приписывается Франциску Ассизскому: «Пока у нас есть время, будем творить добро». А еще раньше – в Послании апостола Павла галатам (6:9–10): «Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро...»

В 1827 году Гааз был назначен главным врачом московских тюрем и членом тюремного комитета. Отныне вся его жизнь была посвящена облегчению участи узников. Он добился освобождения от кандалов стариков и больных, сами кандалы были заменены более легкими и обшитыми кожей; благодаря ему появилась тюремная больница и школа для детей арестантов. Ссылные прозвали его «святым доктором».

В 1844 году Гааз основал Полицейскую больницу (для бездомных) и сам поселился в ней. На благотворительность ушло все, что он приобрел частной практикой, и продолжало тратиться все, что Гааз получал от казны.

В августе 1853 года Гааз тяжело заболел. Лежать он не мог; он сидел в халате в большом старом кресле, морщась при каждом движении. Его знакомая Елизавета Драшусова, навещавшая его ежедневно, вспоминала: «Благообразное старческое лицо его выражало, по обыкновению, доброту и приветливость. Он не только не жаловался на страдания, но ни слова не говорил ни о себе, ни о своей болезни, и беспрестанно занимался своими бедными, больными, заключенными».

Только раз он сказал своему другу, доктору Полю:
– Я не думал, чтобы человек мог вынести столько страданий.

16 августа он умер во сне. В 1998 году католическая церковь начала процесс причисления Гааза к лику святых.

В 1909 году во дворе бывшей Полицейской больницы был установлен памятник «святому доктору». У подножия памятника помещены облегченные кандалы, введенные Гаазом.

На цоколе выбита надпись:

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!

Это чуть измененная цитата из книги Гааза «Призыв к женщинам», где говорилось, что христианки «будут спешить

делать добро». «Призыв...» был написан по-французски, а в печати появился лишь в 1897 году, в русском переводе Л. Никифорова.

В этой форме («Спешите...») изречение, вероятно, восходит к французскому переводу Второго послания Павла фессалоникийцам (3:13): «не медлите делать добро». В синодальном переводе иначе: «...не унывайте, делая добро».

Задолго до Гааза Егор Фукс, адъютант Александра Суворова, писал, что «правилом жизни» полководца было: «Добро делать спешить должно» (Е. Фукс, «История генералиссимуса (...) Суворова-Рымникского», 1811).

В русской классике этот призыв стал финалом рассказа Чехова «Крыжовник»:

«— Павел Константиныч, — проговорил он умоляющим голосом, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!»

Тем не менее с начала XX века призыв «Спешите делать добро!» связан в России с именем доктора Гааза.

Спи, моя радость, усни!

Какая колыбельная самая известная в мире? Разумеется, эта:

Спи, моя радость, усни!

В доме погасли огни.

Пчелки затихли в саду,

Рыбки уснули в пруду,

Месяц на небе блеснит,

Месяц в окошко глядит...

Глазки скорее сомкни,

Спи, моя радость, усни.

В 1825 году вдова Моцарта Констанция послала эту колыбельную (с нотами) издателю сочинений Моцарта, заметив: «Сочинение премилое, по всем признакам моцартовское, непосредственное, изобретательное».

Три года спустя колыбельная была напечатана в приложении к биографии Моцарта, которую Констанция написала вместе со своим вторым мужем Георгом фон Ниссенем. С этого времени «колыбельная Моцарта» включалась в собрания его сочинений, а в качестве автора текста указывался немецкий поэт Матиас Клаудиус (1740–1815).

Однако сестра Моцарта Наннерль не подтвердила версию

об авторстве брата, да и сама Констанция в конце концов в этом засомневалась. Находились музыковеды, утверждавшие, что музыка колыбельной не похожа на моцартовскую: уж слишком она проста и незатейлива; даже самые простые песни Моцарта устроены сложнее.

А на исходе XIX века немецкий музыковед Макс Фридендер установил, что музыку колыбельной написал и издал в 1796 году Бернхард Флис, берлинский врач и композитор-любитель. О Флисе известно лишь, что родился он около 1770 года в семье еврейских коммерсантов, крестился в 1798 году, а 18 марта 1791 года организовал в Берлине благотворительный концерт памяти Моцарта.

Слова же колыбельной принадлежат Фридриху Вильгельму Готтеру (1746–1797). Они взяты из его пьесы «Эсфирь», поставленной в Лейпциге в 1795 году. Эта пьеса была переложением на современный лад библейской Книги Эсфирь, а колыбельную исполнял хор служанок Эсфири. Заметим, что в оригинале песня начинается словами «Спи, мой царевич», а заканчивается: «Спи, мой царевич, усни». Во французском переводе: «Спи, мой маленький принц». Не отсюда ли появился «Маленький принц» Антуана Сент-Экзюпери?

В гитлеровской Германии вернулись к старой версии об авторстве Моцарта. Музыковед Герберт Геригк, издатель журнала нацистской партии «Музыка на войне», в апрельско-майском номере своего журнала за 1944 год заявил, что версия об авторстве Флиса – не что иное, как «чудовищная

фальсификация», понадобившаяся «еврею Максу Фридлендеру», чтобы отнять у арийцев авторство колыбельной.

Не так давно обнаружился еще один претендент на авторство – немецкий композитор Иоганн Фляйшман, умерший в 1798 году в возрасте 32 лет. Фляйшман аранжировал несколько опер Моцарта для духовых инструментов, а в 1796 году издал музыку к колыбельной Готтера, начало которой почти совпадает с музыкой Флиса.

Русский перевод колыбельной появился очень поздно, в 1924 году. Он принадлежал Софии Свириденко. В первой публикации колыбельная начиналась строкой «Спи, мой царевич, усни» – точно по немецкому тексту, – а строка «Спи, моя радость, усни» трижды повторена в заключении. Во втором издании перевода (1925) колыбельная начиналась словами «Спи, мой любимый, усни». Но очень скоро она стала исполняться с первой строкой «Спи, моя радость, усни» – по-видимому, без всякого участия переводчицы.

В 1932 году появился еще один перевод – Всеволода Рождественского: «Спи, мой сынок, без забот, (...) / Спи, мой сынок дорогой». Но этот перевод не прижился и канул в Лету.

Перевод Свириденко достаточно близок к оригиналу. Но его самая известная строка – «Спи, моя радость, усни» – принадлежит не Готтеру и не Свириденко. Она взята из «Колыбельной песни» Константина Бальмонта (1894), необычайно популярной в начале XX века:

Липы душистой цветы распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь нас окутает ласковым сумраком,
В небе далеком зажгутся огни,

Ветер о чем-то зашепчет таинственно,
И позабудем мы прошлые дни,
И позабудем мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

О, моя ласточка, о, моя деточка,
В мире холодном с тобой мы одни,
Радость и горе разделим мы поровну,
Крепче к надежному сердцу прильни,

Мы не изменимся, мы не расстанемся,
Будем мы вместе и ночи и дни.
Вместе с тобою навек успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

Сталин, соха и бомба

«Посмертная похвала Черчилля Сталину стерлась от частого употребления: “Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой”». Так писал политолог Дмитрий Орешкин в «Новой газете» в августе 2007 года.

«Похвала Черчилля» бытует в нескольких вариантах; вот один из наиболее распространенных:

– Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Так будто бы говорил сэр Уинстон в Палате общин 21 декабря 1959 года, в 80-ю годовщину со дня рождения Сталина.

Дмитрий Орешкин отнюдь не поклонник отца народов, а даже совсем напротив, и эту оценку он подвергает ревизии. Однако еще раньше подверглась ревизии подлинность самой «похвалы». Дотошные люди проверили – и, разумеется, не нашли никаких следов этой речи. Да и с какой стати Черчилль стал бы произносить речь по случаю посмертного юбилея диктатора, а британская Палата общин – ее выслушивать?

Зато обнаружили, что «похвалу» ввела у нас в обиход Нина Андреева – в знаменитой статье «Не могу поступаться принципами» («Советская Россия», 13 марта 1988). Андре-

ева, а вернее, аппаратчики Егора Кузьмича Лигачева, готовившие эту статью, источника цитаты не указали. Истинный автор был назван три недели спустя («Правда», 5 апреля), в статье, подготовленной помощниками Александра Яковлева: «Приведенный ею (Андреевой) панегирик Сталину принадлежит отнюдь не Черчиллю. Нечто подобное – говорил известный английский троцкист И. Дойчер».

И верно. 6 марта 1953 года, на другой день после смерти Сталина, в леволейбористской «Манчестер гардиан» появился некролог, подписанный Исааком Дойчером. Здесь, среди прочего, говорилось:

«Суть исторических достижений Сталина состоит в том, что он получил Россию, пашущую деревянными плугами, и оставляет ее оснащенной атомными реакторами».

Это высказывание вошло в книгу Дойчера «Россия после Сталина» (1953) и, что особенно важно, в «Британскую энциклопедию» (т. 21, 1964). Статья «Сталин» подписана здесь инициалами «I.D.» («Isaac Deutscher»).

Спутать Дойчера с Черчиллем едва ли возможно. Исаак Дойчер (1907–1967) родился в религиозной еврейской семье близ Кракова. В молодости писал стихи – на идиш и на польском, учился в Варшавском университете, а в 19 лет стал членом запрещенной компартии. В 1932 году он выступил против сталинской политики в руководстве Коминтерна, ратовал за союз с социал-демократами против Гитлера и был исключен из партии за «преувеличение угрозы нациз-

ма». После этого стал одним из виднейших польских троцкистов, хотя от официального троцкизма дистанцировался.

В апреле 1939 года, за полгода до оккупации Польши, Дойчер эмигрировал в Англию, здесь добровольцем вступил в польскую армию, но вскоре был интернирован как опасный подрывной элемент. В Англии он очень скоро стал ведущим экспертом по Советскому Союзу и европейской политике. Первым его серьезным трудом была политическая биография Сталина, вышедшая еще при жизни вождя (1949); самое известное сочинение Дойчера – трехтомная биография Троцкого.

Ну а Черчилль? В его военных речах и впрямь можно найти похвалы Сталину. 8 сентября 1942 года Черчилль выступил в Палате общин с отчетом о поездке в Москву.

– Для России, – говорил он, – большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре (...), человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий како-

го-либо рода.

Читая этот панегирик, следует помнить о словах Черчилля, записанных его личным секретарем Колвиллом 21 июня 1941 года, накануне вторжения Гитлера в СССР: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в Палате общин».

Что же касается формулы «соха и бомба», то в феврале 1923 года основатель современного турецкого государства Ататюрк, выступая в только что отвоеванном у греков Измире, сказал:

– Те, кто воюет мечом, в конце концов терпят поражение от тех, кто воюет сохой.

«Отец турок» имел в виду Османскую империю. Можно было бы привести и другие примеры.

Стереть в лагерную пыль

Вроде бы каждый знает, что это выражение принадлежит Лаврентию Берии. Мало того: в исторической литературе можно найти и документ, подписанный Берией, в котором это выражение встречается. Речь идет о его резолюции от 21 июня 1941 года на сводку докладов сотрудников внутренней разведки, предупреждающих о скором нападении Германии:

В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить.

Эта резолюция цитировалась в почтенном «Военно-историческом журнале» (1990, № 5), однако без ссылки на архивный источник, поскольку взята она была не из архивохранилищ, а из «повести в документах» Овидия Горчакова.

Повесть Горчакова «Накануне, или Трагедия Кассандры» появилась на свет в журнале «Горизонт» (1988, № 6–7) и почти целиком состоит из донесений «секретных сотрудников» Берии. Откуда же взял их автор? Из неведомой «старой папки»: «На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись,

дело. Когда открываешь папку, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечным пером: “В последнее время многие работники...”» и т. д.

В 1988 году, на заре перестройки, Горчаков едва ли мог иметь доступ к столь секретным фондам. В позднейших архивных сборниках документов такой резолюции нет. Знаменитая резолюция сочинена самим О. Горчаковым, как все (или почти все) «документы», из которых состоит его повесть.

Есть еще свидетельства мемуаристов – в том числе Никиты Хрущева и Сергея Капицы, в которых Берия угрожает стереть кого-либо в лагерную пыль. Однако мемуары, особенно поздние, весьма ненадежный источник в такого рода делах. (К примеру, мемуаристы упорно приписывают А. Я. Вышинскому тезис «Личное признание обвиняемого – царица доказательств», тогда как сам Вышинский называл его «в корне ошибочным принципом» средневекового права.) В общем, бесспорных свидетельств о принадлежности выражения «стереть в лагерную пыль» Берии нет.

Что же можно сказать о происхождении «лагерной пыли»?

В литературе она появляется в годы «оттепели». В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» (писался в 1950-е годы, конфискован в рукописи в 1961 году) читаем:

Люди, которые вчера командовали армиями, фронтами, властвовали над краями, республиками,

огромными заводами, сегодня по одному гневному слову Сталина могли обратиться в ничто, в лагерную пыль.

Сегодня я в этом кабинете [у Берии], а завтра – я лагерная пыль.

Борис Слуцкий писал о том же в стихах:

Но прах не замечается пургой,
а лагерная пыль заносит плаху.

(«Полиция исходит из простого...», 1963)

В эмигрантском «Социалистическом вестнике» (1961, № 12) есть даже ссылка на резолюцию Берии: «Он написал гневную жалобу в ЦК. Жалоба вернулась к нему с резолюцией Берия: “Будешь брыкаться, обращаю тебя в лагерную пыль”» (Д. Бург, «Конец Берия»). Эта резолюция не более недостоверна, чем резолюция в «документальной повести» Горчакова.

Предшественницей «лагерной пыли» была «человеческая (людская) пыль», калька с французского «poussière humaine» – «человеческая пыль», «человеческий прах».

Выражение восходит к Ветхому Завету: «Они – как прах, возметаемый ветром»; «Да будут они, как прах пред лицом ветра» (Псалтырь, 1, 4; 34, 5). (Отсюда же, кстати сказать, заглавие романа немецкого писателя Макса Шульца «Мы не пыль на ветру», 1962.)

В русской печати начала XX века «человеческая (людская) пыль» означала неорганизованную, распыленную массу: «Людская пыль на наших глазах стала превращаться в народ» (статья П. Б. Струве «Революция» в журн. «Полярная звезда», 1905, № 1); «Россия не бесформенная масса пыли человеческой...» (передовая статья газеты «Речь» от 10 июля 1906 г.) и т. д.

После 1917 года эти выражения стали применяться к политике большевиков. Вл. Кадашев называл Советскую власть «властью ничтожного меньшинства (...) над людскою пылью бесправного большинства» («Донские ведомости», 8/21 декабря 1919 г.); «Большевики и белые вели [гражданскую войну] в таких ужасных формах истребления человеческой пыли...» – писал Ю. Липеровский в варшавской газете «Свобода» 5 января 1921 года.

Можно предположить, что в 1930-е годы по этому образцу возникло сочетание «лагерная пыль», а из него, под влиянием оборота «стереть в порошок», – выражение «стереть в лагерную пыль».

Вполне вероятно, что именно оно сидело в подсознании Дмитрия Киселева, ведущего «Вестей недели» телеканала «Россия-1», когда в эфире 16 марта 2014 года он заявил:

– Россия – единственная страна в мире, способная превратить США в радиоактивный пепел!

Страна рабов, страна господ

В ХХI веке самым обсуждаемым стихотворением русской литературы стало восьмистишие, начинающееся со строк:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Лермонтоведы считали и продолжают считать его одной из вершин русской политической лирики. В то же время многие ныне уверены, что стихотворение это Лермонтов написать не мог. Самые крайние отрицатели (имя им легион) прямо объявляют восьмистишие – т. е., собственно, первые 4 строки, – русофобским.

Я не берусь решать вопрос об авторстве восьмистишия, но пока что доводы «за» выглядят весомее.

Стихотворение было опубликовано в 1887 году в журнале «Русская старина». Считается, что оно было написано в Петербурге перед отъездом Лермонтова на Кавказ в мае 1840 или апреле 1841 года. И хотя автографа (как и у четверти стихов Лермонтова) нет, в авторстве Лермонтова не усомнился никто ни до 1917-го, ни в эмиграции, ни в СССР вплоть до 1989 года.

Тогда же возник и вопрос: если автор не Лермонтов, то кто же?

В 2004 году литературовед М. Д. Эльзон выдвинул версию, что восьмистишие было мистификацией издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, в передаче которого оно стало известно. Но эта версия не удержалась по очевидной причине: о поэтических опытах Бартенева, даже дилетантских, ничего не известно, а стихотворение написано явно не дилетантом.

Поэтому в главные претенденты на авторство выдвинут сатирик радикального толка Дмитрий Минаев (1835–1889). Однако стилистический анализ восьмистишия, сделанный Ниной Сапрыгиной («И все-таки Лермонтов!», 2006) и дополненный автором ЖЖ под ником «tervby», кажется достаточным, чтобы отвергнуть версию об авторстве Минаева.

Наибольшие споры вызывает вовсе не 2-я строка («Страна рабов, страна господ»), а 1-я и 4-я. Ко 2-й строке указано немало параллелей у Лермонтова, прежде всего:

Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

(«Жалобы турка», 1829)

...И перед властью – презренные рабы.

(«Дума», 1938)

В последней строке современники должны были ощущать переключку со знаменитой фразой римского императора Тиберия: «О люди, рожденные для рабства!» Эти слова он, согласно Тациту, произносил по-гречески всякий раз после заседаний сената: «даже ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение столь низменное раболепие» («Анналы», III, 65, перевод А. Бобовича).

Считающие стихотворение русофобским возмущаются прежде всего определением «немытая Россия» и указывают на высокий уровень гигиены русского народа, регулярно посещавшего баню. В ответ им цитируют не вполне печатное высказывание Лермонтова: «<...> не могу, потому что девки воняют». (Письмо к С. А. Раевскому из Тархан от 16 января 1836 г.)

Лермонтоведы же трактуют 1-ю строку исключительно в метафорическом смысле:

«Оскорбительно-дерзкое и вместе с тем проникнутое душевной болью определение родной страны (“немытая Россия”) представляло собой (...) историческую характеристику, вместившую в себя всю отсталость, неразвитость, иначе говоря нецивилизованность, современной поэту России». (Т. Г. Динесман в «Лермонтовской энциклопедии», 1981.)

Тут все же чувствуется некая недоговоренность: метафорой нецивилизованности, так или иначе, оказывается немытость, и прямое значение слова ощущается.

Поэтому философ Петр Симуш предложил это нехоро-

шее слово исправить: «...Некий посредник, не поняв неразборчивый от волнения почерк или не расслышав голос автора, вместо прилагательного “немотная” вписал слово “немытая”. (...) Разумеется, сам Лермонтов никак не мог назвать свою Родину “немытой Россией”». («Таинство власти: Лермонтов проясняет», в журн. «Власть», 2015, № 3.)

Тогда, конечно, главная претензия к стихотворению была бы снята; увы, слова «немотный» нет не только у Лермонтова, но даже в словаре Даля, опубликованном 20 лет спустя после гибели поэта.

4-ю строку такие видные филологи, как М. Г. Ашукина и В. В. Виноградов, предлагали понимать не в смысле «народ, исполненный любви и верности жандармам», а прямо наоборот: «...отданный во власть жандармов». Слово «преданный», пояснял, вслед за Ашукиной, Виноградов, означает здесь «отданный во власть, представленный в распоряжение кого-нибудь». «В стихотворной речи 30–40-х годов преданный в этом значении было еще употребительно, хотя и носило отпечаток торжественной, “славенской” приподнятости и архаистичности». («Проблема авторства и теория стилей», 1961.)

Это толкование не было принято лермонтоведами, и понятно почему: оно предполагает, что великий поэт то ли намеренно, то ли по недосмотру допустил возможность двух совершенно разных прочтений своей мысли.

Наконец, авторство Лермонтова отвергается из общих со-

ображений: не мог Лермонтов, автор стихотворения «Родина» («Люблю Россию я, но странною любовью...»), написать строки, о которых первый публикатор восьмистишия П. А. Висковатов сказал: «В раздражении своем поэт не пощадил и России...»

Но и на это в качестве контраргумента приводится ряд цитат, включая хорошо известное высказывание Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь». (Письмо П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г.)

Написано это, что называется, «в раздраженных чувствах», но то же можно сказать и о восьмистишии «Прощай, немытая Россия...». Недаром же Висковатов продолжает: «...не пощадил и России, которую он любил так пламенно...»

Другое близкое по смыслу высказывание известно прежде всего из статьи Ленина «О национальной гордости великороссов» (1914): «Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». Для Ленина эта оценка в значительной мере уже относилась к прошлому, поскольку «великорусская нация *тоже* создала революционный класс».

Ленин неточно цитировал незаконченный роман Чернышевского «Пролог». Роман писался в Вилуйской ссылке в 1867–1870 гг., т. е. за 20 лет до публикации строки «Стра-

на рабов, страна господ», а напечатан был лишь в 1906 году. Мало кто этот роман прочел и мало кто знал, кого в первую очередь имел в виду автор, говоря о «рабах».

Действие происходит в канун крестьянской реформы 1861 года. Герой романа Волгин (alter ego самого Чернышевского) слушает разговоры помещиков, удрученных предстоящим освобождением крестьян.

«Жалкая нация, жалкая нация! – Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы...» – думал он и хмурил брови.

Он не любил дворянства. Но бывали минуты, когда он не имел вражды к нему. Можно ли ненавидеть жалких рабов?

В начале XIX века Михаил Сперанский, составитель «Свода законов Российской империи», считал такое положение дел юридическим фактом:

...Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов.

(Записка «О коренных законах государства», 1802; полностью опубликована в 1961 г.)

В марте 1855 года Лев Толстой начал писать «Севастопольские рассказы», которые и поныне остаются образцом военно-патриотической литературы. И почти одновременно,

в феврале – марте, Толстой набрасывает «Проект о переформировании армии», в котором, выражаясь словами Висковатова, «не пощадил» ни русской армии, ни русского солдата. Цитирую вторую редакцию проекта:

У нас нет войска, а толпы угнетенных дисциплинированных рабов, повинующихся грабителям и наемникам. Толпы эти не войско, потому что в наш[ем] войске нет ни преданности к вере, к Царю и отечеству, слова, которыми так часто злоупотребляют, ни рыцарской отваги, ни военной чести, а есть с одной стороны – дух терпения и подавленного ропота, с другой дух жестокости, угнетения и лихоимства.

Выражение «страна рабов» попало к нам, вероятно, из французского языка (*pays d'esclaves*). С XVIII века оно применялось к Османской империи, но иногда и к России.

Бомарше, перечисляя свои заслуги перед Французской революцией, с гордостью вспоминал о письме, полученном им при Старом режиме из Лондона с адресом на конверте: «Единственному свободному человеку в стране рабов, г-ну Бомарше, в Париж...» (Прошение представителям Парижской Коммуны от 2 сентября 1789 г.)

Февральская революция 1917 года поначалу была воспринята у нас как начало новой исторической эры – без рабов и господ. Однако вскоре «вождь революции» Керенский заговорил о рабах, противопоставляя им уже не господ, а граждан.

29 апреля, во время первого серьезного кризиса во Временном правительстве, он выступил на съезде делегатов флота. Борис Колоницкий в монографии «Товарищ Керенский» (2017) называет это выступление его самой знаменитой речью. Керенский говорил:

– Процесс перехода от рабства к свободе, конечно, протекает не в форме парада, как это бывало раньше.

Что же, русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов?

Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов? (...) У меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство.

Выражение «взбунтовавшиеся рабы» было подхвачено прессой и на некоторое время стало настоящим крылатым словом. Умеренный либерал Василий Маклаков решил, что Керенский «перефразировал старинную “анафему” Ивана Аксакова, который воскликнул в минуту горя: “Вы не дети свободы, вы взбунтовавшиеся рабы!”» («Русское слово», 6 мая 1917 г.). Имелось в виду следующее высказывание «младшего славянофила» И. С. Аксакова (1823–1886):

Раб бунтует против власти, им не понимаемой, без воли его на него наложенной и его не понимающей. Человек свободный не бунтует против власти, им понятой и добровольно призванной. (...) Бунтовать

может только раб, а свободный человек не бунтует.

(Заметка, опубликованная посмертно под назв. «О том же»)

Однако в монографии Колоницкого приведен гораздо более близкий источник. 27 апреля, за два дня до речи Керенского, состоялось совместное заседание депутатов четырех Государственных дум. Здесь видный кадет Федор Родичев, заявил:

– ...Жить в монархии, под самодержавием, может лишь раб, по природе раб, который умеет бунтовать, но не умеет жить свободно...

О формуле «взбунтовавшиеся рабы» нередко вспоминали в эмиграции, но, разумеется, не в СССР.

Так жить нельзя

У поколения, заставшего «перестройку», это выражение ассоциируется с документально-публицистическим фильмом Сергея Говорухина, вышедшим на экраны в начале 1990 года.

В 2011 году бывший советник Ельцина Сергей Станкевич вспоминал:

...Фильм «Так жить нельзя» по решению президиума Моссовета демонстрировался в нескольких кинотеатрах столицы, причем мы рекомендовали московским школам присылать на фильм старшеклассников вместо уроков по новейшей истории России. В мае 1990 года, когда Ельцина никак не удавалось избрать председателем Верховного Совета РСФСР (ему несколько раз не хватало трех-четырёх голосов), был устроен показ фильма Говорухина для народных депутатов России. Моссовет прислал к Кремлю несколько десятков автобусов. Российских депутатов сразу после заседания организованно привезли на «Мосфильм» и провели в просмотровый зал. Фильм произвел на народных избранников оглушительное впечатление, особенно на депутатов из отдаленных уголков страны. На следующий день Ельцин был избран председателем Верховного Совета

РСФСР с приличным перевесом голосов.

(«Ельцин был в своей стихии», «Взгляд», 16 августа 2011 г.)

Ощущение того, что «так дальше жить нельзя», появилось с началом «перестройки». Публицист Анатолий Стреляный говорил в беседе с комсомольским активом МГУ 15 мая 1987 года:

– Невозможно так дальше жить. Нужна демократия.

(Приведено в журн. «Посев», 1987, № 9.)

В 1988 году Евгений Евтушенко опубликовал стихотворение «Так дальше жить нельзя»:

Когда страна почти пошла с откоса,

зубами мы вцепились ей в колеса

и поняли,

ее затормозя:

«Так дальше жить нельзя!»

Есть пик позора в нравственной продаже.

Нельзя в борделе вешать образа.

Жизнь

только так и продолжалась дальше —

с великого:

«Так дальше жить нельзя!»

Первоянварский номер «Московских новостей» за 1989 год открывался фельетоном Михаила Жванецкого «Так жить нельзя»:

Нашу жизнь характеризует одна фраза: «Так больше

жить нельзя!»

Вначале мы ее слышали от бардов и сатириков, потом от прозаиков и экономистов, теперь от правительства.

Наш человек эту фразу слышал и триста лет тому назад, двести, сто и, наконец, семьдесят лет назад сделал так, как ему советовали, ибо так больше жить нельзя... С тех пор слышит эту фразу каждый день.

Вот я и думаю, а может, нас для примера держат. Весь мир смотрит и пальцем показывает:

– Видите, дети, так жить нельзя!

– Так дальше жить нельзя, – говорил В. А. Стародубцев, будущий член ГКЧП, на I съезде народных депутатов СССР 31 мая 1989 г.

В 1990 году сам Горбачев утверждал:

– Мы тогда сказали (...), что так, как мы жили, жить нельзя. Для меня это, вообще говоря, слова, которые были сказаны в ночь [жене, Раисе Максимовне] перед 11 марта 1985 года [т. е. накануне пленума, избравшего Горбачева генсеком].

(Выступление на встрече с деятелями культуры 28 ноября 1990 г.)

Жванецкий едва ли предполагал, насколько он был прав, говоря, что наш человек слышал эту фразу «сто лет назад».

9 декабря 1884 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась статья известного в то время поэта Арсения Голенищева-Кутузова «Так жить нельзя». Статья заканчивалась

стихотворением «Так жить нельзя! В разумности притворной...»:

Нет, други, нет – так дольше жить нельзя!
Сомнений ночь отрады не приносит,
Клевет и лжи наскучили слова (...).

Нас держит власть победного обмана,
Как узников в оковах и тюрьме.

И лишь одно не умерло сознание —
Не то призыв, не то воспоминание, —
Оно твердит: так дольше жить нельзя!

Вскоре стихотворение стало популярным романсом («Нас держит власть победного обмана», музыка П. Н. Ренчинского).

«Так жить нельзя» (или: «Так дольше жить нельзя!») сразу же стало ходячим речением:

«Так жить нельзя» – одна из самых обычных фраз тоскующей интеллигенции.

(«К чему способна интеллигенция?», «Неделя», 1887, № 9).

«Так дальше жить нельзя» – называлась статья В. А. Грингмута, идеолога черносотенного движения («Московские ведомости», 1904, № 325).

Народнический публицист С. Елпатьевский утверждал:

...Из трех ходячих поговорок последнего времени: «дальше идти некуда», «так жить дольше нельзя» и «к прошлому возврата нет» – безусловно справедлива только последняя.

(«Облетели цветы, догорели огни», в журн. «Русское богатство», 1907, № 5)

Деятельница кадетской партии Ариадна Тыркова писала:

И все время, что длятся бюджетные прения, над белой залой точно носится коротенькая фраза, долго бывшая лозунгом прогрессивной России: «Так дольше жить нельзя!»

(А. Вергежский [псевд.], «Третья Дума», в журн. «Русская мысль», 1908, № 5)

Того же мнения был консервативный публицист Михаил Меньшиков:

Так, как теперь мы живем, долго жить нельзя, – это надо же наконец понять и оценить.

(«Предвыборная тревога», в газ. «Новое время», 13 сент. 1912 г.)

В 1910 году вышла в свет «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“». О временах монгольского ига здесь говорилось:

Нашлись люди, которые доказывали, что так жить нельзя: но людей этих сажали в тюрьмы, а газеты, в которых они работали, штрафовали или совсем закрывали.

(Раздел «Монгольское иго» написал О.Л. Д'Ор – Иосиф Львович Оршер.)

И наконец, еще две цитаты – одна из времен Февральской революции, другая – из времен Гражданской войны:

...Так жить – более жить нельзя.

(«Уничтожьте хвосты!», *«Известия Петроградского Совета»*, 10 марта 1917 г.)

– Так дольше жить нельзя! Это воздыхание повторялось неустанно на разные лады изо дня в день с того момента, как большевики захватили власть.

(В. Самсонов, *«Незабываемое»*, в газ. *«Отечественные ведомости»* (Екатеринбург), 25 мая 1919 г.)

Там, где сжигают книги...

По легенде, сподвижник Мухаммада халиф Омар I (? —644), захватив в 641 году Александрию, приказал сжечь свитки Александрийской библиотеки. Он сказал:

– Если в этих писаниях греков говорится то же, что в Коране, они излишни; а если другое – вредны.

Впервые эту фразу (в несколько ином виде) привел сирийский писатель, глава христиан-монофиситов Абу-ль-Фарадж (Бар-Эбрей) (1226–1286) в книге «Сокращенная история династий». В 1663 году она была переведена на латынь.

На самом деле бо́льшая часть библиотеки сгорела в 273 году при взятии Александрии императором Аврелианом, а ее остатки («Малая библиотека») – по-видимому, в 391 году, во время погрома, учиненного христианами.

В 1499 году в недавно завоеванную испанцами Гранаду прибыл кардинал Хименес де Сиснерос. Он приказал сжечь все арабские манускрипты, за исключением медицинских, – и это уже не легенда.

В 1823 году Генрих Гейне опубликовал поэму «Альмансор», написанную тремя годами ранее. Сюжетом поэмы было насильственное обращение гранадских мавров в христианство. Здесь мы находим следующий диалог (перевод В. Зоргенфрея):

АЛЬМАНСОР

– Нам говорили, что Хименес мрачный,
Посередине площади, в Гренаде, —
– Я не могу, язык немеет, – бросил
Священный наш Коран в огонь костра.

ГАССАН

Начало это. Там, где книги жгут,
Там и людей потом в огонь бросают.

(Перевод В. Зоргенфрея)

(В оригинале: «Это была лишь прелюдия» – ein Vorspiel.)

В России эта фраза обычно цитируется в прозе: «Там, где сжигают книги, кончают тем, что сжигают людей».

Судьба гранадских мавров у Гейне – аллегория судьбы евреев в христианской Европе. Католические церковники устраивали публичное сожжение не только Корана, но и Талмуда. У Гейне можно найти резко отрицательные отзывы о служителях всех вероисповеданий, включая раввинов, но религиозная нетерпимость, как и любое насилие над совестью, была для него неприемлема.

Первый случай сожжения неудобных Церкви книг описан в Деяниях апостолов, гл. 19; правда, здесь «занимавшиеся чародейством» сжигают свои сочинения добровольно после проповеди апостола Павла.

В Средние века публичное сожжение книг по указанию

Церкви стало в Европе делом обычным. Позднее так же поступала светская власть. Во Франции Нового времени множество книг и памфлетов было сожжено по решению тогдашних органов судебной власти – Парижского парламента и провинциальных парламентов.

В XIX веке появились примеры сожжения книг как эффектного политического действия. Самым известным эпизодом подобного рода стал т. н. Вартбургский съезд, устроенный по случаю 300-летия Реформации.

18 октября 1817 года в замке Вартбург (город Айзенах, Тюрингия) собрались студенты и профессора со всей Германии. Они провозгласили программу создания единого германского конституционного государства, а увенчали празднество сожжением «реакционных сочинений» на большом центральном костре. Среди сожженных книг была «История Германского рейха» Августа фон Коцебу. Полтора года спустя сам Коцебу был зарезан студентом, одетым в «национальный» старогерманский наряд. Его убийце, Карлу Занду, молодой Пушкин посвятил восторженное стихотворение «Кинжал».

Генриху Гейне, родившемуся всего на два года раньше Пушкина, не были чужды политические лозунги Вартбургского съезда, но его отталкивал «старогерманский наряд», в который они были облечены. В 1840 году Гейне писал:

Там, в Вартбурге, прошлое каркало свою темную
воронью песню и при свете факелов говорились и

делались глупости, достойные самого что ни на есть безмозглого средневековья! (...) ...В Вартбурге (...) царило то косное тевтономанство, которое все хныкало о любви да о вере, но любовь его была не что иное, как ненависть к чужеземному, а вера заключалась только в глупости, и в невежестве своем оно ничего лучшего не смогло придумать, как жечь книги!

(«Людвиг Бёрне. Книга воспоминаний»; перевод А. Федорова)

Трудно сомневаться в том, что в «Альмансоре» отразились и впечатления от вартбургского аутодафе.

Традиция факельных политических шествий и публично-го сожжения книг нашла благодатную почву в нацистской Германии. 10 мая 1933 года на Оперной площади близ Берлинского университета им. Гумбольдта нацисты устроили сожжение книг, «чуждых немецкому духу». И это было только прелюдией.

Ныне на площади Бебеля (бывшей Оперной) установлена памятная доска с двустишием из «Альмансора»:

Вступленье это. Там, где книги жгут,
Там и людей потом в огонь бросают.

После Второй мировой появилось еще несколько известных высказываний о сожжении книг.

12 июля 1953 года 82-летний английский писатель Хилэр Беллок, лежавший в кровати рядом с камином, по неосторожности получил тяжелые ожоги и четыре дня спустя умер.

По легенде, незадолго до смерти он произнес:

– Лучше сжечь писателя, чем его книги.

10 декабря 1987 года Иосиф Бродский прочел в Стокгольме свою Нобелевскую лекцию. Он говорил:

– ...Ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким являются не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей.

В более краткой форме Бродский выразил ту же мысль в речи по случаю присвоения ему звания поэта-лауреата США, прочитанной 17 мая 1991 года:

Есть преступления более тяжкие, чем сжигать книги.
Одно из них – не читать их.

Эта цитата нередко приписывается Рэю Брэдбери, автору романа «451 градус по Фаренгейту», герой которого профессионально занимается сожжением книг.

Нечто подобное Брэдбери действительно говорил, но уже после Бродского:

– Проблема нашей страны в не том, что книги запрещены, а в том, что люди их больше не читают. Посмотрите на наши журналы и газеты – все это хлам,

мусор, пикантные новости. (...) Не нужно сжигать книги, чтобы уничтожить культуру. Достаточно сделать так, чтобы их перестали читать.

(Интервью в «The Seattle Times» от 12 мая 1993 г.)

Теория стакана воды

В 2001 году в Сети появилась игра «Как стать революционером?» – германский ответ на американскую забаву «Как стать миллионером?». За два года в эту полит-игру сыграли 130 тысяч немцев, а вскоре вышла и книжка под тем же названием. Среди прочих вопросов один особенно меня заинтересовал:

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ «ТЕОРИЯ СТАКАНА ВОДЫ»?

- A. Анжела Девис
- B. Эмма Голдман
- C. Александра Коллонтай
- D. Роза Люксембург.

Про американскую коммунистку Анжелу Девис у нас еще многие помнят; Эмма Голдман – американская анархистка и феминистка родом из России. Правильным считался ответ «C», с пояснением: «Александра Коллонтай, политическая активистка в революционной России, призывала женщин потреблять секс как стакан воды – без раздумий, без обязательств и без всякой романтики».

Именно так обычно и пишут, даже в научных книжках: «знаменитая теория “стакана воды” Александры Коллонтай». (Изредка упоминаются еще Клара Цеткин, Инесса Арманд и опять же Роза Люксембург.)

Обратимся к источникам – вернее, к одному-единственному источнику. Это мемуарная заметка Клары Цеткин «Из записной книжки», опубликованная в переводе с немецкого в 1925 году. Дело происходит осенью 1920 года; Цеткин, только что вернувшаяся из Германии, беседует с Лениным в его кремлевском кабинете. Впрочем, это не беседа, а нескончаемый ленинский монолог, целый трактат, прочитанный перед одним-единственным слушателем, двадцать три страницы прямой речи вождя.

Как историк замечу, что достоверность такого рода записей задним числом крайне сомнительна. Кое-что в записях К. Цеткин согласуется с достоверными высказываниями Ленина, а кое-что прямо им противоречит.

Большая часть ленинского монолога посвящена «половому вопросу», на который, как и на все остальное, Ильич взирает с высот мировой революции. С этой точки зрения «половой вопрос» только помеха: «Сейчас все мысли работниц должны быть направлены на пролетарскую революцию», нельзя допускать «никакого расточения и уничтожения сил». А что на деле?

– Мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи – а часто и взрослых – довольно часто кажется разнообразием доброго буржуазного дома терпимости. (...) Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как вы-

пить стакан воды. От этой «теории стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась.

И дальше:

– Я считаю знаменитую «теорию стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. (...) Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?

Вся «теория стакана воды» известна только по мемуарам Цеткин; никаких ее следов никто до сих пор не нашел. В немецких текстах можно встретить выражение «Glaswassertheorie», во французских – «la théorie du verre de l'eau», но всё это цитаты из Клары Цеткин. Тем не менее существование «теории» представляется самоочевидным – ведь сам Ленин назвал ее «пресловутой» и «знаменитой».

Александра Коллонтай о «стакане» не говорила, напротив: в своих теоретических работах она защищала «крылатый Эрос» (духовную близость) против «бескрылого Эроса» (чисто физическое влечение).

И лишь в ее рассказе «Любовь трех поколений» из сборника «Любовь пчел трудовых» (1923) младшая из трех героинь замечает: «Они мне нравились, и я чувствовала, что нравлюсь им... Все это так просто». «Вас удивляет больше всего, что я схожусь с мужчинами, когда они мне просто нравятся, не дожидаясь, когда я в них влюблюсь? Видите ли,

чтобы “влюбиться”, на это надо досуг, я много читала романов и знаю, сколько берет времени и сил быть влюбленной. А мне некогда. У нас в районе сейчас такая ответственная полоса».

Сама Александра так не думала.

Откуда же взялся «стакан воды»? Может быть, Ленин слышал от кого-то из своего окружения, что в новом обществе удовлетворить половую потребность будет «просто, как выпить стакан воды» (этот русский фразеологизм существует с XVIII века)?

Сам Ильич (пером Клары Цеткин) разъяснял, что «теория стакана воды» «не нова и не коммунистична»: она «проповедовалась в изящной литературе, примерно в середине прошлого века, как “эмансипация сердца”. В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела».

Ильич – а скорее Клара – допускает существенную неточность. Об «эмансипации плоти» (это более верный перевод) заговорили отнюдь не пресыщенные буржуи. Ученик Сен-Симона Анфантен провозгласил «реабилитацию плоти» (*la réhabilitation de la chair*), а Генрих Гейне, столь ценимый основоположниками марксизма, перевел это с французского на немецкий как «*Emanzipation des Fleisches*» – «эмансипация плоти».

В биографии Фредерика Шопена, написанной Ференцом Листом по-французски, приводились слова Авроры Дюдеван (Жорж Санд), подруги Шопена и главной женщи-

ны-эмансипантки той эпохи:

– Любовь, как стакан воды, дается тому, кто его просит.

Эти слова я цитирую по переводу С. А. Семеновского 1956 года, сделанному с французского издания 1924 года. В прижизненных публикациях книги на французском, а также в первых переводах на русский фразы о «стакане воды» не было.

Труп врага хорошо пахнет

В 69 году н. э. в Риме разгорелась очередная война между претендентами на власть – Отоном и Вителлием. Решающая битва состоялась 14 апреля у городка Бедриак в Северной Италии. Сторонниками Вителлия командовал Фабий Валент. Легионы, поддержавшие Отона, были разгромлены, и началась настоящая резня побежденных.

«...В гражданской войне, – поясняет Тацит, – не берут пленных, раз их нельзя продать». Немногих похоронили друзья, трупы других остались непогребенными.

Два дня спустя Отон покончил с собой, а Вителлий со своими войсками не торопясь двинулся в Рим из Галлии. К Бедриаку он подошел через 40 дней после битвы.

«Повсюду виднелись растерзанные тела, отрубленные члены, гниющие останки людей и коней, пропитанная кровью земля дышала миазмами, деревья были поломаны, посевы вытоптаны, кругом расстилалась мертвая пустыня». Вителлий, однако, не пришел в ужас, не опустил глаза при виде стольких тысяч своих сограждан, оставшихся без погребения; напротив – радостно приносил жертвы местным богам. Так сообщает Тацит в своей «Истории», написанной 40 лет спустя после этих событий.

А еще через 10 лет другой знаменитый историк, Светоний, выпустил в свет «Жизнь двенадцати цезарей». Здесь-то

Вителлий и произносит историческую фразу:

– Хорошо пахнут кости врага, а еще лучше – гражданина.

Откуда она появилась? Весьма вероятно, что Светоний сам вложил ее в уста Вителлия. Источником этой фразы могло стать одностишие из популярного сборника «Сентенции».

Пятно от вражьей крови только радует.

«Сентенции» публиковались под именем Публилия Сира, актера и драматурга I в. до н. э., хотя возникли столетием позже.

Заметим, что у Гомера такое поведение не одобрялось. Одиссей, только что жестоко расправившийся с женихами Пенелопы, замечает:

Радостный крик подымать неприлично при виде убитых.

(«Одиссея», XXII, 412; перевод В. Жуковского)

Но это лишь половина истории. Вторая ее половина связана с Варфоломеевской ночью.

В ночь на 24 августа 1572 года началось избиение гугенотов, съехавшихся в Париж на свадьбу Генриха Наваррского (будущего Генриха IV) с принцессой Маргаритой (будущей «королевой Марго»). Вождя гугенотов, адмирала де Колиньи, вышвырнули из окна собственного дома, потом отрезали ему голову, потом два дня волочили обезображенное тело по улицам. Чтобы придать убийству вид законности, король Карл IX приказал повесить уже мертвого адмирала на

виселище; но так как безголовый труп повесить за шею было нельзя, его повесили за ноги.

27 августа король со всем своим двором, включая «королеву Марго», а также видными гугенотами, принявшими католичество под страхом смерти, прибыл к подножию виселицы, на которой висел почерневший труп Колиньи – вернее, то, что от него осталось. Придворные советовали королю удалиться ввиду трупного зловония, а тот будто бы ответил:

– Я не затыкаю носа, как вы, потому что запах мертвого врага очень приятен.

Эту историю рассказал Пьер Брантом (ок. 1540–1614) в посмертно изданных «Жизнеописаниях знаменитых мужей». Однако во время Варфоломеевской ночи Брантома в Париже не было: эти слова он, вероятно, заимствовал у Светония, слегка изменив.

В 1723 году историк-иезуит Габриэль Даниэль опубликовал свою «Историю Франции». Здесь Карл IX говорит:

– Труп врага всегда хорошо пахнет.

Эту же фразу привел и Вольтер в своем «Опыте об обычаях и духе народов» (1756). Такой она и осталась в истории. Такой ее запомнил и Наполеон.

В «Мемуарах» Армана де Коленкура (1822) рассказывается о пожаре в Смоленске, только что занятом французскими войсками – в ночь на 4 (18) августа 1812 года.

...Вдруг вышел его величество с князем

Невшательским и герцогом Истрийским. Они смотрели на пламя пожара, озарявшее весь горизонт, освещенный огнями наших бивуаков.

– Это извержение Везувия! – воскликнул император, хлопнув меня по плечу и разбудив. – Не правда ли – красивое зрелище, господин обер-шталмейстер?

– Ужасное, государь.

– Ба! – возразил император. – Вспомните, господа, изречение одного из римских императоров: «Труп врага всегда хорошо пахнет».

Это рассуждение ошеломило всех.

Можно вспомнить еще одно изречение:

Если достаточно долго сидеть на берегу реки, рано или поздно увидишь проплывающий по ней труп твоего врага.

Оно цитируется как китайская мудрость, нередко – со ссылкой на древнекитайского стратега Сунь-цзы, автора «Трактата о военном искусстве». На самом деле в этом трактате говорится нечто прямо противоположное: «Если ведут войну и победа затягивается – оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость – силы подрываются».

И вообще китайцы здесь ни при чем. Изречение о терпении и трупе врага едва ли существовало до XX века. В самой ранней из известных мне версий оно приписано арабам: «Будь терпелив, – говорят они, – и ты увидишь, как труп твоего врага принесут к дверям твоего дома». Эта цитата взята

из книги Герберта Эйгара «Спасенный остаток: Отчет о выживании евреев с 1914 года», опубликованной в Лондоне в 1960 году.

В 1969 году вышел роман будущего нобелевского лауреата Камило Хосе о гражданской войне в Испании. Роман назывался «Сан Камило 1936», и один из его персонажей говорит:

– Просто сиди в кафе, и ты увидишь, как мимо пронесут труп твоего врага.

Но в наше время мудрость неясного происхождения скорее припишут китайцам или индийцам. Поди проверь.

У России только два союзника – армия и флот

18 ноября 1917 года президент Путин открыл памятник Александру III в Ялте. На постаменте приведена заковычанная фраза: «У России есть только два союзника – ее армия и флот».

Откуда взяты эти слова?

В 1991 году в России впервые была издана «Книга воспоминаний» великого князя Александра Михайловича, зятя Александра III и дяди Николая II. Здесь приводилась фраза, которую Александр III будто бы «любил говорить своим министрам»:

– Во всем свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот.

Вел. кн. Александр Михайлович («Сандро») – весьма ненадежный свидетель. Впервые его книга была издана на английском в 1932 году, на русском – в 1933 году. Поэт Георгий Иванов, например, назвал его книгу «довольно бессмысленными воспоминаниями».

Если бы царь действительно часто повторял министрам слова о «двух верных союзниках», о них упомянул бы не только Сандро; но его свидетельство осталось единственным.

Вопреки ходячему мнению, идея «блестящей изоляции» и опоры исключительно на собственную военную мощь была совершенно чужда Александру III. Об этом убедительнее любых слов говорит заключение им оборонительного союза с Францией – первого военного союза, заключенного российским государем со времен Наполеоновских войн.

Тем не менее с 2000-х годов мудрость о «двух союзниках» стала необычайно популярной среди нашего политического бомонда. Иногда к двум союзникам добавляют третьего, например:

Армия – это вторая церковь, второй храм для нашей Державы, и сегодня у России есть три союзника – армия, флот и Белоруссия.

(Геннадий Зюганов, в программе РТВ «Вести недели», 25 февраля 2007 г.)

У России три союзника – армия, ВМФ и ОПК.

(Вице-премьер Дмитрий Rogozin, поздравление россиянам с Днем защитника Отечества в твиттере 23 февраля 2017 г.)

Свою версию «двух союзников» предложил журналист Леонид Радзиховский:

Александр III говорил, что у России два союзника – армия и флот. Сейчас у России тоже два союзника – нефть и газ.

(«Сегодня», электронная версия, 23 марта 2001 г.)

Источник изречения о «двух союзниках» следует искать

в Германии. В книге М. Рейснера «Вильгельм II и железная империя», вышедшей в Петербурге в 1914 году, приводятся слова последнего германского императора: «Основная опора государства есть армия и флот». Отметим, что как раз в преддверии Первой мировой войны Германия поставила целью создание сильного военно-морского флота, способного соперничать с британским; до этого ее флот (как и российский в XIX веке) играл вспомогательную роль в военных операциях.

Вильгельм следовал курсу своего пращура Фридриха II, который, согласно преданию, заявил после победы над австрийцами при Хоэнффридберге (1745): «Наши лучшие союзники – наши собственные войска». (Эта фраза приведена в сборнике высказываний Фридриха Великого, изданном в 1907 году.)

В 1952 году в Париже вышла беллетризованная биография Николая II, написанная генералом Сергеем Позднышевым. Здесь умирающий Александр III излагает своему наследнику политическое завещание:

В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности бояться, и потому все готовы утопить нас в ложке воды. Не строй себе иллюзий, не надейся ни на чью дружбу. Избегай войн (...).

Здесь же умирающий император пророчествует:

Падение исконно русской власти откроет

бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц.

С 1990-х годов это «завещание», в несколько подредактированном виде, многократно воспроизводилось в России, обычно – как исторический документ. Вот недавний пример: – ...Александр III когда-то сказал: нашей огромности бояться все. И поэтому у нас только два союзника – армия и флот.

(Президент Путин на встрече с работниками Лебединского горно-обогатительного комбината 17 июля 2017 г.)

Зато достоверно принадлежат царю-миротворцу высказывания о «паршивом либерализме» и «гнилой интеллигенции». Первое из них – пометка на донесении посла в Берлине от 3(15) апреля 1881 года:

«Дай Бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши (...), не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

Второе записано в дневнике фрейлины Анны Тютчевой (дочери поэта) 25 марта того же года: «Что за отвращение вся эта петербургская пресса – именно гнилая интеллигенция!»

Некоторые даже считают, что император и пустил в ход это словечко; однако дневник Тютчевой увидел свет лишь в 1928 году, когда выражение было общеизвестным. И уж конечно, узнали его не от императора.

Убить мандарина, убить старушку

– С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. (...) Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье ты-сячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!

Так говорит студент молодому офицеру в «Преступлении и наказании» (1866); их разговор в каком-то «плохоньком трактиришке» случайно слышит другой петербургский студент – Родион Раскольников.

Литературный источник этого разговора указан самим Достоевским в набросках к знаменитой пушкинской речи (1880):

У Бальзака в одном романе, один молодой человек, (...) обращается с вопросом к своему товарищу, студенту, и спрашивает его: послушай, представь себе, у тебя ни гроша, и вдруг, где-то там, в Китае, есть дряхлый больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри,

мандарин, и он умрет, но из-за смерти мандарина, тебе какой-нибудь волшебник принесет сейчас миллион и никто этого не узнает, и главное он ведь, где-то в Китае, он мандарин все равно, что на луне или на Сириусе – ну что, захотел бы ты сказать, умри, мандарин, чтоб сейчас же получить этот миллион?

Процитируем Бальзака точнее («Отец Горио» (1834), разговор Растиньяка со студентом-медиком Бьяншоном, перевод Е. Корша):

– Ты читал Руссо?

– Да.

– Помнишь то место, где он спрашивает, как бы его читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь старого мандарина и благодаря этому сделаться богатым?

– И что же?

– Пустяки! Я приканчиваю уже тридцать третьего мандарина.

Однако прочесть что-либо подобное у Руссо Растиньяк не мог. На самом деле этот вопрос заимствован из книги Рене де Шатобриана «Гений христианства» (1802):

Если б ты мог одним усилием воли убить человека в Китае и унаследовать его имущество в Европе, с абсолютной, сверхъестественной уверенностью, что никто никогда не узнает об этом, ты бы решился на это?

Вместо шатобриановского «человека в Китае» Бальзак

ввел «мандарина»; так возникло выражение «убить мандарина».

В 1855 году появилась одноактная комедия Анри Монье и Эдуара Мартена «Убил ли ты мандарина?» Здесь тот же вопрос выглядел несколько иначе:

– Если бы можно было простым нажатием кнопки убить богатого человека, живущего в самой сердцевине Китая (...), и стать его наследником, кто из нас не нажал бы на кнопку и не убил бы этого мандарина?

Переведя кнопку как «шишечку», эту фразу привел Лев Толстой в статье «О голоде» (1891), приписав ее уже не Руссо, а Вольтеру:

«Вольтер говорит, что если бы можно было, пожав [так!] шишечку в Париже, этим нажатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия».

Хотя о дистанционном убийстве мандарина первым написал Шатобриан, у него был великий предшественник, живший на двадцать три столетия раньше. Во II книге трактата Платона «Государство» софист Главкон, обсуждая с Сократом проблему добра и зла, предлагает провести мысленный эксперимент:

– Мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как справедливому, так и несправедливому, творить все что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения.

И далее рассказывает легенду о лидийском пастухе Гиге. Гиг случайно нашел золотой перстень, благодаря которому можно было сделаться невидимым. «Поняв это, он сразу повел дело так, чтобы попасть в число вестников, окружавших царя. А получив к царю доступ, Гиг совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть».

Отсюда Главкон делает вывод:

– Если бы было два таких перстня – один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет – вообще действовать среди людей так, словно он равен богу.

«Государство» Платона входило в разряд обязательного чтения образованного европейца, так что Шатобриан должен был знать легенду о Гиге. Думаю, знал ее и Герберт Уэллс: каждый, читавший «Человека-невидимку», заметит необычайное сходство сюжета этого романа и легенды о лидийском пастухе.

Вот только у Достоевского проблема поставлена шире, чем у его предшественников. У тех, от Платона до Бальзака, речь шла о преступлении ради личного блага; у Достоевско-

го речь идет о благе всеобщем. И оказывается, что даже всеобщее благо не оправдывает самого «крошечного преступления».

Удовольствие быстрое, поза нелепая, а расход огромный

Персонаж романа Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» (1939) замечает:

— О половых отношениях лорд Честерфилд сказал, что удовольствие это быстрое, поза нелепая, а расход огромный. Если бы он дожил до наших дней и читал нашу литературу, он мог бы добавить, что этому акту присуще однообразие, почему и печатные отчеты о нем чрезвычайно скучны.

(Перевод Р. Облонской)

Так, с легкой руки Моэма, остроумец XVIII столетия Филипп Честерфилд стал автором часто цитируемого определения полового акта (в оригинале: «The pleasure is momentary, the position is ridiculous, and the expense is damnable»).

Между тем самый ранний пример цитирования этого изречения, указанный на сайте «Quoteinvestigator», относится к началу XX века:

Если не будет предела фантазии и изобретательности изготовителей клюшек и мячей для гольфа, я боюсь, что слова некоего американца, говорившего об ином развлечении, можно будет применить к гольфу, а именно: «удовольствие быстрое, поза нелепая, а

расход —».

(«*The Western Daily Press*» (Бристоль), 20 ноября 1902 г.; письмо в редакцию, подписанное «У.Л.Б. из Клифтона». Прочерк заменяет табуированное в тогдашней печати слово «damnable» – букв. «проклятый», «чертовский».)

В качестве отдаленного предшественника этой мудрости сайт «Quoteinvestigator» приводит фрагмент философского диалога Джорджа Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ» (1732):

Ефранор. ...Вожделения утомительны, удовлетворение – кратковременно.

Лисикл. Так. И что же дальше?

Ефранор. А дальше, похоже, следует, что чувственное удовольствие есть лишь мимолетное избавление от длительных страданий. Долгий путь тревог и забот приводит к крохотному мгновению удовольствия, за которым наступает отвращение и раскаяние.

(«Алкифрон», диалог II; перевод А. А. Васильева)

Слово «position» может означать и «позу», и «(социальную) позицию», т. е. положение в обществе. Это обстоятельство не раз использовалось для каламбурной игры слов.

Английский писатель Хилэр Беллок, ставший членом Палаты общин от Либеральной партии в 1906 году, был не слишком доволен работой в парламенте и переизбираться на следующий срок не стал. В частном письме он писал:

Каждый прошедший день все сильнее утверждает мою решимость поджечь Вестминстерский дворец [резиденция парламента. – К.Д.]; он не стоит того, чтобы о нем говорить. Позиция смехотворная, а расход окаянный.

(Письмо к Дж. С. Филлимору от 12 июня 1910 г.; опубли. в 1958 г.)

В романе американца Эллиота Пола «Ненавижу себя по утрам» (1945) находим следующий диалог:

– Что такое люди? Способ, которым их сотворяют, по меньшей мере несколько курьезен. Как говорил нам в Гарварде милый старик-декан Дин Хэтэуэй, «удовольствие быстротечное, риск заразиться немалый... а что еще хуже, юные джентльмены, поза нелепая».

– Не обязательно, – возразила Мириам.

Не приходится сомневаться, что в данном вопросе Мириам была уже осведомлена куда лучше, чем старый декан Хэтэуэй.

Унести родину на подошвах своих сапог

30 марта 1794 года группа относительно умеренных якобинцев во главе с Дантоном была арестована и предана суду Революционного трибунала. Незадолго до ареста друзья предложили Дантону бежать из Франции. Дантон будто бы ответил:

– Возможно ли унести родину на подошвах своих сапог?

Эти слова привел в том же году Жан Клод де ла Туш (дипломат, секретный агент, противник якобинцев) в памфлете «Полная правда об истинных заправилах сентябрьских событий 1792 года».

Ответ на этот вопрос давался различный.

В 1933 году, после прихода к власти нацистов, Томас Манн – к тому времени уже нобелевский лауреат – эмигрировал из Германии. Сначала он вместе с семьей поселился в Цюрихе, а в начале 1938 года отправился в США, чтобы преподавать в Принстонском университете. 21 февраля Манн прибыл морем в Нью-Йорк, где его встретили газетные репортеры. Один из них спросил, насколько тяжело он переносит изгнание. На другой день в «Нью-Йорк таймс» был опубликован ответ писателя:

Перенести это трудно. Но если что делает изгнание

легче, так это сознание того, насколько отравлена атмосфера Германии. И легче еще потому, что на самом деле тут нет никакой утраты. Где я, там и Германия. Я несу немецкую культуру в себе.

Как видим, Манн не считал невозможным унести родину вместе с собой.

Год спустя вышел в свет его роман «Лотта в Веймаре». Здесь Гёте говорит о современных ему немецких националистах:

– Они доверчиво преклоняются перед любым кликушествовавшим негодяем, который обращается к самым низким их инстинктам, оправдывает их пороки и учит понимать национальное своеобразие как доморощенную грубость, (...) со злобой косятся на тех, в ком чужестранцы видят и чтят Германию (...). Они меня не терпят – отлично, я тоже их не терплю. Вот мы и квиты. Мою немецкую сущность я храню про себя, а они со своим злобным филистерством, в котором усматривают свою немецкую сущность, пусть убираются к черту! Мнят, что они – Германия. Но Германия – это я. И если она погибнет, то будет жить во мне. (Перевод Наталии Ман.)

Столетием раньше Томаса Манна другой великий изгнанник, Генрих Гейне, говорил: «Германия – это мы сами» («Предисловие к первой части “Салона”», 1833).

Прообраз этой мысли мы находим уже у римского историка I в. н. э. Веллея Патеркула. Повествуя в своей «Римской

истории» о республиканцах Кассии и Бруте, которые после убийства Цезаря были вынуждены покинуть Италию и отправиться в заморские провинции, Патеркул говорит: «Где они, там и республика».

В трагедии Пьера Корнеля «Серторий» (1662) римский полководец Серторий, во время гражданской войны бежавший из Рима в Испанию, восклицает:

Уже не в Риме Рим: он там, где я.

Однако Плутарх, автор биографии Сертория, вкладывал в его уста совсем другие слова: «Лучше жить ничтожнейшим гражданином Рима, чем, покинув родину, быть провозглашенным владыкой всего остального мира».

В 1981 году русский эмигрант Роман Гуль дал своим меуарам заглавие «Я унес Россию». В предисловии он пояснял:

Какой-то большой якобинец (кажется, Дантон), будучи у власти, сказал о французских эмигрантах: «Родину нельзя унести на подошвах сапог». Это было сказано верно. Но только о тех, у кого кроме подошв ничего нет. Многие французские эмигранты – Шатобриан, герцог Энгиенский, Ришелье и другие, у кого была память сердца и души, сумели унести Францию. И я унес Россию.

Эти слова передают ощущение значительной части после-революционной эмиграции; ее лучшие представители могли бы сказать: «Где мы, там и Россия».

Усидеть на штыках

17 июня 1789 года депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием Франции. После того как зал заседаний был закрыт, они перешли в зал для игры в мяч. 23 июня обер-церемониймейстер Дрё-Брезе потребовал от них покинуть и этот зал. Считается, что Оноре Мирабо ответил:

– Скажите вашему господину, что мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков.

(Сам Мирабо приводил менее лаконичный вариант этой фразы.)

С этого времени и вплоть до первых десятилетий XX века «штыки» в языке публицистики были символом деспотической власти.

Не позднее 1850-х годов в печати появилась фраза:

Все можно сделать штыками, но сидеть на них нельзя.

(*франц.* On peut tout faire avec des baïonnettes, excepté s'asseoir dessus.)

Она цитировалась либо как анонимная, либо как слова австрийского фельдмаршала князя Карла Шварценберга (1771–1820), который в 1813–1814 гг. командовал войсками антинаполеоновской коалиции. Согласно наиболее популярной версии, эти слова относились к династии Бурбонов, вос-

становленной на престоле силой союзных штыков.

Затем эта фраза стала приписываться также Талейрану, журналисту Эмилю де Жирардену (1806–1884) и т. д. Ее позднейший вариант: «На штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть».

В 1894 году были опубликованы «Старые воспоминания» Франсуа Орлеанского, сын короля Франции Луи Филиппа. Здесь утверждалось, что историческая фраза принадлежала племяннику Карла Шварценберга – князю Феликсу Шварценбергу (1800–1852), который осенью 1848 года стал министр-президентом Австрийской империи. В «Старых воспоминаниях» не указаны обстоятельства произнесения фразы, но упомянута она в связи с революцией 1848 года.

28 августа 1829 года журналист Этьен Бекэ выступил с речью во французской Палате депутатов. Он заявил, что надежды правительства ультрароялистов на «силу штыков» напрасны:

– Нынче штыки поумнели: они знают и уважают закон.
(*букв.* «Штыки сегодня являются умными...» «Les baïonnettes (...) sont intelligentes...»)

«Умные штыки» сразу же вошли в политический язык, тем более что Июльская революция 1830 года подтвердила правоту Бекэ: солдаты перешли на сторону защитников конституционного строя.

Именно отсюда берет начало современная юридическая «доктрина умных штыков», признающая право на невыпол-

нение преступных приказов.

Понятно, что разговоры об «умных штыках» не слишком нравились представителям власти, а также военным начальникам. 29 мая 1847 года генерал Бонифас де Каstellан заявил в Палате пэров:

– Говорят об умных штыках; это слово для многих – синоним «рассуждающих штыков».

«Рассуждающие штыки» (*des baïonnettes délibérantes*) также вошли в политический язык.

Выражение «сидеть на штыках», возможно, возникло независимо от исторической фразы Шварценберга. Очень близкое высказывание можно найти в русской печати 1859 года (речь идет о правителях Тосканы, Модены и Пармы):

Только силою австрийских штыков эти герцоги держались на шатких своих престолах. (...) Но если бы даже какую-нибудь силою и можно было возвратить герцогам их престолы, в силах ли они будут усидеть на них без внешней поддержки, другими словами – без постоянного военного занятия Центральной Италии австрийскими или французскими штыками?

(«*Политическое обозрение*» в журн. «*Отечественные записки*», 1859, № 9)

Граф В. А. Соллогуб на Кавказском вечере в Петербурге 25 января 1863 года говорил:

– Он [Кавказ] помнит любимую поговорку князя Михаила Семеновича [Воронцова], что с штыками идут вперед, но что

на штыках сидеть нельзя.

(Воронцов был наместником на Кавказе в 1844–1854 гг.)

В советские школьные учебники вошла фраза о штыках, произнесенная на «процессе 50-ти» в Петербурге 9 марта 1877 года. Один из 50-ти обвиняемых, рабочий-народник Петр Алексеев закончил свою речь словами:

– ...Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится во прах!

Этот образ нашел неожиданное продолжение в статье Михаила Гершензона «Творческое самосознание», опубликованной в знаменитом сборнике «Вехи» (1909). Говоря о русской интеллигенции, Гершензон замечает, что народ «не видит в нас людей: мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе». Ибо у народа, в отличие от интеллигенции, «есть (...) идеи и верования религиозно-метафизические».

И далее – пророчество, ныне цитируемое гораздо чаще, чем пророчество Петра Алексеева:

Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной.

Из неверной посылки порою можно вывести верное заключение. Очень скоро интеллигенции действительно силь-

но досталось от народа. Но при этом народ руководствовался не «идеями и верованиями религиозно-метафизическими», а лозунгами безбожников-большевиков.

В годы Гражданской войны штык стал символом мощи коммунистической власти. В приказе Михаила Тухачевского Западному фронту от 2 июля 1920 года говорилось:

На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!

Учиться, учиться и учиться

В поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» (1969) читаем:

– ...Надо вначале декрет написать, хоть один, хоть самый какой-нибудь гнусный... Бумага, чернила есть? Садись, пиши. А потом выпьем – и декларацию прав. А уж только потом – террор. А уж потом выпьем – и учиться, учиться, учиться.

Такой и была реальная хронология: 25 октября 1917-го – декрет о власти, потом Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, потом террор, потом лозунг «Учиться, учиться и учиться».

Хотя с этим лозунгом нередко получается путаница. В статье Ленина «Лучше меньше, да лучше» («Правда», 4 марта 1923) он обращен к зарождающемуся советскому чиновничеству:

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых – учиться, во-вторых – учиться и в-третьих – учиться.

Но обычно лозунг адресовался советской молодежи. На эту тему Ленин высказался в речи «Задачи союзов молодежи», прочитанной на III Всероссийском съезде комсомола 2 октября 1920 года:

– ...Задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы, – чему учиться и как учиться?

...Первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что (...) молодежь (...) должна учиться коммунизму.

...На первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму – это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. (...) [Но] тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов (...). Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги (...).

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Последняя цитата стала лозунгом советского просветительства, выходящего далеко за рамки утилитарного знания и изучения партийной доктрины.

Зато Сталин, призывая «учиться и учиться», имел в виду именно утилитарные знания:

– Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех – и у врагов и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут

смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью. Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь (...).

(Речь на XIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г.)

Сталинская «крепость науки» попала в «Песню московских студентов» (1954, слова Льва Ошанина, музыка А. Новикова):

Смотрит с Ленинских гор
МГУ – величаяя крепость науки.

Пять лет спустя Сталин, обращаясь к деревенской молодежи, выдвинул лозунг «Учиться ленинизму»:

– Среди крестьян имеется немало стариков (...). Понятно, что им не всегда удастся поспевать за партией, за Советской властью. Не то наша молодежь. Она свободна от старого груза и она легче всего усваивает ленинские заветы. (...) Правда, у нее не хватает знаний. Но знания – дело наживное. Сегодня их нет, завтра они будут. Поэтому задача состоит в том, чтобы учиться и еще раз учиться ленинизму. (...) Болтайте поменьше, работайте побольше – и дело у вас выйдет наверняка.

(Речь на I съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г.)

В сущности, это и был призыв к усвоению «коммунисти-

ческих учебников, брошюр и трудов» прежде каких-либо других знаний.

В послесталинское время этот лозунг был заменен лозунгом «Учиться коммунизму» – формально говоря, ленинским. Но его содержание осталось прежним.

Советский филолог Николай Шанский заметил, что еще в 1899 году Ленин писал:

...Среди рабочих выделяются настоящие герои, которые (...) находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию».

(«Поятное направление в русской социал-демократии»)

Эта ленинская статья увидела свет лишь после смерти автора, в 1924 году. Тем не менее, полагал Шанский, «по всей вероятности, именно отсюда и было взято выражение учиться, учиться и учиться» («В мире слов», 2-е изд.: 1978).

На самом деле Ленин воспользовался обычным к тому времени оборотом. Вот лишь четыре примера из гораздо большего их числа:

Итак, учиться, учиться и еще-таки учиться. К черту политику, да здравствует наука.

(В. Белинский, письмо к Д. П. Иванову, 1837)

Чувствую потребность учиться, учиться и учиться.
(Лев Толстой, «Дневник», 22 апреля 1856 г.)

Учиться, учиться и учиться – вот что должно быть девизом наших студентов.

(А. Воронов, «Мысли о наших университетах», «С.-Петербургские ведомости», 12 ноября 1861 г.)

Учиться, учиться и учиться, не мудрствуя лукаво!
(Наставление историка Михаила Погодина студенчеству в кн. «Простая речь о мудреных вещах», 1873)

Эта формула не была заимствована из западных языков. Во французской и немецкой печати она встречается почти исключительно как цитата из Ленина.

Французская версия ленинского лозунга: «Apprendre, apprendre, toujours apprendre!» (букв. «...всегда учиться!») – повторяет форму знаменитого лозунга Дантона, выдвинутого им в Законодательном собрании 2 сентября 1792 года:

– Для победы нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость (de l'audace, l'audace, toujours de l'audace), – и Франция будет спасена.

Другому французскому политику, Леону Гамбетте (1838–1882), приписывается лозунг «Работать, работать и еще раз работать» («Du travail, toujours travail et encore du travail»).

Подобного рода тройственные лозунги, вероятно, восходят к исторической фразе Джанчокомо Тривульцио (ок. 1440–1518) – итальянского полководца, ставшего маршалом Франции. На вопрос короля Людовика XII, что нужно для завоевания Миланского герцогства, Тривульцио будто бы ответил:

– Нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги.

Так рассказано в книге Лодовико Гвиччардини «Час отдохновения» (Венеция, 1607).

Факты – упрямая вещь

Обычно это изречение приписывается английскому публицисту Юстасу Баджеллу. В его трактате «Свобода и прогресс» (1732) говорилось: «Факты – ужасно упрямая вещь» («Facts are terrible stubborn things»).

Но Баджеллу оно не принадлежит. Выражение «Факты – упрямая вещь» встречается, например, в «Исследовании о происхождении чести» Бернарда Мандевиля, опубликованном в том же году.

В 1713 году епископ и собиратель древностей Уайт Кеннет писал: «Но материя фактов – упрямая вещь» («Письмо к лорду епископу Карлайлскому»).

Бенджамин Хоудли в «Исследовании об основаниях политики Великобритании» (1727) замечает: «Но факты и числа – упрямая вещь, которую нельзя поколебать звуками слов и правдивыми с виду речами».

Уолтер Рэли в письме к издателю еженедельника «The Craftsman» писал: «Факты – упрямая вещь, и их нельзя так легко обойти, как рассуждения на общие темы, сколь бы сильными доводами и обоснованиями они ни были подкреплены». («The Craftsman», 22 марта 1729 г.)

В марте 1770 года оборот «Факты – упрямая вещь» использовал президент США Джон Адамс-старший. 18 августа 1988 года Рональд Рейган в речи на съезде Республиканской

партии многократно повторил эту фразу как цитату из Адамса, но на пятый раз оговорился, произнеся вместо «stubborn» «stupid»:

– Факты – глупая вещь... упрямая вещь, хотел я сказать.
(Смех.)

Эта оговорка стала в Америке популярной цитатой: «Факты – глупая вещь». Впрочем, уже Фридрих Ницше заметил: «Факт всегда глуп» («О пользе и вреде истории для жизни», 1874).

В России выражение «Факты – упрямая вещь» стало обычным в первые десятилетия XX века. У Ленина оно встречается не менее десятка раз.

Сталин в докладе «О проекте Конституции Союза ССР», прочитанном 25 ноября 1936 года, говорил:

– Таковы факты. А факты, как говорят, упрямая вещь. Господа из германского официоза могут сказать, что тем хуже для фактов. (Общий смех.) Но тогда им можно ответить словами известной русской поговорки: «дуракам закон не писан».

Выражение «тем хуже для фактов» нередко связывают с легендарной фразой Гегеля:

– Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов.

На самом деле это выражение появилось во Франции не позднее 1810-х годов («Tant pis pour les faits»). Поначалу оно приводилось как слова некоего французского историка или

философа, и лишь со второй половины XIX века эту фразу стали приписывать Гегелю.

В 1919 году начинающий физик Илза Розенталь-Шнейдер спросила Эйнштейна:

– Что, если общая теория относительности не получит экспериментального подтверждения?

– Тогда мне будет жаль Господа Бога, – ответил ученый. – Но теория все же верна.

(Согласно книге Розенталь-Шнейдер «Реальность и научная истина», 1974.)

И еще несколько изречений:

Я уже составил себе мнение – не пытайтесь сбить меня с толку фактами. (Анонимное американское изречение, ок. 1953 г.)

Вообще говоря, теории, в которые мы верим, мы называем фактами, а факты, в которые не верим, – теориями. (Американский правовед Феликс Коэн, «Выявление скрытых оценочных суждений», 1954.)

Мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен (...) твердо стоять на генеральной линии партии. (Лазарь Каганович, «Памятные записки» (1996), предисловие.)

Характер нордический. Беспощаден к врагам рейха

В «Семнадцати мгновениях весны» (1969) Юлиана Семенова приведены партийные характеристики Макса фон Штирлица и его коллег по Управлению безопасности. Во всех них используются две постоянные формулы: первая – «Характер нордический» (или: «приближающийся к нордическому»), вторая – «Беспощаден к врагам рейха».

Благодаря телесериалу Татьяны Лиозновой (1973) оба эти оборота, можно сказать, вошли в поговорку. Мало того: широкая публика не усомнилась в их исторической достоверности, хотя достоверность «Мгновений...» – не более чем иллюзия. Согласно авторитетному мнению К. Залесского, автора справочников по Третьему рейху, «того мира – мира Третьего рейха, – который был показан в фильме, никогда не существовало». Семенов и Лиознова «непроизвольно, неосознанно переносили на нацистскую Германию черты совсем другого тоталитарного режима – а именно советского» («Семнадцать мгновений весны: Кривое зеркало Третьего рейха», 2006).

Лиознова, по-видимому, и в самом деле «непроизвольно и неосознанно» переносила черты сталинской системы на национал-социалистическую. С Ю. Семеновым дело обстояло

сложнее.

Дочь писателя Ольга в своей книге «Юлиан Семенов» (2006) настаивает как раз на осознанности «переноса». По ее утверждению, Семенов «использовал в романах о Штирлице эзопов язык» и часто, давая дочери новые страницы машинописи, «с затаенной радостью говорил: “Я тут заложил пару фугасок, они должны шандарахнуть”. “Фугасками” он называл и характеристики на членов НСДП (ребенку понятно, что он включил их, чтобы показать абсурдность характеристик, выдаваемых нашими парткомами)...

Характеристика на разведчика Александра Исаева (сына Исаева-Штирлица) приведена в романе «Майор Вихрь» (1967): «Выдержан, морально устойчив. Делу партии беззаветно предан». Кстати сказать, эта характеристика – пример самоцензуры; в 1940-е годы полагалось писать: «Предан партии Ленина – Сталина».

Пока советский режим еще не окостенел в смертельной серьезности, партхарактеристики бывали даже предметом иронии со стороны высшего начальства. На XVI съезде ВКП(б) (1929) видный функционер ЦК Емельян Ярославский под смех зала зачитывал курьезные характеристики, составлявшиеся «на местах»: «Выдержан, политически грамотен. Своего твердого убеждения нет. Выжидает, что скажут другие»; «Четкая политическая установка, морально здоров, партийную линию проводит, но есть уклоны в сторону кулака и пьет до потери сознания», а также: «Политически вы-

держан, идеологически неустойчив».

В нацистской Германии подобных характеристик не было, все они – чистое творчество автора «Мгновений...».

Однако «характер нордический» возник не на пустом месте. Этот термин действительно использовался в Третьем рейхе. Карл Зигмар в трактате «Немецкая политика» (1934) разъяснял: «Сущность немецкого народа в целом определяется (...) доминирующим нордическим характером. Истинно нордический человек суров, требователен, стоек и непреклонен на службе идеи».

Переключек между сталинским и нацистским режимом в эпопее об Исаеве-Штирлице не счесть; для примера укажем одну. В романе «Майор Вихрь» изображен председатель «имперского народного суда» Фрейслер, который то и дело срывается на крик:

– Вы даже не свинья! – кричал он. – Вы гибрид осла и свиньи!

Едва ли можно сомневаться, что «гибрид осла и свиньи» отсылает к формуле «проклятая помесь лисы и свиньи». Так отозвался о Николае Бухарине беспощадный к врагам Сталина прокурор А. Я. Вышинский (обвинительная речь 11 марта 1938 г. по делу «право-троцкистского блока»). Этот оборот он отыскал в рассказе Горького «Бывшие люди» (1897).

Учреждение, которым руководил Роланд Фрейслер, в действительности называлось «Народной судебной палатой»

и судило оно, среди прочих, участников заговора против Гитлера 1944 года.

Биография Фрейслера весьма примечательна. В годы Первой мировой он попал в русский плен, проникся идеями большевизма и, по одной из версий, даже был назначен продкомиссаром. Вернувшись на родину, он поменял окраску на коричневую и сделал блестящую карьеру в судебном ведомстве Третьего рейха. Гитлер в своих «застольных беседах» прямо называл его «нашим Вышинским».

Конечно, различия между Вышинским и Фрейслером существовали. Вышинский, к примеру, никогда не срывался на крик. И еще: Фрейслер попал под американскую бомбу за три месяца до падения Берлина, тем самым избежав виселицы. Вышинский скончался в Нью-Йорке в должности постоянного представителя СССР в ООН.

Хорошее не ново, а новое нехорошо

Согласно широко распространенной легенде, знаменитый английский лексикограф и остроумец Сэмюэл Джонсон (1709–1784) однажды сказал начинающему автору:

– Ваша рукопись хороша и оригинальна; но ее хорошая часть не оригинальна, а оригинальная нехороша.

Этот исторический анекдот появился в середине XIX века. А самая ранняя печатная версия этого изречения, известная на нынешний день, датируется 1781 годом. В этом году вышли в свет «Письма о различных предметах» англиканского пастора и путешественника Мартина Шерлока. В письме XIV 2-го тома Шерлок говорит о «Письмах к сыну» графа Честерфилда:

...Во всем этом сочинении то, что ново, нехорошо,
а хорошее не ново.

В 1791 году немецкий поэт Иоганн Генрих Восс опубликовал двустихие «На многие книги. Вслед Лессингу»:

Твоя многоречивая книга учит многому новому и
верному,
Будь в ней верное новым, а новое – верным!

Отсюда в немецком языке появилось прозаическое изречение: «То, что здесь ново, нехорошо, а то, что хорошо, не ново».

У Готхольда Лессинга, «отца немецкого Просвещения», встречалась лишь отчасти похожая мысль:

Если позволительно давать всем словам иное значение, чем то, которое они имеют в обычном философском языке, то легко прийти к чему-либо новому. Однако и мне позволительно думать, что это новое не всегда верно.

(«Письма о новейшей литературе», письмо 111, 12 июня 1760 г.)

Тем не менее формула «Хорошее не ново, а новое нехорошо» чаще всего приписывалась именно Лессингу – и в Германии, и в Англии (до середины XIX в.), и во Франции, и в России.

Б. Дамке в обозрении «Музыкальные новости» («Библиотека для чтения», 1849, т. 94) писал о концертном сезоне в Петербурге: «...Встречалось кое-что новое и хорошее; но новое, как говорит Лессинг, было не хорошо, а хорошее не ново».

В 1887 году критик-народник Николай Михайловский так оценивал зарождающийся русский символизм: «...“Новое искусство” содержит в себе мало нового, и это новое не хорошо». («Русское отражение французского символизма» – отзыв на книгу Дм. Мережковского «О причинах упадка и

новых течениях современной русской литературы».)

Как известно, библиотека Вольтера была куплена Екатериной II и хранится в Российской национальной библиотеке (Петербург). Недавно на страницах русско-французского сайта, посвященного библиотеке Вольтера, появилась статья профессора Нантского университета Герхарда Штенгера «Вольтер и Гельвеций». Здесь приведена надпись Вольтера на полях трактата Гельвеция «Об уме» (1758):

Я вижу, что все, что есть в этой книге хорошего, –
старо, а плохое – ново.

(*gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D
Stenger_VF.htm*)

3/

Эти слова написаны раньше «Писем...» Мартина Шерлока и двустипшия Восса. Получается, что три автора, писавшие на трех разных языках, независимо друг от друга сформулировали одну и ту же мысль.

Такое совпадение представляется мне крайне маловероятным. Скорее всего, формула существовала еще раньше, хотя свидетельства этого пока не отысканы.

Хуже, чем преступление

В феврале 1804 года в Париже был раскрыт монархический заговор против Первого консула Наполеона Бонапарта. Арестованные заговорщики сообщили, что во Францию должен прибыть кто-то из принцев – членов королевской семьи. 7 марта Наполеон получил известие, что у самой границы Франции, в герцогстве Баденском, находится младший отпрыск дома Бурбонов – 32-летний Луи Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгийенский.

В ночь с 14 на 15 марта французские драгуны вторглись на территорию нейтрального герцогства Баденского, захватили герцога Энгийенского и доставили в Венсенский замок под Парижем. Уже 20 марта он был приговорен военным судом к смерти, а на другой день расстрелян и зарыт во рву Венсенского замка. Между тем его полная непричастность к заговору была очевидна.

Это событие имело огромный политический резонанс. Оно не только стало одним из поводов формирования третьей монархической коалиции против Франции, но и легло несмываемым пятном на репутации Бонапарта. Тогда-то и появилась знаменитая фраза: «Это хуже, чем преступление, – это ошибка».

Впрочем, первоначальной была форма: «Это больше, чем преступление...» («C'est plus qu'un crime...») И лишь по-

том появилось: «Это хуже, чем преступление...» («C'est pire qu'un crime...»)

Самое раннее известное мне цитирование этой фразы относится к 1814 году. В предисловии ко II изданию своей книги «О французском государстве под властью Наполеона Бонапарта» Луи Андре Пишон писал:

«Это больше, чем преступление, это ошибка», – сказал один из самых преданных прислужников тирании, когда совершилось убийство герцога Энгиенского.

Заметим, что в момент убийства герцога Пишон находился в США в качестве французского посла; в Париж он вернулся осенью 1804 года.

Сам Наполеон считал, что это слова министра полиции Жозефа Фуше или приписанные Фуше. Об этом он говорил своему секретарю Лас Казесу на о-ве Св. Елены в апреле 1816 года.

В посмертно изданных «Мемуарах» Фуше (1822) фраза также приписана ему. Это, впрочем, мало о чем говорит, поскольку мемуары эти – неподлинные; в тогдашней Франции производство подложных мемуаров было настоящим промыслом.

Другая, и гораздо более ранняя версия слов Фуше приведена в «Тайной истории правительства Бонапарта» (1810) англо-французского публициста Льюиса Голдсмита:

Убийство герцога Энгиенского вызвало сильное

негодование во всех классах народа. Фуше при мне говорил:

– Это был напрасный пушечный выстрел.

Голдсмит – весьма осведомленный, однако не беспристрастный свидетель; долгое время он сотрудничал с Наполеоном и выполнял его секретные дипломатические поручения, но в 1809 году вернулся в Англию, где развернул ожесточенную антинаполеоновскую пропаганду.

Нередко знаменитая фраза приписывалась министру иностранных дел Талейрану. Талейран (вместе с Фуше) поддержал план похищения герцога Энгийенского, но, вероятно, не ожидал, что Бонапарт сразу же его расстреляет.

В эссе Шарля Сент-Бёва «Господин Талейран» (1869) рассказывалось, что друзья предложили Талейрану подать в отставку в знак протеста; он, однако, ответил:

– Если, как вы говорите, Бонапарт и виновен в преступлении, это еще не причина, чтобы мне оказаться виновным в глупости.

Фраза совершенно в духе Талейрана, даже если она сочинена Сент-Бёвом.

В том же эссе Сент-Бёв назвал автором фразы о «преступлении и ошибке» Антуана Буле де ла Мерта (1761–1840) – юриста, который при Наполеоне был членом Государственного совета. Эти слова будто бы слышал «из собственных уст» Фуше аудитор Государственного совета Жан Франсуа Дудон (1778–1857). Однако сам Сент-Бёв услышал эту исто-

рию не от Дидона, так что достоверность ее сомнительна.

Прожив на Св. Елене два года, Наполеон признал справедливость изречения о преступлении и ошибке. Прочитав приписанные ему слова «Я не совершал преступлений», он сказал:

– Я совершал нечто худшее – я совершал ошибки! (по записи генерала Гаспара Гурго от 28 мая 1817 г.).

В изгнании экс-император только и говорил, что о случайностях и ошибках, которые помешали ему создать мировую империю. Но в перечне этих ошибок расстрел герцога Энгийенского не значился. В своем завещании Наполеон взял на себя всю ответственность за это дело:

«Я велел арестовать и предать суду герцога Энгийенского; этого требовали интересы и безопасность французского народа».

Вопрос о виновности герцога здесь обойден; в сущности, Наполеон – уже на краю могилы – заявлял: «Это, возможно, было преступлением, но не ошибкой».

Человек есть то, что он читает

Ныне это изречение обычно приписывается Иосифу Бродскому – и в русской, и в иноязычной литературе. Бродский привел его в своем англоязычном эссе, посвященном англо-американскому поэту Уистену Хью Одену («Поклониться тени», 1983).

Бродский, однако, не был первым. Можно вспомнить, например, высказывание философа-эмигранта Ивана Ильина:

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов»
(«О чтении», 1958)

Однако история этой мысли гораздо старше. Изречение «Человек есть то, что он читает» («Der Mensch ist, was er liest») существовало в Германии уже в 1870-е годы. Оно перефразирует высказывание «Человек есть то, что он ест» («Der Mensch ist, was er isst»), появившееся в рецензии Людвиг Фейербаха на книгу Якоба Молешотта «Учение о питании» (1850).

Французский вариант этой сентенции – «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты» – появился на полвека раньше, в эссе Этьена де Жу «Дом на улице Арси» (1813).

Франсуа Мориак по этому поводу заметил:

Изречение «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты» справедливо, но еще лучше я узнал бы тебя, если бы ты сказал мне, что ты перечитываешь.

(«Мемуары внутренней жизни», 1959)

Неожиданную трактовку этой мудрости предложил Илья Ильф в своих «Записных книжках»: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, у кого ты украл эту книгу».

Ранняя формулировка мысли «Человек есть то, что он читает» содержалась в книге британца Уильяма Лоу «Христианское совершенство» (1726):

Говорят, что человека можно узнать по людям, с которыми он водится; но, конечно, еще лучше можно узнать человека по книгам, с которыми он беседует.

Страстная книгочейка Марина Цветаева остерегала: «Каждая книга – кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам» (из дневников).

Ей возражает американский эссеист Логан Пирсолл Смит: «Я слышал, что жизнь – неплохая штука, но я предпочитаю чтение» («Запоздалые мысли», 1931).

Св. Иероним, переводчик Библии, восклицал: «О, если бы имел книги всех авторов, дабы косность ума вознаграждалась прилежанием в чтении!» («Письма», 83).

Иного мнения был польский романист Казимеж Пшерва-Тетмайер: «Разумный писатель никого не читает. Читать

тех, кто пишет хуже него, нет смысла. Читать тех, кто пишет лучше, – только расстраиваться».

Что писатели не слишком любят читать, было известно и раньше. Фразу: «Я не читаю книг – я их пишу» – мы находим в лондонском юмористическом журнале «Панч» от 11 мая 1878 года. А в середине XX века появился афоризм Эмиля Кроткого: «Ничего не читал. Он был не читатель, а писатель». Отсюда, возможно, и родилось знаменитое «Чукча не читатель, чукча писатель».

Но только ли писатели ничего не читают?

В 1979 году в печати появился «закон Лема»:

1. Никто ничего не читает.
2. Если читает – не понимает.
3. Если читает и понимает – забывает.

(Интервью Станислава Лема в варшавском еженедельнике «И.т.д.».)

В несколько другой форме этот закон приведен в псевдо-рецензии Лема «Одна минута человечества» (1983): «Никто ничего не читает; если читает, ничего не понимает; если понимает, немедленно забывает». Именно так он обычно и цитируется.

В «Письмах незнакомке» Андре Моруа (1956) приведено очень близкое по форме изречение, приписываемое актрисе Симоне Синьоре: «Публика не слушает; а если слушает, то не слышит; если же слышит, то не понимает».

Это сходство не случайно. Прообраз обоих высказываний

– знаменитое в истории философии утверждение греческого софиста Горгия (IV в. до н. э.): «Ничто не существует; (...) если и существует, то оно не познаваемо (...); если оно и познаваемо, то (...) непередаваемо» (перевод А. Лосева).

С «законом Лема» перекликаются законы, сформулированные в эссе американского критика Эдмунда Уилсона «Утроенные мыслители» (1938):

1. Никто не читает ту книгу, которую написал автор, и никто не может прочесть дважды ту же самую книгу.
2. Если двое читают одну книгу, это не одна и та же книга.

Жалобы на то, что никто ничего не читает, появились давно. Английский писатель Сэмюэл Джонсон уже в 1783 году заметил: «Люди, вообще говоря, не слишком охотно читают книги, если у них есть какое-нибудь другое развлечение» (в беседе с Джеймсом Босуэллом).

Век спустя о том же говорил Оскар Уайльд: «В прежнее время книги писали писатели, а читали читатели. Теперь книги пишут читатели и не читает никто» («Несколько максим для наставления чересчур образованных», 1894). Если это не предвидение эры Интернета, то что это?

В нашей культуре чтение – причем чтение «высокой» литературы – долгое время было занятием высшего сорта, чуть ли не таинством. Можно без особой натяжки сказать, что человек не читающий считался у нас не вполне человеком.

Теперь нечитающих едва ли не больше, чем читающих.

Говоря словами афориста Аркадия Давидовича, «писатель пописывает, читатель посматривает телевизор». Или раскладывает пасьянсы в планшетнике, сидит в фейсбуке, говорит по мобильнику. Да и читающие читают вовсе не то, что хотелось бы Ильину или Бродскому.

И тут уже ничего не попишешь.

Человек рожден для счастья, как птица для полета

Ирина Ясина в повести «История болезни» (2011) замечает: «Есть одна расхожая и сомнительная истина, которую в двадцатом веке сформулировал великий пролетарский писатель Максим Горький – “Человек рожден для счастья, как птица для полета”».

Мнение об авторстве Горького было распространено и в советское время – вероятно, потому, что в темах школьных сочинений соседствовали: «Человек рожден для счастья, как птица для полета» и «Человек – это звучит гордо».

А в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» (1930) рассказчик вспоминает, как он любил повторять при своей любимой «польскую пословицу»: «Человек создан для счастья, как птица для полета».

Разумеется, Бунин знал автора «пословицы». Да и в советских школах его имя обычно указывалось: В. Г. Короленко. Однако где именно и, главное, в каком контексте появилась эта сентенция, было неведомо даже большинству учителей, не говоря уж о школьниках.

Сентенция взята из рассказа «Парадокс» (1894). Место действия рассказа – уездный город на Украине, среди жителей которого немало поляков. Детство самого Короленко

прошло в Житомире Волынской губернии; его отец был русским, а мать полькой, и в детстве польский язык был для него родным.

Главный персонаж «Парадокса» – «феномен, или, другими словами, чудо натуры, шляхтич из Заславского повета, Ян Криштоф Залуский». «Феномен» безрук от рождения и зарабатывает на жизнь, демонстрируя свои поразительные способности перед случайной публикой. К своей разноязычной аудитории он обращается по-русски:

– А теперь, – сказал он, насмешливо поворачивая голову, – кому угодно получить афоризм!?! Поучительный афоризм (...).

После чего что-то пишет ногой на листке бумаги. Написанное читает вслух отец мальчика, от лица которого ведется рассказ:

– Человек рожден для счастья, как птица для полета.

Отец рассказчика со смехом замечает:

«– ...Только, кажется, это скорее парадокс, чем поучительный афоризм, который вы нам обещали.

– Счастливая мысль, – насмешливо подхватил феномен. – Это афоризм, но и парадокс вместе. Афоризм сам по себе, парадокс в устах феномена... Ха-ха! Это правда... Феномен тоже человек, и он менее всего создан для полета...

Он остановился, в глазах его мелькнуло что-то странное, – они как будто затуманились...

– И для счастья тоже... – прибавил он тише, как будто про

себя».

«Парадокс» – едва ли не самое сумрачное произведение Короленко. За год до публикации рассказа умерла в младенчестве его дочь Леля. В сентябре 1894 года Короленко прокомментировал «поучительный афоризм» в письме к сестре своей жены, П. С. Ивановской:

«...Смерть моей Лели так меня пришибла, что я никогда, в самые тяжелые минуты моей жизни, не чувствовал себя до такой степени изломанным, разбитым и ничтожным. (...) И потому эта, сама по себе простая и не пессимистическая мысль оказалась как-то произвольно с такими пессимистическими придатками, что в общем выводе рождает недоумение и вопрос».

Разумеется, в качестве темы для школьных сочинений сентенция «феномена» никаких недоумений и вопросов не вызывала. Трагическая по замыслу фраза стала лозунгом дежурного советского оптимизма.

Но почему Бунин (который знал польский язык и переводил Мицкевича) назвал эту сентенцию польской пословицей? Только ли потому, что у Короленко ее автором оказывается поляк?

Вероятно, отчасти поэтому, но еще и потому, что понастоящему оценить «поучительный афоризм» могла лишь польская аудитория «феномена», знакомая с изречением «Człowiek urodzony jest do pracy, jak ptak do latania» – «Человек рожден для труда, как птица для полета». Оно восхо-

дит к польскому переводу Библии, напечатанному в XVI веке: «Człowiek się rodzi na pracę, a ptak na latanie» – «Человек рожден для труда, а птица для полета» (Книга Иова, 5:7).

В латинском тексте Библии сказано: «...Homo ad laborem nascitur et avis ad volatum», что можно перевести двояко: «Человек рождается для страдания, а птица для полета», или же: «Человек рождается для (тяжкого) труда, а птица для полета». Однако в Книге Иова речь идет как раз о страдании; не случайно этому стиху предшествует стих: «Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда».

В синодальном переводе нет ни «птицы», ни «полета». Там сказано: «...Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». Гораздо ближе к латинскому тексту церковнославянский перевод: «...Человек раждается на труд, птенцы же суповы [т. е. коршуна] высоко парят». «Искры» и «птицы» – различные толкования многозначного древнееврейского оригинала.

Иов – едва ли не самый трагический персонаж Ветхого Завета; он наказан Богом жестоко и по видимости беспричинно. То же самое можно сказать о «феномене» из рассказа Короленко. В его сентенции, «переворачивающей» стих из Книги Иова, проглядывает трагическая ирония.

Различные смыслы этой сентенции удивительным образом обозначены в рассказе Виктории Токаревой «Самый счастливый день» (1980), хотя едва ли Токарева думала о связи сентенции с Книгой Иова:

А иногда мне становится все неинтересно, и я спрашиваю у мамы:

– А зачем люди живут?

Она говорит:

– Для страданий. Страдания – это норма.

А папа говорит:

– Это норма для дураков. Человек создан для счастья.

Мама говорит:

– Ты забыл добавить – как птица для полета. И еще можешь сказать – жалость унижает человека.

Напомню, что «Жалость унижает человека» – еще одна тема советских школьных сочинений, взятая из Горького.

Человек человеку волк

Многие, даже вовсе не знающие латыни, все же могут произнести: «Хомо хомини люпус эст» – «Человек человеку волк» («Homo homini lupus est»).

Впервые эта сентенция появилась в комедии Плавта «Ослы»:

Человек человеку не человек, а волк, когда не знает,
каков он.

В переводе А. Артюшкова:

Волк человеку человек, тем боле незнакомый.

В Средние века слово «homo» стало означать по-преимуществу мужчину, и возникла шуточная поговорка:

Homo homini lupus, femina feminae lupior, clericus
clerico lupissimus.

Мужчина мужчине волк, женщина женщине еще
волчистее, клирик клирику волчистее некуда.

Однако у римлян мы находим и противоположную мысль:

Homo homini deus est.

Человек человеку бог.

В качестве поговорочного это выражение зафиксировано у греческого грамматика Зенобия (I–II вв.). Это часть стиха из несохранившейся комедии Цецилия Стация «Примета»:

Человек для человека бог, коль ведает свой долг!
(Перевод М. Гаспарова)

Эразму Роттердамскому нередко приписывается изречение:

Homo homini aut deus aut lupus est.
Человек человеку либо бог, либо волк.

На самом деле оно приведено у Монтеня на смеси латыни с французским: «Homo homini, ou deus, ou lupus» («Опыты», кн. III (1588), гл. 5).

Эта сентенция восходит к высказываниям Аристотеля: «Тот, кто в силу своей природы (...) живет вне государства, (...) либо животное, либо божество». (Контаминация двух цитат из трактата «Политика», I, 1, 9; I, 1, 12, 1253a; перевод С. Жебелева.)

Вероятно, тогда же, в XVI веке, появилось изречение:

Homo homini Deus est, et homo homini daemon.
Человек человеку бог, и человек человеку демон.

А в XVII веке:

Homo homini lupus, homo homini deus.
Человек человеку волк, человек человеку бог.

(Джон Оуэн, «Эпиграммы», 1606)

Благодаря романам Виктора Гюго «Собор Парижской богоматери» (1831) и «Труженики моря» (1866) получило известность выражение:

Homo homini monstrum.

Человек человеку чудовище (Человек человеку зверь).

Такой была надпись над входом в главную башню «Дома Папона» во французском городке Ле-Крозе, сделанная в 1535 году его владельцем, знаменитым юристом Жаном Папоном.

Девизом Мадридского университета имени Карлоса III, основанного в 1989 году, стало изречение:

Homo homini sacra res.

Человек – предмет для другого человека священный.

Это изречение (с перестановкой слов) взято из «Писем к Луцилию» Сенеки (письмо 95).

В СССР выражение «Человек человеку волк» применялось к капиталистическому обществу, особенно после появления сталинской формулы «волчий закон капитализма» (речь «О задачах хозяйственников» 4 февраля 1931 г.).

20 февраля 1938 года, в разгар Большого террора, в «Правде» появилась статья Михаила Кольцова «Человек человеку друг». Здесь говорилось:

Человек человеку волк. Это звериный закон людских отношений при капитализме. Человек человеку друг. (...) Это логика социалистического общества.

В ночь с 12 на 13 декабря того же года Кольцов был арестован в редакции «Правды», а год с небольшим спустя расстре-

лян за участие в «антисоветской и троцкистской деятельности».

31 октября 1961 года XXII съезд КПСС принял новую программу партии, в которую был включен «Моральный кодекс строителей коммунизма». «Кодекс» состоял из 12 заповедей, то бишь пунктов. Пункт 6 гласил:

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.

Менее известна 11-я заповедь «Кодекса», ставившая пределы «уважению между людьми»:

Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

Экологи указывают, что формула «Человек человеку волк» несправедлива по отношению к волку. Волки живут стаями и превосходно кооперируют между собой. Жестокие драки случаются только в периоды течки – из-за одиноких волчиц между самцами.

Так что вернее будет сказать: «Волк волку человек» (цитирую рубрику «Мысли» краковского еженедельника «Пшекруй», 1968).

Черная кошка в темной комнате

О черной кошке в темной комнате практически все население СССР узнало от интеллигента Груздева, без вины арестованного в сериале «Место встречи изменить нельзя» (1979):

– Был такой китайский мудрец Конфуций, так вот он говорил: «Очень трудно искать в темной комнате черную кошку. Особенно если там ее нет».

Сразу отметим, что в романе братьев Вайнеров (1975) это изречение звучало иначе: «Очень трудно поймать в темной комнате кошку...» – просто кошку, не черную, хотя Шарапов с Жегловым охотились за бандой «Черная кошка».

В июне 1973 года, за два года до публикации «Места встречи...» (переименованного затем в «Эру милосердия»), «Огонек» напечатал отрывок из историко-революционного романа Сергея Сартакова «А ты гори, звезда...». В этом отрывке Ленин напоминает товарищу по партии «афоризм Конфуция»:

– Самое трудное – поймать кошку в темной комнате, особенно тогда, когда ее там нет.

Произнеся этот афоризм, «Ленин остановился, поглядывая на плещущее мелкими волнами [Женевское] озеро, на дальние цепи гор».

Эту мудрость Ильич – т. е., собственно, Сартаков, – по-

черпнул отнюдь не из трактата Конфуция «Лунь юй», а из мартовского номера «Иностранной литературы» за 1973 год. Здесь был напечатан роман французско-марокканского писателя Дрисса Шрайби «Осел» (1956). Роман открывался эпиграфом: «Самое трудное – это поймать кошку в темной комнате, особенно тогда, когда ее там нет», с подписью: «*Конфуций*».

Именно так и приведено это изречение у Сартакова и братьев Вайнеров – со словами *трудно, поймать* (вместо *найти* или *искать*) и упоминанием о Конфуции, но без упоминания о цвете кошки. (Во французском оригинале романа «Осел» кошка как раз черная, но переводчик решил, что сойдет и так.)

Между тем неуловимая черная кошка была замечена у нас гораздо раньше, причем без Конфуция. В № 5 журнала «Большевик» за 1947 год критиковался, среди прочих «буржуазных философов», профессор С. Э. М. Джоуд. «Представления этого философа о философии столь же оригинальны, сколь и невежественны, – указывал советский философ М. А. Дынник. – Так, он заявляет, что (...) философ нередко подобен “слепому человеку, ищущему в темной комнате черную кошку, которой там нет”».

И тут мы выходим на правильный путь, хотя об оригинальности мысли профессора Джоуда говорить не приходится: эта фраза известна в англоязычной печати с 1880-х годов. За сто с лишним лет она приписывалась самым разным

авторам – Р. У. Эмерсону, лорду Бальфуру, Г. Л. Менкену, Ч. Дарвину. Вместо *философа* часто фигурирует *метафизик*, а в последнее время – *математик*.

В книге американского эссеиста Клифтона Фейдимана «Я верю» (1939) приведен диалог богослова с философом:

«– Философ подобен слепцу, который ищет в темной комнате черную кошку, которой там нет.

– А теология эту кошку находит».

Позднее этот ответ был приписан психологу и философу Уильяму Джеймсу, автору книги «Многообразие религиозного опыта» (1902).

Поначалу фразу о слепце в темной комнате приписывали либо анонимному правоведу, либо британскому юристу Чарлзу Боуэну (1835–1894). При этом изречение бытовало в двух вариантах; во втором *кошку* (cat) заменяет – что бы вы думали? – *шляпа* (hat). В «Оксфордском словаре цитат» приписываемая Боуэну фраза выглядит так:

Когда я слышу о равенстве в таких случаях, как этот, я вспоминаю о слепце, который в темной комнате ищет черную шляпу, которой там нет.

Тут можно было бы заметить, что как раз слепцу все равно, темная комната или светлая, и какого цвета шляпа – или же кошка.

Оборот «черная кошка в черной комнате» появился еще раньше, только кошку предлагалось не ловить, а гладить с целью извлечения электричества. Сенатор штата Мичиган Л.

Д. Норрис, выступая перед студентами Мичиганского университета 2 февраля 1869 года, говорил о «такой большой искре, какую можно получить, поглаживая черную кошку в темной комнате».

Для получения искры кошка должна быть именно черной, поскольку «она излучает вдвое больше электричества, чем белая кошка», — указывалось в одном из американских журналов в 1888 году.

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку

Согласно греко-римской мифологии, Юпитер (Зевс) принял облик белого быка, чтобы похитить финикийскую принцессу Европу, ставшую его возлюбленной. Но «quod licet Jovi, non licet bovi» – «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку».

Почти все цитирующие уверены, что это древнее латинское изречение. Но далеко не всё, что сказано по-латыни, сказали латиняне. К примеру, «Divide et impera» («Разделяй и властвуй») или «De gustibus non est disputandum» («О вкусах не спорят») – не мудрость римлян, а творчество латинистов Нового времени.

О том, что пословица эта не римская, свидетельствует ее рифмованная форма: античность, вообще говоря, не знала рифмы. Это изречение возникло, вероятно, в Германии, причем довольно поздно. Например:

Quod licet Jovi, – говорит весьма неучтивая и, вероятно, изобретенная льстецами пословица, – non licet bovi.

(«Краткое изложение брошюры: О городской пивной монополии в Баварии» («Kurze Beleuchtung der Flugschrift...») 1801)

В качестве возможных источников этого изречения указывались цитаты:

Что Юпитеру, / То и царю дозволено.

(Quod Jovi, hoc regi licet)

(Сенека, трагедия «Геркулес в безумьи»; перевод С. Ошерова)

Если другим позволено, то тебе нет.

(Aliis si licet, tibi non licet)

(Теренций, комедия «Самоистязатель»)

Природа у каждого своя, так что жить по природе для коня – одно, для быка – другое, для человека – третье.

(Цицерон, «О пределах блага и зла», 5, 9; перевод Н.

А. Федорова)

В России изречение «Quod licet Jovi...» было известно с первых десятилетий XIX века. А. Д. Михельсон в качестве его русского эквивалента приводил пословицу «Знай сверчок свой шесток» («Объяснительный словарь иностранных слов», 1883), а М. И. Михельсон – «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней» («Русская мысль и речь», 1903–1904).

В 1981 году советский писатель Феликс Кривин писал:

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Но, с другой стороны, что дозволено быку, не дозволено Юпитеру.

(«Принцесса Грамматика, или Потомки древнего глагола»)

Едва ли Кривин подозревал, что здесь он изобретает велосипед. Изречение «Quod licet bovi, non licet Jovi» появи-

лось в русской печати на век с лишним раньше, едва ли не впервые – в романе Николая Лескова «На ножах» (1870):

– ...Я ведь только со стороны критики сущности христианства согласен с Фейербахом, а то я, разумеется, и его не знаю.

– Какая же критика при односторонности взгляда? Это в некоторых теперешних светских журналах ведется подобная критика, так ведь *quod licet bovi, non licet Jovi*, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру.

Возможно, формула «*Quod licet bovi...*» была русским изобретением; мне неизвестны примеры ее цитирования в иноязычной литературе XIX века. После Лескова она встречалась неоднократно, в т. ч. у Чехова (письмо к А. Н. Плещееву от 23 февраля 1888 г.).

Константин Леонтьев в книге «О романах гр. Л. Н. Толстого: Анализ, стиль и веяние» (1890) писал:

Но тут кстати будет вспомнить еще раз древнюю поговорку: «*quod licet Iovi, non licet bovi*»; да еще и наоборот: «*quod licet bovi, non licet Iovi*». То есть с одной стороны: «что сходит с рук Толстому, то у дарования среднего очень противно»; а с другой наоборот: «что прилично г-ну NN, того не встретить у Толстого было бы очень приятно!».

Изречение «*Quod licet Jovi...*» не слишком известно на Западе, не считая Германии. Зато оно широко известно в

Польше, причем в польском переводе рифма сохранена:

Co wolno Jowiszowi, nie wolno wołowi.

Макароническую русско-латинскую версию с рифмовкой предложил лингвист и писатель Михаил Блехман:

Quod licet bovi, non licet корове.

(роман «Римские цифры», 2011)

Чтоб ты жил в интересные времена!

«“Чтоб ты жил в интересные времена!” – именно эта фраза была одним из страшнейших пожеланий в Древнем Китае».

«Самое страшное пожелание злейшему врагу у китайцев: “Чтоб ты жил во время перемен!”»

Таких цитат можно привести множество; одна из них принадлежит Роберту Кеннеди:

– Есть старое китайское проклятие: «Чтоб ты жил в интересные времена!» Нравится нам это или нет, но мы живем в интересные времена. Это времена опасности и неопределенности, но также – времена, открывающие больший простор творческой энергии человека, чем когда-либо прежде в истории.

Эти слова были произнесены в Кейптауне 6 июня 1966 года, а два года спустя Кеннеди был убит.

«Китайский мудрец», который желал своим врагам жить «в интересную эпоху», упоминается в «Записных книжках» Альбера Камю 1948–1951 гг. Позже Камю указал несколько другой адрес: «Один восточный мудрец всегда просил в своих молитвах аллаха, чтобы тот милостиво избавил его от жизни в интересное время» (лекция в Упсальском универ-

ситете (Швеция) 14 декабря 1957 г.).

Греческий писатель Никос Казандзакис, автор знаменитого романа «Житие и деяние Алексиса Зорбаса», в своей интеллектуальной биографии «Отчет перед Эль Греко» (1961) писал: «У китайцев есть странное проклятие: “Проклинаю тебя: чтоб ты жил в поворотные времена!”»

Иногда еще добавляют, что один и тот же китайский иероглиф означает «интересный» и «опасный».

Насчет иероглифа сказать не могу, но первое достоверное упоминание об этом древнем проклятии появилось в 1939 году, в статье американца Фредерика Кудера, специалиста по международному праву. Кудер сообщил, что одно из своих писем 1936 года к Остину Чемберлену, британскому экс-министру иностранных дел, он закончил словами: «Мы жили в интересные времена». Сэр Остин ответил:

Много лет назад я узнал от одного из наших дипломатов в Китае, что одно из худших китайских проклятий врагу: «Чтоб ты жил в интересные времена!» И, конечно, никогда не было более тревожного времени, чем нынешнее.

Нередко приводится не одно, а три «страшных китайских проклятия»; два других:

Чтоб тебя заметило начальство!

Чтоб боги исполнили твои молитвы!

Однако специалисты по Китаю ничего подобного не нашли, и сами китайцы узнали об этих китайских проклятиях

от европейцев. Третье проклятие, в сущности, не что иное, как одна из версий афоризма Оскара Уайльда: «Когда боги желают нас покарать, они отвечают на наши молитвы» (комедия «Идеальный муж», 1895).

В ХХI веке появилась еще одна версия: все три проклятия взяты из романа англичанина Эрнеста Браммы «Бумажник Кай Люня» (1900) – первого из серии романов о Кай Люне, якобы переведенных с китайского. Их действие разворачивается в Китае во времена неопределенной, но древней династии. Многие наставления Кая Люня цитируются и поныне, например:

Если тебя ударило молнией, не стоит заглядывать в Книгу Перемен, чтобы узнать, к чему бы это.

Мало кто точно знает, что было вчера; что же сказать о прорицаниях на завтра?

Немного есть неприятностей в жизни, которые нельзя было бы быстро и благородно уладить при помощи самоубийства, мешка с золотом или толкнув врага к краю пропасти темной ночью.

Однако о жизни в интересные времена Кай Люнь не говорил ничего.

Зато нечто весьма похожее говорили в Америке и Европе начиная с XVIII века. Бенджамин Франклин в своем «Альманахе бедного Ричарда на 1740 год» писал: «Счастлив народ, благословен век, история которого незанимательна».

Английский историк Томас Карлейль приписывал Шарлю Монтескье изречение «Счастлив народ, история которого скучна!» («История Французской революции», 1837).

Часто цитируется мысль Джорджа Элиота (Мэри Энн Эванс) из романа «Мельница на Флоссе» (1860): «У счастливых женщин, как и у счастливых народов, нет истории».

Не остались в стороне и русские авторы. В 1931 году в парижских «Последних новостях» был напечатан афоризм Дон-Аминадо (Аминада Петровича Шполянского): «Нет ничего скучнее, чем жить в интересное время».

Эти слова стали эпиграфом к книге Константа Буркена «Конец света. Размышления о людях моего поколения», вышедшей по-французски в Женеве на втором году Второй мировой войны (1940).

Почти тогда же, в 1941 году, написаны знаменитые строки Николая Глазкова:

Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый – век необычайный:
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!

(«Фантастические годы», II, 4)

Эти заметки уместно закончить проклятием, более близким к нашему времени:

– Чтоб тебе всю жизнь жить при перестройке!

(Из сборника афоризмов Аркадия Давидовича «Конец

света закончится хорошо», 2000.)

Шампанское марки «Ich sterbe»

9 (22) июня 1904 года 42-летний Чехов приехал в Баден-вейлер, горный курорт на юго-западе Германии. Вместе с женой, Ольгой Леонардовной Книппер, он остановился в гостинице «Зоммер».

Писатель был болен туберкулезом в последней стадии. В первые недели ему стало лучше, но 27 и 28 июня последовали два сердечных припадков.

1 июля Чехов симпровизировал для жены забавную историю о богачах на модном курорте, заставив ее смеяться чуть ли не до слез. Вечером она взяла сборник его рассказов, делая вид, что читает, чтобы иметь повод бодрствовать у кровати больного. Очнувшись, он спросил: «Что читаешь?» А потом: «Дурочка, кто же возит книги мужа с собой?»

Подробности смерти известны по рассказам Книппер, сделанным в разное время. В письме к своей матери от 14 (27) июля 1904 года Книппер рассказывала, что 2-го, в первом часу ночи, Чехов начал томиться, заговаривался, снимал лед с сердца, говорил:

– На пустое сердце не надо льду.

(Имея, по-видимому, в виду, что кровь не поступает в сердце.)

Явившемуся врачу-немцу он сказал по-русски:

– Я умираю, – и лишь потом по-немецки: – Ich sterbe.

Согласно книге А. Измайлова «Чехов. Биография» (1916), где кончина писателя описана по рассказу Книппер, пришедшего врача Чехов спросил по-немецки:

– Смерть?

Тот отвечал отрицательно. На сердце больного положили лед, потом он глотнул шампанского и стал бредить:

– Матрос уехал?

– Какой матрос?

– Матрос – уехал он?

– Уехал.

Очевидно, это было связано с русско-японской войной, за ходом которой Чехов следил по газетам.

Однако обычно цитируется мемуарный очерк Книппер «Из моих воспоминаний о Художественном театре и об А. П. Чехове», появившийся лишь в 1922 году и во многом несходный с ее более ранними свидетельствами: «Пришел доктор, велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (...): “Ich sterbe...” Потом взял бокал, повернул ко мне лицо, улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал:

– Давно я не пил шампанского... – покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда...»

Британец Дональд Рейфилд в книге «Жизнь Антона Чехова» (1998) разъясняет, что, «согласно русскому и немецкому врачебному этикету, находясь у смертного одра коллеги и видя, что на спасение нет никакой надежды, врач дол-

жен поднести ему шампанского».

После издания книги Рейфилда в России эта версия стала у нас весьма популярной. Однако «врачебный этикет», о котором говорит Рейфилд, не более чем домысел биографа. Шампанское было обычным тонизирующим средством в тогдашней медицине; его давали, например, умирающему Оскару Уайльду в сочетании с морфием, а потом – умирающему Льву Толстому в сочетании с камфарой.

Еще до прихода врача Чехов ясно сознавал, что умирает. И более достоверными выглядят первые свидетельства Книппер: врач предложил пациенту шампанское не до, а после слов «Я умираю».

Предсмертная фраза Чехова получила продолжение у Ильи Ильфа.

В 1935–1936 годах Ильф и Петров пересекли Америку на автомобиле от Атлантики до Тихого океана и обратно. После этого у Ильфа открылся давний туберкулез. 3 апреля 1936 года он с друзьями зашел в московское кафе «Националь». Как вспоминает Георгий Мунблит, время было раннее, вечер только начинался. Ильф предложил заказать шампанского.

– Шампанское среди бела дня? – удивился кто-то, но он настаивал.

Дождавшись минуты тишины, Ильф поднял свой бокал и, разглядывая его на свет, негромко, но внятно произнес:

– Шампанское марки «Ich sterbe».

9 апреля у Ильфа открылось легочное кровотечение, а 13-

го он умер.

Александр Галич думал сразу о Чехове и об Ильфе, когда писал:

Шампанского марки «Ихь штэрбе»

Еще остается глоток.

(«Кошачьими лапами вербы...», 1971)

Штурмовать небо

В «Крылатых словах» Ашукиных (1955) читаем: «Выражение это в значении: вести героическую революционную борьбу, смело разрушая освященные веками установления, впервые употребил К. Маркс». И далее приводится цитата из письма Маркса о Парижской коммуне:

...Теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского Июньского восстания. Пусть сравнят с этими готовыми штурмовать небо парижанами холопов германско-прусской Священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

(Письмо члену I Интернационала Людвигу Кугельману от 12 апреля 1871 г.)

Прежде всего заметим, что перевод в «Собрании сочинений» Маркса и Энгельса неточен. Метафора Маркса сложнее. Он противопоставляет «Himmelsstürmern von Paris» — «штурмующих небо парижан» (а не «готовых штурмовать») «небесным холопам (Himmelsklaven) немецко-прусской Священной римской империи».

К тому времени выражения «штурмующие небо» и «штурмовать небо» (den Himmel stürmen) были известны в Германии не менее двух веков. Первоначально имелись в виду титаны, пытавшиеся, согласно греческой мифологии, овладеть Олимпом – обиталищем богов; кончилось это тем, что бог Кронос сбросил их в Тартар.

Оборот «штурмовать небо» восходит к Гомеру, у которого юные великаны От и Эфиальт, сыновья Посейдона, грозятся «приступом небо взять» («Одиссея», XI; перевод В. Жуковского).

Затем эти обороты обрели переносный смысл; в современных немецко-русских словарях «Himmelsstürmer» переводится как «идеалист».

Генрих Гейне, отталкиваясь от выражения «штурмовать небо», создает грандиозную метафору:

Иммануил Кант (...) штурмовал небо, он перебил весь гарнизон, сам верховный владыка небес, не будучи доказан, плавает в своей крови; нет больше ни всеобъемлющего милосердия, ни отеческой любви, ни потустороннего воздаяния за посюстороннюю помощь, бессмертие души лежит при последнем издыхании – тут стоны, там храпение – и старый Лампе [слуга Канта. – К.Д.] в качестве удрученного зрителя стоит рядом, с зонтом под мышкой, и холодный пот и слезы струятся по его лицу. Тогда Иммануил Кант разжалобился и показал, что он не только великий философ, но и добрый человек; и он задумывается и полудобродушно-

полуиронически говорит: «Старому Лампе нужен Бог, иначе бедняк не будет счастливым, – а человек должен быть счастлив на земле – так говорит практический разум, – так уж и быть – ну, пусть практический разум дает поруку в бытии Божьем».

(«К истории религии и философии в Германии», кн. 3 (1834); перевод А. Горнфельда)

В публицистике эпохи революции 1848 года и более поздней «штурмующими небо» называли революционеров. В одном из сатирических стихотворений 1849 года «Himmelsstürmern» упомянуты вместе с «демагогами, якобинцами» и «молодыми гегельянцами».

К нам оборот «штурмовать небо» попал из немецкого языка. Во французском иначе: «prendre le ciel d'assaut» – «брать небо приступом», причем это выражение не было широко распространенным.

Во время Крымской войны, 5 декабря 1854 года, командующий русскими войсками князь Михаил Горчаков писал адмиралу А. С. Меншикову:

...В последний раз вы мне писали, что генерал Липранди всегда и всюду на своем пути видит затруднения. Правда, он совсем не русский человек. Но что такое наши генералы: призовите одного из них и решительно прикажите ему штурмовать небо; он ответит «слушаю», передаст этот приказ своим подчиненным, сам уляжется в постель, а войска не овладеют и кротовой норкой.

После поражения Первой русской революции Ленин говорил:

О, как насмехались бы тогда [в 1871 г.] над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906–1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом*, *экономистом*, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать *небо*!

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

(Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману, 1907)

Благодаря Ленину в Советской России этот оборот получил значение лозунга. V съезд комсомола (11–17 октября 1922 г.) направил «Привет Ильичу», заканчивавшийся словами:

Комсомольская Россия будет всегда готова по Вашему призыву «штурмовать небо»!

Варлам Шаламов вспоминал о 1920-х годах:

«Таких, как я, опоздавших к штурму неба, в Москве было немало. (...)

В вузы поступали тогда не потому, что искали образование, специальность, профессию, но потому, что именно в вузах штурмующие небо могли найти самую ближнюю, самую подходящую площадку для прыжка в космос. Штурмовали

небо именно в вузах, [там] была сосредоточена лучшая часть общества. (...) Именно здесь (...) велись споры о будущем, намечались какие-то еще не уверенные, но явно реальные планы мировой революции». (Мемуарный набросок «Штурм неба».)

Позднее этот оборот стал применяться к летчикам, а в 1960-е – к космонавтам.

Это есть наш последний...

Художник-декоратор Эжен Потье был анархистом, поклонником Прудона и участником Парижской коммуны. В последние дни Коммуны он сражался на баррикадах, потом, спасаясь от смертной казни, бежал в Америку. В 1880 году объявили амнистию. Потье, наполовину парализованный, вернулся на родину, а семь лет спустя, уже на краю могилы, опубликовал сборник «Революционные песни». Одной из этих песен был «Интернационал». Считается, что написан он в июне 1871 года, когда Потье скрывался в подполье, хотя текст, опубликованный в 1887 году, сильно отличался от первоначального.

«Интернационал» написан на мелодию «Марсельезы». Так он первоначально и пелся (желающие могут проверить: пролетарский гимн точно ложится на мотив национального гимна Франции).

Летом 1888 года мэр города Лилль, социалист Гюстав Делори, предложил Пьеру Дегейтеру, руководителю хорового кружка «Рабочая лира», написать для песни Потье новую музыку. 23 июля, на празднике газетчиков в Лилле, хор «Рабочей лиры» впервые исполнил «Интернационал» на известную нам мелодию.

Песня была принята всеми левыми, от анархо-коммунистов до социал-демократов. Она стала гимном II Интернаци-

онала, а затем – Советской России, Впрочем, официально не утвержденным вплоть до 1944 года, когда на смену международному гимну пришел державно-патриотический «Союз нерушимый...».

В тексте Потье шесть строф, но во всем мире поются обычно лишь две первые и последняя. За пятую строфу во Франции некогда сажали в тюрьму:

А если эти каннибалы

Попытаются сделать из нас героев [т. е. пошлют на войну],

Они скоро увидят, как наши пули

Найдут наших же генералов!

В Стране Советов была немыслима такая хула на предписанный сверху героизм. Советские люди пели совершенно другое:

Когда страна быть прикажет героем,

У нас героем становится любой!

Русский перевод «Интернационала» появился в 1902 году в закордонном социал-демократическом журнале «Жизнь». С 1925 года автором перевода считается большевик Аркадий Коц, хотя документальных свидетельств этому нет.

Хорошо знакомая нам строка «Весь мир насилья мы разрушим» появилась позже, в 1906 году, вместо первоначаль-

ной «Весь мир насилья мы *разроем*». Новый вариант звучал естественнее, но рифма «разроем – построим» пропала. У самого же Потье нет ни слова «разрушим», ни слова «разроем», ни «мира насилья». У него сказано: «Из прошлого сделаем чистый лист».

Первая строка припева первоначально пелась: «Это *будет* последний и решительный бой». При известии о взятии Зимнего в октябре 1917-го, если верить Маяковскому,

Впервые
вместо:
– и это будет... —
пели:
– и это есть
наш последний...

(«Хорошо!», 1927)

Но, по-видимому, эта замена случилась не раньше 1918 года. Сам Маяковский в 1919 году цитировал:

«И это будет
последний
и решительный бой!»

(Поэма «150 000 000»)

В печати «исправленный» текст появился как раз в 1919 году, когда царство коммунизма, казалось, уже маячит на горизонте.

Два года спустя наступило некоторое отрезвление, и Ленин скептически отозвался о замене «будет» на «есть»: «Все мы поем, что ведем сейчас наш последний и решительный бой (...). Не последний, конечно, это немного лишнего сказано»; «К сожалению, это есть маленькая неправда, – к сожалению, “это не есть наш последний и решительный бой”» (речи 27 марта и 17 октября 1921 г.).

Критика вождя не была услышана; припев и поныне начинается со слов «Это есть...».

А в оригинале? В оригинале как раз настоящее время: «C'est la lutte finale» – «Это последняя схватка». Будущего времени нет ни в английском, ни в немецком переводах. Полагаю, что первоначальная формула «Это будет...» появилась не из каких-либо идейных соображений, а просто во избежание оборота «Это есть...», не слишком натурального для русского уха.

Спор между «будет» и «есть» в песенном символе веры коммунизма имеет любопытную параллель в споре о православном Символе веры. О царстве Христа здесь сказано: «Его же Царствию *не будет* конца». Эта форма издавна принята на Западе, но у нас она появилась лишь при патриархе Никоне, в 1667 году. Ранее было: «Его же Царствию *несть* конца».

Старообрядцы «латинскую» форму отвергли. Для них она означала, что Христос не царствует вечно и его царствие отодвигается в какое-то светлое будущее:

А Никон блядет [лжет]: не царствует Христос совершенно, но по судном дни воцарится, и тогда царству его не будет конца. – (...) Мы же не пресекаем Христово царства, но обладает бо Христос и владеет всеми верными и неверными, еллинами, и иудеями, и самыми бесами. Не пресекает бо ся его царство, его же царствию несть конца.

(«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», 1673)

Греческий оригинал Символа веры допускает оба прочтения, поэтому архиепископ Платон, не погрешая против истины, мог написать:

В сих словах есть совершенное согласие. Ибо Христову царствию поистинне и несть конца, и не будет конца: несть конца, ибо он всегда царствует со Отцем и Духом. И не будет конца: ибо когда он придет судити живым и мертвым, тогда избранных своих примет в свое Небесное Царство: и сему блаженному царствованию никакова окончания никогда не будет.

(«Увещение к раскольникам», 1766)

На Всероссийском съезде транспортных рабочих, открывшемся в Москве 22 марта 1921 года, был вывешен плакат:

**ЦАРСТВУ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН НЕ БУДЕТ
КОНЦА**

27 марта на съезде выступил Ленин. Заметив плакат, он его не одобрил: «Ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет соци-

ализма, ибо социализм означает уничтожение классов».

Я готов целовать песок...

Один из выпусков телевизионной «Утренней почты» начала 1980-х годов снимали в Алуште. Среди выступавших был Володя Маркин, культорг оздоровительно-спортивного лагеря МЭИ. И спел он такую песню:

Мне бы жизнь свою, как кинолентку,
Прокрутить на десять лет назад,
Чтобы стала ты простой девчонкой,
Чистой-чистой, как весенний сад.
Вижу тень наискосок,
Рыжий берег с полоской ила.
Я готов целовать песок,
По которому ты ходила.
Снова тень наискосок... (и т. д.).
А когда весенними ночами,
Часто думая, что я влюблен,
Я твоими черными очами
Был тогда, как птица, окрылен.

Припев

Мне бы стать бы синей-синей птицей,
Петь не хуже, чем все соловьи.
Не целуйся, слышишь – не целуйся,
Не целуйся, слышишь, – без любви.

Припев

С этого дня и Маркин, и песня стали известны от Москвы до самых до окраин. Кто же ее написал?

В реестре Российского авторского общества автором слов значится Марина Могилевская (настоящее имя: Марта Могилевская), которая с 1982 года работала в редакции музыкальных программ Гостелерадио, а потом стала музыкальным продюсером. В качестве авторов музыки указаны Владимир Маркин и Эльбрус Черкезов, музыкант-аранжировщик.

Однако песня появилась раньше. Ее первоначальный текст можно найти в сборниках «самодеятельных» песен:

Мне бы жизнь твою, как кинолентку
Прокрутить лет на восемь назад.
Чтоб была ты стройною девчонкой,
Чистой-чистой, как весенний сад.
Режут тени наискосок
Рыжий берег в полосках ила,
Я готов целовать песок,
По которому ты ходила.
Чтобы ливня хлещущие струи
Навсегда, навеки, до конца
Смыли все чужие поцелуи
С твоего любимого лица.

Припев

Мне бы только птицей обернуться,
Пел бы звонче, чем все соловьи.
Не целуйся, слышишь, не целуйся,
Не целуйся, слышишь, без любви.

Припев

Этот текст – кроме припева! – есть не что иное, как слегка подправленное стихотворение Игоря Кобзева, опубликованное в его сборнике «Московский май» в 1960 году, за два года до рождения Марины Могилевской.

Однако крылатыми стали именно строки припева. Припев неведомые авторы песни заимствовали у другого поэта – Владимира Павлинова. Его стихотворение «Память» было опубликовано в № 1 «Молодой гвардии» за 1965 год, а три года спустя, под названием «Волны», – в единственном сборнике стихов Павлинова «Лицо». Здесь речь шла не только о поцелуях:

Ты так нежно и так несмело
В час, когда засыпал залив,
Отдала мне все, что имела,
Ничего взамен не спросив!..
Режут тени наискосок
Рыжий берег в полосках ила.
Я готов целовать песок,

По которому ты ходила.
Старый пруд затянула ряска,
Укатилась волна, звеня,
Но твоя голубиная ласка
До сих пор убивает меня.
Я брожу по песку годов,
Болью полный, любовью полный,
Но не вижу твоих следов:
Их, наверное, смыли волны.

Владимир Павлинов родился в Москве в 1933 году, окончил Московский нефтяной институт, работал на Алтае в геологоразведочной партии, затем буровым мастером в Средней Азии. Умер он рано, в 1985 году. На его стихи написано несколько «бардовских» песен – «Холода», «Горький мед» и другие.

Выходит, что авторами текста песни Маркина следует считать по меньшей мере троих: Кобзева, Павлинова и, возможно, Могилевскую (если вторая строфа действительно принадлежит ей, а не взята из неизвестного нам «самодеятельного» варианта).

Добавим еще, что у лирического героя стихотворения Павлинова был французский предшественник. Князь Петр Вяземский в «Старой записной книжке» рассказывает о впечатлении, которое произвела у нас романтическая трагедия Виктора Гюго «Эрнани», поставленная с грандиозным скандалом в Париже в 1830 году: «Стихи из нового произведения

поэта переходили из уст в уста и делались поговорками». И приводит пример: «Oh! je voudrais savoir (...), Ou vous avez marche, pour baiser le pave» («Я бы хотел знать, где ты ходила, чтобы целовать эту землю»).

В переводе Вс. Рождественского дерзость оригинала, столь поразившая современников Вяземского, существенно сглажена:

О, как бы я хотел, когда бы только мог,
Коснуться, ангел мой, хоть следа милых ног!

Владимир Павлинов едва ли читал Гюго по-французски; стало быть, целование песка придумал сам.

Я могу прожить без необходимого, но без лишнего не могу

17 июня 1963 года в Центральном доме литераторов отмечалось 60-летие Михаила Светлова. Собравшимся на вечер коллегам Светлов сказал:

– Я могу вам точно объяснить, почему вы меня любите. Я вам сейчас скажу, я думал над этим. У меня есть одно волшебное качество: я могу прожить без необходимого, но без лишнего я прожить не могу.

Это высказывание есть также в записной книжке Светлова: «Я легко могу прожить без необходимого, без лишнего я прожить не могу» (опубл. в 1973 г.).

Как вспоминает писатель Руслан Киреев, младший современник Светлова, его фраза «мгновенно стала знаменитой» («Пятьдесят лет в раю», 2008).

Однако, как и во многих других случаях, новое изречение на поверку оказывается хорошо забытым старым. Его прообразом можно считать стих из сатиры Вольтера «Светский человек», 1736):

Le superflu, chose très nécessaire.

Излишек, вещь крайне необходимая.

Еще ближе к светловской фразе признание Теофиля Готье:

Я принадлежу к тем, кому необходимо излишнее.
(Предисловие к роману «Мадемуазель де Мопен» (1836); пер.
Е. Баевской)

А в книге Фрэнка Харриса «Оскар Уайльд, его жизнь и признания» (1916) приведена устная фраза Уайльда, почти неотличимая от светловской:

– Дайте мне излишества, и я обойдусь без необходимого.
(«Give me the luxuries and I can do without the necessities».)

Уайльд не раз говорил о необходимости бесполезного:

В наш век необходимы только бесполезные вещи.
(«Портрет Дориана Грея», 1892.)

Там, где необходимое дешевле излишнего, общество деградирует. Хлеб всегда должен быть дороже цветов.
(Из черновых рукописей.)

Я никогда не сеял овес; но я посадил несколько орхидей. (Из черновых рукописей.)

Но парадокс, процитированный в воспоминаниях Харриса, лишь отчасти может считаться уайльдовским. Это не более чем вариант хорошо известного к тому времени афоризма, принадлежавшего американскому историку и дипломату Джону Лотропу Мотли (1814–1877). Впервые он был процитирован в книге Оливера Уэнделла Холмса-старшего «Самодержец за обеденным столом» (1858):

Таков знаменитый эпикурейский парадокс, высказанный моим другом, историком, в один из

моментов его озарения: «Дайте нам излишества жизни, и мы обойдемся без того, что необходимо для нее».

(«Give us the luxuries of life, and we will dispense with its necessities».)

В России «светловское» изречение было известно, вероятно, еще до войны. В 1954 году в печати появились наброски Петра Павленко (1899–1951) к ненаписанному военному роману. Наброски относятся к 1943–1944 гг. Здесь записана фраза:

– Дайте нам лишнего, и мы обойдемся без необходимого.

Павленковские записи читали немногие. Зато очень многие прочли вышедшую в том же 1954 году «Повесть о первой любви» Николая Атарова, и в том числе следующие строки:

Мама была легка и беспечна, равнодушна к практическим приобретениям, она говорила: «Можно прожить без необходимого, но без лишнего – нельзя».

Однако публика склонна приписывать яркие фразы знаменитостям, и прежде всего – знаменитостям с репутацией остроумцев.

Я научила женщин говорить...

14 сентября 1957 года Анна Ахматова прочитала Лидии Чуковской свои новые стихи, в том числе четверостишие под названием «Эпиграмма»:

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

(Биче – сокращение имени Беатриче.)

Появление «Эпиграммы» было, по-видимому, связано с ролью «старейшины» советских поэтесс, в которой Ахматова оказалась в середине 1950-х годов. Официальные обвинения 1946 года с нее так и не были сняты и пока еще публиковались лишь ее переводы, однако с началом «оттепели» общаться с ней уже не было чем-то опасным и предосудительным.

В декабре 1954 года прошел Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Ахматова рассказывала:

– Ко мне подходили поэтессы всех народов. А я чувствовала себя этакой пиковой дамой – сейчас которая-нибудь из них потребует: «три карты, три карты, три карты».

(Лидия Чуковская, «Записки об Анне Ахматовой», запись 14 января 1955 г.)

29 октября 1960 года «Эпиграмма» появилась в «Литературной газете» вместе с тремя другими стихотворениями Ахматовой. Литературовед Лазарь Ильич Лазарев, работавший тогда в «Литгазете», вспоминает:

«Это была, по-моему, первая после военных лет газетная публикация стихов Ахматовой. Одно из них – знаменитая “Эпиграмма”: Но, боже, как их замолчать заставить! Две последние строки тут же стали поговоркой». («Записки пожилого человека», 1993.)

За этими двумя строками стоит многовековая литературная традиция.

В последние десятилетия XV века во Франции появились анонимные фарсы об адвокате Патлене. Франсуа Рабле в молодости участвовал в любительских постановках этих фарсов; именно отсюда он позаимствовал фразу «Вернемся к нашим баранам».

В 34 главе III книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1546) Рабле пересказывает эпизод из фарса, в котором участвовал сам:

Любящему супругу хотелось, чтобы жена заговорила. Она и точно заговорила благодаря искусству лекаря и хирурга, которые подрезали ей подъязычную связку. Но, едва обретя дар речи, она принялась болтать без умолку, так что муж опять

побежал к лекарю просить средства, которое заставило бы ее замолчать. Лекарь ему сказал, что в его распоряжении имеется немало средств, которые могут заставить женщину заговорить, и нет ни одного, которое заставило бы ее замолчать; единственное, дескать, средство от непрерывной женской болтовни – это глухота мужа.

(Перевод Н. Любимова)

В 1584 году Гийом де Буше издал эссеистический сборник «Вечера» (1584) на нормандском диалекте. Здесь мы читаем:

Есть тысяча способов разговорить женщин, и ни одного способа заставить их замолчать.

В 1597 году французский посол в Лондоне Андре де Мессе в беседе с королевой Елизаветой I выразил восхищение ее познаниями в иностранных языках. Королева ответила:

– Нетрудно научить женщину говорить, гораздо труднее научить ее держать язык за зубами.

Этот ответ, записанный де Мюссе и опубликованный в книге Ф. К. Чемберлена «The private character of Queen Elizabeth» (1922), не слишком известен.

Зато прекрасно известна комедия Мольера, где повторена фарсовая ситуация из романа Рабле:

ЖЕРОНТ. Господи, какое словоизвержение! И никак его не остановишь. *(Сганарелю.)* Сударь, умоляю вас, сделайте ее опять немой!

СГАНАРЕЛЬ. Увы, это невозможно. Я могу разве что из особого уважения сделать вас глухим.

(«Лекарь поневоле» (1666), III, 6; перевод Н. Ман)

Третью строку «Эпиграммы» можно понимать двояко: «Я научила женщин писать стихи» либо «Я научила женщин выражать свои чувства». В контексте четверостишия явно подразумевается первое значение.

А вот Арсений Тарковский, похоже, имел в виду оба значения, когда, процитировав строку «Я научила женщин говорить...», заметил:

«Место было пусто с тех пор, как перестала существовать Сапфо». («Заметки к пятидесятилетию “Четок” Анны Ахматовой», 1964; опубл. в 1992 г.)

Эта оценка характерна для 1960-х годов. Ныне она кажется вовсе не очевидной; достаточно вспомнить об Эмили Дикинсон (1830–1886) – самом читаемом в нашем веке американском поэте.

Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли

Эта фраза обычно приписывается Шарлю Морису де Талейрану (1754–1838), само имя которого стало почти что синонимом слова «дипломат». Талейран возглавлял Министерство иностранных дел Франции при Директории, Наполеоне (1797–1807) и при Бурбонах (1814–1815), а при «короле-гражданине» Луи-Филиппе занимал должность посла в Лондоне (1830–1834).

Генрих Гейне приписывал эту фразу министру полиции Жозефу Фуше, добавив, что дураки «говорят много слов, дабы скрыть, что у них вовсе нет мыслей». («Идеи. Книга Le Grand» (1826), XV; перевод Н. Касаткиной.)

В «Мемуарах» экс-якобинца Бертрана Барера, опубликованных посмертно (1842), рассказан такой эпизод: в конце февраля 1808 года испанский посол Эухенио Искьердо напомнил Талейрану, что Наполеон обещал испанскому королю Карлу IV не требовать его отречения от престола. Талейран будто бы ответил:

– Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли. (La parole a été donnée a l'homme pour déguiser sa pensée.)

Это «перевернутая» цитата из Мольера: «Язык дан человеку, чтобы выражать свои мысли» («Брак поневоле» (1664),

сцена 6). Вскоре Карл IV был фактически арестован французами и подписал отречение. В историю, рассказанную Барером, трудно поверить – хотя бы потому, что Талейран выставлен здесь весьма неискусным дипломатом.

Автором фразы называли также журналиста Шарля Жана Ареля (Harel), который в 1814–1815 гг. сотрудничал в сатирическом журнале «Желтый карлик» («Le Nain jaune»). 8 дней спустя после смерти Ареля, 24 августа 1846 года, в парижской газете «Siècle» появилась статья Шарля де Фьенна. Фьенн, со слов Ареля, утверждал, что знаменитое изречение впервые появилось в «Желтом карлике» и принадлежит Арелю.

Эта версия принята в «Моих воспоминаниях» Дюма-отца (1852–1865), а также в авторитетном справочнике Эдуара Фернье «Остроумие в истории» («L'Esprit dans l'Histoire», 1867). Журнал «Le Nain jaune» доступен в Сети, однако «талейрановского» изречения в нем, по-видимому, не было.

Своему внебрачному сыну, графу Шарлю Жозефу де Флао, Талейран писал: «Во время всех смут политики желают одного, а народу говорят совсем другое». (E. de Waresquiel, «Talleyrand, le prince immobile», 2003; цитирую по книге: Дельфина де Жирарден, «Парижские письма» (2009); перевод В. Мильчиной.)

Уже Плутарх заметил, что «софисты (...) пользуются словами, чтобы скрыть свои мысли» («Об умении слушать», 7).

Роберт Саут, священник при английском дворе, в пропо-

веди, прочитанной в Вестминстерском аббатстве 30 апреля 1676 года, говорил:

– Речь дана простым людям на то, чтобы излагать свои мысли, а мудрым – чтобы скрывать их.

В сатире английского поэта Эдуарда Юнга «Любовь к славе» (1725) имеется строка:

...И говорят, чтоб мысли утаить.

Наконец, Вольтер писал:

Люди пользуются умом лишь для того, чтобы оправдать свои несправедливости, и языком лишь для того, чтобы скрывать свои мысли.

(«Каплун и пулярка» («Диалоги», XIV), 1763)

Это и есть ближайший источник фразы, приписанной Талейрану.

В книге Сэмюэла Бента «Краткие изречения великих людей» (Бостон, 1882) после «талейрановской» фразы помещено анонимное изречение:

Подпись дана человеку, чтобы скрыть свое имя.